Е.Д.ПОЛИВАНОВ

Избранные работы

Главная редакция
восточной литературы

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт востоковедения

ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
Комиссия по истории филологических наук

АРХИВ АКАДЕМИИ НАУК СССР

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ
ПАМЯТНИКОВ НАРОДНОЙ ПИСЬМЕННОСТИ В ПРАГЕ

"НАУКА"

Е.Д.ПОЛИВАНОВ

Труды по восточному и общему языкознанию

Составление, послесловие,
комментарии и указатели
Л.Р.Концевича

Москва
1991

ББК 81
П50

Поливанов Е.Д.

П50 Избранные труды по восточному и общему языкознанию. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. — 623 с.
ISBN 5-02-017118-2

В 1991 г. в научном мире отмечается столетие со дня рождения выдающегося русского лингвиста XX в. Е.Д.Поливанова (1891—1938), одного из генераторов многих идей современного языкознания.

Настоящий том "Избранных работ" включает переиздание "Введения в языкознание для востоковедных вузов" (Т.I, 1928) и "Лекций по введению в языкознание и общей фонетике" (1923, в извлечениях), а также архивные публикации — "Толковый терминологический словарь по лингвистике" (1935—1937), материалы "поливановской" дискуссии по проблемам "нового учения о языке" Н.Я.Марра в 1929 г. и фрагмент неопубликованной статьи 1929 г. Издание сопровождается обширными комментариями и указателями.

П $\frac{4602000000-091}{013(02)-91}$ 99-91 ББК 81

ISBN 5-02-017118-2

ОТ РЕДАКЦИИ

В связи с исполняющимся в 1991 г. столетием со дня рождения выдающегося советского лингвиста и востоковеда Евгения Дмитриевича Поливанова (28.II/12.III.1891—25.I.1938) Институт востоковедения Академии наук СССР возобновляет публикацию его избранных трудов. Первое посмертное издание сборника его работ под названием "Статьи по общему языкознанию" (далее — СОЯ) было предпринято в 1968 г. Редколлегия сборника (А.А.Реформатский, председатель, Ф.Д.Ашнин, В.П.Григорьев, Вяч. Вс. Иванов и А.А.Леонтьев) и его составитель — А.А.Леонтьев проделали большую работу по разысканию, отбору и комментированию трудов Е.Д.Поливанова. Сборник получил высокую оценку научной общественности. Он вышел также в переводе на английский язык в 1974 г. Был подготовлен в общих чертах и "второй" том избранных трудов ученого, но его издание не удалось осуществить в те годы (лишь некоторые статьи Е.Д.Поливанова, вошедшие в него, увидели свет в разных сборниках).

В 1982—1987 гг. Институтом востоковедения АН СССР был предложен новый проспект издания избранных работ Е.Д.Поливанова в виде трех отдельных томов (автор проспекта — Л.Р.Концевич). Этот проспект одобрен обновленной в 1988 г. редколлегией. Продолжая издание 1968 г., он включает работы ученого не только по теоретической лингвистике, но и преимущественно по восточному языкознанию. Проспектом предусматривается как воспроизведение работ Е.Д.Поливанова, изданных при его жизни мизерным тиражом и в ныне труднодоступных журналах, так и публикация рукописного наследия ученого, бóльшая часть которого, к сожалению, утрачена была в пору лихолетья. В проспекте предлагается выпуск трудов Е.Д.Поливанова по восточному языкознанию в виде трех самостоятельных томов:

1) "Избранные труды по восточному и общему языкознанию", куда входят "Введение в языкознание для востоковедных вузов" (т.I, 1928) с добавлениями из более ранних работ ученого — "Конспекта лекций по введению в языкознание и общей фонетике" (1916) и "Лекций по введению в языкознание и общей фонетике" (1923), а также архивные материалы — "Толковый терминологический словарь по лингвистике" (1935—1937), стенограмма доклада "Проблема марксистского языкознания и яфетическая теория" и других выступлений Е.Д.Поливанова на лингвистической дискуссии в Коммунистической академии (1929); и, наконец, фрагмент неопубликованной статьи ("Программно-методологический экскурс") Е.Д.Поливанова по проблемам, затронутым в его докладе;

2) "Труды по языкам Дальнего Востока" в двух полутомах: первый охватывает работы Е.Д.Поливанова по японскому, айнскому и корейскому языкам, второй — по китайскому и дунганскому языкам;

3) "Труды по тюркологии".

Именно такого издания заслуживает классик отечественного и мирового языкознания, каким является Е.Д.Поливанов.

Настоящий том включает в себя важнейшую часть общелингвистического наследия ученого, не вошедшую в сборник 1968 г. и созданную на богатейшем материале прежде всего восточных языков.

Все отзывы и замечания просим присылать по адресу: 103051, Москва, К-51, Цветной бульвар, 21. Редакция языкознания Главной редакции восточной литературы издательства "Наука".

Л.Р.Концевич

Е.Д.ПОЛИВАНОВ
1935 г.

УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ ПО ОБЩЕМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ И ФОНЕТИКЕ, ИЗДАННЫЕ В 1916 – 1928 гг.

ЦИК СССР
ЛЕНИНГРАДСКИЙ ВОСТОЧНЫЙ ИНСТИТУТ
ИМЕНИ А. С. ЕНУКИДЗЕ

31

Е. Д. Поливанов

ВВЕДЕНИЕ В ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ДЛЯ ВОСТОКОВЕДНЫХ ВУЗОВ

ЛЕНИНГРАД 1928
Издание Ленинградского Восточного Института имени А. С. Енукидзе

ПРЕДИСЛОВИЕ

Условия, в которых находится автор, составляющий обще-лингвистический курс *для восточников,* существенно отличаются от положения авторов обычных «Введений в языкознание», которые почти исключительно имеют дело с индо-европейскими языками, расчитывая на читателя, изучающего, в качестве специальности, или русский, или один из трех главных европейских языков. Составителю же обще-лингвистического труда, основанного на материалах восточных языков, приходится в данной области быть пионером: ибо, кроме пережившей свою эпоху * книги Gabelentz'a «Sprachwissenschaft», я, по крайней мере, не знаю какого-либо другого подобного обще-лингвистического труда. Затем — в пособиях данного рода должно найти место и все то, что предлагается в общих курсах «западникам», так как вряд-ли мыслимо лингвистическое образование без элементарного ознакомления с индо-европейской сравнительной грамматикой, без дифференциального описания трех западно-европейских систем (немецкой, французской, английской), и без обучения методам лингвистического анализа на родном, — т. е. в данном случае русском — языке. Материал восточных (главным образом неиндоевропейских) языков, в доминирующем большинстве случаев, еще не проработан монографически и, следовательно, вводить его в обще-лингвистический курс — это значит превращать, в то же время, данный курс в совокупность исследовательского характера экскурсов по различным языкам. К тому же, данная книга выходит в момент наиболее резко выраженного перелома направлений в работе русских лингвистов, в период искания

новых путей нашей наукой под знаком «социологического языкознания», а потому я, хотя и не имея надобности останавливаться на критическом разборе еще не выкристализовавшихся учений и тем более на теориях, чуждых диалектическому развитию истории лингвистики (уже потому просто, что они лишены в ней отправного пункта социальной значимости), должен все же изложить методологию социологической лингвистики, как дисциплины ближайшего будущего — в советской и международной науке. Задача эта, несмотря на свою кажущуюся утопичность, для представителя русской науки оказывается более выполнимой, нежели для лингвиста Запада—ибо именно у русских лингвистов предшествующего периода — у бодуэновской школы прежде всего — проработка теоретических и методологических вопросов лингвистики ушла настолько вперед, что на Западе только за последнее десятилетие намечаются и ставятся на разрешение вопросы, уже давно получившие здесь почти исчерпывающий ответ. Таким образом, включение темы «социологическая лингвистика», оказывается возможным, — а следовательно, и обязательным для настоящего курса «Лекций», поскольку он имеет ввиду удовлетворить запросы современности, выявляющиеся в нашей науке именно в форме интереса к социологическим факторам языковых явлений. * **

Вышеуказанным уже предопределен смешанный, неоднородный характер книги: наряду с элементарным пособием по общему языкознанию в нее должен будет войти ряд сведений по отдельным описательным и компаративно-историческим проблемам разных языковых групп Ближнего и Дальнего Востока — и, наконец, ряд положений из теории эволюции языка и прочих главнейших проблем «социологической лингвистики» (напр. учет причинных связей между языком и фактами экономического быта, методология описания языка в социально-групповом разрезе, социологическая диалектология и т. д.). Нельзя, разумеется, оставлять в стороне и вопросов «прикладной лингвистики».

Соответственно этому, рукопись моих «Лекций» распадается на следующие части:

Лингвистическая пропедевтика (вводные понятия).

Общая фонетика (с иллюстративным материалом преимущественно из восточных языков).

Иллюстративный материал по фонетике в виде описаний звукового состава русского и трех западно-европейских языков.

Иллюстративный материал по фонетике из восточных языков — в виде характеристики звуковых систем отдельных языков и диалектов: японского, китайского, турецких (азербайджанского, узбекского, казакского, татарского), калмыцкого, чеченского, абхазского, грузинского, армянского и т. д.

Элементарные понятия общей морфологии.

Теория эволюции языка.

Методы сравнительно-исторического языкознания.

Иллюстративный материал из сравнительной грамматики индо-европейских языков и сравнительно-исторических грамматик некоторых групп не-индо-европейских языков.

Понятие морфологической классификации языков.

Социологическая лингвистика.

Прикладная лингвистика.

Языкознание и поэтика (фонетическая теория мерной речи).

Генеалогическая (т. е. реальная) классификация языков.

Удастся или нет довести до конца опубликование всех этих частей курса — будет зависеть от причин, находящихся вне усмотрения автора; во всяком случае весь материал потребует еще несколько томов «Лекций». Настоящий же, первый том, занят только двумя из вышеуказанных тем: 1) Лингвистической пропедевтикой, 2) Общей фонетикой. Относительно первого тома приходится констатировать (а относительно второго предвидеть) факт несколько иной группировки материала, нежели в вышеизложенном плане (перечне частей): например, самое основное из «Элементов общей морфологии» излагается до иллюстративного материала по фонетике (а отчасти и в «Лингвистической

пропедевтике»). Подобные перегруппировки отдельных глав возможны и в будущем, что естественно объясняется желанием дать возможно больше элементарно-необходимых сведений в каждом из первых томов, чтобы вышедший в свет том мог, хотя бы в некоторой степени, служить как-бы законченным пособием до выхода остальных. Автор не сомневается в том, что книга будет содержать промахи и недостатки, обусловленные новизной предмета и подхода и что отдельные места явно открыты обстрелу критики. Но кое-где они допущены сознательно: например в изложении общей фонетики читатель встретит излишнюю схематизацию и «упрощенство». В частности, в изложении деления звуков типа «к г х» употреблены термины «неглубокозаднеязычный» и «глубокозаднеязычный» и не без умысла умалчивается про принципиальное противоположение «велярных» (напр. q = ق) «заднеязычным = не-глубокозаднеязычным» (напр. k = ک) ввиду пассивной роли языка (задней части языка) при первых (q) и активной при вторых (k). Ведь, если рассматривать настоящий курс «Лекций». как то, чем ему фактически и предназначается быть в первую очередь, то есть, как пособие для студентов востоковедных ВУЗ'ов, то вышеуказанное условное употребление терминов «неглубоко- и глубоко-заднеязычный» будет вполне достаточным практически — и, в то же время, гораздо более легким, чем строго-последовательное противоположение «велярных» и «заднеязычных». Ведь все дело в том, что употребляя последние термины без специальных комментариев, т. е. не упоминая о различии активных органов в произношении [q] и [k] — иначе говоря, повторяя прежнее деление на «палатальные» и «велярные», — это значит — не сказать ничего по существу об артикуляции названных согласных; и в таком случае нет особой надобности в термине «велярный»: *этот* его смысл вполне достаточно выражен словом «глубоко-заднеязычный». Вдаваться же в комментарии по вопросу об активном органе было бы возможно во время семинарских занятий общей фонетикой (в фонетическом практикуме), но

в письменном изложении курса — без иллюстраций аккустическими эффектами (в данном случае — обоих видов произношения, т. е. k и q при одинаковой зоне смычки) — оказывается довольно трудным.

А главное — в практическом приложении фонетических сведений к усвоению звуков другого языка термины «глубокий» и «неглубокий заднеязычный» оказываются и удобными и вполне достаточными.

Такого же рода упрощения можно указать и в ряде других мест в изложении фонетики. Умышленно, например, в описании японской звуковой системы, я не останавливаюсь на особом типе слогов — с гласным, предшествующим долгому (глухому) согласному; последнее — в связи с тем, что весь общий (уже не японский, а обще-фонетический) вопрос о *слоговой границе* я счел позволительным вовсе изъять из курса.

Наконец может показаться упущением, что в начале курса нет рассуждения о пользе языкознания — о философском и утилитарном его значении (хотя строго говоря, вопрос об использовании какой-либо науки не входит в само содержание данной науки). Но в виду того, что подобные вопросы уяснить себе удается гораздо легче тогда, когда приобретены уже некоторые знания по самой данной дисциплине, я позволил себе отступить от общего правила и говорить об общественном значении научного языкознания не в начале, а скорее в конце курса: о философском значении лингвистики (в кругу других дисциплин «человековедения») будет итти речь в связи с частным вопросом о принципе мутационных изменений в природе (а в частности и в эволюции языка) — в отделе «Теория эволюции языка». О прикладной (и вспомогательной для других наук) роли нашей науки придется говорить в связи с конкретным материалом многих других отделов.

Однако, необходимо оговорить способ пользования «Лекциями». Для прохождения «Введения в языкознание» и «Общей фонетики» отнюдь не следует читать весь текст «Лекций» и ни

для одной из востоковедных специальностей (т. е. ни для одного из разрядов востоковедного ВУЗ'а) не предназначается курс этот целиком.

Для изучающего какой-либо язык, усваивать рекомендуется места общего значения и то из иллюстративного материала, что относится к изучаемому языку. В обособленные экскурсы (а частью и в отдельные главы) выделены, кроме того, темы монографического характера.

Приношу благодарность Ленинградскому Институту Восточных Языков за честь, оказанную мне включением «Лекций» в число изданий Института, и Типографии Академии Наук за выполнение столь трудного издания.

Е. Поливанов.

V 1928.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВВОДНЫЕ ПОНЯТИЯ (ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОПЕДЕВТИКА)

§ 1. *Различие между лингвистикой и практическим изучением языков.* Лингвистика,[1] как научная дисциплина, исследующая явления человеческого языка в их причинной связи, отличается от простого «практического изучения языков» именно тем, что к каждому языковому факту лингвистика подходит с вопросом о причинах данного явления (другое дело, в силах ли современное состояние науки дать ответ на те или другие из этих вопросов).

Эту особенность научной лингвистики можно назвать прагматизмом[2] (сравни прагматизм в истории) и таким образом противополагать *прагматическое языкознание* (т. е. лингвистику) простому практическому изучению языков.

§ 2. *Деление языкознания (лингвистики) на описательное и историческое.* Лингвистические работы, рассматривающие только явления, существующие в данном языке в какую-нибудь *одну эпоху* (чаще всего — в современный период),[3] относятся к *описательному языкознанию.*

Историческое же *языкознание* ведает связи между фактами различных периодов жизни языка (т. е. между фактами, относя-

---

[1] Слово «лингвистика» (по-французски — linguistique, по-английски — linguistics) происходит от лат. lingua «языка». Другие названия лингвистики: *языкознание* (по-немецки — Sprachwissenschaft), *языковедение*, и иногда — с подчеркиванием отличия от практического изучения языков — *научное языкознание* (или — языковедение).

[2] От греческого πρᾶγμα (prágma) «дело».

[3] Что имеет место в описаниях современных нам *живых* языков.

щимся к языкам разных поколений). При этом нужно указать, что в лингвистике (т. е. прагматическом языкознании, как таковом) большинство объяснений причинной связи языковых фактов выходит за пределы данного (—напр. современного нам) состояния рассматриваемого языка, так как причина явления обыкновенно оказывается принадлежащей языку прошлых поколений,[1] а потому *историческое языкознание* (которое, по имени своего «сравнительного» метода, оказывается в то же время «сравнительным» или «сравнительно-историческим» языкознанием, — см. ниже § 10) *занимает* весьма *важное место* в нашей науке. Тем не менее, среди даваемых лингвистикой объяснений (т. е. указаний причинной связи) языковых фактов найдутся и такие, где привлекается только материал описательного языкознания (т. е. факты современного языкового состояния).[2]

Указанное преобладание данных исторического языкознания в установлении причинной связи языковых явлений отнюдь не предполагает, однако, что в научно-лингвистической литературе нет законного места для работ *описательных* (т. е. относящихся исключительно к области *описательного* языкознания и излагающих, следовательно, языковые факты одного лишь данного

---

[1] Так, например, современные нам факты живого японского разговорного языка приходится объяснять, как результат процессов, имевших место в языковом мышлении японцев давно минувших эпох — напр. эпохи китайских заимствований VIII—X в. н. э. или же еще более отдаленных периодов «общеяпонского» и «до-японского» языкового состояния (где лингвистика оперирует уже с явлениями до-исторических времен).

[2] Так, например, отвечая на вопрос «почему?» по поводу таких фактов (имеющих место при скрещении двух разных живых языков), как 1) пропуск начального с [s] перед следующим согласным — корейцем, говорящим по-русски (и произносящим, следовательно, «тарик» вместо «старик», «колько» вместо «сколько» и т. д.) или же 2) замена русского ф [f] через п [p] в языковом мышлении узбека (—«понарь» вместо «фонарь», «пракция» вместо «фракция» и т. д.; а иногда и параллельная этому обратная замена — русского «п» [p] через «ф» [f] — «фроза» вместо «проза» и т. п.; [сравни узбекское написание فايز т. е. — fəjız для русского «поезд» и т. п.]), — нам достаточно для мотивировки этих явлений сопоставить между собою системы звукопредставлений обоих скрещивающихся здесь языков (1) русского и корейского, 2) русского и узбекского), т. е. достаточно данных *описательного языкознания*.

периода). Наоборот, литература этого рода (—описательно-лингвистическая), —куда войдут все научные «описательные» грамматики, словари и т. д. современных нам живых языков, чрезвычайно богата и чрезвычайно ценна (независимо уже от практического своего значения) для прагматической лингвистики, так как всякая наука нуждается прежде всего в сборе и в надежной и точной регистрации фактического материала, что и является задачей вышеуказанных работ описательно-лингвистического характера.

§ 3. *Деление лингвистики на отделы соответственно расчленению речевого процесса.* Помимо только что рассмотренного деления, существует деление лингвистики на отделы (или дисциплины), рассматривающие отдельные группы явлений языкового процесса. Фонетикой[1] называется отдел языкознания, ведающий все явления языкового процесса *кроме* связываемых (ассоциируемых) с речью *смысловых представлений*, т. е. иначе говоря,— все явления, относящиеся к *звуковой* стороне речи. Таким образом, в область фонетики относятся: 1) явления психические[2] — представления произносимых и слышимых звуков языка, существующие в уме говорящего и слышащего; 2) явления физиологические: связанные с процессом говорения (движения произносительных органов) и связанные с процессом слышания (процессы в слуховом аппарате), 3) явления физические,—совершающиеся в проводнике звука (воздухе или,—возможно, каком-либо другом

---

[1] От греческого φωνή (phōnē) «звук».

[2] Разумеется, в конечном счете, и эти, как вообще все «психические» явления, сводятся к *физиологической* деятельности мозга. Тем не менее употреблять здесь термин *«психические явления»* уместно потому, что различие между мыслительной деятельностью и такими «физиологическими» процессами, как например движения произносительных органов при говорении, является бесспорно-принципиальным: в первом случае физиологические процессы (являющиеся сущностью мыслительной деятельности) локализованы в мозгу [и в частности речевые представления локализованы в так называемой «извилине Broca»], а во втором случае работают губы, язык, мягкое нёбо, и т. п. (при чем и характер этой их работы, разумеется, несоизмерим с химико-физиологической работой мозгового вещества).

теле). Первая группа явлений сближает фонетику с психологией (ведающей вообще психические процессы [в том числе, напр., процессы узнавания привычного символа, каковым является в речевом процессе *звук языка*], а не только те, которые связаны с языковой деятельностью), вторая — с физиологией и анатомией (ведающими все органы тела и все их функции, а не только участвующие в языковом процессе), третья — с частью физики, акустикой (ведающей физическую природу всяких звуков, а не только звуков языка).

Помимо фонетики в языкознании имеется еще обширный отдел, рассматривающий языковые явления в связи со смысловыми представлениями, т. е. со *значением* речи. В этот отдел входят: морфология, синтаксис и лексика (или словарь) с фразеологией[1].

Морфология[2] ведает значение отдельных слов в зависимости от их состава и следовательно ведаѐт также значение частей слова (поскольку, конечно, слово делимо на части, обладающие каждая своим собственным значением).[3]

---

[1] Общеупотребительного же общего термина для всего данного отдела лингвистики (— совокупности морфологии, синтаксиса и лексики с фразеологией) назвать нельзя. Иногда в этом смысле употребляют слово «*семантика*» [от греч. σῆμα (sēma) «знак»]. Но оно нередко фигурирует и с другими, более узкими значениями.

[2] От греческого μορφή (morphḗ) «форма» и окончания (обычного в названиях разных наук) -*логия* — от греческ. основы λόγος (lógos) «слово». «Морфология», следовательно, значит «формо-словие» (ср. «богословие»), т. е. «наука о формах (слов)».

[3] Следовательно к области морфологии относится учение об изменениях слов (в том числе о склонении и спряжении), т. е. то, что в школьных грамматиках называется этимологией. Однако, в научном языкознании слово *этимология* употребляется с совершенно иным смыслом, — для обозначения *учения о происхождении* или *истории отдельных слов* (что и соответствует греческому выражению, к которому восходит термин «этимология»: ἔτυμον λόγος (étymon lógos) «истинное слово»). Каждое отдельное слово имеет свою *этимологию* (известна она, или неизвестна при данном состоянии науки — это другой вопрос). Поэтому можно говорить об этимолог*иях* во множественном числе. Если говорят, что кто-либо знает много этимологий, это значит, что он знает о происхождении или истории многих различных слов. Но если говорят, что у данного слова

Например, к области морфологии относится объяснение различия между словами *вода* [vada] и *водой* [vadoj] (или же между японскими, напр. словами mizuŋa и mizude[1]) в связи с распределением значения между двумя составными частями каждого из этих слов (vad- -+- -a, vad- -+- -oj; mizu- -+- -ŋa, mizu- -+- -de) и различиями *концов* этих слов (т. е. окончаний -a, -oj в русском; -ŋa,[2] -de в японском), повторяющихся и в других словах с тем же своим значением (напр. в рядах слов: нога [nag-a] ногой [nag-oj], рука [ruk-a] рукой [ruk-oj]; или—в японском—a⸢śiŋa a⸢śide, ⸢teŋa ⸢tede и т. п.).[3]

Синтаксис же ведает значения *соединений* слов (—в фразы или предложения); к области синтаксиса, относится, например, выяснение различия между значениями словосочетаний: «*Иванов — слепой*» и «*слепой Иванов*» (или же узбекских [—в разговорном узбекском языке, в Ташкентском говоре] словосочетаний: «oj kættæ = ئوي كەتتە» [—«дом велик»] и «kættæ oj = كەتتە ئوي» [—«большой дом»])—в связи с порядком сочетающихся слов.[4]

несколько этимологий, это значит, что есть несколько различных предположений о происхождении этого слова. Примеры этимологий для слов: 1) рус. медведь [m'edv'ot'], 2) латинского venēnum (или франц. venin [vœnɛ̃]) «яд», 3) рус. дятел [d'at'el], 4) японск. ⸢nodo (Киотоск. no⸢do) «горло», 5) яп. minato (Киотоск. ⸢minato⸣) «гавань», 6) корейск. mal 말 «лошадь», 7) яп. asa «утро», 8) туркменск. na:w ناۋ «корабль, лодка», 9) грузинск. pʔitʔna «мята», 10) перс. mɔ:dær مادر «мать», 11) китайск. mi 蜜 «мед»—приводятся ниже (для иллюстрации понятия этимологического словаря) см. § 13, 14.

[1] Токиоские формы. В Тосаском диалекте им соответствуют: ⸢miduga⸣ и ⸢midude⸣ (—с той же морфологической границей, что в Токиоском: ⸢midu- -+- -ga⸣, ⸢midu- -+- -de⸣).

[2] Или в Тоса -ga.

[3] В Токиоском произношении; в Тосаском диалекте: ⸢a̦s'iga ⸢a̦s'ide, te⸢ga te⸢de.

[4] Так как различие значений зависит здесь именно от порядка слов, который равным образом будет дифференцировать и другие фразы, напр. «*Петров — глухой*» и «*глухой Петров*» (или же—в узбекском Ташкентском: «suw sɔwiq = سوۋ ساۋق» [—«вода холодна»] и «sɔwiq suw = ساۋق سوۋ» [—«холодная вода»]).

Отсюда следует, что элементарной величиной, рассматриваемой в синтаксисе, т. е. — *синтаксической «единицей»* является *слово*, а элементарной величиной морфологии, т. е. *морфологической «единицей»*, — *часть* слова, обладающая *самостоятельным значением* (и повторяющался с этим своим значением в ряде слов); для этого понятия, — морфологической единицы, мы будем употреблять термин «морфема».

Экскурс к § 3

О различии между суффиксом и самостоятельным словом

В отличие от номенклатуры некоторых грамматик турецких и японского языков, рассматривающих падежные и другие суффиксы (например узбекские -nı = نی или نك, -gæ گه, -dæ ده, -dæn دەن,[1] или японские -ŋa, wa, -no, -ni, -de, -kara, -to, [ʲ]e/-ĭ [в Тоса -$_\iota$e], -mo [в Тоса -$_\iota$mo],[2] и т. д.) как отдельные *слова*, — с лингвистической точки зрения мы имеем в них только отдельные *морфемы*, или *части слов* (обладающие собственным своим значением); *словом* же (т. е. синтаксической единицей) явится лишь сочетание данных суффиксов (узб. -nı, -gæ, -dæ, -dæn; японск. -ŋa, -wa, -no, -ni, -de, -kara, -to, -e/-ĭ, -mo и т. п.) с предшествующей «основой» слова (— например *единым словом* [а не сочетанием из 2-х слов] явятся следующие морфемосочетания: узб. bɔlæ-nı[3] «ребёнка» — بالانی или بالانك, bɔlæ-gæ بالاغا «ребенку», bɔlæ-dæ بالادا «у ребенка», bɔlæ-dæn «от ребенка»; японск. hana-ŋa hana-wa hana-no hana-ni hana-de

[1] В иранизованном узбекском диалекте (напр. в Ташкентском говоре); в письменном языке суффиксам этих 4-х разговорных падежей (Accusativ. — Genitiv., Dativ., Locativ., Ablativ.) соответствуют 5 падежей (ибо Accusativ. и Genitiv. в письменном языке являются 2-мя разными падежами) — с суффиксами: نی-, نك-, گه-/غا, ده-/دا-, دن-/دان- (в чжагатайском دين-).

[2] Т. е. современные (Токиоские) суффиксы падежей: Nominativ., Subjectiv. (— падеж логического, или психологического подлежащего), Genitiv., Dativ.-Locativ., Instrumentalis, Ablativ., Sociativ., Illativ. (-ĭ ← -e ← *$_\iota$-pe へ), Additiv. (падеж со значением «тоже», «а также и»).

[3] В Ташкентском говоре; в Самаркандском — balanı, balaga и т. д.

hana-kara hanato hanaj [«в нос»: в Тоса ʻhana˥˪e] hanamo [Тоса ʻhana˥˪mo] — от основы hana «нос» 鼻).

Доказательства того, что в подобных суффиксах мы имеем только часть слова, а не отдельные слова, могут быть даны с разных точек зрения. Во-первых, решающим является то обстоятельство, что данные суффиксы никогда не могут оказаться изолированными от основы, т. е. составить сами по себе отдельную фразу (*слово* же, или синтаксическая единица, именно и определяется потенциальной способностью данного комплекса изолироваться, т. е. быть—при тех или иных условиях речевого обмена—без сопровождения каких-либо других комплексов единственным составом произносимой фразы: сравни, например, изоляцию отдельных слов в вопросах, переспросах и ответах на вопрос: «Ты был в Москве?»—«Был»—«Был?»—«Да»—«Когда?»—«Вчера». Иначе говоря, по смыслу этого критерия, слово можно определить как *потенциальный минимум фразы* или предложения). Но ни турецкие, ни японские вышеназванные суффиксы (ни соответствующие им морфемы других агглютинативных языков) к такой изоляции не способны, а следовательно не могут быть сочтены за отдельные слова (как не являются словами и французские префиксы je [žœ], tu [ty], il [i(l)], le [lœ]) и т. п. несмотря на то, что они *пишутся* как отдельные слова — потому что вне сочетания со следующими основами они во французской речи невозможны). Кроме этого для каждого отдельного языка можно привести другие, — фонетические доказательства несамостоятельности суффиксов, — основывающиеся на том, что они не имеют звуковых признаков, присущих в данном языке характеристике *отдельного слова.* К таким признакам принадлежит, например, признак акцентуационный, состоящий в том, что каждое отдельное *единое слово* обладает—в турецких языках—одним-лишь ударенным[1] слогом, а в японском — одним-лишь

[1] В громадном большинстве слов ударенным оказывается, в турецких языках, последний слог слова (что и позволяет — еще до понимания фразы — произвести ее деление на слова).

периодом высокого голосового тона (т. е. музыкальным ударением).[1] И вот, в случае присоединения к данному простому (т. е. состоящему из одной только основы) слову, напр. к узбекскому слову bɔlæ [«ребенок»—بالە = «بالا»] или к японским a⌜śi [«нога»; Тоса ⌜a⌞s'i], ⌜haśi [«палочки для еды»; Тоса ha⌜s'i], $\overline{\text{hana}}$ [«нос»; Тоса ⌜hana⌝],—вышеназванных суффиксов,—па получившееся морфемосочетание, оказывается, приходится, все-таки, один ударенный слог (а не два) — в турецких языках, и одно (а не 2) тоноповышение [или музыкальное ударение] — в японском; — сравни:

узб. Ташк.

bɔlǽ «ребенок» — bɔlæní «ребенка», bɔlægǽ «ребенку», bɔlædǽ «у ребенка», bɔlædǽn «от ребенка»

японск. Токиоск.

a⌜śi «нога» — a⌜śiŋa (Nomin.), a⌜śiwa (Subjectiv.), a⌜śini (Dat.-Loc.) и т. д.

⌜haśi «палочки для еды» — ⌜haśiŋa, ⌜haśiwa, ⌜haśini и т. д.

$\overline{\text{hana}}$ «нос» [черта над

---

[1] По-немецки: Musikalischer Akzent, точнее Musikalischer Wortakzent. В Токиоском (восточно-японском) период высокого голосового тона ограничивается одним только слогом (— кратким или же половиной долгого). Поэтому в транскрипции токиоского музыкального ударения я употребляю один только знак ⌜ на каждое слово (помещая ⌜ перед слогом с повышением голосового тона) или же заменяющую его черту ——— над словом — в случаях так называемых *безударных* (全平 дзэнхэи) слов с *факультативным* (т. е. необязательным) повышением на последнем слоге (напр. $\overline{\text{hana}}$, $\overline{\text{hanaŋa}}$, — точнее ha⌜na ha⌜na⌜ŋa и т. п.). В западных же яп. говорах (напр. Киото, и особенно Тоса) период высокого голосового тона может простираться на несколько рядом стоящих слогов (напр. Киотоск. ⌜mame⌝⌞-na «здоровый», Тосаск. ⌜nama⌝⌞du «сом», ⌜hana-⌝⌞mo «нос тоже», ⌜hana⌝⌞-e «в нос» и т. п.) и даже на все слово целиком (напр. в Киотоск. ⌜hana⌝ 鼻 ⌜hana-ŋa⌝..., Тосаск. ⌜hana⌝ ⌜hanaga⌝ ⌜hanade⌝). Во всяком случае такой период высокого голосового тона (будь он из одного только краткого слога, или из половины долгого [а в Киотоском иногда даже из половины краткого — в словах asâ 朝, curû 鶴, sarû 猿] или же из нескольких рядом стоящих слогов) имеется только один в каждом отдельном слове, что и является внешним, «акцентуационным» признаком единства слова.

всем словом означает факультативное повышение на последнем слоге] — hanaŋa [т. е. факультативное повышение на слоге ŋa],

hanawa [т. е. факультативное повышение на слоге wa],

hanani [т. е. факультативное повышение на слоге ni] и т. д.

японск. Тосаск.

⌜a⌞s′i «нога» — ⌜a⌞s′iga, ⌜a⌞s′a, ⌜a⌞s′iɲi, ⌜a⌞s′o (Accusat. «ногу»), ⌜a⌞s′ie (Illat. «в ногу»)

ha⌜s′i «палочки для еды» — ha⌜s′iga⌝, ha⌜s′a, ha⌜s′iɲi⌝, ha⌜s′o (Accus.), ha⌜s′i⌞e (Illativ.)

⌜hana⌝ «нос» — ⌜hanaga⌝, ⌜hana⌝, ⌜hanaɲi⌝, ⌜hana⌝ (Accus., — совпадает с бессуффиксальным падежом и с Subjectiv.), ⌜hana⌝⌞e[1] (Illativ. «в нос»), ⌜hana⌝⌞mo (Additiv. «нос тоже») и т. д.

Кроме этого «акцентуационного» — можно привести и другие фонетические признаки *отдельного слова*, отсутствующие в вышеуказанных суффиксах, — признаки специфические для каждого отдельного языка. К ним принадлежит, напр., чередование гласных в суффиксах (под влиянием так называемой «гармонии гласных» или «сингармонизма») — в турецких языках,[2] благодаря чему мы просто не можем даже искусственно назвать суффикс данной формы вне сочетания и вне зависимости от основы: например нельзя назвать суффикс множ. числа в виде

[1] Некоторые суффиксы — в западно-японском — обладают обязательным *низким* голосовым тоном: таковы -⌞mo (Additiv.), -⌞e (Illativ.), -⌞made⌟ (Terminativ.), -⌞na (Attributiv.) и -⌞to, замыкающее прямую речь (— в отличие от -to Sociativum), — напр. Тосаск. ⌜or′a⌝ ⌜sak′o⌝ no⌜mu-⌞to ⌜ju⌞:ta «Он сказал: «я пью вино».

[2] За исключением иранизованного диалекта узбекского языка (напр. говоров Ташкента, Самарканда, гор. Бухары, Коканда, Андижана и др.).

-ɫar [или же, наоборот, -ler (казакск., киргизск.) или -lær (северно-узбекское, татарск. и т. д.)], так как после одних основ он будет звучать -ɫar, после других -ler resp. -lær (а в киргизском, напр., еще в виде -ɫor или -lør),[1] и следовательно *слова* ɫar (или же ler и т. д.), с независимым своим звуковым составом, не существует. Наконец, в качестве фонетического доказательства несамостоятельности суффиксов (т. е. невозможности считать их отдельными словами) можно указать то обстоятельство, что ряд суффиксов начинается со звука, не-допустимого в качестве начального звука в слове; напр. в японском [Токиоском, Киотоском, северо-восточных и т. п. говорах] суффикс Nominativi[2] имеет звуковой состав -ŋa,[3] т. е. начинается со звука ŋ, — не мыслящегося возможным в начале слов [-в Anlaut'е] и присущего именно позициям внутри слова[4]

---

[1] Не говоря уже о киргизских вариациях нач. согласного этого суффикса: -ɫar/-tar/-dar, -ler/-ter/-der, lør/-tør/-dør и т. д.

[2] Точнее — падежа именного грамматического подлежащего, являющегося, однако, не логическим (психологическим) подлежащим, а наоборот — логическим (психологическим) сказуемым или же частью логического (психологического) сказуемого. См. «Психо-фонетические наблюдения над японск. диалектами. I» — Склонение существительных.

[3] Знаком ŋ (в Международном Фонетическом Алфавите) обозначается заднеязычный носовой, т.-е. «носовое г» = «鼻ニ掛カルガ行ノ子音» (иногда обозначаемый написаниями カ` キ` ク` ケ` コ` в отличие от не-носового g в ガ ギ グ ゲ ゴ), т. е. звук типа немецкого «ng» в словах singen [zɪŋŋ] lange [laŋə], или же турецкого ݣ, напр. в узбекском کوکل [koŋil] или کوکول [koŋul (в Бухарском гов.)]. В японских восточных и в большинстве западных говоров ŋ соответствует звуку g южных диалектов (а также Тосаского) — внутри слов (т. е. в интервокальной позиции): напр. Токиоск. na˹ŋai, haŋaŋa (長イ, 鼻ガ) Киотоск. ˹na˻ŋai, ˹hanaŋa˺; Нагасакск. naga˹ka (или же naŋ˹ka), -ga — суфф. Nom.-Genit.; Тоса ˹na˻gai, ˹hanaga˺ [Равным образом, g (а не ŋ) представлено и Рюкюским языком].

[4] Единственным исключением (где, следовательно, g [а не ŋ] встречается между гласными внутри слова) являются в Токиоском редупликационные (удвоенные) формы «ономатопоэтических» слов (слов — «звуковых жестов») вроде ˹guzuguzu (не *guzuŋuzu!). Оно объясняется, конечно, самим принципом редупликации (удвоения основы), требующим звукового торжества обоих повторов основы. Впрочем и с акцентуационной точки зрения эти формы являются

[— в Inlaut'e; сравни например слова na⌜ŋai 長イ a⌜ŋo 腭 aŋeru 上ゲル a⌜saŋa⌝o 朝顔 a⌜⌝oŋu 煽ぐ cunaŋu 繋ぐ...: такого же рода «единицами», или *едиными словами* окажутся и формы Nominativi hanaŋa 鼻ガ ha⌜naŋa 花ガ ⌜asaŋa 朝ガ]. Аналогичное значение имеют указания на то, что звук, имеющийся в начале суффикса эволюционировал по законам, действительным для Inlaut'a (— позиции внутри слова), а не для Anlaut'a (начальной позиции): так древне-японское -*pa (суффикс Subjectivi[1] ハ) прошло следующие этапы: *-pa → -*ɸa → -wa[2] (сравни тот же ход эволюции внутри основы *kapa → kaɸa → *kawa[2] 川 河 江), тогда как начальное *pa (ハ) давало → *ɸa → ha (напр. *⌜pa⌞ti[3] → *⌜ɸa⌞ti → ⌜ha⌞t'i ⌜ha⌞ći — в зап.-яп.; в Токиоск. — ha⌜ći).

промежуточным явлением между словом и словосочетанием (2-х тожественных слов), так наряду с ⌜guzuguzu ⌜pikapika возможны дублеты ⌜guzu-⌜guzu ⌜pika-⌜pika.

[1] Т. е. падежа логического (психологического подлежащего).

[2] Откуда, в диалектах, затем -a / a: (напр. Тосаск. mida ← midu-wa 水ハ sa⌜ra⌞: ← sa⌜ru⌞-wa [*sarû-wa] 猿ハ; ср. также a⌜sa⌞: ← a⌜sa⌞-wa [*asâ-wa] 朝ハ), а иногда даже нуль суффикса (напр. Тосаск. a⌜sa ← a⌜sa-wa⌝ 麻ハ [т. е. Subjectiv. совпал тут с бессуффиксальным падежом, а также с Accusativ. a⌜sa ← a⌜sa-o⌝ 麻ヲ]). Аналогичное исчезновение w мы найдем (в том же Тосаском говоре) и внутри основы [в более чем 2-сложных комплексах — в ⌜aga⌝⌞: 吾川, ⌜aga⌝⌞:go:ri 吾川郡 «Агава, уезд Агава»; ⌜aga⌝⌞: ← ⌜a-ga⌝⌞wa, где -gawa / kawa — «река»].

[3] Киотоск. ⌜ha⌞ći (Тосаск. ⌜ha⌞t'i), Токиоск. ha⌜ći значит 鉢 «чаша, миска, горшок» и происходит от санскритского pātra- «чаша будд. монаха» через китайскую форму *pat, давшую в японском *⌜pa⌞ti (конечное i возникло благодаря отсутствию в японском языковом мышлении представления «закрытого» [оканчивающегося на согласный] слога; понятно, что муз. ударение должно было при этом прийтись, в первоначальной яп. форме, на первый слог: *⌜pa⌞ti).

Кроме того, к ⌜ha⌞ći (Ток. ha⌜ći) 鉢 имеется *гомоним* (т. е. подобнозвучное», вполне совпадающее по звуковому составу слово) в виде числительного Киотоск. ⌜ha⌞ći (Тоса ⌜ha⌞t'i) Ток. ha⌜ći «8», также являющееся Го-он'ным заимствованием из китайского (— древне-кит. форма *pat, откуда Пекинск. ᴾba 八). [Не смешивать 鉢 и 八 со словом 蜂 «оса», имеющим другую акцентуацию: Киот. ⌜haći⌝ Ток. haći].

§ 4. Как выше было сказано, связи между значением слова и его составом из «морфологических единиц» (—«*морфем*») составляют предмет рассмотрения *морфологии*, т. е. лингвистической дисциплины, соответствующей тому, что в школьной номенклатуре именовалось обычно «этимологией» или просто «грамматикой». Отсюда вполне понятно, что морфологическая литература и состоит прежде всего и главным образом из «Грамматик» различных языков[1] (—поскольку мы исключим из типичного оглавления обычных «Грамматик» изложение *фонетики* данного языка, и поскольку, с другой стороны, эта «Грамматика» противополагается, как таковая, «*Синтаксису*», который мыслится в виде особого отдела учения о данном языке, идущего в след за «Грамматикой»).

Но ведь значениями слов занимаются кроме «Грамматик» (относящихся, как только что было указано, к *морфологии*) еще и «*Словари*» разных языков, содержание которых составит — в нашем делении лингвистики на отделы — предмет особой лингвистической дисциплины (или отдела языкознания), именно — «*лéксики*».[2]

Из этимологий данных 2 слов (鉢 и 八), в частности из их китайских оригиналов (*pat) ясно видна история звука h в начале этих слов: *p → *φ (особая разновидность звука «ф») → h.

Примечание. Интересно, между прочим, отметить, что возводя японское haći 鉢 к санскритскому pātra- पात्र, мы доходим, в конце концов, до родства японского haći «чаша...» с русскими пить [p'i-t'], пóйло [poj-ł-o], пиво [p'iv-o (из пи-в-о)], так как санскритское pā-tra-, — из обще-индо-европейского *pō-tro- букв. «орудие питья», имеет тот же праязыковой корень *pō(i)/*poi/*pī («пить»), что и в русских с-*паивать*, *поить*, *пойло*, *пить*.

Что же касается дальнейшей (— в глубь до-истории) этимологии числительного haći ← яп. *ʳpaˌti ← кит. *pat, то, как и другие китайские числительные, оно находит параллели в других «тибето-китайских» языках, напр. в тибетском (письменном — VII в. н. э.) བརྒྱད་ *brgjad «восемь» [при чем в китайском *pat уже исчезли все элементы комплекса кроме 1-го, 4-го (гласного a) и 5-го].

[1] Куда войдут вместе с «Грамматиками» описательными, также и исторические.

[2] От греческого λέξις (léxis) «чтение» [ср. λέγω (légō) «читаю»]. Слово «лексика» [λεξικά (lexicā)] опять-таки (как и «фонетика», «семантика», а

Итак, в чем же разница между лексикой и морфологией? Лексика ведает словарь[1] данного языка, т. е. совокупность синтаксических «единиц» (или слов) способных фигурировать в данном языке, с точки зрения выполняемых ими символических функций, т. е. распределения между ними ассоциаций с внеязыковыми представлениями (вещей и идей, составляющих потенциальные темы языкового обмена). Иначе говоря, в лексике слово рассматривается [и в лексических работах, — «Словарях», регистрируется] как знак (символ) вещи или идеи (или известной совокупности идей).

Морфология же рассматривает конструкцию слова с точки зрения зависимости его значения от этой конструкции;[2] а так

также другие названия наук на *-ика*, напр. «физика», «ботаника», «механика») восходит к греч. форме множ. числа ср. рода прилагательного, — производного от слова λέξις (lexis).

[1] Здесь под выражением «словарь» разумеется уже не книга, в которой собраны (с теми или другими пояснениями, — обычно с переводом значений на другой язык) слова данного языка, а сама фактически существующая совокупность слов, известных коллективному языковому мышлению данного языка.

[2] Именно от числа, состава (и порядка расположения) *морфем*, входящих в данное слово, или же от различия в форме (т.-е. в звуковом составе), принимаемой данной морфемой в данном именно слове. Так мы видим, что значение слова (т.-е. общая сумма идей, ассоциируемых с ним) зависит: 1) от вхождения в состав этого слова специальных морфем, обладающих каждая своим постоянным значением (— своей идеей, или известной совокупностью идей), а также 2) от изменения звукового состава определенной морфемы, или «чередования» вариантов одной и той же морфемы, которому соответствует и изменение в значении, вносимом этой морфемой.

Например, 1): Значение турецкого (в узбекской иранизованной форме [умышленно беру для примера форму узб. иранизованного диалекта (Ташкентского говора) — чтобы не осложнять дело вопросом о роли сингармонистических чередований суффиксов, что было бы здесь совершенно излишним]) слова bəlælærımgæ بالالرمغا = بالەلەرىمگە [— если в написании следовать Ташкентскому произношению], состоящего из 4 морфем: bəlæ-lær-ım-gæ, представляют собою совокупность следующих идей: 1) идеи определенного предмета — «ребёнок, дитя» 2) идеи множественности (предметов, о которых идет речь) 3) идеи принадлежности [данного] предмета (resp. предметов) 1-му лицу, т.-е. лицу говорящему 4) идеи Дательного падежа, т.-е. определенной зависимости между неким предполагаемым действием и данным предметом (resp. предметами).

Сумма этих частных идей (соответствующих каждая постоянному значению одной из вышеназванных 4 морфем: bəlæ, -lær, -ım, -gæ) и дает «сложное значе-

как нельзя себе представить такого языка, где конструкция каждого слова была бы вполне специфической и не совпадала бы с конструкцией известного количества других слов, а наоборот мы сплошь и рядом встречаем повторение одних и тех же общих конструктивных схем (с наличием части общих же элементов, т.-е. одних и тех же морфем) в рядах слов,— то морфология, по существу, оказывается, именно и занята изучением *типов* словесной конструкции. Возьмем, для пояснения, несколько *рядов* слов[1] имеющих общую конструкцию (и в связи с ней — общие элементы в составе своих значений).

В узбекском яз. (Ташк. говоре):
bɔlæ-lær-ım-gæ بالالارمغا, чит. بالەلەرمگە «моим детям»
šɔgırd-lær-ım-gæ شاگردلەرمگە «моим ученикам»
ɔkæ-lær-ım-gæ ئاكەلەرمگە «моим старшим братьям»
soz-lær-ım-gæ سوزلەرمگە «моим словам»
oj-lær-ım-gæ ئويلارمغا, чит. ئويەلەرمگە «моим мыслям»
oj-lær-ım-gæ ئويلەرمگە (в Фергане ئۆيلەرمگە) «моим домам»

ние» всего слова ввиде: «моим детям». Тут значит, привнесение каждой из частных идей, обусловлено вхождением в слово одной морфемы, служащей символом данной частной идеи.

2): немецкое Brüdern [bry:dərn] «братьям» содержит в своем значении след. частные идеи: 1) предмет: «брат» 2) идея множественности 3) идея Дательного падежа. Между тем, здесь не 3, а только 2 морфемы: bry:dər-n. Вторая морфема может быть устранена из слова, вместе с чем устранится из его значения и идея Дат. падежа (останется — Brüder [bry:der] = «братья»). Но вторая из частных идей,— множественного числа, не имеет, оказывается, своей отдельной морфемы, и ассоциируется только с заменой морфемы bru:dər <— Bruder «брат»> через ее вариант: bry:der, и в частности, следовательно, с заменой гласного u: через y:.

[1] Понимая под *словом* не простейший вид основы (напр. «именительный» падеж в турецких именах, бессуффиксальный падеж в японском, корейском и т. п.), а и всякую возможную форму слова, удовлетворяющую понятию синтаксической «единицы» (как напр. русск. *ученикам*, яп. o-ko-san-ni-wa, узб. شاگردلەريمزگە بالەلەريمزگە).

[2] Слова «мысль» и «дом» гомонимичны только в некоторых из говоров иранизованного (не-сингармонистического) диалекта — напр. в Ташкентском [в Фергане же они в некоторых говорах различаются так: ئوي — «мысль», ئۆي «дом»]. В не-иранизованных же говорах они различаются преимущественно так: øj (или yj) — «дом», oj — «мысль».

В китайском языке (Пекинск. говоре):

wɔₐˇ-mən-laˇ 我們倆 «мы вдвоем»
ʽzamˊ-mən-laˇ 咱們倆 или 偺們倆 «мы с тобой вдвоем»
tʻaˉ-mən-laˇ 他們倆 «они вдвоем»
niˇ-mən-laˇ 你們倆 «вы вдвоем» и т. д.[1]

В Японском языке: 1) в Токиоском говоре ik-i-ta-k-att-a-no-ʷo или (—соединяя в одну группу по паре тесно сросшихся морфем [iki-, -tak-, -atta])—iki-tak-atta-no-ʷo «желавшего (Винительный п.) итти»

nom-i-ta-k-att-a-no-ʷo = nomi-tak-atta-no-ʷo «желавшего пить»

jom-i-ta-k-att-a-no-ʷo = jomi-tak-atta-no-ʷo «желавшего читать» job-i-ta-k-att-a-no-ʷo = jobi-tak-att-a-no-ʷo «желавшего (по)звать»[2]

2) В Киотоском говоре:

⌈ik-a⌉-⌊nand-a «не ходил»: Praeteritum Negativi от ⌈ik-u⌉ 行ク

⌈śin-a⌉-⌊nand-a «не умирал»: Praet. Neg. от ⌈śin-u⌉ 死ヌ

no⌈m-a-⌊nand-a «не пил»: Praet. Neg. от no⌈m-u 飲ム (Ток. ⌈nomu)

ka⌈k-a-⌊nand-a «не писал»: Praet. Neg. от ka⌈k-u 書ク (Ток. ⌈kaku)

jo⌈m-a-⌊nand-a «не читал»: Praet. Neg. от jo⌈m-u 讀ム (Ток. ⌈jomu)

---

[1] Т. е. формы двойственного числа личных местоимений [—с 2 суффиксами: 1) множественности (們) и 2) двойственного числа — -la], по значению эквивалентные, словосочетаниям (из 2-х слов)

wɔₐˇ-mən liaŋˇ-gə 我們+兩個,
tʻaˉ-mən liaŋˇ-gə 他們+兩個 и т. д.

[2] Т. е. формы Accusativi (— Винительного, на -ʷo) от просубстантивного (употребляющегося без следующего определяемого) Причастия (на -no) Praeteriti (Прошедшего времени, на -atta) Desiderativi (Желательного на -ta-, в данном образовании -ta-k).

⌈kawa⌉-⌞nand-a «не купил»: Praet. Neg. от ⌈ka-u⌉ 買フ [←*⌈kap-u⌉]

⌈job-a⌉-⌞nand-a «не звал»: Praet. Neg. от ⌈job-u⌉ 呼ブ

⌈araw-a⌉-⌞nand-a «не мыл»: Praet. Neg. от ⌈ara-u⌉ 洗フ [*⌈arap-u⌉]

⌈jorokob-a⌉-⌞nand-a «не радовался»: Praet. Neg. от ⌈joro-kob-u⌉ 喜ブ

maći-kutabu⌈re-⌞nand-a «не утомился ожиданием»: Praet. Neg. от maći-kutabure-⌈r-u

⌈ko-⌞nand-a «не пришел»: Praet. Neg. от ku-⌈r-u[1] 來ル (Ток. ⌈kuru)

3) В Нагасакском говоре — дер. Мие (см. «Психофонетическ. набл. над. яп: диал.» I).

ju:t-a-to-⌞ba[2] «сказавшего» – Accusativ. (Винительный п. — на -ba)[3] Просубстантивного Причастия (с суффиксом -to)[4] Прошедшего времени (— Praeteriti — ju-:⌞ta «сказал») от глагола ju⌞: 云イフ «говорит»

k'a:t-a-to-⌈ba «написавшего» [kai⌈t-a (←*ka⌈i⌞ta←*ka⌈k-i⌞-t-a) — Praeteritum от ka⌈ku «пишет»

o:r-a-to-⌞ba «плевшего = того, кто (с)плёл» [o:⌞r-a (←*au̯da←*aMda←*aMta←*⌈a⌞m-i-t-a) – Praeteritum от a⌞m-u (*⌈am-u⌉) «плетет» 編ム]

nu:r-a-to-⌈ba «пившего» [nu:⌈r-a←*nu:d-a←*nou̯d-a[5]←*noMda←*noMta←*no⌈m-i-⌞t-a «пил», — от no⌈mu «пьёт»]

---

[1] Глагол II спряжения с тройным чередованием основы: ku-/ki-/ko- (ср. su-/si/se в ⌈su-ru⌉ 爲ル).

[2] Эквивалент Токиоск. itt-a-no-ʷo 云イツタノヲ, Тосаск. ⌈ju⌞:t-a-ga-o.

[3] Нагасакское -ba соответствует стандартно-японскому -ʷo (Тоса -o) = ヲ.

[4] Нагасакское -to (— в качестве суффикса просубстантивного причастия) соответствует Токиоскому -no (и Тосаскому -ga). Примечание. Между прочим, одно это диалектическое соответствие Токиоскому суффиксу Просубстантивн. Причастия -no (Нагасаки -to, Тоса -ga) доказывает принципиальное различие этого -no от Genitiv'ного -no.

[5] Ср. Тосаск. no⌈:⌞d-a.

kitt-a-to-⌈ba «резавшего» [ki⌈tt-a←ki-⌈r-i-⌊t-a — Praeteritum от ki⌈:← *ki⌈r-u «режет»]

jo:r-a-to-⌈ba «читавшего» [jo:⌈r-a←jo:⌈d-a[1]←*jou̯da← *joMta←*jo⌈m-i-⌊ta,—Praeteritum от jo⌈mu «читает»]

jo:r-a-to-⌊ba «(по)звавшего» [jo:⌊r-a←jo:⌊d-a[2]←*jou̯da← *joMta ← *⌈jo⌊mb(i)ta ← *jomb-i-t-a, — Praeteritum от jo⌊bu «зовет»].

В персидском языке (таджикском наречии):

dɔd-æm دادم «я дал» [dɔd- — основа в форме прошедшего вр. (чередующаяся с dj- [в литературном персидском dæh-] в Наст. вр. + суффикс 1 лица -æm)

xɔst-æm خواستم «я хотел» [xɔst- — основа Прош. вр. (в Наст. вр. xɔh-) + суффикс 1 лица -æm]

kærd-æm کردم «я сделал» [kærd — основа Прош. вр. (в Наст. вр. kun-) + -æm]

dɔnist-æm دانستم «я узнал» [dɔnist- — основа Прошедшего (в Наст. вр. dɔn-) + -æm]

ræft-æm رفتم «я пошел» [ræft- — основа Прошедшего (ræw- в Наст. вр.) + -æm]

xɔst-æm خاستم «я встал» [xɔst- — основа Прошедшего (xez- خیز в Наст. вр.) + -æm]

xɔnd-æm خواندم [xɔnd- — основа Прошедшего вр. (в Наст. вр. xɔn-) + -æm] «я прочитал»

ɔmæd-æm امدم «я пришел» [ɔmæd- — основа Прошедшего вр. (в Наст. вр. ɔj-) + -æm].[1]

šud-æm شدم «я стал» [šud- — основа Прошедшего (šæw- в Наст.) + -æm].[3]

---

[1] Ср. Тосаск. jo⌈:⌊d-a.

[2] Ср. Тосаск. ⌈jo⌊:d-a.

[3] Сходство между персидским и (современным) японским образованием Praeteriti посредством чередования основы Настоящего вр. (так называемой «прэзенциальной» основы, напр. kun) с особого состава основой Прошедшего вр. (т.-е. «прэтеритальной» основой — kærd-) является, конечно, исторической случайностью. Но интересно, что здесь совпадение простирается и на звуковую характеристику «прэтеритальной» основы (в ново-персидском и в ново-япон-

Из арабского (классического) языка:

1-й пример:

al-kita:b-a أَلْكِتَابَ «книгу» («das Buch»—в Винительном п.).

as-sa:riq-a أَلسَّارِقَ «вóра» («den Dieb»).

al-malik-a أَلْمَلِكَ «короля, царя» (Винительн. п. — «den König»).

ar-rašul-a أَلرَّجُلَ «человека» (Винит. п., — «den Mann»).

an-nahr-a أَلنَّهْرَ «реку» («den Fluß»).

aš-šams-a أَلشَّمْسَ «солнце» («die Sonne» — в Винительном п.).

ском): подобно тому, как персидская «прэтеритальная» основа глагола всегда оканчивается на t- (— после глухого согласного: dəmist-, xəst-, ræft-) или d- (dəd-, kærd-, xənd-, əmæd- и т д.) [при чем эти t, d восходят к индо-европейскому суффиксу Participii Praeteriti Passivi *-to- — ср. санскритск. -ta- त, слав. -тъ в би-тъ, (от)кры-тъ, (об)ли-тъ, (при)жа-тъ], японская «прэтеритальная» основа I спряжения тоже всегда оканчивается на t- (напр. kitt- в kitt-a «резал» kitt-e «резав», itt- || зап. и южн. ju:t- в itt-a itt-e || зап. и южн. ju:t-a ju:t-e «сказал, сказав») или на d- (напр. jond- || зап. и южн. jo:d- || Рюкюск. jud- в jond-a jond-e || зап. и южн. jo:d-a jo:d-e || Рюк. jud-aŋ jud-i «звал, позвав»). При этом процесс образования этих t, d [d в некоторых южных говорах переходит затем в r] напоминает историческую формацию t, d в ново-персидских «прэтеритальных» основах (где источником служило индо-европейское *-to- || слав. -тъ,—см. выше): японские t, d восходят здесь к древнему суффиксу *-t- [ср. классич. суффикс. Praeteriti *-tu]: kitt-a ← kir-(i)-t-a (resp. kitte ← *kir-(i)-t-e), itt-a ← *juk-(i)-t-a, jond-a || jo:d-a ← jomb-(i)-t-a и т. д. Само собой разумеется, что из этого совпадения (ново-персидских и ново-японских фактов) никаких генеалогических выводов (т.-е. выводов о родстве между данными языками) делать нельзя — именно потому, что происхождение обоих явлений для нас вполне ясно и сводится к вполне независимым один от другого процессам, имевшим место, так сказать, на глазах лингвистической истории — в сравнительно недавние эпохи самостоятельной эволюции персидского, resp. японского языков. И значит, совпадение это может быть лишь подтверждением того, что сходные процессы [при наличии сходных отправных данных] могут переживаться двумя совершенно чуждыми друг другу языками.

2-й пример:

buHu:r-u-n بُحُورٌ «моря» [Имен. п. Множ. числа от baHrun — «море»].

šuHu:d-u-n شُهُودٌ [Им. п. Мн. ч. от ša:Hidun شَاهِدٌ — «свидетель»].

mulu:k-u-n مُلُوكٌ «цари» [Им. п. Мн. ч. от مَلِكٌ «царь»].

Huqu:q-u-n حُقُوقٌ «права» [Им. п. Мн. ч. от Haqqun حَقٌّ «право»].

ǯunu:d-u-n جُنُودٌ «войска» [Им. п. Мн. ч. от جُنْدٌ ǯundun «войско»].

3-й пример:

ja-fQalu يَفْعَلُ «он делает» («er tuht») — от глагола <3 л. Прош. вр.> faQala فَعَلَ.

ja-s'alu يَسْأَلُ «он спрашивает» — от sa'ala سَأَلَ

ja-ðhabu يَذْهَبُ «он уходит» — от ðahaba ذَهَبَ

jaǯ-Qalu يَجْعَلُ «он делает» («er macht») — от ǯaQala جَعَلَ

ja-rfaQu يَرْفَعُ «он поднимает» — от rafaQa رَفَعَ.

Как мы видим из сравнения слов, сгруппированных в каждом из вышеприведенных примеров, все они имеют ряд общих морфем (в узбекском, японских, китайском, персидском и в 1-м арабском примерах) или же — кроме того — аналогичное видоизменение звукового состава коренной морфемы (— во 2-м и 3-м арабских примерах). Условимся называть эти общие (повторяющиеся во всех словах данной группы) черты — *морфологической конструкцией*, а то, что отличает одно из этих слов от другого — их индивидуальным *лексическим материалом*. И вот попробуем задать себе вопрос: — действительно-ли те элементы, которые принадлежат к общей для данной группы слов морфо-

логической конструкции, играют роль *часто повторяющихся*, т.-е. *типичных* составных частей различных слов (беря здесь, конечно, уже не группы искусственно подобранных примеров, а все многообразие слов, потенциально встречающихся в данном языке)? И наоборот: действительно-ли *индивидуальный лексический материал* (т.-е. та морфема, что отличает одно из слов данной группы от другого) оказывается значительно более редким (опять-таки в масштабе совокупности всех слов, могущих встретиться в реальной речи), т.-е. менее часто повторяющимся в составе различных слов, чем вышеуказанные элементы морфологической конструкции (— различные суффиксы — в узбекском, японских, китайском, персидском примерах; или же префиксы — в роде префикса al-/as-/ar. . . . в 1-м арабском примере или префикса ja- в 3-м арабском примере; или, наконец, характерное для слов данной группы чередование звуков в коренной морфеме — во 2-м и в 3-м арабских примерах)?

Оказывается, что да, т.-е. один и тот же элемент морфологической конструкции встретится, допустим,[1] из 10.000 слов — в 200 или 300, 500 и может быть в 1.000 случаях, т.-е. в 2—10% [а если мы возьмем случай особенно частых элементов морфологической конструкции, каковы например, персидская морфема -e-||ı-, т.-е. так называемый «изофат», соответствующий по значению аффиксу Родительного падежа, или же китайский суффикс Nominativi-Genitivi -di 的, или арабский «определенный член» al-/as-/aš-/ar-. . . = ال, или же японский (Токиоский) глагольный суффикс -mas-/maś-, фигурирующий чуть-ли не в каждой глагольной форме (при известном «стиле» речи), то процент этот значительно повысится и сможет дойти, может быть, до 20—30%].

Возьмем, наоборот, элемент, являющийся лексическим материалом в вышеприведенных примерах, и нам будет ясно, что в 10.000 слов, произнесенных, допустим, японцем, мы можем

[1] Конечно, приблизительно: приводимые тут цифры взяты наугад.

быть и встретим, а может быть совсем не встретим слова, включающего, напр., морфему am- (Praesens am-u) и связанное с ней значение «плести». То же можно допустить и относительно морфем со значениями определенных предметов — допустим *моста*, *овцы*, *шприца*, *весла*, *поясницы*, *дедушки*, *кавычек*. Словом, ясно, что пока мы не имеем ввиду обозначения некоторых часто фигурирующих в природе и быту явлений и особенно действий (напр., день, утро, вечер, итти, давать, приходить, говорить и т. д.),[1] мы можем ожидать встретить — на данные 10.000 слов — может быть 1—2 или несколько, а может быть и ни одного случая слова, в которое входил бы данный *лексический материал* (т.-е. морфема со значением «моста», «овцы», «шприца» и т. д.). И изолируя возможность влияния индивидуальных вне-языковых условий отдельных личностей (по которым пастух, например, имел бы шансы часто говорить об «овце»), можно утверждать, что функции среднего случая единицы лексического материала (напр. морфемы со значением «мост») никак не достигнут 1% среди всей массы слов, произносимых [допустим, в течение суток] *всеми* представителями данного языка.

Итак среди элементов слова явно выделяется 2 различных класса *по частоте их функций* (*т.-е. участия*) *среди массы различных слов*; а условия, относящие тот или другой элемент к одному из этих классов, состоят, понятно в *значениях* их, т.-е. сводятся, в конечном счете, к вне-языковым данным.

Именно, среди идей, являющихся потенциальным содержанием речи, есть идеи со случайными, индивидуальными функциями (сюда относятся представления почти бесконечного ряда предметов, действий, качеств); и есть идеи, которым естественно свойственно сопровождать другие, именно вышеуказанные идеи в нашем мышлении: таковы, например, идеи арифметические

---

[1] И пока, разумеется, речь не идет о местоимениях, которые заслуживают совершенно особого рассмотрения, так как они обладают значением специфически абстрактным (т.-е. характерным именно для элементов *морфологической конструкции*) — см. ниже.

(представления чисел), естественно сопровождающие нашу мысль о тех или иных предметах. Это уже абстрактные идеи; но из них абстракцией уже высшего порядка является идея множественности — в противоположении единственному числу предмета. И вот потому, что наша мысль о предмете обыкновенно сопровождается мыслью об его единстве или множественности[1] (т.-е. общее представление о числе примышляется к представлению о предмете), языковая экономия приводит (в весьма многих языках) — к морфологическому приему обозначению числа: идея множественности, например, выражается не отдельным словом («много» + название предмета), а *частью слова*, т.-е. морфемой множественного числа, повторяющейся в ряде слов (обладающих значением множественности).

Точно так же наши представления о данном конкретном действии естественно сопровождаются 1) мыслью о времени совершения этого действия, 2) мыслью об известном лице или предмете, совершившем данное действие.[2] В результате получается

---

[1] Но между этими категориями единства и множества существуют, а в известных языках получают и морфологическое выражение еще категории двойственного и, реже, тройственного числа: ср. Dualis в языках арабском, обще-индо-европейском и из него — в санскрите, греческом, славянском, и с другой стороны — в современном китайском (в личных местоимениях); Dualis и Trialis — в полинезийских и меланезийских языках.

[2] А также и другими идеями [на которых я здесь, для краткости, останавливаться не буду], получающими (в том или в другом языке) морфологическое (т.-е. осуществляющееся посредством *части* слова, а не отдельного слова) выражение: 1) залогов (напр. в турецком — узбекском: -il/l (или in/n) — суфф. Страдат. залога, -in/-n — суффикс Возвратного залога, -iš/-š — суфф. Взаимного зал., -dır/-tır — суфф. Каузативного зал.: сравни بیرلگەن ber-il-gæn «данный, он был дан», یوۋینەمەن juw-in-æ-mæn «моюсь», sok-iš-ti-lær سوکشدیلەر «они бранились», ol-dır-dı ئولدردی «он убил = умертвил») 2) отрицания факта действия (турецкий и японский Negativ.: узб. Ташк. ič-mæ-di-m ئچمەدم «я не пил», kor-mæ-gæn کورمەگەن «не видевший», بارما bor-mæ «не ходи!»; яп. Токиоск. ka'k-a-na-i «не пишет», kak-a-na-k-att-a «не писал») 3) видов глагола (напр. в южно-японском: Progressiv. kiri-joru → ki:jo'i, Perfectiv. kitćoru → kitćo'i, Linquitativ. kitćo'ku — от kiru → ki: «режет»), 4) прямого и косвенного объекта действия — главным образом в так называемых полисинтетических языках: напр. в абхазском, баскском, северно-американских, а также в грузинском, венгерском, мордовском и даже во французском — напр. в je te l'ai dit *

образование времен и спряжение глагола по лицам (известное, однако, не всем языкам — например в японском, корейском, и, с другой стороны, в некоторых восточно-кавказских — дагестанских языках, спряжение по лицам отсутствует).

Равным образом, для представлений качеств и свойств, приписываемых предметам, естественно потенциальное примышление *степени* данного качества (или в сравнении с данным качеством у другого предмета или вне этого сравнения), и на этой почве вырастает морфологическое выражение *степени качества*, — напр. в виде сравнительной степени в языках русском, санскрите (на -तर), персидском (на -tær تر, напр. پیشتر peš-tær, پستتر pæst-tær), а также превосходной, или же Усилительной степени — в узбекском (где эта степень отнюдь не предусматривает сравнения с другим предметом: ərzən-rəq ئارزانراق или ærzən-rəq «подешевле»), или, наконец, Интенсива (также без презумпции сравнения, т.-е. без значения превосходной степени) — в узбекском: قیپقیزل qı-p-qızıl قاپقاره qə-p-qəræ, или в японском: ma-kkuro- 眞 黒, ma-šširo- 眞 白.[1]

Так из самой психологической базы нашего языкового мышления (и, в конечном счете, из деления наших идей на почти бесконечное число индивидуальных конкретных представлений и на ограниченное число типично примышляемых к ним абстрактных значений — вроде числа, времени действия, отношения пред-

---

[žœtœledi]; в качестве типичного образца такого «объективного спряжения» приведу часть парадигмы Прош. времени в эрзянском наречии мордовского языка: нентень «я тебя видел» (субъект — 1 лицо, объект — 2 лицо; сокращенно: 1—2 л.), нения «я его видел» (1—3 л.), нендизь (1—5 л.), невнь «я их видел» (1—6); ненмек «ты меня видел» (2—1), неик «ты его видел» (2—3), ненмизь «ты нас видел» (2—4), неить «ты их видел» (2—6); ненмем «он меня видел» (3—1), неньзеть «он тебя видел» (3—2), неизе «он его видел» (3—3), ненмизь «он нас видел» (3—4), нендизь «он вас видел» (3—5), неньзе «он их видел» (3—6); нендизь «мы тебя видели» (4—2), неинек «мы его видели» (4—3) и т. д. . . . . кончая формой невзь «они его, или их видели» (6—3=6—6).

[1] Сравни малайские аналогии: — в языке Илокано ma-saksakit от основы * sakit, в тагальском ma-butiŋ-butiŋ (и меланезийск. ma-nae-nae). См. ИРАН 1919 «Одна из японо-малайских параллелей».

мета к действию или к другому предмету,[1] степени качества, приписываемого предмету, и т. д. и т. д.) вытекает, во первых, склонность сочетать в одном и том же слове обе указанные категории представлений, и во вторых, — принципиальное деление значения слова на *лексический* и *морфологический* (или *формальный*) элементы.

Соответственно этому делению частных значений (входящих в сложное значение слова) мы будем называть морфему, выражающую лексическое значение, *лексической* или *материальной* морфемой, а морфемы, выражающие морфологические (или формальные) значения [— т.-е. суффиксы, префиксы] — *формальными* морфемами (или *формантами*). Как же распределяют между собой *морфология* и *лексика* рассмотрение слова — на основании вышеуказанного деления морфем? Если бы на этот вопрос ответить просто так: «морфология ведает формальные, а лексика — лексические (материальные) морфемы», то этот ответ оказался бы не точным.[2]

И следовательно, полный ответ должен гласить: Морфология рассматривает, как формальные морфемы, так и лексические морфемы в составе слова — с точки зрения их участия в *морфологической конструкции* (см. выше) слова, т.-е. в выражении типично примышляемых к лексическому значению формальных значений. Лексика же рассматривает выражение в слове лексических (материальных) значений, а потому ведает, прежде всего, лексические морфемы, включая в свое рассмотрение формальные морфемы лишь постольку, поскольку их сочетание с данной лексической морфемой отражается на лексическом значении последней.[3]

---

[1] Что находит морфологическое отображение в категориях *падежей* (или именном склонении).

[2] Так в немецком слове Brüder [bry:dər] вовсе нет формальной морфемы, а между тем отличие его от Bruder [bru:dər] подлежит, конечно, ведению морфологии, а не лексики.

[3] Яркий пример чего мы встречаем в узбекском ræxmæt-lik رحمتلك, где морфема ræxmæt «милость», употребляющаяся в отдельности в значении «спасибо, благодарю», в сочетании с -lik получает уже вполне специфическое

§ 5. В особый отдел языкознания (лингвистики) могут быть выделены вопросы, касающиеся исключительно взаимоотношения между различными смысловыми представлениями, составляющими значения слов; сюда относится, например, рассмотрение связи между представлениями *сухости* и *жажды*, на основании чего объяснимо общее происхождение (этимология) немецких слов Dürre и Durst, или же — между представлениями «ясности» и «весны», на основании чего объяснимо родство японских слов ʳharu 春 и ʳharu/hare-ru 晴.[1] Этот отдел лингвистики называется семасиологией,[2] т. е. «наукой о значениях». Само собой разумеется, семасиология теснейшим образом соприкасается с лексикой и даже может — с известной точки зрения — рассматриваться как составная часть лексики.

§ 5. Обыкновенно вместе с языком (т.-е. устной речью) рассматривается и соответствующая ему письменность. Совокупность всех средств данной письменности называется *графикой*[3] (следо-

---

значение (ræxmæt-lik значит уже не «благодарный» [что вытекало бы из обычного формального значения суффикса -lik], но «покойный»).

[1] Или же корейского n'ʌram (*njerʌm) «лето», якутского sa:s «весна», туркм. ja:ð «лето», узб. jɔz یاز «лето», чувашск. š́ur «весна» и манчжурск. nijarxūn «свежий, зеленый», монг. nirai «новорожденный».

[2] От греческого σημάσιον (sēmásion) «значение». Впрочем точное разграничение смысла терминов «семантика» (которая иногда понимается как совокупность морфологии, лексики и синтаксиса — в противоположность фонетике: см. выше) и «семасиология» проводится далеко не всегда и некоторые авторы лингвистических работ допускают, напр., употребление первого термина в значении второго. Поэтому настаивать на выше приведенных определениях нет надобности (тем более, что в моем дальнейшем изложении я избегаю употребления и того и другого термина).

[3] Будь то письменность или «графика» *идеографическая* (т.-е. основанная на передаче смыслового, а не звукового состава слов, каковы письменности китайская, древнейшая египетская, сумерийская), или *силлабическая* (где отдельный знак соответствует не одному гласному или согласному, а целому слогу; таковы, например, японские 片假名 и 平假名 или древний критский слоговой алфавит) или же, наконец, *звуковое* или *фонетическое* (где 1 знак, или буква, по принципу, приходится на одно звукопредставление: гласного или согласного; сюда принадлежит большинство современных письменностей [хотя нужно отметить, что некоторые из них, как например алфавиты семитические —

вательно к рассмотрению графики относится рассмотрение обозначений звуков данного языка буквами, например констатирование факта, что в современном туркменском письме буква ا может иметь 4 функции: 1) передачу звука a внутри и на конце слова, 2) передачу a: долгого в тех же позициях, 3) в начале слова перед согласным передачу звука e, 4) в начале слова перед следующей гласной — нулевое звуковое значение). А совокупность правил о том, как следует писать отдельные слова, называется *орфографией*[1] (хотя на практике слово «орфография» употребляют также в смысле общего термина для графики с орфографией, — когда говорят например об «узбекской орфографии 1923 года» или «казакской орфографии 1924 года» и т. д.).

§ 6. Подобно тому, как письмо оказывается в фактическом быту дополнением или привеском к системе речевого обмена (языку), так и учение о графике и орфографии составляет привесок к языкознанию (науке о языке).

Другим подобным же (только гораздо менее разработанным) привеском к лингвистической науке может считаться изучение *жестов*, являющихся (особенно в языках народов, близких к первобытной культуре) типичным аксессуаром речи [хотя общепринятого термина для этого учения и не существует: оно рассматривается обыкновенно в качестве одного из отделов «коллективной психологии», или так называемой «Völkerpsychologie»].

§ 7. В зависимости от деления, указанного в § 2, *фонетика* может быть *описательной* и *исторической*. Описательная фонетика рассматривает, например, русское слово *день*, как состоящее из 3 звуков [d'], [e], [n']; а историческая может сказать по поводу звукового состава этого слова еще то, что раньше оно состояло

в их первоначальной форме с изображением одних только согласных, а также индийский Dēvanāgarī и тибетский, обнаруживают переходный характер между стадией силлабической и звуковой]).

[1] От греческих слов ὀρθό-ς (orthos) «правильный» и γράφ-ω (graphō) «пишу».

из 4 звуков (на что указывает древнее написание ДЬНЬ), из которых второй был одинаков с четвертым.[1] Она может еще прибавить объяснение, почему четвертый звук [который, как, разумеется, и второй, — был звуком гласным] исчез, а второй сохранился: это стоит в связи с общим законом, по которому в древне-русском языке звук, изображавшийся (в древне-церковно-славянской и в древнейшей русской письменности) буквой Ь,[2] в известную эпоху перестал произноситься, за исключением тех, однако, случаев, когда за данным звуком в непосредственно следующем слоге опять имелся звук, который сам подлежал исчезновению (т.-е. один из двух звуков, изображавшихся через Ь и через Ъ); в таких случаях исчезал этот второй звук, а первый [т.-е. в слове ДЬНЬ — звук, изображавшийся первым Ь] переходил в звук типа [е],[3] — изображавшийся буквой Е (откуда

---

[1] И звучал, вероятно, в виде весьма краткого гласного, промежуточного между звуками [i] и [e], т.-е. аналогично современному казакскому («казак-киргизскому») краткому ى ٔ [= ﺩ ٔ] например в словах كسى [kьвь], ٔ نشتى [ьšts], بىزد ىكى [bьzdьkь], جىگىت [žьgьt].

[2] Как и звук, изображавшийся (в ту эпоху) буквой Ъ. О том, как произносился этот гласный звук (Ъ), историческая фонетика (как и относительно древнего произношения звука Ь, — см. подстр. примеч. [1]) тоже позволяет иметь некоторое (хотя, конечно, лишь приблизительное) представление. Именно, весьма вероятно, что этот весьма краткий гласный звук произносился или сходно с современным казакским ى [= ﺩ, ـ] например в словах تىنىش [tъnš], سىندى [въndъ], سىند ىردى [въndъrdъ], — в том случае, если Ъ произносился уже без губной работы, или же сходно с казакским و — например в словах وُش [ɣš], تُور [tɣr], بُويُورماق [bɣjɣrmaq], — в том случае, если древне-славянское Ъ сохраняло еще губную работу, унаследованную от его предшественника — индо-европейского *u. [При этом возможно, что произношение Ъ колебалось в данном отношении (т.-е. между сходством с казакским ى и казакским و) в разных древне-славянских языках: так в польском и в сербском (где первое Ъ в слове СЪНЪ дает е — в польском, или же а — в сербском: СЪНЪ → польское sen [sen], сербское САН [san]), можно думать, произносился — в рассматриваемую нами эпоху — Ъ без губной работы, в роде казакского ى; а в древне-русском (где первое Ъ в слове СЪНЪ дает О: СЪНЪ → сон [son]) — Ъ с губной работой, в роде казакского و].

[3] Вполне понятно, что оба Ь в слове ДЬНЬ (как и оба Ъ в слове СЪНЪ «сон») исчезнуть не могли: иначе слово осталось бы без гласного звука. Но с другой стороны, понятно и то, что первое Ь в ДЬН(Ь) не могло остаться

позднейшее русское написание ДЕНЬ). Потому-то в слове, которое писалось **ДЬНЬСЬ** (**ДЬНЬ** «день» + **СЬ** «сей») исчезал последний гласный, предшествующий ему переходил в Е, а первый, у которого не было причин к сохранению (раз второй не исчезал), исчез из произношения, как и третий; в результате получилось современное *днесь* [dn'es'], имеющее только один гласный.[1] В слове же *день* из **ДЬНЬ** исчез, наоборот, второй гласный.

Одним указанием предшествующих этапов развития (в роде

в своем прежнем виде, а должно было уподобиться какому-либо другому гласному ([e] с мягкостью предшествующего согласного в русском и польском: рус. день [d'en'], польск. dzień [ʒen'], в сербском же — a: ДЬНЬ → сербск. дан [dan]): это потому, что с исчезновением звуков Ъ Ь в громадном большинстве их случаев, тех случаев, где они по особым причинам уцелевали, было недостаточно для закрепления в языковом мышлении особых принципиально отличных от других гласных звукопредставлений ЬЪ.

[1] Однако, древний звук, изображавшийся через Ь, оставил в большинстве случаев след своего существования в «мягкости» предшествовавшего ему согласного (напр. в конечном *сь* [s'] в *днесь*), почему в современной русской письменности буква Ь используется, как одно из средств обозначения «мягких» согласных (в отличие от «твердых»), напр. в спать [spat'], льет [l'jot], льна [l'na]. Сравни вполне сходное явление в истории падения (исчезновения) «японских Ь Ъ», т.-е. звуков того же общего типа, что и древне-славянские Ь Ъ, т.-е. японских кратких i u (которые — при наличии определенных условий — обращаются в нуль в современном произношении почти во всех японских говорах). Именно, японское краткое i, выпадая (в благоприятной для этого позиции: после спиранта, перед следующим глухим согласным или на конце слова при отсутствии муз. ударения и т. д.), оставляет след своего существования в мягкости предшествующего согласного (например ś — из древнего *s): Токиоск. ˹haś(i) 箸 «палочки для еды», -deśta ← -*desita, -maśta ← -*masita и т. д. (сравни наоборот «твердое» s в -des ← -desu, -mas ← -masu и т. д.). Примечание. Но подобно тому, как и при падении славянского Ь не получалось «мягкости» предшествующего согласного в таком славянском языке, где вообще отсутствует категория парных мягких согласных (сь, пь, бь, рь, зь и т. д.), — именно в сербском (где ДЬНЬ → дан [dan]), так и в известных японских говорах (которым парные мягкие согласные почти или совсем чужды), — именно в северо-восточных, падение гласных в слогах *si и *su дает одинаковые результаты: Аомори ˹hask-o (箸 ハシ + постпозитивный член -ko 子), ˹nas-ko (茄 ナス + член -ko 子).

*sunu → sЪnЪ → son и т. д.) историческая фонетика, однако, может не ограничиваться, а итти — в поисках причин явлений — и дальше, — объясняя мотивы совершившихся в данном случае фонетических изменений. Так например, общим объяснением, как для славянского исчезновения звуков Ъ Ь (принадлежавших к типу «узких кратких гласных u и i»), так и для аналогичных процессов сокращения и затем утраты кратких u и i в ряде других языков,[1] явится указание на то, что расход, т.-е. выдых воздуха при узких гласных (i u, а также у ш) в единицу времени оказывается бо́льшим, чем при других гласных (напр. а). Естественно поэтому, что расходуя одно и то же количество воздуха можно произносить гласный а, допустим, в течение $^2/_5$ секунды, а гласные u, i — лишь в течение $^1/_5$ секунды [это цифры, конечно, только примерные, хотя их можно было бы заменить и точными, проработав этот вопрос инструментальными опытами в Кабинете Экспериментальной Фонетики]. От этого звуки i и скорее подлежат сокращению (и в конечном результате сокращения —

---

[1] О японском явлении мы уже говорили (подстр. прим. стр. 28). Добавлю только, что в иные эпохи и в иных говорах для падения кратких i u особо благоприятной позицией является не только позиция после спирантов (и аффрикат), как в современном Токиоском: ср. падение i после r в некоторых диалектах южной группы — ʳtoriˀ 鳥 → Кумамото tor'-, откуда затем в прибрежных Нагасакских говорах tor' → toį и в Рюкюск. tui; ср. также древние случаи падения i после носового — например *noʳdo (= *nondo) ← noʳm(i)-toˀ «горло». Кроме японского можно отметить назревание сходных явлений (для кратких узких гласных) в языках: ново-индийских (напр. Маратхи), турецких [в казакском все 4 кратких узких гласных: *i, *ш, *y, *u — уже сильно редуцированы во всякой позиции; в узбекском Ташкентском на очереди к падению стоит ı (← тур. *i, *ш), которому уподобляется — в благоприятных для редукции позициях и гласный u; ср. t(ı)l تل, p(ı)l فل «слон», b(ı)r بر, b(ı)z بز, č(ı)š ← tš ← *tiš تش «зуб», č(ı)š-mәq ← tuš-mәq вм. *tyš-mæk, تۇشمك «падать»], китайском [напр. ᵗdá-ә ← ᵗdásɪ 打 死 (ср. яп. ši = 死), ᵖbi-ә 鼻 子 и т. д.], персидских говорах, бурятском, монгольском и калмыцком [ср. *mørin → mørn̥; здесь впрочем явление внешне осложняется тем, что на пути к падению все калмыцкие краткие гласные не-первых слогов совпали — в одном звукопредставлении — с узкими гласными], корейском [где на очереди к редукции стоит гласный ш: ср. суффикс множественного числа и Именит. падежа -dᵚr-i ← -dшr-i (дублет -dar-i)] и т. д. и т. д.

паденію), т.-е. «изнашиваются» в определенный срок языковой эволюции больше, чем другие гласные (напр. а). Иначе говоря, краткие узкие гласные принципиально являются «исторически-неустойчивыми» (по сравнению с другими).

§ 8. Выше приведенный в § 7 пример (историко-фонетического рассмотрения вокализма [т.-е. гласных] русских слов *день*, *днесь* и *сон*) показывает, что историко-фонетическая мотивировка обследуемого явления слагается: 1) из установления предшествующих этапов (т.-е. форм в языках прошлых поколений) для данных конкретных слов и звуков,[1] 2) из ссылки на общие для аналогичных фактов во всех языках законы историко-фонетического развития (т.-е. общие принципы или законы звуковой эволюции).[2] Соответственно этому различию в характере объяснений, из *исторической фонетики*, понимаемой, как исторический анализ данных конкретных звуковых явлений определенного языка (например русского, японского, китайского, казакского), я выделяю под именем *фонетической историологии*[3] общее учение о действительных для всех языков принципах и причинах звуковой эволюции.

§ 9. На тех же основаниях, на каких описательная фонетика противополагается исторической, описательная *морфология* противополагается исторической морфологии, описательный *синтаксис* — историческому синтаксису. Равным образом возможны понятия: морфологическая историология и синтаксическая историология.

---

[1] Куда относится, значит, установление следующих этапов эволюции для материала данных примеров: *sunu → sЪnЪ (ср. древнюю графику СЪНЪ) → → русск. son (resp. польск. sen, сербск. san); *dini → dЬnЬ (графика ДЬНЬ — напр. в Остромировом Евангелии 1056 года) → русск. d′en′ (resp. польск. ʒen′, сербск. dan), и т. п. *Или же*, в виде формулы для отдельных звуков: «*u → Ъ → нуль, resp. *u → Ъ → русск. о (польск. е, сербск. а) — если гласный, как таковой, должен был сохраниться», и т. п.

[2] Сюда относится указание на историческую неустойчивость узких гласных (сравнительно с другими) и на физиологическое обоснование этого.

[3] Термин заимствован у профессора Н. И. Кареева, употребившего слово «историология» в применении к историческому процессу.

§ 10. На практике историческое языкознание очень трудно отделить от *сравнительного языкознания*[1] или точнее от изучения истории родственных языков. Поскольку историк языка рассматривает не один какой-нибудь язык или говор в его развитии от более древнего состояния до более нового, а привлекает к рассмотрению и соответствующие явления в родственных языках, он уже занимается сравнительным или сравнительно-историческим языкознанием. Итак, в основу сравнительного языкознания ложится понятие родственных языков. Родственными языками мы называем такие языки, в которых имеющиеся на лицо черты сходства не могут быть объяснимы иначе, как путем предположения общего происхождения данных языков. Например, между японским и рюкюским языками наблюдается громадный ряд совпадений, состоящий, между прочим, в том, что многие слова или части слов, связываемые и в японском и в рюкюском с одним и тем же значением, имеют в обоих языках тождественный или сходный языковой состав. Например, слова tama 玉 sara 皿 hana 鼻 звучат в обоих языках одинаково (приблизительно одинаково даже с точки зрения акцентуации), слово ki 木 отличается в Рюкюском только долготой гласного — ki: (что однако совпадает с долготой данного гласного в Киотоской и Тосаской форме ki: [= kiˀ:, так что различие от Рюк. состоит только в Киотоской и Тосаской акцентуации]); слова же яп. tori 鳥 и рюк. tui звучат неодинаково, но сходно (общие моменты: начальное t и конечное i). И наконец, форма прошедшего времени яп. jonda (зап.-яп. jo:da) характеризуется чередованиями (по сравнению с формой Praesens'a jobu) d- || b- и -a||-u, что повторяется в рюкюской форме прошедшего jud-a-ŋ — при Praesens'e jub-u-ŋ; а падеж логического подлежащего (Subjectivus) от основ на a имеет тоже окончание — a:, что и в южно-японском (в Кюсюских говорах, например в префектуре Нагасаки), например в рюкюских формах Subjectivi ti:ra: (от ti:ra «солнце») ka:ra:

[1] По-немецки Vergleichende Sprachwissenschaft, по-французски — linguistique comparée.

46

(от ka:ra «река»), anda: (от anda «масло»): сравни Нагасакск. jamaʳ: (от jaʳma «лес»),[1] hanaₗ: (от haₗna «нос»), abura: (от abura[2] «масло») и с другой стороны соответствующие центрально-японские jama-wa, hana-wa, abura-wa (из *ʳjaₗma-pa, *ʳpana-pa˥ и т. д.

Аналогичные сходства в тожественных (или близких) по смыслу словах и формах можно назвать и, например, между языками: «турецкими» в узком смысле слова (например османским, узбекским, туркменским, казакским, киргизским и т. д.) и якутским или чувашским: например: узбекскому (Ташкентскому) tɔʁ تاغ «гора» соответствуют однозначащие казакское taw تاو, киргизское to: توو, туркменское daʁ داغ, чувашское tu и наконец якутское tɯʌ («tïь» в современной якутской графике)—«лес». * Узбекскому ot ئوت (и o:d- в северно-узбекском: в Икане и Кара-Булаке) «огонь» соответствуют [с тем же значением: огонь] казакское ot وت, киргизское وت, османское ot اوت, туркменское o:d اود, северно-кумыкское ut, южно-кумыкское ot, татарское ut, чувашское vut и якутское uot. Узбекской морфеме bol- «быть» (بول — «будь!») корреспондируют туркменск. bol- بول, казакское bol- بول, киргизское bol- بول, татарское bul, северно-кумыкское bul (южное bol), чувашское pul и якутское buol. Равным образом найдется длинный ряд сходств и в формальных морфемах: возьму один пример: узбекскому (Ташкентскому) притяжательному суффиксу 3 лица[3] -ı ى соот-

---

[1] Киотоск. ʳjaₗma, Ток. jaʳma 山 «гора» получает в Кюсюских говорах значение «лес» [сравни аналогичные семасиологические соотношения между русским *гора* и сербским *гóра* «лес», или же между турецким taʁ تاغ (узб. tɔʁ), казакским taw تاو «гора» и якутским tɯʌ «лес» [tɯʌ ← *tɯ: ← *tɯu ← *tau ← *taʁ].

[2] Рюкюское anda точно соответствует Токиоскому abura, Тосаскому ʳaₗmura, Киотоскому ʳaₗbura и т. д., также как и рюк. собств. имя sanda: — японскому saburo: (из *šaṃburaM ← др.-кит. sam-laŋ 三 郎) или же рюкюск. -nda ← mura 村 в виде второй части названий мест — японскому mura («деревня»).

[3] Т.-е. суффиксу, означающему принадлежность предмета 3-ему лицу, а значит имеющему значение русских вульгарных местоимений «евоный, ихний», напр. ot-i آتى «его лошадь = евоная лошадь», oj-ı ئويى «его дом = евоный дом или их дом = ихний дом».

ветствуют в других турецких языках чередования -i/-ɯ или -i/-ɯ/-u/-y (пишется же чаще всего ى; например османск. et-i اتى «его мясо [= евоное мясо]», туркм. et-i «его мясо» a:d-ɯ ادى «его имя» qɯ:ð-ɯ قيزى «его дочь» ba:lɯʁ-ɯ «его рыба», казакск. и киргизск. oq-u وقى или وقو «его стрела», киргизск. qɯz-ɯ «его дочь» и т. д. и т. д.), а в чувашском -i или -ə (pull-i «его рыба», xər-ə «его дочь»).

Точно так же могут быть выисканы ряды сходных слов и морфем для других групп языков: например 1) монгольского (в узком смысле), бурятского и калмыцкого, 2) персидского (с его наречиями, включая, например, таджикский и татский яз.), курдского, осетинского, афганского, ягнобского, шугнанского (и других мелких языков Памира), 3) немецкого, английского, шведского, датского, голландского,[1] 4) французского, итальянского, испанского, португальского, румынского и других «романских»,[2] 5) русского, польского, сербского, болгарского, чешского и других «славянских».[3]

Объяснить все эти ряды совпадений (между японским и рюкюским, между турецкими языками, между польским и русским и т. д.) случайностью, конечно, невозможно. Единственной причиной подобных сходств может быть только то, что данные языки получили эти, обнаруживающие друг с другом сходства, слова и морфемы — из одного общего источника. А если эти сходства носят систематический характер, т.-е. повторяются passim (сплошь и рядом) на всем протяжении словаря и морфо-

---

[1] Сравним хотя бы слова: нем. schlagen [šla:γ-ən], шведск. slå[slo], английск. slow [sloᵊ]; нем. Mann [man], англ. man [mæn] и т. д.

[2] Сравним: франц. je sais [žœ-se] и испанск. yo se [jo-se]; франц. viens [vjẽ] и итальянск. vieni; франц. pain [pẽ] и португальск. pao [pãũ] (откуда, между прочим, заимствовано и японское paŋ パン).

[3] Например, слово *конь* [kon'] в русском и польском звучит одинаково, слова *дуб* и польское [dǫb], *день* и польское [źeń], *сон* и польское [sen] неодинаково, но сходно, и часть слова *был* [bɯ-ł], состоящая из звука ł, связываемая со значением прошедшего времени (— т.-е. суффикс прошедшего времени), повторяется с тем же значением и в польском (był [bɯ-ł]).

логии, то остается допустить, что данные языки (японский и рюкюский, русский и польский, и т. д.) суть видоизменения одного языка, существовавшего в более древнюю эпоху. Путем передачи этого языка от одного поколения другому (т.-е. путем обучения, вернее самообучения детей языку старших) этот язык дожил и до настоящего времени, но в видоизмененных, точнее в разнообразным способом видоизмененных формах (примерами которых служат не вполне сходные слова и формы — в японском и рюкюском,[1] узбекском — туркменском — татарском — якутском и т. д.,[2] французском и испанском,[3] русском и польском и т. п.). Этим объясняются сходства между данными языками, но вместе с тем рождается и недоумение: чем же объясняются различия? Откуда взялись видоизменения исходной формы, да еще специфические, своеобразные в каждом отдельном языке?

Разве дети, подражая языку взрослых, не должны были бы копировать его в точности? Но если бы они копировали его в каждом поколении с безусловной точностью, то современный русский и современный польский [respective японский и рюкюский, resp. татарский и туркменский и т. д.] ничем не должны были бы отличаться ни друг от друга, ни от их предка — языка древней эпохи. По этому поводу нужно установить:

1°. *Факт различия между языком детей и языком взрослых.* Именно, дети, обучаясь языку взрослых, вносят в него некото-

---

[1] Напр. яп. Ток. tori-wa (от tori), яп. Нагасакск. tor'a$_{ɩ}$: (от to$_{ɩ}$i), рюкюск. ture: (от tul) [исходная форма: *ʳtori-paˀ].

[2] Напр. османск. и узб. jol يول, туркм. jo:l, тат. jul (Касимовск. ǯul), киргизск. ǯol, казакск. žol جول, якутск. suol чув. śul [исходная форма: *jo:l]; узб. Ташк. jɔz يار «лето», туркм. ja:ð يار, киргизск. ǯaz, казакск. žaz جار, якутск. sa:s «весна», чувашск. śur «весна» [Праформа: *ja:rᶻ (знак (*) rᶻ обозначает здесь особый пралзыковый согласный, превращенный в чувашском в r, а прочими турецкими языками в z, откуда впоследствии туркменское ð, якутское s; может быть это *rᶻ было согласным типа северно-китайского ṛ — 兒 耳 二 爾?].

[3] Напр. франц. homme [ɔm] и испанск. ombre [исходная форма *(h)om[i]-ne(m) = латинск. hominem].

рые изменения;[1] эти изменения не слишком значительны, — не настолько велики, чтобы бросалась в глаза резкая разница между языком двух смежных поколений (отцов и детей); но на протяжении ряда поколений этих изменений накапливается столько, что новый язык существенно отличается от языка древней эпохи.

2°. *Возможность разнородности изменений в языке*, передаваемом от поколения к поколению. Так, возможно, что при передаче какого-либо языка от взрослых детям, ребенок, принадлежащий к одной семье, допустит некоторое изменение, которое будет отсутствовать у детей другой семьи, или которое будет произведено, но несколько отличным образом у детей третьей семьи. Таким образом у разных представителей поколения могут оказаться своеобразные различия, отсутствовавшие в языке предыдущего поколения. И аналогично этому, в разных языках одной более новой эпохи могут оказаться различия, отсутствовавшие в более древнюю эпоху в том языке, из которого происходят данные языки. Так мы уже выше видели, что в русском сон [son] имеется гласный звук [o], а польском sen [sen] — гласный звук [e];

[1] Так в языке ближайших к современному моменту поколений, т.-е. на наших глазах, произошло следующее фонетическое изменение в нашем обще-русском стандартном языке: в то время, как поколение предшествующее употребляло (да и употребляет теперь) особое, — именно «проточное» (или спирантное, см. ниже) «г» [γ] в словах бога, господи, благо и некоторых других, новейшее поколение произвело подстановку в этих случаях нормального «смычного» «г» [g], т.-е. произносит [boga], [gospad'i], [blagǝ] с тем же звуком [g], что и в словах город, нога [gorat], [naga] и т. д. Иначе говоря, новейшее поколение совсем устранило фонему [γ] из числа своих звукопредставлений (произведя, следовательно, упрощение обще-русской фонетической системы посредством конвергенции $γ \times g \rightarrow g$; см. ниже главу о факторах фонетической эволюции). Примечание. Проточное [γ] существовало в литературном великорусском говоре в указанных словах благодаря древнему южно-русскому влиянию: большинство духовенства в древней Руси принадлежало к южно-руссам (и в частности киевлянам), а потому произносило «г» проточное (малоросс. [ɦ]) во всех словах; великорусское же население стало подражать ему, естественно, именно в специфически религиозных словах, слышанных от духовенства в церкви, — каковы вышеприведенные бога и т. д., приобретя таким образом лишнюю согласную фонему (хотя [γ] великорусское в бога и т. д.
* и не точно соответствует малороссийскому [ɦ]: см. ниже «Звуковой состав русского языка»).

в том же древнем языке, из которого произошли польский и сербский был здесь особый звук (обозначавшийся в славянской письменности Ъ: СЪНЪ), который по-разному изменился (в данной позиции) в польском и русском (Ъ→польск. е, русск. о). Для японского Токиоского (и Киотоского) unaŋi, Нагасакского (и Тосаского) onagi и рюкюского ŋ̣naʒ́i «угорь» общей исходной формой можно признать *ṃnaŋi (или *ṃnagi)[1] — на что указывает между прочим и древняя орфография *mu na gi* (наряду с *ио na gi*, см. словарь Ямада 山田); это значит, что древний слогообразующий носовой *ṃ в одной части японских говоров (куда принадлежат «нормально-японские» центральные и восточные говоры, в том числе напр. Токиоский [— из восточных] и Киотоский [— из западных]) уподобился звукопредставлению u [т.-е. произошел переход *ṃ→u, или, что то же, конвергенция *ṃ × u→u]; а в части южных и части западных говоров (на Кюсю и на Сикоку — в Тоса) *ṃ→o [т.-е. имела место конвергенция *ṃ × o→o]; и, наконец, в самой южной половине южной группы — в рюкюском мы имеем, в данной позиции, *ṃ→ŋ̣; т.-е. носовой слогообразующий сохранился, как таковой, изменив только место ртового образования — ввиду ассимиляции к следующему согласному n (ṃnagi→ŋ̣naʒ́i).

Для узбекского jɔz ياز «лето», казакского žaz جاز, туркменского ja:ð ياز, якутского sa:s («весна»), чувашского śur («весна») восстанавливаются: для «турецких» языков в узком смысле слова (т.-е. с исключением чувашского [но включая

---

[1] *ṃnaŋi является исходной формой для восточных и многих центральных («западных») говоров, *ṃnagi — главным образом для южной группы. При этом надо заметить, что восстановляемая нами в качестве исходной форма *ṃna$\frac{ŋ}{g}$i в свою очередь возводима к более древнему этапу — вероятно *munaŋi [ср. соответствие Ток. u || Наг. (и Тосаск.) o в другом примере: usaŋi 兎 (Киото usa⌈ŋi) || Нагасаки osa˛gi (Тоса o⌈sagi⌉), для которого возможно гипотетическое сближение с малайским mu⌈saŋ 'Paradoxurus hermaphrodytus': допускаю, что выходцы из южного архипелага перенесли имя *мусанга* на его бытовой эквивалент, каковым на японских островах оказался заяц].

якутский j) — исходная форма *ja:z, откуда путем своеобразных фонетических изменений произошли все формы отдельных тур. языков: в узбекском (Ташкентском) имело место развитие *a: → a → ɔ; в казакском j → ǯ → ž, a: → a; в туркменском z → ð; в якутском *j → s и z → s; 2) для чувашского — *ja:r (откуда *j → чув. š, *a: → чув. u или — в другом диалекте — o). Далее обе эти исходные формы (*ja:z и *ja:r) восходят к еще более древнему этапу, который можно предполагать в виде *n'a:r^{s} или же *n'a:$\overset{s}{r}$, где под символом *r^{s} или же *$\overset{s}{r}$ понимается некий специфический согласный (— особого сорта r).[1]

Подобным же образом узбекский притяжательный суффикс 3 лица (после основ на согласный) -ı ى, и все соответствующие ему чередования гласных [-i/-ɯ, resp. -i/-ɯ/-u/-y] в других турецких языках, и чувашск. -i/-ə не могут быть объяснимы иначе, как из допущения существования подобного суффикса (именно в форме *-i) в общем для турецких и чувашского праязыке[2] [см. Asia Major. Islamica. Vol. I, fasc. 4. N. Poppe «Türkisch-tschuwassische vergleichende Studien», S. 422—423].

3°. Необходимость того, чтобы язык, на котором говорит известная группа людей, имеющая постоянное между собою

---

[1] Исходная обще-турецко-чувашская форма *n'a:$^{s}_{r}$ (откуда тур. *ja:z, чув. *ja:r) из показаний самих данных языков (турецких в узком смысле + чувашского) может быть восстановлена только в виде *ja:$^{s}_{r}$; начальное же *n' вместо сменившего его *j допускается уже на основании показаний других, находящихся уже в более отдаленном родстве (к турецким) языков, — между прочим корейского [n'ʌram «лето»], манчжурского [nijarxun «свежий, зеленый»] а также монгольского [nirai «новорожденный»]. По поводу данного примера см. выше подстрочное прим. стр. 34 (о возможном характере *$^{s}_{r}$).

[2] Далее оказывается, что этот суффикс *-i (первоначально чуждый сингармонистическим чередованиям — см. Poppe, l. c.) оказывается древним «обще-алтайским» (см. прим. стр. 44) местоимением «он»: ср. монгольск. inu — Родительный падеж от *i-, манчжурск. i «он» (Родительный ini, Дательный inde, Винительный imbe ← *inbe и т. д.), корейск. i «он, этот» (Subjectiv. i-nan т.-е. *i-nʌn, Винительный iral и т. д.).

общение, был одинаковым, суживает сферу возможных индивидуальных отличий в представителях этой группы. На этом основывается то, что обычно индивидуальные особенности речи отдельных лиц сознательно или бессознательно устраняются. Потому, если внутри какой-нибудь сплоченной социальной единицы (семьи, рода и племени) и возможны изменения языка по мере передачи его из поколения в поколение, то это такие изменения, которые будут одобрены[1] большинством представителей данного поколения данной социальной единицы. Потому же социальные группы, которые связываются тесным общением, имеют более или менее однородный язык, и чем теснее такое общение, тем больше в языке однородности (т.-е. меньше наблюдается индивидуальных отличий). Так, язык семьи более однороден, чем язык племени; язык племени, не делящегося на обособленные роды, более однороден, чем язык племени, обладающего этим делением; язык города более однороден,[2] чем язык населения,

---

[1] Одобрены, разумеется, не в смысле сознательно-критического обсуждения и приговора. Точнее сказать: изменения, которые будут совершены (т.-е. сделаны самостоятельно каждым ребенком при перенятии языка от взрослых) или приняты (т.-е. переняты от тех сверстников, которые их произвели самостоятельно) большинством детей данного поколения.

[2] При этом и внутри одного города могут наблюдаться различия по «районным» говорам (или «подговорам») — что опять-таки зависит от степени замкнутости населения отдельных районов. Так в Токио можно установить некоторые особенности для говоров почти каждого «ку» 區. Сравни наблюдения японца (Т. Такахаси во введении к «Kokutei-tokubon hatsuon-jiten» т.-е. «Фонетическому словарю к установленной правительством хрестоматии», 1904): «Если мы посмотрим внимательно, то даже в чисто Эдоском [т.-е. Токиоском] языке представляются известные различия. Во-первых, есть говор нижней части города — Ситамати, т.-е. торгового люда кварталов Кёбаси, Нихонбаси и Асакуса, и есть другой говор жителей квартала Канда, так называемых «кандакко», и части кварталов Хонгб и Ситая. Затем есть говор Ёцуя, представляющий вульгарную речь мест, населенных беднотой. Затем есть говор Хондзё и Фукагава, являющийся грубым языком матросов и рыбаков»... «Ударение говора Ситамати, т.-е. торгового люда, кажется местами вульгарным. Напр. вместо ʳdeŋwa «телефон», ʳbaśa «извощик» в Ситамати говорят deŋʳwa, baʳśa. Нет ничего приятного для уха в произношениях ʳçibaći (жаровня), ʳçibaśi (металлические палочки, исполняющие роль кочерги) [вместо çiʳbaći çiʳbaśi. Е. П.]. И такие интонации чувствуются вульгарными». Основания для этого диалектического разнообразия

разбросанного по отдельным деревням (особенно, если нет хороших путей сообщения); язык страны, объединенной одним культурным центром, более однороден, чем у страны, где экономическое и культурное значение столицы не преобладает над значением других пунктов.

Сравним, в качестве примера, отсутствие диалектов (т.-е. более или менее крупных расхождений в говорах разных территориальных групп) в казакском языке, — языке кочевого[1] народа с масштабом кочевок от Каспийского моря до Китая, и с другой стороны чрезвычайное разнообразие в говорах отдельных кышлаков у оседлого узбекского населения — при его чрезвычайной неподвижности и отсутствии реальных обще-национальных политических объединений [имею ввиду, конечно, эпоху до русского завое-

---

районных, — и в то же время классовых и профессиональных говоров, сводятся в конечном счете, разумеется, к экономическим факторам, — ибо экономическими потребностями определяется и круг языкового общения, в котором нормально участвует каждое данное лицо. И нам легко станут понятными эти районные подговоры в японской столице, если мы вспомним, с одной стороны, ту громадную площадь, на которой раскинут Токио, и с другой стороны, чрезвычайную замкнутость отдельных районов [«ку»] в еще недавнем прошлом (когда весьма часто японка проживала свой век, не покидая своего родного района).

То же мы встретим и среди других городов Японии — напр. в Акита 秋田, где резко выделяется районный говор под названием ūəl-maəl-godomba 内町言葉 (ути-мати-котоба в нормально-японском произношении), т.-е. «язык внутренней части города [кремля]», где жило в старину самурайское [武ブ士シ] население. Это, следовательно, пережиток классового диалекта (в данной территории).

То же — при аналогичных условиях — и внутри городов других национальностей: напр. в Ташкенте, где город دهه کوکچه kokčæ dæhæ (Кукчинской части) имеет, напр., некоторые своеобразные особенности по сравнению, напр., с دهه بیش تاغاچ beš-əʁəč dæhæ (Беш-Агачской частью). Но тут могло иметь место и различие в этническом составе древнего населения этих частей (см. мою «Этнографическую характеристику узбеков», вып. I, где дается подсчет иранских и турецких названий محلهله, — приходов, в разных частях Ташкента).

[1] Так как оседание казаков на землю началось в недавнее время. В казакском языке, действительно, нет диалектов и можно говорить, пожалуй, только о говорах и подговорах (сравни, напр., произношение ج как ǯ у казаков Зайсанского и Усть-Каменногорского уездов [а также, кажется, среди представителей Средней Орды] вместо обычного ج = ǯ, т.-е. «ж»).

вания: узбек, уроженец какого-нибудь Икана или Кара-Булака, обычно не только не бывал в Ташкенте, т.-е. за 100 верст от своего кышлака, но даже почти не отлучался и в соседний кышлак; в политическом же отношении он считал и называл себя не гражданином Бухарского или Кокандского государства, а лишь i:qan-lɯq'ом (иканцем), mænkæt-lik'ом (манкентцем), qarabulaq-lɯq'ом (кара-булакцем), наконец təškæn-lik'ом (ташкентцем) и т. д. — т.-е. по имени своего кышлака или города].

Итак, общий язык у данного коллектива существует постольку, поскольку его реальный быт (обусловленный, конечно, экономическими потребностями) предполагает потребность в постоянном перекрестном общении между членами данного коллектива.

И наоборот, когда мы встречаем в истории какого-либо народа разрыв общения между отдельными группами, составляющими этот народ, мы обычно видим, что благодаря разному направлению совершаемых в языке каждой из отделившихся групп изменений, между языками этих групп вырастает целый ряд отличий, и эти отличия могут возрасти до такой степени, что взаимное понимание между людьми, принадлежащими к различным отделившимся группам, может стать совершенно невозможным (до чего, например, еще не дошло дело в польском и русском, или же в азербайджанском и туркменском языках). Иначе говоря, та потребность во взаимном понимании членов какого-либо общения, которая нивеллирует индивидуальные изменения в языке, исчезает при разрыве данного общения, и вместе с этим разрушается и единообразие языка.

§ 11. В предыдущем параграфе слово *язык* употреблялось в широком смысле — как для обозначения языка семьи, языка рода, языка племени и т. д., и такое употребление этого слова желательно оговорить и для дальнейшего. *Языком* я буду называть всякую совокупность или систему ассоциаций между представлениями речевыми (представлениями звуков, слов, частей слов, предложений) и представлениями внешнего мира или так называемыми «внеязыковыми» (т.-е. понятиями, которые выра-

жаются в языке), независимо от того, существует ли эта система в уме большого или малого числа лиц, или даже только в уме одного лица. Таким образом можно говорить и об *индивидуальном языке*: языке Петрова или Иванова, хотя бы язык Петрова отличался от языка Иванова только одной какой-нибудь чертой, например, картавым [— физиологически: язычковым или увулярным (— см. ниже)] произношением звука [r] или произношением формы Родительного падежа *ея* [jeja] вместо её [jejo] (например в *ея дом* [jeja dom][1] вместо [jejo dom]). С этой точки зрения можно назвать языком и говор одной какой-нибудь деревни, и подговор, и наречие (напр. японское Тоса'ское наречие, — совокупность обладающих известными общими чертами говоров городов и деревень провинции Тоса 土佐, начиная с говора ее главного города Kōти), и такое употребление слова *язык* в широком, общем смысле удобно потому, что не заставляет прецизировать (—уточнять) вопрос о положении данного говора или наречия в кругу родственных говоров или наречий тогда, когда это не является нужным. Но нужно отметить, что в узком смысле слово *язык* может быть употребляемо для объединения целого ряда индивидуальных говоров, являющихся между собою родственными и притом не настолько сильно различающихся друг от друга, чтобы это не препятствовало взаимному пониманию их носителей;[2] вся

[1] Такая форма Родительного падежа свойственна, например, языку петербургской интеллигенции и объясняется, очевидно, влиянием графики (дореволюционной) на морфологию устного языка.

[2] Но здесь, разумеется, нельзя установить точного критерия (— критерия понимаемости одного языка, геvр. наречия, для представителя другого): в одном случае понимание будет достигнуто (например между османцем и татарином, или даже — иногда — якутом), а в другом случае — не достигнуто, что будет зависеть и от темы, и от мыслительных способностей данных индивидуальных лиц. Поэтому-то, принимая, в общем, указанный критерий (взаимной непонимаемости — для языков, и взаимной понимаемости — для наречий), трудно решить являются-ли турецкие языки [не говоря в данном случае об обладающем особыми специфическими отличиями якутском, и тем более чувашском] по отношению друг к другу — языками или же наречиями. То же можно сказать и о славянских языках, геvр. славянских наречиях [сравни терминологию предшествующего поколения славистов и туркологов: «славянские наречия», «турецкие или тюркские наречия»].

эта масса индивидуальных говоров может делиться на наречия, наречия на поднаречия, поднаречия на диалекты, диалекты на говоры, говоры на подговоры, и эти последние, наконец, будут состоять из индивидуальных говоров. Строго говоря, только индивидуальный говор и есть нечто вполне определенное с качественной точки зрения, иначе говоря — язык, доступный точному описанию. Поскольку мы переходим от индивидуального говора к языку известной группы лиц, мы уже имеем дело с некоторой абстракцией; разумеется, ценно и важно отметить именно то, что является общим для всех членов данной группы, т.-е. что имеет социальное значение, но сделать это непосредственно нельзя, так как фактически мы встречаемся только с языком определенного индивидуума, обладающим помимо общих черт и своими индивидуальными особенностями.[1] Правда, существование более или менее единообразного языка, которым пользуются члены известного общения, объединенные единой письменностью, сразу дает нам большой комплекс общих черт, существующих в языковых мышлениях индивидуумов, входящих в данное общение.

И такой язык можно противополагать под именем *литературного языка* понятию языка, как совокупности ряда родственных говоров. Таков, например, русский литературный язык (в исторической своей основе — Московский говор); в Японии же — обще-японский письменный литературный язык,[2] противополагающийся, во-первых, понятию японского языка, как совокуп-

[1] Хотя большинство из специфических особенностей индивидуальных говоров остается неизвестным для лиц непривычных к лингвистическому наблюдению. Особенно это неведение характерно для своих собственных индивидуальных речевых особенностей. [Достаточно указать на то, что довольствуясь в отношении звуков [r] [r′] — общим делением на «картавящих» и «не картавящих», обыватель не подозревает о разных типах «картавленья»: 1) типе говора с «р» = [R], «рь» = [ɹ′], и 2) типе говора с «р» = [R], «рь» = [R′]; см. ниже «Звуковой состав русского языка»]. *

[2] Объединяющий грамотное население всей Японии за исключением представителей рюкюского языка (т.-е. рюкюсцев, — населения префектуры Окинава), обладающих своим собственным — рюкюским литературным языком.

ности всех японских говоров, и во-вторых, обще-японскому стандартному разговорному языку (в основе своей—Токиоскому говору), становящемуся за последний исторический период (эры
* 明治 и 大正) единым разговорным языком японской интеллигенции. Но не надо думать, что литературный письменный язык будет всегда близок к какому-нибудь живому говору внутри того общежития, которое пользуется данным литературным языком; в литературный язык могут входить элементы (например, архаические или иностранные), которые живой устной речи будут безусловно чужды.

§ 12. После сказанного об употреблении термина *язык*, я вернусь к рассмотрению *понятия* сравнительно-исторического языкознания. Оно, т.-е. сравнительно-историческое изучение нескольких родственных языков, строится на основании допущения происхождения данных языков от одного общего языка и состоит, следовательно, в изучении истории развития этого древнего общего языка в различных его разветвлениях. При этом может быть так, что тот древний язык, из которого произошли рассматриваемые родственные языки, доступен нашему знанию благодаря сохранившейся письменности на этом языке (так обстоит дело с латинским языком, из которого произошли так называемые *романские* языки: итальянский, французский, испанский, португальский, румынский [название «румынский», оказывается, собственно и значит «романский»: лат. lingva Romana] и нек. другие), но может быть и иначе: может случиться, что не было никакой письменности на древнем языке—источнике рассматриваемых родственных языков и никаких непосредственных сведений об этом языке (хотя бы в виде упоминания отдельных слов и собственных имен у иноязычных писателей) мы не имеем. Так обстоит дело с тем языком, из которого произошли так называемые *славянские* языки: русский, польский, чешский, сербский, болгарский и некоторые другие.[1]

[1] Язык древне-церковно-славянский вовсе не источник прочих славянских языков, это просто один из славянских языков, именно древне-болгарский; он

Точно также в отдаленной, до-исторической серии эпох (задолго до появления данных народов на историческую арену) лежит и существование *обще-германского* праязыка (— источника языков: ныне уже мертвого *готского*, немецкого, голландского, шведского, датского и — в основной его части — английского языка), *обще-балтийского* праязыка (— источника языков: ныне уже мертвого — *прусского*, литовского и латышского), *обще-кельтского* праязыка (к которому восходят, например: давно исчезнувший *галльский* язык [в районе нынешней Франции], ирландский и бретонский [на севере Франции]), *обще-италийского* (давшего начало родоначальнику *романских* языков — *латинскому*, т.-е. языку древнего Рима [lingua Romana], и ряду его сородичей — других древних языков Италии) и *других праязыков* — родоначальников остальных (греческой, албанской, армянской, иранской, индийской) ветвей так называемого ИНДО-ЕВРОПЕЙСКОГО семейства, все вышеназванные языки которого — через их групповые *праязыки* — оказываются потомками еще более древнего, чем групповые праязыки, родоначальника последних — ОБЩЕ-ИНДО-ЕВРОПЕЙСКОГО ПРАЯЗЫКА. Таким образом не только самый древний, — обще-индо-европейский язык, но и его потомки (своеобразно эволюционировавшие при экспансии индо-европейских племен) — групповые праязыки (обще-славянский, обще-балтийский, обще-иранский и т. д.), оказывается, лежат от нас далеко за пределами истории, и никакими письменными памятниками не засвидетельствованы.[1]

только известен нам в более древнем состоянии, чем прочие славянские, благодаря переводу на него христианского священного писания (имеются памятники XI века, оригиналы же предшествующего столетия не дошли до нас). Это, следовательно, древнейший письменный [или литературный] славянский язык.

[1] В таком же положении и история образования турецких языков — из доисторического обще-турецкого праязыка, который в свою очередь вместе с предком чувашского языка и с другой стороны с обще-монгольским праязыком, обще-маньчжуро-тунгузским праязыком и древним источником корейского языка, возводится к еще более древнему общему источнику — так называемому ОБЩЕ-АЛТАЙСКОМУ ПРАЯЗЫКУ. Равным образом вне пределов историче-

Однако и при таком положении дела сравнительно-историческое языкознание имеет отправным пунктом именно факты той эпохи, когда существовал один общий язык — источник подлежащих рассмотрению языков, при чем знание об этих фактах получается не непосредственно, а из рассмотрения тех самых языков, которые являются его потомками и видоизменениями. Этот общий исходный для данной группы древний язык мы будем называть *праязыком* данной группы (например — обще-славянский праязык — или, что то же, праславянский язык; обще-семитический праязык или обще-тибето-китайский праязык); а происшедшие из него *родственные* языки объединяются обыкновенно общим именем, которое может быть приложимо и к каждому отдельному из этих языков (так и арабский, и древне-еврейский и сирийский[1] и т. д. — это все отдельные *семитские*; тибетский, китайский, бирманский и сиамский — отдельные *тибето-китайские* языки[2] и т. д.), а совокупность их называется *семьей*, *семейством* или *группой* языков (например турецкая семья языков, алтайское языковое семейство[3]).

Прием установления фактов, которые были присущи незасвидетельствованному письменностью праязыку, называется *восстановлением* или *реконструкцией* праязыка посредством сравнения фактов в языках-потомках, — т.-е. посредством *сравнительно-грамматического*, или *компаративного* метода. Он состоит в отыскании тех явлений, которыми при предполо-

ской досягаемости (если не считать методов лингвистических) лежит общий предок всех китайских диалектов — обще-китайский праязык, а тем более — еще более древний ОБЩЕ-ТИБЕТО-КИТАЙСКИЙ ПРАЯЗЫК, — общий родоначальник, как китайского, так и тибетского, бирманского и сиамского языков. То же будет справедливо и в отношении *семитических* языков и ряда других языковых групп (так что обратный случай *романских* языков, где праязык засвидетельствован письменностью, оказывается исключением).

[1] Современный диалект которого мы встречаем в языке так называемых «ассирийцев», или айсоров.

[2] Западные лингвисты употребляют вместо «тибето-китайские» термин «индо-китайские языки».

[3] Куда входят: турецкие (включая якутский) и чувашский, монгольские маньчжуро-тунгузские, а также, по моим наблюдениям, и корейский язык.

жении их наличия в праязыке можно было бы объяснить связь (соответствие) фактов, наблюдаемых в отдельных языках данного языкового семейства. Так, например, из рассмотрения слов: русск. *сон* [son], польск. sen [sen] и сербск. сан [san], можно заключить, что слово, обозначавшее «сон», начиналось в обще-славянском праязыке со звука s, затем следовал какой-то гласный [дальнейший ход сравнительно-грамматических рассуждений устанавливает и качество этого гласного (др.-слав. Ъ ← обще-индо-европейск. *u)] и затем звук [n].[1]

Из совокупности таких гипотез, без которых нельзя объяснить фактов отдельных языков данной семьи, получается неко-

---

[1] *Однако* все заключения — при реконструкции праязыковых форм — должны быть делаемы после рассмотрения большого числа фактов и при принятии в расчет общих законов развития языка (лингвистической историологии). Благодаря случайному отсутствию достаточного ряда свидетельств из доступных нам языков, мы легко можем упустить многие из фактов, имевшихся в праязыке. Так, из рассмотрения русск. [son], польск. [sen], сербск. [san] можно предположить, что слово, означавшее «сон», оканчивалось в праязыке на звук [n]; а между тем, за этим звуком следовал еще некий гласный звук, который исчез во всех трех данных языках (но в др.-церковно-славянском написании для него ведь употреблялся знак ъ [по традиции перешедший и в до-революционную русскую орфографию], который в ту эпоху, — эпоху создания славянской письменности, означал именно гласный звук).

Экскурс. Обращаясь же к данным сравнительной грамматики *индо-европейских* языков (а не только славянских), мы можем возвести исходную для славянских языков праформу [*sъnъ, [резр. *sunu] к другой — гораздо более древней, уже обще-индо-европейской праформе: *supnos, на что нам указывает, хотя-бы, сопоставление славянского *sъnъ ← *sunu и древне-греческого *hupnos (ὕπνος, которое произносилось сначала именно как [hupnos] и затем только изменилось в части древне-греческих диалектов, напр. в аттическом [т.-е. Афинском] диалекте в [hypnos]). Эта праформа (*supnos) подверглась, следовательно, следующим изменениям: 1) в обще-славянском: *p (перед *n) → нуль, *os ✕ *u → ъ; 2) в обще-греческом: *s → h [и затем уже в отдельных др.-греческих диалектах: u → y]. Переходя же от вопроса сравнительно-фонетического к сравнительно-морфологическому, мы можем разделить указанную индо-европейскую праформу *supnos на 3 морфемы: *sup-n-os [взамен более древнего деления *sup-no-s], для чего достаточно, собственно, даже сопоставление славянского сън-ъ с Родительным падежом сън-а (← *supnōd) и с другой стороны с глагольной формой съп-а-ти (*sup-ā-tei). Этимологический вывод отсюда, следовательно, говорит, что русск. сон — того корня (*sup-), что и русск. спать (а с другой стороны, оказывается в родстве и с русским «гипноз» [— через греческий, латинский и немецкий язз. — из греч. ὕπνος]).

торое представление о звуковом составе слов с известным значением, существовавших в праязыке; возможны также заключения относительно делимости этих слов на морфемы [ср. деление праязыкового *sup-n-os ← *sup-no-s[1] «сон» — в экскурсе к примечанию стр. 46]. Равным образом возможны и заключения относительно праязыковых синтаксических явлений на основании сравнения синтаксисов происходящих от этого праязыка родственных языков.

§ 13. Термин *«сравнительный»* (или *«историко-сравнительный»*) применим, разумеется, и к отделам языкознания. Так *сравнительная*[2] (или *историко-сравнительная*) фонетика данного семейства языков рассматривает историю звуков в отдельных языках этого семейства и пользуется в качестве отправного пункта картиной звуков праязыка. Аналогичным образом *сравнительная* морфология изучает *историю морфологий* происходящих от реконструируемого праязыка *родственных языков*, а сравнительный синтаксис — историю их синтаксисов.

Сравнительно-историческая *лексика*, естественно, сводится к совокупности *этимологий*, т.-е. историй слов, составляющих словарь данных родственных языков, или — что то же — к *этимологическому словарю* данного языкового семейства. Последним

---

[1] Морфологическое деление *sup-n-os [соответствующее делению греческого ὕπν-ος [hypn-os] (Родительный ὕπν-ου [hypn-u]) и славянского сън-ъ (Родительный сън-а)] возводится к более древнему обще-индоевропейскому этапу *sup-no-s на основании наличия суффикса Именит. п. ед. ч. муж. р. -s в ряде других древнейших форм имен — напр. в *nāṷ-s «корабль» → др.-греч. ναῦ-ς (nau-s).

[2] Можно однако заметить, что иногда употребляют термин **сравнительный** не в указанном техническом смысле, а просто для обозначения того, что имеется ввиду сравнение некоторых фактов. Например, можно встретить выражение **сравнительная фонетика** в применении к такому учению, которое относится к области не исторического, а описательного языкознания. В этом смысле озаглавлена книжка P. Passy, «Petite Phonétique Comparée», которая представляет просто совместное изложение описательных фонетик нескольких языков (гл. обр. французского, немецкого и английского). Звуки этих языков рассматриваются только в их современном состоянии, и самые языки рассматриваются без всякого отношения к родству или отсутствию родства между ними.

терминои («Этимологический Словарь») обычно озаглавливаются и самые работы, посвященные сравнительно-историческому объяснению (т.-е. этимологиям) словарного материала, принадлежащего или всему данному семейству или его отдельным языкам: так могут существовать (и фактически существуют под этими заглавиями) и «Этимологический словарь индоевропейских[1] языков» и «Этимологический словарь латинского языка»,[2] «Этимологический словарь греческого языка»,[3] resp. санскритского, славянских и т. д. языков.

Экскурс. Для иллюстрации понятия *этимологического словаря* (т.-е. сравнительно-исторической лексики) приведу несколько примеров отдельных *этимологий* (т.-е. учений об истории отдельных слов) из разных языков:

1. Рус. *медвéдь* [m′edv′et′/m′edv′ed′-]. Современное осмысление слова, возможное в виде ассоциаций с *мед* [m′ot/m′od-] и *вед*-(ать) [v′ed-(a-t′)], оказывается неверным. Из сравнения 1) с рус. *медвяный* [m′edv′-an-ɯj], 2) с санскритским (— др.-индийским) mad^hv-ād — 'эпитет медведя, букв. «медо-ед»', мы заключаем, что рус. медведь представляет собою ту же самую обще-праязыковую форму, что и санскритское слово, т.-е. восходит к и.-е.[4] $^*med^hu̯$-ēd, где первая часть $^*med^hu̯$- есть комбинаторный (или $Sand^hi$-ческий,[5] т.-е. обусловленный известным соседством, — здесь: соседством с начальным гласным второй части Compositi:[6] *-ēd) вариант и.-е. основы ср. рода $^*méd^hu$ «мед» [представленной, напр., в санскритском $mád^hu$, др.-греч. μέθυ

---

[1] Или «индо-германских», как их называет обычно немецкая лингвистическая литература («Indogermanische Sprachen»).

[2] Именно — «Etymologisches Wörterbuch der lateinischen Sprache» соч. A. Walde. *

[3] «Dictionnaire étymologique de la langue grecque» соч. Boisacq (2 изд. 1923). **

[4] «и.-е.» — сокращение термина «индо-европейский».

[5] От санскритского грамматического термина $sand^hi$ संधि — букв. «сочетание, со-положение, синтез».

[6] Compositum (или сложное слово) — слово состоящее из 2-х (или более) лексических морфем (не считая формальных морфем). Compositi — латинский Родительный падеж.

(met^{h}u ⟶ met^{h}y) и наконец — с переходом из ср. р. в муж. р. — в славянском *медъ* и рус. m'od ⟶ m'ot], а вторая часть *ēd — глагольный корень со значением «есть» [откуда санскритск. ād- «есть» и рус. ѣд-(а) ⟶ *едá* [jed-a]].

Как мы видим по смысловой функции санскр. mad^{h}vād, и.-е. *med^{h}u̯-ēd «медоед» было сначала только эпитетом медведя, а затем стало — в славянской ветви — употребляться взамен основного слова, значившего «медведь» (*r̥kso-s, откуда санскр. r̥kša-h, греч. ἄρκτος), очевидно, под влиянием табу. Сравни аналогичную замену — уже самого слова «медведь» — через «дедушка» в наречии русских поселенцев крайнего С.-В. Сибири (причем от этого «дедушка» = «медведь» появляется и прилагательное «де-
* душковатый») [Из лекций проф-ра Богораза].

2. Лат. venēnum (и франц. venin [vœnɛ̃]) «яд». Слово происходит от прилагательного *u̯en-es-no-m, — с суффиксами es-no- (ср. рус. неб-ес-но(е)), — от корневой морфемы *uen-, — той же самой, что в лат. Ven-us ⟵ *u̯en-os (Родит. Veneris ⟵ *u̯en-es-es) «Венера — божество любви» и в санскр. vanati ⟵ *u̯én-e-ti «он любит»; следовательно *u̯en-es-no-m означало «любовное (подразумевается: — зелье)». Смысловая эволюция «любовное зелье ⟶ яд» стоит, вероятно, в связи с тем, что любовными, т.-е. применявшимися для целей любви зельями были не только средства привораживающие, но и имевшие в виду устранить соперника (т.-е. реальные яды — venēna в нынешнем смысле слова).

3. Рус. дя́тел [d'at el'] ⟵ *дѧт-ьлъ, где древняя коренная морфема *дѧт- = *dɛ̃t- восходит к *dent- «зуб» (ср. лат. dens[1] ⟵ *dent-s, Родит. dent-is ⟵ *dent-es). Итак первоначальное слово («ἔτυμον λόγος») значило приблизительно, «зубач» [при чем под зубом разумелся клюв дятла].

4. Японск. Ток. ⌈nodo, Киото и Тоса no⌈do, Нагасаки no⌈do «горло». Исходная форма (с акцентуацией, как в Киото и Тоса) no⌈do ⟵ no⌈m(i)-to⌉, т.-е. «дверь (*⌈to⌉) для питья» (ср. Киото и

[1] А из латинского слова [из Винительного, гл. обр., падежа — dente(m)] и французское dent [dã] «зуб»; сюда же — и русск. «дантист».

Тоса no⌈mu «пьет»). Исчезновение i после носового — в Compositis, и переход «носов. + t» → *nd → d, — явления нормальные (ср. φuзukuʲe ← *pudukue ← *pumi-tukue 文 机, и аналогичный переход *mp → b в abari ← *ami-pari 網 針 и т. д.).

5. Японск. Ток. minato, Киот. ⌈minato⌉ и т. д. «гавань» ← ⌈mina-to⌉ букв. «дверь (⌈to⌉; ср. выше: 4) воды» (⌈mina-⌉ — морфема, чередующаяся с *⌈midu⌉ «вода»: ⌈mina-moto⌉ 源 = этимологически 水 元, mina-kami 水 上 и т. д.).

§ 14. Но не следует думать, что всякая этимология (т.-е. учение об истории слова), находящая место в этимологическом словаре, непременно должна содержать известную смысловую эволюцию (в роде вышеприведенных: «медо-ед» → название животного, «любовное» → «яд» и т. д.). Ясно, что этимологический словарь регистрирует лишь то, что добыто сравнительно-историческим анализом относительно данного слова, и поскольку этот анализ устанавливает лишь фонетическую и морфологическую (но не «семасиологическую») эволюцию, в этимологию войдет лишь история звукового и морфологического состава данного слова в ряде языков.[1]

Во-вторых надо заметить, что как этимологии (т.-е. сравнительно-историческая лексика), так и вообще вся дисциплина сравнительного (сравнительно-исторического) языкознания могут оперировать не только над теми сходствами, которые обусловлены — в двух данных языках — происхождением каждого из них (— целиком или, по крайней мере, в составе основной массы фонетических, морфологических и лексических фактов) из одного общего для них праязыка, но и над такими сходствами, которые объясняются заимствованием отдельных слов (а также, — что, впрочем, встречается гораздо реже — и отдельных морфологи-

[1] При этом надо помнить, что «первого значения», — в буквальном смысле этого выражения, т.-е. фактов, относящихся к языку-примитиву, мы вообще никогда — ни по поводу ни одного слова — не знаем. Все реконструируемые «праязыковые» явления — это только одни из этапов многотысячелетней эволюции, при том этапы, гораздо более близкие (несмотря на всю свою абсолютную древность) к нашему времени, чем к эпохе возникновения языка.

ческих явлений)[1] между языками, во всем остальном составе генеалогически чуждыми друг другу. Тогда на базе данных только заимствованных явлений (будь этих заимствованных морфем всего только две [или даже одна] или 10, или 100, или 1000, или же много тысяч)[2] создается особая «маленькая»[3] сравнительная

---

[1] Каковы например некоторые из казакских суффиксов именного словообразования, заимствованные из персидского.

[2] В некоторых случаях мы действительно находим громадное количество иностранных лексических заимствований при полной почти незатронутости (данным иностранным влиянием) туземного морфологического строя. Так, если мы вправе рассматривать как элементы японского (литературного хотя-бы) языка все те тысячи японизированных чтений китайских иероглифов, которые мы находим в японском словаре в виде потенциальных элементов слов письменного языка (не говоря уже о тех, которые вошли в обычный словарь разговорной речи), то перед нами здесь, собственно ничто иное, как словарь одного из диалектов китайского языка, — точнее: один или даже несколько (считая отдельно Го-он, Кан-он и Тō-ин) из «иностранных [— не-китайских] письменных диалектов китайского языка» (наряду с подобными же совокупностями данного рода китайских заимствований в корейском и аннамском). И эти «иностранные [не-китайские уже] диалекты китайского языка» могут служить, и фактически служат столь же ценным материалом сравнительно-исторической фонетики, как и диалекты самого Китая.

[3] Конечно, при таком обилии заимствованного материала, как в японизированных китайск. чтениях, его сравнительно-историческое (сравнительно-фонетическое в частности) рассмотрение перестает уже быть «маленькой» сравнительно-грамматической дисциплиной, ибо на деле эти (— в данном случае японский и китайский) «не-родственные» языки, если иметь ввиду как раз именно этот общий словарный запас (отказавшись на минуту от обычного критерия родственности языков — в общности их морфологического материала) — окажутся весьма и весьма родственными. В результате, сравнительно-историческое рассмотрение китаизмов в японском языке занимает вполне законное и весьма важное место в сравнительной фонетике китайск. диалектов (или что то же — исторической фонетике китайского языка), хотя и обладает своими собственными (отличными от фонетики самих китайских диалектов) законами — потому что с момента переноса всякого китайск. слова на японскую почву, его фонетическая эволюция идет уже в общем русле фонетической эволюции японского (а не китайского) языка. Примечание. Игнорирование этой последней особенности (т.-е. тожества фонетической эволюции в заимствованных из китайского словах с эволюцией чисто-японского материала — поскольку эти заимствования вошли уже на японскую почву) и составляет главный пробел в трактовке японизированных китайск. чтений (как материала исторической фонетики китайского языка) у B. Karlgren'a — в его создавшем эпоху труде
* «Etudes sur la phonologie chinoise». [Другой пробел, касающийся, положим,

грамматика (прежде всего, конечно, сравнительная фонетика и т. д.) данных не-родственных (в общем) языков, рассматривающая, однако, именно те в них явления, которые оказываются (благодаря процессам заимствования) родственными.[1] И с принципиальной точки зрения различие между такими *особыми* («маленькими») сравнительными грамматиками заимствованных элементов и сравнительными грамматиками нормального объема — только количественное. И в известных случаях мы натолкнемся даже на спорные вопросы: к той или иной группе (семье) языков следует относить данный язык: считать ли его языком группы А, — объясняя чужеродные (для А) его элементы, как «заимствования» из языковой группы Б, или же наоборот — признавать его языком группы Б, обладающим, однако, рядом «заимствований» из А.

После этих замечаний продолжу примеры этимологий (— в частности таких этимологий, к которым именно и применимы только что сделанные замечания).

6. Корейское mal (Nominativ. mar-i) «лошадь».

а) Этимологические данные, извлекаемые из самого корейского языка (и кор. орфографии):

1) Благодаря тому, что l на конце слога (в mal) и r в начале

только первых 2-х томов «Etudes», и исправленный в 3-ем томе, — это огульное рассмотрение Го- и Кан-он'ных чтений, тогда как на самом деле это 2 совершенно разных «диалекта» — и по китайским их источникам и по времени вхождения в японский язык].

[1] В этом смысле албанский, например, язык окажется — в известной своей словарной части — романским языком, ибо тот ряд заимствований из латинского, который осел в албанском, обнаруживает такую же закономерность фонетических соответствий (с латинским и романскими), какую мы будем наблюдать и в настоящих романских языках (напр. сардинском, испанском, разных итальянских говорах, французском и т. д.); современный английский — одним из французских говоров (благодаря заимствованиям, вошедшим с норманским завоеванием), русский (или же сербский) — одним из турецких диалектов (ср. большое количество турецких слов, как в русском, так и в сербском, ждущее, однако, еще компаративного исследования [отмечу впрочем работу Н. К. Дмитриева]); чувашский — одним из финских наречий; и т. д. и т. д. *

слога (как в ma¦r-i[1] и т. п.) суть комбинаторные варианты одного [«двуликого»] звукопредставления (единой фонемы)—«l/r-», необходимо допустить, что раньше морфема со значением «лошадь» звучала в обеих этих позициях одинаково, т.-е. с одним и тем же конечным своим согласным. А это говорит, следовательно, в пользу возможности mal ← mar (при «l/r-» ← *r).

* 2. Корейская орфография ᄆᆞᆯ с буквой ㆍ для а (вместо ㅏ в другом слове 말 mal «слово, речь») указывает, что в древности здесь был не *a, а некий другой гласный (для которого и назначалась особая буква ㆍ), лишь впоследствии совпавший (конвергировавший) с *a = ㅏ. [Некоторые соображения (которые я здесь опускаю) позволяют думать, что этот гласный — в период перед конвергенцией — имел характер [ʌ], т.-е. [o] лишенного губной работы].

б) Этимологические данные, получаемые из сравнения с другими языками:

1) Сопоставление с монгольским ᠮᠣᠷᠢᠨ *mørin, калм. mørn̥ «лошадь»[2] говорит за общее происхождение монгольского *mørin и кор. *mʌr. [А некоторые соображения (которые в виду их сложности мне приходится опускать в изложении элементарного курса) позволяют допустить развитие кор. *ʌ ← *ø, т.-е. mal ← *mʌr ← *mør]. Падение 2-ого слога (in в монгольском; ср. приближение к этому падению в живых монгольских наречиях, напр. в калм. mørn̥) в корейском, а также согласные соответствия m ‖ m, r ‖ «l/r- (ㄹ)» подтверждаются и в других общемонголо-корейских словах, например монг. muren «река» ‖ кор.

---

[1] Черта ¦ употребляется мною для указания слоговой границы.

[2] Откуда и русск. мерин (сужение значения: «лошадь» → «мерин» имело место, м. б., еще на монгольской почве: ср. значение «мерин» в бурятском, тогда как «лошадь» — adahun [h ← s] ‖ тур. آت; в противном случае, это русское заимствование подтверждает закон о том, что при заимствовании термина значение его в большинстве случаев сужается [— в языке заимствующем; т.-е. объем понятия, выражаемого словом, сужается, а содержание понятия, т.-е. число признаков его, расширяется]).

mul (Nominat. mur-i) «вода»,[1] или же монг. nidun→nudn̥[2] «глаз» || кор. nun «глаз» и т. п.

2) Дальнейшие (уже выходящие за пределы «алтайских» языков) сопоставления [монгольского и кор. слов] — с бирманским mraŋ и кит. 馬 Пек. mǎ (откуда, вернее из древне-китайской праформы которого, — и японское m̥ma)[3] позволяют предполагать весьма древнюю до-историческую миграцию данного слова («лошадь») из одного языкового семейства в другое, — вероятно в связи с самим фактом постепенного распространения лошади.

7. Японск. *asá 朝 (Киото и Осака asá, Тоса a˹sa/a˹sa˪- [Nom. a˹sa˪ga, Acc. a˹sa˪:←a˹sa˪o], Ток. ˹asa, Наг. a˹sa) «утро». Сопоставление с кор. ača'm ← ac'am «утро», — *

---

[1] При чем кор. слово употребимо так же и в значении «река», — ср. подобную же функцию тур. سو (узб. سوۇ suw) [напр. в названиях рек: قاراسوۇ, قاق‌سوۇ, قىزىل سوۇ и т. д.].

[2] Этому переходу в живых монг. говорах причиной служил так наз. «Umlaut», т.-е. регрессивная ассимиляция гласных (i... u → u... u), — процесс, по направлению обратный сингармонистической «прогрессивной ассимиляции», хотя в сущности, имеющий с нею одно и то же психологическое основание (см. мою статью «Причины происхождения Umlaut'a» в «Сборнике в ч. пр. А. Э. Шмидта», Ташкент). **

[3] Долгое (или двойное, — геминированное) m: в древне-японском *m:a (откуда Киото ˹m̥˪ma, Токио m̥˹ma, сев.-вост. ma, Нагас. m̥˹ma) объяснимо из древне-китайского сочетания *mr (в *mra; ср. бирм. mraŋ), которое никаким другим способом японским звуковым мышлением не могло быть передано [ср. такое же *m: в яп. *˹m:e˺ 梅 → Киот. ˹m̥me˺, Ток. m̥me, сев.-вост. mi, Наг. m̥˪me; здесь китайская праформа (梅) тоже начиналась двумя неслогообразующими звуками — *mw (См. Karlgren «Etudes», I в таблицах знак 梅 № 2992)]. Дальнейшая же эволюция кит. *mra (или *mla) была, очевидно, такова: *** mra → mja (этот этап отражается в яп. Го-оне: me [— с обычным для Го-он'а e ← кит. *ja; ср. ke 家 ← кит. *kja]) и mja → ma (откуда уже Кан-он'ное чтение: ba [с обычным b ← кит. m; ср. bai 梅 (Пек. «мэй»)].

Другие «тибето-китайские» (— «индо-китайские») параллели к кит. ma, бирманск. mraŋ — см. у Conrady «Eine indochinesische Causativ-Denominativ-Bildung». **** Однако, материал этот требует критического пересмотра на основе детального изучения цитируемых Conrady языков. См. также у П. Шмидта «Опыт мандар. грамматики», стр. 7: ...по сокпаски mari, по бирмански mrang, ***** по гарунгски boroh, по абор-мирийски buri.

с одной стороны, а с другой — подтверждение и на других примерах соответствия: «кор. гласный + m || гласный с мелодией ^ (в зап.-яп.)»[1] указывают что корейская форма (*ac'am) оказы- исходной для японской [Нисходящая мелодия (^) заменила собой кон. носовой — так же, как и в греч. гомеровск. δῶ [ʳdoˌ:] ← *dom (ср. слав. домъ-[ъ])]. Вопрос может быть — по поводу обще-японо-корейской формы — лишь относительно 1-го согласного [кор. *c' || яп. s]; во всяком случае корейская форма с *c' (откуда в южно-кор. č') представляет более архаичный этап эволюции, чем яп. s [ср. яп. s ← кит. c, c', č, č' в кит. заимствованиях].[2] Для полноты добавлю, что еще Léon de Rosny указывал (IV Congr. Orient.) на совпадение яп. asa 朝 с зырянским «асы» «утро». Однако, связь эта совершенно невыяснена (как и для 3 других зырянских слов, обнаруживающих звуковое сходство с японскими).

8. Туркменск. (Йомудск.) na:w ناو «корабль» (как общий термин), — очевидное заимствование из индоевропейского языка [ср. др.-греч. ναῦς, лат. nāv-is, слав. навь «корабль-гроб»]; сравни также армянск. nav (которое принято рассматривать, как возможное заимствование из иранского). Остается, следовательно, два возможных источника для проникновения слова в туркменский: или иранский, или (вероятнее) армянский.

Оказывается, все названия «корабля» (общее — na:w и подвидов — nø:tkø, barž), употребляемые туркменами-Йомудами, — заимствования, и очевидно сравнительно недавнего прошлого, — после прихода Йомудов на Каспийское побережье, причем сначала был, вероятно, заимствован общий термин (na:w), а потом уже названия «лодки», «баржи» — из русского.

---

[1] Ср. напр. яп. *turû 鶴 (Киото и Осака curû, Тоса tuʳru [Nom. tuʳruˌga, Acc. tuʳroˌ: ← tuʳruˌo], Ток. ʳcuru, Наг. cuʳru) «журавль» || кор. turum «журавль». Слово находит параллели и в других алтайских яз.: напр. як. turuja «журавль», тур. turna (узб. иранизм. turnæ تُورنه).

[2] Напр. яп. Токиоск. (Го-ов) šiʳči «7» ← *ʳsiˌti ← кит. *c'it (Пек. «ци»).

9. Грузинск. p'it'na «мята». Сопоставление с др.-гр. μίνθα (mintʰa) и латинским mentha (откуда и слав. мѧта), которые, однако, не являются рефлексами обще-индо-европейского слова (на что указывает иррегулярное соответствие греч. ι || лат. e), а оба заимствованы из какого-то неизвестного языка, говорит за общее происхождение (с лат. и греч.) и грузинского слова. Звуковой состав его возводится к *minta, откуда *pinta (— через диссимиляцию носовых *m...n→p...n) и далее p'it'na (— с перестановкой nt→tn). К этому же виду основы (tn, не nt) относятся и таджикск. pıdınæ или pudınæ, татарск. بوتنك, موتلك, вотск. бутнек, морд.-мокш. путник.

10. Наконец приведу широко-известную этимологию и.-е. термина «мать», — напр. перс. mɔdær مادر, санскр. mātā (mātar-), др.-греч. μάτηρ→атт. μήτηρ, лат. māter, арм. majr, англ. mother [mʌðə], нем. Mutter [mutər], слав. мати (матер-) и т. д.—обще-и.-е. *mā́-tēr, *mā-ter- [откуда в обще-арийском, т.-е. в источнике индийской и иранской групп→mātā, в косв. падеж. mātar-, а из последней формы перс. mɔ:dær — с переходом *ā→ɔ: и *a→æ, и озвончением t→d между гласными; в армянском же *t между гласными выпало вовсе (ср. арм. hajr←*pə-tḗr «отец»), а *ē→i)]. Сама же индо-европейская праформа *mā-tēr (как и *pə-tēr [= *pъ-tēr], откуда скр. pitā, перс. pædær, греч. πατήρ, лат. pater, нем. Vater, англ. father [fa:ðə] «отец») делима на суффикс -tēr и основу *mā- (ср. *pə- из древнего *pā в неударенной позиции в *pə-tḗr), представляющую собою, очевидно, тот же «детский» комплекс, который мы встречаем в так называемом редупликационном типе «детских слов» (напр. кит. mama «мама», груз. mama «отец», яп. mama «детская кашица» и т. д.; ср. яп. *papa→haha «мать», южно-яп. kaka «мать», яп. *titi «отец» и т. п. и т. п.). Известную аналогию к обще-индоевропейской формации слов mā́-tēr pə-tḗr — от основ ma pa мы находим в области современного китайского языка: в mú-č'in «мать» fú-č'in «отец»; основы mu 母, fu 父 возводимы к тибето-китайским *ma *p'a (ср. др.-тибетск. ma,

pʻa; гласное же соответствие «тиб. a ‖ кит. u» является нормальным — напр. ŋa ‖ (ŋ)u «я», (l)ŋa ‖ (ŋ)u «пять» и т. д.).

11. Еще один пример, интересный в том отношении, что сопоставляемые на основании звукового сходства слова принадлежат по крайней мере к четырем отдельных языковым семействам (а если считать еще заимствования из китайского * в японский, корейский и анамский, то — к языкам семи разных семейств). Это — китайск. 蜜 («мед») miʼ ← *mit или *miat (на конечное *t кроме кит. диалектических форм указывают еще заимствования в японск., корейск. и аннамский), находящее себе след. параллели в языках других групп: 1) индо-европ. *méd^{h}u (греч. μέϑυ, скр. mádhu, слав. медъ и т. д.; ср. также формы с l ‖ *d^{h} — лат. mel, ирландск. mīl), 2) финно-угорск. *meti, откуда финск. mesi, эстонск. «mesi» = mezi, мордовск. m'ed', венг. mīz и т. д., 3) чеченско-ингушск. *maз-u (Nominat.), откуда чеченск. muoz. Очевидно мы имеем здесь дело с древним миграционным термином для культурного понятия, распространявшегося вместе с искусством бортничества от одного племени к другому. [Примеч. Индо- ** европейским словам для «меда» посвящена статья Gauthiot в Mém. Soc. Lingu.].

§ 15. Нужно еще упомянуть об одном виде языкознания, который называется общим языкознанием (linguistique générale по французски). В противоположность изучению отдельных языков или отдельных групп языков, под именем общего языкознания объединяются те положения и выводы, которые устанавливаются из рассмотрения (по мере возможности всех) различных языков и различных языковых групп (как с описательной, так и историко-сравнительной точек зрения) и могут быть применимы к любому языку (поскольку он, конечно, обладает теми условиями, о которых в данном обобщении идет речь). Следовательно, общее языкознание рассматривает общечеловеческие свойства языкового процесса. Общая фонетика (phonétique générale), например, ведает устройство и функции

органов произношения,[1] акустические процессы, возможный характер звуков речи и их представлений, общие законы относи-

---

[1] При этом анатомическая структура органов произношения может признаваться, в общем и целом, одинаковой у всех народов; по крайней мере лингвистические исследования не вскрывают здесь каких-либо принципиальных антропологических отличий между различными расами. Правда, некоторые факты, казалось бы, и можно было истолковать в пользу подобных антропологических различий, но все-таки утверждать что-либо определенное в данном отношении у лингвистики еще нет оснований. Так, напр., бросается в глаза особое сходство народов семитического происхождения к особым, отсутствующим в других языках (кроме семитической, кавказских и хамитской семей) гортанным согласным (ар. ح ع), при чем эти звуки быстро исчезают, поскольку данный словарный материал воспринимается народом другой расы. Но с другой стороны факты подтверждают, что и этим звукам возможно научиться, и что справедливо положение о том, что взяв 2-х месячного немецкого ребенка и перенеся его в языковую арабскую (гевр. китайскую, сербскую и т. д.) среду, мы через 10 лет будем иметь в нем чистейшего, безукоризненного в языковом отношении араба, китайца, серба и т. д. Тем не менее, признавая потенциальную способность любой расы научиться (при отсутствии предшествующих навыков другого языка) любой звуковой системе, мы, в конечном счете, все-таки найдем, может быть, отражение специфических расовых особенностей в ходе фонетической эволюции данного языка. Ср. напр. наблюдение Thalbitzer'а над особыми явлениями в области консонантизма (глубоко-заднеязычных — увулярных согласных в частности) в гренландском эскимосском языке, которые он склонен ставить в связь именно с антропологическими особенностями (Thalbitzer, A phonetical study of the Eskimo language, Copenhagen 1904, стр. 69—70). Разумеется, особо от этого вопроса надо рассматривать случаи искусственной деформации органов произношения, напр. путем вставки в губу деревянных кружков, что отражается, конечно, на произношении (именно на произношении губных звуков в некоторых из языков Банту). Приведу здесь один пример конкретной фонетической эволюции, открывающий некоторую возможность предположительно допускать наличие специфических антропологических признаков у данной этнической среды [если подобных примеров найдется достаточное количество — в истории разных языковых семей (в том числе и в эволюции эскимосского языка, которая, допустим, подтвердит мнение Thalbitzer'а), то тогда и можно будет свести этот принципиальный общий вопрос с гипотетической почвы на эмпирически-доказуемую]: из сравнительно недавнего (т.-е. к исторической эпохе относящегося) периода в эволюции японского языка,— именно из истории губных работ (артикуляций) в разных японских говорах. Процессы ослабления губных работ (как-то спонтанеическое развитие *p → φ) и полной их ликвидации [напр. комбинаторное φ → h, w → нуль, спонтанеические k^w → k, g^w → g) обнаруживаются в наибольшей степени в центральной зоне японских говоров и достигают maximum'а в районе говора Тоса; наоборот на обеих периферийх — в северо-восточных и, с другой стороны, в южной группе мы встречаем, большей частью лишь начальные стадии этих процессов (напр. *pa → φa, тогда как

тельно звукового состава отдельного языка (законы взаимоотношения между существующими в голове одного человека представлениями звуков) и относительно изменений звуковой стороны языка при передаче языка от поколения к поколению, при чем последняя часть обще-фонетических положений [— общие за-

---

в центре *pa → φa → ha; в некоторых же из рюкюских говоров до сих пор уцелевает смычное p; аналогичный консерватизм обнаруживает и судьба прочих губных звуков на обеих перифериях японской территории: k^w g^w здесь сохраняются, исчезнувшее уже в центральных говорах w в ряде позиций сохраняется в Рюкюском, а частично и на северо-востоке; и т. д.). Если же мы вспомним, что по всем (почти) остальным фонетическим и морфологическим чертам, говоры центральной зоны оказываются наиболее консервативными (а чем ближе к той или другой периферии, тем больше прогрессивных новшеств) и — среди центральных — наибольшую консервативность обнаруживает именно Тосаский, то мы будем вправе считать тенденцию к сокращению и утрате губных работ — чертой, характерной для «чисто-японских» слоев этнической структуры Японии; наоборот на перифериях, где прогрессивный ход эволюции (в прочих явлениях фонетики и морфологии) обусловлен был, очевидно, этническим смешением с инородческим населением (на северо-востоке с айну, а на юге с Кумасо и проч.), ослабление указанной тенденции к сокращению губных работ, в свою очередь, может рассматриваться как влияние инородческой этнической подпочвы. Отсюда вытекает вывод, что упомянутая тенденция («делабиализационная тенденция») может считаться таким же признаком чисто-японского этнического элемента (в составе носителей данных говоров), как и относительный консерватизм данных говоров в отношении прочих фонетических (и морфологических) черт обще-японской языковой системы. Это — всё, что может быть сказано по этому вопросу лингвистом; далее слово принадлежит антропологам (которые при
* этом должны иметь ввиду, разумеется, не только «физиологическую статику», т.-е. устройство органов тела, но и «физиологическую динамику», т.-е. деятельность этих органов, в данном случае деятельность лицевых мускулов). И вот, если удастся установить, что определенная специфическая особенность в динамике лицевых мускулов действительно окажется принадлежностью «чисто-японской расы», то зависимость фонетической эволюции от антропологических расовых особенностей можно будет *для данного случая* считать доказанной. Но само собою разумеется, что в решении этого вопроса нельзя будет ограничиться одними лишь японскими фактами, а надо соответствующим образом обследовать и прочие историко-фонетические случаи (в любой территории земного шара), обнаруживающие совокупность делабиализационных процессов (т.-е. ряда явлений в роде процесса *p → φ → h [→ нуль]; он наблюдается, например, и в известных полинезийских языках, в древней истории «алтайских» языков [напр. узбекское h в هوكز hokiz, høkyz «бык» возводимо к общеалтайскому *p; в прочих турецких языках этому h соответствует уже нуль], а из индоевропейских языков — в армянском и ирландском; и т. д.).

коны звуковой эволюции] выделяются также в виде особой (—внутри общей фонетики) дисциплины—под именем фонетической историологии.

В состав общего языкознания входят сведения, необходимые при научном изучении всякого отдельного языка и потому оно под именем *введения в языкознание* преподается на Этнологических Факультетах Университетов, в Востоковедных ВУЗ'ах и другиx ВУЗ'ах, где специально изучаются языки.

Экскурс

К вопросу о делении языкознания на отделы

В добавление к перечню отделов языкознания (как описательного, так и исторического) можно добавить понятие фразеологии. Нужно указать однако, что разными авторами термину «фразеология» даются различные определения. Я позволю себе употребить этот термин для обозначения особой дисциплины (наряду с фонетикой, морфологией, синтаксисом и лексикой), занимающей по отношению к лексике то же положение, какое синтаксис занимает по отношению к морфологии. Дело в том, что как морфология так и синтаксис (в отличие от лексики) имеют своим объектом изучения символику общих (абстрактных) идей [формальные значения слов и типов словосочетаний]; лексика же имеет дело с выражением индивидуальных понятий [лексических значений], но по количественному признаку тех величин, которыми оперирует в качестве единиц данная дисциплина, лексика является соизмеримой лишь с морфологией (—так как единицей-*maximum* и в лексике и в морфологии служит слово, а единицей-*minimum*—морфема), но не с синтаксисом (оперирующим, в качестве единицы-*maximum*, с словосочетанием или фразой, а в качестве единицы-*minimum*—со словом). И вот возникает потребность в особом отделе, который в данном отношении был бы соизмерим с синтаксисом, но в тоже время имел бы ввиду не общие типы, а индивидуальные значения данных кон-

кретных словосочетаний — подобно тому как лексика имеет дело с индивидуальными (лексическими) значениями данных слов. Этому отделу языкознания я и уделяю наименование **фразеологии** (другой, предлагавшийся для этого значения термин — **идиоматика**). Необходимо сказать, однако, что несмотря на все свои теоретические права на существование, фразеология (resp. «идиоматика») не завоевала себе обособленной позиции в литературе по нашей науке, т.-е. нет более или менее обширных отделов литературы, посвященных фразеологии (подобно прочим дисциплинам: фонетике, морфологии, синтаксису, лексике); в большинстве случаев есть только известный материал по фразеологии в трудах, трактующих смежные с ней дисциплины (особенно в работах по лексике). Из числа книг, наиболее подходящих под понятие материала по фразеологии можно назвать, например, Михельсон, М. И. «Русская мысль и речь» I, II. Вообще этой, теоретически вполне возможной и нужной (особенно в практическом отношении — для преподавания языков) дисциплине авторы лингвистических работ уделяли весьма мало внимания, хотя есть основания думать, что она фактически займет обособленную и устойчивую позицию (подобно фонетике, морфологии и т. д.) в лингвистической литературе будущего — когда в последовательной постановке разнообразных проблем наша наука лишена будет случайных пробелов.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ОБЩАЯ ФОНЕТИКА

Органы произношения и их звукопроизводные функции

§ 16. **Органы произношения**, — это 1) **дыхательный аппарат**, состоящий из диафрагмы или грудобрюшной преграды, грудной клетки, легких и дыхательного горла; 2) **гортань**; 3) **надставная труба**, состоящая из полостей, находящихся над гортанью, именно — полости рта и носовой полости.

Функция дыхательного аппарата состоит в образовании струи воздуха. При языковом процессе используется, обыкновенно, только **выдыхание** (экспирация), т. е. струя, **выходящая** из легких, а не **вдыхание** (струя, втягиваемая в легкие из окружающего воздуха). Однако, можно произносить слова и фразы и при вдыхании, и иногда такой способ говорения употребляется затем, чтобы слушающие не узнали по голосу говорящего.[1]

Благодаря тому, что главную роль для языкового процесса играет выдыхание воздуха, оно производится во время речи медленно и экономно; вдыхание же, т. е. восстановление запаса расходуемого при выдыхании воздуха, производится во время

---

[1] Это имеет место в святочных обычаях в швейцарских деревнях: ряженые говорят *втягивая воздух* — чтобы не быть узнанными. Кроме того, в качестве примера особого звука, всегда произносимого именно путем **вдыхания** (а не выдыхания) воздуха, можно назвать японский «звуковой жест» (заменяющий собою и слово и фразу) — инспираторное s [—̣̇— s, — если употреблять для обозначения **вдыхания** знак —̣̇— предложенный Jespersen'ом]. Это [—̣̇— s] ассоциируется с выражением чрезвычайной степени почтения (даже благоговейного страха) перед собеседником, и может заменять собою произнесение фраз в роде kaś(i)komarimaśta и т. п.; при этом данный «звуковый жест» обычно дополняется и специфическим моторным жестом (жестом в собственном смысле этого слова) в виде типичного в японском церемониале приседания.

От звуков, произносимых с вдыханием (т. е. втягиванием воздуха), каково это яп. [—̣̇— s], надо отличать 1) «щелкательные» звуки — так называемые Schnalzlaute южно-африканских (или «прото-африканских» — с исторической точки зрения) языков: бушменского, пигмейских, готтентотского: в них не происходит ни выдыхания из легких, ни вдыхания в легкие, а лишь перемещение воздуха внутри рта из одной камеры в другую — благодаря раствору язычной смычки, т. е. то самое, что мы имеем при нашем причмокивании или прищелкивании языком. Такой же Schnalzlaut — ввиде изолированного на положении «звукового жеста» звукопредставления мы встречаем, напр., в узбекском языке (как и в других языках Туркестана, даже у русского населения Средней Азии) для выражения отрицания [это — переднеязычный Schnalzlaut — с тем же укладом языка, как и при [t], что мы условно выразим в транскипции через [—̇— t] (или через [—̇— c]) — обозначая через [—̇—] именно понятие Schnalzlaut'a] 2) грузинские, мегрельские, чеченские, абхазские, черкесские и т. д. «смычно-гортанные» или «гамзированные» согласные — напр. [pʾ ṭʾ kʾ qʾ cʾ čʾ], абхазск. [ψʾ], — о механизме которых см. ниже. Как и выдых воздуха из легких (до момента раствора гортанной смычки), так и — тем более — вдыхание (inspiratio) в легкие, разумеется, совершенно исключено из артикуляции этих звуков, благодаря характерному для них затвору гортанной щели.

речи быстро, для чего используются те небольшие паузы, которые сопровождают в языке переход от одной мысли к другой.[1]

Механизм дыхательного аппарата таков, что легкие неспособны к самостоятельным движениям; они расширяются только благодаря поднятию грудной клетки или опущению диафрагмы (при чем это расширение их развивает струю вдыхаемого воздуха). При выдыхании же струя, выходящая из легких, создается потому, что, при отсутствии работы мускулов, подымающих грудную клетку, эта последняя опускается и выдавливает из легких находящийся в них воздух, или же то же самое выдавливание воздуха из легких производится путем давления на них снизу подымающейся диафрагмы.

Дыхательное горло соединяется с каждым из легких посредством бронх (их 2). Из дыхательного горла выдыхаемый воздух поступает уже в гортань.

§ 17. Гортань (греч. λάρυγξ, лат. larynx) представляет собою орган, предназначенный почти исключительно для речевых функций и имеющий замечательное устройство; замечательное — потому, что при всей незначительной величине гортани (отверстие гортани — т. е. отверстие перстневидного хряща — шириной с мужское обручальное кольцо) она представляет собой превосходный музыкальный инструмент, дающий крайне разнообразные, как по качеству, так и по силе, звуки.

Стенками гортани являются хрящи: перстневидный (лат. cartilago cricoidea) и щитовидный (cartilago thyreoidea). Перстневидный хрящ служит основанием гортани; он представляет собою кольцо, спереди имеющее очень низкий, а сзади —

[1] Это соединение остановок для возобновления запаса воздуха с теми остановками, которые уходят на психическую работу подготовления новой фразы (напр., выбора порядка слов), естественно является очень удобной комбинацией; но не всегда граница между отдельными смысловыми отрезками речи (предложениями) сопровождается прекращением выдыха и следовательно речевой паузой. Очень часто фонетическим выражением синтаксических границ (— конца предложения) является лишь особая мелодия голосового тона (в частности так наз. «мелодия сказуемости»).

высокий ободок. Его, таким образом, можно сравнить с кольцом, имеющим печатку (напр. с вензелем, гербом); месту, где помещается такая печатка, соответствует обращенная назад (и следовательно не ощупываемая) часть перстневидного хряща. Тонкий же ободок обращен вперед, и над ним помещается выдающийся своею средней частью вперед щитовидный хрящ, тот хрящ, который обыкновенно называют адамовым яблоком или кадыком (у мужчин он обыкновенно больше, чем у женщин).

На задней части перстневидного хряща находятся справа и слева по одному небольшому подвижному хрящику, которые называются черпаловидными (лат. cartilagines arytaenoideae) или пирамидальными хрящиками. Благодаря работе различных мускулов черпаловидные хрящики могут приближаться друг к другу или отходить друг от друга и вращаться в разные стороны. Эти разнообразные движения черпаловидных хрящиков оказываются чрезвычайно важными, так как от этих движений зависит положение голосовых связок, из которых каждая прикреплена одним из своих концов к одному из черпаловидных хрящиков. Другой конец голосовых связок прикреплен к внутренней стороне щитовидного хряща (т. е. противоположному — переднему краю гортани). Таким образом положение голосовых связок зависит от положения и движений 1) черпаловидных хрящиков, 2) щитовидного хряща.

Голосовые связки[1] (лат. chordae vocales или ligamenta vocalia или ligamenta glottidis) отнюдь не надо представлять в виде струн; это края обтянутых кожей мускулов, прикрепленных другими краями к бокам гортани. Таким образом, выдыхаемый воздух отнюдь не может проходить со всех сторон голосовых

---

[1] Кроме настоящих голосовых связок есть еще лежащие выше их ложные голосовые связки (chordae vocales spuriae), которые никакой роли при производстве звуков не играют и служат лишь для предохранения настоящих голосовых связок от попадания к ним посторонних предметов, например крошек пищи.

связок (как ветер обвевает и справа, и слева струны воздушной, или эоловой арфы), он может проходить только сквозь щель между обеими голосовыми связками; таким образом голосовые связки следует сравнивать с губами (немецкий фонетик Klinghardt называет их Stimmlippen), а не со струнами. Сравнение с губами может быть продолжено и по отношению к функции голосовых связок. Когда мы произносим так называемое губное r (звуки, обозначаемые в письме, как прр... или брр...; первый произносится, когда останавливают лошадь; второй — при ощущении холода), наши губы совершают ряд последовательных одинаковых движений: именно, сомкнутые (но не сильно сжатые) губы взрываются толчком выходящего воздуха, и на один момент расходятся и продвигаются вперед; затем по выходе сквозь образовавшееся отверстие известной порции воздуха губы опять смыкаются с тем, чтобы новый толчок воздуха немедленно же взорвал эту смычку и вывел губы из состояния покоя; таким образом, этот процесс повторяется безостановочно, и губы находятся в состоянии д р о ж а н и я. Такое же д р о ж а н и е (только с гораздо более частыми последовательными взрывами) испытывают и приближенные друг к другу голосовые связки при образовании того звука, который мы называем г о л о с о в ы м т о н о м:[1] путем соответствующего движения черпаловидных хрящиков голосовые связки приводятся в состояние неплотного соприкосновения одна с другой, при чем выходящий снизу (выдыхаемый из дыхательного горла) воздух своим давлением на сомкнутые голосовые связки взрывает их смычку и на одно мгновение продвигает их кверху, после чего они опять опускаются и приходят в состояние такого же, как раньше, неплотного соприкосновения — с тем, чтобы следующий толчок выдыхаемого воздуха опять вывел их из этого состояния; осуществляющееся

[1] Образование голосового тона, без которого немыслимо пение и без которого не обходится в общем и речь (кроме шепотной) составляет главную языковую функцию гортани, но есть и другие: образование особых гортанных звуков, напр. [h] = ар. ه, [ʔ] = ар. ء, [H] = ар. ح, [Q] = ар. ع; см. ниже §§ 19 и след.

таким образом движение голосовых связок (оно повторяется несколько сот раз в секунду) является источником воспринимаемого нашим ухом голосового тона. О том, в каких звуках имеется этот голосовой тон, и в каких он отсутствует, мы можем сделать вывод на основании ряда слуховых или осязательных впечатлений, или же объективных (инструментальных) показаний. При этом, для фонетика необходимо, конечно, уменье различать звуки, сопровождающиеся голосовым тоном (так называемые звонкие) от тех, при которых голосовой тон отсутствует (так называемых глухих), по слуху. Но помочь при выработке этого уменья различать звонкие звуки от глухих могут и другие способы. Так можно различать звонкие звуки от глухих по наличию дрожания щитовидного хряща, которое легко можно осязать, приложив палец к поверхности этого хряща, т. е. так называемому Адамову яблоку. Дело в том, что одним концом, ведь, голосовые связки прикреплены именно к щитовидному хрящу, которому, следовательно, и передаются дрожания самих голосовых связок; таким образом можно путем чувства осязания убедиться, например, в наличии голосового тона (и дрожания голосовых связок) при производстве звука [z], и в отсутствии такового при производстве звука [s], который будет соответствующим глухим для звука [z], т. е. таким звуком, производство которого отличается от производства [z] только отсутствием голосового тона, а прочие все работы при производстве обоих звуков одинаковы. Равным образом, можно констатировать наличие голосового тона при [v] и отсутствие его при соответствующем глухом [f], наличие его при [ž] и отсутствие при соответствующем глухом [š], наличие его при [b], [d], [g] и отсутствие при соответствующих глухих [p], [t], [k]. Точно так же можно убедиться в наличии голосового тона при нормальном произношении всяких гласных, например [a], [e], [i], [o], [u], и в отсутствии голосового тона при шопотном произношении этих гласных.

§ 18. Возможна и регистрация голосового тона на особых

приборах, например на кимографе, который представляет собой вращающийся с одинаковой скоростью цилиндр, обтянутый закопченой бумагой, на которой подвижное перо очерчивает кривую, соответствующую колебаниям щитовидного хряща; для этого берется пустая (т. е. наполненная воздухом) резиновая капсюла, которая прикладывается (или обыкновенно подвешивается на ошейнике) к кадыку; соответственно дрожаниям этого кадыка (т. е. щитовидного хряща, вторящего дрожаниям прикрепленных к нему голосовых связок) приходит в дрожание и воздух, заключенный внутри этой капсюлы; от нее идет резиновая трубка, к концу которой прикреплена чувствительная мембрана, и к центру этой мембраны прикреплено перо, которому, следовательно, передаются дрожания воздуха, заключенного в капсюле и трубке; перо устроено таким образом, что колебания мембраны (соответствующие колебаниям воздуха в капсюле и трубке), связанные с колебанием одного конца пера, отражаются в увеличенном виде на другом его конце (перо, следовательно, представляет рычаг, точка опоры которого ближе к концу пера, прикрепленному к мембране, чем к его свободному концу), и этот конец его, двигаясь справа налево и обратно по бегущей под ним закопченной бумаге, записывает на ней кривую, соответствующую дрожанию воздуха внутри трубки, а следовательно соответствующую также и дрожанию щитовидного хряща и дрожанию прикрепленных к этому хрящу голосовых связок. Поэтому каждое колебание голосовых связок будет записываться в виде зигзага кривой, и, зная скорость вращения цилиндра, на который прикреплена закопченая бумага, можно узнать, с какой скоростью происходила вибрация голосовых связок. От изменения этой скорости дрожания голосовых связок зависит высота голосового тона подобно тому, как от частоты дрожаний скрипичной струны зависит высота создаваемого этими дрожаниями звука. Чем чаще колеблется производящее звук тело (скрипичная струна или голосовые связки), тем тон выше. Чем меньше число таких колебаний в единицу времени (например, в секунду), тем тон ниже.

Струна, колеблющаяся со скоростью 435 двусторонних (т. е. взад и вперед) колебаний в секунду (vibrations doubles, что сокращенно изображается: V.D.) дает тон la^3 (по немецкой системе a^1); струна, дающая в секунду вдвое более колебаний, т. е. 870 V.D., дает тон на октаву выше, т. е. la^4 (a^2); струна, дающая вдвое меньше число колебаний, т. е. 435 простых (простым колебанием считается половина двустороннего,—движение струны, как взад, так и вперед) колебаний (vibrations simples, что сокращенно изображается V.S.), издает тон на октаву ниже ($la^2 = a$). Втрое большее число колебаний дает тон на дуодециму выше; т. е., если $la^3 = 870$ V.S. (= 435 V.D.), то $mi^5 = 2607$ V.S. (= 1303 V.D.). Частота колебаний струны зависит, как от ее длины, так и от натянутости. Чем струна длиннее, тем медленнее ее колебания, и, следовательно, тон, издаваемый ею, ниже. Аналогично этому, чем длиннее голосовые связки, тем они будут более склонны к созданию низких тонов. Поэтому у мужчины, у которого голосовые связки обычно длиннее, чем у женщины, голосовой тон обычно ниже, чем у женщин; в различной длине голосовых связок состоит также главное отличие разных голосов, например, тенора, баритона, баса. Сообразно тому, как одна и та же струна при различных степенях натянутости может давать различные колебания, и голосовые связки могут давать различные тоны, что зависит от различных положений черпаловидных хрящиков (а также щитовидного хряща).

Сила же звука зависит от амплитуды (размаха) колебаний звукопроизводящего тела. Сильно дернутая струна колеблется с большим размахом каждого колебания, чем слабо задетая. Точно так же различен бывает по силе и голосовой тон в зависимости от того, насколько продвигаются вверх и вниз при каждом своем колебании голосовые связки (при записи голосового тона вышеуказанным способом на кимографе можно видеть разницу в силе голосового тона по величине зигзагов на кривой; высота же определяется по частоте этих зигзагов). Усиление голосового

тона, т. е. увеличение размаха колебаний голосовых связок может быть достигнуто, во-первых, путем создания более сильной воздушной струи, выходящей из дыхательного аппарата, что делается усилением давления ребер (грудной клетки) или диафрагмы на легкия. Но может быть это усиление достигнуто также путем уменьшения расстояния между колеблющимися голосовыми связками; если они сближены менее плотно, то выходящая струя воздуха менее давит на их края, и края их, следовательно, приходят в менее сильные колебания, — получается более слабый звук, чем при большей плотности сближения голосовых связок. Таким образом, изменения в высоте и силе голосового тона зависят от различных установок голосовой щели (так называется щель между голосовыми связками).

Как различия в высоте голосового тона, так и различия в силе выдыха, от которой зависит амплитуда колебаний голосовых связок, т. е. сила голосового тона, употребляются в различных языках для дифференциации звукового состава слов по моменту ударяемости (или акцентуационному[1] моменту). Ударение, основанное на относительной высоте голосового тона (т. е. частоте колебаний голосовых связок) называется музыкальным ударением (или музыкальной акцентуацией). А ударение, основанное на относительной силе выдыха, — силовым или экспираторным (от лат. expirātio «выдых») ударением; см. ниже § 33.

При инструментальном исследовании явлений, как музыкального, так и силового — экспираторного ударения (поскольку от последнего, т. е. силы выдыха, зависит и сила голосового тона) можно пользоваться как раз вышеуказанным методом регистрации частоты и амплитуды колебаний голосовых связок (посредством кимографа[2] и гортанной капсюлы).

---

[1] «Ударение» — по латыни accentus (буквальный латинский перевод греч. Προσ-ῳδία «напев» — по лат. *ad-cantos → accentus), откуда производное — accentuātio, рус. «акцентуация» — «явления ударения, ударяемость, система ударяемости».

[2] По-французски cylindre enrégistreur (т. е. «цилиндр-записыватель»).

Экскурс. Приведу несколько данных, добытых посредством этого инструментального эксперимента, по исследованию музыкального ударения в японских говорах — из моих работ: 1) «Музыкальное ударение в говоре Токио» (ИРАН 1915) и * 2) «Психофонетические наблюдения над японскими диалектами I. ** Говор дер. Мие префектуры Нагасаки».

1-й пример: Регистрация последовательного изменения высоты голосового тона в двух принципиально различающихся акцентуационных типах «односложных двухморных» (т.-е. состоящих из 1 долгого слога) слов в Токиоском говоре.

Запись производилась (на кимографе Кабинета Эксперимен- *** тальной Фонетики Петерб. Ун-та) при точно известной скорости вращения цилиндра, что дает возможность установить и абсолютную высоту голосового тона — в музыкальных нотах. Расшифровка в кривых — для трех пар слов, различавшихся (в каждой паре) одно от другого только принадлежностью к разным акцентуационным типам, — именно слов:

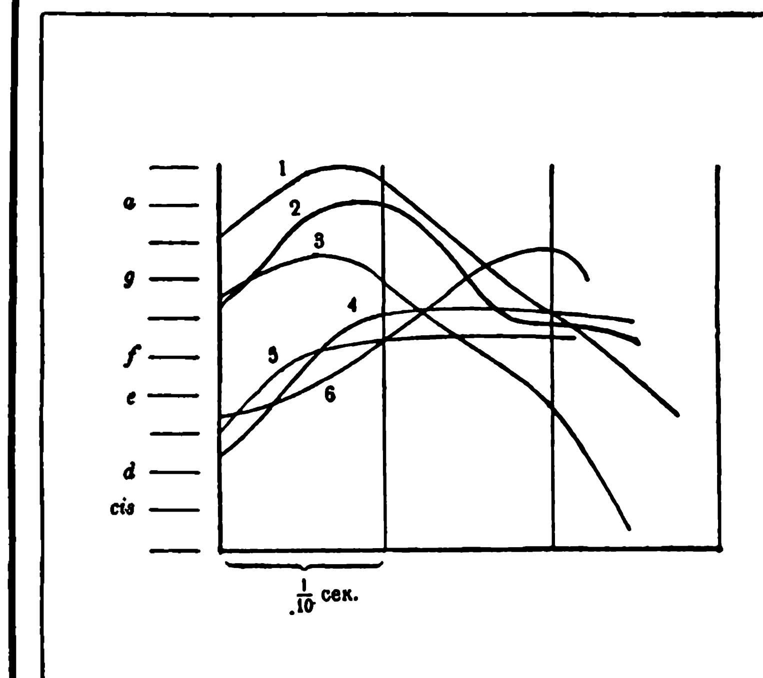
1. ⌈oŋ 恩 «милость»	4. o̅ŋ̅ 音 «звук»
2. ⌈sai 妻 «жена»	5. ho̅:̅ 法 «закон»
3. ⌈ho: 頬 «щека»	6. s̅a̅i̅ 菜 «овощи, закуска»

дала следующий результат (см. рис. стр. 71):

2-й пример: Иллюстрация двух типов музыкальной акцентуации (баритонных и окситонных слов) в говоре деревни Мие 三重 Нагасакской префектуры — в подсчетах кривых голосового тона, записанных на кимографе.

Каждое слово, в данной говоре, принадлежит к одному из двух возможных для данного числа слогов типов музыкальной акцентуации. При этом один ряд акцентуаций — начиная с односложных и кончая очень многосложными комплексами, противополагается другому, как нечто однородное, имеющее одинаковый принцип, что играет первостепенную роль при морфологических изменениях слов. Именно, слово, принадлежащее к тому из этих

типов, который характеризуется *понижением* голосового тона *к концу слова* и который мы поэтому будем называть баритонным типом, образует и производные формы (склонения, спряжения и т. д.), также принадлежащие к словам баритонного типа (т.-е. с понижением голосового тона к исходу слова). И наоборот, если слово принадлежит к типу, характеризующемуся противоположным признаком — *повышением* голосового тона *к концу слова* и потому называемому нами окситонным типом, то словами окситонного типа будут и производные формы от данного слова. Например:

А) Баритонные слова (и формы):

[Баритонный характер слова мы будем обозначать знаком ˪ перед последней морой слова: например ˪ha, ha˪na, ka˪u, hana˪:, han'a˪:].

日 ˪çi «солнце, день»	鼻 ha˪na «нос»
Nominativ.-Genitiv. çi˪ga, çi˪no	hana˪ga
Subjectivus çi˪wa	hana˪:
Dativus-Locativ. çi˪:	han'ə˪:
Instrumentalis çi:˪re	han'a:˪re
Ablativus çika˪ra	hanaka˪ra

買 ﾌ ka˪u «покупает» (Praesens)	着 ﾙ ki˪: «одевает» (Praesens)
Praeteritum ko:˪ta	ki˪ta
Negativ. kawa˪ŋ	ki˪ŋ, kira˪ŋ
Praeteritum Negativi kawaʒ́a˪tta	kiraʒ́a˪tta
Progressiv. k'a:jo˪i	kijo˪i
Perfectiv. ko:ċo˪i	kiċo˪i
Linquitativ. ko:ċ́o˪ku	kiċ́o˪ku
Praeter. Progress. k'a:jo˪tta	kijo˪tta
Praeter. Perfectivi ko:ċo˪tta	kiċo˪tta
Praeter. Linquitativi ko:te:˪ta	kite:˪ta

и например еще

Accusativ. от Particip. (просубстантивного) Praeter. Linquitativi ko:te:tato˪ba [«того, который закупил» = «закупившего»]	kite:tato˪ba

B) Окситонные слова (и формы):

[Окситонный характер слова обозначается знаком ˹ перед его последней морой: ˹ha, ha˹na, a˹i, hana˹:, han'a˹:].

火 ˹çi «огонь»	花 ha˹na «цветок»
Nomin.-Genit. çi˹ga	hana˹ga, hana˹no
Subjectiv. çi˹wa	hana˹:
Dativ.-Loc. çi˹:	han'a˹:
Instrument. çi:˹re	han'a:˹re
Ablativ. çika˹ra	hanaka˹ra
и т. д.	и т. д.

飲ム no⌈mu «пьет» (Praesens)	切ル ki⌈: «режет» (Praesens).
Praeteritum nu:⌈ra	ki⌈tta
Negativ. noma⌈ŋ	kira⌈ŋ
Praet. Neg. nomaẑa⌈tta	kiraẑa⌈tta
Progress. nomijo⌈i	ki:jo⌈i
Perfectiv. nu:ŝo⌈i	kitćo⌈i
Linquitativ. nu:ŝo⌈ku	kitćo⌈ku
Praet. Progressivi nomijo⌈tta	ki:jo⌈tta
Praet. Perfectivi nu:ŝo⌈tta	kitćo⌈tta
Praeser. Linquitativi nu:re:⌈ta	kitte:⌈ta
и Accus. от соответствующего причастия nu:re:tato⌈ba «напившегося»	kitte:tato⌈ba «нарезавшего».

То же постоянство мелодического типа основы сохраняется и в прочих морфологических ее осложнениях,[1] а также и в Compositis, имеющих первой своей частью данную основу: например tʻa:⌈ko «барабан» — tʻa:kotata⌈ki «барабанщик», ha⌊na «нос» — hanaku⌊so «сопли». [Тип акцентуации 2-й части Compositi не имеет никакого значения для акцентуации этого Compositi, хотя он тотчас же выделяется при разложении Compositi: например gumino⌈ha или gumi⌈no ⌊ha «лист растения Гуми». При этом Composita (зависящие в своей акцентуации только от 1-й части) могут быть очень длинными: например ka⌈ra «Китай» — karaŋkuninotatemonnogo⌈to «на подобие здания китайской страны»].

Для выяснения физической стороны этой акцентуационной системы мне служили (— кроме собственного моего слуха и самонаблюдения объекта изучения — гр. Токунага) кривые голосового тона, записанные посредством гортанной капсюлы на кимографе в Психологической Лаборатории при Токиоском Императорском * Университете. В приводимых ниже подсчетах кривых я пользуюсь

** [1] Некоторые исключения из этого закона указаны в «Психофонетических наблюдениях над яп. диалектами I».

следующим упрощенным методом дешифровки: отмечаю в десятых долях миллиметра длину периода кривой голосового тона; но это не длина каждого отдельного периода, а арифметическое среднее для нескольких рядом стоящих периодов, число каковых я каждый раз отмечаю в виде коэффициента перед данным числом. Таким образом 5.14 следует понимать как то, что пять рядом находящихся периодов заняли в общем 5 × 14 = 70 десятых = 7.0 mm., но эта сумма могла составиться, например из 13 + 13 + 14 + 15 + 15, а может быть и иначе. В скобках [ ], после числа, означающего среднюю длину периода, я отмечаю — также в десятых долях mm. — амплитуду волны в последнем из данных периодов. Следовательно, если подсчет кривой начинается с цифр 5.15 [10], 7.15 [25], ..., то это значит, что амплитуда у 5-го периода была 1.0 mm., а у 12-го — 2.5 mm. (средняя же длина периода — 1.5 mm.).[1]

Числа, выражающие среднюю длину периодов, дают представление об относительной высоте голосового тона, т. е. о движении высоты в слове (при большей длине периода тон ниже; при вдвое большей, чем данная, тон ниже на октаву); но к сожалению я не могу указать абсолютную высоту, так как скорость была отмечаема только для некоторых вращений цилиндра и была неодинакова при других.

Числа, выражающие амплитуду, могут дать некоторое представление об изменениях силы голосового тона (ибо при одинаковой высоте тона бо́льшая амплитуда соответствует бо́льшей силе

[1] Надо заметить, что амплитуда первого и последнего периодов какого-либо звонкого отрезка бывает всегда очень мала (ведь эти периоды граничат с прямой линией, которая соответствует глухим элементам — спокойному состоянию голосовых связок). Поэтому в конечной группе периодов (где амплитуда падает до нуля) я цифры для амплитуды (в скобках [ ]) не ставлю. А в части подсчетов я заменяю многоточием ко́нечную группу периодов, на протяжении которой амплитуда (соответствующая силе звука) замирает, а длина периодов крайне быстро увеличивается (что соответствует сильному понижению тона, но уже настолько слабого, что в слуховом восприятии он уже не играет роли).

звука), хотя надо иметь в виду, что при понижении тона амплитуда может увеличиваться и без прироста силы. Там, где ясно выделяется один период по наибольшей для всей рассматриваемой кривой амплитуде, я пишу: max., например 7.14 [45 max.]; это значит, что амплитуда последнего из данных семи периодов оказывается максимальной для всего данного звонкого отрезка и равна 4.5 mm. Как субъективные, так и объективные показания заставляют полагать, что физическая разница между баритонными и окситонными словами состоит в различии направлений в изменении высоты в конце слова: баритонным присуще понижение, а окситонным — повышение в конце слова.

Но эта общая характеристика обоих типов допускает целый ряд различных физических субститутов каждого типа в зависимости от числа слогов, от склонности к выпадению известных гласных (i, u) и прочих условий, в связи с чем изменяется и понятие «конца слова», внутри которого происходит характерное для данного типа понижение или повышение.

А) Баритонные слова.

А) 1. Баритонные одноморные слова (из 1 краткого слога).

Понижение происходит внутри гласного данного (единственного) слога. Очень часто к этому присоединяется еще силовая двухвершинность, т. е. ослабление (иногда почти перерыв) дрожания голосовых связок внутри гласного.

Изменение высоты легко улавливается на слух, в особенности же при громком и старательном произношении, когда у произносящего имеется желание подчеркнуть данную особенность, например поправляя иностранца.

Объективные (инструментальные) данные подтверждают слуховое впечатление. Приведу (для баритонных одноморных) подсчеты 5 кривых (из рассмотренных 13-ти; разумеется понижение констатировано и в прочих восьми).

ₗna «имя»: 3.19 [10], 3.18½ [21], 4.17½ [32], 2.16½ [39 max.], 4.15½ [35], 4.15¼ [32], 4.15 [30], 4.15 [30], 4.15¼ [25], 4.15¼ [23], 2.15¼ [21], 9.16 [24], 4.16¼ [26],

$4.16^{1}/_{4}$ [28], $3.16^{2}/_{3}$ [28], $4.17^{1}/_{2}$ [31], 4.18 [32], $4.18^{3}/_{4}$ [30], 3.20 [26], 2.22 [18], 2.24 [7]...

˪ne «цена»: 5.18 [5], $5.17^{1}/_{2}$ [8], 4.17 [12], $4.16^{1}/_{4}$ [21], $4.16^{1}/_{4}$ [23], 5.16 [29], $3.15^{1}/_{3}$ [30], $4.15^{1}/_{4}$ [30], 4.15 [32], 8.15 [32], $4.14^{3}/_{4}$ [31], 4.15 [31], 4.15 [30], $4.15^{1}/_{4}$ [31], $4.16^{1}/_{4}$ [32], $3.16^{2}/_{3}$ [30], 4.18 [31], 2.20 [25], $4.22^{1}/_{2}$ [13], 3.27 [10]...

˪ha «лист»:[1] $4.12^{1}/_{4}$ [19], $2.12^{1}/_{3}$ [30 max.], 5.12 [20], $4.11^{1}/_{4}$ [18], $7.11^{3}/_{7}$ [13], 3.12 [3], затем следует на продолжении 170 (17.0 mm.) ряд периодов с чрезвычайно малой амплитудой, после чего: 5.12 [3], $7.12^{6}/_{7}$ [5], $3.13^{1}/_{3}$ [8], $3.14^{1}/_{3}$ [12], $3.15^{2}/_{3}$ [5], $4.17^{1}/_{2}$ [4]...

˪çi «солнце»: 2.16 [35], $3.15^{2}/_{3}$ [36], 3.15 [36], $2.14^{1}/_{3}$ [31], 3.14 [25], 3.14 [26], $4.13^{3}/_{4}$ [25], $3.13^{2}/_{3}$ [26], 3.14 [27], $3.13^{2}/_{3}$ [25], 3.14 [28], $4.41^{1}/_{2}$ [29], $3.14^{2}/_{3}$ [28], $4.14^{3}/_{4}$ [28], 3.15 [30], $4.15^{1}/_{2}$ [30], $4.16^{1}/_{4}$ [31], $3.16^{2}/_{3}$ [31], $3.17^{1}/_{3}$ [32], $4.18^{3}/_{4}$ [31], 2.20 [28], $2.21^{1}/_{3}$ [20], 1.23 [15]...

˪je «рукоятка»[2] 柄: $4.17^{1}/_{2}$ [8], $2.17^{1}/_{2}$ [9], 3.16 [15], 3.15 [24 max.], 2.15 [21], $3.14^{1}/_{3}$ [19], 2.15 [13], 2.14 [8], затем следует ряд периодов с крайне малой амплитудой на протяжении 500 (50.0 mm.), после чего: 2.15 [7], $3.16^{2}/_{3}$ [9], 2.17 [8], 2.20 [8], 2.21 [7]...

Имеющиеся у меня кривые слов ˪ke «волос», ˪i «желудок», как и приведенные выше подсчеты слов ˪je 柄 ˪ha 葉, заставляют считать силовую двухвершинность несомненной для некоторых случаев произношения окситонных одноморных, так как полное почти замирание амплитуды (почти прямая линия) посредине гласного звука тут не может быть истолковано, как следствие повышения тона в начале гласного — перед следующим понижением.

---

[1] Слова «лист» и «зуб» (ha) различаются в Нагасаки и в Токио (и в Рюк. по согласному: φa: и ha:), но совпадают в Тоса и в Киото.

[2] В Киото ⌜e:⌝, Тоса e (Nom. ⌜ega⌝), Токио ˪e (eŋa). Начальное *e дает в Нагасаки je (поэтому, напр. *we «картина» → *e → Наг. ⌜je и совпадает с Наг. ⌜je ← *i(p)e «дом»).

Примечание. Историческое объяснение этого факультативного явления (— силовой двухвершинности гласного в одноморных баритонных) для меня неясно. Во всяком случае причина его вовсе не связана с теми именно словами, записи которых обнаруживают двухвершинность по моим подсчетам: ясно, что это — уже общая (но притом факультативная) черта всего типового представления баритонных одноморных. Можно только указать, что большинство японских одноморных основ можно возводить к древним двухсложным основам, а потому, может быть, эта силовая двухвершинность — и есть пережиток давнишней (праязыковой) двусложности данного количественного основ, — пережиток, который по тем или другим причинам обнаруживается (факультативно) именно в *баритонных* односложных.

А) 2. Односложные двухморные.

Односложные баритонные из долгих слогов характеризуются также нисходящей мелодией внутри гласной или дифтонга. На слух они отличаются от ударенных на первом элементе токиоских долгих слогов (например Токиоск. ⌜ho: 頬 «щека», ⌜oŋ 恩 «милость») тем, что в Нагасакских (— в данном говоре дер. Мие) баритонных нет обязательного силового выделения первого элемента в ущерб второму, которое имеет место в данных Токиоских словах.

ju$_{\llcorner}$: «говорит» (Praesens: *⌜ip-u⌝): $4.19^{1}/_{2}$ [13], $4.18^{1}/_{2}$ [19], 3.17 [23 max.], $4.16^{1}/_{4}$ [20], 7.15 [13], $6.14^{1}/_{6}$ [7], $5.13^{4}/_{5}$ [5], $7.13^{4}/_{7}$ [3], $6.13^{1}/_{3}$ [4], $7.13^{4}/_{7}$ [4], $4.13^{3}/_{4}$ [4], 5.14 [3], $7.14^{5}/_{7}$ [3], $4.15^{1}/_{2}$ [4], $7.15^{3}/_{7}$ [9], $7.17^{1}/_{7}$ [12], $6.18^{1}/_{2}$ [16], 5.21 [14], 4.25 [8], $3.28^{1}/_{3}$ [8], 3.34.

o$_{\llcorner}$ŋ «звук» (кит. заимствование: 音): $7.14^{5}/_{7}$ [3], 6.15 [4], $7.14^{2}/_{7}$ [5], 5.14 [5], $8.13^{3}/_{4}$ · [5], $8.12^{1}/_{2}$ [5], $8.14^{3}/_{8}$ [7], 6.15 [9], $7.15^{4}/_{5}$ [20], $3.15^{2}/_{3}$ [24], $5.16^{4}/_{5}$ [34], 3.19 [42 max.], $5.20^{1}/_{5}$ [38], $4.22^{1}/_{2}$ [26], 4.21 [8], 3.30.

А) 3. Двусложные баритонные:

Двусложные баритонные слова осуществляют принцип *баритонности* по разному. В большинстве случаев имеется падение

тона внутри гласного последнего слога, аналогичное с падением тона в односложных. Это движение высоты в конечном слоге необыкновенно ясно слышится, когда произносящему приходится давать идеальное (с наибольшим выяснением типических особенностей) произношение данного слова, например обучая меня различению слов ha˪na «нос» и ha⌈na «цветок». Это слуховое впечатление подтверждается и кривыми (у меня не было ни одной кривой для двусложных и многосложных баритонных, где был бы намек на повышение тона внутри последнего слога), например:

o˪tta Praeteritum от o˪i (←*woru; Тоса ⌈o˪ru) — «был»:

Гласный о: $4.17^1/_2$ [8], 5.16 [12], 5.14 [15], 4.15 [22], $3.14^1/_5$ [23], $6.14^1/_6$ [21], $4.13^3/_4$ [19], $8.11^5/_8$ [18], $7.14^4/_7$ [17], 3.19 [10], 3.20.

Далее следует прямая на протяжении 1350 (t: = tt).

Гласный а: $5.13^4/_5$ [20], 5.14 [27], 6.15 [25], 4.15 [25], 5.16 [24], $4.16^1/_4$ [25], $5.16^2/_5$ [22], 5.17 [21], $4.17^1/_2$ [21], $5.18^1/_5$ [18], $5.19^3/_5$ [16], $4.21^1/_4$ [17], $4.23^3/_4$ [12], 3.26 [10], $3.28^1/_3$ [7], $3.31^2/_3$ [3], 3.35.[1]

Вопрос об ударяемости первого или второго слога в двусложных словах для данного говора не может быть ставимым так, как насчет русского (где ударение силовое) или же японского токиоского (где ударение музыкальное), где один слог с полной определенностью выделяется, как ударенный, из ряда прочих. В данном же говоре (— дер. Мие, как впрочем и других Нагасакских) *первый слог* двусложных баритонных несмотря на то, что в большинстве случаев maximum высоты приходится именно

---

[1] Колоссальность падения тона может показаться сомнительной. Но на самом деле — это вовсе не редкость (в кривых, запечатлевших нисходящую мелодию гол. тона) именно на конце кривых, при сильном уменьшении амплитуды (что указывает на то, что это колоссальное падение тона *уже не слышно*). Сравни аналогичное наблюдение А. П. Абель — «Об акцентуации ударенных простых гласных в латышском яз.» в «Изв. Отд. р. яз. и сл. А. Н.» 1915 т. XX кн. 2 стр. 188: «Среди моих записей оказалось несколько кривых, в которых с уменьшением амплитуды длина периодов увеличивается раза в 3 и даже 4 против минимальной, так что по свидетельству этих кривых тон падает на 4 октавы(?)».

внутри него (а не внутри первой части гласного второго слога),[1] *не может быть назван ударенным в обычном смысле слова* уже потому, что гласный этого (первого) слога способен превращаться в глухой [тогда как в Токио гласный ударенного слога глухим
* не бывает — см. «Муз. уд. в гов. Токио» Изв. Ак. Н. 1915, стр. 1620]. Примером такого оглушения гласного в первом слоге двусложного баритонного слова может служить кривая слова ki⌊ta «север», на которой вышло только a (тогда как [ki̥t] — без дрожания голосовых связок), давшее следующие цифры (амплитуды не отмечаю):

3.15, 3.16²/₃, 4.17¹/₂.....

Однако, как это ни странно на первый взгляд, понижение гол. тона внутри последнего гласного, — момент видимо имеющий
** крупное психическое значение, в некоторых случаях может в баритонных словах отсутствовать, так как крайне часто гласный последнего слога может в словах этого типа [в противоположность окситонным] превращаться в глухой и даже исчезать (см. ниже об условиях падения i и u). Так например произношение слова ha⌊ši «мост» в виде haš является наиболее обычным и [i] произносится (конечно, с понижением от начала к концу гласного) только при особо отчетливой фонации. При таких произношениях, как [haš] мелодия гласного первого слога ([a]) не играет существенной роли и никак не может быть приравниваема к понижению внутри последнего слога, наблюдаемому при звонкости конечного гласного. Таким образом, характерное для баритонного типа «понижение к концу слова» в таких произношениях как [haš] не осуществляется, оставаясь только в намерении и не переходя в исполнение. Тем не менее принадлежность слова, произносимого в виде [haš], к типу баритонному — несомненна, ибо в словах окситонных (например ha⌈ši «палочки для еды» 箸)[2] гласный последнего слога не может переходить в глухой или исчезать.

---

[1] Хотя у меня есть кривые, где maximum высоты первого слога (баритонных слов) приблизительно равен maximum'у высоты первой части второго слога.

[2] В Токио 箸 — ⌈haši [⌈haš], в Киото ha⌈ši, в Тоса ha⌈šï.

Иначе говоря, конечный слог баритонного двусложного слова характеризуется понижением внутри гласного, чередующимся с пулем звонкости, что противополагается мелодии последнего слога окситонного двусложного слова, которая не способна чередоваться с нулем звонкости.

Итак, в итоге оказываются возможными 3 физических разновидности (три физических типа) двусложных слов (психически единого) баритонного типа:

1) Идеальный физический тип: со звонкими гласными в обоих слогах и с понижением внутри второго слога.

2) Физический тип приведенной выше записи слова kita «север», с нулем звонкости в первом слоге и понижением внутри второго.

3) Физический тип [haś], с нулем звонкости во втором слоге.

Но точно определенных норм тут не существует: 1) факультативно всякое двусложное баритонное слово может иметь произношение первого физического типа (идеального); 2) некоторые слова факультативно могут иметь, как произношение второго, так и произношение третьего физического типа. Например слово kiˌku «слушает» (Praesens: *ˈkik-uˈ) может быть произнесено или по физическому типу kiˌta с глухим [i̥] и звонким [u], внутри которого будет понижение гол. тона ([u]), или наоборот по физ. типу [haś]: в виде [kiku̥],[1] т. е. с глухим u и со звонким i. Не невозможно также и произношение baˌśi «мост» по второму физ. типу: с глухим [ḁ] и звонким [i]; но оно реже, чем произношение [haś].

[1] В kiˌku гласный u становится глухим ([u̥]), а в слове haˌśi [i] вовсе выпадает — потому, что позиция узких кратких гласных i u после спиранта (здесь [ś]) [или же также после аффрикаты] является условием, благоприятствующим их полному падению (при наличии и других моментов: соседства с глухими согласными, или — как здесь — конечной позиции, после глухого согласного и при том в баритонном именно слове).

А 4) Более чем двусложные слова баритонного типа.

Останавливаться на них мне не позволяет место и я ограничусь лишь общим выводом, что падение мелодии гол. тона происходит в течение трех последних мор[1] слова, какой бы длины оно ни было.

В трехсложных из кратких слогов maximum высоты может приходиться и на первый и на второй слог (что киотосцу напоминает его тип ♩♩♪ ʳmameˀ˪na [«здоровый»]). В баритонных четырех- и более-сложных словах (а также в трехсложных, последний слог которых долог) maximum высоты приходится на слог третий с конца (в случае его долготы — на его вторую мору), если два последних слога кратки, и на слог предпоследний (в случае его долготы на его вторую мору), если последний слог слова долог. Но самонаблюдение произносящего далеко не сразу определяет место повышения: киосцу гораздо легче бывает указать, что повышение находится где-то ближе к началу слова (а не на конце слова, как в окситонных словах), чем точно определить его место; и этого указания ведь вполне собственно достаточно с точки зрения существующей в языке дифференциации слов: им исчерпываются все существующие в данном говоре мелодические различия (кроме стоящих на особом положении эмфатических вариаций мелодии — см. ниже, в конце экскурса).

Б) Окситонные слова.

Б) 1. Окситонные одноморные характеризуются движением высоты, обратным тому, которое имеется в баритонных, т.-е. повышением от начала к концу слога.

В приводимых подсчетах видно, правда, кроме повышения тона, и его дальнейшее понижение — на самом конце гласного, при значительно уменьшившейся амплитуде, но ему (именно в виду малой амплитуды) нельзя приписывать акустического значения.

ʳne «корень» 根: 5.20 [10], $3.18^{2}/_{3}$ [22]; $4.17^{1}/_{2}$ [37], 6.15 [45 max.], $6.14^{1}/_{6}$ [37], $4.13^{3}/_{4}$ [35], $4.13^{3}/_{4}$ [30], $7.13^{4}/$,

[1] Морой считается краткий слог или половина долгого.

[24], $7.13^{4}/_{7}$ [23], $7.13^{4}/_{7}$ [21], $4.13^{3}/_{4}$ [20], 5.14 [20], $6.14^{1}/_{6}$ [20], $5.14^{3}/_{6}$ [20], 8.15 [20], $4,16^{1}/_{4}$ [20], $6.17^{1}/_{2}$ [20], $2.17^{1}/_{2}$ [18], 5.19.

⌈ni «два» (кит. Го-он'ное заимствование: Киот. ni⌈: Токио ⌈ni): $3.15^{3}/_{8}$ [14], $7.15^{2}/_{7}$ [29], $4.14^{1}/_{4}$ [36 max.], 9.13 [35], $9.12^{2}/_{9}$ [30]. $9.11^{2}/_{3}$ [25], $8.11^{7}/_{8}$ [23], $8.11^{7}/_{8}$ [23], 9.12 [20], $9.12^{4}/_{9}$ [19], $9.12^{7}/_{9}$ [17], $8.13^{3}/_{4}$ [11], $6.14^{5}/_{6}$ [6], $6.15^{1}/_{2}$.

⌈ha «зуб» 齒: $3.15^{2}/_{8}$ [11], 2.15 [28 max.], 5.14 [19], $6.13^{1}/_{2}$ [17], $7.12^{6}/_{7}$ [13], $8.12^{1}/_{2}$ [10], $8.12^{1}/_{2}$ [9], $4.12^{1}/_{2}$ [9], $7.12^{6}/_{7}$ [8], $7.12^{6}/_{7}$ [4], 5.14 [3], $6.14^{1}/_{6}$.

⌈çi «огонь» 火: 2.19 [30], 1.16 [37 max.], 4.15 [34], $6.14^{1}/_{6}$ [24], $4.13^{3}/_{4}$ [20], $4.13^{3}/_{4}$ [20], $4.13^{3}/_{4}$ [18], $8.13^{3}/_{4}$ [17], $7.14^{2}/_{7}$ [14], $6.14^{2}/_{3}$ [16], 6.15 [14], $7.15^{6}/_{7}$ [16], $6.16^{1}/_{3}$ [19], $5.17^{4}/_{5}$ [11], $3.18^{1}/_{2}$.

⌈je «картина»[1] 繪 (*wĕ, Киото e⌈:, Тоса e⌈:, Токио ⌈e): $3.18^{1}/_{3}$ [9], $3.18^{1}/_{3}$ [13], $3.16^{2}/_{8}$ [24], 4.15 [34 max.], 5.14 [25], $4.13^{3}/_{4}$ [22], $4.13^{3}/_{4}$ [22], $7.13^{4}/_{7}$ [18], $4.13^{3}/_{4}$ [17], $6.13^{1}/_{2}$ [12], $6.13^{1}/_{3}$ [8], $6.13^{1}/_{3}$ [7], $6.13^{1}/_{2}$ [5], 5.14 [5], 5.14 [5], 4.15 [5], $6.15^{5}/_{6}$ [5] . . .

Б) 2. Окситонные односложные из долгого слога:

ju⌈: «хорошо» (*jo-ku, Adverb. от jo-⌈ka «хороший»): 5.20 [17], $4.18^{1}/_{2}$ [25], 3.17 [31], 2.16 [35 max.], $3.16^{1}/_{3}$ [27], 4.15 [13], $4.14^{1}/_{2}$ [10], $8.13^{3}/_{4}$ [3], $4.14^{1}/_{4}$.

o⌈ŋ «милость» 恩 (кит. заимствование): $5.17^{1}/_{5}$ [14], $3.16^{2}/_{3}$ [20], $4.15^{3}/_{4}$ [27], 4.15 [28 max.], $7.13^{6}/_{7}$ [22], $6.13^{1}/_{3}$ [22], $6.13^{1}/_{3}$ [18], $6.13^{1}/_{3}$ [18], $6.13^{1}/_{3}$ [18], $6.13^{1}/_{3}$ [17], $7.13^{5}/_{7}$ [17], $6.14^{1}/_{6}$ [16], 6.14 [12], $6.14^{1}/_{6}$ [10], $7.14^{2}/_{7}$ [8], 6.15 [7], $6.15^{5}/_{6}$ [6], $6.16^{2}/_{3}$ [4], $3.16^{2}/_{3}$.

Б) 3. Многосложные окситонные слова.

Общий признак — повышение к концу слова может выражаться и в относительной высоте последнего слога (по сравнению

---

[1] Это Го-он, как и e 會 — из *ɣwai (Пекинск. «хуй»).

с предшествующими) и в поднятии тона *внутри* последнего слога[1] (не в счет незначительное понижение к самому концу этого гласного при снизившейся уже амплитуде).

Приведу цифры для u⌈su «ступка»:

1-ое [u]: 5.20 [4], 5.18 [7], 3.16$^{2}/_{3}$ [12], 4.15 [29], 2.14$^{1}/_{2}$ [34 max.], 6.13$^{5}/_{6}$ [30], 6.14$^{2}/_{3}$ [25], 2.17 [11], 4.18$^{3}/_{4}$.

[s] — прямая на протяжении 400.

2-ое [u]: 8.15 [2], 7.14$^{3}/_{7}$ [2], 7.12$^{6}/_{7}$ [2], 6.13$^{1}/_{3}$ [2], 9.12$^{7}/_{9}$ [2], 9.13$^{1}/_{9}$ [2], 9.13$^{1}/_{3}$ [4], 9.13 [6], 7.12$^{6}/_{7}$ [10], 5.13 [10], 8.13$^{1}/_{8}$ [9], 5.13$^{1}/_{5}$ [4].....

Одним из отличий окситонного типа от баритонного является, как сказано выше, устойчивость конечного гласного. Его выпадение в двусложном окситонном совершенно недопустимо. И те крайне редкие случаи нуля вместо конечного u в четырех- и более-сложных окситонных словах, оканчивающихся на s(u) которые я наблюдал в произношении г. Токунага, — явление исключительное и, может быть, даже наносное: это — формы на суффикс -mas(u), которые говору д. Мие (как и суффикс -des(u)) чужды и проникают в него (при вежливой речи) только благодаря влиянию разговорной «койнэ» (т. е. Токиоского), и то сравнительно весьма редко. Во всяком случае это явление интересно, как использование нового признака окситонного типа для его различения от баритонного: arima⌈su,[2] произнесенное как [arimas], отличается от orima⌊su, произнесенного как [orimas], по мелодии тем, что в первом повышение приходится на [ma], а во втором на [ri].

Примечание. Я не касаюсь здесь эмфатического перемещения повышения в окситонных словах — с последней на предпоследнюю мору (что составляет обычную мелодию Императивов:

---

[1] Особенно хорошо эта элевация тона внутри последнего слога слышна при намеренном подчеркивании признаков окситонного типа, напр. при противоположении слов ha⌈na 花 и ha⌊na 鼻.

[2] Если бы это были не новейшие заимствования из койнэ, а туземного развития формы, мы имели бы aimasu, oimasu (с переходом *ri → *r' → j).

например k"i:naha⌜re⌞: — вежливый Императив от ku⌜: «есть», o⌜ki⌞re — Императив oki⌜: «встает», и вокативных предложений: например mi⌜cu⌞je — от женск. имени micu'je, an⌜ra⌞: — «Анра!», ласкательно-уменьшительное от мужск. имени ara⌜ta 新).

---

§ 19. Кроме создания различных оттенков (по высоте и силе) голосового тона, т.-е. ударяемости (музыкальной и силовой), от различного положения голосовых связок зависит еще целый ряд различий между звуками языка: именно, 1) работы гортани (и в частности особые уклады голосовых связок) образуют сами по себе звуки, причисляемые поэтому к категории *гортанных*; 2) особые работы гортани (и голосовых связок), присоединяясь к другим (ртовым) работам, дифференцируют ряды звуков иного (не гортанного, а ртового) образования.

§ 20. Та часть голосовой щели, которая находится между голосовыми связками, называется голосовой щелью в узком смысле слова или междусвязочной или связочной щелью, а та часть, которая находится между черпаловидными хрящиками, называется междухрящевой или хрящевой щелью. При шепоте бывает открыта междухрящевая щель, а междусвязочная закрыта; таким образом, выход воздуха из гортани происходит, но дрожание голосовых связок отсутствует.

При так называемом фальцете (фистуле) междухрящевая щель закрыта, и колеблется только средняя часть голосовых связок (открыта только часть междусвязочной щели). Можно закрыть как междусвязочную, так и междухрящевую щель, т. е. совершенно прекратить выход воздуха из гортани смычкой голосовых связок. Если такая смычка голосовых связок имеется перед началом какого-нибудь гласного, то он начинается с легко заметного на слух взрыва этой смычки (в фонетическом алфавите обозначением этого гортанного взрывного служит '). В немецком языке такой взрыв сомкнутых голосовых связок обычен перед начальными гласными, например diese alte Eiche [di:zə

ʼaltə ʼaiçə], die innere und äussere Einrichtung [di ʼinərə ʼunt ʼɔisərə ʼainriçtuŋ]; возможен он также внутри сложных слов при известной самостоятельности второй (начинающейся с гласного) части такого сложного слова, напр., в Erinnerung [ʼerʼinəruŋ].

В ряде же других языков этот гортанный (смычный) и взрывный согласный ([ʼ], по французски coup de glotte, по немецки Stimmbänderverschluss) играет роль самостоятельного согласного звукопредставления [т. е. может дифференцировать слова на таких же правах, как, напр., звук t, или звук k дифференцируют русские слова: *тон* от *он*, *школ* [škoł] от *шёл* [šoł] и т. п.]. Это имеет место, например, в Касимовском диалекте татарского языка, в арабском языке (как и в обще-семитическом праязыке), в финском (Suomi), латышском (а также — очевидно под влиянием латышского — в ливском), в датском, в некоторых китайских диалектах (— именно в диалектах, сохранивших, так
* называемый, «5-й тон» — 入 聲, который является ничем иным, как [ʼ] на конце слога), в тибетском, в тагальском, а также в некоторых кавказских языках, напр., в чеченском (где данный гортанный взрывный имеет даже два варианта — см. ниже):

** 1) Касимовский диалект татарского языка отличается, в фонетическом отношении, от др. тат. говоров прежде всего именно регулярной (почти без исключений) заменой всех заднеязычных согласных — k, g, q, x (точнее Ꭓ), ʁ (= غ), ŋ — через [ʼ] в любой позиции в слове. При этом, так как особенно частыми в словарном материале были звуки k, q, то большинство случаев Касимовского [ʼ] падает именно на случаи k → ʼ, q → ʼ. Например ʼał «останься!» — из *qał قال (отличается только наличием [ʼ] от ał «возьми!»),[1] ʼil ← *kel (тат. kil كيل) «приди!», ʼɯłaʼ ← *qułaq (ср. узб. Ташк. quloq قولاق) «ухо», ʼɯrʼ ← *qɯrq (ср. узб. Ташк. qırq قرق) «40», xałʼ или xałɯʼ ← ар. خالق «народ» [сохра-

[1] Гласный [a] в начале [ał] «возьми» начинается уже с раскрытой голосовой щели, [ʼa] в [ʼał] «останься» — наоборот со смычки ее.

нение x خ в этом слове является исключением из закона о переходе заднеязычных в [ʾ] и объясняется, очевидно, влиянием письменности] и т. д. Пример на Ƙ (غ)→ʾ: aʾʾan ← آلغان «взявший», ʾaʾʾan ← قالغان «оставшийся»; сравн. ʾilʾin (*kel-gen ср. узб. kelgæn کیلگەن) «пришедший»; сравни itʾin ← *et-ken (ср. узб. -et-kæn ئېتکەن) прич. от вспомогат. глагола it-miʾ (*et-mek, — узб. ئیتمەك Ташк. -et-məq ئیتماق), ʾitʾin «ушедший» (← *ket-ken; узб. کیتکەن ketkæn): суффиксом прич. прош. является, таким образом, -ʾan/-ʾin. Спорадически [ʾ] появляется[1] и на месте других (не заднеязычных) согласных, напр., kumnaʾa-dan «из комнаты» (← рус. *комната* + -dan).

2) В арабском языке [ʾ] изображается знаком ء (так называемая «гамза» — по арабски هَمْزَةٌ hamz-at-u-n, т. е. «сжатие», подразумевается: сжатие гортани), напр. إِبْنٌ ʾibnun [в классическом произношении и полном орфографическом написании], أَمْرٌ amrun «приказ», يَسْأَلُ jasʾalu «он спрашивает» (√sʾl سَأَلَ), قُرْآنٌ = قُرْأَانٌ qurʾa:nun «Корʾан» (√qrʾ قَرَأَ), رَأَاهُ raʾa:hu «он его видел», صَحْرَاءُ ṣaHra:ʾu «пустыня». [Само собой разумеется, в обычном начертании начальная ء опускается (т. е. пишется امر вм. أَمْرٌ и т. п.), а в передаче [ʾa:] = أا через آ знак ~ заменяет собою и ء и последующий ا. Таким образом начальный ا оказывается обозначением для [ʾa], [ʾi], [ʾu]; а آ — нормальным обозначением [ʾa:]]. Как мы видим, [ʾ] может играть роль и первого, и второго, и третьего коренного согласного, т. е. с морфологической точки зрения является вполне нормальным согласным.

Впрочем необходимо заметить, что определение арабской *гамзы* как *глухого* гортанного смычного мы вправе относить лишь к позднейшей и современной эпохе, так как по показаниям арабских грамматиков в классическом ар. языке *гамза* причисляется

[1] При наличии особых (довольно сложных) условий, останавливаться на которых я здесь не буду.

к категории звонких согласных: см. «Ibn Ja'íš, Commentar zu Zamachšarî's Mufaṣṣal», herausgegeben von Dr. G. Jahn, 2 B., 1886 г. — 1464,7 и 1465,8 (так как ʿ не входит в перечень глухих, она является звонкой — مَجْهُور).

Примечания: 1) Из арабского языка ['] проникает вместе с массой арабских заимствованных слов и в другие языки мусульманских народов, хотя часто это проникновение ограничивается только говорами интеллигенции, в частности мусульманскиобразованной, изучавшей арабский язык. Так обстоит дело, напр., у узбеков и таджиков: образованные (особенно духовенство) произносят, напр., qur'ɔn, mæs'ælæ (узб. нов. орф. قورئان مسئله, тадж. قرآن مسئله), иллитераты же произносят qurɔn, mæsælæ. При этом ' произносится (или же выпускается) и в соответствии арабскому ع [Q] (т. е. ' и Q совпадают: или в ', или же в нуле звука): šum'æ или šumæ جمعه. Разумеется, особое звукопредставление ['] имеет место (в произношении образованных узбеков и таджиков) только внутри и на конце слова (в šum'æ, mæs'ælæ, qur'ɔn, mæn' ← арабск. منع, šæm' ← جمع и т. п.), но не в начале слова.[1]

2) В сирийском диалекте арабского языка ['] появляется также на месте прежнего q (ق), — ср. вышеописанное Касимовское явление (от которого, впрочем, здесь принципиальное отличие в том, что ['] заменяет не всякий заднеязычный согласный, а только q). Впрочем это q → ' в некоторых говорах сир. диалекта (напр. на Ливане) отсутствует.

3) В финском (— Суоми; в эстонском ['] уже отсутствует) ['] встречается на конце слов, напр., anna' — «дай!» (эст. anna).

4) В латышском ['] имеет специфические функции — участвуя

---

[1] Несмотря на то, что новая узбекская орфография регулярно употребляет начальное «немое ئ» (вместо ا в старой орфографии) перед гласной буквой: напр. ئادام Ташк. ئادەم odæm (узб. стар. орф. и тадж. орф. آدم), ئات ot «лошадь» [тур. слово], ئيت et «мясо» [тур. слово], ئوچ Ташк. uč «три», «лети!» [тур. слова] и т. д.

в системе акцентуационных различий, и специфическую позицию — внутри гласного (— долгого, оказывающегося благодаря ['] прерывистым), напр. [ne'e] «нет», ta'as и т. д. (при этом долгие гласные с ['], т. е. с «прерывистой долготой», противополагаются долгим гласным с восходящей или нисходящей мелодией; о происхождении лат. «прерывистой долготы» см. II часть — *
«Элементы сравнительной грамматики индо-европейских языков»).

5) Такое же ['] внутри гласного встречается и в ливском языке, куда это фонетическое представление проникло, очевидно, из латышского (все ливы — двуязычны и окружены латышским населением). У Wiedemann'а (автора капитальной работы по **
ливской грамматике) эта «прерывистая долгота» не отмечается.

6) В датском ['] — это так называемый «stød» (см. Jespersen ***
«Lehrbuch der Phonetik»).

7) В китайском языке ['] (при том, обычно, ['] имплозивное, т. е. лишь с смыканием, но без взрыва гол. связок) на конце слога (после гласного, напр. в mi' 蜜) имеется в тех диалектах (среднего и южного Китая), где конечные не-носовые смычные p t k уже исчезли, как таковые, заменившись именно гортанным смычным ['].[1] Это и есть, так называемый, 5-й тон — 入 聲 ****
(в Пекинском, Шаньдунском и др. северно-мандаринских уже исчезнувший).

8) В тибетском же языке ['] в начале слога (перед гласным) выражается особой буквой (ཨ་ = 'a в отличие от འ་ = a и ང་ = a ← *ŋa) и является с точки зрения фонетической системы VII века (эпохи изобретения алфавита Туми Самбода) особым, *****
именно глухим гортанным смычным согласным; в новом же языке (с развитием высокого, среднего и низкого тонов гласных — в зависимости от категории, к которой принадлежал

[1] Чему в отдельных говорах предшествует конвергенция *t и *k между собой, следовательно *mit → mik и далее → mi' (откуда в Пекинском, уже с утратой ['], — mi').

предшествующий согласный) к этой характеристике присоединяется еще представление высокого голосового тона в следующем за [ʾ] гласном. (— как и после всех древних «глухих непридыхательных смычных», напр. ㄱ ㄅ и т. д.).[1] Аналогичное явление — образование делений тонов на низкие и высокие [上平 и 下平, 上上 и 下上, 上去 и 下去 聲][2] в зависимости от предшествовавших глухих (напр. *p, *t, *k... а также *ʾ) или звонких согласных (*b, *d и т. д.) имело место и в древне-китайском языке.

* 9) В тагальском (одном из малайских языков на о. Люцоне) [ʾ] встречается на конце слова — т. е. также как в финском или же в китайском 5-м тоне.

10) Наконец [ʾ] присуще консонантическим системам ряда (хотя далеко не всех) кавказских языков, из которых я остановлюсь, напр., на чеченском и даргинском, где имеются 2 особых звукопредставления (фонемы), являющихся вариантами [ʾ]: 1) нормальное глухое [ʾ], 2) соответствующий звонкий, т. е. звонкий гортанный смычный, который обыкновенно изображают в передаче чеченских слов через ар. ع — «айн»[3] [в «Грамматике
** даргинского языка» Л. Жиркова через ꞓ],[4] почему я условно и буду называть данный тип звука — «чеченским айн'ом».

Примечание. Относительно гортанно-смычной работы в составе ртовых согласных (так называемых «гамзированных» согласных груз., мегрельского и др. кавказских языков) говорится отдельно — см. ниже.

---

[1] В отличие от низкого тона в a = འ' или a = ང' (← ŋa, напр. в Агван agwaŋ ← ŋag-dbaŋ букв «сильный голос»).

[2] Из которых только первая пара — да и то в совершенно видоизмененном физически виде — сохранилась в Пекинском (где 上平 → ¯, 下平 → ´) или в Мукденском (где в говоре Цзинь-чжоу-фу 上平 → ˆ, 下平 → ´).

[3] Несмотря на то, что в арабском ع [Q] является спирантом, а не смычным, см. § 28.

[4] Где данный звук трактуется совершенно правильно (— как звонкий *смычный*) и употребление для него видоизмененного знака ع есть не более, как транскрипционная условность.

Перечисленными примерами далеко не исчерпывается число языков, обладающих звукопредставлением [ʼ]. Это звукопредставление, в конце концов, оказывается не чуждым даже русскому языку, по крайней мере произношению уроженцев Прибалтики,[1] примером чего может служить мой собственный (Е. П.) индивидуальный говор. Именно, м. б. под влиянием немецкого языка, * на котором я говорил в детстве, в словах с начальным гласным я нормально употребляю [ʼ]; когда же перед основой такого слова имеется согласный предлога (к, от и т. п.), гортанный смычный [ʼ] оказывается принципиальной границей между данным согласным и началом основы; получаются, таким образом, своего рода «гамзированные» согласные: [kʼac:u]=«к отцу», [atʼac:a] = «от отца» и т. д. В таких же случаях, как «в ад», «в атаманы», этот coup de glotte [ʼ], действуя как и прочие глухие согласные, оглушает собою (при медленном произношении, ибо в быстрой речи это [ʼ] я часто пропускаю) предшествующее v предлога (или «префикса»): [fʼat, fʼatamanɯ].

§ 21. Если же голосовая щель (как ее междусвязочная, так и междухрящевая части) открыта, и дрожания голосовых связок не происходит, но отверстие щели не слишком широко, то при прохождении воздуха получается трение его о края щели, и шум, который при этом происходит, дает звук, называемый **гортанным спирантом** [h]. Он имеется в немецком и английском языках, например, в немецких: **Hand** [hant], **Hände** [hɛnde], Himmel [himəl], **hübsch** [hypš], Huhn [hu:n], Geheimnis [gə'haimnis] и английских: **high** [hai], horse [hɔ:s], house [haus], how [hau], heart [ha:t], who [hu], whom [hu:m], childhood

[1] Очевидно, под немецким влиянием. Факт наличия начального [?] в немецком произношении гласного Anlaut'а отразился, между прочим, на следующем «фонетическом» анекдоте рижского происхождения. Пьяный гимназист приходит домой и отец спрашивает его: Was hast du geessen (вм. gegessen)? Тот ** вместо ответа вынужден был икнуть, но быстро спохватывается и подхватывает [ʼ] икоты добавляя тотчас же слово, начинающееся на гласный: Apfelkuchen. [И равным образом далее, звук позыва к рвоте маскируется звуком [h] — в начале слова Hamburgerkringel].

[tšaildhud]. Нужно отличать этот звук от спиранта не гортанного, а заднеязычного — [x], который имеется в русском, напр. хата [xata]. Опущение звука [h] в английском, хотя довольно распространено, но считается вульгаризмом, не достойным подражания. Например, у Thackeray'a приводится воззрение, что для * джентльмэна невозможно жениться на девушке, которая drops her h's [eitšiz]. Интересно, что лица необразованные, говору коих свойственно такое опущение [h], часто при попытках быть корректными в языке, вставляют этот звук там, где не нужно, ** как это видно из такого анекдота: A barber, while operating on a gentleman expresses his opinion, that after all, the cholera was in the hair. «Then», observes the customer, «you ought to be very careful what brushes you use». «Oh, sir», replies the barber laughing, «I didn't mean the air of the ed, but the hair of the hatmosphere».

Во французском языке, как известно, буква h не произносится (этот звук исчез еще в вульгарной латыни, поэтому во всех романских языках мы не находим его следов, кроме традиционного изображения в письменности, например: лат. homo «человек», винит. падеж hominem — франц. on [ɔ̃], homme [ɔm], итальянск. uomo [uomo], испанск. hombre [ombre]). Однако, различают два значения этой буквы: h muette и h aspirée; h muette (напр., в homme) просто лишний, не имеющий никакого значения знак; его употребляют исключительно традиционно, подражая латинскому письму (например, в homme или в histoire, лат. historia); в том, что он не выражает никаких особенностей, связанных с началом тех слов, где его пишут, можно убедиться из того, что при homme и при histoire *** точно так же возможно élision в формах l'homme, l'histoire и liaison в формах mon histoire [mɔnistwa:r], les hommes [lezɔm], как и при каких-нибудь oncle, ivrogne (где нет буквы h).

Слова же, в начале которых находят так называемое h aspirée, отличаются от таких, как homme, histoire, тем,

что при них избегают делать, как élision, так и liaison. Поэтому, например, имеются la hâte [la ɑ:t], vous haïssez [vu aise], les héros [le ero]. Однако, такое употребление буквы h никакой пользы не приносит уже потому, что рядом существует употребление этой буквы в качестве h muette, и следовательно, из письма нельзя почерпнуть указаний относительно того, нужно при данном слове делать liaison и élision или нет. Исторически появление таких слов как la hâte в отличие от l'homme (и следовательно различие обеих функций буквы h) объясняется следующим: после того, как латинское [h] уже исчезло из произношения, в старо-французском языке появилось новое [h] в словах, заимствованных из германского, куда относятся и слова hâte (старофранцузское haste), haïr; этот звук распространился также на начало некоторых слов латинского происхождения, например haut<лат. altus и стал произноситься также в книжных словах, где в паписание входила буква h; к таким словам принадлежит héros.[1]

Затем, через несколько поколений это [h] в свою очередь исчезло из произношения; но остался след его именно в отсутствии liaison и élision при словах, где оно раньше произносилось.

Однако, исчезновение [h], как самостоятельной фонемы, из французского языка не препятствует тому, что иногда слабое [h] произносится (но может и не произноситься) там, где встречаются два гласных звука, не разделенных согласными, напр. в fléau [fleʰo] или [fleo], poète [pɔ(ʰ)ɛt], la honte [la(ʰ)ɔ̃:t] и т. д.[2]

Кроме немецкого и английского, звукопредставление (фонема) h встречается еще, напр., в след. языках: арабском (где [h] изображается через ه ﻫ), персидском (—ﻫ и иногда ه, напр.

---

[1] В homme звука [h] не появилось, так как это слово не было книжным и его произношение без [h] неуклонно жило в устной традиции.

[2] Сравн. те же условия факультативного появления начального η в китайском современном языке (перед широкими гласными): как особая фонема нач. *η уже не существует — совпав с нулем согласного, но зачастую может быть услышано в начале любого слога, начинающегося с широкого гласного.

в ‍ۀشا šɔ:h),[1] армянском (где h восходит к и.-е. *p и *s), грузинском (ჰ; в современном языке, однако, это h = ჰ, впрочем, уже исчезает из произношения), японском (ハ へ ホ в начале слова = ha he ho),[2] южно-китайском,[3] малайских, корейском (пишется ㅎ), в бурятском (где h ← монг. s, напр. hajn ← ᠰᠠᠶᠢᠨ), в некоторых из турецких яз. (напр. в османском, азербайджанском, узбекском, и особенно в башкирском, а с другой стороны в туркменском), в ряде северно-кавказских, в финском (Suomi) и эстонском и т. д. и т. д.

В персидском главными источниками h служат: и.-е. *s (напр. в hæft هفت ← арийск. saptá ← и.-е. *septṃ)[4] и с другой стороны арабские заимствования.

В японском современное h восходит к *p через ступень *φ (тот же переход p → f или φ → h мы находим в армянском, в некоторых полинезийских языках [напр. api → afi → ahi «огонь»;[5] ср. яп. *pi → φi → Тоса hiᶦ: Киото çiᶦ: 火], в древнейшей истории части алт. языков — см. ниже); эта переходная ступень, — φ, сохранилась в Токиоском (и других нормально-японских говорах) только перед гласным u, но на перифериях японо-рюкюской территории (на северо-востоке, и с другой стороны в южной группе: отчасти на о. Кюсю и особенно в рюкюском) φ, или же его субститут f (в Аомори), сохранились и перед другими гласными: напр. Акита φago || Ток. hako «ящик», φada || Ток. hata «знамя» и т. д.; в Рюкюском говоре Нāфа имеются и

---

[1] Это конечное в слове h в ряде говоров исчезает: شاه → šɔ (напр. в персидском языке в устах памирских народностей).

[2] Эти ha he ho (стандартного говора) восходят к *pa, *pe, *po; слоги же pi, pu дают здесь çi φu (в Тоса hi, hu).

[3] В соответствии сев.-китайскому x.

[4] Тот же переход и.-е. *s → h имел место в др.-греческом, армянском, ирландском.

[5] Ср. мал. apuj (тагальск. aᶦpuj). Совпадение с аинским api «огонь» и с нагасакским «детским словом» appu «огонь» делают возможным и сближение с яп. *pi (= *piᶦ) → Ток. çi Киот. çiᶦ:, Тоса hiᶦ:, Рюк. (Нāфа) φi: [из *(a)pui], а также с глаголом aʷoŋ-u ← apu-ŋ-u 煽ぐ, первым значением которого можно считать «раздувать огонь».

φ, и h (φa: «лист», ha: «зуб»), но в некоторых других Рюкюских говорах (наблюдавшихся Wirth'ом и проф. Невским) сохранилась даже первичная ступень — p. Кроме того в некоторых диалектах h заменяет собою s (напр. se ⟶ hi в сев.-вост.; спорадические случаи s ⟶ h в часто употребительных словах — и в Киотском: ʳha˪ke ⟵ ʳsa˪kai «ибо», и в Нагасакском и др.). В турецких языках *h (из *f ⟵ обще-алт. *p) исчезает в большинстве языков бесследно (исключение представляет узбекское h в høkyz Ташк. hokız هوكز «бык») и поэтому в ряде турецких языков — не-мусульманских или же мусульманских, но менее подвергшихся в фонетике персидскому языковому влиянию, звукопредставление h вовсе отсутствует (напр. в казакском языке, где h заимствованных арабских слов превращается в нуль). В других же (азерб., осм., тат. и т. д.) h проникает вместе с арабским и персидским религиозно-культурным словарем.[1] В особом положении стоят башкирский и с другой стороны туркменский языки: в башкирском h появляется и на месте тур. *s (в части случаев; в другой части *s ⟶ θ); в туркменском же, где заднеязычный глухой спирант (x или Ꭓ) отсутствует, h оказывается единственным соответствием для арабских (и персидских отчасти) خ ح ه (напр. перс. خانه ⟶ туркм. ha:na, перс. هر ⟶ туркм. hor и т. д.).

Уже из вышеприведенных случаев (происхождения h в разных языках) можно заключить, что h весьма часто оказывается заменой 1) для f (или φ) [— из более древнего p], 2) для s. Третий источник — x (заднеязычный глухой спирант) констатируется, напр., в истории германских яз. (где h ⟵ и.-е. *k, очевидно, через ступень *x; напр. в нем. *hund*ert ср. лат. *cent*um [kentum]), латинского яз. (где h ⟵ и.-е. $*g^h$, очевидно через ступень x) и некоторых других. Это значит, что h является историко-фонетически-нормальным заместителем для различных (глухих) ртовых спирантов (f или φ, s, x), т. е. по мере «изнашивания» этих звуков (f или φ, s, x) они теряют свои характерные для них

[1] То же в узбекском, где h заменяет и арабск. ه и арабск. ح (в Ташкентском же говоре ح совпадает не с ه, но с خ).

ртовые сужения, и от них остается только одно дыхание — с трением воздуха о голосовые связки (что и составляет шум, характерный для гортанного спиранта — [h]).[1]

§ 22. В большинстве языков [h] носит принципиальную характеристику *глухого* (гортанно-междусвязочного спиранта). Но возможен и звонкий, т. е. сопровождающийся образованием голосового тона, его вариант, который мы будем обозначать через [ɦ]. В значительной части случаев (разных языков) [ɦ] является лишь комбинаторным (именно интервокальным) вариантом звукопредставления (фонемы) [h]: это мы встречаем, напр., в бурятском, в японском — напр. Киотоском (где интервокальное h = ɦ встречается чаще всего на месте стандартного s в особых морфологических условиях, напр., в суффиксе -mah- ← -mas-, Subjectiv. -maho (-maɦo) || Ток. -maṡo:) и т. д. Но в некоторых языках мы находим именно фонему [ɦ] — в малорусском (где «г» = [ɦ]; ср. выше прим. стр. 35), в санскр. (ह) и т. д.

§ 23. Особая гортанная артикуляция наблюдается в гортанных спирантах, при которых принимает участие надгортанник (epiglottis) и которые можно поэтому называть «эпиглоттальными»; см. ниже в параграфе, посвященном надгортаннику.

Звуки эти в большинстве языков (в том числе во всех западноевропейских) отсутствуют, и известны нам лишь из языков семитских, хамитских и некоторых кавказских.

Наиболее известный пример их — это арабские ح[2] [глухой] и ع[3] [соответствующий звонкий спирант].

* Таковы же др.-еврейские ח и ע. В практике МФА (= Международного Фонетического Алфавита) окончательный выбор знаков для ар. ح и ع еще не определился, и в настоящем курсе я

---

[1] Ср. переход ртовых смычных в *гамзу* — на пути к полному исчезновению согласного (см. выше).

[2] Называется обыкновенно «ха (или хэ) без точки» (в отличие от خ = [x], точнее [ꭓ]), по арабски же название буквы ح звучит [Ha] или [Hæ]. В русск. транскрипции ар. слов передавалось иногда через ҳ.

[3] Называется «айн» — по арабски [Qajn]. В русской транскрипции араб. слов передавалось через ҕ или ʽ.

пользуюсь символами [H]—для ح и [Q] для ع—лишь потому, что эти знаки были предложены в оффициальном перечне символов МФА (см. Л. В. Щерба «К вопросу о транскрипции» Изв. Отд. Русск. яз. и сл. XVI (1911) кн. 4), вполне сознавая недостатки этих символов (известное неудобство транскрипционного употребления больших букв, а также непоследовательность в выборе Q для звонкого и притом спиранта). Однако, в качестве вполне условных (и временных) символов я допускаю H и Q — именно для данных звуков (арабского типа, т. е. спиранта), а для так называемого «чеченского[1] айн'а» (т. е. звонкого гортанного смычного: см. выше § 20) употребляю видоизмененную форму арабской буквы ع — именно £ (как у Л. Жиркова в его «Грамматике даргинского языка»).

Примечание 1. Следует обратить внимание на параллелизм в ар. буквах ح ع и خ غ: в то время как первые являются *гортанными* (эпиглоттальными), вторые (с добавлением точки) — соответствующими *заднеязычными* (глубоко-заднеязычными) спирантами — [Ꭓ ʁ] (т. е. звуками типа рус. «х» и рус. «г» в слове бога, только более *задними*).

Примечание 2. В дунганском письме арабскими буквами буква ع употребляется для дунганского (китайского) ɼ (см. ниже), которое, конечно, никакого сходства с арабским ع [Q], кроме того что оба являются звонкими проточными, не имеет.

§ 24. При более широком раскрытии голосовой щели, чем то, которое имеется при [h], заметного на слух трения воздуха о голосовые связки не происходит. При этом в виду ширины щели количество выдыхаемого воздуха значительно больше, чем при [h] (разумеется в равные промежутки времени). Так, мы выдыхаем много воздуха, когда дуем на что-либо, и при этом голосовая щель у нас широко раскрыта. Еще шире она раскрыта при быстром вдыхании воздуха (напр., при паузе в речи); это ясно уже из того, что здесь требуется быстро наполнить

[1] Или даргинского, аварского и т. д.

легкия, а быстро влить в какой-нибудь сосуд большбе количество жидкости (или воздуха) можно, разумеется, только при большом отверстии сосуда.

Количество выдыхаемого воздуха (в единицу времени), вообще, различно при различных звуках, и соответственно этому различно и открытие голосовой щели. Так при гласных воздуху выходит гораздо меньше, чем при согласных; и следовательно голосовая щель открывается шире при согласных, чем при гласных; между прочим, в этом состоит главная разница между гласным [u] и согласным [w], ртовые работы при которых могут быть сделаны очень сходными, и также—между гласным [y] и согласным [ɥ] (во французском lui = [lɥi]).

§ 25. Звуки [ʾ] [ɛ̰] (гортанные взрывные) и [h] [ɦ] [H] [Q] (гортанные спиранты), механизм которых исчерпывается работами гортани, называют гортанными. Но кроме этих самостоятельных звукопроизводных функций гортань еще присоединяет некоторые работы к работам других органов (при ртовых звуках), и различие этих присоединяющихся к прочим работам работ гортани создает определенные различия между отдельными звуками. Главным различием звуков по работам гортани является различие в зависимости от того, имеется ли при производстве данного звука голосовой тон (т. е. дрожание голосовых связок) или же его нет. Звуки, в которых голосового тона нет, называются глухими; звуки, в производстве которых голосовой тон участвует, называются звонкими. Звук, отличающийся от какого-нибудь глухого звука только наличием голосового тона, при одинаковости прочих работ, называется соответствующим звонким для данного глухого. Например, звук [z] будет соответствующим звонким для звука [s]; звук [v]—для [f] и т. д., как это видно из следующей таблицы, где в верхней строке приведены глухие, в нижней—соответствующие им звонкие:

p f t s š t͜s t͜š ç k x Ꝋ H

b v d z ž d͜z d͜ž j g γ ʁ Q и т. д.

§ 26. Убедиться в звонкости (т. е. наличии голосового тона) данного звука можно разными способами. Возможно, напр., ощупать дрожание щитовидного хряща, передающее дрожание голосовых связок; можно, конечно, убедиться в этом и по кривой на кимографе. Наконец, можно пробовать петь какую-либо мелодию на данный звук (но эта проба применима только к длительным звукам, которые можно тянуть; таковы, напр. [f], [v], [s], [z], [š], [ž], [x], [γ], [n], [m], [r], [l] и гласные; но не мгновенные, каковы, напр. [p], [b], [t], [d], [k], [g]). Ведь пение на разные ноты состоит в изменении высоты голосового тона, и значит возможно только при наличии голосового тона. Потому, например, нельзя петь на звук [s], но можно на [z]. Аналогичным образом можно убедиться в том, что звуки [r], [l], [n], [m] — суть звуки звонкие, как и [a], [e], [o], [i] и вообще все гласные. Но, однако, и для этих звуков возможны соответствующие глухие. Так возможно произносить [r] без голосового тона, и такое произношение (т. е. глухое [r]) имеется в обычном произношении слов министр, вепр, шифр, алебастр (т. е. на конце слов после глухого согласного).[1] Глухое [l'] в сходных условиях мы находим в быстром произношении слова Симферопо(о)ль, глухое [ł] в род. множ. мётл, глухое [l] во французских peuple [pœpl], cycle [sikl] (но надо иметь в виду, что возможно и произношение в виде [pœplœ], [siklœ]; в выражении peuple français это [œ] обычно, т. е. говорится [pœplœfrã:sɛ], поскольку в быстрой речи не исчезает и [l] — [pœpfrã:sɛ]); между прочим, этим французское произношение отличается от английского, в котором соответствующие слова

[1] Сообщение звуку [r] глухости от предшествующего согласного — результат ассимиляции. В русском глухие r r' ł l' (в министр, вепрь, мётл, вопль) не являются самостоятельными звукопредставлениями (фонемами), а лишь комбинаторными (и даже комбинаторно-факультативными) вариантами (или «оттенками») звонких фонем r r' ł l'. Но в некоторых языках возможны и принципиально глухие фонемы r̥ r̥' ł̥ l̥'. Например они (r̥ r̥' ł̥ l̥') существуют в Мокшанском диалекте мордовского языка, глухое l имеется в тибетском (напр. в l̥a [или l̥ʰa] «бог»).

[pi:pl], [saikl] не утрачивают звонкости [l]. Можно легко научиться произносить и изолированные (т. е. не сопровождаемые другими звуками) глухие [l], [r]. Точно также могут существовать и глухие [n], [m]; глухое [m], напр., может быть произнесено в род. множ. драхм. Но эти звуки еще менее слышны, чем глухие [l], [r]. Глухое [m], например, равняется звуку обыкновенного дыхания через нос со сжатыми губами (и без прижатия языка к небу). Эти звуки, как и [l], [r], потому и не употребляются в большинстве языков в глухом виде в качестве самостоятельных фонем, что их акустический результат без голосового тона слишком слаб: они недостаточно слышны. Гласные также могут произноситься без голосового тона, например в виде шопотных гласных. Но акустический результат также очень слаб, если от гласного отнять голосовой тон. Поэтому глухие гласные встречаются только в зависимом положении (например в русском, японском, португальском, азербайджанском, узбекском и т. д.), напр., в неударенной позиции в русском топот,[1] или в южно-японском (Нагасакском) произношении слова ki˪ta «север», о чем свидетельствует и кривая (голосового тона) записанная мною на кимографе: в ней на все слово ki˪ta [=k'i̥ta] имеется только 1 период волнистой линии, т. е. 1 период дрожания голосовых связок (с постепенным понижением голосового тона), приходящийся только на гласный a [это значит, что вся предшествующая часть слова: k'it—состояла из *глухих* звуков].

Примечание. Глухие гласные (вроде вышеуказанных), разумеется, служат этапом к выпадению данного гласного вообще (у последующих поколений). Так в японском при тех же условиях, как в слове ki˪ta, но не после [k'], а после спиранта: [s'] или [ç], мы встречаем уже не глухой гласный (i), но полный физический нуль гласного (напр. в Ток. -maśta, в Нагасакском произношении -maçta). В узбекском (Ташкентском) глухим гласным (факультативно чередующимся с пулем гласного) является

[1] Потеря вторым гласным звонкости — результат ассимиляции с сосецими глухими зпуками [p] и [t], а в японском kita — с глухими [k'] и [t].

ı — напр. в tıš→tš→čs, откуда с обратной подстановкой i возможен дублет čıš (تش «зуб»); тоже в t(ı)šlæmɔq | č(ı)šlæmɔq «кусать», или в t(ı)šmɔq «падать» (из *tyš-mæk توشمک).

§ 27. В ряде языков есть тенденция против произношения звонких согласных на конце слова. Она объясняется склонностью не доделывать работу голосовых связок перед тем моментом, когда им предстоит перейти в состояние покоя. К таким языкам принадлежат русский (но не малорусский) и немецкий; обыкновенно произносятся без голосового тона все конечные согласные кроме [r], [l], [n], [m], [ŋ] (и в русском соответствующих мягких [r'], [l'] и т. д.), т. е. тех согласных, которые в глухом виде неудобны (по малой их слышимости) для использования в языковом процессе. Да и то, как выше указывалось, при особых условиях (после глухого согласного в русском) возможны и эти звуки без голосового тона (в министр, но не после гласного, как напр. в пар). Во французском же и в английском языке возможны на конце слова все (имеющиеся в составе данного языка) звонкие согласные. И подстановка глухих согласных вместо конечных звонких очень режет ухо англичанина или француза. Например, в английском надо соблюдать различие между конечными звуками слов: fife [faif] и five [faiv], safe [seⁱf] и save [seⁱv], niece [ni:s] и knees [ni:z], hiss [his] и his [hiz], sheath [ši:θ] и sheathe [ši:ð] или при группах согласных — между hops [hɔps] и hobs [hɔbz], fix [fıks] и figs [figz]. Во французском не надо смешивать например vif [vif] и vive [vi:v], russe [rys] и ruse [ry:z], cache [kaš] и cage [ka:ž].

Среди восточных языков в этом отношении наблюдается большое разнообразие: в одних оглушение конечных звонких столь же недопустимо, как во французском, — таков, напр., грузинский язык; в узбекском же, наоборот, конечные звонкие смычные (b, d, g) нормально оглушаются.[3] Как общее правило

---

[3] Спиранты же (в том числе и имеющие соответствующие глухие: в ʁ) не оглушаются (qız, toʁ). Таково же положение дела, в общем, и в туркменском

(и то за исключением тагальского случая) можно указать, что конечные *имплозивные* смычные (не-носовые) (т. е. ᵖ, ᵗ, ᵏ) всегда бывают глухими, а не звонкими — это мы встречаем в языках корейском, аинском, южно-китайском (где уцелели конечные p t k). Неожиданным является различение звонкого от глухого в конечных имплозивных в тагальском языке (где напр. waᵏ и toloᵍ имеют *разные* конечные звуки: ᵏ [точнее q] и ᵍ, — глухой в первом слове и звонкий во втором).

§ 27а. Однако не во всех языках различение согласных по участию или отсутствию в них голосового тона выражается в таких 2 категориях *звонких* и *глухих*, какие мы имеем в русском, французском, турецких, японском (центрально- и южно-японском) и т. д. Так в северно-китайском (мандаринском), в частности в Пекинском говоре, вместо русской категории глухих (— p t k и т. д.) имеется — в классе смычных (включая аффрикаты) согласных — категория глухих *придыхательных* (pʻ tʻ cʻ čʻ ćʻ kʻ), о которой речь будет итти ниже (см. § 28), а вместо русской категории звонких (— b d g и т. д.) — категория непридыхательных, которые с точки зрения участия в них голо-

---

(где, напр., персидскому dærd درد соответствует dert درت, но конечные w ژ ð ز и غ сохраняют звонкость).

Впрочем надо заметить, что точная регистрация этого явления (оглушаемости звонких в конце слова, а также внутри слова перед глухими) в разных языках — принадлежит к труднейшим задачам описательной фонетики. Достаточно будет указать, что и в русских фактах (одного даже обще-русского говора интеллигенции), где казалось бы дело уже вполне выяснено, на самом деле имеется ряд промежуточных этапов и исключений. Действительно, как общее правило можно принять, что конечные *парные* (т.-е. имеющие к себе соответствующие глухие, как b:p, d:t, γ:x и т. д.) звонкие склонны оглушаться в исходе слова. Но 1) при некоторых из парных звонких это бывает регулярнее, чем при других: именно при смычных глухой постояннее, чем при спирантах (напр. ž), — что было совершенно правильно отмечено О. М. Бриком в его статье в «Поэтике» (Опояз); 2) оглушению (даже смычных) могут препятствовать некоторые комбинаторные и семантические условия: так оглушение часто отсутствует в коротких и редко употребляемых словах — напр. с и г [s'ig], (телеграфный) к о д [kod]. Факультативно же звонкий может сохраняться и в таких, напр., случаях, как намеренное противоположение слов «плод» и «плот»: «это не плот [pɫot], а плод [pɫod]». Конечно, [d] появляется в таких случаях не под влиянием орфографии, а из ассоциации косвенных падежей [pɫadá и т. д.].

сового тона, могут быть названы *полузвонкими*, так как занимают промежуточное место между русскими [p] и [b], [t] и [d], [k] и [g] и т. д. Именно, звуки этой категории,—непридыхательные полузвонкие,—^{p}b ^{t}d ^{t}ʒ ^{t}ǯ ^{t}ʒ́ (или ^{h}ħ) ^{k}g, в независимой позиции, т. е. в начале слова (а это значит в 1-м слоге слова) произносятся с голосовым тоном, начинающимся не с самого начала смычки, а лишь в конце ее, так что звонким оказывается лишь конец самого согласного и переходный период (а в аффрикатах ^{t}ʒ ^{t}ǯ ^{t}ʒ́—спирантный элемент: *z ž ź*) между концом смычки и началом следующего гласного звука. Для дифференциации этой категории от противоположной ей категории глухих придыхательных (pʻ tʻ cʻ čʻ ćʻ (или ħʻ) kʻ) этот переходный период—между концом смычки и гласным как раз и является существенным [ибо в полузвонких—он звонкий, а в придыхательных—глухой (=h)]; поэтому противоположение этих двух категорий оказывается вполне резкоощущительным, несмотря на то, что противополагаемые величины и не совпадают с русским различением звонких и глухих. Схематически эту разницу (между русскими и китайскими Пекинскими критериями различения) можно представить так:

Рус. ta (волнистая черта означает наличие гол. тона, прямая—отсутствие его):

	t	a
Рус. da	d	a
Сев.-кит. ^{t}da	^{t}d	a
Сев.-кит. tʻa	t h	a

Но такова характеристика полузвонких только в независимой позиции (в начале слова); внутри же слова (т. е. если данный слог является 2-м, 3-м и т. д. в слове), т. е. между гласными

(а в особенности после дифтонга на носовой n, ŋ) эти полузвонкие превращаются уже во вполне звонкие: ср. 白 ᵖbai, но 明白 miŋbai; 哥 ᵏgᵘə, но 大哥 ᵗdágᵘə 哥哥 ᵏgᵘógᵘə и т. д. [Примеч. при этом аффриката ᵗз,—внутри слова з̦ может утрачивать свой смычный элемент, получая т. о. комбинаторно-факультативный вид z: напр. ᵖbi-зə → ᵖbiz(ɪ̯) 鼻子].

Исторически вышеописанный характер северно-китайской категории полузвонких непридыхательных вполне гармонирует с происхождением ее из конвергенции древних звонких с глухими непридыхательными (*p × *b → ᵖb, *ț × *d → ᵗd и т. д.).[1] А поводом к этой конвергенции можно считать наличие иноязычной этнической подпочвы в формации северно-китайского (мандаринского) диалекта. И если мы обратимся в поисках этой иноязычной среды (которая могла бы устранить из кит. фонетической системы тройственное различение смычных не-носовых: p b pʻ, t d tʻ и т. д., — заменив его парными категориями: ᵖb pʻ, ᵗd tʻ и т. д.) к ближайшему соседу мандаринского наречия — к корейскому языку [а также и к монгольскому, который, как мы уже говорили выше, — общего происхождения с корейским], то мы увидим, что как раз встреча (скрещение) древне-китайского консонантизма с такой консонантической системой, как корейская, именно и могла придать ему данный результат (конвергенцию звонких с глухими непридыхательными).

Именно, в современной корейской системе смычных мы имеем
* как раз 2 категории смычных (не считая геминантов и носовых [комбинаторно чередующихся со звонким неносовым вариантом в начале]): 1) глухих придыхательных (pʻ tʻ cʻ [или ю.-кор. č̇ʻ] kʻ), которые остаются таковыми во всякой позиции, и 2) не-придыхательных, состоящих в регулярном комбинаторном чередовании: глухой (непридыхательный) в начале слова и звонкий — внутри слова в интервокальной позиции[2] (это, следовательно,

[1] В шанхайском же (как и в яп. Го-он'е) эти звонкие и глухие непридыхательные различаются и поныне.

[2] На конце же слова этому соответствуют глухие имплозивные варианты: p t k. Перед носовым же — соответствующие имплозивные носовые: m n ŋ.

звукопредставления: p|-b, t|-d, c|-з [ю.-кор. č|-ǯ], k|-g). Понятно, что если китайский язык (с его 3-мя древними категориями: p b p' и т. д.) воспринимался, на севере нынешнего Китая, населением, имевшим консонантические навыки, подобные (в данном отношении) современным корейским, то результатом именно и должна была быть замена 3-х китайских категорий *двумя*: категорией глухих придыхательных и непридыхательных (аберрирующих по моменту звонкости в зависимости от положения внутри или в начале слова). То же обстоятельство, что в конвергенцию вошли, в кит. словарном материале, и звонкие и глухие (*b и *p, *d и *t и т. д.) объясняет нам и промежуточное (— *полузвонкое*) качество рефлекса (Пек. ᵖb, ᵗd, ᵏg и т. д.) в независимой позиции.

Что же касается спирантов (бывших в древне-китайском парными: f v, s z, š ž, x γ), то они, следуя тому же принципу конвергенции (звонких с глухими), превратились в сев.-китайском (мандаринском) в не-парные глухие [так в совр. Пекинском мы имеем только глухие f s š ś x].

Кроме сев.-китайского, категория «полузвонких» известна в сев.-восточных японских говорах — в виде ᵖb ᵗd ᶜз ᵏg. Эти звукопредставления соответствуют 1) интервокальным глухим и 2) начальным звонким центральных говоров (напр. deta→ᵗdiᵗda), и противополагаются 1) звонким полуносовым ᵐb ⁿd ⁿз (соответствующим интервокальным звонким центр. говоров) и 2) глухим придыхательным p' t' c' k' (соответствующим начальным глухим и интервокальным глухим геминантам в центр. говорах). Причина такого Lautverschiebung, — очевидно, в аинской этнической подпочве сев.-вост. яп. диалекта, ибо в аинском отсутствует принципиальное различение парных глухих и звонких и интервокальное полузвонкое p в аинском api («огонь») есть лишь комбинаторный вариант фонемы p; естественно, что аину, воспринимая японские слова, заменяли интервокальные глухие своими «полузвонкими» вариантами глухих фонем; при дальнейшем скрещении это произношение было воспринимаемо японским ухом уже так, что

интервокальный «полузвонкий» стал дифференцироваться от «вполне глухого» начального, который поэтому был отожествлен (в связи с утратой всяких долгот) с «вполне глухим» интервокальным долгим, или геминантом.[1] Для понимания же соответствия сев.-вост. «звонких полуносовых» Токиоским интервокальным звонким (напр. ^{m}b в Акита ü^{t}zïma^{t}zï^{k}go^{t}do^{m}ba || Ток. ućima-ćikotoba или ^{n}d в φa^{k}go^{n}da^{t}di || hakodate — назв. города) надо иметь ввиду, что парные звонкие (восходящие к до-японским комплексам «носовой + глухой») в обще-японском были именно *полуносовыми* mb nd и т. д. (что подтверждается и современной назализацией в начале интервокальных b d g в говоре Тоса, — в этом «санскрите японской диалектологии»). Естественно, что айну воспринимал эти древне-японские полуносовые именно как «носовой + смычный неносовой», что при дальнейшем скрещении и закрепило (если еще не усилило) назализацию интервокальных звонких ^{m}b ^{n}d ^{n}з[2] в северо-восточных говорах, тогда как в Токио и прочих диалектах она уже исчезла (за исключением Тоса — где назализация сохранилась в виде весьма слабого и не имеющего принципиальной психической ценности момента).

Кроме указанных сев.-китайских, корейских (где собственно вместо «полузвонких» мы имеем чередования глухих и звонких вариантов одного звукопредставления) и северо-восточно-японских фактов, «полузвонкие» смычные наблюдаются и в некоторых других языках: напр. в некоторых эстонских (внутри слова) и некоторых азербайджанских (в начале слова) говорах.

В общем же, это явление — редкое и, очевидно, такое противоположение глухих и звонких, какое мы имеем в русском, французском и в массе др. языков, является более удобным и выгодным с обще-фонетической точки зрения. Это не значит, однако, что пороги различения, т. е. критерии в оценке данного

---

[1] И далее для удобства (т. е. усугубления признаков) различения за ними был закреплен (по крайней мере в части говоров) признак аспирации; физический же зародыш аспирации при глухих (напр. k t) мы можем констатировать и в Токио.

[2] Вместо *^{ŋ}g мы имеем просто носовой ŋ (как и в Токио).

звука (— в качестве звонкого или наоборот глухого) должны быть вполне одинаковы в русском и во французском и в центрально-японском и т. п. языковых мышлениях. О том, что в деталях здесь разница есть, говорят хотя бы различные оценки сев.-китайских ^{p}b ^{t}d ^{k}g и т. д. русскими, французскими, английскими и японскими наблюдателями: в то время как русский слух воспринимает эти звуки за *звонкие*, француз и англичанин слышит здесь *глухие*; то же восприятие (— в качестве *глухого*) получалось и у японцев о-ва Кюсю, за что говорит форма позднейших южно-японских заимствований из сев.-китайского: нагасакск. pe:roŋ, p'a:roŋ (а также с переходом p' → k^{w}' и k^{w}'a:ro^{r}ŋ, k^{w}'a:do^{r}ŋ) «гребная гонка в праздник 白 龍» — из сев.-китайского ^{p}bai-luŋ 白 龍 «Белый дракон».

§ 28. Другая модификация звуков по различию работ гортани состоит в создании различия между придыхательными и непридыхательными звуками. Так например, немецкие глухие согласные [p], [t], [k] произносятся с придыханием, т. е. с прохождением воздуха сквозь суженную как при [h] голосовую щель, особенно в следующих случаях: 1) в начале и середине слова перед ударенным гласным, напр. в Turm [t^{h}urm], Natur [na't^{h}u:r], 2) в конце слова перед паузой после ударенного гласного, напр. в Not [no:t^{h}], Weib [vaip^{h}]. Этим они отличаются от русских непридыхательных [p], [t], [k].

Из восточных языков категория придыхательных глухих смычных (p^{h} = p', t^{h} = t', k^{h} = k' и т. п.) встречается: в монгольском (но не калмыцком) — см. Ramstedt «Фонетика», в китайском (в Пекинском к категории глухих придыхательных принадлежат след. согласные: p' t' c' č' ć' k'; в русской транскрипции они пишутся просто как глухие: «п т ц ч ц(в) к»), в северо-восточных говорах яп. языка (напр. в Акита 秋田: p' t' c' k'; они соответствуют Токиоским начальным глухим p[1] t c(u) или *

[1] Но не древнему (обще-японскому) *p [напр. в *pa 火 или *pa 歯], которое в Акита дает φ [а *p в сочетании с *i, т. е. *pi → *φi → ŝy (ŝy 火)].

č(i) k, а также соответствующим геминантам в интервокальной позиции, напр. atte ⟶ at‘i), в санскрите и новоиндийских язз. (наряду с категорией звонких придыхательных — см. ниже), а также в ряде кавказских языков (грузинском, чеченском, абхазском, черкесском), где впрочем они представляют громадное отличие от типичных придыхательных (обладающих резко слышимым элементом h, как в китайском, монгольском и т. д.)[1]: в данных кавказских языках аспирация настолько незначительна сама по себе, что эти (грузинские, напр.) p‘ t‘ c‘ и т. п. весьма близки к русским п т ц и т. д.; тем не менее эта категория противополагается именно по данной своей гортанной работе (раствору голосовой щели, обусловливающему элемент ^{h}, т.-е. придыхание [хотя бы и слабое]) другой категории глухих: так наз. «гамзированным» (или «смычно-гортанным») p' t' c' k' q' и т. п.

§ 29. Кроме глухих придыхательных [p^h t^h и т. д.] возможны и звонкие придыхательные, встречающиеся, однако, гораздо реже (они известны, главным образом, из санскрита [куда вошли из и.-е. праязыка] и новоиндийских живых языков)[2]. Они отличаются от глухих придыхательных звонкостью в обоих элементах: и в самом смычном и в последующем придыхании (т.-е. в гортанном спиранте); следовательно если p‘ = p + ^{h}, то b‘ = b + ɦ, (d‘ = d + ɦ, g‘ = g + ɦ и т. д.).

§ 30. Четвертой (после звонкости, глухой аспирации и звонкой аспирации) модификацией ртовых согласных посредством (дополнительной к ртовым работам) гортанной работы [или «артикуляции»] является образование «смычно-гортанных» или

---

[1] Относительно чеченских придыхательных можно указать, что в горных чеченских говорах элемент придыхания более значителен (с объективной, т.-е. физической точки зрения), чем в плоскостном наречии. Что же касается лезгинского, то здесь придыхательные обладают относительно-явственным моментом придыхания (h) уже потому, что лезгинский различает не 3, а 4 категории смычных: смычно-гортанный, звонкий, открыто-гортанный придыхательный и открыто-гортанный непридыхательный (напр. t' d t‘ t).

* [2] Мнение B. Karlgren'а о том, что обще-китайские *b, *d и т. д. были звонкими придыхательными, нельзя считать доказуемым.

«гамзированных» согласных [—«согласных с надгортанной экспирацией» по терминологии Н. Ф. Яковлева]. Эти соглас- * ные являются специфическими для кавказских языков (грузинского, мегрельского[1], абхазского, черкесского, чеченского, ингушского, аварского и др.)[2], при чем наиболее типичный вид их — это смычно-гортанные *глухие смычные* (и аффрикаты); p' t' c' č' (= č́') k' q' [— таков состав этой категории в грузинском; в абхазском же (в литературном диалекте) имеются: p' ṗ' t' c' c^{w}' č' č́' k' k$^{/}$' k^{w}' q' q$^{/}$' q^{w}']. Характерный момент этой категории глухих смычных («гамзированных») состоит в том, что ртовая (губная, передне-язычная и т. д.) смычка сопровождается также смычкой (затвором) гортанной щели: и следовательно взрыв ртовой смычки осуществляется не посредством воздуха, прогоняемого через гортань из легких [ибо гортань-то как раз и оказывается закрытой], а посредством воздуха, имеющегося в ртовой камере — над гортанью (в этом и состоит «надгортанная экспирация»). Сама же гортанная смычка (coup de glotte, Stimmbänderverschluss, «гамза» = [']) взрывается уже потом [т.-е. в слогах начинающихся с «смычно-гортанного» согласного — при переходе к следующему за данным согласным гласному: [p'a] состоит таким образом из след. моментов: 1) момент двух смычек: ртовой и гортанной, 2) раствор ртовой (губной) смычки и выход (через губы) воздуха, имевшегося в ртовой камере над гортанью, 3) раствор гортанной смычки, 4) гласный a, с которым начинается и голосовой тон данного слога].

В некоторых, однако, языках (из западно-кавказских в нижне- и верхне-черкесском) смычно-гортанная артикуляция встречается и при спирантах.

Нечто похожее на кавказские «смычно-гортанные» согласные представляют собою и встречающиеся в моем индивидуаль-

---

[1] Для наблюдения типовых особенностей данной категории можно рекомендовать именно мегрельское произношение.

[2] Повидимому, смычно-гортанные (именно t' c' č' p') имеются и в американском языке Майя (см. Tozzer, A Maya grammar, стр. 19). **

ном (русском, но под влиянием нем. языка) произношении сочетания «согласный + coup de glotte [ʾ]» — в таких случаях, как *к отцу* [kʾac:u], *от отца* [atʾac:a], *в ад* [vʾat fʾat], *в атаманы* [fʾatamanɯ].

§ 31. Наконец пятой из модификаций ртовых звуков в полости гортани является артикуляция так называемых «эмфатических» согласных, известных нам из семитских языков. Так как в их образовании принимает участие н а д г о р т а н н и к (epiglottis), о них пойдет речь ниже — в параграфе, посвященном надгортаннику.

Сюда относятся, напр., а р а б с к и е ط ظ ص ض [ṭ ð̣ ṣ ẓ̣ˡ], т.-е. «эмфатические» (или «эпиглоттализованные»), из которых первые три соответствуют простым ت ذ س [t ð s], а четвертый, по указаниям арабских грамматиков, не имеет себе не-эмфатического соответствия в арабской системе согласных: это—латеральное (*л*- образное) z, или — наоборот — z- образное (т.-е. характеризующееся большим расходом выдыхаемого воздуха, а потому и присущим спирантам шумом) l. Кроме этих звуков к «эмфатическим» арабские грамматики причисляют также ق [q] и ل [l]
* слова الله «Аллах» (см. Н. Юшманов, ДРАН 1925, стр. 58).

П р и м е ч а н и е. Диалектически ض переходит (очевидно в связи с сильным напряжением языковой работы при «эмфатических») в эмфатическое ḍ, а ṣ (ص) в c(«ц»). Тем же сильным напряжением язычной артикуляции объясняется, видимо, и то, что при ṭ (ط) происходит более задняя смычка (— против более глубокого участка нёба), чем при t (ت).

** В других мус. языках, куда попадают арабские слова с эмфатическими согласными, эти звуки, обыкновенно не сохраняются как таковые, а смешиваются с обычными свойственными данному языку согласными (исключения представляет, конечно, произношение лиц, специально изучавших арабский язык [1]). Так

---

[1] Хотя и в их произношении наблюдаются отступления от арабского оригинала: напр. отлично изучившие арабский язык узбеки произносят ط, ص и особенно ظ в виде лабиализованных, т.-е. в роде [tʷ (точнее ṭʷ), sʷ, ðˢʷ или

в узбекском, например, ط совпадает с [t], ص с [s], ظ и ض (как и ð = ذ) с [z], то-есть

ط, ت } ت س, ص (и ث = θ) } س ظ, ز, ض (как и ذ = ð) } ز

§ 32. Наконец, крайне важны те функции гортани, которые вносят различия между частями слов по ударению. Но так как обыкновенно говорят об ударенных и неударенных слогах, то переходя к вопросу об ударении, нужно предварительно выяснить акустическое понятие слога.

В том, что наша речь естественно делится на отрезки, которые принято называть слогами, нет повода к сомнению. Нет также, в большинстве случаев, спора о числе слогов того или другого слова. Не нужно только исходить при этом из каких-либо предвзятых, например основанных на графике, мнений. Так в моем, напр., произношении слова министр три слога, а в слове жизнь (если только не произносится жисть)— два. Но по вопросу о том, в чем состоит признак отдельного слога, много разных затруднений.[1] Считать, что слогов в слове столько, сколько в нем гласных, неправильно, так как тогда окажется противоречие с числом слогов в министр, жизнь (министр отлично укладывается в стихи на правах трехсложного слова, а жизнь — двухсложного). Наконец, в сербском языке есть слова вроде срп «серб», прст «перст», которые, несомненно, составляют отдельный слог, а между тем в них нет гласного в нашем привычном понимании термина «гласный». Точно также китайское слово t'ŗ составляет 1 слог, a laut'ŗ

---

zʷ, ðʷ], а ض даже в виде [ẉ].(вместо [lˢ]; кроме того у них часто встречается смешение ظ и ض в одном [ðʷ], которое часто наблюдателем будет оценено как w).

[1] Их не менее при вопросе о том, где граница между слогами; но этого сложного вопроса в настоящем курсе я не буду касаться.

«старик» — 2 слога. Ту же функцию имеет и санскритское ṛ в словах vṛkaḥ pitṛšu ṛg-vēda- и т. д.

Немецкое слово Linden [lindən] может быть произнесено без всякого следа гласного после [d]: [lindn] даже без отнятия языка от передней части неба, к которому передняя часть языка вплотную будет прижата за все время от первого [n] до второго; а, между тем, в этом слове будет и при таком произношении два слога. С другой стороны в немецком Haus [haus]—два гласных, но слог только один.

То, что обычно представление числа слогов связывается с представлением числа гласных, имеет ту причину, что гласному присуще некоторое акустическое отличие от согласного, состоящее в том, что гласный более звучный, т.-е. лучше слышимый звук, чем согласный.[1] Таким образом, в основу деления на слоги ложится различие звуков по звучности (Schallfülle, — не надо смешивать со звонкостью, т.-е. наличием дрожания голосовых связок; я условливаюсь понимать под звучностью именно акустическое свойство — слышимость звука на большее или меньшее расстояние). Но важным оказывается не просто принадлежность звука к звучным или слабозвучным (иначе гласный звук, как принадлежащий к категории звучных звуков по сравнению с согласными, всегда образовывал бы слог, и слово Haus не могло бы быть односложным), а важна относительная звучность данного звука по сравнению с соседними (предшествующим и последующим). И слог можно определить, как отрезок (во времени) речи, снабженный увеличением звучности между двумя менее звучными моментами. И в каждом

[1] Можно ожидать возражения, что и согласный звук может быть хорошо слышим; особенно резко (и на далекое расстояние) слышится из глухих согласных звук [s]; им, например, останавливают идущего вперед человека, до которого этот звук иногда долетает через сильный уличный гул. Но все-таки потенциально звучность гласных гораздо больше, ведь криком (а кричать выгоднее именно на гласные звуки) можно достигнуть maximum'а звучности. И хорошая слышимость [s] состоит, собственно, не столько в силе, сколько в своеобразности составляющих его шумов, которые потому и выделяются от прочих окружающих шумов.

слоге, следовательно, должен быть звук, более звучный, чем моменты предшествующий и последующий. Этот звук называется слогообразующим.

Отсюда понятно, что если гласный окружен двумя согласными, то он будет образовывать слог. Если имеется гласный в начале слова, а после него согласный, то точно также: в слове Аня [an'a] первому гласному предшествует нуль звука и, следовательно, minimum звучности, а само собою разумеется, что между нулем или minimum'ом звучности, с одной стороны, и согласным звуком с другой стороны звук [a] будет составлять центр усиления звучности; то же самое применимо ко второму гласному этого слова, за которым опять следует нуль звука. Если встречаются два гласных рядом, то возможно различное произношение их: 1) возможно ослабление голосового тона во время перехода от одного гласного к другому, как это имеет место в русском аул [aul], и тогда каждый из них будет слогообразующим, как составляющий усиление звучности после ее ослабления (так дело обстоит и при соединении конечного гласного с начальным гласным следующего слога, например в моя Аня [majaan'a]); двусложность сочетания двух гласных будет тем более бесспорна, если дело будет доходить до полной (хотя и чрезвычайно краткой) паузы между ними; 2) возможно тесное соединение обоих гласных без ослабления звучности во время перехода от первого ко второму; тогда один из гласных звуков[1] и именно тот, который обладает большей звучностью будет слогообразующим. В сочетании [au] более звучным является [a] и потому в немецком Haus [haus] [a] будет слогообразующим. В том, что одни из гласных будут более звучными, чем другие, можно убедиться на опыте: долетать на более далекое расстояние будут крики на одни гласные с меньшим усилием, чем на другие. При этом [a] и [o] будут

[1] Если же нет ослабления при переходе от одного гласного к тождественному с ним, напр. в [aa], то они сольются в один долгий гласный [a:].

более звучными, чем [i], [u]. Этим объясняется то, что в немецких односложных сочетаниях гласных [ai] в **bei** [bai], [au] в Haus и [ɔi] в Haüser [hɔizər] слогообразующими будут [a] и [ɔ], но не [i] и [u], которые являются *неслогообразующими* или *неслоговыми* (для отметки неслоговых гласных употребляется полукружочек над или под буквой).

Нужно отметить, что такие односложные соединения гласных называются *дифтонгами*, т.-е. двузвучиями.[1] Дифтонг называется *нисходящим*, когда слогообразующим является его первый элемент, и *восходящим*, если второй. Дифтонги обычны в английском и немецком языках, но во французском их нет [если не относить к (восходящим) дифтонгам сочетания [wa] [we] [wi] [ɥi] и т. п., о которых речь будет ниже — при обзоре французской звуковой системы].

Согласные также имеют различные степени звучности. Из них особой звучностью выделяются те звуки, которые выше, в § 26, были отмечены, как нуждающиеся в голосовом тоне для того, чтобы быть слышными. Это звуки — [n], [m], [ŋ], [r], [l] (и различные оттенки их, напр., мягкие [n'], [m'], [r'], [l']). При них, как и при гласных, главным (т.-е. лучше слышным) составным элементом их акустической стороны является голосовой тон, — лучшее средство для производства хорошо слышных звуков из всех средств, имеющихся в языковом аппарате. В силу присущей им бо́льшей звучности они представляют сходство с гласными и более часто, чем другие согласные, являются в качестве слогообразующих. Примеры выше: *министр*, *жизнь*, серб. срп «серб», нем. **Lind(e)n**. В силу их звучности звукам [r], [l] и (их оттенкам) дается название *сонорных* согласных. Иногда под этим (данным по акустическому признаку) названием объемлются также звуки [n], [m], [ŋ] (и их от-

[1] От греч. δι- di «дву», φθογγή phthongē «звук». Соединение трех гласных в одном слоге называется трифтонгом, таково, напр., [iau], очень частое в китайском языке. Иногда (но редко) термин дифтонг применяют к тесному соединению двух согласных, напр. [ts].

тенки), которые называются обычно данным по физиологическому признаку именем носовых согласных. Прочие согласные представляют разные степени звучности в зависимости от следующего:

1) звонкие согласные более звучны, чем соответствующие глухие; эти последние менее звучны уже потому, что лишены самого сильного по акустическим результатам средства из всех средств языкового аппарата — голосового тона;

2) те согласные, при которых выход воздуха на время прекращается, менее звучны, чем те, при которых воздух выходит безостановочно. Таким образом, внутри глухих согласных [p] менее звучно, чем [f], [t] — менее, чем [s], [k] — менее, чем [x]; а внутри звонких: [b] менее звучно, чем [v], [d] — менее, чем [z], [g] — менее, чем [γ].

Из этого понятно, почему в сочетании [pst] слогообразующим является [s].

§ 33. После этого можно перейти к понятию ударения. Под ударением в языках русском, немецком, французском и английском разумеется ударение силовое или экспираторное,[1] состоящее в выделении одного из слогов слова путем более сильного голосового тона, чем при прочих слогах. Это выделение касается, главным образом, слогообразующего звука, но не исключительно: например, согласные ударенного слога бывают несколько отличны от согласных неударенных (и это сказывается на различной судьбе тех и других в истории отдельных языков). О тех средствах, которыми производится такое усиление, говорилось выше: сюда относится работа дыхательного аппарата (от силы выдыха зависит сила звука, этим объясняется название силового ударения экспираторным) и установка голосовых связок. В русском языке ударение неразрывно связано с долготой гласных; но этого нет в языках немецком, французском и английском, где ударенный гласный может быть и крат-

[1] От лат. exspiratio «выдыхание».

ким и долгим в зависимости от слова. Обыкновенно имеется одно ударение в слове, за исключением длинных слов, где возможны второстепенные ударения; но короткие слова иногда соединяются во фразе под одним ударением; обыкновенно этому сопутствует и объединение данных слов с семасиологической стороны, как выражающих одно понятие; таким образом, ударение и в этом случае (как и при нормальном распределении по одному ударению на слово) есть средство, используемое для целей семасиологических: им как бы штемпелюются куски речи, представляющие известную обособленность и самостоятельность. Языки, в которых ударение находится на определенном месте во всех словах, называются обладающими постоянным ударением. Таковы: французский (с ударением на последнем слоге), польский (—на предпоследнем), чешский и с другой стороны финский (—на первом), турецкие (в большинстве случаев—на последнем), монгольские (на первом). Впрочем, ввиду расхождения в месте ударения между языками монгольскими (—на первом слоге) и турецкими (—на последнем), а также показаний корейского языка, а до известной степени и самих монгольских и турецких, можно предполагать, что в обще-алтайском праязыке ударение принадлежало не только первому слогу (как предпола-
* гает Н. Н. Поппе на основании монгольского и на основании стабильности турецких гласных первого слога), но было *двухполюсным*, то-есть могло принадлежать или первому или последнему слогу (в зависимости от синтаксической позиции и прочих условий данного момента говорения). На это указывают следующие факты:

** 1) Такая «двухполюсность» (т.-е. чередование начального ударения с конечным) наблюдается в современном корейском языке: слово в изоляции и на конце фразы (где обыкновенно находится глагол [verbum finitum] или спрягаемая форма прилагательного) имеет начальное повышение; слово же, находящееся в начале или в середине фразы (в том числе перед паузой, искусственно делаемой в предложении [когда фраза обрывается по

средине] или на конце придаточного предложения), приобретает ударение *конечное* (на последнем слоге).[1]

2) В калмыцком языке я наблюдал (несмотря на силовое ударение на первом слоге) повышение голосового тона на последнем слоге отдельно произносимых слов, даже в том случае, если данный последний слог уже утратил свой гласный (передавший слогообразующую функцию носовому) — напр. при таком составе посл. слога, как sŋ, rŋ и т. д. Кроме того в вопросительных предложениях я мог бесспорно констатировать случаи ударения именно на последнем слоге.

3) В турецких языках, имеющих обычно конечное ударение, возможна тем не менее эмфатическая деплясация (перенос) ударения на первый слог, — напр. в узбекском в вокативных предложениях, напр. ǽxmæt (в Самарк. ǽhmæt) или (h)ɔj ǽxmæt «Ахмед!» «!احمد» [Есть и другие случаи аналогичной деплясации (в частности в verbum finitum), наблюдавшиеся мною в узбекском и казакском языках].

Сравни эмфатическую деплясацию (тоже с последнего слога на первый) во французском: напр. в [kɔ̆ʃɔ̃] — cochon «свинья!» (как ругательство), в [œ̆su døsu] — Un sou, deux sous «1 копейка, 2 копейки» (в выкриках уличных торговок) см. P. Passy, Petite *
Phonétique Comparée.

И вот подобно тому, как французское явление может исторически объясняться, как пережиток архаического (до эпохи Dreisilbengesetz'a) латинского ударения,[2] можно и в указанной турецкой деплясации (т.-е. факультативном чередовании конеч-

---

[1] Может быть влиянием корейского языка (в данной именно черты) объясняется появление второго (синтаксического) повышения на конце слова в Satz-Sandhi в западно-японском говоре — Киото (см. «Психофонетические **
наблюдения над яп. диалектами. II»), напр. ʳaₗburaʳŋa..... вместо ʳaₗburaŋa (Nominativ. от ʳaₗbura 油).

[2] Мнение профессора Л. В. Щербы. Начальное ударение в архаической латыни указывается между прочим качественными переходами гласных непервых слогов (бывших в ту эпоху неударенными), напр. conficio вместо con + facio.

ного и начального ударений) видеть след обще-алтайской «двухполюсности» ударения.

Но кроме силового (или экспираторного) ударения в языках встречается так называемое *музыкальное* (или *тоническое*) ударение (или акцентуация), основанное на выделении части слова (слога, или части слога, или даже нескольких рядом стоящих слогов, как в западно-японском) по относительной *высоте* голосового тона. Музыкальное ударение существовало в обще-индоевропейском языке, и сохранило свой музыкальный характер в ведическом санскрите, в древне-греческом языке, в литовском и латышском, а из славянских языков — в сербском. Кроме того муз. ударение известно напр. в китайском, тибетском (и в прочих «тибето-китайских» языках), аннамском, малайском, японском, аинском, многих африканских языках («банту» и других),[1] наконец в шведском (в виде позднейшего явления и наряду с системой экспираторной ударяемости).[2] В языках же русском, немецком, французском, английском и громадной массе других (напр. турецких и т. д.) нет определенного музыкального ударения, т.-е. нет определенной мелодии голосового тона для отдельных слов, и различия в высоте голосового тона используются лишь для таких надобностей, как выражение вопроса (— восходящая интонация) или сказуемости (нисходящая интонация — в русском напр.) или же различных чувств (т. е. синтаксизуются и эмфатизируются).[3]

---

* [1] Для ознакомления же с африканскими явлениями укажу на книгу Panconcelli-Calzia «Die experimentelle Phonetik in ihrer Anwendung auf die Sprachwissenschaft» стр. 105 сл.

[2] А ввиде исключения мелодические различия могут служить для диффеpенциации слов (точнее — форм слова) и в эстонском, — см. ниже.

[3] Но качество этих синтаксических и эмфатических интонаций варьируется все таки, по разным языкам, и даже диалектам. Сравн. напр. узбекскую или же азербайджанскую «мелодию сказуемости»: обе отличаются, как одна от другой, так и от русской. Ср. Panconcelli-Calzia «Die experimentelle Phonetik in ihrer
** Anwendung auf die Sprachwissenschaft» S. 110: «Ein Hamburger fragt z. B., indem er im Hochton einsetzt, um am Ende des Satzes einen tief-hohen Sprung zu machen; der Hesse bewegt sich dagegen bei derselben Frage in mittel-tiefer Richtung und geht am Ende steil nach der hohen Lage; der Schwabe zeichnet

В системах муз. ударения следует различать системы «музыкального слогоударения» (Musikalischer Silbenakzent) и «музыкального словоударения» (Musikalischer Wortakzent).

Первое (музыкальное слогоударение — Mus. Silbenakzent) мы встречаем, напр., в китайском [это так называемые «тоны» (в Пекинском[1] их 4, см. ниже «Фонетическую характеристику кит. языка»); кроме того в китайском существует и словоударение, но уже силовое, экспираторное], в тибетском, бирманском, сиамском, аннамском, латышском и сербском.

В таких системах («муз. слогоударения») принципиально различаемые мелодии голосового тона умещаются внутри одного слога[2] (в языках же с «Musik. Wortakzent'ом» это встречается лишь ввиде исключения — напр. в Киотоском говоре в противоположении *односложных слов* e⌜: 繪 ⌜e:⌝ 柄 ⌜e⌞: 餌).

В качестве примера систем «Musik. Sylbenakzent'a» приведу кратчайшую характеристику 1) муз. акцентуации кит. говора Цзинь-чжоу-фу 金 州 府 Фынтяньской (Мукденской) провин-

sich durch den ausdrücklichen tief-hohen Verlauf aus (Fig. 154)». Что касается русской фразовой мелодики, то она особенно богата интервалами, т.-е. сильными повышениями и падениями голосового тона (в противоположность, например, английскому языку). Не мало специфического мы найдем и в интонациях отдельных русских диалектов: ср. напр. интонацию русских Семиречья, которая для нас настолько непривычна, что позволяет смешивать вопрос с утверждением (наблюдения проф. Петерсона).

[1] В других же говорах число «тонов» доходит до 8 (в Синьнинском же насчитывается 10 тонов, но из них четыре являются «жу-шэн'ами», т. е. представляют собой ничто иное, как осложнение 4 разных тонов заключительным [?] т.-е. гортанной смычкой). Менее четырех тонов имеет дунганский говор (с 3 тонами: Пекинскому 1-ому и 2-ому соответствует один тон) и единичные Шаньдунские говоры (с совпадением обоих кратких тонов: 2-го и 4-го), приближающиеся, таким образом, к системе некоторых латышских говоров (но без «прерывистой долготы»).

[2] Обыкновенно эта мелодия явно слышна (и играет существенную роль в словоразличении) тогда, когда она приходится на экспираторно-ударенный слог (многосложного слова); но возможно бывает, все-таки, — хотя-бы и факультативное, — выявление мелодии и в неударенных в силовом (экспираторном) отношении слогах. Это тем более доказывает, что тут мелодия является внутренней принадлежностью данного слогопредставления, а не всего слова (многосложного).

ции, 2) муз. акцентуации в латышском говоре, обладающем
* наибольшим числом данных различений (по описанию А. П. Абель, op. cit.).

1. В говоре Цзинь-Чжоу-Фу различаются (при наличии экспираторной ударенности данного слога; в противном случае мелодия, присущая слогу, стушевывается)[1] след. 4 мелодических представления, характеризуемые также и количественным признаком — как «долгие» и «краткие» тоны:

1-ый тон (соответствующий Пекинскому «ровному» 1 тону): долгая или двойная, восходяще-нисходящая мелодия [ˆ], напр. t'a ˆ 他 «он» (Пек. t'a¯), ma ˆ 媽 и т. д.

2-ой тон: краткая или ординарная, восходящая мелодия [ʹ], напр. maʹ 麻 «конопля».

3-ий тон: долгая или двойная, нисходяще-восходящая мелодия [ˇ], напр. ma ˇ 馬 «лошадь».

4-ый тон: краткая или ординарная, нисходящая мелодия [`], напр. ma` 罵 «ругаться».

Примечание. Так как принадлежность кит. «тонов» к двум количественным категориям: долгих и кратких (по кит.
** терминологии 仄 平) мелодий, существовала и в эпоху создания канона кит. поэтической техники, и в кит. стихах чередуются именно не сами тоны, а категории тонов, то китайское стихосложение оказывается *метрическим* (как и древне-индийское, древне-греческое, персидское и т. д.).

2. В латышском говоре, описанном А. П. Абель, существует 3 вариации долгих слогов (с долгими гласными или дифтонгами):

1) с восходящей мелодией

2) с нисходящей мелодией

3) с прерывистой долготой, т. е. с [ʾ] посредине гласного — напр. [neʾe] «нет».

---

[1] Но может и выявляться — при особых на то условиях — напр. при чрезмерно отчетливом и медленном произношении всех слогов слева. Основанием для выявления (в таких случаях) определенной мелодии неударенного слога служит чередование одной и той же морфемы - слога между неударенной и ударенной позициями.

Краткие же слоги по мелодии не дифференцируются.[1]

Музыкальное словоударение (Musik. Wortakzent) присуще языкам: японскому, аинскому, тагальскому (и др. малайским), а также шведскому и норвежскому.

Приведу в качестве примера систему* муз. акцентуации двух западно-японских говоров: Киото и Тоса (дер. Мороги). Восточно-японская же, именно Токиоская система акцентуации описывается ниже — в «Фонетической характеристике японского языка», третья же — южно-японская (наиболее простая система различений) уже описана выше (по говору дер. Мие Нагасакской префектуры). *

Характеристика западнояпонской системы музыкальной акцентуации **

(Акцентуация в Киото (k'o:to) и Тоса)

Слово определяется (в говорах Киото и Тоса) одним периодом высокого голосового тона на протяжении его звукового состава.

Единицей количественного измерения этого периода является мора — один краткий слог или половина долгого (при этом, специфическим отличием Киотоского от говора Тоса являются ограниченные определенной позицией случаи, когда повышение занимает лишь половину моры).

Место и длина *«высокого периода»* не предопределены каким-либо общим правилом. Он может занимать, как начало, так и середину, и конец слова (Киотоские примеры—⌈a⌊bura, ha⌈ta⌊ke, naŋa⌈sa), с другой стороны — может состоять из двух и более рядом находящихся (смежных) мор (Тоса ⌈nama⌉⌊du «сом», ⌈atu⌉⌊i «толстый», — отлично от ⌈a⌊tui «жаркий»; Киото ⌈mame⌉⌊na «здоровый»; Тоса o⌈saked'a⌉⌊: — Praedicativus[2] от ⌈sake⌉ с пре-

[1] Как и в Токиоском и в Тосаском говорах яп. языка (см. ниже), или в тех из Шаньдунских кит. говоров, которые смешали 2-ой и 4-ый тоны.

[2] Следовательно o-sake-d'a: значит «это — вино», являясь эквивалентом Токиоск. osakeda, Киотоск. osakeja (в Нагасакском же в главных предложениях вместо Praedicativ'a — беосуфиксальный падеж).

фиксом o⌋-) и может наконец занимать весь состав слова (⌈kodomo⌉, ⌈sake⌉, ⌈hana⌉ «нос» — отлично от ⌈ha⌊na «цветок»). В последнем случае мы имеем одинаковую высоту всех слогов слова, которое однако принципиально сознается состоящим из ряда *высоких*, а не низких слогов (или мор), так как при присоединении обязательно низких по тону аффиксов этот ровный по мелодии ряд слогов оказывается высоким (например, когда в говоре Тоса, к ⌈sake⌉ присоединяется o-⌋ и обязательно низкий по тону суффикс Additiv'a ⌊mo или Illativ'a — ⌊e, — ⌊o⌈sake⌉⌊mo «и вино», o⌋⌈sake⌉⌊e или o⌈sake⌉⌊: «в вино»). Слов, в которых не было бы высокой части, не существует (форманты безусловно не могут рассматриваться, как самостоятельные слова), хотя часто высокой из всего состава слова оказывается только одна
* мора в каком-нибудь долгом слоге (примеры ho:ṡo⌈:⌊ki заглавие известного классич. сочинения, ko⌈n⌊do, śi⌈m⌊bo «ось», ho⌈:⌊bo:-kara).

Примечание. О превращении слов с конечной высокой морой (в Киото) в слово сплошь из низких мор — под влиянием Satz-sandhi — будет сказано ниже.

Из сказанного вытекает возможность существования следующих акцентуационных типов различения двухморных слов:

1) Тип с повышением на первой море.

⌈ha⌊na «цветок», ⌈ne⌊ko «кошка», ⌈i⌊ke «пруд», ⌈ku⌊ri «каштан», ⌈to⌊ki «время», ⌈ma⌊me «боб», ⌈ku⌊mo «облако». Это тип, названный Meyer'ом[1] *akzent* 1, для которого им приводится кривая (fig. 3 на стр. 83) *tsuru* (bogensehne). Нормальным соответствием словам этого типа в Киотоском и Тосаском в других диалектах служат:

в Токиоском (и других восточных) — тип с ударением на втором слоге, которое не переходит на слог суффикса: Токиоск. ha⌈na «цветок» (Nomin. ha⌈naŋa, Subjectiv. ha⌈nawa Dat.-Loc. ha⌈nani), to⌈ki «время» и т. д.

---

[1] Ernst A. Meyer «Der musikalische Wortakzent im japanischen» — Le Monde Oriental, 1906, 77—86.

в Нагасакском — окситонный тип ha⌜na (hana⌜no, hana⌜:, han'a⌜:), to⌜ki и т. д.

2) Тип с высоким тоном в обоих морах.

⌜hana⌝ нос, ⌜uši⌝ корова — бык, ⌜kaki⌝ назв. плода, ⌜kani⌝ (Тоса ⌜gane⌝) краб, ⌜kane⌝ деньги, ⌜sara⌝ тарелка, ⌜take⌝ бамбук, ⌜kuči⌝ (Тоса ⌜kut'i⌝) рот.

По Meyer'у это — *akzent* 2, для него кривая Fig. 4 на стр. 83 op. cit. — *tsuru* (angeln). В Токиоском ему соответствуют «дзэнхэи» (см. мою работу «Муз. ударение в гов. Токио» *
Изв. Ак. Н. 1915, стр. 1617), т.-е. слова, переносящие ударение на последний слог суффикса: hana «нос» (hanaŋa, hanawa, hanani с факультативным повышением на -ŋa, -wa, -ni), а в Нагасакском — баритонные: ha⌞na (hana⌞no, hana⌞:, han'a⌞:) —

ha⌞na ha na⌞no ha na ⌞:

и т. д. То же соответствие в глагольных формах Praesens'а:

Киото и Тоса ⌜iku⌝ «идет» || Токио iku || Нагас. i⌞ku

Киото и Тоса ⌜kiru⌝ «одевает» (не смешивать с ki⌜ru «режет») || Токио kiru || Нагас. *ki⌞ru → ki⌞: (в гов. деревни Мие).

3) Тип с первой низкой и второй высокой морой. Он не отмечен Meyer'ом.

a⌜sa конопля, ka⌜sa колпак, no⌜do горло (происходит из *⌞no⌜mito⌝), ka⌜me ваза, u⌜su ступка, u⌜mi море, i⌜ma «теперь», ku⌜зu «ветошь». В Тоса слова этого типа не отличаются по мелодии от следующего типа (в Casus indefinitus), но характерным их признаком служит то, что при присоединении суффикса, способного чередоваться по высоте тона (т.-е. способного быть — после конечной высокой моры основы — тоже высоким, каковы, например, суффиксы -ga, -no, -ŋi, социативное -to, суффикс Sybjectivi *pa и др.), повышение простирается вместе с последним слогом основы и на суффикс: так от a⌜sa «конопля»: **

Nomin. a⌜saga⌝, Subject. a⌜sa ← a⌜sawa⌝ ← *a⌜sa-pa⌝, Dat.-Loc. a⌜saŋi⌝, Accus. a⌜sa ← a⌜sao⌝.

Те же падежи от no⌈do «горло»:

no⌈doga⌉, no⌈da ← no⌈dowa⌉,
no⌈doɲi⌉, no⌈do ← no⌈do-o⌉.

Мелодия в подобных трехморных комплексах, сохранившаяся в Тоса, может восстанавливаться в качестве обще-западно-японской (а также обще-японской), и замена ее Киотоской мелодией (точнее , ибо Киотоские asa⌈ŋa, asa⌈wa, asa⌈ni произносятся с постепенным повышением от первого к третьему слогу) является новшеством.

В Токиоском в словах этого типа соответствует повышение на 1-м слоге (⌈kasa, ⌈usu, ⌈umi, ⌈nodo), но Токиоское a⌈sa «конопля» составляет исключение — слово, повидимому, заимствовано из западного диалекта.

В Нагасакском соответствием служит окситонный тип (ka⌈ṣa, u⌈su, u⌈mi и т. д.), в котором совпали — из 4-х обще-японских типов двухморных слов — три, т.-е. все кроме предшествующего (*⌈pana⌉ «нос» → Киото и Тоса ⌈hana⌉ || Нагасаки ha⌊na с баритонной мелодией).

То же соответствие в глагольных формах Praesentis: Киото и Тоса no⌈mu «пьет» || Токио ⌈nomu || Нагасаки no⌈mu, Киото и Тоса ki⌈ru «режет» || Токио ⌈kiru || Нагасаки ki⌈ru → ki⌈: (говор дер. Мие).

4) Киотоский (отсутствующий в Тоса) тип с нисходящим повышением на второй море. Первая мора — низка, на второй голосовой тон сильно повышается, чтобы тотчас же опять упасть к концу этой моры. Мору, на которую приходится это нисходящее повышение, я буду обозначать циркумфлексом ^. У Meyer'a op. cit. это — Киотоский *akzent* 3; кривая для него — *tsuru* (kranich).

asâ утро, curû журавль, kamê черепаха, kusû мука аррорут, kaŋê тень, kumô паук, sarû обезьяна.

На основании некоторых корейских соответствий, (а также

на основании некоторых других этимологий) нисходящее повышение можно считать рефлексом исчезнувшего конечного носового):[1] asâ ‖ кор. ac̆am «утро», curû ← turû ‖ кор. turum «журавль».

В Тосаском отличие нисходящего повышения от простого уже утратилось, но сохранился обусловленный им (— в силу того, что суффикс продолжает собою тон последнего элемента основы —) низкий тон следующего суффикса, почему следовательно склонение a⌈sa ← asâ «утро» — *a⌈sa⌊ga (из *asâga), a⌈sa⌉⌊pi (из *asâni) и т. д. отличается от склонения a⌈sa «конопля» a⌈saga⌉ a⌈sapi⌉ и т. д. во всех падежах, суффиксы которых способны чередоваться по тону (т.-е. быть высокими или низкими в зависимости от последней моры основы). Другой пример этого различия — диалектический (Тосаский) Casus temporalis (дефективный по употреблению падеж) на -r′a от a⌈sa (← asâ) «утро» и i⌈ma (*i⌈ma) - «теперь» — a⌈sa⌊r′a «утром», но i⌈mar′a⌉ «теперь». В Токиоском и Нагасакском, естественно, не сохранилось никаких следов «нисходящего повышения» и слова этого типа отражаются одинаково с предшествующим — Токио ⌈asa «утро», Нагасаки a⌈sa «утро» (из *asâ); Токио ⌈curu «журавль», Нагасаки cu⌈ru «журавль» (из *turû).

Перечисленные четыре типа двухморных слов сохраняют значимость и в том случае, если слово состоит не из двух кратких, а одного долгого слога. При этом в Киотоском в данные четыре типа входят все односложные слова, — как те, которым и в Токиоском соответствует долгий слог, так и те, киотоская долгота

[1] Допуская таким образом ауслаутные носовые для дояпонской эпохи, предшествовавшей формации общеяпонских парных звонких (b, d, g, z), получается возможность объяснить появление звонких на месте глухих в начале второй части Compositi (в интервокальной позиции, как в Тосаск. turi-za:, Ток. curi-saʷo удочка из turi + sawo «удильный шест», или в so-date из so + tate) морфологическим обобщением тех случаев, где первая часть Compositi оканчивалась на носовой, вошедший в формацию звонкого вместе с начальным глухим второй части (напр. m-k в *asam-kapo > asagawo название цветка, где *asam «утро») и заменившийся — при изоляции данной морфемы (т.-е. вне Compositi) — нисходящим повышением (*asam → asâ «утро»).

гласных которых является вторичной — в результате диалектического удлинения всех одноморных основ (ср. аналогичный процесс в рюкюском). Таким образом в Киото двухморшыми являются не только ho: (из Го-он'ного *popu, или Кан-он'ного *papu ← кит. *fap) — «закон», ho: (из *pau ← *paM ← кит. *faŋ), «сторона», но и ho: «парус» (Токио ⌞ho), ho: «колос» (Токио ⌜ho). Для случаев последнего рода я буду, однако, при обозначении Киотоской долготы условно употреблять не двоеточие, а точку вверху строки (ho·), имея под этим в виду, что образованные киотосцы склонны сокращать данные долгие гласные под влиянием стандартного языка (и орфографии). В Тоса же удлинение таких гласных свойственно только одному акцентуационному типу и не относящиеся к нему случаи соответствий с Токиоской одноморной основой также одноморны и потому мелодически не дифференцируются, пока не даны суффиксальные формы. Поскольку же, однако, суффиксальные падежи выясняют акцентуационные различия этих основ и в Тоса, мы вправе считать, что в обще-западно-японскую эпоху односложные основы мелодически дифференцировались даже несмотря на краткость их гласных (подобно тому как краткий слог был достаточным субстратом для представления «нисходящего повышения» на конце двусложных основ). Ясно, однако, что дифференциация эта была исторически-неустойчивой (так как представление мелодии внутри краткого гласного только указанными двумя случаями — в односложных, напр. *pî «день, солнце» и на конце двусложных основ, напр. asâ «утро» — и ограничивалось) и для диалектического развития представлялись возможными два пути: удлинение слога, обеспечившее в Киотоском сохранность мелодической характеристики этого слога, или же утрата ее, имевшая место в случаях сохранения краткого гласного в Тосаском.

Киотоские примеры односложных основ:

1) Тип с нисходящей мелодией: ⌜to⌞: погода, ⌜to⌞: десять, ⌜sa⌞i игральная кость, ⌜ho⌞ŋ книга; ⌜çi⌞· день, солнце, ⌜e⌞· корм.

⌈ha⌊· лист, ⌈ha⌊· зуб (два последние слова — гомонимы в Киото и Тоса, но различаются по акцентуации в Токио и Нагасаки), ⌈na⌊· имя, ⌈ke⌊· волос, ⌈ne⌊· цепа. В тех примерах, где стандартный (respective Токиоский) язык имеет краткий гласный (⌈çi⌊· «день, солнце», ⌈e⌊· «корм» и т. д.), образованные киотосцы также обычно сокращают слог и склоняют, таким образом, вместо ⌈çi⌊·-ŋa, ⌈çi⌊·-wa, ⌈e⌊·-ŋa, ⌈e⌊·-wa — ⌈çi⌊ŋa, ⌈çi⌊wa, ⌈e⌊ŋa, ⌈e⌊wa. Точно такая же акцентуация присуща этим основам и в Тосаском: ⌈hi⌊ga, ⌈hi⌊wa «день, солнце», ⌈e⌊ga, ⌈e⌊wa «корм» и т. д. При изоляции же (т.-е. в Casus indefinitus) основы hi день, e корм и пр. не имеют в Тоса мелодической характеристики.

2) Тип с ровным (высоким) голосовым тоном: ⌈ho:⌉ закон, ⌈saŋ⌉ три, ⌈oŋ⌉ самец; ⌈çi·⌉ памятник, ⌈e·⌉ рукоятка, ⌈ki·⌉ дух, ⌈ho·⌉ парус, ⌈ko·⌉ дитя, ⌈go·⌉ пять, ⌈ku·⌉ девять, ⌈ka·⌉ комар, ⌈i·⌉ желудок (*wi), ⌈ći·⌉ кровь, ⌈to·⌉ дверь. У образованных киотосцев и в Тосаском основы ⌈çi·⌉ памятник, ⌈e·⌉ рукоятка (в Тоса hi, e) и т. д. склоняются в виде ⌈çiŋa⌉ (Тоса ⌈higa⌉), ⌈çiwa⌉, ⌈eŋa⌉ (Тоса ⌈ega⌉), ⌈ewa⌉ и т. д.

Поскольку трудно разобраться в восточных и южных соответствиях для предыдущего типа, постольку для данного определенно констатируется соответствие с неударенными одноморными основами в Токиоском (⌊e рукоятка, $\overline{\text{eŋa}}$, $\overline{\text{ewa}}$ и т. д.) и с баритонными в Нагасакском (⌊je — je⌊ga, je⌊wa).

3) Тип с восходящей мелодией: k'o⌈: сутры, ǯu⌈: десять, o⌈ŋ милость, ha⌈i легкие, çi⌈· огонь, e⌈· картина (*we), ki⌈· дерево, ho⌈· колос, ko⌈· мукá, o⌈· хвост (*wo), ni⌈· два, ta⌈· рисовое поле, te⌈· рука, me⌈· глаз, ju⌈· кипяток. В Тоса при этом акцентуационном типе мелодия изолированной основы сохраняется (благодаря удлинению гласного в Casus indefinitus): hi⌈· огонь, e⌈· картина, таким образом, дифференцируется от hi день или hi памятник, e корм или e рукоятка. Суффиксальные падежи, однако, как и у образованных киотосцев: hi⌈ga (Киото çi⌈ŋa), hi⌈wa, e⌈ga (Киото e⌈ŋa), e⌈wa. В Токиоском одноморным основам этого типа отвечают ударенные (⌈çi, ⌈e, ⌈ki; — ⌈çiŋa, ⌈eŋa, ⌈kiŋa — Nom.

от огонь, картина, дерево). Сравни поэтому, например, *Токиоские* ⌈kiŋa Nom. «дерево» и kiŋa (факультативно ki⌈ŋa) Nom. «дух» (от ˪ki) или ⌈çiŋa Nom. «огонь» и çiŋa (факультативно çi⌈ŋa) Nom. «солнце» (от ˪çi).

4) Тип с нисходящим повышением на второй море или с восходяще-нисходящей мелодией долгого слога (я не берусь решить, присуще ли нисходящее повышение только второй море или же три последовательных периода голосового тона: низкий + высокий + низкий, приблизительно могут быть количественно равными): Киото hô: щека, aî индиго (в Тоса a⌈i — Nominativ. a⌈i˪ga; сравни с a⌈i < a⌈ju название рыбы, где Тосаская форма Nominativi звучит a⌈iga⌉).

Тип этот чрезвычайно редок и так как он образуется исключительно из стяжения в один долгий слог двусложных основ с конечным нисходящим повышением (ho: из *poṗô, aî из awî), то одноморные соответствия ему в стандартном языке, понятно, невозможны. В Тоса этот тип отсутствует, но a⌈i индиго сохраняет признак своего происхождения из aî (*awî) в склонении (a⌈i˪ga, не a⌈iga⌉), тогда как ho⌈: щека вполне отошло к предшествующему типу (ho:⌈ga или ho⌈:ga⌉, в Киото же hô:˪ŋa).

Как видно из сказанного, средства акцентуационного словоразличения в Тоса не расчитаны на представление одноморного слова, что и понятно, если вспомнить чрезвычайную редкость и морфологически-аномальный характер слов, состоящих из одного краткого слога. В числе их могут быть или Casus indefinitus от небольшого числа одноморных именных основ или же Nomen verbale от нескольких глаголов (si, ki приходить, ki одевать, mi, de, i, e). Но Nomen verbale в Тоса, в отличие от Киото (где данные однослоги удлинены), не употребляется в императивном значении, а Casus indefinitus имеет минимальные функции (как и в других говорах за исключением южных). Поэтому понятно что основы в роде hí- «день», hi- «памятник» усваиваются из суффиксальных форм ⌈hi˪ga, ⌈hi˪wa (день) и ⌈higa⌉, ⌈hiwa⌉ (памятник) и т. д. и

Casus indefinitus hi в современном мышлении вторичен по отношению к этим суффиксальным формам. В Токиоском, как я указывал в статье «Муз. ударение в гор. Токио», при аналогичном различии ударенных и неударенных одноморных основ только в склонении (⌜çi- и ⌞çi- — в ⌜çiŋa, ⌜çiwa и $\overline{\text{çiŋa}}$, $\overline{\text{çiwa}}$), есть возможность намеренной дифференциации их и в Cas. indef.: одно çi — абсорбируется из ⌜çiŋa, ⌜çiwa с характером высокого и экспираторно ударенного слога, другое — (из $\overline{\text{çiŋa}}$, $\overline{\text{çiwa}}$) в качестве низкого и слабого.[1] Но в тосаском ⌜hi⌞ga и ⌜higa⌝ первые слоги (⌜hi) одинаково характеризуются, как высокие, и потому не представляют столь благоприятных условий для дифференциации. Тем не менее она оказывается все-таки допустимой, так как в самом исходе слога hi в составе ⌜hi⌞ga «день» наблюдается некоторое понижение, немного предваряющее низкий тон следующего слога, а hi в составе ⌜higa⌝ «памятник» сохраняет высокий тон на всем протяжении гласного, я моему объекту, уроженцу Morogi в Тоса, удалось фиксировать и сохранить в изолированном произношении эти оттенки. Социальная ценность этого намеренного различения, однако, ничтожна: оба оттенка hi оцениваются слушающим, как фонетически одинаковые, и потому ассоциируются с обоими смысловыми представлениями; он начинает улавливать дифференциацию только тогда, когда сам сознательно ищет ее признаков и фиксирует таким образом деталь, бывшую до тех пор ниже его порога звукоразличения. Но в этом случае намек на понижение тона, если он только уловлен, понимается слушающим так же, как и произносящим, т.-е. ассоциируется непременно с hi — в ⌜hi⌞ga «день» (а не с ⌜hi-ga⌝ «памятник»),

---

[1] Параллели для таких потенциальных словоразличений можно указать и в русском (великорусском); напр. пруд и прут, плод и плот *могут* произноситься с разными конечными согласными (d и t) под влиянием ассоциации с d и t косвенных падежей; другой пример: дифференциация неударенных гласных в *она мила́* и *она мела*. Конечно, для осуществления этой (факультативной) дифференциации нужны особые условия: когда, напр., учитель диктует: «это — не плот, а плод», и т. п.

в чем легко бывает убедиться посредством диктовки между двумя объектами.

Что же касается основ третьего типа (hi⌈· — hi⌈ga, hi⌈wa «огонь»), то их принципиально отличная интонация (низкий по отношению к следующему слогу тон) не могла остаться незамеченной, но и не могла выразиться при изоляции основы иначе, как посредством удлинения гласного — ибо это прием, обычный для Тосаского в случаях потребности сохранить семантически-существенный акцентуационный признак. Сошлюсь для подтверждения (того, что Тосаский пользуется удлинением гласного, чтобы сохранить семантически-существенную мелодию этого гласного) на долгий гласный в Accusat. от a⌈sa (*asâ) «утро» — a⌈sa⌊: из a⌈sa⌊o, тогда как обычно стяжение a с суффиксальным o дает краткое a (например Accusat. от a⌈sa «конопля» — a⌈sa ← a⌈sa-o⌉ «коноплю»).[1] Другой пример, sa⌈ra⌊: (из sa⌈-ru⌊wa) — Cas. Subjectiv. от sa⌈ru (sarû) «обезьяна», но в ⌈mida⌉ ← ⌈midu-wa⌉ (Cas. Subj. от «вода») и в jo⌈ra ← jo⌈ru-wa⌉ (Cas. Subj. от «ночь») мы видим краткий гласный a. Третий пример: суффикс Conditionalis *-e-(p)a дает a (с мягкостью предшествующего согласного), если оба его слога принадлежали к низким по тону, и a:, если глагольная основа предполагает повышение на *-e- суффикса: ⌈jo⌊b'a < *⌈jo⌊b-e-(p)a (от ⌈jobu⌉ звать), но jo⌈m'a⌊: < jo⌈me⌊(p)a (от jo⌈mu читать). Четвертый пример: суффикс Praedicativi — *⌈de-⌊a дал -d'a (Токио -da, Киото -⌊ja) после конечного низкого, но ⌈d'a⌊: после конечного высокого элемента основы: ⌈ha⌊nad'a < *⌈pa⌊na-de-a «это — цветок», a⌈sa⌊d'a <

[1] Подобные формы Accusativi, совпадают и с Cas. indefin. и с Cas. Subject. (asa ← asa-wa). Констатировать эти правильно-фонетически развившиеся Accusativ'ы и Subjectiv'ы Тосаского диалекта было не легко, так как они наличны только в синтаксическом Sandhi (Acc. — a⌈sa ka⌈ru «жнет коноплю», Subject. — ⌈hana⌉ ⌈ta⌊kai «нос высок (т.-е. велик)»), перед паузой-же готовы проясниться в морфологически-подновленные дублеты a⌈sao⌉; ⌈hanawa⌉. Существование этих кратких форм тем не менее бесспорно — именно как Accus. и Cas. Subject., но не Casus indefinitus.

asă˪-de-a «это — утро»; но ⌈hanad'a⌉˪: < *⌈pana-de⌉˪-a «это — нос»; a⌈sad'a⌉˪: < *a⌈sa-de⌉˪-a «это — конопля».

Тот же фактор — стремление сохранить семасиологически — нужную интонацию — здесь удлинил и гласные восходящих однослогов: основ типа ki⌈· > ki⌈: «дерево» и т. п.

Переходя к словам из трех и более мор, важно отметить, что Киотоский в противоположность Тосаскому сильно упростил акцентуационное разнообразие трехморных комплексов, допустив замену их начального или конечного двусложного повышения односложным (т.-е. поставив ⌈˪˪ вместо ⌈⌈˪ и ⌈⌈⌈ вместо ˪⌈⌈). Таким образом благодаря первому из этих упрощений (⌈⌈˪ → ⌈⌈⌈) в Киотоском совпало два типа именных трехсложных основ, различающихся в Тосаском: ⌈a˪mura масло и ⌈nama⌉˪du сом — в Киотоском ⌈a˪bura, ⌈na˪mazu и исчезло различие между двумя акцентуационными типами прилагательных: ⌈si˪roi белый, ⌈a˪tui «жаркий» и ⌈aka⌉˪i «красный», ⌈atu⌉˪i «толстый» — в Киотоском ⌈ši˪roi, ⌈a˪kai, ⌈a˪cui «жаркий» и «толстый» (подробнее об этом явлении в моей статье «Акцентуация японских прилагательных с двухсложной основой» в Изв. Ак. Н. 1917 г.). Эта конвергенция (двусложного начального повышения с односложным) не повела, однако, к полному исчезновению слов типа ⌈⌈˪ в Киотоском, так как данная мелодия (⌈⌈˪) сохранялась, если была обусловлена акцентуационными признаками составных частей слова, например, в падежах с обязательно низким тоном суффикса (таковы м. пр. Illativus, Additivus, Limitativus, Attributivus, Comparativus и один из Praedicativ'ов, суффиксы которых -e|i, -mo, -made, -na, -jori, -ja не чередуются по тону в зависимости от последнего элемента основы, а бывают низкими после всяких основ) от ровных двусложных

основ, например ⌈hana⌉-i, ⌈hana⌉⌊mo, ⌈hana⌉⌊⌋ja, ⌈mame⌉⌊na (⌊⌒ «здоровый» Attributivus от ⌈mame⌉ «здоровье»).

Переход же ɾ⌠⌠ > ɾɾ⌠ (пример: Тоса o⌈sagi⌉ — Киото usa⌈ŋi заяц) является частным случаем минимализации многоморного конечного повышения (до одной моры), которая проведена была с безысключительностью и сделала многоморные периоды высокого тона на конце слова совершенно невозможными в Киотоском.

Таким образом вместе с изменением Cas. indef. *u⌈saŋi⌉ > usa⌈ŋi, высокий период был сокращен до одной моры и в суффиксальных падежах: *u⌈saŋi-ŋa⌉ > usaŋi⌈ŋa, *u⌈saŋi-wa⌉ > usaŋi⌈wa (при низком тоне суффикса *u⌈saŋi⌉⌊e > usa⌈ŋi⌊:, *u⌈saŋi⌉⌊mo > usa⌈ŋi⌊mo). Другой пример: комплексы, состоявшие из первого низкого и прочих высоких слогов, именно представлявшие сочетание префикса o⌋- (обязательно низкого по тону) с ровной высокой по тону основой (например Тосаские o⌈sake⌉, o⌈maturi⌉), получили в Киотоском повышение только на последней море: osa⌈ke, omacu⌈ri (суффиксальные падежи: osake⌈ŋa, omacuri⌈ŋa, osake⌈wa, omacuri⌈wa, но при обязательно низком по тону суффиксе — osa⌈ke⌊mo, omacu⌈ri⌊mo).

Описанное частичное устранение многоморных повышений в Киотоском (представляющее переходный этап по отношению к Токиоской системе исключительно одноморных повышений)[1] являлось конвергенцией представлений многоморных и одноморного повышений и именно в качестве таковой отразилось на физическом составе новой мелодии. Так Киотоское ⌠ɾɾ в противоположность Тосаскому (⌈a⌊mura) произносится в сущности с постепенным понижением от первого слога к третьему через промежуточную высоту второго, т.-е. в виде ⌠ɾɾ, являясь сле-

[1] В частности факультативное повышение на последней море токиоских дзэнхеов есть результат конвергенции ровной мелодии (Киото ⌈kodomo⌉) с доминирующим в Киото конечным одноморным повышением (usa⌈ŋi).

довательно компромиссом между мелодиями ʃ ʃ ʃ (Тоса ⌜a⌞mura) и ʃ ʃ ʃ (Тоса ⌜nama⌝⌞du), к смешению которых данный Киотоский рефлекс (ʃ ʃ ʃ в ⌜a⌞bura, ⌜na⌞masu) и восходит. Оговорив эту комбинаторную «полуповышенность» соседней с повышением моры в Киотоском (имеющую место, как при понижении, так и при повышении голоса на протяжении слова, следовательно и при ʃ ʃ ʃ = ʃ ʃ ʃ, например, в naŋa⌜sa < *na⌜ŋasa⌝), я не считаю нужным отмечать ее в транскрипции, символы которой я употребляю исключительно с психофонетическим значением.

Как видно из сказанного, Тосаский существенно показательнее Киотоского для восстановления обще-японской акцентуации, так как изменения в нем коснулись лишь мелодии слога, а границы между высокими и низкими слогами в общем не передвигались, что можно подтвердить рядом примеров из морфологии. Здесь следует назвать, однако, еще один (хотя и факультативный) сдвиг, допускаемый Тосаским в мелодии слога: повышение, начинающееся со второй моры долгого слога и простирающееся на следующий слог (или ряд слогов), факультативно опаздывает на одну мору, т.-е. может начинаться только со следующего слога: таким образом нет, например, принципиальной разницы между акцентуациями k'o⌜:ga⌝ и k'o:⌜ga — Nomin. от k'o⌜: «сутры (кит. цзинъ)», o⌜ŋga⌝ и oŋ⌜ga — Nomin. от oŋ «милость», (но при следующем низком по тону слоге такое опаздывание, конечно, недопустимо: k'o⌜:⌞mo «и сутры», o⌜m⌞mo «и милость»).

Все вышесказанное имеет ввиду акцентуацию изолированного из контекста слова. По крайней мере для Киотоского[1] я мог констатировать, что мелодия слова может несколько модифицироваться:

I. Влиянием Satz-sandhi; сюда относится следующее явление: конечная «единственно высокая» мора слога перед высоким нача-

[1] Тосаских явлений я здесь не затрагиваю; укажу, что в общем Тосаские мелодии константнее Киотоских — в случаях эмфаза и Satz-sandhi.

лом следующего слова (в том числе и перед словом с ровной мелодией) бывает обыкновенно низкой, хотя проясняется в высокую при малейшей паузе между этими словами. Таким образом создается особый род (факультативно) ровного по мелодии слова, отличный от обычных ровных тем, что состоит из ряда низких (а не высоких — как в нормальных «ровных» словах типа ˹hana˺ нос) слогов (факультативно — из ряда низких кроме последнего), например ˻haŝiŋa˼˹sarani˺ «палочки (для еды) на тарелке», при паузе же между обоими словами haŝi˹ŋa ˹sarani˺.

II. Влиянием эмфаза; я недостаточно уяснил себе значение этого фактора. Замечу только, что 1) конечный слог может приобретать факультативное повышение при паузе *внутри фразы*, например ˹a˻buraŋa — Nom. от ˹a˻bura «масло» может произноситься с вторым эмфатическим повышением как бы вроде ˹a˻bura˹ŋa; 2) в некоторых морфологически-сложных комплексах, произносимых без эмфаза с одним повышением (и потому считаемых за одно слово), при эмфазе развивается второе повышение на определенном для каждого отдельного случая месте. Сюда относятся, следовательно, Neo-composita, составной элемент которых факультативно проясняется (синтаксически и акцентуационно) на степень самостоятельного слова.

Физическая сторона западно-японской акцентуации (в противоположность материалам по восточно- и южно-японской) мною не фиксирована в форме цифровых (микроскопических) подсчетов инструментально-записанных кривых, так как непосредственной надобности в этом для общей характеристики данной акцентуационной системы не ощущалось.[1]

Интервал между высоким и низким периодами, поскольку я определял его по слуху, колеблется между полутоном и квинтой. Для Тосаского правильная квинта, кажется, является нормой при идеальной фонации, т.-е. при намеренно-отчетливом

[1] Хотя сырой материал инструментальных записей (кривые гол. тона через гортанную капсюлу) был мною в изобилии собран по обоим говорам — в Психологической Лаборатории Токиоского Университета.

выполнении произносительного намерения с целью выявить звуковой состав слов.

Но при этом слог, непосредственно предшествующий падению голоса на квинту, сам немного (приблизительно на полутон) понижен: так, например, Тосаское ˹nisi˺˪buŋ [— с палатальным n, и с палатализованным s, т.-е. точнее: ɲis'ibuŋ] название местности — имеет такую мелодию:

ɲi s'i | buŋ (Ниси-бун) т.-е. fa диэз (малой октавы), fa, si (большой октавы) — для мужского голоса.

Что касается до силового момента, то связь его с повышением, характерная для Токиоского, в западно-японском более чем сомнительна, и ни в каком случае не является принципиальной. Например, Киотоское ˹ha˪na я нередко воспринимал с «ударением», т.-е. с более сильной экспирацией на втором (т.-е. на низком или музыкально неударенном слоге), хотя перевес силы на этом слоге я никак не мог назвать значительным и хотя опять-таки это восприятие силовой ударенности второго слога отнюдь не было обязательным (для всех повторений слова).

Наиболее ясен силовой момент при минимуме длины высокого периода, т.-е. при Киотоском нисходящем повышении: например, asâ «утро» определенно оценивается, как ударенное на втором слоге.

Выпадение гласных наблюдается, как в низкой, так и в высокой части слова,[1] хотя надо заметить, что в Тосаском явление это наблюдается в очень и очень слабой степени. При падении

---

[1] Благоприятствующие факторы для падения гласных: их узость (u i), соседство с глухими, позиция после спиранта или аффрикаты. В Токио к ним смело нужно присоединить неударенность (в последнем слоге Токиоских «дзэнхеев» выпадение гласного также невозможно, — ибо это слог — факультативно ударенный). В Нагасакском — при наличии тех же факторов (— благоприятствующих падению гласного: его узость, соседство с глухими, постспирантная или постаффрикатная позиция), участие в этом деле акцента — тоже несомненно, но требует специального описания (см. выше).

гласного в единственно-высоком слоге, мелодия выражается посредством висходящего повышения в следующем слоге, напр., Киотоск. śtô < ⌈çi⌊to «человек».

Для иллюстрации приведу по образцу акцентуированной записи текста для говоров Киотоского и Тосаского (деревни Мороги):

* I. Перевод на Киотоский говор общеизвестного текста «Солнце».[1]

o⌈çi⌊:saŋ. o⌈çi⌊:saŋŋa ⌈iwa⌉⌊hatta {или ⌈ju:⌉⌊niwa}.
{ ate⌈no ⌈na⌊·wa / ⌊ateno⌋ ⌈na⌊·wa }[2] ⌈çi⌊·tći:masu.[3] { (w)ate⌈wa ⌈hora⌉ / ⌊(w)atewa⌋ ⌈hora⌉ }[4]
{ ⌈ki⌊rakira ⌈śitemasse⌉ / ⌈ki⌊rakiraśitemasse }.[5] ⌊atewa⌋[6] ⌈çi⌊ŋaśikara ⌈aŋarimasu⌉⌊noja ⌈hośite⌉ ⌊ateŋa⌋[7] ⌈aŋaruto⌉ jo·⌈ŋa ⌈akeru⌉⌊nodosu. ⌊ateno⌋ ⌈a⌊kai ⌈ki⌊ŋkiŋśita[8] me·⌈de madô^wo ⌈no⌊ʒoite[9] o⌈ki⌊nnaraŋ ⌈ʒi⌊kokujato ⌈śiraśitaŋemasu⌉. o:kiŋ⌈ka ne⌈bo⌊ke ⌈neteru⌉⌊nonara[10] ⌊atewa⌋ ⌈çika⌉⌊raśimaheŋ okiśite ⌈hatara⌉⌊itari ⌈ho⌊ŋ^wo

---

[1] Текст этот принято брать за образец при фонетических записях на разных языках; так в журнале «Maître Phonétique», напр., можно найти записи этого текста на многих языках (эта стандартизация текста удобна потому, что позволяет обходиться без печатания перевода).

[2], [4], [6], [7] Окситонное слово (ate⌈-no «мой, моё», ate-⌈ŋa, ate-⌈wa «я»), тесно (без паузы) примыкающее к следующему слову с начальной высокой морой, обычно утрачивает свое конечное повышение (⌊ateno⌋ и т. д.).

[3] Вместо ⌈çi⌊tći:masu может быть произнесено ⌈çi⌊· ⌈tći:masu⌉ (← -te-iimasu): для последнего слога у меня отмечено конечное звонкое u (как и ниже в словах ⌈kabuttemasu⌉, ⌈teraśimasu⌉, ⌈śimasu⌉). Вообще в Киотоском u (после спиранта), повидимому, несколько устойчивое, чем в Токио (наибольшая же устойчивость кратких u, i встречена была мною в Тосаском).

[5], [8], [21] -śitemasse⌋ вм. ⌈śitemasse⌉ (из site-(w)imasu-se) и -ś(i)ta ← ⌈si⌊ta (Praeter. от ⌈suru⌉) — грамматикализация форм от ⌈suru⌉ (с утратой собственного повышения), которая часто встретится и ниже: напр. ⌈ʒikusaśi⌉-⌊mo-śimasu вм. ....-⌊mo ⌈śimasu⌉.

** [9] В обычном темпе вместо ʒ (в noʒoite) произносится, по общему (для интервокальной позиции) правилу, спирант z : nozoite. См. ниже «Фонетический состав японского языка».

[10], [22] Дублет (свойственный эмфатическому произношению) — ⌈neteru⌉⌊no ⌈na⌊ra [просубст. прич. от Perfectiv. от ⌈neru⌉ + грамматикализованный Conditionalis от na⌈ru); подобный же эмфатический дублет — с прояснением второго ударения — в дублете te⌈ra⌊nan⌈da⌊ra (Conditional. Praeteriti Negativi).

jon⌈da⌊ri ⌈iŋokima⌉⌊wattari[11] ⌈surujo⌉⌊:ni ⌈çikatteru⌉⌊nojaŋana. ⌈ću⌊:te ⌈na⌊: ⌈e⌊rai ⌈ta⌊biʷo[12] ⌈śimasse⌉ ⌈te⌊ŋ¦ʷo zu⌈:⌊tto ⌈ta⌊bisu-runo:su.[13] ćo⌈tto⌊mo śittô ⌈śi⌊teśimaheŋ.[14] ⌈so⌊jakedo[15] ⌈me⌊ttani { ⌈kutabureruko⌉⌊tomo / śin⌈do⌊ikotomo } arâśimaheŋ. ⌈a⌊tamani⌈wa[16] ⌈ka⌊mmuriʷo ⌈kabuttemasu⌉ ⌈ki⌊rakiraśita { ⌈çi⌊karino / ⌈çikarino⌉ }[17] ⌈ka⌊mmuridosu. ⌈ho-śite⌉ ⌈kono⌉ ⌈çi⌊kariʷo { do⌈ko⌊imo / doko⌈i⌊mo }[18] ⌈kaśi⌉⌊koimo ⌈okuttagema-su⌉⌊noja. ki⌈·de⌊mo ⌈i⌊ʲedemo ⌈mizuno⌉ ⌈uʲede⌉⌊mo ⌈teraśimasu⌉. (w)ate⌈ŋa ⌈terasuto⌉ nan⌈de⌊mo minnâ ⌈pi⌊kapika ⌈ucuku⌉⌊śi(:) me:ma⌈su. { a⌈ko⌊: ⌈śitaŋeru⌉⌊śi / ⌈a⌊ko(:)⌈śitaŋeru⌉⌊śi } ⌈atata⌉ko(:)śitaŋeru. ate⌈wa nan⌈de⌊mo ⌈atatamemassa⌉⌊ke[19] ⌈na⌊:⌈kuda⌉⌊moŋja ⌈koku⌉-⌊mocuʷo[20] ⌈śikusaśi⌉⌊mośimasu.[21] (w)ate⌈ŋa { или ataśi⌈ŋa } ha⌈ta⌊keja te⌈ra⌊nandara[22] nani⌈śi⌊tocu haʲéśimaheŋ.

---

[11] Вместо iŋoku- в Киот. есть и специфический (вульгарный) дублет ŋŋoku (ср. рюк. ŋśuću-ŋ, Ток. uŋoku).

[12] ⌈ta⌊bi «путешествие», tabi «яп. чулки».

[13] Можно было бы сказать и tabi-suru-no-dosu.

[14] Реально осуществляется (благодаря паделию i) вниде śtêśimaheŋ (с нисходящим повышением на te).

[15] -ja в so-ja-kedo — суфф. Praedicativi, экв. Т. -da, Тоса -d'a⌉ / -d'a⌊: (в Нагасакском же [гов. Мие], в главных предложениях, этому суффиксу соответствует нуль, в придаточных же — :ai ← -de-aru).

[16], [20] atamani-wa, как и kokumocu-ʷo были произнесены с эмфатическим повышением на последнем слоге: ⌈a⌊tamani⌈wa, ⌈koku⌉⌊mocu⌈ʷo.

[17] Genitiv. (как и в других говорах) может факультативно (примыкая к след. слову) получать ровную мелодию.

[18] Оба суффикса (Illativi -i̥ и Additivi -mo) требуют низкого тона; поэтому «правильным» дублетом является do⌈ko⌊imo. Второй же дублет (с повышением на i) объясняется, м. б., аналогией к мелодии простых Additiv'ов (на -⌊mo) от окситонных основ.

[19] -sa⌉⌊ke, -ha⌉⌊ke — варианты ⌈sa⌊kai, — киотоского эквивалента токиоского -kara («ибо»), тосаского -kiɲi или -keɲi, нагасакск. -keŋ, -keŋka. После низкой моры, -sake (и др. фонетические варианты) факультативно утрачивает повышение на sa (resp. ha).

[21] См. [6].

[22] См. [10].

II. Образец акцентуированной записи текста по Тосаскому говору дер. Мороги: ⌈kamideŋ⌉ 神田 «Божье поле».

⌈kor'a⌉ on⌈nas'i⌉ ⌈to⌊sademo ⌈me⌊ttaɲi ⌈mi⌊eŋ. ⌈morogimu⌉⌊rato ⌈sono⌉ ⌈tonarino⌉ ⌈hiro:kamu⌉⌊rata[1] i⌈maɲi⌉ ma⌈da mu⌈kas'i⌉⌊no ⌈hu⌊:ga ⌈nokott'o⌉⌊ru.[2] ha⌈ru sa⌈ŋ⌊gatu ta⌈ja ⌈ja⌊maga ⌈daibu⌉ a⌈o⌊:nattatokiɲi ⌈to⌊k'o ⌈ha⌊katte i⌈ɲo ⌈ueɲa⌉⌊: ⌈ikaŋ⌉.[3] ⌈sonoma⌉⌊eɲi ⌈it'ibaŋsa⌉⌊kie ⌈ka⌊misamae ⌈s'in⌉⌊deruɲi[4] i⌈ɲo ⌈ueru⌉. ⌈muranou⌉⌊t'iɲa ⌈ud'igami⌉⌊to[5] ⌈ju⌊:te ta⌈tta hi⌈tto⌊tu ⌈sonomu⌉⌊rao[6] ⌈mamoru⌉ ⌈ka⌊misamaga a⌈ru. ⌈sono⌉ ⌈ka⌊misamanotameɲi a⌈rutoko⌉⌊roɲi na⌈kamano⌉ to⌈t'iga⌉[7] a⌈tte ⌈koreɲa⌉ z'i⌈kiɲi⌉ ⌈jo⌊tte go⌈koko⌉ ⌈ueru⌉. i⌈ma sa⌈ŋ⌊gatuɲa e⌈i ⌈hi⌊o ⌈e⌊ro:de[8] ⌈taueno⌉ ⌈hi⌊o ⌈kimeru⌉. ⌈sorekara⌉ ⌈kor'o⌉ ⌈ueruɲa⌉ ⌈morogimu⌉⌊rano ⌈it'ibu⌉⌊rakuno ⌈mo⌊ŋga[9] min⌈na⌊: de⌈ru. ⌈mo-

---

[1] Из ⌈hi⌊ro-oka «Широкий холм» + ⌈mu⌊ra-to-wa.

[2] Perfectiv. (из nokotte-oru).

[3] Conditional. Negativi (uen'a:) + Negativ. (ikaŋ — «не идет, — нельзя») дают Necessiv'ный оборот: «надо сажать = если не сажать, нельзя».

[4] s'inderu — экв. sonaeru «преподносит». В Тоса Praesens (как и некоторые другие формы verbi finiti) имеют полное склонение на правах имен (со значением Nomen actionis) [ср. напр. ku⌈ro ma⌈tu «ждет прихода»: kuro Accusat. из kuru-o].

[5] Уд(з)игами — местное божество, покровитель деревни. В Мороги таковым является Хатиман.

[6] Дублет (фонетически-правильный для Тоса) — ⌈sono-mu⌉⌊ra со стяжением ra-o → ra.

[7] t'i в Тоса (вм. токиоского ći) вполне соответствует русскому *ти*. Для русского не-тренированного слуха, впрочем, разница между t'i (в Тоса) и ći (в большинстве яп. говоров) останется неуловленной. Ср. ниже о «*ти*» в русской транскрипции яп. слов.

[8] Gerund. (деепричастие) от ⌈e⌊rabu «выбирает».

[9] it'i-buraku-no moŋ-ga «люди одного околодка (buraku)». Мороги делится на 7 buraku, являющихся, собственно, отдельными, друг от друга отграниченными поселками. Интересно, что и между этими buraku есть некоторые диалектические различия (гл. обр. в формах словаря), стоящие в связи с социальными различиями: так в бедных рыбачьих поселках Ниси-тобара и Хигаси-тобара, расположенных на самом берегу моря, влияния стандартного языка незаметно, и потому уцелевают те диалектические термины, которые в центральном «бураку» (Хон-мура) уже вытеснены койнэизмами.

rogimu⌉⌊rao ⌈nanabu⌉⌊rakuɲi ⌈wa⌊keru. ⌈sonde⌉ ma⌈ineη⌉ ⌈hito-bu⌉⌊rakudutu ⌈ka:ride⌉ ⌈jaru⌉.

⌈konoto⌉⌊ki ⌈s'iηkaηga⌉ ⌈ino⌉⌊r'os'ite ⌈ka⌊misamae o⌈mi⌊k'o[1] ⌈s'in⌉⌊deru. ⌈se:kara⌉[2] ⌈muranoi⌉⌊ekara ⌈a⌊tumeta[3] ⌈ko⌊mede {⌈me⌊s'o ⌈ta⌊ite / ⌈me⌊s'otaite} ⌈kor'ɔ⌉ ⌈ɲigi⌉⌊tte da⌋η⌈goto⌉ ⌈mot'ito:⌉ ⌈ko-s'ira⌉⌊ete[4] ⌈kore⌉⌊mo ⌈ka⌊misamae ⌈s'in⌉⌊deru. ⌈korega⌉ su⌈muto⌉ ⌈kos'iraet'a⌉⌊:tta ⌈got'iso:⌉ ⌈kute⌉[5] ⌈sak'o⌉ no⌈:de⌉[6] {⌈i⌊wau / ⌈ju⌊wau}. so⌈ko⌊e ⌈ki⌊ta ⌈kodomora:ɲa:⌉ ⌈mot'ito:⌉ da⌋η⌈go:⌉ ⌈ho:t't'aru⌉.[6] ⌈hi⌊runo ⌈me⌊s'iga su⌈n⌊dar'a[7] ⌈sorekara⌉ mi⌋n⌈na⌊:ga ⌈deka⌉⌊keru. ⌈konoto⌉⌊kiɲa ⌈wa⌊kais'imo ⌈musu⌉⌊memo ⌈ki⌊re:na ⌈kimono(:)⌉ ⌈ki⌊:te[8] ⌈aka⌉⌊i ⌈tenogojo⌉ ⌈ka⌊butte[9] ⌈oto⌉⌊ka ⌈kos'i⌉⌊e[10] ⌈h'o:-ta⌉⌊ηo[11] bu⌈rakura⌉⌊ite[12] ⌈ona⌉⌊ga ⌈ta⌊suk'o ka⌈kete⌉[13] te⌈:wa⌉[14]

---

[1] Accus. от o-⌈mi⌊ki — водка, употребляемая в качестве жертвоприношения.

[2] Стяжение из sore-kara.

[3] Praeteritum от ⌈atu⌉⌊meru «собирает». По общему правилу, глаголы, имеющие (в Praes.) высокое **начало** слова, в форме Praeteriti сужают этот высокий период до меньшего числа слогов (здесь до одного ⌈a⌊), но обязательно на самом начале слова. Под эту формулировку подойдут и Praeterita (и Gerundia) от «ровных» (в Praes.) глаголов — напр. ⌈a⌊keta от ⌈akeru⌉ и т. п.

[4] По той же формуле (³) объясняются ⌈kos'ira⌉⌊ete — Praetor. от ⌈kos'iraeru⌉ «изготовляют, готовит». Как мы видим, акцентуация спряжения в Тоса представляет значительно больше разных подтипов, чем в Киото, где все виды акцентуации Praesentis сведены к двум («ровным» и «окситонным»).

[5] От ku⌈: «ест». В диалектах ku-u вовсе не имеет уничижительного оттенка («жрать»), как в Токио.

[6] От no⌈mu «пьет».

[7] Modus Dativus — из ho:tto-jaru, — от ⌈ho:ru⌉ «бросает».

[8] От ⌈kiru⌉ «одевает». [9] От ⌈ka⌊buru «надевает на голову».

[10] В отличие от токиоского, киотоского и прочих, тосаский сохраняет различение i и e после гласного: поэтому суффикс Illativi звучит здесь, как и в других случаях, — -⌊e (в Киото было бы koši:).

[11] Низкий финальный тон в h'o:taηo (Accus от ⌈h'o:ta⌉⌊η) ассоциируется с представлением самой данной основы (где на η = N приходится понижение), тогда как в предшествующем слово (⌈kos'i⌉⌊e) понижение тона **морфологизовано**, — ассоциируясь с представлением **падежного** суффикса -⌊e.

[12] От bu⌈rakurasu⌉. [13] От ⌈ka⌊keru.

[14] Это один из весьма редких случаев, когда на суффикс Illativi **поневоле** (вопреки его принципиальной характеристике) приходится высокий (а не низ-

⸢ho⸤soi te⸢ok'o⸣[1] ⸢sa⸤gete[2] ⸢sore⸣⸤:wa ⸢kamidano⸣ ne⸢batut'o⸣[3] ⸢ippai⸣ ⸢iret'a⸣⸤:ru. ⸢sorekara⸣ ze⸢jo[4] ⸢so⸤roete[5] ho⸢kanobu⸣⸤ra-kue ⸢os'ikaketeiku⸣.[6] ⸢mit'ide⸣ ⸢oto⸣⸤ko: ⸢mi⸤tuketar'a[7] ⸢oto⸣⸤koga to⸢koma⸣⸤ete[8] ⸢sak'o⸣ ⸢noma⸣⸤seru. su⸢n⸤dar'a ⸢ona⸣⸤goga ⸢ta⸤-gono[9] ⸢tu⸤t'o ⸢kao⸣⸤jara ⸢a⸤s'ijara ⸢gota⸣⸤id'u:[10] i⸢ppai⸣ ⸢nuru⸣. ⸢sonnaɲis'ite⸣ a⸢sa⸤kara ⸢bam⸣⸤made[11] ho⸢:⸤boɲioru ɲi⸥ŋ⸢g'o ⸢owa⸣⸤eru.[12] ⸢konnaɲi⸣ ⸢mikka⸣ { ⸢tudu⸣⸤kete ⸢jaru⸣ / ⸢tudu⸣⸤ketejaru }. ⸢korega⸣ ha⸢ru⸤no[13] ⸢kamideŋ⸣ ⸢maturid'a⸣⸤:. ⸢koŋko⸣ (или o⸢s'imaikoŋko⸣).[14]

Перевод. Божье поле. — Это даже в Тоса редко встречается; но в Мороги и в соседней с ней деревне Хироока еще до

кий) тон: Illativ. от te⸢: «рука» 1) должен иметь низкую первую мору te-⸥ и повышение на второй (т. е. на суффиксе), что требуется самим представлением данной основы, 2) наоборот, в силу общей характеристики Illativ'а, тон суффикса должен быть низким. Это противоречие разрешается в пользу лексической ассоциации, в жертву которой приносится морфологическая: Illativ. от te⸢: звучит te⸢:. Поэтому и второй суффикс -wa (ибо здесь сложный падеж: Illativ. — Subjectiv.) получает, по общему правилу «гармонии тонов», высокий тон: te⸢:wa⸣.

[1] Accus. от te-⸢oke⸣ «ведерко» (te- / te⸢: + o⸢ke⸤).

[2] От ⸢sageru⸣. Здесь: «взяв (в руку)».

[3] ⸢kamida-no⸣ ne⸢batu'ti⸣ «глина с божьего поля»; kami-da — синоним kamideŋ.

[4] Accus. от zo⸢i (не ze:, так как в Тоса дифтонг oi различается от e: долгого) «множество, толпу».

[5] От ⸢soro⸣⸤eru.

[6] Из ⸢os'ikaketo⸣ (от ⸢os'i-ka⸣⸤keru) + ⸢iku⸣.

[7] Cond. Praet. от ⸢mi-tu⸣⸤keru «замечает» — из mi⸢ru и ⸢tu⸤keru.

[8] От to⸢komaeru⸣ «схватывает» (|| cukamairu).

[9] ⸢ta⸤go «ведерко», синоним teoke.

[10] «Все пять частей тела» (голова, руки, ноги).

[11] В ⸢bam⸣-⸤made («до вечера») понижение на 2 последних слогах обусловлено принципиально-низким тоном суффикса ⸤made, а в предшествующем слове a⸢sa⸤-kara («с утра») — наоборот особенностью основы: a⸢sa⸤- из *asâ.

[12] niŋg'o — Accus. от ni⸥ŋ⸢ge (|| niŋ-ŋeŋ) «человек» (китаизм, первоначально со специфическим буддийским значением). *Вместо* owaeru *в Токио было бы* okkakeru «преследуют».

[13] Суффикс с низким тоном, ибо ha⸢ru⸤- («весна») — из *parû (Киот. harû || Ток ⸢haru).

[14] koŋko (или o-s'imai-koŋko) употребляется (особенно детьми) как формула окончания рассказа или сказки (— своего рода «аминь»).

сих пор остался (этот) древний обычай. Весной в марте, когда поля и леса («горы» — ˹ja˪ma ‖ Ток. ja˹ma) совсем позеленеют, нужно назначить время и сажать рис (i˹ne). Перед этим прежде всего сажают рис для приношения божеству. В деревне имеется только одно божество, охраняющее (именно) эту деревню под названием Удигами (Удзигами). [Примечание. В Мороги — это Хатиман]. В известном месте есть общественная земля (nakama-no tot′i) предназначенная для этого божества, и на ней сообразно (˹jo˪tte от ˹joru˺) сезону (z′i˹ki) сажают разные хлеба (go˹koku˺ — 5 основных злаков). Теперь же, в марте, назначают (решают) день посева риса, выбрав (для этого) хороший день, и вот на этот посев выходят все люди с одного из околодков деревни Мороги. Дер. Мороги делится на 7 околодков («бураку»), и вот каждый год работает один из околодков по очереди (ka:ride).

В это время жрец (синтоистский — ˹s′iŋkaŋ˺) совершает молебствие (˹ino˺˪ri) и божеству преподносится вино. Затем варят кашу (— ˹me˪s′i; «кушаньем» здесь является именно каша из разварного риса) из риса, собранного по домам деревни, и приготовляют «данго» и «моти», — это тоже преподносится божеству. * По окончании этого празднуют за едой ранее приготовленных угощений и питьем вина (сакэ). Подошедшим сюда детям бросают «моти» и «данго». По окончании обеда все выходят наружу. В это время молодые люди (˹wa˪kai-s′i или -s′u) и девушки одевают красивые платья, на голову надевают красные платки, и мужчины привешивают себе к пояснице «хётан» (˹h′o:ta˺˪ŋ, т.-е. выдолбленную тыкву), а женщины, подвязав рукава [˹ta˪suke — шнурки для подвязывания рукавов на спине], берут в руки узенькое ведерко и накладывают в него до́-полна глины с «божьего поля». Затем, толпой отправляются в другие околодки. Если по дороге они увидят (заметят) мужчину, то мужчины схватывают его и поят вином. Затем женщины мажут ему глиной из ведерка и лицо, и ноги и все тело. Таким манером они преследуют людей повсюду с утра до вечера. Так продолжается 3 дня. Это — весенний праздник «божьего поля». Конец (koŋko).

§ 34. Сверху гортань может закрываться грушеобразным хрящиком, укрепленным тонким концом во внутреннем углу кадыка над голосовыми связками. Он называется надгортанником (epiglottis). При глотании надгортанник, следуя за движением языка, опускается и закрывает вход в гортань, так что пища скользит по его поверхности в пищевод.

При арабских ح ع [H Q], и эмфатических [t s z^1 ð] надгортанник, приближающийся к голосовой щели, участвует в звукопроизводстве — см. ниже «Характеристику консонантизма
* арабского языка».

Сравни Panconcelli-Calzia «Die experimentelle Phonetik in
** ihrer Anwendung auf die Sprachwissenschaft», стр. 47: «Bei dem gepressten Einsatz bewegt sich der Kehldeckel auf den Eingang des Kehlkopfes zu, ohne ihn völlig zu erreichen. Die Stimmlippen geben einen tief klingenden Ton. Der ganze Kehlkopf hebt sich. Der mit diesem Einsatz gebildete Laut klingt gequetscht und gepresst. Der gepresste Absatz findet statt, indem die Stimme zu Ende geht. Die Araber bezeichnen diesen Einsatz bzw. Absatz mit ع».

Там же стр. 51 относительно «эмфатического» t: «Schon das unbewaffnete Ohr hört bei der Explosion des t (= [t] в нашей транскрипции) einen eigentümlichen kurzen Schlag, der nur vom Herunterklappen des Kehldeckels herrühren kann».

Итак при арабских ح ع [H Q], как и при «эмфатических» согласных (ط ص и т. д.) имеет место приближение надгортанника к голосовой щели (хотя и не вплотную), а значит и трение воздушной струи о надгортанник. Поэтому звуки ح ع [H Q] можно называть «эпиглоттальными», а «эмфатические» ط и т. д. — «эпиглоттализованными».

§ 35. Пространство над гортанью называется зевом (pharynx). Из зева есть проход в полость носа и (ниже) в полость рта. Границей между полостью рта и проходом в носовую полость является подвижное мягкое небо или небная

занавеска (velum palati), главная функция которой состоит в открытии и закрытии прохода из зева в полость носа. При опущении небной занавески проход этот открывается, при ее поднятии (при котором край небной занавески прижимается к задней стенке зева) закрывается. Различие в положении небной занавески является очень важным для качества производимых звуков. При ее опущении, воздух, выходящий из гортани, может выходить через полость носа, и это прохождение всего (если нет выхода через рот) или не всего выдыхаемого воздуха через нос служит причиной отличия так называемых носовых звуков от неносовых. Носовыми могут быть как гласные, так и согласные. При первых воздух выходит, как через рот, так и через нос. Всякий неносовой гласный можно (хотя и не с одинаковым удобством) сделать носовым, оставив все прочие условия, кроме положения небной занавески, одинаковыми.

И те люди, которые «говорят в нос», т.-е. не подымая, как следует, небной занавески, обладают, конечно, и носовыми гласными. Носовой характер звука, т.-е. различаемое на слух отличие от соответствующего неносового гласного, может быть больше или меньше в зависимости от степени опущения небной занавески (в связи с чем изменяется, конечно, и количество выходящего через нос воздуха). При французских носовых гласных, — их четыре: [ɛ̃], [ã], [ɔ̃], [œ̃] — опущение небной занавески значительное. В связи с этим интересно отметить, что все эти 4 гласных являются гласными широкими по расстоянию языка от неба. Узких же носовых гласных [i], [u] и даже [e], [o] во французском (кроме диалектов) нет. Объясняется это тем, что удобнее соединять опущение небной занавески с большим раскрытием рта (что сопровождает более широкие гласные), иначе можно бояться (при сильном опущении мягкого неба), что проход между мягким небом и языком будет слишком узок. И мы видим, что французский язык постепенно избавился от узких носовых гласных, заменив их широкими: [in] > [ɛ̃], например в vin < лат. vinum, prince < лат. principem, fin < лат. finem (о том, что

раньше был узкий гласный [i] свидетельствует традиционная орфография: *i + n*). Точно также [e], за которым следовал принадлежащий к тому же слогу носовой согласный, изменилось в более открытый звук [ɑ] с носовым характером, например, в следующих словах: vent < лат. ventum, sentir < лат. sentire, tempête < лат. tempestas.

Носовые гласные, присущие французскому языку, отсутствуют в немецком и английском. Потому англичане и немцы заменяют во французских словах носовые гласные через сочетания: неносовая гласная + [ŋ], произнося, например, dans [dã] как [daŋ]. Такого произношения во французском следует избегать. Носовые гласные отсутствуют и в русском языке в качестве самостоятельных фонетических элементов (фонем), но в некоторых случаях они могут быть произносимы, как заместители имеющихся в намерении простых гласных. Таковы, например, гласные слов мама [mama], няня [n'an'a]. В них первое [a] произносится с опущенной небной занавеской потому, что такое положение неба требуется как для предшествующего, так и для последующего согласного звука; и следовательно носовой характер этого звука — результат ассимиляции к соседним носовым согласным.

Кроме французского носовые гласные имеются в польском, португальском, некоторых китайских диалектах, чеченском и некоторых других языках.

§ 36. Крайне важную и почти во всех языках используемую роль играет небная занавеска при производстве согласных звуков. На первом месте стоят носовые смычные согласные, т.-е. те, при которых при открытой для выдыхаемого воздуха носовой полости (— потому они носовые) прекращен выход воздуха через рот путем смыкания ртового прохода (— потому они и смычные). Таким образом, существенным моментом для смычных носовых является прохождение воздуха через нос при отсутствии его выхода через рот. Однако, при этом крайне важно, до какой границы все-таки полость рта наполняется выдыхаемым воздухом, т.-е. какая часть ртовой полости участвует в образовании

звука, составляя, вместе с открытой носовой полостью, так называемую звукопроизводную камеру.

§ 37. Если смычка имеется только на крайнем конце ртовой полости, т.-е. на выходном ее отверстии — губах, то звукопроизводная камера при смычном носовом состоит из всей полости рта и полости носа. Так обстоит дело при образовании звука [m]. Обе губы вплотную прижаты одна к другой (т.-е. образована губно-губная смычка), так что прохода между ними нет, и, следовательно, воздух не выходит изо рта: выход его из легких совершается через полость носа; в этом можно убедиться, если при длительном произношении [m] поднести к ноздрям руку или пушинку. При этом выходящий из носа воздух соприкасается с тем воздухом, который наполняет полость рта, и это обстоятельство — наличие единой наполненной воздухом камеры (которая только очень сложна по форме, состоя как бы из двух сообщающихся коридоров — ртовой и носовой полостей) — создает характерный для [m] акустический результат. Нужно только помнить, что сам по себе тот звук, который при выдыхании воздуха создается внутри этой ртово-носовой звукопроизводной камеры, очень слаб и усиливается до хорошей звучности только при присоединении голосового тона (см. выше — § 26, о глухих носовых). Таким образом звук [m] мы можем охарактеризовать с точки зрения звукопроизводных работ как согласный смычный губной носовой (можно еще прибавить звонкий, но это обыкновенно при носовых уже подразумевают). Как уже говорилось, слово смычный означает наличие смычки, препятствующей выходу воздуха только из полости рта, и не нужно из соединения слов смычный и носовой думать о наличии какой-либо смычки внутри носовой полости или около входа в носовую полость (такое ограничение термина смычный в применении только к закрытию ртовой полости спереди, конечно, условно). Слово же губной применяется к звуку [m] потому, что работают губы: они образуют ту смычку, которая является крайней границей наполненного воздухом ртового коридора.

звукопроизводной камеры; это сближает [m] с другими губными (точнее губно-губными) [p], [b].

§ 38. Но если ртовый коридор звукопроизводной камеры короче, т.-е. если смычка, составляющая преграду для выхода воздуха, помещена более вглубь рта, то это отражается и на акустическом характере звука, который тогда не будет [m]. Если эта смычка устроена передней частью языка, прижатой к переднему концу твердого неба (т.-е. около верхних зубов), то получается звук [n]. Звук этот называется смычным переднеязычным носовым (что он звонкий—обыкновенно подразумевается). Переднеязычным он назван по участвующему в его образовании активному органу — языку и в частности передней части (кончику) языка. Этот признак сближает его, следовательно, с переднеязычными неносовыми смычными [t], [d]. По пассивному же органу, участвующему в смычке, звук [n] (как и звуки [t], [d], у которых смычка одинаковая с [n]) можно было бы назвать переднenебным (так как пассивным органом, участвующим в смычке, т.-е. органом, который служит одной из смыкающихся поверхностей, но сам для достижения этого смыкания активного движения не совершает, служит передняя часть неба около верхних передних зубов) или же зубным и зазубным (в эти понятия — зубной и зазубной — может быть внесено различие; к [n] применимо то, что говорится ниже — в § 48, о месте смычки при [t]).

Звукопроизводная камера при звуке [n], следовательно, состоит, как и при [m], из двух сообщающихся между собой коридоров — полостей носа и рта, но при [n] один из этих коридоров — ртовый — короче, чем при [m], так как границей его служат не губы, как при [m], а кончик языка и передняя часть твердого неба.

Являясь звуками смычными, [n] и [m] вовсе не обязательно должны быть взрывными, т.-е. сопровождаться взрывом образуемой при них смычки (что является уничтожением преграды, препятствовавшей выходу воздуха через рот). Разумеется,

если за [m] и [n] следует гласный звук, разжатие (взрыв) смычки неизбежно, так как гласный должен произноситься с открытой для прохода воздуха полостью рта. Таково, например [m] в слове мать [mat'], [n] в слове наш [naš]. Но можно делать, можно и не делать разжатие смычки на конце слов сам [sam], сон [son]. Точно также можно, не делая взрыва, произносить очень долгое [m] (мммм...) или [n], протягивая их хотя-бы полминуты, и затем прекращать звук, так и не раскрыв рта. Воздух выходит только через нос и этого (при наличии голосового тона) вполне достаточно для акустического результата. Но тянуть без взрыва долгие неносовые смычные глухие [p], [t] с тем, чтобы от этого получился акустический результат, нельзя: если мы и будем устраивать, напр., в звукосочетании [ap:a][1] с долгим [p], чрезвычайно продолжительную смычку, то во время ее мы имеем просто акустическую паузу, и слуховое впечатление получается только при взрыве смычки.

Так как при [m] смычка такая же, как при звуках [p] и [b], а при [n] такая же, как при звуках [t] и [d], то это можно символически выразить в виде пропорций:

[m] : [p] = [n] : [t] . . . (1)
[m] : [b] = [n] : [d] . . . (2).

В пропорции (1) первый член каждого отношения отличается от второго наличием: 1) звонкости, 2) прохода воздуха через полость носа. А в пропорции (2) — только наличием прохода воздуха через полость носа.

§ 39. Кроме [m] и [n], возможны и другие носовые смычные согласные, отличающиеся от [m] и [n] по форме полости рта. Сюда относятся звуки [m'] и [n'], т. е. «мягкие» м, н слов мять [m'at'], няня [n'an'a]. В них, несмотря на одинаковость места смычки с соответствующими «твердыми» [m], [n], форма полости рта отлична от формы полости рта при этих последних, так как средняя часть языка при «мягких» является

[1] По-русски нужно было бы написать аппа.

приподнятой к небу (среднеязычное сближение, о котором см. ниже).

К этим звукам применимы, например, формулы:

[m′] : [m] = [n′] : [n] = [p′] : [p] = [t′] : [t] и т. д.
[m′] : [b] = [n′] : [d]; [m′] : [p] = [n′] : [t].

Кроме того, возможны другие носовые смычные, отличающиеся от [m] и [n] по месту образования смычки. Сюда относится, например, звук [ŋ], образующийся путем прижатия задней части языка к задней части неба (т.-е. такой смычки, которая имеется при звуках [k], [g]). При этом звуке, следовательно, ртовый коридор звукопроизводной камеры короче, чем при прочих носовых — [m] и [n]. Но нужно иметь в виду, что смычка может быть производима разными пунктами задней части языка и против разных пунктов задней части неба, в зависимости от чего изменяется и звук. Если смычка образована около самого края заднего неба, то получается так называемое глубокое (или глубокозаднеязычное) [ŋ], при котором ртовый коридор в звукопроизводной камере совершенно отсутствует, — воздух из зева поступает в полость носа, не сообщаясь при этом с воздухом в полости рта.

Если же смычка устроена более впереди, например, на границе твердого неба с мягким, то получается менее глубокое [ŋ], при котором участвует в составе звукопроизводной камеры и некоторая часть ртового коридора.[1]

Звук [ŋ] имеется в немецком и английском языках (но не в начале слова). В немецком письме он обозначается через ng (например lange [laŋə], lang [laŋ], singen [ziŋn]) или через n перед k (например в Bank [baŋk], denken [deŋkn]).

[1] В турецких (сингармонистических) языках встречаются обыкновенно два варианта [ŋ]: более глубокий (т.-е. более задний) в словах заднего состава (с гласными [a], [o], [u] [ɯ]) и менее глубокий (более передний) в словах переднего состава с гласными [e], [æ], [ø], [y], [i]. В случае надобности первый из них (более глубокий) можно обозначать знаком [ŋ̣] — в отличие от более переднего [ŋ]. Но пока потребности в таком уточнении транскрипции не встречается, я употребляю один и тот же знак ŋ в типовом его значении.

Впрочем в некоторых говорах имеются произношения ng внутри слова как [ŋg] (следовательно lange — [laŋgə]) и конечного ng как [ŋk] (следовательно lang — [laŋk]).

В английском [ŋ] обозначается обыкновенно или через ng или через n. В конце слова всегда пишется ng (например, long [lɔŋ], морфема ing [iŋ] в coming, doing etc.), внутри слов тоже иногда ng, например в singer [siŋəʳ], а буква n употребляется для передачи звука [ŋ] перед буквами k и g (в этом случае g читается как отдельный звук [g] — после [ŋ]), например think [θiŋk] finger [fiŋgəʳ].

Среди восточных языков [ŋ] в независимой позиции (т.-е. не только в положении перед заднеязычными [k], [g], а в качестве самостоятельного звукопредставления перед разными другими звуками и в конце слова) встречается довольно часто: напр., в санскрите, большинстве турецких языков кроме османского (напр. в узбекском تاڭ tɔŋ «заря»; по новой орфографии ŋ пишется ڹ ڭ), корейском, китайском, японском, малайском, полинезийских и меланезийских, а также в ряде финских и других языков.

В современном Пекинском случаи [ŋ] ограничиваются, правда, конечным в слоге ŋ («нъ» в старой русской транскрипции), который является не согласным, а конечным неслоговым элементом дифтонга (напр. aŋ, iŋ и т. д.) — см. ниже «Фонетическую характеристику китайского языка». Но в обще-китайском языке имелся и *вполне согласный* *ŋ в начале слога: напр. в *ŋu «5» (чему соответствует тибетское *lŋa), откуда Пек. [u] (или [ʷu]) — с исчезновением *ŋ, а в Кантонском — [ŋ] (с исчезновением гласного *u); японское же (Го-он'ное) соответствие дает go, т.-е. переход кит. *ŋ → яп. g, — благодаря невозможности в японском звука [ŋ] в начале слова. *

Но падение начального *ŋ (в *ŋu → u и т. д.), т.-е. смешение (конвергенция) начального *ŋ с представлением гласного начала слова (*ŋa × a → a, *ŋi × i → i и т. д.), обусловило возможность *факультативного* появления [ŋ] (или [ᵑ], т.-е. слабого ŋ) перед

начальным гласным (за исключением узких гласных) уже в любом слове — как в таком, где раньше был *ŋ, так и в таком, которое начиналось в древности прямо с гласного: напр. 愛 ai̯ [— яп. чтение ai, что указывает на отсутствие *ŋ в обще-китайской праформе] может произноситься и в виде ai̯ и в виде ŋai̯ = [^{ŋ}ai̯]. Частота появления такого (психо-фонетически не учитываемого) [ŋ] колеблется — в мандаринском наречии — по отдельным говорам: насколько я заметил, наиболее характерны в этом отношении Мукденские говоры.[1] В японском Токиоском (и Киотоском) имеются два [ŋ], принадлежащие к принципиально совершенно различным звуко-представлениям (фонемам): одно из них — согласный [ŋ] в начале слога (только не в начале слова), соответствующий звуку g в южных говорах и g = [^{ŋ}g] (— с очень слабым и неосознанным элементом ^{ŋ}) в Тосаском: напр. Токио и Киото aŋo 腭, Нагасаки ago, Тоса ago = [a^{ŋ}go]; другое —
* это неслогой конечный элемент дифтонгов (aN oN iN eN uN) в независимой позиции (— на конце слога) или же перед заднеязычным: напр. ⌈oŋ 恩 o̅ŋ̅ 音, ⌈oŋ-ŋa o̅ŋ̅-̅ŋ̅a̅, ⌈oŋ-kara и т. д.
** [см. ниже «Фонетическую характеристику японского языка»].

В других же говорах встречается и N̥ = [ŋ] слоговое (в зависимой позиции: перед заднеязычным согласным), напр. Киотоск. ŋ̥ŋok-u — вульгарн. дублет к iŋok-u (Ток. uŋoku).

Происхождение второго из этих звуков, — ŋ = N на конце слога, ясно: это ŋ (в современном произношении) заменило собой *n которое принесено было на японскую почву китайскими заимствованиями с конечным n (на месте общекитайских *n и *m), а затем стало появляться (из редукции слога *nu) и в японских слогах, напр. в Negativ. *sen → seŋ (= se-N) из классич. *se-nu.[2]

---

[1] Среди которых возможна и дальнейшая эволюция: уподобление этого [^{ŋ}] звукопредставлению n, и следовательно переход ai̯ → ^{ŋ}ai̯ (благодаря конвергенции *ŋa X a) → nai̯ (благодаря конвергенции ^{ŋ} X n), напр. náiśi «любит» (вместо áiśi).

*** [2] Сравни *mu → M (откуда далее u, а в рюкюском нуль) в Subjonctiv. *siramu → siraM { → яп. sirau → śiro: → рюк. śira.

Происхождение же чисто-согласного (антевокального) ŋ (в ガ ギ グ ゲ ゴ внутри слова), отсутствующего в южной группе (и в Тоса), допустимо объяснять конвергенцией до-японского *ŋ и обще-японского *g = *^{ŋ}g (получившегося из «нос. + *k» в таких случаях как asam-kapo → asa-^{ŋ}gapo → Ток. asaŋa^{w}o): в части говоров рефлекс этой конвергенции унаследовал качество от *ŋ (в восточных, сев.-восточных и бо́льшей части западных), а в другой части — от *g (откуда южное g [в ago и т. п.]).

Примечание 1. Отсутствие чисто согласного ŋ в южных и в Тоса дает возможность появления и антевокального варианта ŋ = N (это ŋ отличается слабостью заднеязычной смычки от Токиоского ŋ в aŋo), напр. в Тоса o|ŋo[1] — Accusat. от oŋ (音 или 恩), Нагасакск. jama¦ŋuje^{r}no ← jama-no-ue-no 山 ノ 上 ノ [-*no- в Compositis дает -N-, которое перед гласным произносится ввиде ŋ (как здесь: в jama-ŋ-uje-^{r}no)].

Примечание 2. Отсутствие согласного ŋ и соответствующего «мягкого» ŋ' (в ギョ, ギャ, ギュ) в Тосаском говоре открывает дорогу для эволюции n' → ɲ (см. ниже). В Токио же этого не бывает, так как ɲ могло бы совпасть с ŋ' (т. е. утратилось бы различение ニョ и ギョ, ニャ и ギャ и т. д.).

В громадном большинстве языков, где есть фонема [ŋ], она все-таки не встречается в начале слов (что и понятно с обще-фонетической точки зрения: малейшее несоответствие во времени между взрывом смычки [при нач. ŋ] и началом голосового тона уже делает ŋ неслышимым). Исключение представляют, напр. малайские (а также полинезийские и меланезийские) языки и «тибето-китайское» семейство.[2] Но и там, и там фонетическая эволюция частично приводит к устранению этого звука в начальной позиции. Так Манильский говор тагальского языка имеет уже начальное [o] — вместо [ŋo] в говоре Batanga.

Исчезновение нач. *ŋ в китайском уже указывалось выше [u ← ŋu (тиб. (l)ŋa) «5»]. И то же самое мы встречаем и в ти-

---

[1] Черта ¦ обозначает слоговую границу.

[2] Африканских языков я здесь касаться не буду.

бетском: письменное *ŋag-dbaŋ ныне произносится уже ввиде agwaŋ («сильный голос», отсюда и монгольское имя Агван).

Кроме перечисленных возможен еще носовой среднеязычный [ɲ], т. е. такой, при котором смычка образована средней частью языка (т.-е. местом, находящимся между пунктом, устраивающим смычку при [n], и пунктом, устраивающим смычку при [ŋ]), против средней части неба. Таков французский звук, передаваемый в орфографии через gn, напр. в agneau, oignon. (См. о нем ниже в очерке французской звуковой системы). Акустически он похож на русское [n'], но есть и некоторое отличие от этого звука. Из восточных языков [ɲ] имеется в китайском (напр. в «ню» [ɲiu] 牛 «корова»), в Тосаском говоре японского языка (вместо Токиоского n'), в якутском и некоторых других.

К этому же типу относятся и венгерское «ny» и сербское њ. Весьма вероятно, что тот носовой, который дал начальный j в турецких языках — в таких случаях как ja:z || кор. n'ʌram (см. выше), также звучал (в эпоху, предшествующую переходу в [j]) в виде *ɲ.

Кроме «носовых» согласных в некоторых языках (хотя и весьма редко) встречается категория «звонких полуносовых»: mb nd ŋg (или ᵐb ⁿd ᵑg); при них, следовательно, поднятие нёбной запавески происходит внутри согласного (внутри периода смычки). Сюда относятся «звонкие полуносовые» северо-восточных японских говоров (см. выше; «полуносовыми» были и обще-японские звонкие *b = mb *d = nd и т. д.) и современного тибетского языка (བབ, བད, བག| и т. д.). Кроме того факультативную чередуемость между носовым и неносовым звонким (m | b, n | d...) можно указать для корейского языка и Амойского диалекта китайского языка (то же нужно предполагать в китайском источнике Кан-он'а, так как обще-китайское m ⟶ Кан-он b, n ⟶ d и т. д.).

Наконец в южно-американском ботокудском языке суще-

ствуют недифференцированные «звонкие или носовые» смычные фонемы m|b n|d... (один и тот же комплекс один раз может быть воспринят наблюдателем как ama, другой раз — как aba, и т. д.).

Конечные «глухие носовые» («mh, nh, ngh» в транскрипции) сантальского и других языков в юго-восточном углу Азии представляют собою лишь ту особенность, что голосовой тон прекращается раньше, чем прекращается выход воздуха через нос; раскрытия же ртовой смычки не происходит и эти звуки принадлежат, следовательно, к категории «имплозивных».[1]

§ 40. На средине краевой дуги мягкого нёба имеется мясистый отросток, который легко можно видеть в зеркале и который носит название язычка или маленького язычка (лат. uvula, франц. luette, нем. Zäpfchen). Звуки же, образуемые им, называются язычковыми или увулярными.

Этот орган слишком мал, чтобы сам по себе он мог устраивать касанием своим о язык полный затвор ртового прохода (т.-е. препятствие для выхода воздуха через рот). Потому смычные увулярные звуки войдут, собственно говоря, в категорию заднеязычных велярных (от velum palati «мягкое нёбо»), при которых местом касания языка оказывается свод мягкого нёба, а в его составе, следовательно и язычек (uvula).[2]

Самостоятельная роль язычка таким образом исчерпывается устройством неполной преграды внутри струи выдыхаемого воздуха. Обычнее всего встречается это в соединении с дрожанием язычка, т.-е., когда струя воздуха выводит язычек из состояния покоя и продвигает на некоторое расстояние вперед, после чего он опять возвращается в прежнее положение, чтобы снова быть из него выведенным. Так образуется язычковое или увуляр-

---

[1] Т.-е. имеющих лишь имплозию (смычку) — без эксплозии (взрыва).

[2] В элементарном курсе фонетики я считаю позволительным не останавливаться на принципиальном различии «заднеязычных» (типа [k]) и «велярных, или увулярных» (типа [q]) в зависимости от того, какой орган оказывается — в том и другом случае — активным (— задняя часть спинки или же velum).

ное r, которое может быть и звонким [R] и глухим [Я]. Оно имеется в индивидуальных произношениях различных языков, напр. русского (где такое [R] — одна из разновидностей «картавых» р; глухое же [Я] произносится такими картавящими людьми на конце слов министр, смотр), немецкого, английского (так называемое Northumbrianburr). Оно встречается иногда и во Франции, где, однако, преобладают другие сорта r: или 1) переднеязычное дрожащее [r], очень распространенное в провинции, или 2) «парижское» r grasseyé—т.-е. увулярное недрожащее [ʁ], которое отличается от [R] отсутствием дрожания язычка. Характерным для [ʁ] оказывается трение воздушной струи о помещенный поперек ее язычок; струя эта, однако, не приводит язычок в дрожание, и потому акустический результат исчерпывается соединением указанного шума от трения с голосовым тоном. Слабость воздушной струи при парижском [ʁ], зависящая, конечно, от малого количества выдыхаемого воздуха, придает этому звуку акустическое свойство, приближающее его к гласным звукам (ведь при гласных воздуха расходуется меньше, чем при согласных, и шумы, создаваемые прохождением воздуха через полость рта, слабее; они даже плохо слышны без голосового тона).

Отсюда мы можем ожидать в будущем и полной утраты парижского [ʁ], хотя бы и в известных только позициях.

Среди восточных языков преобладают, однако, случаи не увулярного, а переднеязычного «Р» [r] (— разных вариаций — см. ниже). О двух «р» в армянском см. в соответствующем приложении (о звуках армянского языка).

Зато весьма часто встречаются звуки акустического типа «Х» и «Г» (глубоко-заднеязычные спиранты), при производстве которых принимает известное участие и язычок (увула), почему их можно называть также и «увулярными». Это — خ غ арабского и турецких языков, которые — чтобы подчеркнуть их глубоко-заднеязычный и в то же время увулярный характер, я позволю себе обозначать теми же знаками [χ] [ʁ], что и недрожащие

увулярные «Р» (глухой и звонкий). Участие увулы в звукопроизводстве этих ﺥ ﻍ обусловлено тем, что ввиду поднятия весьма глубокоотстоящего пункта задней части языка, образуемое этим поднятием сужение верхней своей стенкой имеет как раз конец мягкого неба и увулу; а следовательно трение выдыхаемого через это сужение воздуха происходит как раз об увулу (и с другой стороны о выпяченную кверху глубокозаднюю часть спинки языка), чем и вызывается особый присущий этим звукам (ﺥ ﻍ = [ꓤ ʁ]) акустический эффект, состоящий в хрипящем (или как будто напоминающем царапанье) оттенке спирантного шума.

Не трудно убедиться, что разница между увулярным «Р», — если оно перестает быть дрожащим, — и звуком типа ﻍ (т.-е. глубокозаднеязычно-увулярным звонким спирантом) весьма не велика. За это говорит и наблюдаемое в известных немецких говорах полное смешение (конвергенция) [R] и [ʁ (т.-е. ﻍ)], иначе говоря немецких «r» и «g», благодаря чему в данных говорах совпадают, напр., слова W a h r e n [va:Rən (при увулярном «r»)] и W a g e n [va:ʁən], — в одном [va:ʁən].

Однако, рассмотрение звуков этого типа (ар. ﺥ ﻍ = [ꓤ ʁ]) мы отложим до изложения всей серии заднеязычных согласных.

Примечание. Тагальское (велярное) k, со смычкой против увулы, при переходе к проточному характеру (— в интервокальной позиции), получает акустический характер именно увулярного «р» [ꓤ], и потому русским, напр., ухом склонно восприниматься иногда как [Я] и квалифицироваться как звук типа «Р».

§ 41. Язык по своим звукопроизводным функциям занимает настолько первенствующее положение по сравнению с прочими органами, что в ряде языков слово, означающее я з ы к в смысле органа употребляется также со значением я з ы к о в о г о п р о ц е с с а вообще, и также отдельных языковых систем, объединяющих известные человеческие общежития (напр.: русский, польский, испанский я з ы к и). Так обстоит дело с рус. я з ы к, греческ. g l o s s a, лат. l i n g u a, франц. l a n g u e, анг. t o n g u e, тур. til, dil.

Язык, благодаря массе заключенных в нем мускулов, может до чрезвычайности менять свою форму. При этих изменениях формы языка, в состоянии наибольшего поднятия (или выпячивания) оказывается одна или другая часть языка, и эта часть языка и оказывается, обыкновенно, наиболее важной для звукопроизводства. В зависимости от того, какая часть языка (кончик его, середина, или же самая задняя часть) является приподнятой и таким образом наиболее существенной для образования данного звука, возможно деление звуков, образуемых языком, по месту образования: на звуки, образуемые кончиком языка, звуки, образуемые серединой языка, и звуки, образуемые задней частью языка. Но не нужно забывать, что не только тем, какая часть языка выше всего поднята, обусловливается различие звуков; форма языка (в том числе уклад не столь высоко поднятых его частей) также имеет значение. И, наконец, крайне важно то, в чем состоит функция приподымаемой части языка: представляет ли она полную смычку с небом, — смычку, препятствующую, следовательно, выходу воздуха изо рта, или нет; если нет, то, может быть, приподнятием данной части языка к небу образована щель, о края которой при наличии сильного выдыха может происходить трение выдыхаемого воздуха; или может быть данная часть языка приводится струей воздуха в дрожание, что дает особый акустический результат. Все это составляет деление звуков, образуемых языком, по способу образования.

§ 42. Эти два деления: по месту и по способу образования могут быть применены также и к тем звукам, при которых главная работа совершается не языком, а другим активным органом, например, губами. Если мы назовем с точки зрения деления по месту образования те звуки, при которых главной работой является работа той или иной части языка, язычными, то придется назвать губными те, при которых главная работа совершается губами (или только одной губой). Равным образом можно говорить о звуках гортанных (таковы например [ʔ], [h]) и увулярных ([R]).

Деление по способу образования должно быть принимаемо в расчет, как при противоположении гласных звуков согласным, так и при классификации согласных. Именно, необходимым условием гласных звуков является отсутствие смычки в полости рта и следовательно свободное истечение воздуха изо рта; в некоторых же согласных обязательно должна иметься (хотя бы на некоторое время) смычка, преграждающая выход воздуха через полость рта. И значит, если мы разделим звуки языка по способу образования на смычные и несмычные, то внутри первого класса будет часть согласных (напр. [p], [t], [k], [b], [d], [g], [m], [n], [ŋ]), а внутри второго — несмычных — все гласные и кроме того часть согласных.[1]

При классификации согласных, деления по месту и способу образования проливают свет почти на все главные отличия одного звука от другого, и потому в следующих §§-фах, я буду исходить в характеристике каждого отдельного согласного из совмещения этих делений (т.-е. от ответов на вопросы: 1) каков данный звук по месту, 2) каков он по способу образования) и только потом переходить к прочим, уже второстепенным особенностям работ данного согласного.

При рассмотрении же гласных звуков дело обстоит сложнее. Во-первых, при многих гласных ответ на вопрос о месте образования бывает затруднителен: ведь при всех гласных играет крайне важную роль положение языка, и потому все гласные следует назвать язычными; но, с другой стороны, при многих гласных крайне важным является и участие губ (таковы [o], [u]); затем, при некоторых гласных не легко бывает определить, какая часть языка играет наиболее важную роль — есть гласные, при которых затруднительно сказать, каким местом язык больше всего приближен к небу (таково русское [a]). Во-вторых, чрезвычайно важную роль при гласных играет форма языка, требующая иногда сложного описания и нередко даже с трудом определимая.

[1] О противоположении гласных согласным вообще см. ниже § 51.

< Согласные >

§ 43. Понимая под различием места образования различие по тому или другому активному органу, совершающему главную работу для данного звука (ср. § 41), мы можем различать следующие классы согласных по месту образования:

1) губные согласные (образуемые губами или одной губой), сюда относятся, например, [p], [b], [m], [f], [v], [φ], [w];

2) переднеязычные, образованные кончиком или самым началом спинки языка; это, например, [t], [d], [n], [s], [š], [r], [ɫ], [ts͜], [tš͜];

3) среднеязычные, образованные средней частью спинки языка; это, например, [j] и соответствующий глухой [ç] — см. § 25, а также смычные [ƙ] [ɗ] [ɲ] и боковой (латеральный) [ʎ];

4) заднеязычные, образованные задней частью спинки языка; это, например, [k], [g], [ŋ]; о подразделении заднеязычных на неглубокие и глубокие см. ниже;

5) увулярные, это, например, [R] (см. § 40);

6) гортанные, это, например, [ʾ] и [h].

Звуки классов 2), 3) и 4) можно называть общим именем язычных согласных.

§ 44. По способу же образования возможны деления согласных на:

1) Смычные, т.-е. такие, при которых образуется полный затвор, препятствующий прохождению воздуха через полость рта. Например к смычным относятся: [p], [b], [m], [t], [d], [n], (о [ts] и [tš] см. ниже), [k], [g], [ŋ] и [ʾ].

2) Щелинные, т.-е. такие, при которых работа активного органа состоит в устройстве не смычки, а лишь сужения, так что воздух имеет возможность выходить изо рта, но на пути своем встречает сужение прохода (воздух испытывает о стенки этого прохода трение, которое и является источником характерного для данного согласного шума).

К щелинным относятся например: [f], [v], [φ], [w], [š], (о [ł] см. ниже), [j], [ç], [x], [h].

Щелинные иначе называются еще спирантами (от лат. spiro «дышу»), дыхательными, придувными или проточными.

3) Дрожащие, при которых активный орган находится в состоянии дрожания, т.-е. совершает ряд последовательных движений взад и вперед.

К дрожащим относятся [r] и [R] (см. § 40). Кроме того возможен губной дрожащий звук, который передается в русском письме через бррр..., если он звонкий, и через тпррр..., если он глухой.

4) Боковые или латеральные (от лат. latus, lateris «бок»), т.-е. такие щелинные, при которых проход воздуха имеется по бокам (или с одного боку) смычки. Таковы различные виды звуков л: русские [ł], [l'], нем., франц. и англ. [l]; итальянск., сербск., якутск. $\left[{l \atop j}\right]$. Кончик языка образует смычку, как при [t], но края языка опущены, и потому воздух имеет выход по краям (или с одного края) смычки.

5) Аффрикаты или сложные согласные,[1] — состоящие из тесного соединения смычного с щелинным, одинаковых по месту образования. Таковы [t͡s] (= русск. ц), [t͡š] (= русск. ч). Вступившие в соединение [t] + [s] одинаковы по месту образования, и тот и другой согласный — переднеязычны. Точно то же в соединении [t] + [š].

Может возникнуть вопрос: почему употребляется особый термин для комбинации двух звуков, почему не удовольствоваться характеристикой обоих элементов ([t] и [s], или [t] и [š]) в отдельности. И, с другой стороны, если уже придуман термин для комбинации: смычный + щелинный, то почему его не употреблять для всякой комбинации смычного со щелинным, то почему его не

[1] Иногда их называют согласными дифтонгами, см. примеч. к § 82 на стр. 113.

применять к таким комбинациям, как [ks], [pš] и т. д., а только к тем, где оба элемента одинаковы по месту образования? Ответ на это двоякий: 1) в русском ц (= [t͜s]) и ч (= [t͜š]) связь обоих элементов более тесная, чем в сочетаниях [ks] в Александр или [ks'] в Ксения: [t͜s] как и [t͜š] сознаются в виде единого звука (фонемы, см. ниже) и, как таковые, могут противополагаться неслитным соединениям тех же элементов в отсыпать [atšɯpat'] и в под шапкой [patšapkaj]; 2) возможность такого объединения обоих элементов в едином представлении звука имеет и физическую причину: при последовательном соединении смычного со щелинным, одинаковых по месту образования, нет надобности в каких-либо особых установочных работах для второго элемента — нужен лишь взрыв смычки, имеющейся при первом элементе, только требуется, чтобы за взрывом не было стремительного отхода активного органа (при [t͜s] и [t͜š] — передней части языка) от места смычки, а, наоборот, чтобы этот орган по дороге задержался на некоторое время в том положении, которое нужно для данного щелинного ([s] или [š]).

Однако, несмотря на то, что громадное количество языков говорит именно в пользу вышеприведенного понимания термина «аффрикаты» (— ввиде тесного соединения смычного и спиранта, лишь одинаковых по месту образования, — потому именно, что в громадном количестве языков фигурируют в качестве единого согласного звукопредставления именно лишь такие соединения, но не kš ps и т. п.), в отдельных единичных случаях встречаются и иного состава сложные согласные, — состоящие из неодинаковых по месту образования смычного и спиранта, — которые, с психофонетической точки зрения (в качестве единого согласного звукопредставления), также могли бы претендовать на термин «аффриката».

Случаи эти, повторяю, весьма редки. Наиболее типичным из них является дунганское звукопредставление t͜f', восходящее к мандаринскому č' (= t͜š') перед губным (слоговым или неслоговым) гласным (u), напр. в t͜f'u 出 ← č'u («чу» в русской тран-

скрипщии) [развитие это: t͜f'(u) ← t͜š'(u) вполне параллельно переходу f ← š(u) напр. в fi ← šuį 水 «вода»; переход этот — переднеязычного спиранта в губной, перед губным гласным — наблюдается и в других кит. говорах].

Кроме того, сюда можно было бы (с известными оговорками) привлечь и северо-восточно-японские сочетания ks, fs или 's (в части Аоморийских говоров), напр. kṣta 北 «север» (← k°ïta ← kita), Аомори fsï 火 «огонь» (← φi ← *pi).[1]

§ 45. Пять перечисленных в предшествующем §-е классов согласных по способу образования могут быть различным образом сближаемы друг с другом.

Так, классы 1) и 5), т.-е. **смычные и аффрикаты** могут быть объединяемы, как **смычные**, или **затворные** в широком смысле слова, т.-е. как звуки, в которых имеется смычка на пути выдыха воздуха из легких через рот, и в этом смысле могут противополагаться всем прочим классам согласных и всем гласным (ср. § 42). Щелинные имеют близкое сходство с латеральными; и, наконец, щелинные, латеральные и дрожащие можно объединить под общим представлением **проточных** (в широком смысле) согласных.

Кроме того нужно помнить, что по акустическому признаку и по сходству в гортанных артикуляциях латеральные объединяются с дрожащими, а иногда и носовыми смычными, под именем сонорных согласных, см. § 32.

§ 46. Мы условно понимали под различием места образования различие в активном органе, совершающем главную работу данного звука. Но нужно считаться также с различиями в пассивных органах, а эти различия не всегда зависят от различий в активных. Положим, до известной степени место пассивного органа уже определяется из того, каков активный. Если активный орган — кончик языка, то ему естественнее и легче всего

[1] В других же Аоморийских «огонь» уже просто sï (из fsï), в Акита же śy [губная работа перешла от согласного к гласному, что становится понятным в связи с конвергенцией *pi → śy 火 и śu(N) → śy(ŋ) 春 (Кан-он)].

производить работу (приподыматься, образуя смычку или сужение) против той части неба, против которой он лежит в нормальном (спокойном) положении, т.-е. против передней части твердого неба — около верхних передних зубов.

Некоторых же пунктов неба, например, края мягкого неба (где язычок) коснуться кончиком языка даже невозможно. Но, во-первых, встречаются в звуках отдельных языков такие работы, при которых кончик языка занимает довольно далеко отстоящую от его спокойного положения позицию. Так он может приходить в соприкосновение (устраивать смычку) с верхней губой,[1] или наоборот может загибаться назад до средней части неба.[2] И, во-вторых, даже небольшие различия в месте пассивного органа (при тождественности активного) могут дать ощутительные акустические различия.

Остановиться следует 1) на различии пассивного органа при губных, 2) при переднеязычных согласных.

§ 47. Говоря о губных, мы должны различать с одной стороны такие звуки, как [p], [b], [m]; с другой стороны такие, как [f], [v].

Различие между ними состоит не только в способе образования ([p], [b], [m] — смычные, а [f], [v] — щелинные), но и в том, что органами, участвующими в звукопроизводной работе, при первых являются обе губы (нижняя может рассматриваться, как активный орган, так как она совершает больше движений, чем верхняя), а при вторых — нижняя губа (активный орган) и верхние зубы (пассивный орган). Потому для первых употребляется название: губногубные, а для вторых — губнозубные согласные. Но можно произносить, вопреки русским привычкам, и губногубные щелинные ([φ], [w]) и губнозубные смычные ([π], [β], [μ]).

---

[1] Получается звук, на слух средний между p и t; о наличии этого звука в одном из американских языков говорит Jespersen (Lehrbuch der Phonetik).

[2] Это имеет место, например, при китайском «какуминальном» ɽ («эрл» в русской транскрипции).

Из этих звуков особенного внимания заслуживают губно-губные спиранты ([φ w]), и в частности звонкий, — [w], встречающийся (в замену [v] в русском) в громадном ряде восточных языков.

Укажу прежде всего, что транскрипционный символ [w] я позволю себе употреблять с родовым значением для всякого из вариантов губно-губного звонкого проточного. А вариантов этих встречается много и они обладают такими крупными отличиями, что объединение под одним символом [w] английского, напр., [w] в war [wɔ:] и японского [w] в [ˈwareˈ] возможно только условно — при наличии подробного описания звука в фонетическом описании данного языка. Отмечу следующие вариации:

1) w = осогласненное или неслоговое u (= u̯), отличающееся, следовательно, от [u] слогового только гортанной работой (и значит бо́льшим расходом выдыхаемого воздуха в единицу времени). При этом налицо — и сильная губная работа, и поднятие задней части языка (как при [u]). Примечание. Соответствующий глухой — [ʍ] имеется в английском, напр. в which [ʍıč].

Такое w = u̯ имеется, напр., в китайском (— в числе вторых элементов слогового представления, напр. k'u̯aį, u̯aį; см. ниже «Фонетическую характеристику кит. языка»), в тибетском (напр. wa «лисица»); арабском (وقت, waqt), а также в турецких и ряде других. *

2) Японское w (в слоге wa) — с весьма слабой губной работой, состоящей в том, что нижняя губа (а верхняя обыкновенно не работает) подымается немного выше края нижних передних зубов, оказываясь таким образом внешней границей ртового резонатора (но не выпячивается вперед).

Примечание. Та же слабая губная работа имеет место при глухом — [φ] (в φu), а также при гласном [u] японского типа (с весьма слабой лабиализацией и недостаточным поднятием языка, почему характерный тон японского [u] оказывается сравнительно весьма высоким).

3) Один из факультативных вариантов испанского [b], см. ниже.

* 4) Абхазское «губно-дорсальное» $\check{w}$ (ჭ в Абхазском Аналитическом Алфавите).

Примечание. Соответствующий глухой — «губно-дорсальное» [$\check{\phi}$] = ш в Абхазском Аналитическом Алфавите. К губным проточным иногда причисляется и абхазский звук сложной (комбинированной) артикуляции — [$Q^ч$] = ჸ в Абхазском Аналитическом Алфавите, но он, конечно, не может считаться вариацией w и строго говоря, его следует относить к лабиализованным (см. § 47 а) гортанным, а не губным согласным.

** См. ниже «Фонетическую характеристику абхазского языка».

§ 47а. От губных (или лабиальных) согласных следует отличать согласные лабиализованные, т.-е. «огубленные»: такие, которые по основной работе принадлежат к другой категории по месту образования (к заднеязычным, переднеязычным и т. д.), но сопровождаются также губной (w-образной) работой, как дополнительной.

Встречаются «лабиализованные» согласные фонемы сравнительно в немногих языках. Наиболее частыми звукопредставлениями этого рода являются лабиализованные заднеязычные: k^w g^w (и η^w). Они имеются, например:

1) в южных (включая Рюкю) и северо-восточных японских говорах — главным образом в словах кит. происхождения (Нагасакск. k^waśi 菓 子, g^wacu 月), но частично проникают (как фонетическое новшество) и в чисто-японские, напр. Нагасакск. (говор дер. Мие) ⌜k^wa «тутовое дерево» 桑 (из kuwa ← *kupa), ⌞k^wa «мотыка» 鍬 (← kuwa ← *kupa). Тут они развивают даже соответствующие «мягкие» (палатализованные) варианты: $k^{w'}$ = $k^ч$, $g^{w'}$ = $g^ч$ (повинуясь общей схеме чередований «твердого» и «мягкого» согласных), напр. Dativ.-Loc. $k^{w'}$a⌜: (= $k^ч$a⌜:), Instrumentalis $k^{w'}$a:⌜re (= $k^ч$a:⌜re; из *kuwa-e-de) — от ⌜k^wa 桑; Dativ.-Loc. $k^{w'}$a⌞: (= $k^ч$a⌞:), Instr. $k^{w'}$a:⌞re (= $k^ч$a:⌞re) — от ⌞k^wa 鍬 [ср. тот же принцип чередования в Dat.-Loc. jam'a⌜:,

Instr. jam'a:ʳre от jaʳma]. Рюкюск. пример: mi:kkʷa «слепой» (←mekura).

В центральных же японских говорах эта категория звуков уже исчезла (но на прежнее их существование указывает орфография).

Кроме японского заднеязычные лабиализованные известны еще в вотском, абхазском (где впрочем есть и другие ряды лабиализованных — см. ниже); имелись они, очевидно, и в индоевропейском языке (напр. в *kʷetu̯ōres «4», откуда лат. quattuor, ср. греч. гомеровск. πίσυρες [*kʷ → p] и аттич. τέσσαρες). Наиболее богатым лабиализованными согласными фонемами является абхазский язык, обладающий след. фонемами этой категории (в абжуйском наречии): c'ʷ ʒʷ c'ʷ k'ʷ gʷ k'ʷ q'ʷ Ɥʷ Ƀʷ Ḥʷ и Qʷ (или же Qᵘ) [в знаках Абх. Аналит. Алфавита: t̥ d̥ ꝥ k̥ g̥ q̥ k̥ q̥ ğ̥ ħ̥ ɏ].

§ 48. Если мы будем произносить последовательно ш и с [šsšsšs], мы убедимся, что активным органом при обоих звуках является кончик языка,[1] но положение, занимаемое им при том и другом звуке, различно. При [s] он образует сужение с самой передней частью неба — у самого края верхних резцов, при [š] он более загнут кверху и образует сужение с более задней частью неба. Такую же разницу в положении языка мы имеем и при аффрикатах [t͜s] и [t͜š] (она обусловлена разницей в положении языка при вторых элементах этих аффрикат — [s] и [š]).

Условимся называть звуки, произносимые с поднятием кончика языка к самому краю зубов (как [s], [t͜s]), звуками I-го этажа, а звуки, произносимые с поднятием кончика языка к более задней части твердого неба (как [š], [t͜š]) — звуками II-го этажа (их называют обычно **какуминальными** от лат. cacumen «вершина»). Так как при звуке [t͜š] первый компонент аффрикаты имеет смычку II-го этажа, то при некотором навыке

---

[1] По крайней мере у громадного большинства русских [š] корональное, а не дорсальное, т.-е. образуемое кончиком языка, а не спинкой; последнее нужно считать диалектическим.

мы можем научиться выделять этот первый элемент из сочетания [tš] и произносить его отдельно или перед гласным. Он будет отличаться от простого русского [t], как и от [t], выделяемого из [ts], только принадлежностью к звукам II-го этажа, т.-е. какуминальностью. Эта черта обозначается в фонетическом письме точкой под буквой — [ṭ]; соответствующий звонкий будет [ḍ], соответствующий носовой — [ṇ].

Этот какуминальный характер свойствен английским переднеязычным [t], [d], [n], чем они отличаются от соответствующих русских, немецких, французских. В некоторых же индийских языках (в том числе и в санскрите) на лицо обе разновидности каждого звука: [t] и [ṭ], и [d] и [ḍ], [n] и [ṇ], сознаваемые как отдельные фонемы.

§ 49. Выше (в § 41) упоминалось о том, что общая форма языка может иметь влияние на акустический результат звука. Так, например, спирант [s] и спирант [θ] (глухое — «hard» th напр. в thin [θın]) являются одинаковыми и по способу (они — щелинные), и по месту (они — передпеязычные) образования и даже по пассивному органу (они могут быть произносимы около одного и того же пункта неба). Различие между ними создается именно особой формой языка: при [s] язык сдавлен с боков и образует вид желобка с несколько приподнятыми краями, по которому проходит узкая, сосредоточенная, сильно бьющая струя воздуха. При [θ] это образование желобка отсутствует, поверхность языка как-бы распластана (конец языка приподнят к небу с той же формой, какая ему присуща при спокойном положении), струя воздуха от этого получается широкая, разбросанная. Такая же разница находится и между соответствующими звонкими: [z] и [ð] (звонкое — «soft» th, напр., в англ. thou [ðau]).

Кроме английского звуки типа [θ], [ð] имеются еще в языках испанском («c(i)», «-d»), арабском (ث ذ), туркменском (где θ ð заменили собою обще-турецкие s z, и потому пишутся через س ز), башкирском (—наряду с s←c←o.-тур. *č, и редким z), шугнанском, бирманском, и в единичных японских говорах (напр.

ð^{z} в говоре Ёнэдзава в слоге ð^{z}i ← *ri, *ju, напр. ð^{z}ið^{z}i «лилия» ← juri, joð^{z}ija «ресторан» ← r'o:rija); кроме того Тосаские s z, обладающие слабым сибилянтным (свистящим, s-образным) шумом, в сущности сильно напоминают θ ð, почему их следовало бы писать [s^{θ} z^{ð}].

Перечисленные звуки разных языков не являются, однако, вполне тожественными друг другу; это — разновидности одного общего типа звуков θ ð.

Разница между русскими [s] и [š] тоже отчасти состоит в различии формы языка, не исчерпываясь указанным в § 48 различием по месту пассивного органа; но вопрос этот очень сложен и потому может быть опущен в элементарном курсе. Оставляя за символом [š] родовое значение — для звуков акустического типа «Ш», отмечу, что кроме š корональиого (т.-е. образуемого кончиком языка), как в нормальном русском произношении «ш», встречается еще существенно отличный вариант — д о р с а л ь н о г о «ш» (— знак [ś]), образуемого поднятием передней части спинки (dorsum) языка. Долгий вариант дорсального ś, т.-е. [ś:] мы встречаем в Московском произношении «щ» (но в говоре петербуржцев, в частности в моем лично, «щ» есть комбинация двух звуков [šč] = «шч»).

Благодаря тому, что при дорсальном [ś] поднимается к нёбу *спинка* языка, а это близит акустическое впечатление данного звука с категорией п а л а т а л и з о в а н н ы х (т.-е. «мягких» — см. ниже), [ś] воспринимается русским ухом — по сравнению с š корональным — как «мягкий» согласный. Но строго говоря, можно было бы различать «мягкий» и «твердый» варианты в обоих сортах «ш» (и у дорсального, и у коронального). напр.:

[š] корональное («твердое») — рус. ш, вотское ш = š в составе аффрикаты «ӵ» = t̥š

[š'] корональное («мягкое») — вотск. ш = š' в составе аффрикаты «ч» = t'š'

[ś] дорсальное (сравнительно «твердое») — английское sh

[ś'] дорсальное («мягкое») — японское ś (в śi シ śa シャ śo ショ śu シュ), польское ś.

Примечание. Этот вариант, — [ś'], фактически оказывается близким к русскому [s'] = «сь».

Пятый вариант, вернее вариант четвертого варианта ([ś']) имеется напр. в Мукденском гов. кит. языка в виде [ś'].[1]

Но различение этих вариантов в транскрипции проводить оказывается излишним (достаточно охарактеризовать имеющийся в данном языке звук в фонетическом описании), так как в одном и том же языке встречается обычно или 1 или (реже) 2 звука типа «ш», но не 4 или 3.

Два звукопредставления (— коронального и дорсального) «ш» имеются напр. в санскрите (ष и श), во многих говорах татарского языка (ش и ښ), в китайском (š и ś resp. ś'), а также в тех русских говорах, где «щ» = [ś:].

§ 50. На различиях в форме языка основано также противоположение русских «мягких» согласных соответствующим «твердым». Именно, благодаря наличию второстепенной работы, присоединяющейся к главной характерной для данного звука работе и состоящей из приподнятия к средней части неба средней части языка (той части, которая образует сужение при [j]), ряду звуков (именуемых «мягкими») сообщается акустический результат, отсутствующий в ряде соответствующих «твердых» т.-е. таких согласных, при которых главные работы те же самые, что и у «мягких», но вышеуказанная второстепенная отсутствует. Таким образом звук [p] (папа) противополагается звуку [p'] (пить, пять), звук [b] (баба) — звуку [b'] (бить, бяка), [m] (муж) — [m'] (мять) и т. д.:

[f] (фауна) — [f'] (филин, фляя)
[t] (тот) — [t'] (тина, тетя, тюль)
[d] (дом) — [d'] (диво, дядя)
[n] (ныть) — [n'] (Нил, нюня)

[1] См. ниже «Фонетическую характеристику кит. языка».

[s] (сам, сыт) — [s'] (сила, семь, семга)
[z] (зонт) — [z'] (зима, зябнуть)
[r] (рама) — [r'] (прямо)
[ł] (лом) — [l'] (лед)
[k] (кот) — [k'] (кит, Кяхта)
[g] (гром) — [g'] (гимназия, гетры, гяур)
[x] (хата) — [x'] (хитрый).

Звуки [š] (шум), [ž] (жать), [tš] (чудо) и [j] (я, ель, елка, есть, юн, вьюн) не имеют в русском соответствующих пар. Из них последний — [j] вообще не может иметь соответствующей пары, т. е. соответствующего «твердого» потому, что та работа, которая при прочих мягких, является второстепенной и составляет лишь их отличие от «твердых», при (j) оказывается главной: ведь [j] согласный среднеязычный, и если мы устраним имеющееся при нем поднятие средней части языка, то никакого согласного уже не будет.

Надо заметить, что в фонетике принято называть это характерное для «мягких» согласных поднятие средней части языка к небу — среднеязычным сближением или палатализацией (от лат. palatum «небо»), почему и сами мягкие согласные называются осредпеязыковленными или палатализованными (в отличие от непалатализованных «твердых»). Но такие согласные, как [j], где поднятие средней части языка — работа не второстепенная, а главная, — уже не осреднеязыковленные, а среднеязычные. Среди среднеязычных возможны и смычные неносовые (воспринимаются на слух, как нечто среднее между [k'] и [t'], [g'] и [d']), и спиранты ([j], [ç]) и носовой (франц. gn в agneau, oignon, régner) и латеральный (итальянское, южно-французское мягкое l).

Кроме русского категория парных (т.-е. соответствующих «твердым») «палатализованных» согласных звукопредставлений ([p' t' s' и т. д.]) встречается еще: во многих других славянских языках, напр. в польском (но не в сербском, где есть лишь па-

латальные [а не палатализованные] [ћ] [ђ] [ʎ] [ɲ] = сербск. «ћ ђ љ њ»), в японском (во всех говорах кроме Рюкюского[1] и части северо-восточных), восточно-финских (напр. в мордовском и вотском), а также в ирландском. В большинстве же языков эта категория (а следовательно и «парность» консонантизма по «мягкости» и «твердости») отсутствует, хотя в соседстве с передними согласными (в особенности перед [i]) согласные и могут принимать — во многих языках — комбинаторный «мягкий» или «полумягкий» оттенок (но это уже будет не отдельная фонема, а лишь комбинаторный вариант нормальной «твердой» фонемы).

Кроме того надо заметить, что в ряде языков, не обладающих категорией «палатализованных», встречаются *палатальные* сонорные: [ʎ] [ɲ]. Это имеет место, напр., в южно-французском (в сев.-французском же ʎ → j), итальянском, калмыцком, восточно-лужицком и др.

Экскурс. Об обозначении японских палатализованных согласных в русской практической транскрипции. Совпадение между фонетическим строем русского языка, с одной стороны, и японского — с другой, состоящее в наличии категории парных «мягких» т.-е. палатализованных согласных,[2] делает для русской практической транскрипции японских слов не только позволительным, но и обязательным использование в данных случаях (— т.-е. для передачи «мягких» согласных в яп. словах) тех же графических приемов, какими передаются русские «мягкие» в аналогичной позиции. Вот почему, в составлении общепринятой ныне

---

[1] В рюкюском некогда также существовали парные «палатализованные» или «мягкие» согласные (появившиеся, как и в японском благодаря волне китайских заимствований, где например *kį давало яп.-рюкюск. k′ и т. д.), но фонетическая эволюция привела к их уничтожению (напр. *k′ X *t′ → ć, *g′ X *d′ → ʒ́, *r′ → d в нач. слова напр. r′u:k′u: 琉 球 → рюк. du:ću:, и т. д).

* [2] Наличие этой категории упустил из виду Edwards в своем Étude phonétique de la langue japonaise, что и является одним из двух основных пробелов этой работы [у Edwards'а k′a, например, трактуется и транскрибируется как kja и т. д.].

русскими японологами[1] практической транскрипции (изложенной в «Трудах Яп. Отд. Общ. Востоковедения» № 1, 1917), я счел * необходимым совершенно изгнать те приемы, которые представляли слепое подражение западно-европейской транскрипции (вроде «*пио* или *nio* = Ромадзи *pyo*», «*шо* = Ромадзи *sho*» и т. д.), ** и передавать японские слоги с «мягкими» согласными так, как пишутся по-русски русские слоги с соответствующим (или ближайшим к японскому) «мягким», т.-е. палатализованным согласным. Получились следующие соответствия (между написаниями в Ромадзи и в русской транскрипции): *kya kyu kyo* = *кя кю кё*, *gya gyu gyo* = *гя гю гё*, *shi sha shu sho* = *си ся сю сё*, *chi cha chu cho* = *ти тя тю тё*, *ji ja ju jo* = *дзи дзя дзю дзё*, *nya nyu nyo* = *ня ню нё*, *hya hyu hyo* = *хя хю хё*, *pya pyu pyo* = *пя пю пё*, *bya byu byo* = *бя бю бё*, *mya myu myo* = *мя мю мё*, *rya ryu ryo* = *ря рю рё*. [В качестве же дублетного приема, поскольку употребление буквы ё (и особенно ё̄ Ё Ё̄) встретит типографские затруднения, допустимо вместо *кё гё сё* и т. д. писать *кьо гьо сьо* и т. д. — в виду принципиального тожества звуковых ассоциаций (в русском графическом мышлении) между комплексами «буква парного согласного (напр. *п*, *с*, *т*) + *ё*» и «буква парного согласного + *ьо*»]. Особых замечаний требуют, впрочем, написания *ти тя тю тё*, так как русская транскрипционная практика (до моей транскрипции) употребляла здесь буквы ц или ч (ця или чя, ця и т. д. вплоть до цио чио вм. моего *тё*). Тем не менее можно доказать, что выбор *ти тя тю тё* (для яп. ći ća ću ćo = Ромадзи *chi cha chu cho*) является здесь единственно возможным, как продиктованный объективными фонетическими данными (соотношением между русской и японской системами согласных).

В русской языковой системе t' оказывается без сомнения ближайшим соответствием к японскому звуку (ć), имея с ним ту

[1] За исключением (вполне, разумеется, естественным) двух авторов прежних транскрипционных систем — проф. Позднеева и Спальвина. Отмечу, *** впрочем, теоретическое признание «транскрипции Японского Отдела» профессором Позднеевым — в 1916 и 1917 гг.

общую черту, которая является наиболее существенной принципиальной характеристикой их обоих: как русское t' (= *ть*, или в t'i = *ти* t'a = *тя* и т. д.), так и японское ć принадлежат к парным мягким фонемам [в группе глухих переднеязычных затворных]. Объективное (физическое) сходство — между рус. t' и яп. ć — продолжаю усматривать далее и в присущем обоим этим звукам аффрикатном характере, — ибо рус. t', именно с объективной точки зрения, также содержит, вслед за смычным, известный спирантный элемент, т.-е. может быть представлено как t's' [тогда как яп. ć = t'ś]. Правда, в японском (в Токиоском и в большинстве говоров) звуке спирантный элемент этот более значителен; и для русского t' *вполне точным* эквивалентом будет лишь соответствующий Тосаский звук [в Тоса チ = t'i т.-е. вполне равно русскому *ти*]; токиоское же (или представленное большинством говоров) ć будет точно соответствовать польскому или белорусскому звуку (ć). Но поскольку разницу между Тосаским и токиоским корреспондентами (t' || ć) свободно игнорирует русский (не тренированный) слух, постольку и против графического отожествления токиоского ć с русским t' не возникает никаких возражений с точки зрения требований, предъявляемых к практической транскрипции [где задачей, ведь, является не объективная характеристика звука, а именно выявление ближайше соответствующих друг другу различений в двух соизмеряемых системах звукопредставлений — в данном случае японской и русской]. Наконец можно и эмпирически — путем фонетического эксперимента — убедиться, что в русском языковом мышлении восприятие японского ć ассоциируется именно с звукопредставлением t'. Я лично помню, напр., что приступая к практическому изучению японского языка и будучи в то время совершенно свободен от влияния какой-либо транскрипции, я без всяких колебаний отожествлял яп. チ с русским *ти* и не подозревал о наличии какой-либо разницы между обоими слогами. Разумеется, этот транскрипционный выбор («*ти*» для яп. ći) можно защищать лишь с точки зрения подлинно-русского

языкового мышления: для немца, говорящего по-русски и произносящего *ти* с «твердым» t (—ti вм. t'i), пропадает основной мотив выбора написания *ти* (вм. *ци* или *чи*). Равным образом у латыша, обнаруживающего в русской своей речи влияние фонетики родного языка (латышского), вместо t' (палатализованного переднеязычного) можно рассчитывать услышать ƫ (палатальное, т.-е. среднеязычное); а этот звук японцем может быть оценен и как k' (т.-е. палатализованный заднеязычный): следовательно в соответствии русскому написанию *ти* будет воспринято キ (k'i), в соответствии русскому написанию *тя* — k'a и т. д. Но понятно, что в выработке **русской** транскрипции я должен был считаться с обще-русской **нормой**, а не со случаями индивидуального смешения звуковых систем. С другой стороны, надо оговорить, что если бы в языке, для которого создается практическая транскрипция, существовали бы различения в роде ti — t'i и т. п. (как в китайском: ср. tʻjæn 天 и ćʻjæn 錢, или в Нагасакском говоре д. Мие, где различаются tʻa: и ća:), то решение должно было бы быть иное.

Особого рассмотрения заслуживают **заднеязычные** согласные — именно в восточных языках (арабском, турецком, грузинском и др. кавказских и т. д.), где эта категория делится на 2[1] под-категории по месту образования: 1) *неглубоких* — и 2) *глубоких* заднеязычных.

При первых (не-глубоких, каковы напр. арабск. ك [k], тур. ك [k], گ [g]) приподнимается к нёбу сравнительно не-глубоко отстоящий участок задней части спинки языка — лежащий против границы твердого и мягкого нёба или даже против твердого нёба.

При вторых же (глубоких, каковы напр. арабск. ق [q], турецк. ق [q], туркменск. начальное غ [ɡ], арабск. خ [X], арабск. и турецк. غ [Ɣ]) приподнимается к нёбу значительно более даль-

[1] А иногда более чем 2. Но на таких случаях (имеющих место, напр. в некоторых кавказских языках) я позволю себе здесь не останавливаться.

ний участок задней части языка,—лежащий против мягкого нёба. Поэтому, с точки зрения противолежащего языку органа, первые называются иногда «твердо-нёбными», а вторые «мягко-нёбными».

Таким образом, различаются следующие типы заднеязычных звуков:

	Смычные Глухой.	Смычные Звонкий	Спиранты Глухой.	Спиранты Звонкий	Носовой.
Не-глубокие ...	k	g	x	γ	ŋ (=ŋ)
Глубокие......	q	ꞡ	Ꭓ	ʁ	ŋ (=ŋ)

Примечание. Для заднеязычного носового обеих категорий употребляют обычно один знак (ŋ), но возможна и дифференциация их — знаками ŋ и ŋ.

Звуки [k g x γ] имеются в русском языке. Если мы прибавим к ним русск. [k′ g′ x′ γ′], мы получаем также две подкатегории заднеязычных, но уже не те, что только что рассмотрены: это будет 1) ряд не-глубоких [k g x γ], 2) ряд еще более передних (благодаря палатализации) [k′ g′ x′ γ′]. Возможна, конечно, и промежуточная ступень — «полумягкое» k в русском *к этому*.

Глубокие [q], [Ꭓ], [ʁ] имеются в арабском и в ряде турецких, напр., узбекском, татарском и других. Звонкий же [ꞡ] — явление чрезвычайно редкое: он известен мне главным образом из туркменского языка (напр. туркм. ꞡa:n «кровь» ← о.-тур. *qa:n).

Примечание. Отсутствие [ꞡ] смычного в арабском и др. языках, имеющих глухой смычной [q], стоит, повидимому, в связи с тем, что звонкие смычные на пути перерождения в аффрикату и в спирант обычно всегда опережают соответствующие глухие. Сравни то же в ряду не-глубозаднеязычных: k уцелело (в виде ك), а g→ǯ (ج) [Сравни جبر (откуда узбекское جبر) и русск. *алгебра*,— где г из древне-арабской формы слова الجبر].

Типы согласных звуков

		Смычные (неносовые).	Спиранты.	Аффрикаты	Дрожащие	Боковые	Носовые
Губные	Губно-губные	p b	φ w	pφ	ψ β̣		m
	Губно-зубные		f v				
Переднеязычные	Корональные	t d	s z θ ð š ž	ts=c dz=ʒ tš=č dž=ǯ	ṛ r	ḷ l	n
		ṭ ḍ	ɹ̣ ɹ		ṛ ṛ	ḷ	
	Дорсальные.		ś ź	tś=ć dź=ʒ́			
Средне-язычные		ħ ђ	ç j			ɟ	ɲ
Заднеязычные	Палатализ.	k' g'	x' γ'				
	Не-глубокие	k g	x γ	kx gγ			η
	Глубокие	q ɡ	ɿ Γ ʀ ʁ				ŋ
	Увулярные		ʀ ʁ		я R		
Гортанные		' ɛ	h ɦ				
	Эпиглот.		H=ɂ Q=ʕ				

Вышеприведенная таблица содержит те транскрипционные символы согласных, которые я употребляю в настоящем курсе, и которые в общем являются несколько видоизмененной формой Международного Фонетического Алфавита. При этом я отнюдь не придаю тем некоторым изменениям и пополнениям, которые здесь внесены (в систему согласных символов МФА), принципиального значения, и не считаю мой выбор в этом отношении окончательным: это просто та система обозначений (согласных), которая сложилась у меня на практике, — когда приходилось пользоваться системой МФА в применении к звуковому составу разных языков и по мере надобности вносить в нее известные уточнения, или пополнения.

Вообще же по поводу транскрипционной системы надо заметить следующее:

1) полного тожества звуковых значений у символов транскрипции ожидать немыслимо, поскольку эта транскрипция применяется к ряду разных языков: звуки одного и того же типа имеют в каждом языке свои особенности (более или менее ощутительные); хорошо, если эти особенности будут оговорены в фонетическом описании данного языка или говора, и тогда ими незачем уже обременять транскрипцию: достаточно, если она будет указывать родовую категорию (—т и п), к которой принадлежит данный звук [такие *типы* звуков и указаны в вышеприведенной таблице].

2) все-таки, совершенно ясно, что желательно единообразие (по крайней мере в основных чертах — в главных типовых символах) в транскрипции — и в работах одного лица по разным языкам, и в работах всех лингвистов. С этой целью созданы универсальные системы транскрипции, напр. * «Visible Speech» Bell'a [ныне уже никем не употребляемый, и имеющий, следовательно, лишь историческое значение в нашей ** науке], Русская Лингвистическая Азбука [сокращенно РЛА] — на основе русского алфавита, Международный Фонетический Алфавит [сокращенно МФА; опубликован в брошюре изданной

Международной Фонетической Ассоциацией: «Exposé des principes de l'association phonétique internationale. 1908»]. *

3) по ряду соображений я считаю наиболее рациональным следовать именно МФА. Однако, МФА вовсе еще не законченная система и нуждается в пополнениях и уточнениях, что становится совершенно ясным при попытках применения ее к ряду восточных языков (так напр. для абхазского мне пришлось ввести ψ' $\overset{\beta}{\psi}$ ψ' и другие отсутствовавшие в МФА символы). Возможность пополнений предвидели и сами авторы МФА (члены Международной Фонетической Ассоциации). Один из приемов пополнения — это введение для нового звука того знака, которым этот звук обозначается в данной национальной письменности (так напр., я позволяю себе отказаться от предложенных в МФА символов для среднеязычных смычных [c ɟ], введя взамен сербские буквы [ћ ђ], употребляемые именно с этим значением в сербском алфавите).

4) Кроме тех видоизменений и пополнений, которые вошли в процессе работы в мою транскрипционную практику (на основе МФА), есть еще глубоко продуманная система дополненного (и несколько видоизмененного) МФА, опубликованная профессором Л. В. Щербой в статье «К вопросу о транскрипции» ** (Изв. Отд. русск. яз. и сл. Ак. Наук, т. XVI (1911 г.) кн. 4-ая). С этой системой я и считаю нужным познакомить читателя — см. ниже.

Кроме того я привожу еще (по вышеупомянутой статье Л. В. Щербы): 1) Систему знаков МФА — в том виде, как она опубликована Международной Фонетической Ассоциацией (в 1908 г.), т.-е. МФА в основной, первоначальной форме; 2) систему знаков РЛА; 3) систему знаков употребляемых в работах К. Бругман'а (автора капитальной работы по индоевропейской сравнительной грамматике: «Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen») и других индоевропеистов. ***

Нужно признаться, что объединение в транскрипции между

лингвистами так и недостигнуто (универсальные системы, как-то МФА, РЛА и наконец транскрипция Brugmann'а, объединяют лишь известные группы лингвистов: МФА — главным образом западноевропейских и в меньшей степени русских фонетиков и вообще авторов работ по описательному языкознанию; РЛА — большинство русских востоковедов-лингвистов, Бругмановская транскрипция — авторов работ по сравнительной грамматике индоевропейских языков); поэтому читателю необходимо знакомиться с рядом транскрипций. Унификация же фонетической транскрипции, по крайней мере для работников СССР, стоит, по моему мнению, на очереди среди насущнейших задач наших краеведческих научных объединений.

5) Кроме вышеназванных универсальных систем, на значение
* универсальной транскрипции претендует и яфетидологическая транскрипция академика Н. Я. Марра. Я не считаю возможным
** излагать ее в настоящем курсе (ограничиваясь тем, что в «Характеристике грузинского консонантизма» и в «Фонетической характеристике абхазского языка» я даю ее соответствия к моим транскрипционным знакам), так как яфетидологическая транскрипция, несмотря на то, что в основе ее и лежат известные теоретические положения, не является фонетической транскрипционной системой [дело в том, что выбор известных обозначений продиктован не физиологическим составом данных звуков, а этимологическими соображениями о происхождении их; фонетическим nonsens'ом является и распространение понятия «аффрикат» на *заднеязычные* спиранты и смычные, а с ним и появление знаков вроде ꝁ q̣̇ ḳ q̦ ǧ — в параллель к ƭ ϑ ṭ ǯ̣ ď (тогда как на самом деле подлинные заднеязычные аффрикаты представлены в меньшинстве кавказских языков, и в таких системах, как грузинская, абхазская или чеченская совершенно отсутствуют)].

Повторяю, что нижеследующие таблицы знаков, предлагаемых для обозначения согласных в универсальных системах транскрипции, я привожу по вышеупомянутой статье «К вопросу

о транскрипции»; как читатель увидит, новшества, предложенные самим Л. В. Щербой, повторяются, в большинстве случаев, и в вышеприведенной моей (Е. П.) таблице согласных символов (выработавшейся у меня в процессе практической работы) и теоретических возражений против предложенных Л. В. Щербой знаков у меня не имеется. *

Таблица согласных символов Международной Ассоциации (МФА)

		Бронховые	Гортанные	Языковые	Задненебные	Небные	Язычные	Губные
Согласные	Взрывные		ʔ	q ɢ	k g	c ɟ	t d	p b
	Носовые				ŋ	ɲ	n	m
	Боковые				ʟ	ʎ	l	
	Дрожащие			ʀ ʙ			r	
	Придувные	ʜ Q	h ɦ	ʜ ʁ	(ʍw)xg	(ɥ) ç j	ʃ ʒ s z ɹ θ ð	f v ꜰ ʋ ʍ w ɥ

Объяснения знаков (МФА 1907—1908 г.)

Согласные. — Небные c ɟ известны во французском, в диалектическом произношении слов *qui* ci, *gai* ɟe (ср. русские диалектические *тисть*, *андел*), или в венгерском, в словах *kotya*, *magyar*. — q — арабское *каф* (глубокое *к*). — ʔ слышится в немецком (северном) перед начальными гласными; это «гортанный взрыв», stød в датском, *гамза* арабов. — ɲ — французское *gn*

в *règne*; ŋ — германское *ng* (заднеязычное *н*). — ʎ — «l mouillé» южно-французского, *ll* испанского, *lh* португальского, *gl* итальянского, љ сербского. — ɫ — твердое л русского и польского. — r — *р* обыкновенное раскатистое. — ʀ — раскатистое язычковое *р*.

ɸʋ — простые губногубные спиранты: ɸ слышится при тушении свечки губами (при «фуканьи»); ʋ — *b* испанского *sabér* и одна из разновидностей голландского *w*. — ɥ образуется точно также, но с поднятием передней части языка — это консонантическое *u* французского *lui*. При ʍ w поднимается задняя часть языка: w — консонатическое французское *ou* в *oui*, ʍ — одна из разновидностей английского *wh*. — θð произносят, прикладывая конец языка к верхним зубам или ставя его между зубами: θ — глухое английское *th*, греческое θ, исландское þ, ð — звонкое английское *th*, исландское ð, греческое δ. — ɹ южно-английское r (без дрожания). — ʃʒ — обыкновенные ш и ж. — çj, немецкие «*ich*-laut» и j. — x — немецкое *ch* в *ach*, испанское *j* в *jabon*; ɣ — немецкое *g* в *wagen*, как его произносят часто на севере Германии. — χ — арабское *kh* в *khalifa*, иногда испанское *j* и немецкое (швейцарское) *ch*. — ʁ — датское *r*, арабское *gh*. — ɦ — звонкое *h* арабов, чехов и малороссов. — ħ и ʕ — арабские *hha* (ḥa) и «ʻaïn».

Дополнительные знаки (к МФА 1907—1908 гг.)

Долгота обозначается : (как и после гласных, так и после согласных символов).

Дополнительные знаки, изменяющие значение основных знаков. — Глухие звуки обозначаются кружечком внизу, а звонкие перевернутой крышечкой, так: r̬ — *r* звонкое (*rare*), r̥ — *r* глухое (*poutre*).[1]

Какуминальные звуки, образуемые поднятием кончика языка, обозначаются точкой внизу ṭ, ṇ, ạ (*ar* в юговосточном английском

[1] В моей же практике, наоборот (как и у многих авторов) перевернутая крышечка под буквой (̬) означает *глухость*, а кружочек под буквой — слогообразующую функцию. Е. П.

part). Эмфатические согласные арабского — двумя точками снизу: s̤, ṭ̈, d̤. Согласные, сопровождаемые гортанным взрывом: k', p' (грузинское t'setsa). «Мягкие», «палатализованные» согласные обозначаются точкой наверху: ṡ, ż, ṗ.

Наконец, можно ставить буквы в виде экспонентов, так ʃ[s] обозначает ʃ, несколько напоминающее s. Неслогообразующие гласные обозначаются так: ŭ, слогообразующие согласные — n̩.

Объяснение знаков (в видоизменении МФА, предложенном Л. В. Щербой — 1911 г.) *

Вместо неудобных и непривычных c ɟ ʎ международного алфавита для палатальных смычных и бокового я выбрал очень удачные знаки Бодуэна-де-Куртенэ, представляющие из себя лигатуру соответственных переднеязычных с *j*. Неудобное ɑ я заменил Бругмановским знаком ɡ, который неудачно употреблен в м. а. для заднеязычного звонкого спиранта. Рядом с ŋ допускаю Бругмановский знак ɴ, точно так же как рядом с ʋ — знак, принятый в германской филологии ƀ. — Разницу между ɸ ʋ и ʍ w я вижу, вслед за Jespersen'ом в том, что при первых щель широкая продольная, а при вторых более сконцентрированная; иначе говоря ɸ ʋ являются слабыми чуть раскрытыми p b, а ʍ w — глухим и звонким *и* с сильным консонантным шумом на губах, т.-е. закрытым *и* с энергичной работой губ. — ṡ ż (знак обязательно отвесный и над буквой) — дорсальные *ш* и *ж*, которые могут быть твердыми и мягкими. — š ž (допускаю и знаки м. а.) — корональные ш и ж, могущие быть твердыми и мягкими. Знаки эти являются в полной мере международными и потому я счел необходимым ввести их наряду со знаками м. а. Так сделал и Jespersen, в общем принимающий м. а. — Для θ ð я допускаю и другие общепринятые варианты. — Вслед за Jespersen'ом считаю возможным отличать заднеязычное *r* без дрожания от заднеязычных спирантов, но думаю, что пока можно и не отличать двух рядов таких заднеязычных *r* без **

Таблица знаков для согласных в видоизмененной форме МФА, предложенной проф. Л. В. Щербой (1911 г.)

		Гортанные	Язычковые	Язычные: Задне-: Более глубокие	Язычные: Задне-: Менее глубокие	Язычные: Средне-	Язычные: Передне-	Губные: Зубно-	Губные: Губно-
Смычные	Чистые	ʼ		q ɡ̣	k g	ʄ ɟ	t d		p b
Смычные	Носовые			ŋ̣ [ɴ]		ɲ	n		m
Щелинные	Простые					ʝ [ʎ]	l	f v	φ ʋ [ƀ]
Щелинные	Простые						ɬ		ʍ w
Щелинные	Простые	h ɦ					s z		ɥ
Щелинные	Простые			x ʒ	χ ɣ	ç j	ś ź		
Щелинные	Простые	ḥ [ʜ] ɦ̣ [ʢ]					š [ʃ] ž [ʐ]		
Щелинные	Простые						θ [pϑ] ð [δđ]		
Щелинные	Простые			ɹ	ʁ		ɹ		
Щелинные	С дрожанием		ʁ ʀ				r ř		
Сложные						ć	c ʒ č ǯ ʒ́		

дрожания: для каждого языка все равно придется давать предварительные объяснения (ключ к алфавиту). — При неразличении в данном языке двух рядов заднеязычных всякий, конечно, может выбирать любые знаки и в любом сочетании. Для арабских hha (ḥ) и ʿaïn, механизм которых неизвестен (бронхи только тут не при чем), я позволяю себе предложить знаки ḥ и ɦ̣, наряду со знаками м. а., которые мне кажутся неудобными. — ř — переднеязычное дорсальное r (чешское ř), которое, конечно, может быть твердым и мягким (в чешском оно твердое). Прекрасное описание Хлумского (Chlumsky) в Revue phonétique * 1911, стр. 36 и 37, чешского ř еще более убеждает меня в том, что я был прав в своем анализе его существенных моментов (ср. Известия Отд. р. яз. и сл. XV, 1). Само собой разу- ** меется, что под dorsum в данном случае я разумел его самую переднюю часть. — c — я присваиваю значение обыкновенного русского *ц* или немецкого *z*; з — соответственный звонкий, который до сих пор изображали через *dz*; č — русское *ч*, а ǯ — соответственный звонкий (dž) — оба корональные, тогда как c̍ з̍ — дорсальные (твердые и мягкие); различать ć з́ переднеязычные и среднеязычные представляется мне мудреным на практике. Само собой разумеется, что этим далеко не исчерпывается все богатство аффрикат; но это дело предварительных объяснений или экспонентов, так c^{s} может значить, что преобладает спирантный элемент; ^{t}c, наоборот, что преобладает смычный и т. д. Нужно помнить, что если отмечать все разнообразия звуков человеческой речи, то потребуется бесконечное число знаков в буквальном смысле слова.

Из нововведений, которые бы я себе позволил провизорно предложить — это знаки для глухих — l, ɹ, r, ř. Я полагал-бы, что для этого можно воспользоваться греческим алфавитом, т. е. взять λ, ɗ, ρ, ρ̌.

Л. В. Щерба

Знаки для согласных, употребляемые Бругманом (сравнительно-грамматическая транскрипция)

Гортанные	Заднenебные: Более глубокие	Заднenебные: Менее глубокие	Небные	Зубные	Губные
	q ꞡ	k g	t' [ꝁ] d' [g']	t d	p b
		ŋ	ñ̂	n	m
	ł		l'	l	
				r	
h	x ʒ	χ γ	ś ź	s z	f v ƀ'
			š́ ž́	š ž	
			χ' j	þ [ϑ] đ [δ]	
				c	
				č	

Русская лингвистическая азбука

Согласные

				I. Губные. Губно-губные	I. Губные. Зубно-губные.	II. Передне-язычные. Язычно-зубные, альвеолярные и дорсальные.	II. Передне-язычные. Церебральные.	III. Средне-язычные	IV. Задне-язычные. Язычно-небные	IV. Задне-язычные. Язычно-велярные.	V	VI. Гортанные шумы.
Шумные	Простые	Смычные	Глухие	п	(π)	т	т̣	ħ	ꝁ к	k		ʾ ⊥
			Звонкие	б	(β)	д	д̣	ƕ	ʒ г	г'		ɣ
		Спиранты	Глухие	f	ф	þ с ç ш	ç ш̣	χ̧	x̦ x	x'		h h̲
			Звонкие.	w	в	ð з̣ ʓ ж	з̣ ж̣	j	ɦ ȝ	ɦ'		ɤ
	Сложные					ц ц̣ ч ч̣ ʒ ψ		ȷ̇ J н̓			ɹ ɹ̣ ɻ ʅ	
Сонорные	Звонкие		Носовые	м		н	ṇ	њ j̇	ң	нг		
			Звуки Л			л l	л̣	љ			ʟ	
			Звуки Р			р r	р̣		ɹ	ρ		р
	Глухие			ʻм		ʻн ʻл ʻр						

Объяснение знаков

ç ʒ — дорсальные *ш* и *ж*; ш ж — коропальные.

ʾ перед гласным означает обыкновенное, слабое начало гласного.

ˈ — бесшумный перерыв.

ɣ — гортанный взрыв.

ẖ — арабское ḥ (ḥba).

ɣ — арабское «ʿaĩn».

р — дрожащий гортанный звук.

ȷ = т + j = ᵀj; ȷ = д + j = ᴬj; й = н + j = ᴴj.

ч = т̓ + ш; ц = т̓ + с; ч = т + ш = ᵀш; ц = т + с = ᵀс; џ = д + ж = ᴬж; ʒ = д + з = ᴬз.

ʌ = лъ; l — «средний» л; р = дрожащий *р*; г — *р* без дрожания.

j̇ — носовой j.

ӿ = *т* + *л*; ӿ = *т* + *лл*.

ʎ = одновременное сочетание *х* и *л*.

ҳ = *т* + *л* + *х*.

ʀ = *л* + р или *л* + ρ.

Дополнительные знаки

Слабые глухие: б̥, д̥, г̥.

Энергичные согласные: к̱, т̱, д̱, с̱.

Согласные с закрытой гортанью: т̓, к̓.

Придыхательные согласные: т̔, д̔, с̔ (звонкое придыхание б̔̔, д̔̔).

Усиленное придыхание: пʿ, тʿ.

Согласные с гортанным взрывом: к̆, т̆, п̆.

Палатализованные (мягкие) согласные: т̀, п̀, с̀.

Лабиализованные согласные: т̊, ш̊.

Слогообразующие согласные: м̥, н̥.

Гласные

§ 51. Переходя к анализу звукопроизводных работ при гласных звуках, необходимо остановиться на вопросе — что именно служит отличием гласных от согласных. Выше (в § 42) уже упоминалось о том, что при гласных необходим проход воздуха через полость рта, и следовательно при смычке, закрывающей полость рта, гласные невозможны; в другом месте (в § 17) говорилось, что гортань работает иным образом при согласных, чем при гласных — давая при согласных (благодаря более широкой голосовой щели) выход бо́льшему количеству воздуха. Упоминалось (в § 26) также о том, что гласные без голосового тона (глухие) бывают плохо слышны, что гласные (звонкие) бывают более звучными, чем согласные (почему и бывают слогообразующими) — в этом уже их акустические особенности. Таким образом, из сказанного можно заключить, что разница между гласными и согласными состоит, как в физиологических, так и акустических признаках. Но, с другой стороны, из вышесказанного еще нельзя установить точной границы между гласными и согласными — наоборот можно составить представление о том, что некоторые согласные составляют как бы приближение к гласным. Ведь, если гласные не возможны при смыкании рта, то и некоторые согласные (все кроме смычных и аффрикат, см. § 42) также имеют открытым проход воздуха через рот. Если гласные плохо слышны в глухом виде, то и некоторые согласные (сонорные и носовые, см. § 26) тоже. Эти же самые согласные легко становятся слогообразующими (см. § 32), обличая этим свою близость к гласным. Наконец, по поводу того факта, что гласным присущ небольшой расход выдыхаемого воздуха, можно сказать также, что при различных согласных расход воздуха бывает различен (воздуха расходуется в единицу времени больше при взрыве смычного, чем при спиранте; и при сонорном — меньше, чем при спиранте). В результате мы должны

относиться к физиологическим и к акустическим свойствам гласных звуков — не как к чему-то безусловно отсутствующему в согласных, а наоборот — как к свойствам, допускающим ряд постепенных переходов.

С точки зрения акустической гласные состоят главным образом из голосового тона, т.-е. голосовой тон — это наиболее сильный из звуков, входящих в состав гласного. Но, однако, акустический состав гласного не исчерпывается голосовым тоном, — к нему присоединяются некоторые тоны, создаваемые в полости рта (при носовых гласных в полости рта и в полости носа), и известным образом окрашивающие голосовой тон, — сливающиеся с ним в роде того, как аккорд аккомпанимента сливается с тоном мелодии. Но сами по себе эти звуки, образуемые в полости рта, слабы и плохо слышны. При согласных — наоборот: звуки, образуемые в полости рта, хорошо слышны (по крайней мере при тех согласных, которые не являются переходом к гласным). В связи с этим акустическим отличием между гласными и наиболее отличными от них согласными (смычными неносовыми и спирантами) можно уяснить и отличия физиологические.

Предположим, что смычки нет, и струя воздуха выходит через рот. Для того, чтобы шум, возникающий в полости рта, был силен, нужно, чтобы происходило сильное трение выдыхаемого воздуха о стенки ртовой полости. Это трение может быть сделано сильным в зависимости от двух причин: 1) усиления струи, т.-е. количества выдыхаемого воздуха, 2) сужения ртового прохода. Потому, с одной стороны, при гласных воздуху выходит меньше, чем при спирантах. И, с другой стороны, сужение ртового прохода при спирантах обыкновенно уже, чем при гласных (при гласных рот более открыт). Но иногда различие между спирантом и гласным обусловливается только одним из этих двух факторов. Например, возможно произносить звуки [u], [w] при одинаковом сужении ртового прохода (т.-е. при одинаковом сближении губ); увеличивая количество выдыхаемого воздуха, можно получить [w]; ослабляя же выдых — [u]. Точно так же

можно переходить при одинаковом положении языка, губ и нижней челюсти от звука [ц] к звуку [у].

Что касается до смычных неносовых, то в их акустическом составе играет первенствующую роль взрыв смычки; на взрыв смычки расходуется чрезвычайно большой запас воздуха (если сравнить количество воздуха, выходящего в единицу времени изо рта при взрыве смычки, с количеством воздуха, вытекающего в ту же единицу времени при спирантах и при гласных). И смычные неносовые являются антиподами по отношению к гласным — они менее, чем какие-либо другие согласные могут быть сближаемы с гласными: и по своей степени звучности, и по своей минимальной способности быть слогообразующими, и по той роли, которая уделяется в их акустическом составе голосовому тону (если он имеется), и по количеству выдыхаемого воздуха (в связи с чем находится положение голосовых связок), и по затвору полости рта.

§ 52. Голосовой тон, составляющий акустическую основу и залог хорошей слышимости гласного, называется основным тоном гласного. Однако, как уже говорилось, он вовсе не составляет того, что постоянно для данного гласного, например для гласного [а]. Мы ведь можем произносить разные гласные с одним и тем же голосовым тоном и, с другой стороны, менять его при одном и том же гласном. Характерным для гласного, т. е. тем, что отличает один гласный от другого (напр. [а] от [е]) являются тоны, создаваемые в полости рта. Главный из них (он и самый низкий) называется характерным тоном или формантом данного гласного. Прочие (более высокие) называются обертонами к нему. Совокупность характерного тона с его обертонами, составляющая полную характеристику данного гласного, называется тембром гласного. Тембр гласного зависит от величины и формы полости рта так же, как характер звуков, получаемых из духовых инструментов, зависит от величины и формы этих инструментов. Известно, что большая труба дает более низкие тоны, чем маленькая. Потому и звук [u], при котором участвующая в звукопроизводстве пещера

(полость рта, увеличенная вытянутыми вперед губами) больше, чем при других гласных, обладает наиболее низким характерным тоном. Можно определить характерные тоны для всех гласных, что называется акустической характеристикой гласных.

Самый высокий характерный тон принадлежит гласному [i], при [e] он ниже, при [o] еще ниже, но не настолько, как при [u].

Для того, чтобы ознакомиться с методами и характером акустического описания гласных [которые, замечу кстати, обследовались с акустической стороны гораздо больше, чем согласные], можно рекомендовать книгу Л. В. Щербы
* «Русские гласные в качественном и количественном отношении».

§ 53. С точки зрения звукопроизводных работ гласные можно характеризовать, описывая присущую отдельным гласным форму надставной трубы (т.-е. того канала, по которым протекает выдыхаемый воздух: сюда относится или полость рта или полость рта + полость носа). В этом состоит физиологическая характеристика или физиологическая классификация гласных. Наиболее распространена система физиологической классификации гласных, носящая имена фонетиков
** Bell'a и Sweet'a. Для того, чтобы определить форму надставной трубы, достаточно указать положение подвижных органов: небной занавески, нижней челюсти, языка и губ. О роли небной занавески, в зависимости от которой гласные делятся на носовые и неносовые, уже говорилось (в § 35). Нам остается, следовательно, рассмотреть все неносовые гласные, помня, что каждый из них может быть сделан носовым.

§ 54. Относительно роли нижней челюсти, нужно сказать, что несмотря на обычные различия в ее положении при разных гласных, нельзя считать то или иное положение нижней челюсти (иначе говоря тот или иной раствор челюстного угла) самодовлеющей причиной качества того или иного гласного. Таковой причиной является положение языка и губ; если язык высоко поднят (какой-либо из своих частей) к небу, то тембр гласного получается иной, чем при менее высоком поднятии (той же

части) языка. Точно также при некоторых гласных имеет значение то, насколько сильно приближена одна губа к другой. При сильном поднятии языка, как и при сильном приближении губы к губе, ртовый проход сужается; это обычно сопровождается и уменьшением челюстного угла. И потому гласные, называемые узкими с точки зрения сближения губ или с точки зрения поднятия языка к небу, обыкновенно бывают узкими и в смысле раствора челюстного угла. Но для создания определенного качества гласных важным оказывается первое — положение языка и губ, а не второе (положение нижней челюсти). И можно изловчиться произносить различные гласные (в том числе и широкие и узкие) при одинаковом челюстном угле.

§ 55. С точки зрения участия губ гласные делятся на лабиализованные (от лат. labium «губа») и нелабиализованные. Первые снабжены губным округлением, благодаря которому губы являются краями выходного отверстия звукопроизводной камеры; при вторых краями звукопроизводной камеры служат зубы. В системе Bell'а и Sweet'а лабиализованные носят техническое обозначение round (сокращенно r), а нелабиализованные unround (сокращенно u).

К лабиализованным принадлежат [u], [o], [ɔ], [y], [ø], [œ]. Губная работа (или лабиализация) при звуке [o] иная, чем при [u]: при [o] губы не столь сильно сближены, и круглое отверстие между ними шире, чем при [u]. При [ɔ] оно еще шире. То же самое последовательное расширение губного отверстия наблюдается при переходе от [y] к [ø] и [œ].

Помимо степени сближения губ лабиализованные гласные могут еще различаться в зависимости от степени выпячивания губ вперед. Так французские [u] и [o] произносятся с более сильным выдвижением губ вперед, чем английские или русские лабиализованные гласные.

§ 56. В работах языка при гласных имеется очень много различных сторон, способных отражаться на качестве гласного. Из них схема Bell'а и Sweet'а имеет в виду три самые главные:

место наиболее приподнятой к небу точки языка, степень приподнятости, сильную или слабую напряженность мускулов языка.

§ 57. В зависимости от того, какая часть языка приподнята к небу, гласные делятся (следуя терминологии Bell'a и Sweet'a) на front (сокращенно f), mixed (сокращенно x) и back (сокращенно b). При первых (front) наиболее приближенной к небу оказывается самая передняя часть спинки языка (приблизительно та, которая устраивает сближение при [j] и [ç] — близко лежащая к кончику его). По-русски их принято называть передними гласными. Таковы гласные [i], [e], [ɛ], [y], [ø], [œ]. При гласных типа back приподымается наоборот задняя часть языка (приблизительно та, которая устраивает смычку при [k], [g]). По-русски их принято называть задними гласными. К типу back принадлежат: [u], [o], [ɔ]. Если же при гласном сильнее всего подымается то место языка, которое лежит между местом поднятия при front и местом поднятия при back (т.-е. средняя часть спинки языка), то гласный принадлежит к mixed. По-русски их иногда называют нейтральными гласными. Из гласных этого типа можно упомянуть тот немецкий звук, который заменяет в неударенных слогах звук [e], он изображается через ə; например в Gabe [ga:bə], alle [alə], genommen [gənɔmən]. Иногда этот звук факультативен, например таково второе [ə] в genommen, также в Adel ['a:d(ə)l], hatten [hat(ə)n], Übel ['y:b(ə)l]). К mixed принадлежит также тот гласный, который имеется в английских idea [aidiə], here [hiə], better [betə], honour [ɔnə]. Из лабиализованных к mixed принадлежит норвежский звук, который имеется в словах hus, nu и который является звуком промежуточным между [u] и [y]. Подобный ему звук некогда служил также переходной ступенью в процессе развития французского [y] из латинского [u], например в une<una, lune<luna.

Нужно помнить, что деление на три класса условно — внутри каждого из них могут быть более передние и более задние звуки. Так английское [ə] — звук более задний, чем ə в немец-

ком. Русское ы [ɯ] нередко причисляют к mixed, но между тем это только немного продвинутый вперед back. Если мы от гласного [u], являющегося несомненным представителем типа back, отымем губную работу (сохранив положение языка), то получится звук, очень напоминающий русское [ɯ] (но еще более близкий к [ɯ], типичному для многих турецких языков, напр. киргизского, азербайджанского, якутского).

§ 58. По степени поднятия (какой-либо точки) языка к небу система Bell'а и Sweet'а различает также три степени: гласные с сильным поднятием языка — high (сокращенно h); гласные с менее высоким поднятием языка — mid (сокращенно m); и гласные с еще более низким положением языка — low (сокращенно l). Во французской терминологии обычно различают 4 степени: voyelles fermées, mi-fermées, mi-ouvertes и ouvertes. Но, разумеется, слова fermé и ouvert (как и русские закрытый и открытый или узкий и широкий) могут иметь и относительное значение. Важно отметить, что гласные узкие с точки зрения положения языка (т.-е. приближения языка к небу) являются обычно узкими также и по размеру челюстного угла (см. § 54) и, если они лабиализованные, по величине губного отверстия (см. § 55).

К типу high принадлежат: [i], [u], [y] (voyelles fermées). К mid — [e], [o], [ø] (voyelles mi-fermées). К low — [ɛ], [ɔ] [œ] (voyelles mi-ouvertes) и [a], [ɑ][1] (voyelles ouvertes).

§ 59. Переходя к третьему делению гласных по работам языка, — к делению на напряженные и ненапряженные, нужно указать, что под напряженностью языка разумеется более сильное сокращение его мускулов, благодаря которому поверхность языка становится более твердой. Подобно тому, как большая или меньшая твердость материала, из которого сделан

---

[1] Сохраняя за символом [a] родовое значение звуков типа «А», символом [ɑ], в случае надобности, я буду обозначать задний вариант «А» (каково турецкое а или французское â: [ɑ:] в слове pâte), в отличие от а среднего (как в русском) или а переднего (как французское а в patte).

духовой инструмент, отражается на качестве звука, большая или меньшая напряженность языка дает отличные оттенки гласных. Так гласные напряженные отличаются особенно определенным, как бы металлическим тембром. Таковы все гласные во французском языке. Наоборот, в русском на тембре отражается дряблость и ненапряженность языка, которая является одним из главных дефектов «русского произношения» для французского языка. Bell и Sweet обозначают гласные напряженные термином narrow (сокращенно n), ненапряженные же — wide (сокращенно w). Нужно заметить, что иногда под этими терминами понимается просто большая или меньшая выпяченность и выгнутость языка (т.-е. тонкие оттенки того самого, что выражается терминами high, mid и low). Дело в том, что напряжение мускулов известной части языка способствует некоторому выпячиванию кверху его поверхности. Потому можно встретить, например, противоположение звуков: французского [ɛ] английскому [æ] (тому гласному, который имеется в man, bad) по напряженности первого и ненапряженности второго: [ɛ] названо lfnu, т. е. low front narrow unround, а англ. [æ] названо lfwu, т. е. low front wide unround. Но существенное различие между этими гласными состоит главным образом в меньшей приподнятости (и следовательно меньшем приближении к небу) передней части спинки языка.

В нижеследующих очерках фонетического состава различных языков я не буду прибегать к делению гласных на напряженные и ненапряженные (указав, однако, что все французские гласные более напряжены, чем русские).

§ 60. Для примера я приведу физиологические характеристики следующих французских гласных, служащих типичными и для ряда других языков: [i], [e], [ɛ], [u], [o], [ɔ], [y], [ø], [œ].

[i] hfnu, т.-е. high front narrow unround
[e] mfnu, т.-е. mid » » »
[ɛ] lfnu, т.-е. low » » »

Следовательно, [i], [e] и [ɛ] суть гласные передние, напряженные и нелабиализованные, отличающиеся друг от друга разными степенями приподнятия языка к небу.

[u] h b n r, т.-е. high back narrow round
[o] m b n r, т.-е. mid » » »
[ɔ] l b n r, т.-е. low » » »

Следовательно, [u], [o] и [ɔ] суть гласные задние, напряженные и лабиализованные, отличающиеся друг от друга разными степенями приподнятия языка к небу.

[y] h f n r, т.-е. high front narrow round
[ø] m f n r, т.-е. mid » » »
[œ] l f n r, т.-е. low » » »

Следовательно звуки [y], [ø], [œ] суть гласные передние и лабиализованные, отличающиеся друг от друга различными степенями приподнятости языка к небу. Язычные работы при них одинаковы с язычными работами ряда [i], [e], [ɛ], а губные — с губными работами ряда [u], [o], [ɔ].

В качестве примера, повторяющего важнейшие основные типы гласных (встречающихся в массе других языков), приведу перечень гласных туркменского языка.

Туркменская система вокализма содержит 16 гласных фонем: 8 кратких и 8 долгих:

Краткие:

1) i — h f u
2) e — m f u, напр. в بير [ber] «дай!»
3) y — h f r
4) ø — m f r, напр. в گور [gør] «смотри!»
5) ɯ — h b u
6) u — h b r
7) o — m b r

8) a [точнее = A]. Туркменское краткое a может быть, в общем, причислено, к типу l b n (low-back-unround), но, в отличие от долгого, обладает все-таки сравнительно — сильным

поднятием задней части языка к нёбу, т.-е. приближается к типу mbr (mid-back-unround, для которого символом служит знак [ʌ]).

Пример: داش [daš = dʌš] «далекий» (ср. сев.-узб. taš «вне» и соответствия в других языках: якутском, чувашском и т. д.).

Долгие:

1) i — долгое hfu

2) æ — » lfu напр. в بأش [bæ:š] «б»

3) y — » hfr

4) ø — » mfr напр. в گور [gø:r] «могила»

5) ɯ — напр. в غيز [gɯ:ð]. Это звукопредставление (долгого «ы») фактически произносится на манер дифтонга [ɯ̯i] (или, может быть, даже [ɯ̯i]), так что определение hbu подходит только к началу этого неоднородного гласного

6) u — долгое hbr, напр. в دوز [du:ð] «соль»

7) o — » mbr, напр. в اود [o:d] «огонь»

8) a [= a:] — долгое lbu, напр. в داش [da:š] «камень» (ср. сев.-узб. Иканск. и т. п. [ta:š] и соответствия в других языках: см. выше).

Особым дифференцирующим моментом — как в гласных, так и в согласных — является момент долготы или краткости (или количества гласных и согласных). Мы условимся краткий вариант гласного или согласного оставлять без особого знака, а долгий — обозначать двоеточием после данного транскрипционного знака, напр. [a:, n:].

Особенно часто приходится иметь дело с количественной дифференциацией гласных звуков (долгие же согласные обыкновенно учитываются языковым мышлением как два последовательных тожественных звукопредставления, т.-е. [n:] = nn, — несмотря на то, что фактически-то произносится обычно именно один долгий согласный, а не 2 кратких: напр. в [atta = at:a] мы имеем одну лишь (долгую) смычку — при t: — и один, а не 2 взрыва этой смычки).

В очень большом количестве языков существует принципиальное (фонемное) различие двух количественных категорий гласных: долгих и кратких. Таковы: санскрит, древне-греческий, латинский (и некоторые другие древние индо-европейские языки, унаследовавшие это различение из обще-европейского праязыка),[1] а из живых языков: немецкий, французский, английский (где впрочем количественные отличия гласных идут параллельно с сравнительно крупными качественными различиями), сербский, литовский, латышский, чеченский[2] и ингушский, некоторые из турецких языков (якутский, туркменский, мещерский (нижегородский) и диалектический узбекский [северно-узбекские говоры кышлаков Икана, Кара-Булака, Манкента, говор города Хивы и нек. др.], а с другой стороны киргизский[3] [«каракиргизский»] и др.), монгольские языки, японский (кроме северовосточных и некоторых южно-Кюсюских говоров [Кумамото, Сацума]), рюкюский[4] и ряд других (сюда

---

[1] Хотя для древнейшего из достижимых реконструктивным методом периода индо-европейского языка можно допускать и отсутствие принципиально-долгих гласных (т.-е. иначе говоря предполагать *вторичность* индо-европейских долгот).

[2] Впрочем о специфическом характере существующих в чеченском языке количественных категорий гласных (простых и полифтонгических) см. ниже: подстр. примеч. к стр. 197, и «Фонетическую характеристику чеченского языка». *

[3] В якутском, туркменском, нижегородском мещерском, Кара-Булакском узбекском (как и в древних: уйгурском, орхонском и в языке Махмуда Кашгарского) сохраняются древние, обще-турецкие долготы гласных [напр. як. u̯ot «огонь» (где u̯o — долгий полифтонгический, т.-е. неоднородный гласный, восходящий к *o:), туркменское o:d, мещерское Нижегородск. o:t, Кара-Булакское o:d-, уйгурск. [illegible] т.-е. «oot»]. В киргизском же, уже после конвергенции (совпадения) обще-турецких долгих с краткими, образовались новые долготы из стяжения двух слогов, напр. в ەەر e:r «седло» (в отличие от ەر er «муж»): сравни узбекск. egær ئيگەر, «седло»; или же в киргизск. to: «гора» — из *taw ← *taɣ. В казакском же, как и в узбекском (Ташкентском и др. говорах, но не в Иканском, Кара-Булакском и т. п.) категория парных долгих гласных отсутствует; мнимые же долгие гласные — وُوْ يي — являются на самом деле дифтонгами (из гласного + согласного j или w), в Ташкентском [ij], [uw], в казакском — [ɩj], [ъj], [ɤw], [ɵw].

[4] Значительная часть Рюкюских долгот происходит из стяжения древних двусложных сочетаний в тех же приблизительно случаях, как в японском

можно, с известными оговорками, причислить и китайский, где однако количество тесно связано с представлением музыкального * слогоударения — см. ниже «Фонетическую характеристику кит. языка»).

Весьма редко — лишь в качестве обще-фонетического исключения — встречаются фонетические системы, различающие более двух степеней гласных (и согласных); таковы, напр., финский и эстонский языки.[1]

В эстонском, например, различаются следующие 4 степени долготы гласных и согласных [условлюсь оставлять первую степень без всякого дополнительного знака, вторую степень обозначать двоеточием :, третью — через ⁝·, и четвертую — через ⁝⁝ после буквы]:

1) Краткий гласный (или согласный). Примеры (для Ревель-

центральном и сверх того в тех случаях, где японские центральные сохраняют еще дифтонг, а периферия — северо-восточные и с др. стороны Кюсюские говоры — имеют уже монофтонг [— уже краткий в сев.-восточных и долгий в большинстве Кюсюских]; но в известной части случаев Рюкюская долгота соответствует акцентуационным различиям в зап.-японском (в частности мелодии [ˆ], как в рюк. ku:ba: || Киото kumô [Нагасаки $ko^{r}bu$] «паук»; в праязыке этому [ˆ] и рюкюской долготе соответствовало, очевидно, сочетание гласного с носовым). В односложных же основах, имеющих в Токио краткий гласный, в рюкюском мы встречаем долгий, т.-е. то же удлинение односложных основ, как и в Киотоском. При этом интересно отметить, что все гласные долготы (несмотря на их весьма значительную длительность в разговорной рюкюской речи) сокращаются в рюкюском поэтическом языке: напр. φa: («сторона» — и: кит. φaŋ → *paM → рюк. φa: [яп. φau → ho:]) и o:ru («зеленый» ← *ao-iro) при чтении стихов произносятся с краткими гласными a, o (и в рюкюском стихосложении — в противоположность японскому — разговорная долгота гласных совершенно игнорируется: оба слога в o:ru 青 色 или в so:ti 添 テ [— в поэтич. языке oru, soti] представляют вполне равновеликие единицы в стихе).

[1] Совсем иного характера четверное различение гласных (одного и того же приблизительно ртового уклада) в чеченском языке, куда входят 1) краткие и долгие *простые* и 2) краткие и долгие *дифтонические* (точнее п о л и ф т о н г и ч е с к и е) гласные фонемы. Правда, с физической точки зрения можно и в чеченском различать 3 (по крайней мере) количественных категории одного и того же гласного (простого); но это если считать и комбинаторные различия (которые не будут принципиальными р а з л и ч е н и я м и) — между гласным в закрытом и открытом слоге.

ского говора[1]): pime «темно», tuli «пришел»; t в слове tyk̀:[2] [«tükk»] «кусок» ← нем. Stück.

2. Ординарно-долгий гласный (или согласный): pi:ma «молоко», tu:l «ветер» tu:le Genitiv. «ветра», hu:l «губа» hu:le Genitiv. «губы»; tyk̀: «кусок».

3. Ультра-долгий гласный: pi:·ma Partitiv.[3] «(нет) молока», tu:·le Partitiv. «(нет) ветра» hu:·le Partitiv. «(нет) губы»; tyk̀:·i Partitiv. «(нет) куска».

4. Удвоенный долгий, или максимально-долгий гласный (или согласный): pi::ma Illativ. «в молоко», tu::lde Illativ. «в ветер» (дублеты tu::l:e и tu:les:e[4]), hu::lde Illativ. «в губу» (дублеты hu::l:e и hu:les:e[4]); tyk̀::i Illativ. «в кусок».

Необходимо отметить, однако, что здесь морфологические

---

[1] Наблюдалось произношение уроженки Ревеля — Б. А. Поливановой-Нирк.

[2] Знаком ̀ (напр. k̀, t̀) я отмечаю характерную для эстонских (Ревельского говора) «мягких» степень палатализации. По сравнению с русскими «мягкими» (*ть сь* и т. д.) эстонские t̀ k̀ и т. д. могут быть названы «полумягкими», и напоминают, в общем, комбинаторные полу-мягкие моего, напр., русского произношения (— перед следующим «мягким»), каково например s=s̀ в слове *снять*. В позиции перед i значек ̀ можно было бы опускать (так как здесь данная степень «мягкости» обусловлена комбинаторно); но разумеется там, где «полумягкие» стоят в независимой позиции (а именно на конце слов — напр. в nu:t̀ «*нуut*» «кнут», tyk̀: «кусок»), обозначение полу-мягкости обязательно (для «по-фонемной» или психофонетической транскрипции). С исторической точки зрения, эти, свойственные Ревельскому говору, представления парных «полу-мягких» согласных являются чертой сравнительно недавнего происхождения, а с другой стороны, вряд ли и окажутся долговечными в будущей истории говора. Интересной особенностью эст. полу-мягких долгих является неодинаковая степень палатализации (т. е. изменение уклада языка) от начала к концу согласного. Наконец, укажу на наличие случаев, где мягкость согласного—не обычного историко-фонетического происхождения, а может быть поставлена в связь со специфическим значением слова (что является достопримечательным, как пример так называемой Lautsymbolik).

[3] Падеж этот, соответствующий (по значению) русским Partitiv'ам на -u *чаю* (čaj-u), *сахару* (saxar-u), в эст. грамматике называется Osastav (от osa «часть»; ср. лат. pars, откуда и термин Partitivus).

[4] В этой последней форме имеется уже ординарная (а не удвоенная) долгота, так как признаком падежа здесь служит особый суффикс.

ассоциации[1] (различение падежей: Genitiv. [и Nominativ.] — Partitiv. — Illativ.) зависит не только от чередований количества, (т.-е. различений типа u: — u:· — u:: и т. п.), но и от музыкально-акцентуационных чередований, сопровождающих названные количественные различения: именно каждая из степеней *долготы* (т.-е. вторая, третья и четвертая степень количества гласного, resp. согласного) служит субстратом для осуществления своеобразной мелодии голосового тона (при чем, оказывается, характер этой мелодии стоит в органической связи с данной степенью долготы; это лучше всего видно в том, что на удвоенную, или максимальную долготу приходится двойная по своему составу мелодия).

Переходя к мелодической характеристике указанных чередований, нужно начать с простейшего случая фонетического состава слов. Двусложное слово из кратких слогов имеет (в большинстве случаев[2]) музыкально-силовое ударение[3] на первом слоге, который отнюдь, однако, не удлиняется от этого; наоборот, гласный второго (следующего за ударенным) слога бывает более длителен, чем гласный первого, сопровождаясь вместе с тем (независимо от интервала вниз от первого слога ко второму) понижением голосового тона внутри данного гласного; такова по крайней мере, картина изолированного произношения эст. слова (а эту позицию и нужно считать типологически-важной, как наиболее благоприятную для осуществления имеющегося в произносительном намерении фонетического пред-

[1] Различие двух первых (1-ой и 2-ой) степеней количества обычно семасиологизуется, а 2-ой, 3-ей и 4-ой морфологизуется (как деклинационное чередование) в эст. языке.

[2] Ввиде доминирующей нормы в эст. языке ударение приходится на первый слог. Но под влиянием других языков некоторые (заимствованные) слова усвоены уже с не-начальным ударением. Интересно, что старшее поколение остается зачастую верным общей норме и в этих словах. Напр. имя (для Эстонии — шведского происхождения) Brigitta стариками произносится как prigit:a с начальным ударением (а также с глухим p вм. b в начале слова).

[3] Т.-е. состоящее из краткого экспираторно-силового удара (ictus'а) и относительной высоты гол. тона (по отношению к неударному, т.-е. ко второму слогу).

ставления слова). Таким образом слова типа tema tuli pime и т. д. произносятся со следующей мелодией:

te ma
tu li
pi me

При ординарной долготе (т.-е. 2-ой степени количества) первого слога, напр. в Genitiv'ах pi:ma tu:le hu:le и т. п., вторая часть долгого гласного играет, в мелодическом отношении, роль, соответствующую второму слогу слов tema tuli pime. Иначе говоря, музыкально-силовое ударение приходится лишь на первую часть долгого гласного. Если мы обозначим[1] мелодию слов tema tuli pime ввиде ⌜te⌞ma ⌜tu⌞li ⌜pi⌞me, то слова со 2-ой степенью количества в первом слоге выразить придется так: ⌜pi⌞:ma ⌜tu⌞:le ⌝hu⌞:le.

При ультра-долготе (т.-е. 3-ей степени количества) первого слога [т.-е. в Partitiv'ах] скачок голосового тона вниз (соответствующий скачку в ⌜te⌞ma ⌜tu⌞li ⌜pi⌞me) имеет место уже значительно позднее, чем в предыдущем случае (в Genitiv'ах ⌜pi⌞:ma ⌜tu⌞:le ⌝hu⌞:le), именно уже на самом исходе гласного — при переходе ко второму слогу. Мелодия этих Partitiv'ов может быть, следовательно, выражена так: ⌜pi:·⌝⌞ma ⌜tu:·⌝⌞le ⌝hu:·⌝⌞le.

И наконец при двукратной долготе (4-ой степени количества) первого слога мы имеем и двойную по своему составу мелодию — в частности нисходяще-восходящую (ˇ). Транскрибировать формы Illativ'а (pi::ma и т. д.) можно, следовательно, так: ⌜pi⌞:⌜:⌞ma или сокращенно — pi:ˇ:⌞ma и т. д. Впрочем, нисходяще-восходящий характер не является единственно-возможным

[1] Пользуясь теми же знаками ⌜ и ⌞, которые я употреблял уже (с тожественным значением) при описании западно-японской муз. акцентуации (говоров Киото и Тоса) — см. выше.

в слогах этого типа (с 4-ой степенью количества): в зависимости от привходящих (эмфатических или синтаксических) условий вместо нисходяще-восходящей допустима, повидимому, и восходяще-нисходящая; но во всяком случае в обоих этих вариантах на-лицо именно *двойная* по своему составу мелодия (в которой ординарная нисходящая мелодия, присущая Genitiv'ам, умещается именно как *половина*, что соответствует и соотношению количеств гласных: [i::] : [i:] = 2 : 1). В итоге у нас наметилось, в связи с различиями количества гласных, 4 разных мелодических типа двусложного слова:

⌜pi⌞me
⌜pi⌞:ma
⌜pi:·⌝⌞ma
⌜pi⌞:⌜:⌞ma

Что является первичным для эст. языкового мышления в этих чередованиях: количество или мелодия? — на этот вопрос трудно дать категорический ответ. Во всяком случае здесь мы имеем две физических стороны одного и того же психофонетического представления; они взаимно дополняют друг и друга, но каждая сохраняет свою потенциальную значимость и сама по себе. Это подтверждается уже тем обстоятельством, что в специфических комбинаторных условиях, где один из этих моментов вынужденно отсутствует, символическая функция в достаточной мере выполняется вторым. Например при глухости согласного в Illativ'e tyk'::i нисходяще-восходящая мелодия, конечно, не осуществляется как таковая: уцелевает лишь небольшой намек на нее в специфической акцентуации гласного y; выразителем формы (Illativ'a) выступает, значит, количество согласного.

Но есть и обратные случаи: в дифтонгах (где, повидимому, произошло сокращение и конвергенция 4-ой, 3-ей и 2-ой степеней количества благодаря положению *перед другим гласным*) носителем морфологического различия становится одна лишь мелодия: напр.

Genitiv. ⌜ka⌞evu «колодца» ⌜la⌞eva «корабля»
Partitiv. ⌜kae⌝⌞vu » ⌜lae⌝⌞va »
Illativ. kaˇe⌞vu «в колодец» laˇe⌞va «в корабель».

[Вероятно в этих формах произошла конвергенция (т.-е. нивеллировка количества) дифтонгов *a::e, *a:·e и *a:e. Позиция перед другим гласным, как показывают примеры в истории разных языков, является чрезвычайно благоприятствующей для сокращения долготы].

§ 61. В ряде же языков принципиальное различение долгих и кратких гласных, наоборот, совсем отсутствует (т.-е. отсутствуют парные категории долгих и кратких вроде a: o: e: и т. д. | a o e и т. д.), хотя при этом тем не менее могут существовать комбинаторные различия в количестве гласных.

Это мы встречаем, напр., в русском языке, где не может быть словоразличения в роде [dom | do:m] [2]; тем не менее всякий ударенный гласный в русском языке оказывается сравнительно долгим (т.-е. получает комбинаторную долготу — именно ввиду комбинации с представлением ударения) по отношению к неударенным гласным (в среднем — в 1½ раза длительнее неударенного).

Такую же комбинаторную долготу (буду обозначать ее одной точкой вверху строки, напр. [a·]) мы находим и в Аоморийском говоре японского языка, где все нормально-японские долготы (как гласных, так и согласных) уже сократились: тем не менее конечный слог слов, соответствующих Токиоским «дзэнхэй'ям» * (全 平), произносится в этом говоре с сравнительно большой длительностью, чем в других типах слов, напр. $\overline{\text{sara}}$· «тарелка» 皿, $\overline{\text{hana}}$· «нос» 鼻 (Токио $\overline{\text{sara}}$ $\overline{\text{hana}}$), но этого удлинения не происходит при сильном подъеме голосового тона в ha⌜na «цветок» 花 (Токио ha⌜na).

Есть и другие комбинаторные условия количественных вариаций: главнейшие факторы состоят здесь 1) в составе слога:

[2] Диалектическое явление в виде вятского, напр., долгого а в бывáт (вм. бывáет), мы здесь не рассматриваем.

в массе языков гласный закрытого (оканчивающегося на согласный) слога будет короче, чем гласный открытого слога: этим обусловлена дивергенция вульгарно-латинских гласных в романских языках (напр. e·| и eC|); этим же объясняется то, что обще-кит. *ip, *it, *ik — через ступень i' (入 聲) — совпадают в мандаринском главным образом не с долгими, а с краткими тонами (2-ым и 4-ым). Примеров подобного комбинаторного чередования (сравнительно долгого — в открытом, и краткого гласного в закрытом слоге) можно было бы привести множество (напр. профессор Миллер констатирует это явление в талышском языке, а О. Сухарева — в таджикском диалекте персидского языка), 2) в конечной позиции в слоге, которая в целом ряде языков обусловливает сравнительную краткость гласного [как будто противоречащее этому явление — в английском, где в конечной позиции в слове возможны только долгие гласные фонемы, имеет, конечно, специальное объяснение]. Между прочим, допуская такое сокращение конечных гласных в эпоху образования иранизованного диалекта узбекского языка, я нахожу возможным объяснить этим тот факт, что конечное *a турецких слов дало в этом диалекте (по крайней мере в Ташкентском, Самаркандском и Бухарском) звук æ [или ɛι] (т.-е. уподобилось таджикской относительно краткой фонеме æ [или ɛι]), тогда как *a неконечное дало ɔ (уподобившись таджикской длительной фонеме ɔ): напр. *ata [= *a·ta] → Ташк. ɔtæ [= ɔ·tæ], Самарк. ɔtɛι [= ɔ·tɛι] и т. д.

Наконец в ряде языков количественные признаки сопровождают собою качественные различения гласных. Укажу в качестве примера на таджикский (Самаркандский) или же на узбекский иранизованный (Ташкентский или Самаркандский, где в сущности та же система вокализма, что в таджикском): 6 гласных фонем этих диалектов располагаются в следующие категории по их количественной характеристике:

1) весьма краткие гласные: ı u

Примечание. Не останавливаясь здесь на качественном

различии между Ташкентским ı и соответствующим Самаркандским (узбекским и таджикским) звуком, я условно обозначаю их одним знаком: ı. О случаях выпадения [ı] см. выше.

2) краткий: æ (в Ташк.; в Самарк. ɛɩ).

Примечание. ɛɩ в таджикском восходит к обще-иранскому краткому *a, напр. mɛɩn «я» ← др. перс. род. пад. mana ← и.-е. *mene (ср. слав. МЄНЄ).

3) сравнительно-долгие:

e o [или e˙ o˙
ɔ ɔ˙]

Примечание. Таджикские e o восходят к индо-европейским дифтонгам (в обще-арийской форме *ai, *au), напр. тадж. dew «див» ← *daiwa (ср. скр. dēva-ḥ «бог»). Таджикское ɔ (ɔ̃) восходит к обще-арийскому *a:, напр. dɔd «дал» ← *dā-ta (и.-е. √*dō, ср. лат. dō-nu-m, греч. δίδωμι, слав. ДА-ТИ).

§ 62. Всякий гласный в нашей речи не является, строго говоря, вполне однородным на всем своем протяжении. При этом особый качественный уклон гласного в его различные последовательные моменты — от начала до конца гласного — зависит обыкновенно от соседних звуков (видоизменяющих прежде всего, разумеется, ближайший к ним период: начало или конец гласного). Так, например, русское ударенное [a] в слове тятя физически довольно сильно отличается от [a] в слове дам [dam] — несмотря на тожество произносительного намерения (т.-е. тожество фонемы a) в обоих случаях. Схематически состав этого [a] (в первом слоге тятя) можно изобразить в виде ряда постепенно сменяющих друг друга звуков; грубо-приблизительно их можно обозначить, напр., так:

ⁱ ⁱ ı e ɛ æ ä̈ ɛɩ a ɛɩ ä̈ æ ɛ e ı ⁱ ⁱ

Начало и конец (а в действительности бо́льшая часть всей фонации) здесь вовсе не являются звуком [a], а более передними

звуками — под влиянием предшествующего и последующего палатализованного [tʹ]. При более или менее беглом произношении период чистого [a] может даже совсем отсутствовать: вместо него в центре гласного будет звучать [ǟ].

Наоборот, качественный состав а в слове **д а м** (т.-е. в положении после «твердого» переднеязычного — апикального [d] и перед губным носовым [m]) выразится (схематически и опять таки грубо-приблизительно) так:

ᵃɪ̑ ᵈɪ̑ ɪ ɘ ɵ ɑ ɐ a ʌ̃ ɔ̃ ᵒ̃ w̃ ɓ̃

Это не мешает нам, однако, принципиально мыслить однородное (и постоянное в разных словах) **з в у к о п р е д с т а в л е н и е** (— ударенного [a]).

§ 63. Но в некоторых языках, наоборот, определенная *неоднородная* структура гласного оказывается принципиальной его характеристикой, т.-е. сам гласный, как таковой, — независимо от влияния соседних звуков, — должен видоизменяться в определенном направлении от начала к концу фонации.

Таковы, напр., **п о л и ф т о н г и** (букв. «многозвучия») или полифтонгические фонемы якутского, восточно-лужицкого, латышского, чеченского и китайского (Пекинского, Мукденского, Шаньдунского и др.). В якутском сюда относятся i̯e yø ɯ̯ʌ u̯o (в якутском «Новгородовском» алфавите: ıc w ıъ ɷ), т.-е. полифтонги (или полифтонгические фонемы, — но не дифтонгические сочетания двух фонем)[1] заменившие собою древне-якутские (б. ч.

[1] Это доказывается в частности тем, что последний элемент указанных «полифтонгических фонем», т.-е. их элементы [e, ø, ʌ, o] оказываются более закрытыми (узкими), чем существующие в як. языке соответствующие краткие фонемы: ɛ œ a [точнее = ɑ] ɔ. А если бы наоборот мы имели бы здесь просто «дифтонгические сочетания 2-х кратких фонем» i + ɛ, y + œ, ɯ + a, u + ɔ, — то мы вправе были бы ожидать, что второй элемент этих дифтонгов будет, в общем (или по крайней мере при особо старательном произношении) равен звукам ɛ œ a ɔ в изоляции.

обще-турецкие) долгие гласные *e:, *ø:, *ɯ:, *o:;[1] поэтому-то и нынешние i͜e, y͜ø, ɯ͜ʌ, u͜o играют в современной якутской системе роль долгих гласных.

В северно-китайском к таким «полифтонгическим гласным» принадлежат:

1) сужающиеся: e͜i o͜u
2) расширяющиеся: i͜æ ɯ͜ə
y͜æ ɔ͜ₐ(ɔ͜a)

[См. ниже «Краткую фонетическую характеристику кит. языка» (таблица третьих элементов силлабемы)]. *

И, наконец, из японских диалектических фактов сюда относится дифтонгическая (или полифтонгическая) фонема [ʿa:] (и ее более редкий вариант [ʿa]) в Нагасакском говоре деревни Мие: напр. tʿa:˥ko «барабан» — из *taiko, tatʿa:ta Praeteritum «был» — из *tataita, tʿa: Dat.-Loc. от ta 田 (из ta-i ← ta-e), φtʿai «вдвоем» — вм. φutari 二人. Появление этого звукопредставления объясняется принципиальным отсутствием парного «мягкого» согласного для звука t. Поэтому вместо [ʹa:], т.-е. [a:] с предшествующей мягкостью согласного, что мы имеем в этом говоре из *ai после других согласных (напр. jaɯʹa: Dat.-Loc. от jama, — из *jəma-i ← *jama-e), после t (остающегося твердым) оба характерных для [ʹa:] момента (— и сам гласный [a:] и переходный Gleitlaut от мягкого согласного к [a:], заменяемый здесь через [ʿ]) входят в качестве принципиальных элементов в гласное представление — [ʿa:]).

Примечание. [ʿa] в φtʿaᵢi 二人 находит особое (и притом довольно сложное) объяснение.

---

[1] Например як. bi͜es ← *be:š «5» (ср. туркм. bæ:š), як. ty͜ørt ← *tø:rt «4» (ср. туркм. dø:rt), як. tɯ͜ʌ «лес» ← *tɯ: ← *tɯu ← *tau (ср. казакск. تاو «гора»; отсюда же и чувашск. tu) ← *taɣ (ср. узб. تاغ), як. u͜ot ← *o:t «огонь» (ср. выше — туркм. o:d, мещерск. o:t, уйгурск. «oot»).

§ 64. В большинстве языков в образовании гласных участвует лишь спинка, но не самый кончик (corōna или apex) языка. Поэтому мы называем *передними* гласными такие, где работает передняя часть спинки языка (dorsum), тогда как с точки зрения классификации согласных мы назвали бы звук, при котором подымается к небу эта часть языка, не переднеязычным, а среднеязычным. Сравни определение [j] как *среднеязычного* согласного и соответствующего ему гласного [i] — в качестве *переднего* гласного.

Это расхождение вполне естественно — так как обычно при классификации гласных не имеют в виду возможности апикальной работы, которая так важна при согласных (именно при *переднеязычных* согласных: t d n s r и т. д.).

Однако в некоторых случаях (хотя весьма редко) встречаются и *апикальные гласные*, т.-е. такие гласные (слогообразующие) звуки, при которых кончик языка образует сужение против верхних передних зубов или же прилегающей к ним части твердого нёба. Остальная часть языка при этом не обнаруживает более или менее значительного выпячивания к нёбу, так что местом характерного для данного гласного сужения оказывается именно кончик языка (и с другой стороны передняя часть нёба или верхние передние зубы).

Такие гласные известны мне (по личному наблюдению) только: 1) в северо-восточных говорах японского языка, 2) в китайском (мандаринском).

В северо-восточно-японском сюда относятся фонемы ˀɪ̄ и ˀü — напр. в Ёнэдзава ð̈ˀɪð̈ˀɪ ←— *juri «лилия», Аомори bˀɪro вм. *biru «пиявка» [в другом клане fsïro вм. *piru; ср. Киото çirû, Нагасаки biˀri], ˀɪ̄ˀdo «нитка» ←— *ito, maˀʒɪ̄ [= maˀʒˀɪ] «город» ←— *mati, ˀüsɪ̄ ←— *ˀusiˀ «корова, бык» [слово обще-японское; рядом имеется местное диалектическое biˀgo ←— ˀbekoˀ; ср. Нагасаки be:beˌ:, beˌko, bebeŋˌko «теленок»]; ˀüsɪ̄ ←— usu, ср. Токио ˀusu «ступка».

Примечание. Таким образом ˀusɪ̄ «корова, бык» и ˀüsɪ̄

«ступка» различаются в Аомори лишь акцентуацией: в первом слове она соответствует Токиоскому дзэнхею, во втором — ударению на первом слоге. *

В северно-китайском сюда относится, главным образом, апикальное ˢI или даже ʐ после свистящих: s ʽз cʽ, т. е. в слогах sI | sʐ (напр. 死, Шаньдунск. 是), ʽзI | ʽзʐ (напр. 子, Шаньдунск. 紙), cʽI | cʽʐ («цы» в русск. транскрипции).

Происхождение апикального характера этих яп. и китайск. гласных объясняется чисто комбинаторно: ассимиляцией гласного (u или i, при том стремящихся к качественной и количественной редукции) к артикуляции предшествующего переднеязычного согласного (— в японском c з s, в китайском cʽ ʽs/-з s): дело в том, что в северо-восточно-японском гласный ˢI (после глухих ˢI̥) первоначально появлялся именно только после переднеязычных аффрикат и спиранта (т.-е. слогах *cu *ci [откуда cI], *зu *зi [откуда зI], *su *si [откуда sI̥], т.-е. в слогах, восходивших к обще-японским *tu *ti *du *zu *di *zi *su *si); потом же — после того как из конвергенции u × i → ˢI (в данных позициях: после переднеязычных спиранта и аффрикат) выработалась особая новая фонема — ˢI, — она была подставлена на место всякого старого *i в прочих позициях (таким образом начальное *i → ˢI, *ki → kˢI и т. д.); а для соответствующей замены *u (не участвовавшего в конвергенции *u × *i → ˢI, т.-е. вне позиции после передне-язычных аффрикат или спиранта) была создана сходная с ˢI по язычной работе, но губная фонема — ˢÜ. Подробности см. в моей статье «Вокализм северо-восточных японских говоров» ДРАН, 1924. **

С точки зрения физиологической классификации гласных апикальные гласные типа [ˢI] (и соответствующего лабиализованного [ˢÜ]) можно причислить к категории mixed, однако, лишь с оговоркой, что имеется в виду та разновидность категории mixed, при которой «средний» (или «смешанный») характер гласного обусловлен не тем, что поднимается к нёбу средняя часть спинки (dorsum) языка, а тем, что нельзя решить какая именно

из частей спинки языка (кончик языка, т.-е. apex, — не идет в счет) наиболее приподнята к нёбу: язык приподнимается, приблизительно равномерно, всею своею поверхностью: и задней, и средней, и передней частью спинки (dorsum), а сверх того еще и apex'ом.

С точки же зрения акустической, эти апикальные гласные (в частности китайское и японское ˢï, которое при известных условиях приобретает характер просто [z] слогового — z̩) могут рассматриваться как промежуточная (переходная) ступень между гласными и согласными.

§ 65. В заключение общего обзора гласных звуков приведу таблицы транскрипционных символов (для гласных) в МФА 1907—1908 г., в видоизмененном (Л. В. Щербой) МФА 1911 г., а также в других универсальных системах транскрипции: Бругмановской и Р. Л. А. Схема расположения символов — так называемый «треугольник гласных», в трех углах которого предполагаются крайние типы гласных: i u

a

т. е.: 1) узкие вверху, широкие внизу, 2) передние налево, задние направо (а промежуточные ступени занимают соответственное промежуточное положение), или наоборот.

Лабиализованные — в отличие от нелабиализованных заключены в скобки, напр., (u).

I. Гласные символы МФА 1907—1908 гг. (по брошюре проф. Л. В. Щербы)

(u ù) ɯ (ü) ï (ẏ y) ì i

(ʊ) (ʏ) ɪ

(o ò) ɤ (ö) ë (ø̀ ø) è e

ə

(ɔ) ʌ (ɔ̈) ä (œ) ɛ

ɐ æ

ɑ a

Объяснения знаков

u — итальянское *u*, французское *ou*; ʊ — очень закрытое o;[1] o — закрытое *o* французского *beau*; ɔ — открытое *o* французского *tort* или еще лучше итальянского *notte*; ɑ — *a* во французском *pas*; a — *a* французского *rat*; æ — *a* южно-английского *man*; ε — *e* французского *fer*; e — *e* французского *né*; ı — очень закрытое e; ɯ — u, произносимое без округления губ; ʌ — точно так же произносимое ɔ (разновидность английского *but*); œ, ø, y — гласные ε, e, i, произносимые с округлением губ — ср. французские слова *peur*, *peu*, *nu*; ʏ — промежуточное между *ø* и y (шведское *hus*).

ì, è, ò, ù — ненапряженные гласные: слышатся в английских словах *pin, pen, no* (nòù), *put*.

ä, ë, ï, ö, ü — средние гласные (mixtes): ä — гласный, слышащийся в южно-английском слове *fur*, ï — гласный кимрского (уэльсского) *un*; ü — норвежского *hus*.

ə может употребляться в качестве знака для так называемых неопределенных гласных, в неударенных слогах, например, *e* во французском слове *Tournefort*; ɐ — в случае надобности может употребляться для такого же гласного, но более открытого.

Носовые гласные, не имеющие специального знака, обозначаются так: ε̃ — *in* (французское), œ̃ — *un* (фр.). ĩ — гласный португальского *fin* и т. д.[2]

Дополнительные знаки. Долгота обозначается :, ударение — в случае надобности — косой чертой (ʹ) перед ударенным слогом. Шопотные гласные обозначаются запятой внизу: u̦, i̦. Гласные напряженные обозначаются акутом, ненапряженные — грависом: немецкие gú:t, dùm; английские fí:t, fìt.

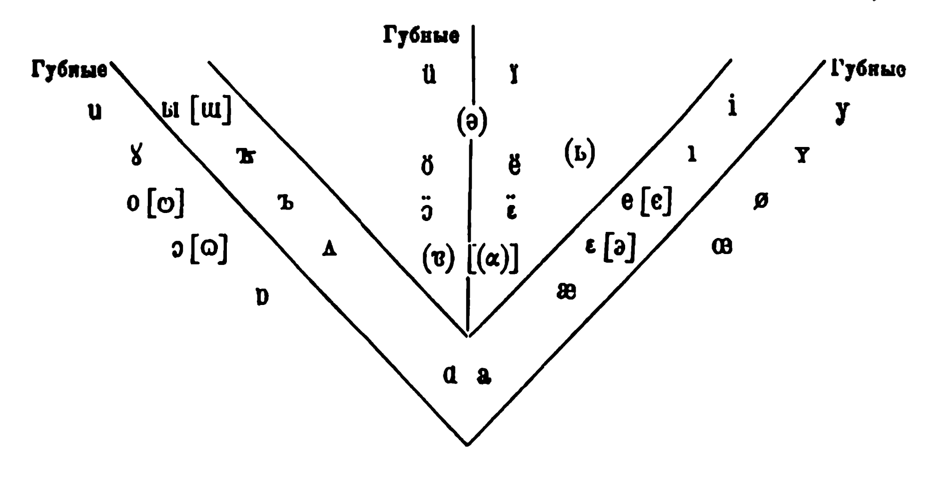
---

[1] Следовательно, этот знак (ʊ) можно было бы применить к узбекскому (Ташкентскому и Самаркандскому) закрытому o (в новой узб. графике و, ئو). Е. П.

[2] Встречается еще, напр., в чеченском. Е. П.

⊢ после буквы означает язык более впереди, ⊣ — более позади, ⊤ — рот более открыт, ⊥ — рот более закрыт,) — губы более округлены, (— углы губ раздвинуты.

* **Таблица знаков для гласных в переработке МФА 1911 г. (Л. В. Щербы).**

Объяснения знаков

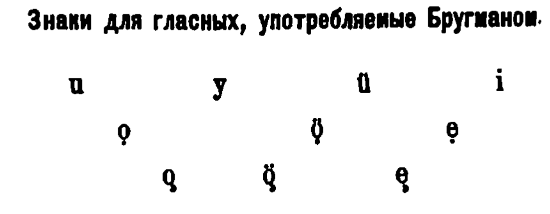
Особого объяснения таблица гласных не требует, кроме разве того, что двумя точками обозначены гласные mixed. Что разуметь под этим термином — дело каждого пользующегося, как это, впрочем, имело место и до сих пор. В круглые скобки взяты знаки для *иррациональных*, *редуцированных*, *неопределенных*, т. е. особо кратких, стремящихся к нулю гласных: ə — более закрытого, ɐ или α — более открытого, ь — более переднего (наклонного к i).

Я заменил неудобное ʊ м. а. славянским ɤ, прописное I просто ı без точки наверху. Для заднеязычных негубных я взял знаки русский и болгарский, как подходящие по своему значению; только я соединил чертой обе части русского *ы*, для того чтобы оно не могло быть принято за 2 знака.

** ɒ для очень открытого *o* давно предложено уже в Maître Phonétique и многими употребляется. Для открытых и закрытых

о и е я допустил также знаки, употребляемые Бодуэном, хотя лично мне они и не нравятся по мнемотехническим соображениям. [Л. В. Щерба «К вопросу о транскрипции», стр. 11, * 14—15].

Знаки для гласных, употребляемые Бругманом. **

Наконец, приведу еще знаки для гласных РЛА (Русской *** Лингвистической Азбуки) — по схеме четырехугольника (квадрата) гласных:

Движение языка											
		вперед; отверстие узкое.				индифферентн.	назад; отверстие широкое.				
Движение губ	назад; отверстие длинное	i								ы	Зубные.
			e						ы		
				ä				ë			
					э		е				
						а					
	вперед; отверстие круглое.				ö		ω				Губные.
				ŏ				о			
			ö						ɔ		
		у								у	
		Нёбные.					Гортанные.				

Дополнительные знаки:

1) Энергический выговор: a̲, o̲.

2) Слабая артикуляция: ẹ, ị.

3) Долгота: ā, ē.

4) Краткость: ă, ў.

5) Носовой оттенок с начала до конца гласного: a̰, ḛ.

6) Носовой оттенок к концу гласного: ą, ę.

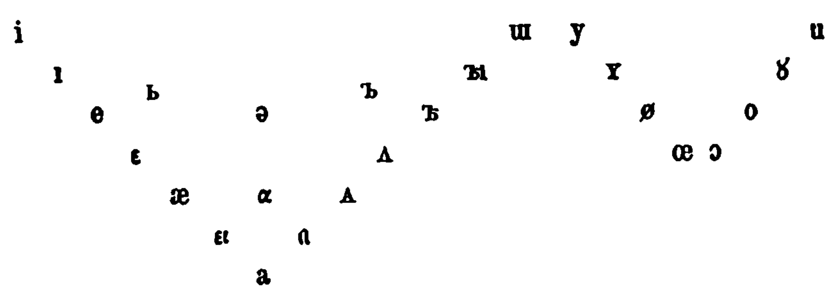
7) Двухсложное произношение гласных: рус. на'ука.

8) Односложное произношение гласных: кляʸза или кляўза.

9) Перерыв между гласными: араб. са'ала.

[Л. В. Щерба «К вопросу о транскрипции» стр. 19—20].

§ 66. Лично я в настоящей работе буду употреблять (на основе МФА) следующие символы гласных звуков:[1]

Две точки ¨ над буквой означают mixed или уклон в сторону mixed.

Обозначение носовых (˜), глухих (˯) и пр. варьяций указывалось выше.

Психологические элементы фонетики (психофонетика)

§ 67. В предшествующих параграфах (§§ 16—66) устана-

[1] Первоначально я предполагал включить в настоящий курс подробную схему с бо́льшим числом теоротических вариантов каждого типа, но так как использование такой прецизированной транскрипции требует громадной точности наблюдений (или же инструментальных, в частности рентгенографических данных), а иначе вместо точности мы рискуем давать просто ошибочный выбор знаков, — я отказался от этой затеи.

вливались различия между отдельными звуками в зависимости от звукопроизводных работ при них; но нужно иметь в виду, что, во 1), не все физиологические и физические различия между звуками (т.-е. различия по звукопроизводным работам и по акустическому составу звуков) имеют одну и ту же ценность для языка, как средства общения, и что, во 2), в разных языках ценность какого-либо различия между двумя звуками может быть различной; иначе говоря, отношение языкового мышления к известному качеству звука может быть различно.

Примером звуковых различий, мало важных для языка, как средства взаимного понимания, может служить хотя бы то, что какое-нибудь русское слово, напр. в о д а [vada] способно быть произнесенным на разные лады — громко или тихо и даже шепотом, быстро или медленно, отчетливо или неряшливо, может, быть даже гнусаво, в нос — и при всех этих физических и физиологических отличиях составляющих его звуков, оно остается все-таки тем же словом с тем же значением; а ведь при быстром неряшливом произношении гласный первого слога бывает другим, чем при чеканном произношении нараспев; при гнусавом же произношении неносовой гласный заменяется носовым. В слове т о п о т [topat] гласный второго слога может быть при старательном произношении звонким, а при неряшливом — глухим. Но мы, однако, не задумаемся признать оба произношения за одно и то же слово и не привыкли отличать одно из них от другого. Ср. выше (стр. 80) о двух возможных произношениях южно-японского (гов. дер. Мие) слова ha˛ši (или со звонким или глухим [i]), а также о допустимости и глухого [a] (т.-е. произношения [ha̭ši] с нисходящей мелодией внутри гласного [i]).

Но попробуем заменить в слове [vadá] ударенный гласный через звук [ɯ] — получится совсем другое слово: в о д ы [vadɯ]. Следовательно, различие между ударенным [a] и ударенным [ɯ] принадлежит к различиям совсем другого порядка, чем вышеприведенные, — к различиям, способным связываться с различиями значения (т.-е. дифференцировать слова). Если в слове в о д а

мы заменим звук [d] через [t], то мы, правда, не получим нового слова, так как слова [vatá] нет в русском языке, но мы, однако, чувствуем, что различие между [vadá] и [vatá] принадлежит к различиям того же порядка, как и различие между [vadá] и [vadɯ], т.-е. к различиям, способным связываться со смысловыми различиями и способным, следовательно, дифференцировать два слова. То обстоятельство, что слова [vatá] нет, — случайность; такое слово может существовать в русском языке (например, для какого-нибудь иностранного собственного имени), и комплекс [vatá], независимо от того, является он словом или нет, так же отчетливо отделяется в русском языковом мышлении от комплекса [vadá], как комплекс [atám] (а там) отличается от [adám] (Адам).

§ 68. Но различия между звуками, способные связываться со смысловыми различиями (и дифференцировать слова) в одном языке, могут оказаться непригодными для этой роли в другом языке. Резким примером контраста с отношением русского языкового мышления к известным качествам звуков (иначе говоря с русской психофонетикой) может служить следующий факт из языка айну (обитателей Сахалина и сев. Японии). В их языке не играет важной роли различие между звонкими и глухими согласными, напр., слово [kotan] может быть произнесено также [kodan] — с тем же (приблизительно) правом, как в русском топот второй — глухой гласный может быть заменен звонким. Но в русском [kotan] и [kodan] всегда будут резко отличаться, как комплексы, способные стать отдельными несмешивающимися словами.

В языке индейцев Южной Америки (ботокудов) подобным же образом оказывается несущественным различие в положении небной занавески при согласных: можно слышать то [d], то [n]; или то [b], то [m]. Одно и то же слово может быть произнесено то в виде [nene], то в виде [dede].

В китайском, японском (и других) языках могут быть различия между односложными словами в зависимости от присущей

тому или другому слову мелодии голосового тона (музыкальному ударению, см. § 33). Так в пекинском слог [ma] с одной интонацией представляет слово «мать», с другой—«конопля», с третьей—«лошадь», с четвертой—«ругаться». Русской же психофонетике такие возможности словоразличения чужды.

А для японца чуждым, наоборот, оказывается, например, такое простое для нас звукоразличение, как «р»: «л».

Во французском языке существует различение звуков [e] и [ɛ], способное, например, дифференцировать слова dé [de] и dais [dɛ], lé [le] и lait [lɛ], j'aurai [žɔre] и j'aurais [žɔrɛ]; но в русском языковом мышлении существует только одно представление звука [e], и потому подобные словоразличения для русского языка невозможны (различие же русских слогов де от дэ, ле от лэ, ре от рэ лежит в качестве согласного, а не гласного). Потому-то, если только внимание не устремлено на указанное различие, русские обычно не улавливают его в речи француза и сами произносят вместо [e] и вместо [ɛ] один и тот же звук.

А, между тем, как это на первый взгляд ни странно, в русском языке существуют различные оттенки звука [e]—один, например, имеется в таких словах, как тень, лень, плеть (т.-е. между «мягкими» согласными), близкий к французскому [e]; другой, например,—в цеп (между «твердыми» согласными), близкий к французскому [ɛ]. Казалось бы, отчего русскому не узнать во французском [e] своего закрытого [e] (в тень и пр.), а во французском [ɛ]—того звука, что в цеп, и почему не уловить всюду разницу между этими звуками. Это объясняется просто отсутствием привычки обращать внимание на качество (закрытость или открытость) звука [e]: в русском языке нет таких случаев, которые привлекали бы сюда внимание говорящего и слушающего—нет (и не может быть)[1] противоположе-

[1] В коллективном языковом мышлении; в счет не идут индивидуальные языковые мышления людей, искушенных в изучении других, иностранных языков.

ний слов, различающихся только по данной черте (закрытому или открытому характеру [e]), подобных, например, противоположению слов [vadá] и [vadú]. И в тех случаях, которые могли бы дать повод к различению двух оттенков [e] — в **тень** и **цеп**, внимание направлено как раз не на эти оттенки, а на качество согласного. Благодаря постоянному соединению закрытого [e] с «мягкими» согласными, этот оттенок гласного не привлекает особого внимания. И ему вместе с открытым звуком в **цеп** соответствует в языковом мышлении единое представление звука. Потому, если мы и будем подставлять закрытое [e] вместо обычного открытого в слово **цеп**, или наоборот открытый звук в слово **тень**, то получится только несколько неестественное произношение, но вовсе не такая резко ощущаемая разница, как между [vadá] и [vadú], или как между [vadá] и [vatá].

§ 69. Существующее в данном языке представление звука языка, способное ассоциироваться со смысловыми представлениями и дифференцировать слова, мы будем называть **фонемой**.

Те различные виды звуков, которые могут быть осуществлениями (в мире физическом, т.-е. в произношении) одной известной фонемы (психической величины), называются ее **вариантами** (или **оттенками**). Варианты фонемы, зависящие от комбинации (т.-е. сочетания) с определенными звуками или прочими фонетическими моментами (например, ударением), называются **комбинаторными вариантами** (или **оттенками**).

Варианты необязательные, — могущие быть и не быть, называются **факультативными**.[1]

Возможны, однако, и дальнейшие уточнения этой классификации физических вариантов[2] фонемы (что предполагает, впрочем,

[1] От лат. facultas «возможность».

[2] Вместо термина Л. В. Щербы «оттенок» я употребляю слово **вариант** (или же **субститут** — для комбинаторных вариантов определенной позиции, ср. ниже в §§ фах о русском вокализме). Термин **субститут** особенно удобен тогда, когда один физический вариант бывает заместителем двух фонем.

значительную точность наблюдения и большое число психофонетических экспериментов[1] по данному материалу).

Так оказывается, что на самом деле громадное количество вариантов, причисляемых нами к комбинаторным, является, в сущности, факультативно-комбинаторными (или комбинаторно-факультативными): это значит, что при известном темпе и характере произношения (медленном и отчетливом) данный комбинаторный вариант может и отсутствовать (т. е. заменяться идеальным осуществлением произносительного намерения: типовым вариантом данной фонемы). В таком положении находится, например, японское (в Токиоском и в ряде других говоров, кроме таких как Тоса[2] или северо-восточных[3] и т. п.) z, являющееся комбинаторным вариантом фонемы [з] (точнее [з/-z]) — в позиции между гласными,[4] но при более или менее старательном произношении легко заменяется типовым вариантом фонемы — аффрикатой [з]: напр. hаза/hаzе (назв. дерева)[5]; то же применимо и к соответствующей мягкой фонеме — [з́], точнее [з́/-ź], напр. аз́i/аźi («вкус» или назв. рыбы — эти 2 слова различаются

---

[1] Имеются в виду не инструментальные («экспериментально-фонетические») записи, а приемы фонетического наблюдения (с сопутствующим самонаблюдением объекта), для которого намеренно подготовлены соответствующие условия (в которых мог бы иметь место данный темп и характер фонации); в этой намеренной подготовке надлежащих условий и состоит момент **эксперимента** (опыта) — в отличие от простого наблюдения речи в естественно-сложившихся условиях.

[2] В Тоса фонема [з] отсутствует (как и [з́]), а взамен ее в соответствующих слогах имеются 2 разные фонемы: [z] (точнее [z^{ð}]) и d (в позиции перед u; здесь d^{z}(u) является факультативно-комбинаторным вариантом фонемы d); и равным образом вместо мягкого [з́] ([з́/-ź]) имеются 2 фонемы: [z′] и [d′] (как в русском: *зя* и *дя*).

[3] В северо-восточных же встречается, напр. в говоре Ёнэдзава, [з] (^{n}з между гласными — на месте Токиоского [-з/-z]), неспособное к утрате смычки: а^{n}зI (← *adi и *azi). Интересно отметить, что в Ёнэдзава есть особая **спирантная** фонема — [ð^{z}] (в слоге ð^{z}I — из *ri и *ju).

[4] В начале же слова, а также после N (в данной позиции = n) [з] нормально сохраняет смычку (напр. anзu «абрикос»).

[5] В Тоса haz^{ð}e.

лишь акцентуационно). Таково же чередование (комбинаторно-факультативное) -з/-z (в качестве вариантов фонемы ʻз — после гласного или дифтонга) в северно-китайском, напр. ᴾbí-зə/ᴾbí-zə или ᴾbí-z̥ «нос» 鼻子.

Наоборот, такой физический вариант, который факультативно (при известных психологических условиях данного момента речи) возможен для любой позиции данной фонемы, следовало бы тогда называть факультативным в узком смысле слова (в противоположность комбинаторно-факультативным вариантам). В качестве примера можно указать на субститут русской фонемы [d′] в виде [j],[1] напр. [ьjot] вм. [id′ot] «идет», [je̯s′t′] вм. [d′es′at′] «десять» (ср. восприятие русского слова десять китайцем [а также корейцем] в виде jeś(i); поэтому китаец (шаньдунец) спрашивал меня: чем различаются русские слова со значениями 十, 是 и 吃, т. е. десять, есть — связка и есть = кушать).

Наконец и внутри комбинаторно-факультативных возможно различать градации по степени частоты появления данного варианта в данном слове. Так например — в противоположность случаям [z] вм. [з] в японском (haze вм. haзe и т. д.), которые в общем являются нормальным произношением, — можно указать, как на пример обратного случая, на произношение узбекского h перед гласным u (в hunær هونر) в виде [φ] (так что русским слухом hunær в таком случае может быть воспринято как «*фунэр*»): вариант этот, конечно, — комбинаторный (лабиализация h обусловлена соседством с u), но с другой стороны такая сильная губная работа (при h), что получается акустиче-

---

[1] Что возможно, конечно, в особо быстром темпе речи. Эта субституция (j вм. d′) наблюдается, мне кажется, как в начале, так и внутри слова (но разумеется не при конечном *дь*, которое дало уже t′). Замечу кстати, что это (факультативное в наше время) явление позволяет предполагать в будущем переход d′ → j (ср. *ђ → j в словинском); это будет, я думаю, частный случай большого процесса ликвидации категории «парных мягких» согласных (к чему идет фонетическая история русского языка [как, напр., и польского]).

ское впечатление [φ], встречается чрезвычайно редко. И действительно, случаи, когда русское ухо воспримет hunær как *«фунэр»*, оказываются исключительно редкими (приблизительно столь же редкими, как и восприятие *л* вместо японской токиоской фонемы r [— в позиции соседства с губным гласным]).

КОНЕЦ ПЕРВОГО ТОМА.

Добавление к § 49 стр. 165 (в связи с § 31 стр. 109)

Арабисту следует обратить внимание на последовательность в функциях точки (над буквой) в составе ар. букв, обозначающих спиранты типа английск. *th*, т.-е. в буквах ث ذ ظ. Каждый из данных ар. звуков отличался (в классическом произношении) от звука, изображаемого той же фигурой буквы, но без верхней точки, именно лишь по способу образования: ت د ط означали переднеязычные смычные — t, d и *ḍ̈ (откуда, по общему процессу оглушения эмфатических согласных, — современное произношение ط в виде ṭ̈), а ث ذ ظ — соответствующие спиранты типа английск. *th:* θ, ð и ð̤.

На правахъ рукописи.

КОНСПЕКТЪ ЛЕКЦІЙ
ПО
ВВЕДЕНІЮ ВЪ ЯЗЫКОЗНАНІЕ
И
ОБЩЕЙ ФОНЕТИКѢ,

читанныхъ въ 1915—1916 учебномъ году

приватъ-доцентомъ **Е. Д. Поливановымъ**

на Женскихъ Педагогическихъ Курсахъ Новыхъ Языковъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія А. Э. Коллинсъ, Малая Дворянская, 19.
1916.

Е. Д. ПОЛИВАНОВ

ЛЕКЦИИ ПО ВВЕДЕНИЮ В ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ОБЩЕЙ ФОНЕТИКЕ

Р. С. Ф. С. Р.
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
БЕРЛИН 1923.

ЛЕКЦИИ ПО ВВЕДЕНИЮ В ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ОБЩЕЙ ФОНЕТИКЕ (1923). ИЗВЛЕЧЕНИЯ

ФОНЕТИЧЕСКИЙ СОСТАВ РУССКОГО ЯЗЫКА*

§ 54. Имеющиеся согласные делятся по месту образования на: губные, передне-, средне- и задне-язычные; в индивидуальном

*) Имеется в виду так называемый русский литературный язык, т. е. говор интеллигенции; исторически это — говор города Москвы, но в настоящее время он говору Москвы не равняется, и потому считать, что москвичи говорят «правильнее» петроградцев потому, что они москвичи, — нельзя.

произношении имеются иногда увулярные. Гортанные согласные отсутствуют (кроме тех говоров, в которых, как в малорусском, г произносится в виде звонкого [h]).

§ 55. Губногубные смычные: [p], [b] [m] и соответствующие палатализованные [ṗ], [ḃ], [ṁ]. Губнозубные спиранты: [f], [v] и [v̇], [ḟ].

§ 56. Из переднеязычных имеются:

смычные — [t], [d], [n], [ṫ], [ḋ], [ṅ],

спиранты — [s], [z], [š] [ž] [ṡ], [ż],

дрожащие — [r], [ṙ] (могут отсутствовать в индивидуальном произношении),

латеральные — [ł], [l̇],

аффрикаты — [ts], [tš].

§ 57. Из среднеязычных: [j], напр. в я [ja], е л ь [jeİ], е л к а [jołka], п о д ' е м [padjom], л ь е т [İjot], И л ь и н и ш н а [iİjiṅišna], ч а й [tšaj], м о й [moj]. Этот звук перед гласными имеет гораздо более согласный характер, чем после гласных (в ч а й , м о й), где он приближается к неслоговому [i].

§ 58. Из заднеязычных:

смычные — [k], [k̇], [g], [ġ],

спиранты [x], [ẋ] и (не у всех) [γ], [γ̇], [γ] — соответствующий звонкий для [x], он имеется, напр., в слове Б о г а [boγa]. [γ̇] — соответствующий мягкий.

§ 59. Перечисленные согласные могут быть и долгими: об пол [op:ał], аббат [ab:at], в воду [v:odu], отдать [ad:aṫ], оттянуть [at:anuṫ], воззвание [vaz:vaṅije), сжал [ž:ał]. При долгих аффрикатах удлиняется смычный, а не спирантный элемент (т. е. удлиняется акустическая пауза): отца [at:sa], отче [ot:še].

§ 60. Звонкие согласные, к которым имеются соответствующие глухие (т. е. все согласные кроме носовых, сонорных и [j]), не встречаются в обычном произношении на конце слов и перед глухими согласными. Глухие же согласные, в свою очередь, чрезвычайно редки перед звонкими (кроме носовых, сонорных и [j]). В исключительных случаях (на конце слова после глухих согласных) теряют звонкость также и сонорные, и носовые (см.

§ 19) и даже [j] — в моем (небрежном) произношении слов т о л с т ы й [toɫstç], х р у п к и й [xrupkç] и т. д. Эти глухие [r], [ł], [m], [n], [j], разумеется, не самостоятельные фонемы, а лишь комбинаторные (и факультативные) оттенки соответствующих звонких.

§ 61. Палатализованные согласные не встречаются перед [ɯ], соответствующие непалатализованные — перед [i]. Перед прочими гласными возможны и те, и другие, напр., [tata], [ṫaṫa] (бриллианты) Т э т'а [teta], т е т о [ṫeta], т о - т о [tota], т е т я [ṫoṫa], т у т [tut], т ю л ь [ṫul̇]). Неимеющими соответствующих пар являются в русском: [š], [ž], [tš] [t͜s], [j].

После первых четырех из этих звуков вместо [i] или [ɯ] произносится звук, занимающий среднее положение между обоими гласными *) (условимся обозначать его через ī), напр., ш и т ь [šīṫ], жить [žīṫ], щи [š͜ṫšī], цифра [t͜sīfra]. После [j] возможно [i], но не [ɯ], напр., ч ь и м [t͜šjim].

Звуки непалатализованные иногда (перед следующим «мягким» согласным) принимают оттенок, близкий к палатализованности, становясь так называемыми «полумягкими». Напр., [s] перед [ṫ] и [ṅ] в с т и х, с н и м.

§ 62. Для характеристики русских гласных необходимо иметь в виду влияние ударения на характер гласного. Существенным признаком русского ударения является помимо бо́льшей силы ударенного гласного еще и бо́льшая долгота его по сравнению с гласными прочих — неударенных слогов. В этой тесной связи долготы гласных с ударением заключается отличие русского языка от немецкого, французского и английского. Краткость неударенных гласных находится в связи с тем, что характерные особенности каждого звука, осуществляются в них менее полно и отчетливо, чем в ударенных; работы различных органов более упрощены и сокращены, и это касается работ различных органов, между прочим и голосовых связок — в этом причина превращения неударенных гласных (в известных условиях) в глухие (напр., в т о п о т, см. § 19).

---

*) Впрочем, имеются индивидуальные различия; некоторые после [š] и [ž] употребляют [ɯ], а после [tš] — [i].

Потому можно сказать, что *как следует* (т. е. в соответствии имеющемуся в языковом мышлении полному представлению звукопроизводных работ данного звука) гласные произносятся в русском только в ударенном слоге, где на их произнесение ассигнуется достаточное количество времени и энергии. В неударенных же слогах звукопроизводные работы при гласных не доделываются. Тем не менее при известных произносительных условиях (напр., при протяжном крике, хотя бы в командах солдатам; при замедленном произношении, напр., когда диктуют) возможно, что и неударенные гласные произносятся медленно и вместе с тем отчетливо, не отличаясь по качеству от гласных ударенных слогов. Например, в обычном произношении слова *голова* [gaɫava] все три гласные различны по качеству, но при намеренно отчетливом произношении во всех слогах может быть произнесен один и тот же звук [a], равный по качеству гласному последнего слога этого слова в обычном произношении. Таким образом, гласный неударенных слогов не сознается чем-либо принципиально отличным по качеству от гласных ударенных; наоборот, в намерении произносящего имеются представления тех же гласных, которые могут иметься в ударенном слоге ([a, e, i, o *), u, ɯ]), и произношение не соответствует этому представлению только в виду наличия условий, связанных с отсутствием ударения (гл. обр., меньшей продолжительности неударенных гласных). Но отнимите эти условия, т. е. создайте замедленное, отчетливое, чеканное произношение, и соответствующие данному представлению звукопроизводные работы будут осуществлены полностью. В виду сказанного можно считать *фонемами* (см. § 53) русского языкового мышления * только представления гласных, имеющихся в ударенных слогах. Гласным же неударенных слогов (как таковым, т. е. с теми качественными отличиями, которые являются результатом неударенности) не соответствует столь отчетливых представлений — они даже с трудом могут быть изолируемы, т. е. произносимы отдельно, без прочих звуков данного слова — с сохранением присущего им в обычном произношении этого слова качества (но этому можно, конечно, научиться). Мы будем называть оттенки гласных, осуществляемые при обычном произношении в неударенных слогах,

---

*) См., однако, § 64.

по отношению к имеющимся при этом в намерении представлениям звуков, т. е. к фонемам, — субститутами этих фонем. Так обр., в слове голова первый и второй гласные являются субститутами фонемы [a].

§ 63. В ударенных слогах имеются (как уже было сказано) гласные: [i], [e], [u], [o], [ɯ] и [a].

Гласные [i] и [u] не требуют особых замечаний, достаточно сказать, что они менее узки, чем соответствующие французские звуки.

Относительно употребления знака [o] в фонетической транскрипции для русского звука следует сделать оговорку: русское о принадлежит к «широким» (low, mi-ouvert), походя следовательно на французское [ɔ], не на [o]. И употреблять знак [o] можно исключительно условно; от этого не будет недоразумений, т. к. в русском имеется только один звук о (а не две разновидности его, как во французском).

Звук [e], в изолированном произношении принадлежит к «узким» (mid, fermé) и похож, следовательно, на французское [e], не на [ɛ]. Но в зависимости от соседних согласных он представляет различные комбинаторные оттенки. Между «мягкими» согласными (в том числе и [j]) это еще более узкое [e], напр., в тень, плеть. Между твердыми, наоборот, это звук похожий на французское [ɛ], напр., цеп, цен, жезл, Бэла. Между мягкой и твердой согласными это звук средний между этими двумя крайними оттенками.

Русское [a] отличается от франц. [ɑ] в pâte тем, что при русском звуке кончик языка не отходит от нижних зубов, и язык, следовательно, не оттягивается назад. Русское [a] занимает промежуточную ступень между указанным французским звуком и французским [a] слова patte, при котором язык продвинут вперед.

Русское ы [ɯ] — звук задний нелабиализованный. Положение языка несколько иное, чем при [u], но все же, если от звука [u], отнять лабиализацию, нисколько не изменяя положения языка, то получится звук, очень похожий на русское ы.

§ 64. В неударенных слогах имеются субституты всех перечисленных фонем, кроме [o]. Этот последний звук не имеется для неударенных слогов даже и в намерении говорящего, несмотря на

орфографию (ведь как бы отчетливо и медленно ни произносили бы мы слова городовой, мы скажем [garadavoj], а не [gorodovoj]). Исключением является такой, напр., случай как масло, стадо, где в намерении имеется фонема [o], характеризующая имен., вин. ед. ср. рода, известная также и под ударением, напр., в село, вино. Но и в таком случае субститут звука, выражаемого письменным о, одинаков с субститутом фонемы [a].

§ 65. Среди неударенных слогов имеются различные степени силы и отчетливости. Так предударный слог обладает бо́льшей силой, чем прочие неударенные. Потому все слоги делятся по трем степеням или уровням ударяемости. К первому уровню ударяемости причисляются слоги ударенные. Ко второму — предударные, а также конечные открытые (т. е. оканчивающиеся на гласный) слоги. К третьему — все прочие. Таким образом, последовательность уровней слогов в слове голова [gaɫava] выразится как III II I, в плакала — I III II.

Качество гласных зависит от нахождения их в слоге того или другого уровня ударяемости.

§ 66. Субститутом фонемы [a] на втором уровне ударяемости служит звук задний (back) нелабиализованный, положение языка при котором близко к положению языка при [o]. Условимся обозначать его через [ʌ]. На третьем же уровне субститутом для [a] служит звук типа mixed, который условимся обозначать через [ə]. Таким образом, голова можно транскрибировать: [gəɫʌva], а плакала — [pɫakəɫʌ].

§ 67. Субституты для [i] и [e] на втором и третьем уровнях могут совпадать в одном звуке, который условимся обозначать через [ь]. Таким образом, слова мила и мела могут быть произнесены одинаково — [ṁьɫa]; но, разумеется, это не значит, что эти слова вообще не различаются; при немножко более внятном произношении прояснятся характерные черты фонемы [i] в первом слове и фонемы [e] во втором. Тот же звук произносится и в тех случаях, когда в письме имеется буква *я* в слоге неударенном, напр., клянусь [kĺьnuś], плясать [ṗьsaṫ]; в этих случаях мы имеем дело с субститутом фонемы [e], как и в мела; так как при отчетливом произношении мы проясняем клянусь в [kĺenuś], а плясать — в [ṗĺesaṫ].

§ 68. Субститутом для [ɯ] на обоих уровнях является звук типа mixed, который можно приравнять к субституту фонемы [a] на третьем уровне — [ə]. Таким образом, слова быка и боковой могут (но разумеется не всегда должны) произноситься с одинаковым гласным первого слога: [bəka], [bəkʌvoj].

Субституты фонемы [u] не способны смешиваться с субститутами других фонем.

§ 69. Таким образом, на втором уровне ударяемости могут иметься звуки: [ʉ] и [u] после мягких согласных и [ʌ], [ə] и [u]— после твердых. Примеры: песок [ṗьsok], тюрьма [ṫuṙma], вода [vada], была [bɯła], туман [tuman].

А на третьем уровне: после мягких согласных—[ь] и [u], а после твердых — [ə] и [u]. Примеры: ротик [roṫьk], выбьют [vɯḃjut], хорошо [xərʌšo], пустовать [pustʌvaṫ].

§ 70. Из книг, посвященных анализу русского произношения, можно предложить ознакомиться со следующими:

* В. А. Богородицкий. Опыт физиологии общерусского *) произношения в связи с экспериментально-фонетическими данными. Казань, 1909.

Л. В. Щерба. Русские гласные в качественном и количественном отношении. С.-Петербург, 1912.

И. А. Бодуэн де́-Куртенэ. Об отношении русского письма к русскому языку. С.-Петербург, 1912.

ОСНОВЫ ОБЩЕЙ МОРФОЛОГИИ

§ 71. Понимаемость фразы основана на предварительном знакомстве со значением составляющих ее слов. Для того, чтобы понять какую-либо фразу, не необходимо слышать ее раньше; достаточно быть знакомым с составляющими ее словами, и фраза, слышимая впервые, будет понята.

Эта очевидная истина приложима также и к отдельным частям слов: мы можем впервые услышать какое-либо слово, например, слово обезьяночка [aḃeźjanat͡ška], и тем не менее понять его

*) Под общерусским произношением автор имеет в виду произношение интеллигенции (см. ремарку на стр. 61).

значение, потому что нам знакомы части этого слова, связываемые каждая с определенным значением в других словах. Так, слово о б е з ь я н о ч к а делится, напр., на части [abezjan] и [atška]*).

Со значением первой части этого слова мы оказываемся знакомыми, если нам встретились такие слова, как о б е з ь я н а, о б е з ь я н ы, о б е з ь я н а м и т. д. и мы знаем, что там, где говорящий употребляет сочетание звуков [abezjan], имеется намерение сообщить слушающему представление об известном животном. А с комплексом звуков [atška] мы знакомы по таким, например, словам, как л а п о ч к а, я м о ч к а, р а м о ч к а; в состав значения этого комплекса входит представление небольшой величины данного предмета (и кроме того — указание на число, падеж, род и т. д.).

Таким образом, расчленению внеязыкового представления (понятие о б е з ь я н о ч к а расчленяется на: обезьяна + маленькая + одна и т. д.) соответствует и расчленение фонетического состава слова на части (состоящие из одного или нескольких звуков), из которых каждая является носительницей некоторой части значения всего слова. Принадлежность же данной части значения к определенной части звукового состава выясняется из сходства со значением других слов, в которых имеется данный фонетический комплекс (с одной стороны о б е з ь я н о ч к а, о б е з ь я н а, о б е з ь я н ы и т. д.; с другой — о б е з ь я н о ч к а, л а п о ч к а, р а м о ч к а и т. д.). При этом, разумеется, у двух каких-нибудь слов общих элементов (как в звуковом составе их, так и в значении) может оказаться больше, чем у каждого из этих слов с каким-нибудь третьим словом. Так, у слов о б е з ь я н о ч к а и л а п о ч к а больше общих элементов ([atška]), чем у слова о б е з ь я н о ч к а и р а м о ч к у (винительный падеж); фонетическое сходство уменьшилось — общим является только комплекс [atšk] и соответственно этому меньше сходства и в значениях. Если те элементы, которые составляют различие между о б е з ь я н о ч к а и р а м о ч к у, могут в свою очередь сближать каждое из этих слов с новыми словами, в которых комплекс [atšk] отсутствует, то это значит, что эти элементы являются самостоятельными носителями

*) Эта последняя часть в свою очередь, как мы ниже увидим, делима.

определенных значений. И действительно, конечное [a] в слове *обезьяночка* играет такую же роль, как и [a] в слове *рука*, — обозначая, что слово представляет собою существительное женского рода в именительном единственного. Следовательно, комплекс [atška] делится на морфологические элементы [atšk] и [a], из которых каждый может существовать без другого.

Мы называем каждый такой морфологический элемент, обладающий самостоятельным значением, и *неделимый* на обладающие самостоятельными значениями части, как, например, [atška] делимое на [atšk] и [a], *морфемой*.

В слове *обезьяночка*, следовательно, три морфемы: [aḃežjan-atšk-a]; из них вторая обладает ласкательно-уменьшительным значением (в отличие от морфемы [-k-] в *обезьянка, лапка, рамка*, обладающей просто уменьшительным значением).

§ 72. Но чрезвычайно часто слова, имеющие общее по значению, содержат в себе морфемы не одинаковые, а лишь сходные по фонетическому составу. Например, вода [vad-a] — вóды [vodɯ] — вод [vot] — водяной [vaḋ-an-oj]; лед [l̇ot] — льда [l̇d-a] — льдяной [l̇ḋ-an-oj]; несу [ṅes-u] — ноша [noš-a] — носи [naṡ-i]; великий [v̇el̇ik̇-ij] — грозный [groz-n-ɯj] — больной [bal̇-n-oj] и т. д. Такие морфемы (напр., [vad-], [vod-], [vot], [vaḋ-]) называются *чередующимися* между собой. И те звуки, которые создают различие между этими морфемами, также называются *чередующимися*. Так, [a] в *вода* и *водяной* чередуются со звуком [o] в *вóды* и в *вод*; звук [d] в тех же словах с [t] и [ḋ]; звук [o] в *лед* чередуется с нулем в *льда, льдяной*; [i] морфемы [ij] в *великий* чередуется с [ɯ] в *грозный*, и т. д.

§ 73. Чередования звуков (в чередующихся морфемах) делятся на *фонетические* и *исторические*. Первые зависят исключительно от действующих в настоящее время в данном языке фонетических законов.

К фонетическим чередованиям принадлежит, например, чередование [o] в *вóды, вод, водный* с [a] (точнее с [ʌ], см. § 66) в *вода*. К русским (акающих говоров) произносительным привычкам принадлежит неуменье произносить [o] не под ударением, и

потому оно заменяется звуком [a] (или его субститутами). Точно также чередование [d] в вода с [ṭ] в вод будет фонетическими, как основанное на нашей склонности лишать голосового тона конечные смычные неносовые и спиранты (см. § 60).

Исторические же чередования действием современных фонетических законов не об'ясняются. К ним принадлежит, например, чередование [d] в вода с [ḋ] в водяной и чередование [s] в несу с [š] вноша. Нашим произносительным привычкам нисколько не мешал бы и обратный вид этих чередований, т. е. [ḋ] на месте [d] и [š] на месте [s]: мы можем произносить водя, воданóй, нешу, нóса. И мы употребляем в одних словах один, в других другой звук только потому, что так мы заучили эти слова от тех, у кого мы учились говорить. Следовательно, причину возникновения таких чередований надо искать не в настоящем, а в прошлом языка. И обычной причиной возникновения подобных чередований оказываются фонетические процессы в языке наших лингвистических предков, обусловленные их произносительными привычками. В настоящей же стадии языка сохранился лишь результат, а не причина этих процессов.

§ 74. Наличие той или другой из чередующихся морфем (т. е. того или другого фонетического комплекса из комплексов, способных быть носителями данного значения) в данном слове обусловливается, следовательно, различными причинами: там, где чередование морфем вызывается фонетическим чередованием звуков, все зависит, следовательно, от фонетического состава слова — от того, составляется ли слово одной только данной морфемой (как, напр., в слове вод), или же есть в этом слове другие морфемы (как в вода, водка [vot-k-a]), и каков тогда их фонетический состав, где приходится ударение и т. д.

При чередованиях исторических связь между фонетическим составом данной морфемы (т. е. выбором той или другой из чередующихся морфем) с составом слова (с тем, имеются ли в нем еще другие морфемы и какие они) уже не непосредственная, а условная, лежащая просто на памяти (например, для иностранца, изучающего русский язык, требуется просто запомнить, что в родительном падеже от пес коренная морфема уже не [ṗos], а [ps-]), но тем не

менее связь эта имеется. И эта связь может в одних случаях быть более существенной для сохранения значения слова, в других — менее. Так, например, в слове п е к у (т. е. тогда, когда за морфемой, означающей известное действие, следует морфема [u], относящая это действие к первому лицу единственного числа) коренная морфема имеет вид [ṗek-], но если мы подставим вместо нее чередующуюся с ней морфему [ṗetš-] и скажем п е ч у, то от этого не произойдет особенного затемнения смысла: комплекс [ṗetš], как и [ṗek] наведет слушающего на мысль о данном действии, а про то, что это действие относится к первому лицу единственного числа, достаточно говорит морфема [u].

Точно так же формы [ṗosa] вместо п с а и [l̇oda] вместо л ь д а легко могут быть поняты. Но в иных случаях от выбора той или другой из чередующихся морфем зависит очень многое. Например, будет совершенно непонятно, если вместо н е с [ṅos] сказать [noš], т. е. коренную морфему из н о ш а. И при таких противоположениях, как немецкое Bruder [bru:dər] при множественном числе Brüder [bry:dər], или как англ. man [mæn] при множественном men [men], foot [fut] при множественном feet [fi:t], чередование гласных в коренных морфемах является единственным выразителем грамматической категории числа.

ФОНЕТИЧЕСКИЙ СОСТАВ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

§ 75. Имеются следующие согласные звуки:
Губногубные смычные: p, b, m.
Губногубные спиранты: w, ɥ.
Губнозубные спиранты: f, v.
Переднеязычные смычные: t, d, n.
Переднеязычные спиранты: s, z, š, ž.
Переднеязычный боковой: l.
Среднеязычный смычный носовой: ɲ
Среднеязычный спирант: j.
Заднеязычные смычные: k, g.
Увулярный: [ʁ].

§ 76. Звуки [w] и [ɥ] встречаются только перед гласными. Звук [w] отличается от [u] только тем, что он согласный. Точно также звук [ɥ] — осогласненное [y]. Так как [y] отличается от [u] положением языка ([y] — гласный передний), то та же разница имеется и между [ɥ] и [w]. Необходимо привыкнуть произносить [ɥ] или [w] со следующим гласным, как один слог, а не как два (с [y] или [u], составляющими отдельный слог). Примеры: moi [mwa], roi [rwɑ], royal [rwɑjal], roué [rwe], rouet [rwɛ], Louis [lwi], oui [wi]; nuage [nɥa:ʒ], nuée [nɥe], nuit [nɥi], lui [lɥi], huit [ɥi(t)], huître [ɥitr].

§ 77. Прочие губные и переднеязычные звуки не требуют особых замечаний. Нужно только заметить, что французское [l] по степени поднятия спинки языка к небу занимает промежуточное место между русскими [l̇] и [ɫ] (кончик же языка при всех трех звуках упирается в начало твердого неба — около передних зубов). Звук же [n] нужно особенно остерегаться делать «мягким» (т. е. подставлять русское [ṅ]) перед передними гласными ([i], [e], [y]), иначе он будет напоминать для француза среднеязычный носовой.

Этот последний звук — [ɲ] изображается во французском письме через gn, например, в agneau [aɲo]. Как уже говорилось в § 29, он похож на русское [ṅ], но отличается от него тем, что *
при русском звуке смычка устраивается кончиком языка, а спинка (средняя часть) языка совершает только второстепенную работу, приподымаясь к небу (среднеязычное сближение или палатализация); при французском же звуке самая смычка устроена спинкой (средней частью) языка; потому русский звук можно назвать переднеязычным осреднеязыковленным (или палатализованным), а французский — среднеязычным (или палатальным). Кроме того часто русские произносят французское письменное *gn* как [nj], — напр., agneau, как если бы по русски было написано аньё; на самом деле во французском *gn* не два звука, а один.

§ 78. [j] во французском, как и в русском, не имеет последовательно проводимого графического изображения (несмотря на частоту этого звука в обоих языках). Он изображается, например, через i в pied [pje], lieu [ljø]; через y в (les)yeux [(lez)jø],

il y a [ilja]; через il в œil [œ:j], travail [trava:j]; через ill в travailler [travaje], caille [ka:j].

§ 79. О том, что парижское r — звук увулярный недрожащий, говорилось в § 30. Вместо него у французов (при том говорящих на вполне правильном литературном языке) можно услышать также очень часто и переднеязычное дрожащее [r], — в зависимости от местности и даже индивидуума. Условившись раз навсегда о возможном качестве французского r, можно в фонетической транскрипции пользоваться простым знаком r, не прибегая к сложному ʁ.

§ 80. Ко всем согласным применимы следующие два замечания, которые надо иметь в виду, дабы не вносить во французское произношение русских привычек:

1°. Во французском языке отсутствует противоположение палатализованных согласных соответствующим «твердым» (за исключением противоположения непалатализованного [w] палатализованному [ɥ]). Однако, перед звуками [i] и [y] происходит некоторая ассимиляция согласного этим гласным: поднятие спинки языка, нужное для [i] и [y], подготовляется еще при произношении согласного, и потому этот последний (напр., [t] слова tige [ti:ž]), бывает несколько иным, чем перед другими гласными (напр., в ta); но этот **комбинаторный оттенок** (см. § 53) французских согласных фонем перед [i], [y] (и перед соответствующими согласными [j] и [ɥ], например, в tiers [tjɛ:r], tuer [tɥe]) далеко еще не обладает той «мягкостью», как русские палатализованные фонемы. Впрочем, подстановка этих последних во французские слова (в вышеуказанных позициях) не так сильно режет ухо француза, как бывает шокировано ухо немца произношениями в роде [tiš] (как т и ш ь) вместо Tisch. Перед прочими же гласными (напр., [ɛ]) следует совершенно избегать «мягкости» согласных (кроме [j] и звука, изображаемого через gn). Различие между такими словами, как dé [de] и dais [dɛ], должно основываться исключительно на различии гласных.

2°. На конце слов возможны все звонкие согласные (кроме, конечно, [w] и [ɥ]), вместо которых не надо подставлять соответствующих глухих, что свойственно русскому и немецкому произношению, например, является ошибкой [tiš] вместо tige [ti:ž].

§ 81. Долгота согласных может быть различной. Всякий конечный согласный (которому предшествует ударенный гласный; ведь ударение всегда на последнем слоге) бывает несколько более долог после краткого гласного (напр., в renne rɛn], malle [mal]), чем после долгого (в reine [rɛ:n], mâle [mɑ:l]). Но не надо предполагать долготы согласного всюду, где в письме имеется удвоение согласной буквы. Например, [n] в honneur так же кратко, как и в honoré, [f] имеет одинаковую продолжительность в je souffre, как и в существительном soufre. Однако, имеются и настоящие долгие согласные (обыкновенно между гласными), напр., в grammaire, collégue, allitération; в je mourrai (в отличие от je mourais), je courrai (в отличие от je courais); и кроме того долгие согласные получаются в соединениях двух слов, из которых первое произносится без конечного [œ] (этот звук — так называемое *e* féminin — в ряде случаев бывает факультативен), например, в une grande dame, une noix (отлично от une oie); il l'a dit отличается долготой (l) от il a dit; là-dedans, произнесенное без [œ] между двумя [d], отличается долготой [d] от la dent.

§ 82. Французские гласные состоят из
voyelles fermées: i, y, u,
» mi-fermeés: e, Φ, o,
» mi-ouvertes: ɛ, œ, ɔ,
» ouvertes: a, ɑ.

Из них четыре могут быть носовыми: ɛ, œ, ɔ, ɑ. О качестве всех звуков кроме [a] и [ɑ] уже говорилось выше. Эти же последние, являясь звуками очень широкими и нелабиализованными (как и русское [a]) отличаются друг от друга тем, что при одном из них ([ɑ]) язык оттянут назад, и приподымается к небу задняя его часть (это, следовательно, звук задний, back), при другом же ([a]) язык продвинут вперед, этот звук немного, следовательно, приближается (а в вульгарном парижском произношении даже значительно) к открытому [ɛ]. Звук [ɑ] имеется, например, в словах pâte [pɑ:t], âme [ɑ:m], pas [pɑ], bâtir [bɑ:ti:r], croix [krwɑ], croit [krwɑ]. В большинстве случаев [ɑ] — звук долгий, но только не тогда, когда он конечный звук слова. Звук [a] имеется в словах

patte [pat], malle [mal], mal [mal], madame [madam], rat [ra]. Обычно это звук краткий, но не тогда, когда он в конечном слоге слова и при этом за ним следует одна из consonnes allongeantes (см. ниже § 85), как, например, в part [pa:r], page [pa:ž], travail [trava:j].

§ 83. Все французские гласные более напряженны, чем в русском. В связи с этим гласные неударенные произносятся с большей отчетливостью, чем это свойственно русским произносительным привычкам, и не столь утрачивают свои характерные черты. Ударение же приходится всегда на последний слог слова, если только гласным его не является факультативное [œ], так называемое *e* féminin; тогда ударен предшествующий гласный.

§ 84. Факультативное [œ] неударенных слогов является для французского наиболее легким гласным, как [ə] для немецкого и английского. Потому многие фонетики употребляют знак ə и для данного французского звука, напр., в me [mœ = mə], ce [sœ = sə], que [kœ = kə], в отличие от неспособного к выпадению [œ], например, в bœuf [bœf]. Наличие или отсутствие факультативного [œ] в произношении известного слова зависит частью от темпа речи, частью от фонетической позиции данного звука: если от пропуска [œ] получилось бы стечение трех (или более) согласных, то [œ] удерживается; потому u n p e t i t g a r ç o n произносится [œ̃:ptigarsɔ̃], но u n e p e t i t e f i l l e [ynpœtitfi:j].

§ 85. Долгота гласных частью зависит от позиции их в слове, частью не зависит (и в таких случаях нужно просто помнить, что в данном слове такая-то гласная долга или кратка). Общими правилами могут служить следующие:

Конечный гласный всегда краток: beau [bo], bon [bɔ̃], baie [bɛ]. Носовые гласные всегда долги *) (кроме позиции на конце слов): monde [mɔ̃:d], longtemps [lɔ̃:tã].

Все ударенные гласные, за которыми следуют конечные [v], [z], [ž], [j] и [r] (т. е. так называемые c o n s o n n e s a l l o n-

*) Это связывается с происхождением носовых гласных из сочетания двух звуков: гласного + носового согласного; а произношение такого сочетания требовало больше времени, чем произношение одного только гласного.

geantes: звонкие спиранты + [r]), обязательно бывают долгими. Напр., cave [ka:v], ruse [ry:z], rouge [ru:ž], œil [œ:j], part [pa:r].

§ 86. Из книг по французской фонетике можно указать: P. Passy, Les sons du français; Kr. Nyrop, Manuel phonétique du français parlé. Фонетический словарь — Dictionnaire phonétique de la langue française par H. Michaelis et P. Passy.

§ 87. Примеры морфологического разбора французских слов:

1) trouver [truve] состоит из морфем [truv-] и [e]; первая связана с представлением известного действия, вторая — с представлением неопределенного наклонения. [truv-] состоит в фонетическом чередовании с [tru:v] в je trouve (см. § 86).

2) vous avez [vuz-av-e]; значение второго лица множественного числа связывается с морфемами [vuz] и [e]; морфема [vuz] состоит в историческом чередовании с [vu], напр., в vous portez.

3) le mien [lœ-m-jɛ̃]. Морфема [m] связана со значением местоимения первого лица единственного числа; она имеется, напр., в moi [m-wa], mon [m-ɔ̃], вместо нее может быть подставлена, напр., морфема [t], связываемая со значением местоимения второго лица ед. числа: le tien, toi, ton; или же [s] в le sien, soi, son. Значение притяжательности выражается морфемой [jɛ̃], как и в le tien, le sien; но употребление этой, а не другой морфемы из числа связанных со значением местоименной притяжательности, указывает еще на кое-что в значении слова. Если бы было опущено [lœ] и вместо [jɛ̃] было бы употреблено [ɔ̃], то получившееся слово (mon) имело бы значение определения к некому следующему за ним существительному, чего нет в le mien, могущем употребляться вместо существительного. Если бы вместо [jɛ̃] имелась бы состоящая с этим комплексом в чередовании морфема [jɛn], то это (при замене [lœ] через [la]) вносило бы значение женского рода. Чередования [jɛ̃] с [jɛn] в mien — mienne, tien — tienne, sien — sienne, следовательно, имеют ту же морфологическую роль как, напр., чередования: [bɔ̃] — [bɔn], [lu:r] — [lurd], [vif] — [vi:v].

4) je viendrai [žœ-vjɛ̃:d-r-e]. Коренная морфема чередуется с [vjɛ̃], [vjɛn], [vœn-] и [vɛ̃]. Морфема [-r-] связывается со значениями Futur или Conditionel. Морфема [žœ] в связи с морфемой [e] указывает на первое лицо единственного числа. Морфема [e] кроме того указывает на то, что здесь Futur, а не Conditionel (тогда было бы [ɛ]).

ФОНЕТИЧЕСКИЙ СОСТАВ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА*

§ 88. Согласные по месту образования располагаются так: p, b, m, f, v; t, d, n, s, š, z, ž, ts, tš, r, l; ç, j, k, g, γ, η, x; h.

Что касается до гортанного взрыва [ʔ], то он не является самостоятельной фонемой — это просто особая манера начинать произношение гласных. Звук [ž] встречается редко — в иностранных словах, напр., Gage [ga:že]. Вместо язычного [r] может иметься увулярное [R].

Звук [ç] встречается или после передних (front) гласных, напр. ich [ʔiç], mich [miç], euch [ɔiç], Töchter [tœçtər], Bücher [by:çər]; или после согласных, напр., Schnürchen [šny:rçən], verfolgten [fɛrfɔlçtən] (возможно также [fɛrfɔlktən]). Наоборот звук [x] встречается только после задних (back) гласных: nach [na:ch), auch [ʔaux], krachen [kraxən], Tag [ta:x] (возможно и [ta:k]).

Звук [s] изображается через ss, с чем вовсе не нужно соединять мысли о долготе (удвоении) согласного, напр., beissen [bais(ə)n]. Звук [η] изображается через ng, см. § 29.

В распределении звуков [g], [γ], [j] и соответствующих глухих [k], [x], [ç] при передаче письменного g, наблюдается большое разнообразие между говорами. В начале слова обычен смычный (не во всех, однако, говорах): Gast [gast], Gott [gɔt], gebe [ge:bən], gieb [gi:p] (произношения с [j] перед [e], [i], свойственного остзейским говорам, надо избегать). Внутри и на конце сло-

---

*) Имеется в виду северно-немецкое произношение. По мере возможности указываются диалектические разнообразия.

ва в большом количестве говоров имеются вместо [g] спиранты: внутри слов между гласными — [γ] (после задних гласных) и [j] (после передних гласных), на конце слов [x] (после задних гласных) и [ç] (после передних). Примеры: Tage [ta:γə], Siege [zi:jə], Tag [ta:x], Sieg [zi:ç].

§ 89. Палатализованные согласные отсутствуют. Нет также долгих согласных (двойная буква указывает часто на краткость предшествующего гласного, напр., в Gott, rennen). Звонкие согласные в начале слов склонны приобретать глухое начало (следовательно, дрожание голосовых связок наступает не при начале артикуляции, а позднее). О придыхании после глухих см. § 21. О глухости конечных согласных (кроме носовых и сонорных) см. § 20. * **

§ 90. Основные типы гласных: [i], [e], [a], [o], [Φ], [y], [u].

В зависимости от долготы или краткости возможны 2 варианта каждого из этих типов кроме [a], которое и при долготе и при краткости сохраняет одно и то же качество. Долгие гласные бывают более узкими, короткие — более широкими. Таким образом долгое [i:] в Liebe, Miete — более закрытый звук, чем [i] в Minze, Pilz. [e:] более узко в nehmen, Rede, чем [e] в recht, Pelz (можно писать [rεçt], [pεlts]). Аналогично этому противополагается [o:] и [ɔ]: Bohne [bo:nə], Sohn [zo:n] — Bord [bɔrt], Sonne [zɔnə]. Так же [Φ:] и [œ]: Söhne [zΦ:nə] — Töchter [tœçtər], [u:] в Gut, Hut, Kuh более закрытое, чем [u] в kurz; [y:] в Bücher более закрыто, чем [y] в schürfen, stützen.

Однако, встречается и долгое [ε], в чем, следовательно, имеется нарушение вышеуказанной связи между долготой и узостью гласного. Например, многие произносят ähnlich, tätig, Käfig, как [ε:nliç], [tε:tiç], [kε:fiç], и Ähre как [ε:rə] в отличие от Ehre [e:rə].

Но в распределении [e:] и [ε:] (последнее очень часто следует ä в орфографии) наблюдается большое разнообразие в зависимости от диалекта и есть говоры, где вышеуказанная тенденция к превращению долгого звука в закрытый проводится относительно [e] в той же мере, как и относительно других гласных.

В неударенном слоге вместо [e] имеется [ə], см. § 47. ***

§ 91. Долгота ударенных гласных в большинстве случаев зависит от положения их в открытом или закрытом*) слоге. Но есть и исключения. Из текста:

Es zogen drei Bursche wohl über den Rhein,
Bei einer Frau Wirtin, da kehrten sie ein:
«Frau Wirtin! hat sie gut Bier und Wein?
Wo hat sie ihr schönes Töchterlein?»,

который транскрибируется так:

[ʔεs tso:γən drai buršə vo:l ʔy:ber dən rain bai ʔainər frau virtin da: ke:rtən zi: ʔain frau virtin hat zi: gu:t bi:r ʔunt vain vo: hat zi: i:r šΦ:nəs tœçtərlain],

исключениями из правила являются слова: [vo:l, ke:rtən, gu:t, bi:r, i:r]. Обычно эти отступления находятся в связи с существованием родственных форм, где данный гласный имеется в открытом слоге, напр., рядом с [gu:t] в языковом мышлении имеется [gu:tən], рядом с [ke:rtən] — [ke:rən], рядом с [bi:r] — [bi:rə].

§ 92. Имеются следующие нисходящие дифтонги: [ai] в bei [bai], Rhein [rain], Kaiser [kaizər]. [au] в Haus [haus], Bauch [baux]. [ɔi] в Haüser [hɔizər], Leute [lɔitə]. Вместо [ai] часто произносится [ae], вместо [au] — [ao], вместо [ɔi] во многих говорах — [œy].

§ 93. Можно предложить следующие книги:

R. Tettenborn. Deutsche Grammatik für russiche Mittelschulen. 1914.

* W. Viëtor. Die Aussprache des Schriftdeutschen.

** Th. Siebs. Deutsche Bühnenaussprache.

§ 94. Примеры морфологического разбора немецких слов.

1) l a d e n [la:d-(ə)n]. Коренная морфема состоит в историческом чередовании с [lu:t], [lu:d]. Морфема [ən] означает неопределенное наклонение.

2) s a g t e [za:x-tə] (или [za:k-tə]). Коренная морфема состоит в фонетическом чередовании с [za:γ] или [za:g] в sagen.

3) den B ü c h e r n [d-ən-by:ç-ər-n]. Коренная морфема состоит в историческом чередовании с [bu:x]. Множественное число выражается помимо формы коренной морфемы (с гласным [y]

*) Открытым слогом называется слог, оканчивающийся на гласный; закрытым — слог, оканчивающийся на согласный.

вместо [u]) еще морфемой [ər], имеющейся во всех падежах множественного числа. Специальное указание на дательный множественного дается морфемами [-ən] и [-n]; морфема [d-], имеющаяся и в der, die, das, dem, указывает на определенность представления предмета, о котором говорится (в противоположность общему представлению данного предмета).

ФОНЕТИЧЕСКИЙ СОСТАВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА*

§ 95. Согласные:

Губные: p, b, m, f, v, w, ʍ.

Переднеязычные: t, d, n, s, z, ś, ź, θ, ð, tś, dź, l, r (ɹ).

Среднеязычный: j.

Заднеязычные: k, g, η.

Гортанный: h.

§ 96. Звук [w] является губногубным звонким спирантом: это, следовательно, осогласненное [u]. При нем, кроме губной работы, совершается еще поднятие задней части языка (нужное и для [u]). Он имеется, например, в want [wɔnt], war [wɔ]:, warm [wɔ:m], we [wi:]; weak или week (произносится одинаково [wi:k]), wild [waild], woman [wumən].

Знаком [ʍ] изображается соответствующий глухой, который произносится в соответствии написанию wh**), напр. в what [ʍɔt], which [ʍitś], why [ʍai]. Многие произносят вместо этого звука сочетание [hw], таким образом: [hwɔt], [hwitś], [hwai]. Но как [ʍ], так и [hw], имеются далеко не у всех англичан. Особенно в южно-английском обычно произношение вместо этого глухого звука — простого, звонкого [w]: [wɔt], [witś], [wai].

§ 97. Звуки [t], [d], [n] произносятся при очень высоком поднятии образующего смычку кончика языка, почему правильнее было бы писать [t], [d], [n]; см. § 38. *

*) Имеется в виду южно-английское произношение.

**) Но не всякое письменное wh произносится так. Напр., в who [hu:], whom [hu:m] произносится [h].

Для английского ш я употребил знак [ś], а не [š], и для английского ж — знак [ź], а не [ž]. Это сделано с целью указать, что в английском произношении при ш, ж язык приподымается иначе, чем у большинства русских людей. Именно, подымается к небу не кончик языка, а лишь передняя часть его спинки (лежащая, следовательно, за кончиком). Потому английские звуки могут быть в известном смысле названы дорсальными в отличие русских — корональных (см. § 33). Но условно, конечно, можно всякое ш (т. е. разные варианты этого звука в разных языках) обозначать одним и тем же символом, напр., [š] или [ʃ]*); и равным образом всякое ж можно обозначать хотя бы через [ž] или [ʒ]*).

Примеры:

she [śi:], shop [śɔp], shoe [śu:] и масса других слов с письменным sh; звук же [ź] очень редок: measure [meźəʳ], pleasure [pleźəʳ]. Что же касается до соответствующих аффрикат [t͜ś] и [d͜ź], то они одинаково часты: child [t͜śaild], children [t͜śildrən], chose [t͜śoᵘz]; gentle [d͜źentl], John [d͜źɔn], joint [d͜źɔint], enjoy [in'd͜źɔi], judge [d͜źʌd͜ź].

Для русских особенно важно произносить в английском [dź] оба звука слитно, а не так как в русском от жадности [ʌdžadnəsts]; иначе получается не звонкий звук соответствующий звуку ч, а комбинация звонких звуков, соответствующих комбинации тш в от шума [ʌtšumʌ]. В некоторых словах могут заменять друг друга [tj] и [t͜ś], [dj] и [d͜ź]: nature [ne'tjəʳ, ne't͜śəʳ], grandeur [grændjəʳ, grænd͜źeʳ]; возможно также [ne't͜śjəʳ], [grand͜źjəʳ].

§ 98. Переднеязычные спиранты [θ] (глухой) и [ð] (соответствующий звонкий), оба изображаемые в письме через th, представляют самую общеизвестную, но далеко не самую большую трудность английского произношения **). Исходить надо от звуков [s, z], видоизменняя, однако, свойственную им форму языка. Не должно быть того желобка на кончике языка, который имеется

*) Эти знаки приняты в международном фонетическом алфавите, но я употребляю не их, а [š] и [ž] по техническим условиям.

**) Различать при слышании и верно воспроизводить английские гласные гораздо труднее.

при [s, z] и дает свойственную этим звукам узкую, сильно бьющую струю воздуха; наоборот, при [θ, ð] язык должно приподымать плоской поверхностью — приблизительно так, как он лежит в спокойном состоянии. Примеры: thin [θın], thank [θæŋk], thing [θiŋ], three [θri:], path [pa:θ], month [mʌnθ], than [ðæn], that [ðæt], those [ðoᵘz], father [fa:ðəʳ], mother [mʌðəʳ].

Надо различать [θ] от [ð] также на конце слова:

§ 99. Переднеязычный боковой [l] имеет в английском два главных оттенка: на конце слова и перед согласными он звучит похоже на русское твердое [ł], хотя и не совсем равняется этому звуку.

Перед гласными же английское [l] походит на французское и немецкое (так называемое «среднее [l] и, следовательно, приближается к мягкости русского палатализованного [l̇]. Примеры: all [ɔ:l], old [oᵘld], cold [koᵘld], kill [kil]; low [loᵘ], law [lɔ:], less [les], lead [li:d].

§ 100. Английское р представляет отличия от русского звука. В большинстве индивидуальных южно-английских говоров этот звук произносится без дрожания языка. И его, следовательно, нужно считать переднеязычным звонким с п и р а н т о м, который отличается, однако, и от [z], и от разных типов ж [ž, ž] и от [ð].

В фонетической транскрипции его обозначают через [ɹ] *). Кончик языка при этом звуке приподнят более высоко, чем при [ð],он установлен приблизительно в той же позиции, как и при дрожащем [r]; только вместо дрожания языка происходит лишь трение воздуха о края создавшейся щели (к этому присоединяется, разумеется, голосовой тон). Другие виды р (переднеязычное дрожащее и увулярное) у англичан встречаются реже.

Надо заметить, что [r] в южно-английском произносится далеко не всюду, где пишется буква r. Общеобязательным является его произношение только перед гласными, напр., в write [rait], red [red], very [veri]. Перед согласными же в южно-английском этот звук в соответствии письменному r обычно не произносится. Он, разумеется, раньше произносился, но в современной стадии языка он заменен каким-либо гласным элементом. Иногда эта

*) Но, конечно, условно можно писать просто [r], что я и делаю.

замена состоит просто в удлинении предшествующего гласного, напр., в warm [wɔ:m], farm [fa:m], heart [ha:t], hard [ha:d], horse [hɔ:s], church [t͡ʃə:t͡ʃ], nurse [nə:s]. Иногда заменой древнего r является гласный (именно [ə]), по качеству отличный от предшествующего; их соединение составляет дифтонг, и притом всегда нисходящего характера (см. § 22); напр., в dearly [diəli]*). В позиции на конце слова наблюдается обычно то же, что перед согласной: с одной стороны war [wɔ:], far [fa:], с другой — poor [puə], dear [diə]*), here [hiə]*), fire [faiə] (в этом последнем слове имеется даже не дифтонг, а трифтонг). Но перед начальным гласным следующего слова конечное r не исчезало (по тем же причинам, которые способствовали его сохранению и между гласными внутри слова, напр., в v e r y) и таким образом получились для ряда слов фонетические дублеты **): одна форма — без [r] произносится на конце фраз и перед словами, начинающимися с гласного, напр., f a t h e r произносится с [r] в father of ....[fa:ðərɔv....].

Но есть и такие (шотландские) говоры, в которых r перед согласным и на конце слова сохранилось. В обычном же северно-английском произношении имеется явление промежуточное между таким сохранением старого и тем новшеством, которое представляет южно-английский. Именно [r] уже не произносится, но предшествовавшая ему гласная произносится с особым оттенком ***): кончик языка при ней приподнят к небу на манер положения его при [r], и это отражается на качестве акустического впечатления, в которое входит некоторый призвук (или намек

*) Тот факт, что дифтонг [i̯] в d e a r l y, d e a r, h e r e является, как и все прочие дифтонги, исторически происходящие из сочетания гласного с r, нисходящим, а не восходящим (т. е. имеет в качестве слогообразующего [i], а не [ə], может казаться странным, т. к. [ə] — более звучный гласный, нежели [i]. Но исторически это легко об'ясняется: слогообразующая функция звука [i] является пережитком еще того состояния, когда письменное r произносилось, как согласный.

**) Сравни аналогичный факт во французском: конечные согласные многих слов произносятся только перед начальными гласными следующего слова.

***) Сравни результат аналогичного процесса во французском: носовые согласные в ряде случаев исчезли, но сообщили свое характерное качество предшествующим гласным, ставшим в силу этого носовыми.

на) [r]. Обозначая этот оттенок маленьким ^{r} над буквой, можно северно-английское произношение слов f o r, a r e перед согласными обозначить так: [f$\overset{r}{\text{ɔ}}$:], [$\overset{r}{\text{a}}$:]. В южно-английском же они произносятся перед согласными [fɔ:], [a:] (в быстрой речи эти гласные искажаются).

Звуки [p], [b], [m], [f], [v], [j], [k], [g] не требуют особых замечаний. О звуке [ŋ] говорилось в § 29 и о [h] — в § 15. *

§ 101. Все звонкие согласные возможны на конце слова, однако, они менее звонки, чем конечные звонкие во французском, т. е. при них дрожание голосовых связок продолжается не до самого конца согласного (как во французском), а прекращается раньше. Тем не менее этого достаточно, чтобы они ясно отличались от соответствующих глухих (напр., l e t от l e d).

§ 102. Противоположение палатализованных согласных непалатализованным отсутствует в английском. Тем не менее фонема [l] имеет комбинаторные оттенки (см. § 99), различие которых по бóльшему или меньшему поднятию средней части языка до некоторой степени параллельно (хотя далеко не совпадает) с различием русских «мягких» согласных от «твердых». Разумеется, никоим образом нельзя приравнивать очень частое английское сочетание [ju] после согласного к тому, на что указывает русская буква ю после согласных. Напр., n e w [nju:], t u n e [tju:n], f e w [fju:] совершенно отличны от н ю, т ю н, ф ю.

§ 103. Большая или меньшая продолжительность согласных зависит от положения в слове. Здесь, между прочим, имеет действие тот же закон, что во французском: конечные согласные длиннее после кратких гласных (напр., в fill [fil], sin [sin], чем после долгих в feel [fi:l], seen [si:n]).

§ 104. Количественные различия английских гласных (т. е. различие кратких от долгих) сопутствуются обыкновенно и резкими различиями по качеству. При этом в южно-английском большинство долгих гласных характеризуется постепенным изменением качества звука от начала к концу гласного.

Потому их можно рассматривать вместе с дифтонгами. Особого выделения заслуживают только гласные сочетания, оканчивающиеся на [ə]. Потому в нижеследующем обзоре гласные звуки и их умещающиеся в одном слоге соединения располагаются по сле-

дующим трем категориям: I краткие гласные, II долгие гласные и дифтонги, III сочетания, оканчивающиеся на [ə].

В южно-английском имеются:

Из I-ой категории: [i], [e], [æ], [ɔ], [u], [ʌ], ([ə]).

Из II-ой категории: [i], [e:] или [e[i]], [a:] точнее [ɑ:], [ɔ:], [o:] или [o[u]], [u:], [ɔi], [ai], [au].

Из III-ей категории: [iə], [ɛə], [uə], ([a:ə]), ([ɔ:ə]), [aiə], [auə], [ə:].

Звуки I-ой категории (т. е. краткие гласные) не встречаются на конце слов под ударением *), где возможны только звуки II-ой и III-ей категорий (т. е. долгие гласные или сочетания гласных).

§ 105. Краткое [i] представляет собою более открытый (широкий) звук, чем [i] во французском, и походит, следовательно, на краткое [i] в немецком. Оно имеется, например, в thin [θin], kill [kil].

Краткое [e] несколько более открыто, чем французское [e], но никак не до степени французского [ɛ]. Иначе была бы опасность смешения его с [æ]. [e] имеется в men [men], pen [pen], head [hed].

Краткое [æ] занимает среднее место между французским передним [a] (слово p a t t e) и [ɛ]. Примеры: man [mæn], bad [bæd].

Краткое [ɔ] чрезвычайно открытый звук — больше, чем французское [ɔ]. Некоторые фонетики употребляют потому для него даже особый знак в виде перевернутого a. Примеры: not [nɔt], collar [kɔlə[r]].

Краткое [u] более открыто, чем [u] во французском, и походит, следовательно, на краткое [u] в немецком. Примеры: book [buk], foot [fut].

[ʌ] — звук нелабиализованный, задний (back); отличается от [ɑ·] бо́льшим поднятием задней части языка и походит на [ʌ] в русском в о д а [vʌda].

Краткое [ə] (о его качестве см. § 47) занимает иное положение в системе, чем прочие краткие гласные, так как в

*) Это совершенно противоречит, следовательно, французской произносительной привычке, согласно которой гласный, являющийся последним звуком слова, всегда краток.

ударенных слогах оно не встречается. Примеры ago [ə'goᵘ], nation [ne'ʃən]. В неударенных же слогах оно является субститутом для ряда звуков (подобно тому как, например, русское [ə] является субститутом для [m] в быка́ и для первого [a] в боковой).

§ 106. Долгое [i:] звук неоднородный по качеству: он начинается с открытого [i] и постепенно суживается. Примеры: lead [li:d], meet [mi:t].

Равным образом южно-английское [e:] имеет сначала более открытый, а к концу все суживающийся (близкий, следовательно, к [i]) характер, почему его можно изображать через [eⁱ]. Примеры: day [deⁱ], same [seⁱm].

[a:] наоборот звук однородный. Принадлежит к задним [a] и, следовательно, похож на французское [ɑ] слова pâte, не на французское [a] слова patte. Примеры: path [pa:θ], ask [a:sk].

[ɔ:] также звук однородный. Он несколько закрытее, чем краткое [ɔ]: law [lɔ:], saw [sɔ:], called [kɔ:ld].

[o:] представляет переход от довольно широкого к очень узкому звуку, почему его можно изображать через [oᵘ]: low [loᵘ], cold [koᵘld].

Также и [u:] звук неоднородный, постепенно суживающийся к концу: two [tu:], move [mu:v].

Дифтонги [oi], [ai] и [au] носят нисходящий характер (см. § 22). Нужно заметить, что [a], входящее в состав [ai] принадлежит к передним [a], отличаясь, следовательно, по качеству от [a]. Примеры: boy [bɔi], noise [nɔiz]; by [bai], my [mai]; now [nau], thou [ðau]. *

§ 107. Комплексы, перечисленные в III категории — оканчивающиеся на [ə]*), сознаются как осложнения путем прибавления этого [ə] звуков I-ой и II-ой категорий. При этом в некоторых случаях качество этих звуков вследствие соединения с [ə] подвергается изменению.

---

*) Это [ə] развивалось перед всяким [r]. Если [r] затем исчезло, то [ə] осталось его заместителем, как это имеет место на конце слов или перед согласными. Но [ə] имелось и перед неисчезавшим [r] (которое сохранялось между гласными) и вступало в такие же соединения с предшествующими гласными, как и при исчезновении [r].

Этих изменений не происходит, например, при соединениях [i] + [ə], [u] + [ə]: here [hiə], dear [diə]; poor [puə], sure [šuə].

Но [ai] и [au] в соединении с [ə] подвергаются некоторому (правда, факультативному) изменению, сводящемуся к упрощению работ языка. Так, слово fire может быть произнесено вместо [aiə], как [faeə] или [faεə]; язык не совершает после [a] такого сильного поднятия, какое нужно для образования [i], потому что для следующего [ə] опять требуется не слишком высокое положение языка. Равным образом power вместо [pauə] часто произносится [paoə].

Еще большие изменения наблюдаются в соединениях [ə] с имеющимися в произносительном намерении [e:], [a:], [ɔ:]. Так вместо ожидаемого [e[1]ə] или [eə] в air, обычно произносится [εə]; гласный [e], значит, превращается в более открытый вследствие ассимиляции к [ə].

В соединении же с [a:] и [ɔ:], ассимиляции подвергается не первый, а второй элемент сочетания: [a:ə] превращается в [a:], * [e:c] — в [ɔ:], уподобляясь, следовательно, звукам II-ой категории. Так far произносится обычно [fa:] и только изредка можно слышать [fa:ə], fòûr и soar — обычно [fɔ:], [sɔ:] и только изредка [fɔ:ə], [sɔ:ə].

Упомянутое в составе III-ей категории долгое [ə:] также результат ассимиляции, напр., в fur [fə], furry [fə:ri] оно заменило собой [ʌə].

Замечание. Благодаря чередованию конечного [ə], заменившего собою исчезнувшее [r], с [ər] в дублетах, употребляемых перед начальным гласным следующего слова, можно условно обозначать такое [ə] через [ə[r]], что будет указывать на все фонетические ассоциации, связанные с концом данного слова. Таким образом, fire можно транскрибировать [faiə[r]]. Это применимо и к конечному неударенному [ə] после согласных: matter [mætə[r]]. Равным образом можно, например, слово soar транскрибировать через [sɔ:[r]] (и поскольку оно может осуществляться в виде [sɔ:ə] можно писать [sɔ:ə[r]]) в отличие от saw [sɔ:] (которое в виде [sɔ:ə] никак невозможно).

§ 108. Помимо количественных отличий, входящих в качестве первостепенно-важной черты в характеристику гласных (т. е. противоположения гласных I-ой категории гласным II-ой и III-ей категорий), долгота гласных колеблется еще в зависимости от комбинаторных условий. Так, ударенный гласный бывает более долог перед звонкими согласными (напр. в l e d [l e d]), чем перед глухими (в l e t [let]). Это применимо и к звукам II-ой и III-ей категорий: долгое [i:] в l e a d занимает больше времени, чем в m e e t.

§ 109. Благодаря сильному экспираторному ударению *), качество неударенных гласных, произносимых с меньшей силой, значительно отличается от качества ударенных (как и в русском). Чрезвычайно част в неударенных слогах звук [ə] (см. §§ 105, 47). *
Но в замедленном, отчетливом произношении вместо него могут быть осуществлены различные более определенные по работам гласные, напр., o f f e n d — [ə f e n d], но отчетливо — [ɔfend]; v i n e y a r d — [vinjəd], но отчетливо — [vinja:d]; t o d a y — [təde[i]], но отчетливо — [tude[i]]. При этом звук [i] лучше прочих сохраняет свое качество в неударенных слогах; обычно он не заменяется через [ə], напр., r e c e i v e [ri'si:v] (хотя правда h o r r i b l e возможно и [hɔribl] и [hɔrəbl]).

§ 110. В качестве руководства по английской фонетике можно назвать: D. Jones, The pronunciation of English. Удобный **
для пользования фонетический словарь (слово отыскивается по орфографии): A concise pronouncing dictionary of modern english ***
(Engelsk uttalsordbok) by J. A. Afzelius (Stockholm, y Norstedt'a).

§ 111. Пример морфологического анализа английских слов: t h e w r i t e r s [ðə-rait-ə-z].

Конечная морфема [z] означает множественное число от существительных; она чередуется с [əz] в f i s h e s [fiš-əz] и с [s] в s w e e t s [swi:t-s], эти чередования являются фонетическими, так как комплексы [š'] и [tz] для англичанина непривычны. [ə] предпоследней морфемы факультативно чередуется с [ə:], т. е. то же самое слово может в отчетливом произношении звучать

---

*) В английском оно большей частью падает на первый слог. Но есть и исключения; в таких случаях в транскрипции английских слов ставится знак ударения перед ударенным слогом, напр., a g o [ə'go:].

[ðəraitə:z]; в зависимости от говора возможно также [ər] или [əʳ]. Помимо этих различных произношений одного и того же слова, морфема [ə] из writers чередуется с [ər] слова writer, когда оно произносится в виде [raitər], т. е. перед следующим гласным. Роль этой морфемы [ə(:)] или [əʳ] — обозначение действующего лица; она имеется, напр., еще в keeper [ki:p-əʳ], speaker [spi:k-əʳ] leader [li:d-əʳ]. Коренная морфема [rait] состоит в исторических чередованиях с [roᵘt] в wrote и с [rt-] в written [rit-ən].

Морфема [ðe] чередуется с [ði(:)] перед словами, начинающимися с гласного, например, the east [ðı'i:st].

ИЗМЕНЕНИЯ В ЯЗЫКЕ

§ 112. Мы должны отделять изменения в значении слов (напр., переход значения infans, первоначально значившего «неговорящий», в значение «дитя» во франц. enfant) от изменений в звуковом составе слов. Эти последние, т. е. изменения в звуковом составе слов, в свою очередь делятся:

1) на фонетические, т. е. на изменения, происходящие исключительно благодаря свойствам составляющих данные слова звуков (одни звуки обладают бо́льшими данными для того, чтобы быть верно перенятыми младшим поколением; другие имеют шансы быть искаженными, хотя бы только в определенных сочетаниях) и, следовательно, независящие от значения данных слов;

2) на нефонетические, — зависящие от значения слов.

Фонетические изменения звуков (и их сочетаний) совершаются более или менее одинаково во всех словах, где имеется данный звук или данное звукосочетание в одинаковых условиях (к этим условиям принадлежит, например, ударенность или неударенность данного слога, позиция данного звука или звукосочетания в начале, в середине, или на конце слова, число слогов в

слове *) и проч.). Благодаря этому единообразию, можно формулировать судьбы определенных звуков и звукосочетаний в известном говоре и в известную эпоху для всех слов, где они имелись в одинаковых условиях, в виде общих правил, именуемых звуковыми законами (гласящими, например, в таком то столетии в таком-то говоре такого-то языка вместо звука X под ударением стали произносить звук Y). И если нам каким-нибудь способом известен звуковой состав древнего состояния какого-либо языка (на основании древней письменности или из догадок о древнем состоянии праязыка, из сравнения происшедших из него родственных языков), то мы можем формулировать звуковые законы в виде звуковых соответствий: раньше в ряде слов имелся звук X, теперь имеется звук Y, который, следовательно, заменил X при наличии условий, наблюдающихся в данных словах. Например, из латинской письменности мы знаем, что в словах sal accusat. salem, talis accus. talem, carus accusat. carum, mare в первом, ударенном слоге римляне (и предки французов, перенявшие латинский язык) произносили гласный [a], а современные французы произносят в соответствующих словах sel [sɛl], tel [tɛl], cher [šɛ:r], mer [mɛ:r] звук [ɛ].

Значит при последовательных перениманиях одним поколением от другого звук [a] в этих словах был заменен через [ɛ]. Но мы не находим этого соответствия с одной стороны в словах part [pa:r] (из латинского partem — accusat. от pars), arbre [arbr] (из arborem — accusat. от arbor), ни с другой стороны в ami [ami] (из amicum — accusat. от amicus), avoir [avwa:r] (из habere). Эти слова не представляли, значит, нужных условий для перехода [a] в [ɛ]. И из сравнения всех перечисленных слов мы видим, что в латинских словах, где этот переход совершился, 1) между [a] и следующим гласным был только один согласный и, следовательно, [a] принадлежало к открытому слогу; 2) [a] было ударенным. Первое из этих условий отсутствовало в partem и arborem, второе — в amicum и habere. Так как подобную связь мы встречаем и во многих других словах, то можно заключить, что [a] могло превратиться в [ɛ] только

*) Например, в односложных словах гласный обладает большей устойчивостью, чем в многосложных.

в тех латинских словах, где оно было ударенным и в открытом слоге. Но иногда при наличии обоих этих условий мы встречаем в соответствии латинскому [a] во французском не [ɛ], а [e], напр., porter [pɔrte] (из portare), bonté [bɔ̃:te] (из bonitatem — accusat. от bonitas), nez [ne] (из nasum). Сравнивая эти слова с sel, tel, cher, mer, мы находим различие уже не в латинской, а во французской форме: в porter, bonté, nez гласный, заменивший лат. [a], находится в открытом слоге, а в sel, tel, cher, mer — в закрытом. На этом основании мы можем формулировать данный звуковой закон так: латинское [a] в ударенном открытом слоге изменилось во французском в звук [ɛ] в закрытом слоге, и в звук [e] — в открытом.

§ 113. Там, где мы встречаем отклонения от справедливых для других слов звуковых законов, мы наталкиваемся или 1) на наше неполное знание всех условий данного процесса, или 2) на результат действия нефонетических изменений языка (о них см. § 115), или 3) на результат смешения различных говоров (или наречий и языков). Примером этого последнего может служить следующее. Праславянское сочетание [or] перед согласным отразилось обычно в русском в виде оро: город происходит из праславянского слова, начинавшегося с *gord- (древний состав: g + гласный + r + d, явствует из родственного немецкого слова Garten), борода происходит из праславянского *borda (сравни нем. Bart). Но рядом мы имеем град, брада. Эти формы заимствованы в русский из древне-церковно-славянского (болгарского) языка, в котором праславянское *or перед согласным заменялось через ра.

§ 114. Фонетические изменения делятся на спонтанеические, — которым данный звук подвергается во всех положениях, и комбинаторные, — которые совершаются с данным звуком только в известных сочетаниях.

К спонтанеическим принадлежит, например, переход праславянских носовых гласных [õ], [ẽ] в неносовые в русском языке, напр. в дуб, пять*).

---

*) Носовые гласные сохранились в польском, а также древне-церковно-славянском (где для них употреблялись особые буквы «юсы»).

К комбинаторным изменениям принадлежат процессы ассимиляции и диссимиляции. Фонетической ассимиляцией называется уподобление одного звука другому, рядом или близко от него стоящему. Таков, например, переход латинского d в s в слове ad-satis, откуда франц. assez.

Подобные переходы, когда изменяемый (ассимилируемый) звук становится совершенно похожим на ассимилирующий, называются полной ассимиляцией. Если же ассимилируемому звуку сообщаются не все, а только некоторые свойства ассимилирующего, происходит частичная или неполная ассимиляция. Таков, например, переход русских звонких смычных и спирантов в глухие перед глухими согласными: водка [votka] вместо [vodka], из Тулы [istułɯ] вместо [iztułɯ].

Фонетической диссимиляцией называется изменение, происходящее при наличии двух тождественных или сходных звуков в одном комплексе, и состоящее в утрате или уменьшении сходства между ними. Так, благодаря наличию сходных звуков [ṙ] и [r] в словах директор, коридор, один из них подвергается переходу в [l̇] в вульгарном произношении дилехтор, колидор. Такой же процесс создал тот факт, что английское colonel произносится, как если бы писалось coronel.

§ 115. Из нефонетических (т. е. зависящих и от значения слов) изменений звукового состава слов надо упомянуть о действии аналогии или морфологической ассимиляции. Этот процесс состоит в перенесении звуковых представлений, ассоциируемых с определенным значением в одних словах, в другие слова, обладающие также данным значением. Сюда относятся, например, такие случаи, когда одна из двух чередующихся морфем употребляется на месте другой, что может совершенно вытеснить эту последнюю из употребления. Например, из лат. amāre мы ожидали бы во французском не aimer [ɛme], а amer [ame], т. к. неударенное лат. [a] сохранялось во французском, а не переходило в [ɛ] (см. § 112), как, напр., в amère [amɛ:r] из amārum.

Мы встречаемся здесь с действием аналогии: в словах (j') aime, (tu) aimes, (il) aime, (ils) aiment, которые по-

лучились из amo, amas, amat, amant возникла морфема [ɛm-] из [am-], так как [a] было под ударением. Эта морфема стала употребляться и в прочих глагольных формах, в том числе и в aimer < amāre, aimons < amāmus, aimez < amātis.

В употреблении родительного падежа путя вм. пути мы встречаем новый случай употребления морфемы [a], часто употребляемой для обозначения родит. единств. от существительных муж. рода (стола, коня).

Во-вторых, могут переноситься по аналогии ассоциации между значениями различных грамматических форм и чередованиями звуков в этих формах. Например, в словах окно [akno] — о̀кна [okna], кольцо [kal̇t͡so] — кольца [kol̇t͡sa], со значением множественного числа связывается представление ударенного [o] в коренной морфеме ([okn-], [kol̇t͡s-]) противополагающееся представлению неударенного [a] в форме единственного числа ([akn-], [kal̇t͡s-]). Эта связь переносится и на пальто — по́льта.

В несу [ṅes-u] — нес [ṅos], везу [v̇ez-u] — вез [v̇os] сознается характерным для наст. врем. представление неударенного [e], а для прошедш. врем. — представление ударенного [o]. По этому рецепту создается от трясу [ṫres-u] — трёс [ṫros] вместо тряс.

AN INTRODUCTION INTO THE SCIENCE OF LANGUAGE FOR THE HIGH SCHOOLS OF ORIENTAL STUDIES

E. D. Polivanov's book is the first introduction into the study of oriental languages except the obsolete Gabelentz's „Sprachwissenschaft". * We had until now only the introductions into general linguistics or into any of its branches, e. g. into phonetics. Such text-books were numerous, especially in Russia, where the introduction into the science of language was during many years an independent subject of teaching in all high schools of philological character and where nearly every professor of that science had published this lectures at least in lithography. And it is not by accident that the renowned German Publisher, B. G. Teubner, published lately as an introduction into the science of language a German translation of the work of a Russian scholar, „Einleitung in die Sprachwissenschaft ** von Prof. Dr. V. Porzezinski, autorisierte Übersetzung aus dem Russischen von Dr. E. Boehme".

But all the former introductions suffered from an important defect: the narrowness of their horizon. They treated of a few European languages, more frequently classical and literary ones, nicknamed „aristocratic" by our Prof. N. I. Marr, the founder of the Japhetic theory. The languages of modern Orient, of the minor European nations and of the so called „savages" were totally or partly disregarded by them. There are many scholars proclaiming the cosmopolitism of linguistics but who do not or do so rarely and unwillingly step over the limits of classical philology.

It would be certainly unfair to say that the famous „Lehrbuch *** der Phonetik" of Prof. O. Jespersen totally neglects all languages except German, English and French, as he gives examples from more than a dozen different languages. But a reader, studying other languages than these three great European ones, would get small profit from his book, as the principal aim of its author was the phonetics of German, English and French and he had drawn to other languages only as material for exemplification.

On the contrary, the centre of gravity of E. D. Polivanov's book lies in the oriental languages, and thus is remedies the common defect of popular introductions into general linguistics. Teaching this subject during many years not only to the students of West European languages, but also to orientalists, he had gathered a rare experience. Having himself explored many problems of linguistics, he had worked out an independent point of view on many of its questions. His attainments in the theory of historic-phonetical structures and in that of descriptive psycho-phonetics are especially important. Therefore his book combines a great propaedeutical experience with a deep and manysided knowledge of the structure of tongues.

A great difficulty for a European, studying carefully oriental languages for theoretical or practical purposes, lies in the oddity of their phonetics and writing as well as in the novelty of their morphology and syntax. If the „Gymnasial französisch" of German students with its „it pleut des chats" instead of „il pleut déjà" is capable of exciting general hilarity in their French listeners, a *sui generis* „Universitäts-orientalisch" can produce not only hilarious but sometimes even dangerous results in the East.

Polivanov gives us the most detailed and precise analysis of phonetical properties of oriental languages using the vernacular scripts as well as a variety of the scientific alphabet proposed by the „*Association Phonétique internationale*". The problems of Chinese and Japanese accentuation are explained by him by means of experimental phonetics which suggests to him the last truths of modern science. The difficulties of the Arabic and Caucasian consonantism, the peculiarities of the vocalism of Turkish dialects, including the Yakutian, find in his book a proper explanation, tending to the utmost preciseness and specification. The abundance of examples secures to the students a solid adaptation of the material. The Author everywhere expounds his striking psycho-phonetical observations, made in Japan, in Central Asia, in the Caucasus, and furnishes the reader with sure means of correct perception and reproduction of oriental speech.

The peculiar morphological and syntactical features of oriental languages are represented in Polivanov's book in a broad typological form in connection with the similar if not always observable

phenomena in European languages. Besides the descriptive linguistics, Polivanov introduces the student into the historical linguistics, showing him on a large number of etymologies how the phenomena of the evolution of modern languages are rebuilt by the linguists. The defects of Polivanov's book are to be explained by the insufficiency of linguistic material furnished by European linguists, but when working with the materials accessible to a Russian philologist, such as Caucasian, Siberian and Centralasian languages, he gives many deductions, new to the West European linguist.

This book appears at the moment of a sharp splitting of the tendencies of Russian linguists, at the period of searching for new ways towards a sociological Science of language. The acquirements of the previous schools of linguistics in Russia render this purpose attainable, notwithstanding the seeming utopia of sociological linguistics. Therefore the work of our Author is to consist of the following parts (the first volume, spoken of here, covering the two first of them): 1) A linguistical propaedeutics (introductory notions). 2) General phonetics with exemplifying material taken chiefly from oriental languages. 3) Exemplifying material for phonetics in the form of the description of the sounds of Russian and three West European languages. 4) Exemplifying phonetical material taken from the oriental languages in the form of the characteristics of the sound-systems of separate languages and dialects: Japanese, Chinese, the Turkish languages (Azerbaijan, Uzbeg, Kazak, Tatar), Kalmuck, Chechen, Abkhasian, Georgian, Armenian etc. 5) Elementary notions of general morphology. 6) Theory of evolution of language. 7) Methods of comparative historic linguistics. 8) Illustrative material from the comparative grammar of Indo-European languages and from the comparative historical grammars of some groups of non-Indo-European languages. 8) The morphological classification of languages. 9) Sociological linguistics. 10) Applied linguistics. 11) Linguistics and poetics (phonetical theory of metrical speech). 12) Genealogical or real classification of languages.

We must wish that the Author could bring to the end his great scheme and complete a work, useful not only to oriental students, but also to oriental scholars.

———

Exchanges of publications are desired with Academies, Universities and Learned societies. To this end correspondence is invited and specimen copies will be sent on request.

A discount of 30 per cent is allowed to Booksellers.

The Oriental Institute of Leningrad
7, Maximilianovsky, Leningrad, USSR (Russia)

---

1. *Введение в языкознание для востоковедных вузов.* Л., Изд. Ленинградского восточного института им. А.С.Енукидзе, 1928. — VI, 220 с. (ЦИК СССР. Ленинградский восточный институт им. А.С.Енукидзе). Офсетное переиздание сохранившегося первого тома.

2. *Лекции по введению в языкознание и общей фонетике.* Берлин, Государственное издательство Р.С.Ф.С.Р., 1923. — 96 с. Офсетное переиздание разделов, дополняющих "Введение" в соответствии с авторским замыслом второго тома, а именно: Фонетический состав русского языка, с.61—67; Основы общей морфологии, с.67—71; Фонетический состав французского языка, с.71—77; Фонетический состав немецкого языка, с.77—80; Фонетический состав английского языка, с.80—89; Изменения в языке, с.89—93. Издание "Введения" и дополнений из этих разделов "Лекций", по сути, охватывает и раннюю работу Е.Д.Поливанова: *Конспект лекций по введению в языкознание и общей фонетике, читанных в 1915—1916 учебном году приват-доцентом Е.Д.Поливановым на Женских Педагогических курсах новых языков. Часть первая.* Пг., Типография А.Э.Коллинс, 1916. — 87 с. Текстологический комментарий к этим трем связанным друг с другом работам Е.Д.Поливанова даст возможность читателю составить целостное впечатление о них, увидеть общее и отличное всех трех изданий в хронологической последовательности.

3. *An Introduction into the Science of Language for the High Schools of Oriental Studies.* In Russian. Leningrad, 1929. 4 p. Офсетное переиздание рекламного проспекта "Введения", представляющего собой его резюме на английском языке. Оно безусловно полезно для зарубежных лингвистов.

Помимо текстологического комментария издание сопровождается постраничными комментариями (они отмечены "звездочками" на внешнем поле страницы), а также Указателем языков и языковых групп, упомянутых во "Введении", Предметным и Именным указателями.

Расхождения между "Введением" (1928), "Лекциями" (1923) и "Конспектом" (1916) Е.Д.Поливанова в разделе "Общая фонетика"

Сопоставление параграфов и страниц

"Введение"	"Лекции"	"Конспект"
§ 16, с.61	§ 11, с.18	§ 11, с.13
§ 17, с.63	§ 12, с.19	§ 12, с.14
§ 18, с.66	§ 13, с.22	§ 13, с.17
§ 19, с.84	отсутствует	отсутствует
§ 20, с.84	§ 14, с.24	§ 14, с.19

"Введение"	"Лекции"	"Конспект"
§ 21, с.90	§ 15, с.25 § 16 пропущен	§ 15, с.19 § 16 пропущен
§ 22, с.95	отсутствует	отсутствует
§ 23, с.95	отсутствует	отсутствует
§ 24, с.96	§ 17, с.27	§ 17, с.21
§ 25, с.97	§ 18, с.27	§ 18, с.22
§ 26, с.98	§ 19, с.28	§ 19, с.22
§ 27, с.100	§ 20, с.30	§ 20, с.24
§ 27а, с.101	отсутствует	отсутствует
§ 28, с.106	§ 21, с.30	§ 21, с.24
§ 29, с.107	отсутствует	отсутствует
§ 30, с.107	отсутствует	отсутствует
§ 31, с.109	отсутствует	отсутствует
§ 32, с.110	§ 22, с.31	§ 22, с.25
§ 33, с.114	§ 23, с.34	§ 23, с.28
§ 34, с.141	§ 24, с.35	§ 24, с.29
§ 35, с.141	§ 25, с.36	§ 25, с.29
§ 36, с.143	§ 26, с.37	§ 26, с.31
§ 37, с.144	§ 27, с.38	§ 27, с.31
§ 38, с.145	§ 28, с.38	§ 28, с.32
§ 39, с.146	§ 29, с.40	§ 29, с.34
§ 40, с.152	§ 30, с.41	§ 30, с.35
§ 41, с.154	§ 31, с.42	§ 31, с.36
§ 42, с.155	§ 32, с.43	§ 32, с.37
§ 43, с.157	§ 33, с.44	§ 33, с.38
§ 44, с.157	§ 34, с.45	§ 34, с.39
§ 45, с.160	§ 35, с.47	§ 35, с.41
§ 46, с.160	§ 36, с.47	§ 36, с.41
§ 47, с.161	§ 37, с.48	§ 37, с.42
§ 47а, с.163	отсутствует	отсутствует
§ 48, с.164	§ 38, с.48	§ 38, с.42
§ 49, с.165	§ 39, с.49	§ 39, с.43
§ 50, с.167	§ 40, с.49	§ 40, с.43
§ 51, с.186	§ 41, с.51	§ 41, с.45
§ 52, с.188	§ 42, с.53	§ 42, с.47
§ 53, с.189	§ 43, с.54	§ 43, с.48
§ 54, с.189	§ 44, с.54	§ 44, с.48
§ 55, с.190	§ 45, с.55	§ 45, с.49
§ 56, с.190	§ 46, с.55	§ 46, с.49
§ 57, с.191	§ 47, с.55	§ 47, с.49
§ 58, с.192	§ 48, с.56	§ 48, с.50
§ 59, с.192	§ 49, с.57	§ 49, с.51
§ 60, с.193	§ 50, с.57	§ 50, с.51
§§ 61–66, с.202–213	отсутствуют	отсутствуют
§ 67, с.213	§ 51, с.58	§ 51, с.52
§ 68, с.215	§ 52, с.59	§ 52, с.53
§ 69, с.217–220	§ 53, с.61	§ 53, с.55

"Введение"	"Лекции"	"Конспект"
Подзаголовок перед § 16 — "Органы произношения и их звукопроизводные функции" (с.61).	—	—
Сноска 1 (с.62) добавлена.	—	—
Сноска 1 (с.65) дополнена после ".../h/".	Сноска кончается ".../h/" (с.21).	То же (с.15)
С.69 — со слов "Как различия в высоте..." — новый текст. "Экскурс" (с.70—84) — новый текст. Последняя фраза § 13 "Лекций" и "Конспекта" перенесена в следующий § 19 и несколько разъяснена.	§ 13 после слов "...между голосовыми связками)" заканчивается словами: "Кроме создания различных оттенков (по высоте и силе) голосового тона от различного положения голосовых связок зависит еще целый ряд различий между звуками языка" (с.24).	То же (с.19)
§ 20 — со слов "В ряде же языков..." — новый текст (с.85—90).	§ 14 кончается словами "...напр., в Erinnerung" (с.25).	То же (с. 19)
§ 21 — со слов "Кроме немецкого и английского..." и сноска 2 (с.92)— новый текст (с.92—95).	§ 15 кончается словами "... la honte и т.д." (с.27).	
§ 22 (с.95) и § 23 (с.95—96) новые.	Отсутствуют.	То же (с.21)
§ 24 кончается словами "...согласным /ɥ/ (во французском lui = /lɥi/" (с.97).	§ 17 оканчивается словами " ...согласным /ɥ/ и следовательно голосовая щель открывается шире при согласных чем при гласных" (с.28).	То же (с.22)
§ 25 начинается словами: "Звуки /ʔ/ /ˀ/ (гортанные взрывные) и /h/, /ɦ/ /H/ /Q/ (гортанные спиранты), механизм..." (с.97).	§ 18 начинается словами: "Звуки /ʔ/ (гортанный взрыв) и /h/ (гортанный спирант), механизм..." (с.28).	То же (с.22)
§ 25 — снизу в строке 2 добавлены: ɣ H, а в строке 1: ʕ Q (с.97).	§ 18 — такие добавления отсутствуют (с.28).	То же (с.22)

(Продолжение)

"Введение"	"Лекции"	"Конспект"
Сноска 1 (с.98) дополнена после первой фразы.	Сноска * (с.29) состоит из одной первой фразы.	То же (с.23)
§ 26 — после слов "...в русском т о п о т" (с.99) — новый текст (с.99—100).	§ 19 кончается словами "...в русском т о п о т" (с.30).	То же (с.24)
Сноска 1 (с.99) дополнена японским примером.	Пример отсутствует.	То же (с.24)
§ 27 — после примеров cache и cage со слов "Среди восточных языков..." — новый текст (с.100—101).	§ 20 — после примеров cache и cage следует абзац: "Во всех прочих позициях, кроме конечной в слове, русские обыкновенно верно различают французские и английские звонкие от соответствующих глухих, но это трудно дается некоторым (в зависимости от диалекта) немцам" (с.30).	То же (с.24)
§ 28 — после слов "...придыхательных *[p]*, *[t]*, *[k]*" — новый текст со слов: "Из восточных языков..." (с.106—107/.	§ 21 — новый текст отсутствует (с.30—31).	То же (с.24—25)
§ 33 — после слов "...польский (— на предпоследнем), чешский" (с.115) со слов "и с другой стороны финский" до слов "„двухполюсности" ударения" текст сильно изменен и дополнен (с.115—141).	§ 23 — после слов "...чешский" добавлено всего несколько строк о музыкальном ударении (с.35).	То же (с.29)
§ 34 — после слов "...в пищевод" — новый текст (с.141).	§ 24 кончается словами "...в пищевод" (с.36).	То же (с.29)
§ 35 — после слов "...носовым согласным" добавлен абзац: "Кроме французского... других языках" (с.143).	§ 25 кончается словами "...носовыми согласными" (с.37).	То же (с.31)
Сноска 1 (с.147) добавлена.	—	—

"Введение"	"Лекции"	"Конспект"
§ 39 — со слов "Среди восточных языков..." до слов "...монгольское имя Агван" — новый текст (с.148—151).	—	—
§ 39 — со слов "Из восточных языков..." и до конца параграфа — новый текст (с.151—152).	—	—
§ 40 — со слов "Отсюда мы можем..." и до конца параграфа — новый текст (с.153—154).	—	—
§ 43 имеет отличия от § 33 "Лекций" и "Конспекта": "2) переднеязычные, образованные кончиком или самым началом спинки языка... 3) среднеязычные, образованные средней частью спинки языка; это, например, [j] и соответствующий глухой [ç] — см. § 25, а также смычные [ħ], [ɖ], [ɲ] и боковой (латеральный) [ʎ]; 4) заднеязычные ... [k], [g], [ŋ]; о подразделении заднеязычных на неглубокие и глубокие см. ниже" (с.157).	§ 33: "2) переднеязычные, или корональные, образованные кончиком (corona) языка... 3) среднеязычные, или дорсальные, образованные спинкой (dorsum) языка; это, например, [j] и соответствующий глухой [ç] — см. § 40; 4) заднеязычные ... [k], [g], [ŋ], [x]" (с.45).	То же (с.39)
§ 43 — со слов "Однако несмотря на то..." и до конца параграфа — новый текст (с.159—160).	—	—
§ 45 — "пять... классов согласных" (с.160).	§ 35 — "шесть... классов согласных" — опечатка: должно быть "пять" (4-го нет) (с.47).	То же (с.41)
§ 47 — после слов "...губно-зубные смычные ([ɱ] [β] [ɰ])" (с.161) со слов: "Из этих зву-	§ 37 — после слов "...губно-зубные смычные ([ɱ], [β], [ɰ])" следует только одна фраза: "Соот-	То же (с.42)

(Продолжение)

"Введение"	"Лекции"	"Конспект"
ков..." — новый текст (с.162—164).	ветственно определению аффрикаты (см. § 34) только соединения губно-губного смычного с губно-губным спирантом (напр. [pφ]) или же губно-зубного смычного с губно-зубным спирантом [πf] могут быть названы губными аффрикатами (но не [pf])" (с.48).	
§ 49 — со слов "Кроме английского звуки..." до слов "...типа звуков θ, ð" (с.165—166) и со слов "Оставляя за символом [ð]..." до конца параграфа — новый текст.	—	—
§ 50 — после слов "...южнофранцузское мягкое l)" и до конца параграфа — новый текст (с экскурсом и таблицами) (с.168—185).	§ 40 — после слов "...южнофранцузское мягкое l)" следует только "Необходимое замечание. В этом обзоре согласных многое придется дополнить из характеристик звуков, приведенных ниже в обзорах звукового состава русского, французского, немецкого и английского языков. То же самое нужно иметь в виду и при нижеследующем рассмотрении гласных" (с.51).	То же (с.45)
Подзаголовок перед § 51 — "Гласные" (с.186).	—	—
§ 52 — после слов "...как при [ɯ]" добавлен новый абзац о книге Щербы (с.189).	—	—
§ 57 — после слов "...напоминающий русское [ɯ]" до конца абзаца — новый текст (с.192).	§ 47 кончается словами: "...напоминающий русское [ɯ]" (с.56).	То же (с.50)

(Окончание)

"Введение"	"Лекции"	"Конспект"
§ 60 — со слов "В качестве примера..." и до конца параграфа (с.194-202) — новый текст.	§ 50 кончается словами: "...с губными работами /u/, /o/, /ɔ/" (с.58).	То же (с.52)
§§ 61 — 66 — новый текст (с таблицами) (с.202—213).	—	—
Подзаголовок перед § 67 — "Психофонетические элементы фонетики (Психофонетика)" (с.213).	—	—
§ 68 — после слов "...словоразличения чужды" добавлена фраза: "А для японца чуждым, наоборот, оказывается, например, такое простое для нас звукоразличение, как „р": „л"" (с.216).	—	—
Кроме того, к словам "нет (и не может быть)" дана сноска 1 (с.216).	—	—
§ 69 — замена термина: "варианты (или оттенки)" (с.217).	§ 53 — употреблен только термин "оттенки" (с.61).	То же (с.55)
§ 69 — после слов "...факультативными" до конца параграфа — новый текст (с.217—220).	§ 53 кончается словами: "...называются факультативными" (с.61).	То же (с.55)
	Далее (с.61—95) следуют отсутствующие во "Введении" (т.1) разделы: "Фонетический состав русского языка" (§§ 54—70), "Основы общей морфологии" (§§ 71—74), "Фонетический состав французского языка" (§§ 75—87), "Фонетический состав немецкого языка" (§§ 88—94), "Фонетический состав английского языка" (§§ 95—111), "Изменения в языке" (§§ 112—115) и "Генеалогическая классификация языков" (§§ 116—117).	То же (с.55-87). Параграфам разделов "Лекций" здесь соответствуют те же параграфы.
	Все разделы, кроме последнего, публикуются в виде добавления к "Введению".	

К "ВВЕДЕНИЮ В ЯЗЫКОЗНАНИЕ ДЛЯ ВОСТОКОВЕДНЫХ ВУЗОВ"

К предисловию

С.I. * Полное библиографическое описание: *Gabelentz G. von der*. Die Sprachwissenschaft, ihre Aufgabe, Methoden und bisherigen Ergebnisse. Leipzig, 1891; 2. verm. u. verb. Aufl., 1901.

С.II. * Среди специфических особенностей первого послеоктябрьского десятилетия в истории отечественной лингвистической мысли Е.Д.Поливанов отмечал революционный сдвиг от старой лингвистики как естественноисторической науки в сторону искания путей "социологической лингвистики", которая должна была удовлетворить интерес к социологическим факторам языковых явлений. Ведь язык по природе своей, писал он, "...есть в то же время явление социальное — достояние и орудие борьбы определенного общественного коллектива, объединенного кооперативными потребностями" (СОЯ, с.52—53). Поэтому "для того чтобы эта наука была адекватна своему объекту изучения, она должна быть наукой социологической" (СОЯ, с.182). Он считал "социологическую лингвистику" важнейшей основой построения "марксистского языкознания". См. его работы: Специфические особенности последнего десятилетия (1917—1927) в истории нашей лингвистической мысли. — Ученые записки Института языка и литературы РАНИОН. Т.3. М., 1928, с.3—9 (то же. — СОЯ, с.51—56); Задачи социальной диалектологии русского языка. — Родной язык и литература в трудовой школе. 1928, № 2, с.39—49; № 4—5, с.68—76 (см. СОЯ, № 74**); Русский язык сегодняшнего дня. — Литература и марксизм. Кн.4. М., 1928, с.167—180 (см. СОЯ, № 86); Круг очередных проблем современной лингвистики. — Русский язык в советской школе. 1929, № 1, с.57—62 (то же. — СОЯ, с.178—186); публикуемые здесь доклад "Проблема марксистского языкознания и яфетическая теория" (тезисы его см.: СОЯ, с.176—177) и "Программно-методологический экскурс" (фрагмент статьи, сохранившейся в гранках); ряд статей в его книге "За марксистское языкознание...". М., 1931 (см. СОЯ, № 111).

В частности, в статье "Круг очередных проблем современной лингвистики" Е.Д.Поливанов формулирует семь основных направлений "социологической лингвистики": 1) определение языка как социально-исторического факта; 2) описание языков и диалектов ("социально-групповых" и др.) с социологической точки зрения; 3) оценочный анализ языка как орудия общения; 4) изучение причинных связей между социально-экономическими и языковыми явлениями; 5) оценочный анализ

---

* Страницы, к которым даны примечания к "Введению" и "Лекциям", указаны по оригиналу.

** Здесь и далее номера работ Е.Д.Поливанова указаны по списку, помещенному в СОЯ, с.31—42.

языка как средства борьбы за существование; 6) общая типологическая схема эволюции языка в связи с историей культуры; 7) прикладные вопросы социологической лингвистики: языковая политика (см. СОЯ, с.186). Судя по этому перечню тем, из общего понятия социологической лингвистики логически можно вывести ее более узкое приложение, ныне известное под названием "социолингвистики". Е.Д.Поливанов стоял у истоков этой новой дисциплины и был одним из провозвестников ее будущего. К сожалению, ряд плодотворных идей ученого не получили должного развития в современной социолингвистике.

Социолингвистические исследования велись в те годы также другими советскими учеными. См., например: *Шор Р.О.* Язык и общество. М., 1926; *Петерсон М.Н.* Язык как социальное явление. — Ученые записки Института языка и литературы РАНИОН. Т.I. М., 1927; *Каринский Н.М.* Язык образованной части населения г.Вятки и народные говоры. — Там же. Т.3. М., 1928; *Данилов Г.К.* Язык общественного класса. — Там же; *Волошинов В.Н.* Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке. М., 1929; *Селищев А.М.* Революция и язык (1925). — *Селищев А.М.* Избранные труды. М., 1968; *он же.* Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последнего десятилетия (1917—1926). М., 1928; *Черных П.Я.* Современные течения в лингвистике. 2. Русский язык и революция. Иркутск, 1929; *Ломтев Т.П.* За марксистскую лингвистику. — Литература и искусство. 1931, № 1; *он же.* Очередные задачи марксистской лингвистики. — Русский язык в советской школе. 1931, № 5, и др.

** О бодуэновской школе в языкознании, ярким представителем которой был сам Е.Д.Поливанов, существует много исследований. См., например: И.А.Бодуэн де Куртенэ. 1845—1929 гг. (к 30-летию со дня смерти). М., 1960; вступительные статьи В.В.Виноградова и В.Дорошевского в кн. — *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Избранные работы по общему языкознанию. Т.I. М., 1963; *Леонтьев А.А.* Общелингвистические взгляды И.А.Бодуэна де Куртенэ. — ВЯ. 1959, № 6; *он же.* Бодуэн де Куртенэ и Петербургская школа русской лингвистики. — ВЯ. 1961, № 4; *Щерба Л.В.* И.А.Бодуэн де Куртенэ и его значение в науке о языке (1845—1929). — *Щерба Л.В.* Избранные работы по русскому языку. М., 1957; *Шарадзенидзе Т.С.* Лингвистическая теория И.А.Бодуэна де Куртенэ и ее место в языкознании XIX—XX веков. М., 1980, и др.

С.III. * Во "Введении" используются ныне устаревшие названия языков — турецкие, казакский и др. Их современные эквиваленты указаны в скобках в Указателе языков и языковых групп.

С.V. * "Теория эволюции языка" — так должен был называться специальный раздел в последующих томах "Введения". Эта тема была постоянно в круге интересов Е.Д.Поливанова. Частично она нашла печатное воплощение в виде брошюры "Понятие эволюции в языке" (Ташк., 1923), опубликованной на узбекском языке арабским шрифтом, в виде статей (см. СОЯ, № 75, 111, 117 и др.), составивших раздел II в СОЯ, с.57—142. Такую же тему для совместной разработки Е.Д.Поливанов предлагал Р.О.Якобсону в 1933 г. (см. переписку в кн.: *Ларцев В.Г.* Евгений Дмитриевич Поливанов. Страницы жизни и деятельности. М., 1988, с.288).

К части 1 "Вводные понятия (лингвистическая пропедевтика)"

С.6. * Здесь и далее должно быть: Adıtiv.

С.10. * Полное библиографическое описание: Психофонетические наблюдения над японскими диалектами. I. — Говор деревни Мие, префектуры Нагасаки, уезда Ниси-Соноки. II. — Музыкальное ударение в говоре Киото. Пг., 1917, 113 с.(см. СОЯ, № 9).

** Опечатка: вм. торжества надо тожества.

С.22. * Перевод: "Я тебе это уже говорил" (франц.).

С.23. * Полное библиографическое описание: Одна их японо-малайских параллелей. — Известия Российской Академии наук. Серия VI. Т.XII. 1918, № 18, с.2283—2284 (то же. — СОЯ, с.143—145).

С.26. * Под "узбекской орфографией 1923 года" имеется в виду проект узбекского латинского алфавита, обсуждавшийся на втором съезде узбекских работников просвещения в 1922 г. в Ташкенте по докладам Ф.Осман-Ходжаева и Е.Д.Поливанова. Проект был санкционирован съездом как вспомогательное средство при реформированном арабско-мусульманском письме.

Под "казакской (казахской) орфографией 1924 года" подразумевается проект казахско-киргизского алфавита на латинской основе, созданный работниками Центриздата народов СССР (быв. Восточного издательства), которые весной 1924 г. учредили в Москве Ассоциацию латинского алфавита для турписьменностей (сокр. Аслат) при Всесоюзной научной ассоциации востоковедения. Проект "Jaŋa aləpba" (Новый алфавит) был опубликован Н.Т.Тюрякуловым в Москве в 1924 г. Разбор этих и других проектов латинского письма см.: *Поливанов Е.Д.* Проблема латинского шрифта в турецких письменностях (по поводу нового якутского алфавита, азербайджанской азбуки jeŋi jol и узбекского алфавита, санкционированного 2-м Съездом Узб. Раб. Просвещения). М., Изд. МИВ, 1923 (см. СОЯ, № 34); *он же.* Новая казак-киргизская (Байтурсуновская) орфография. Спорные вопросы киргизской графики и орфографии. — Бюллетень 1-го Средне-Азиатского государственного университета. Ташк., 1924, № 7, с.35—43; *он же.* Проект латинского шрифта узбекской письменности. — Там же. 1924, № 6, с.158—159; *он же.* Проекты латинизации турецких письменностей СССР. К Туркологическому съезду II — 1926. Ташк., 1926 (см. СОЯ, № 58).

С.30. * Николай Иванович Кареев (1850—1931) — известный историк Западной Европы в новое время, почетный член АН СССР. Термин "историология" был заимствован Е.Д.Поливановым из его работы "Историология (Теория исторического процесса)" (Пг., 1915). В системе взглядов Н.И.Кареева "историология" (теория исторического процесса) противополагалась "историке" (теории исторического знания).

С.32. * Якутский латинский алфавит был создан С.А.Новгородовым (1892—1924) на основе Международного фонетического алфавита (см. примеч.* к с.95) еще до революции. В подготовке этого проекта якутской письменности ему оказывали помощь Л.В.Щерба и Е.Д.Поливанов. См. *Поливанов Е.Д.* Проекты латинизации турецких письменностей СССР, с.15—22; *Новгородов С.А.* Первые шаги якутской письменности. М., 1977.

С.35. * "Звуковой состав русского языка" должен был быть помещен во втором томе "Введения". Здесь приводится в дополнении по "Лекциям", с.61–67.

С.36. * Имеется в виду наиболее полный словарь японского языка того времени: *Ямада Бимё.* Нихон дайдзисё (Большой японский словарь). Токио, 1893 – и более поздние издания. Видный японский филолог и писатель Ямада Бимё (1868–1910) и его словарь внесли значительный вклад в нормализацию японского литературного языка на основе разговорного (см. Языкознание в Японии. Сост. В.М.Алпатов. М., 1983, с.289).

С.37. * Место и год издания: Leipzig, 1924.

С.38. * В апреле 1903 г., согласно статье 24 Постановления Министерства народного просвещения о начальных школах, были внесены изменения в "токухоны", т.е. книги для чтения для начальных школ. Была создана стабильная хрестоматия (автор – Такахаси Таро), утвержденная правительством в 1904 г. для начальных школ в восьми выпусках и для начальных школ высшей ступени в четырех выпусках. Японской слоговой азбукой "кана" в упрощенном правописании озвучивались слова, вводилось смешанное японско-китайское письмо (китайские иероглифы ограничивались 500 знаками), утверждалась самостоятельность разговорного стиля японского литературного языка (см. Кокугогаку дайдзитэн [Большой словарь японского языкознания]. Токио, 1980, с.394).

С.39. * Полное библиографическое описание: Этнографическая характеристика узбеков. Вып.I. Происхождение и наименование узбеков. Ташк., УзГИЗ, 1926, 31 с. (см. СОЯ, № 59).

С.42. * См. примеч. к с.35.

С.43. * Эра правления Мэйдзи в Японии – 1868–1912 гг., эра Тайсё – 1912–1926 гг.

С.47. * Полное библиографическое описание: *Passy P.* Petite phonétique comparée des principales langues européennes. Lpz., 190(

С.48. * Точное библиографическое описание: *Walde A.* Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 2. Aufl. Heidelberg, 1910. Третье, переработанное издание этой превосходной работы вышло позже: 3. Aufl. Neubearbeitet von J.B.Hofmann. Bd 1–3. Heidelberg, 1938–1956.

** Полное библиографическое описание: *Boisacq E.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Étudiee dans ses rapports avec les autres langues indo-européennes. Heidelberg – Paris, 1916; 2ème ed. Paris – Heidelberg, 1923.

С.49. * Выдающийся советский этнограф и писатель Владимир Германович Богораз (псевд. Тан; 1865–1936) был одним из зачинателей изучения народов Севера и Сибири. С 1921 г. он состоял профессором ряда ленинградских вузов. Возможно, его лекции слушал и Е.Д.Поливанов. О табуировании слова "медведь" и замене его словом "дедушка" см.: *Богораз-Тан В.Г.* Миф об умирающем и воскресающем звере. – Художественный фольклор. Т.I. М., 1926; *он же.* К психологии шаманства у народов Северо-Восточной Азии. – Этнографическое обозрение. Т.84–85. Кн.1–2. М., 1910.

С.51. * Полное библиографическое описание: *Karlgren B.* Études sur la phonologie chinoise. I–IV. Uppsala, 1915–1924.

С.52. * Е.Д.Поливанов имеет в виду работу крупнейшего советского тюрколога, члена-корреспондента АН СССР Николая Константино-

вича Дмитриева (1898—1954): Этюды по сербско-турецкому языковому взаимодействию. I—[IV]. — Доклады АН СССР. Серия В. 1926, № 2, с.17—22; [1928, № 12, с.268—275; 1929, № 5, с.89—95; № 6, с.103—108]. К моменту выхода "Введения" Е.Д.Поливанов был знаком только с первой частью этой работы.

С.53. * В современном корейском алфавите буквы "ᅀ" нет. Она была упразднена "Проектом унифицированной орфографии корейского письма" 1933 г. Ее звуковой потенциал [ʌ] стал исчезать со второй половины XVIII в. Е.Д.Поливанов в 1916 г. обозначал ее [ᅀ].

С.54. * Опечатка: вместо кор. *ača'm* следует читать *aǯ'am*.

** Полное библиографическое описание: Причины происхождения Umlaut'а. — Сборник Туркестанского восточного института в честь проф. А.Э.Шмидта (К 25-летию его первой лекции 18/28 января 1898—1923 г.). Ташк., 1923, с.120—123 (см. СОЯ, № 33).

*** Реконструкция кит. **mra* (или **mla*), признававшаяся некоторыми выступавшими на дискуссии (А.А.Холодовичем и др.) по данным Б.Карлгрена необоснованной, подтверждается современными исследователями (см. *Старостин С.А.* Реконструкция древнекитайской фонологической системы. М., 1989, с.687: **mrā'*).

**** Полное библиографическое описание: *Conrady A.* Eine indochinesische Causativ-Demonstrativ-Bildung und ihr Zusammenhang mit den Tonaccenten. Ein Beitrage zur vergleichenden Grammatik der indo-chinesischen Sprachen insonderheit des Tibetischen, Barmanischen, Siamesischen und Chinesischen. Lpz., 1896.

***** Полное библиографическое описание: *Шмидт П.П.* Опыт мандаринской грамматики с текстами для упражнений. Пособие к изучению разговорного китайского языка Пекинского наречия. Изд. 2-е, пересмотр. и доп. Владивосток, Изд. Восточного института, 1915, с.7—8.

С.55 * Пропуск части слова: оказывается.

** Полное библиографическое описание: *Rosny Léon de.* — Sur la langue chinoise en Corée. — Congrès international des orientalistes. Actes du 4e... T.1. Florence, 1878.

С.57. * Опечатка: должно быть аннамский (совр. вьетнамский).

** Полное библиографическое описание: *Gauthiot R.* Des noms de l'abeille et de la ruche en indo-européen et finno-ougrien. — Mémoires de la Société de linguistique de Paris. T.XVI. 1910, № 4.

С.59. * Опечатка: следует должны.

С.60. * В настоящее время этнологических факультетов в университетах нашей страны не существует, равно как нет и специальных востоковедных вузов (хотя восточных факультетов в университетах и институтах около десятка).

С.61 * Полное библиографическое описание: *Михельсон М.И.* Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Т.1—2. СПб., [1902—1903]; то же в одном томе. — СПб., 1912.

К части 2 "Общая фонетика"

С.70. * Полное библиографическое описание: Музыкальное ударение в говоре Токио. — Известия Имп. Академии наук. Серия VI. Т;IX. 1915, № 15, с.1617—1638 (см. СОЯ, № 3).

** См. примеч.* к с.10.

*** Кабинет экспериментальной фонетики Петербургского университета был основан в 1899 г. С 1909 г. его хранителем стал Лев Владимирович Щерба, который за короткое время превратил его в современную лабораторию. Ныне она называется Лаборатория экспериментальной фонетики им. акад. Л.В.Щербы ЛГУ. В 1914—1915 гг. в ней производил кимографические записи по музыкальной акцентуации японского языка и Е.Д.Поливанов.

С.73. * В Психологической лаборатории при Токийском императорском университете Е.Д.Поливанов проводил экспериментально-фонетические исследования японских диалектов во время своих командировок в 1914—1916 гг.

** См. примеч.* к с.10.

С.78. * Опечатка: должно быть А.П.Абеле (фамилия латышской лингвистки, специалистки по фонетике балто-славянских языков).

С.79. * См. примеч.* к с.70.

** Под "психическим значением" Е.Д.Поливанов как представитель психологистического направления в фонологии (бодуэновской школы) понимал "фонологическую оппозицию".

С.85. * Под древним этимологическим "входящим" тоном (*жу-шэн*) произносились слова, оканчивавшиеся на согласные *p*, *t*, *k*. Рефлексы его сохранились в виде гортанной смычки в ряде китайских диалектов.

** Касимовскому диалекту татарского языка была посвящена специальная работа Е.Д.Поливанова: Фонетические особенности касимовского диалекта. М., 1923, 27 с. (Институт востоковедения в Москве. Серия турецких языков. Вып.I) (см. СОЯ, № 29).

С.87. * Под "новой узбекской орфографией" подразумевается одна из реформ арабского письма с тюркскими особенностями. С 1927 г. была введена латиница, тоже подвергавшаяся реформам; с 1940 г. употребляется русское письмо.

С.88. * В публикуемом томе часть II отсутствует.

** Видный эстонский ученый Фердинанд Иванович Видеман (Wiedemann F.I., 1805—1887), академик Имп. Академии наук, является одним из основоположников изучения финно-угорских языков. В его обработке известна грамматика ливского языка в Латвии, который относится к западнофинской группе: *Sjögren J.A.* Livische Grammatik nebst Sprachproben. Bearbeitet von F.Wiedemann. Bd 1-2. SPb., 1861.

*** Полное библиографическое описание: *Jespersen O.* Lehrbuch der Phonetik. 2.Aufl. Lpz., 1913 (сокращенное изложение по-немецки более обширного сочинения на датском языке: Fonetik. København, 1897—1899).

**** См. примеч.* к с.85.

***** Тибетский алфавит Туми Самбода (Тонмисамхота) является индийским по происхождению. "Считается общепризнанным, что тибетское письмо было изобретено в 639 г. Тхон-ми Самбхотой, министром великого царя Сон-цэн-гам-по (Сронцзан-гамбо. — *Л.К.*), основавшего Тибетское государство и учредившего столицу его в Лхасе. Однако тибетское письмо не является новым изобретением — это результат переработки более древней письменности (гуптской? — *Л.К.*), употреблявшейся в Тибете" (*Дирингер Д.* Алфавит. М., 1963, с.412).

С.89. * О-в Люцон (в современной транскрипции Лусон) — самый крупный из Филиппинских островов.

** Полное библиографическое описание: *Жирков Л.И.* Грамматика даргинского языка. М., 1926.

С.90. * В 1901—1908 гг. Е.Д.Поливанов учился в Александровской гимназии в Риге. В те годы там был широко распространен немецкий язык.

** Искаженное немецкое вопросительное предложение означает "Чем тебя вырвало?" (вместо "Что ты съел?"). Apfelkuchen 'яблочный пирог' (с гортанным приступом в анлауте). Hamburgerkringel 'гамбургский крендель'.

С.91. * Drops her h's ($e^{i}t\check{s}iz$) означает, что непроизнесение *h* там, где это следует (особенность лондонского просторечия), считалось невозможным для представителя привилегированного сословия.

** Перевод английского анекдота: "Парикмахер, обслуживая джентльмена, высказывает свое мнение, чтобы в конечном счете была холера в в о л о с а х (искаженно произносит вместо 'в воздухе'). „Следовательно, — замечает клиент, — вам надо быть особенно осторожным с использованием щеток". „О, сэр, — отвечает парикмахер, улыбаясь, — я не имел в виду в о з д у х ...л о в ы (вместо 'волосы головы', произнеся e^{d} как часть слова head), а в о л о с ы ш л я п о с ф е р ы (искаженно произносит вместо 'воздух атмосферы')"".

*** Élision (франц. от лат. elisio) — элизия, т.е. устранение конечного гласного в слове перед начальным гласным. Liaison (франц.) — льезон, т.е. чередование конечных "немых согласных" с произносимыми согласными в тех же словах с гласным началом следующего слова.

С.94. * В и р т (Wirth) — английский исследователь рюкюских говоров. Имеется в виду его работа: Neue Liu-kiu Mundarten. — Zeitschrift für afrikanische und oceanische Sprachen. 1900.

Николай Александрович Н е в с к и й (1892—1937) был крупным советским исследователем японского, тангутского и айнского языков и фольклора. Во время поездок в Японию начиная с 1915 г. он обследовал также рюкюские говоры. См., например, посмертное издание: *Невский Н.А.* Фольклор островов Мияко. М., 1978. Е.Д.Поливанов был знаком с Н.А.Невским со времени учебы в Петербургском университете. Из новых работ по рюкюским говорам отметим: *Хокама Сюдзэн.* Окинава-но гэнго си (История языка о.Окинава). Токио, 1972 (на яп. яз.); *Мураяма Ситиро.* Рюкюго-но химицу (Тайна рюкюского языка). Токио, 1981 (на яп. яз.).

С.95. * Международный фонетический алфавит (сокр. МФА), сторонником применения которого в востоковедных лингвистических работах был Е.Д.Поливанов, разработан Международной фонетической ассоциацией, основанной в 1886 г. Первый его проект был представлен О.Есперсеном в 1888 г. Постоянно совершенствуясь, МФА приобрел более или менее законченную форму к 1907—1908 гг. Е.Д.Поливанов пользовался именно этой редакцией МФА. В отечественной науке о языке МФА больше известен в переработке Л.В.Щербы (см. его статью "К вопросу о транскрипции", 1911). Принципы, на которых построен МФА изложены в известной брошюре: Principles of the International Phonetic Association. L., 1949. Подробно об МФА см.: *Сердюченко Г.П.* Русская транскрипция для языков зарубежного Востока. М., 1967, с.18—36.

С.96. * Полное библиографическое описание: *Щерба Л.В.* К вопросу о транскрипции. — Известия Отделения русского языка и словесности АН. Т.XVI. Кн.4. 1911, с.161—181. Этой работой Л.В.Щербы пользовался Е.Д.Поливанов для выбора знаков МФА. См. разделы — согласные и гласные.

** См. примеч.** к с.89.

С.101. * Полное библиографическое описание: *Брик О.М.* Звуковые повторы. — Сборники по теории поэтического языка. I. Пг., 1916 (то же в изд.: Поэтика. Сборники по теории поэтического языка. I—II. Пг., 1919).

С.103. * Относительно природы корейских "сильных" согласных (по корейской терминологии — *твен сбри*, букв. "густые звуки") существуют разные мнения. Е.Д.Поливанов считал их геминатами — и действительно они являются таковыми в интервокальной позиции. Другие называют их "суффокатами", "интенсивами", "напряженными", "эктивными" согласными. Некоторые усматривают в них наличие гортанной смычки в качестве дополнительной артикуляции.

С.106. * Полное библиографическое описание: *Рамстедт Г.И.* Сравнительная фонетика монгольского письменного языка и халха'ско-ургинского говора. Перевод студентов факультета восточных языков Имп. СПб. университета с первого немецкого издания, под ред. приват-доцента А.Д.Руднева, с дополнениями автора. СПб., 1908, 66 с.

С.107. * См. примеч. к с.51.

С.108. * Термин "согласные с надгортанной экспирацией" был введен профессором Николаем Феофановичем Яковлевым (1892—1974), крупным советским лингвистом-кавказоведом, в его работе: Таблицы фонетики кабардинского языка. М., Изд. МИВ, 1923, с.24 и сл.

** Полное библиографическое описание: *Tozzer A.M.* A Maya Grammar. — Papers of the Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology. Harvard University. Cambridge (Mass.). Vol.IX. 1921.

С.109. * Полное библиографическое описание: *Juŝmanov N.* Théorie des consonnes emphatiques sémitiques. — Доклады Российской АН. Серия В. 1925, с.55—58.

** Т.е. мус[ульманских] языках.

С.113. * Опечатка: должно быть Häuser.

С.115. * Н.Н.Поппе высказал предположение о двухполюсности ударения в общеалтайском праязыке в работе: Из области вокализма монголо-турецкого праязыка. — Доклады Российской АН. Серия В. 1924, с.33—35.

** Двухполюсный характер современного корейского ударения ныне оспаривается некоторыми корейскими учеными.

С.116. * См. примеч.* к с.47.

** См. примеч.* к с.10.

С.117. * Полное библиографическое описание: *Panconcelli-Calzia G.* Die experimentalle Phonetik in ihrer Anwendung auf die Sprachwissenschaft.2.völig umgearb.u. erw.Aufl. Berlin, 1924. Эту работу широко использовал В.А.Богородицкий в своей книге: Фонетика русского языка в свете экспериментальных данных. Казань, Изд. Дома татарской культуры, 1930.

** Перевод: "Гамбуржец, задавая, например, вопрос, начинает его в высоком тоне, с тем чтобы к концу предложения внезапно перейти к острому тону; гессенец же, напротив, при том же вопросе произносит в среднем тоне и к концу резко повышает тон; у швабца выделяется четко выраженный острый тон на исходе (см. рис.154)" (нем.).

С.118. * "Фонетическую характеристику китайского языка" автор предполагал опубликовать во втором томе "Введения". Под названием "Краткая фонетическая характеристика китайского языка (пекинского

говора северно-мандаринского наречия)" она вышла в виде брошюры в Москве в 1927 г. в издании КУТВ (Коммунистического университета трудящихся Востока) (см. СОЯ, № 61) и была перепечатана в качестве приложения в "Пособии по китайской транскрипции" (Совместно с Н.Поповым-Татива. М., 1928, II, 92 с.; см. СОЯ, № 73). Эта работа будет помещена в соответствующем томе избранных трудов Е.Д.Поливанова.

** См. *Петерсон М.Н.* Язык как социальное явление. — Ученые записки Института языка и литературы РАНИОН. Т.I. 1927, с.5-21.

С.119. * См. с.78, сноска 1. (Должно быть: А.П.Абеле).

** О китайских "ломаных" и "ровных" тонах подробно см.: *Поливанов Е.Д.* Краткая фонетическая характеристика китайского языка; *он же* (совместно с А.И.Ивановым). Грамматика современного китайского языка. — Труды Института востоковедения им. Н.Н.Нариманова. Т.XV. М., 1930, Раздел "Фонетика".

С.120. * Раздел "Фонетическая характеристика японского языка" должен был быть помещен во втором томе "Введения". Утерян. Частично сохранился в виде статей (см. СОЯ, № 112, 140 и др.), которые воспроизводятся в соответствующем томе избранных трудов Е.Д.Поливанова. Сохранились его рукописи по этой теме в пражском архиве.

** "Характеристика западно-японской системы музыкальной акцентуации" (с.120—140) приводится автором по одноименной работе, опубликованной в "Бюллетене Средне-Азиатского государственного университета" (Ташк., 1925, № 9, с.183—194), а также по работе: Материалы по японской акцентологии. I. Говор Тоса. — Ученые записки Института языка и литературы РАНИОН. Т.III. 1928, с.133—149. См. СОЯ, № 52, 53 (резюме на франц. яз.) и 79.

С.121. * "Хо:дзё:ки" ("Записки из кельи" — классическое сочинение японской литературы о бренности земной жизни, написанное в форме записок (*дзуйхицу*) о войне конца XII в. буддийским монахом Камо-но Тёмэй (1153—1216).

С.122. * Полное библиографическое описание см. в примеч.* к с.70.

** Опечатка: должно быть Subjectivi.

С.128. * См. примеч.* к с.70.

С.130. * Полное библиографическое описание: Акцентуация японских прилагательных с двухсложной основой. — Известия Российской АН. Серия VI. Т.XI. 1917, № 12—18, с.1089—1093 (см. СОЯ, № 10).

С.133. * См. примеч.* к с.73.

С.135. * В фонетических описаниях в те годы обычно использовался небольшой стандартный текст в орфографической передаче и научной фонетической транскрипции с добавлением комментариев. Этот текст, как правило, не сопровождался переводом и был заимствован из книги П.Пасси (*Passy P.* Petite phonétique comparée des principales langues européennes. Lpz. — B., 1912). Он приводился также в журнале МФА "Maître phonétique". Этот текст использовал и проф. В.А.Богородицкий в своей работе "Введение в изучение современных романских и германских языков" (М., 1953), откуда нами заимствован его русский перевод:

"Солнце говорит: „Меня зовут солнцем. Я свечу очень ярко.
Я встаю на востоке, и когда я встаю, наступает день.
Я смотрю к тебе в окно моим блестящим, как золото, оком
и говорю тебе, когда пора вставать. Я говорю: вставай,

лентяй, я свечу не для того, чтобы ты валялся в кровати, а для того, чтобы ты вставал, работал, читал, гулял"".

** См. примеч.* к с.120.

С.140. * Яп. *данго* 'рисовые колобки' и *моти* 'рисовые лепешки'.

С.141. * Раздел "Характеристика консонантизма арабского языка" должен был быть включен во второй том "Введения". Частично изложен в статьях (см. СОЯ, № 41 и др.).

** См. примеч.* к с.117.

Перевод: "При сильном начальном приступе надгортанник продвигается к входу гортани, не закрывая ее полностью. Голосовые связки [смыкаясь] производят сильно звучащий тон. Вся гортань [как бы] приподнята. Образованный с таким начальным приступом звук звучит сдавленно и сильно. При сильном же отступе звучание сводится на нет. Арабы обозначают этот начальный приступ, равно как и отступ, посредством ع [„айна"]" (нем.).

С.148. * См. примеч.* к с.118.

С.149. * Опечатка: должно быть "неслоговой". Относительно толкования N как неслогового элемента дифтонгов имеются возражения у ряда японистов-фонетистов.

** См. примеч.* к с.120.

*** Здесь латинский термин дан во французском написании.

С.153. * Раздел о звуках армянского языка Е.Д.Поливанов предполагал поместить во втором томе "Введения". Не сохранился.

С.157. Перед § 43 пропущен подзаголовок "Согласные". Восстанавливается по аналогии с "Гласными" (см. с.186).

С.161. * См. примеч.*** к с.88.

С.162. * См. примеч.* к с.118.

С.163. * Имеется в виду абхазский аналитический алфавит Н.Я.Марра. О нем см. ниже примеч.* к с.177.

**Раздел "Фонетическая характеристика абхазского языка" должен был быть включен во второй том "Введения", который не сохранился..Имеется в рукописи статья Е.Д.Поливанова "Абхазский аналитический алфавит", хранящаяся в Ленинградском отделении Архива АН СССР (22 л.). Она имеет прямое отношение к данному разделу и ждет своего опубликования.

С.167. * См. примеч.* к с.118.

С.169. * Полное библиографическое описание: *Edwards E.R.* Étude phonétique de la langue japonaise. Lpz., 1903.

С.170. * Полное библиографическое описание: О русской транскрипции японских слов. — Труды Японского отдела Имп. Общества востоковедения. Вып.I. Пг., 1917, с.15—36 (то же — СОЯ, с.263—286).

** "Ромадзи", как одна из форм японской письменности, созданной самими японцами на основе латинской графики, получила распространение в Японии с конца XIX в. Было много проектов и систем "ромадзи", в том числе стандартных; они постоянно совершенствуются. Подробно о романизации японского письма см. в словаре Д.М.Позднеева (с.CXIV—CXXVII), упомянутом в следующем примечании, и в работах Н.И.Конрада "Латинская письменность в Японии" ("Труды Военного института иностранных языков". М., 1945, № 1, с.91—119) и "О государственной латинице в Японии" (М., 1945).

*** Ранние русские транскрипционные системы японского языка были предложены профессором Дмитрием Матвеевичем П о з д н е-

евым (1865—1937?) во "Введении в изучение японской письменности" в "Японо-русском иероглифическом словаре (по ключевой системе)" (Токио, 1908) и в "Токухон, или книге для чтения и практических упражнений в японском языке" (Ч.1—2. Токио, 1907—1908), а также крупным японистом профессором Евгением Генриховичем Спальвиным (1872—1933) в его многочисленных пособиях по японскому языку, выпущенных Восточным институтом во Владивостоке в начале XX в. Подробно о Д.М.Позднееве и Е.Г.Спальвине см.: *Алпатов В.М.* Изучение японского языка в России и СССР. М., 1988, с.25—34. Эти системы транскрипции после 1917 г. были вытеснены "поливановской", одобренной в 1917 г. Японским отделом Общества востоковедения и с тех пор получившей применение в русскоязычной литературе.

С.175. * Полное библиографическое описание: *Bell A.M.* Visible Speech: Universal Alphabetics. L., 1867.

** "Общелингвистическая азбука, составленная на основании русских букв" (в обычном употреблении — Русская лингвистическая азбука, сокр. — РЛА) была создана В.В.Радловым, В.П.Васильевым и К.П.Залеманом в 1887 г. В ее составлении принимал участие также И.А.Бодуэн де Куртенэ. (Обоснование ее см.: В историко-филологическое отделение Академии наук. Записка академиков В.Радлова, В.Васильева и К.Залемана по вопросу о создании "Общелингвистической азбуки". СПб., 1886.) Эта, по сути, первая научная фонетическая транскрипция для языков Востока была крупным событием не только отечественного, но и мирового востоковедения. Подробно о ней см.: *Сердюченко Г.П.* Русская транскрипция..., с.60—77. Из-за полиграфической сложности не получила широкого распространения.

С.176. * Место издания: Paris. Об МФА см. примеч.* к с.95.

** См. примеч.* к с.96.

*** Полное библиографическое описание: *Brugmann K., Delbrück B.* Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Bd 1—5. Strassburg, 1886—1900; 2.Aufl., 1897—1916.

С.177. * Яфетидологическая транскрипция была разработана акад. Н.Я.Марром еще до революции в виде аналитического алфавита на латинской основе для кавказских языков. В 1924 г. Н.Я.Марру удалось ненадолго внедрить ее в качестве практического письма в Абхазии. Наиболее полно эта транскрипция отражена в его брошюре "Абхазский аналитический алфавит (К вопросу о реформах письма)", выпущенной в серии изданий Яфетидологического семинара Ленинградского института живых восточных языков и посвященной Первому Всесоюзному тюркологическому съезду в Баку (см. также: *Марр Н.Я.* Избранные работы. Т.2. Основные вопросы языкознания. Л., 1936, с.321—351). Позже Н.Я.Марр планировал этой транскрипции статус универсального международного алфавита. Об этом см.: *Гранде Б.* Аналитический алфавит Н.Я.Марра и проблема научной транскрипции для Нового алфавита. — Всесоюзный центральный комитет нового алфавита Н.Я.Марру. Сб. статей. М., 1936, с.41—66.

Реакция со стороны главных теоретиков движения за новый латинизированный алфавит — Н.Ф.Яковлева, Е.Д.Поливанова и других на попытку представить абхазский аналитический алфавит образцово-показательным латинизированным письмом в противовес новому алфавиту была отрицательной. См., например: *Яковлев Н.Ф.* "Аналитический" или "новый" алфавит? — Культура и письменность Востока. Кн.10.

1931, с.43—60, и др. Е.Д.Поливанов в докладе "Абхазский аналитический алфавит (опыт критического анализа)" (Рук. 1927 г. ЛО Архива АН СССР, ф.800, Н.Я.Марр, оп.6, № 395) отмечал, что "ААА не выдерживает ни тех требований, которые могут быть предъявлены к теоретической системе фонетической транскрипции, ни, тем более, — тех, которые школа и жизнь предъявляют к практическому письму".

** Работы под такими названиями, как "Характеристика грузинского консонантизма" и "Фонетическая характеристика абхазского языка", нам неизвестны. Возможно, такие разделы были подготовлены для второго тома "Введения", но не сохранились. Вполне также вероятно, что это были переработанные статьи — "Краткая классификация грузинских согласных" (Бюллетень Средне-Азиатского государственного университета. Ташк., 1925, № 8, с.113—118; см. СОЯ, № 50) и упоминавшаяся выше рукопись "Абхазский аналитический алфавит".

С.178. * См. примеч.* к с.96.

С.180. * О МФА в переработке Л.В.Щербы см. примеч.* к с.95. Е.Д.Поливанов на с.180—182 приводит отрывок и таблицу из статьи Л.В.Щербы (1911 г.). Эта же таблица помещена в работе Л.В.Щербы "Русские гласные в качественном и количественном отношении" (СПб., 1912; офсет. переизд. — Л., 1983, с.X).

** См. примеч.*** к с.88.

С.182. * Полное библиографическое описание: *Chlumský J.* Pokus o měření ceských zvuků a slavik v řeči souvisle. — Revue de phonétique. Vol.1. 1911.

** Имеется в виду рецензия Л.В.Щербы на книгу Фринты: Критические замечания по поводу книги д-ра Фринты о чешском произношении. — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. Т.XV. Кн.1. 1910, с.233—251.

С.189. * Полное библиографическое описание: *Щерба Л.В.* Русские гласные в качественном и количественном отношении. СПб., 1912, XI, 155 с., табл. (Записки историко-филологического факультета Имп. СПб. университета. Ч.CVII); то же. — Офсет. переизд. — Л., "Наука", 1983, XX+XI, 155+XXVIII с. См. также примеч.* к с.180.

** Английские фонетисты Бэлл и Суит являются авторами физиологической классификации гласных. О Бэлле см. примеч.* к с.175. См. работы Суита: *Sweet H.* A Primer of Phonetics. Oxford, 1890; 3d ed. 1906; *он же.* Handbook of Phonetics. Oxford, 1877.

С.196. * Раздел "Фонетическая характеристика чеченского языка" должен был быть помещен во втором томе "Введения". Близкая по теме статья "Консонантизм чеченского (плоскостного) языка", написанная Е.Д.Поливановым в соавторстве с Яндаровым, по данным Архива АН СССР, была представлена 27 декабря 1929 г. для печати в Институт этнических и национальных культур народов Востока (Иннарвос). Кроме того, работа по чеченской фонетике как посланная Е.Д.Поливановым в Прагу упоминается в переписке Н.С.Трубецкого с Р.О.Якобсоном. Эти работы не найдены.

С.197. * См. примеч.* к с.118.

С.198. * Бригитта Альфредовна Поливанова-Нирк — жена Е.Д.Поливанова и его помощница, разделившая вместе с ним его трагическую судьбу. По происхождению эстонка.

Ревель — официальное название города Таллинна с 1219 по 1917 г.

С.202. * Японский термин "дзэнхэй" означает акцентуационный тип слов в токийском говоре, к которому "в одинаковой мере применимы и понятие ровного или безударного слова... и понятие слова с конечным музыкальным ударением (на последней море)". "Дзэнхэй'-ям" соответствуют ровные высокие слова западнояпонских говоров (см. *Поливанов Е.Д., Плетнер О.В.* Грамматика японского разговорного языка. М., 1930, с.167—168).

С.203. * Борис Всеволодович Миллер (1877—1956) — крупный советский иранист-лингвист, автор нескольких работ по талышскому языку.

** Ольга Александровна Сухарева — автор учебных пособий по таджикскому языку в 20—30-е годы.

С.205. * См. примеч.* к с.32.

С.206. * См. примеч.* к с.118. Под третьим элементом силлабемы Е.Д.Поливанов понимал слогообразующие гласные (см. *Поливанов Е.Д.* Краткая фонетическая характеристика китайского языка, с.20—25).

С.208. * Опечатка: должно быть — дзэнхэй'ю.

** Полное библиографическое описание: Вокализм северно-восточных японских говоров. — Доклады Российской АН. Серия В. 1924, июль — сентябрь, с.105—108 (см. СОЯ, № 37).

С.209. * Под брошюрой проф. Л.В.Щербы Е.Д.Поливанов, видимо, подразумевает отдельный оттиск статьи "К вопросу о транскрипции" (см. примеч.* к с.96).

С.210. * Е.Д.Поливанов употребил здесь французский термин mixtes вместо английского mix.

С.211. * См. примеч.* к с.95 и 180.

** Журнал "Maître phonétique" — орган Международной фонетической ассоциации. Ныне издается под названием "The Journal of the International Phonetic Association". См. также примеч.* к с.135.

С.212. * См. примеч.* к с.95.

** См. примеч.*** к с.176.

*** См. примеч.** к с.175.

С.216. * Переводы французских омонимов: *dé* 'из (пред.)'~*dais* 'балдахин', *lé* 'он'~ *lait* 'молоко', *j'aurai* 'я буду иметь'~*j'aurais* 'если я имею'.

С.217. * Как отмечалось в примеч.** к с.79, Е.Д.Поливанов остался приверженцем психологистического понимания фонемы, которое им было унаследовано от основоположника теории фонем И.А.Бодуэна де Куртенэ и его последователя Л.В.Щербы (особенно в ранних работах), хотя ко времени издания "Введения" Н.Ф.Яковлев в 1923 г. попытался очистить понимание фонемы от психологистического налета.

Вместо "варианта", "оттенка" фонемы ныне обычно употребляется термин "аллофон".

** Термин "субститут", предложенный Е.Д.Поливановым, действительно удобен для обозначения заместителя двух фонем, называемого "слитным вариантом двух фонем" (Н.Ф.Яковлев), "архифонемой" (Н.С.Трубецкой и Пражский лингвистический кружок),"гиперфонемой" (в некоторых работах западноевропейских лингвистов).

С.63. * § 19 "Лекций" см. § 26 "Введения".

С.64. * § 53 "Лекций" см. § 69 "Введения".

С.67. * В этой книге наш крупнейший лингвист профессор Василий Алексеевич Богородицкий (1857—1941) "выдвинул идею о необходимости изучения акустических характеристик звуков речи в дополнение к изучению их физиологии" (см. Русский язык. Энциклопедия. М., 1979, с.33). Кстати, он же основал первую в России лабораторию экспериментальной фонетики при Казанском университете. О нем см.: *Андрамонова Н.А., Байрамова Л.К.* В.А.Богородицкий. Казань, 1981. См. также примеч.* к с.135.

С.72. * § 29 "Лекций" см. § 39 "Введения".

С.73. * § 30 "Лекций" см. § 40 "Введения".

** § 53 "Лекций" см. § 69 "Введения".

С.76. * Полное библиографическое описание: *Passy P.* Les sons du français. 6e éd. P., 1906.

** Полное библиографическое описание: *Nyrop K.* Manuel phonétique du français parlé. 2ème ed. Copenhaque e.a., 1902.

*** Полное библиографическое описание: Dictionnaire phonétique de la langue française. Par H.Michaelis et P.Passy. 2ème ed. P., 1914.

С.78. * § 21 "Лекций" см. § 28 "Введения".

** § 20 "Лекций" см. § 27 "Введения".

*** § 47 "Лекций" см. § 57 "Введения".

С.79. * Полное библиографическое описание: *Viëtor W.* Die Aussprache des Schriftdeutschen. Lpz., 1925.

** Полное библиографическое описание: *Siebs Th.* Deutsche Bühnenaussprache. B., 1898; 13. Aufl. 1927.

С.80. * § 38 "Лекций" см. § 48 "Введения".

С.81. * § 33 "Лекций" см. § 43 "Введения".

С.83. * § 22 "Лекций" см. § 32 "Введения".

С.84. * § 29 и § 15 "Лекций" см. соответственно § 39 и § 21 "Введения".

С.85. * § 47 "Лекций" см. § 57 "Введения".

С.86. * § 22 "Лекций" см. § 32 "Введения".

С.87. * Опечатка: должно быть *[ɔ:ə]*.

С.88. * § 47 "Лекций" см. § 57 "Введения".

** Полное библиографическое описание: *Jones D.* The Pronunciation of English. Cambridge, 1909.

*** Год издания: 1913.

К *"AN INTRODUCTION..."*

С.1. * См. примеч. к с.I предисловия "Введения".

** Немецкий перевод прекрасной работы русского и польского лингвиста-компаративиста, убежденного последователя фортунатовской школы Виктора Карловича Поржезинского (Porzeziński W., 1870—1929) "Введение в языковедение. Пособие к лекциям" (Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1910) вышел в 1914 г.

*** См. примеч.* к с.88 "Введения".

* Пагинация в указателях дается по *оригиналу*. Условные обозначения — буква "д" перед цифрой означает страницу из "Лекций", которые даны как дополнение к "Введению"; римские цифры — страницы "Предисловия" к "Введению". Названия языков приводятся в том виде, в каком они даны во "Введении" и "Лекциях"; лишь в некоторых случаях нами указаны в скобках их современные названия.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

СЛОВАРЬ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ (1935–1937)

АРХИВНАЯ ПУБЛИКАЦИЯ

ТОЛКОВЫЙ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ПО ЛИНГВИСТИКЕ
(1935–1937)
(Из Архива АН СССР)

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ

АББРЕВИАТУ́РА — литературно-технический и лингвистический термин: сокращение, сокращенная форма слова (или — чаще — словосочетания, превращенного в данном случае в единое слово). Термин А. — латинского происхождения (как и термин *Аббревиация*, см.) — из латинского предлога *ad* (перед следующим *b* ассимилирующегося в *ab-*) плюс лат. *brevis* 'короткий' и суффиксации *-atio* → *-ация* (что, в общем, по смыслу, соответствует рус. *сокращение*, узб. *qisqalaştiriş* или точнее — *qisqalaştirila turƣan*).

{К А. относятся, следовательно, такие сокращения (сокращенные слова) революционной эпохи в русском языке, как *Совнарком* (вм. Совет народных комиссаров), *УССР* (вм. Украинская Советская Социалистическая Республика), *СТО* (вм. Совет труда и обороны) и т.д. Под влиянием письменности А. могут усваиваться и устной речью, являясь таким образом новыми словами вполне своеобразной конструкции. Существующие в современном русском употреблении А. можно классифицировать по следующим трем основным типам: 1) тип *Совнарком* (сочетаются начальные отрезки, обычно первые слоги, от каждого из слов, входящих в сокращаемое словосочетание) с подтипами: *хлебзавод, хлопзавод, нардом, детдом* (одно из слов берется полностью), и *Ока — Волга — Лёс* (ни одно из слов не усекается, но сочетание их носит тот же механический характер, что и в *Совнарком*); 2) тип *СССР* (= *эсэсэр*) (или — другие примеры: *ЦК, ГПУ, РСФСР*, когда сочетаются названия начальных букв от каждого слова) с подтипом *УзССР* и т.п.; 3) тип *СТО* или *нэп* (соединяются начальные буквы от каждого слова, и полученная комбинация букв читается как целое слово). Встречаются, разумеется, и смешанные разновидности, одной своей частью принадлежащие к одному, другой к другому из названных типов}[1]. А. (в частности, 1-го типа — типа *Совнарком* — и его подтипов) появляются — в революционную эпоху (именно в последние годы) — и в узбекском языке: напр., *Içraqom, Ozkompartija, Markazqom* и т.п.

Массовое словотворчество А. в русском языке именно в советскую (революционную) эпоху объясняется массовым социальным заказом на новые слова — в связи с массой новых понятий, привнесенных революцией в коллективное мышление широких масс; в связи с общим принципом морфологической экономии (требующим, чтобы на единицу часто употребительного и самостоятельного понятия ассигновывалась

одна словесная единица: одно слово, а не комплекс из нескольких слов, как *Совет Народных Комиссаров, Центральный Комитет [Партии], Новая Экономическая Политика* и т.п.) надо было незамедлительно создавать тысячи новых слов, а так как старые примеры словотворчества были слишком "черепашьими" для этого, то были созданы и новые приемы словотворчества (= аббревиатурного). Образцом служили, очевидно, сокращения (аббревиатуры) *телеграфного кода* (см.), ставшие массово известными в военные годы 1914 – 1918 гг. Но совершенно напрасно профессор Селищев (в своей книге о языке рев[олюционной] эпохи)[2] хочет видеть источник русских революционных А. в еврейских А. талмудической литературы: генетическую связь эту можно отрицать; ведь и кроме еврейской талмудической литературы А. были и в других языках: напр., в XX в. в английском (именно 2-го типа: *M.P. – Member of Parliament* 'Член Парламента'), французском, немецком языках и, с другой стороны, в китайской и японской иероглифике (напр., яп. *кацубэн* вм. *кацудосясиндзи* 'словесный интерпретатор в кино'), – нельзя же из факта наличия сходного явления утверждать и генетическую связь с этим явлением?!

АБЕРРА́ЦИЯ[1] [лат. *aberrātio* 'блуждание' – из предлога *ab* 'от', глагольной основы *err-(āre)* 'блуждать' и суффиксации имен действия *-ātio*] – общенаучный термин, <означающий> колебания, уклонения, изменения качества или количества в ту или другую или в обе стороны. Иногда термин А. употребляется в общей фонетике в смысле ф о н е т и ч е с к о й аберрации фонемы, или аберрации (комбинаторных или факультативных) вариантов фонемы. В этом случае А. означает совокупность физических (– физиологических и соответствующих им акустических) вариантов одной и той же фонемы. В такую "фонетическую А." входят, главным образом, *комбинаторные* (см.) *варианты фонемы*, т.е. различные по качеству произношения данной фонемы в разных словах в зависимости от различного соседства других звуков, а также от места ударения и прочих позиционных условий, <и иногда> *факультативные* (см.) *варианты фонемы*, возникающие в разных произношениях одного и того же слова (при различных психологических условиях фонации).

Напр.: фонетическая А. узбекской фонемы [I] (*I* mutabile) в ташкентском говоре охватывает следующие главнейшие варианты: 1) вариант данной фонемы в "независимой" позиции – на конце слова (под ударением), напр., в *boldi* = [boldё] и т.п.; это – звук типа [ё] (по МФА, т.е. по английской фонетической терминологии – типа mid-mixed-unround); 2) после j или перед j, а также после *k*, *g*, напр., в *jijdi*, *kijdi* и т.п.; это – звук типа [i]; 3) задний (back или mixed-back) ы-образный гласный – в соседстве с *q*, *ǫ*, *x*, напр., в *qiz*, *qirq*, *qirqiz* и т.п.; 4) глухой и крайне редуцированный гласный в *pişken*[= pv̊şken] и т.п.; 5) глухой и редуцированный задний гласный в *qisqa*[= qv̊sqa] и т.д.

Другие примеры фонетической А. фонем: А. русской фонемы /e/ в словах *тень~бел~цеп* (— узкое /e/ между "мягкими" согласными в *тень*, среднее /ɛ/ между "мягким" и "твердым" согласными в *бел*, широкое /ɛ/ между двумя "твердыми" согласными в *цеп*); А. японского (токийского) /u/ — от нормального (хотя и с ослабленной губной работой) гласного типа *u* до апикального негубного гласного в *su*, *t̜su* и, наконец, до оглушения и полной редукции гласного.

ABLATÍVUS (нем. Ablativ) — термин, взятый из латинской грамматической терминологии, где он служил обозначением 5-го по порядку падежа латинского склонения (напр., *asinā* от *asinus* 'осел', *terrā* от *terra* 'земля', *leōne* от *leo* 'лев', *domū* от *domus* 'дом', *rē* от *rēs* 'дело, вещь'). Сам этот латинский термин происходит от латинского предлога *ab* 'от' и глагольной основы *lat-* от глагола *fero~tulī~lātum~ferre* 'нести' плюс суффиксация прилагательных *-iv-us*. В связи с наличием этого падежа и термина в самом латинском склонении (у латинских грамматиков) он получил двоякое значение в современном европейском /и/ международном употреблении (в первом из этих двух значений отпечатлелась индивидуальная особенность этого падежа именно в латинском языке как таковом).

1. В школьно-грамматическом употреблении термин А. понимается как т в о р и т е л ь н ы й падеж; напр., в России этот термин употреблялся как эквивалент русского творительного (Instrumentalis по научной общеморфологической терминологии). Зависит это от того, что латинский А. соединял в себе и функции исходного падежа (со значением узбекского падежа на *-dan*), и — гораздо чаще — функции творительного (Instrumentalis по научной общеморфологической терминологии со значением узбекского падежа на *-blan*).

2. В научной лингвистической — именно в общеморфологической терминологии термин А. (применительно к любому языку, где данный падеж найдется) означает именно и с х о д н ы й падеж (соответствуя узбекскому падежу на *-dan*) и кроме того — при уточнении этого значения (что должно иметь место, когда язык имеет целый ряд "местных" в широком смысле падежей, как, напр., финский, эстонский и т.п.) — он означает именно "/niŋ/ janidan" или "/niŋ/ qaşidan" (противополагаясь тем самым Elativ'у /см. *Elativus*/, который значит "/niŋ/ icidan". Напр., Ablativ'ом (в этом узком смысле) будет эстонское *mäelt* 'от горы, с горы', а Elativ'ом — *mäest* 'из горы, извнутри горы' (= *taq /niŋ/ icidan*). В применении к узбекскому склонению достаточно, конечно, — из данных двух терминов — использовать только термин А. (= исходный падеж) для падежа на *-dan/-tan*, ибо прецизированное, т.е. уточненное, значение Elativ'a выражается уже с помощью послелога *ic-*: *taq /niŋ/ icidan* и т.п. Значит, *taqdan* — это А. узбекского склонения.

АБЛА́УТ (нем. Ablaut) — немецкий грамматический (в грамматике немецкого языка), и отсюда — общеизвестный сравнительно-грамматический (в известной мере и общелингвистический) термин, происходящий от немецкого префикса *ab-* и существительного *Laut* 'звук'. Означает чередование звуков, в частности гласных звуков: напр., нем. *singen — sang — gesungen* ('петь'), англ. *write — wrote — written* ('писать') и т.п. Имеется во всех архаических индоевропейских языках (напр., рус. *беру / пере-бор / брать, несу / носить* и т.д.). В турецких языках под понятие аблаута (в широком смысле) могут быть отнесены сингармонистические чередования гласных: 1) в суффиксах, напр., *-lar ~ lər*, 2) спорадические чередования гласных в основе: напр., *al-* 'брать' ~ *əl* /ɛl/ 'рука' и, может быть, *ellik* ← *ɛllik* '50' тоже от основы *ɛl* 'рука'. В германских языках (нем., англ. и т.д.) чередование Ablaut'a строго отличаются от Umlaut'a. Из восточных неиндоевропейских языков явления аблаута в широкой мере наблюдаются, напр., в тибетском (в древнетибетском глаголе *bab ~ bebs ~ bob* 'спускаться') и особенно в семитских (арабском, еврейском, сирийском и пр.), где к аблауту относится т.н. "внутренняя флексия" (напр., *qatala* <'он убил'> *~ qatl ~ qātil ~ qutila*; см. *Внутренняя флексия*).

АГГЛЮТИНАТИ́ВНЫЙ — гл[авным] образом в приложении к слову язык, т.е. агглютинативные языки, — термин общей лингвистики. О происхождении (этимологии) термина см. *Агглютинация*[4].

А. языками (входящими в состав *Аналитических языков* [см.]) называются такие, в которых формообразование и словообразование построены на принципе агглютинации. Противоположностью им являются флективные (синтетические) языки.

Ярким примером А. языков могут служить турецкие[5], а также другие *"алтайские" языки* (см.): монгольские, маньчжуро-тунгусский, наконец, корейский. Эти языки (как, с другой стороны, например, и дравидийские языки Индии) принадлежат к подклассу агглютинативных-суффиксальных. Другой подвид А. языков — агглютинативные префиксальные (где вместо суффиксов преобладают префиксы): таковы, напр., малайские языки. Ср., напр., малайское (из тагальского языка) словосочетание: *sa-bahaj ni-doqtor* ~ (سی) هاىه دوقتورنيك (порядок морфем прямо противоположен узбекскому порядку; поэтому, подписывая узбекское словосочетание арабицей (справа налево), мы получаем графический параллелизм узбекских и тагальских морфем: под каждой тагальской морфемой подписана соответствующая ей узбекская (кроме морфемы *-si-* = سی, не находящей себе соответствия в тагальском). Добавим, что персидский тоже, в значительной мере, приближается к префиксально-агглютинативному строю: ср. таг. *sa-bahaj ni-doqtor* и перс. *dar xona-i-doqtur*.

АГГЛЮТИНА́ЦИЯ — общелингвистический термин. От лат. *agglutinātio*, которое представляет собою имя действия по отношению к латинскому глаголу *agglutināre*, производному от предлога *ad* (→ *ag-* перед начальным *g* морфемы) и существительного *gluten* 'клей'; следовательно, *agglutināre* значит 'приклеивать', а *agglutinātio* — 'приклеивание'.

А. называется такой способ присоединения к основе суффиксов формо- и словообразования, при котором суффикс обладает относительной самостоятельностью в языковом мышлении данного (агглютинативного) языка — по сравнению с суффиксами других (именно — флективных, или синтетических) языков. Эта самостоятельность суффиксов (при агглютинации, т.е. в агглютинативных языках) является результатом следующего:

1) того, что в агглютинативных языках (например, в турецких языках) основа, в виде общей нормы, может существовать как отдельное слово б е з с у ф ф и к с а [напр., *bala*, *kir* — в противоположность остальным суффиксальным формам: *balanь*, *balaga*, *balada*, *baladan*...; *kirdi*, *kirgan*, *kiraman*, *kirma* и т.д.], и, следовательно, делимость суффиксального слова на части (= основу и суффикс) более ясна, чем во флективных, или синтетических, языках (где, в виде общей нормы, т.е. не считая окказиональных исключений, слово должно состоять из двух частей — основы и суффикса: напр., латинский им. пад. ед. ч. *asin-us*, латинская форма повелительного *ambul-a* 'гуляй!' и т.д.);

2) того, что суффикс той или другой грамматической формы имеет однородный состав при всех основах, изменяясь лишь в чисто фонетическом отношении (и по единообразным фонетическим законам) в зависимости от звукового состава основы, тогда как во флективных языках обычно существуют вполне различные суффиксы, употребляемые (с одним и тем же основным своим значением) после разных слов: ср. русские род. пад.: *ученик-а*, *жен-ы*, *больш-ого*, *кост-и* и т.д.;

3) в агглютнативных (— относящихся в связи с этим к а н а л и т и ч е с к и м) языках обычно суффикс (и вообще морфема) выражает только одну идею, а во флективных, или синтетических языках — наоборот — комплекс идей: напр. в узбекской (агглютинативной) форме *balalarga* суффикс *-ga* означает только идею дат. пад., *-lar-* означает только идею мн. ч., тогда как в русском слове *узбек-ам* суффикс *-ам* содержит в составе своего значения и 1) идею дат. пад. и 2) идею мн. ч., а кроме того 3) и идею субстантивности, т.е. указание на принадлежность формы к существительному склонению (иначе было бы *-им* или т.п.).

От слова А. производным является термин *Агглютинативный*, *Агглютинативные языки* (см.).

АДВЕРБИА́ЛЬНЫЙ[6] — общелингвистический (морфологический) термин, производный от лат. *adverbium* 'наречие' (одна из неизменяемых частей речи; примеры русских наречий: *всег-*

да, теперь, сегодня, вчера, завтра, нечаянно, зря, даром и т.д.). Следовательно, А. значит то же, что "н а р е ч н ы й". Поэтому а д в е р б и а л ь н а я о т г л а г о л ь н а я ф о р м а = н а р е ч н а я о т г л а г о л ь н а я ф о р м а (= д е е п р и ч а с т и е; напр., *сидя*; узб. *olturup, kelip* и т.д.); а д в е р б и а л ь н а я ф о р м а п р и л а г а т е л ь н ы х = н а р е ч н а я ф о р м а п р и л а г а т е л ь н ы х, напр., в русском словоизменении прилагательных: *много* от *многий, весело* от *веселый, низко* от *низкий,* или, напр., *хорошо* во фразе *Он хорошо учится*; в узбекском языке форма эта отсутствует: во фразе *Jaxşi oqujdi* слово *jaxşi* сохраняет свою обычную (бессуфиксальную) форму. А. функция прилагательного (·- имени), напр., в узб. *tez keliŋlar*, во франц. *Venez vite*! и т.п.

ADESSÍVUS (нем. Adessiv) — термин из общеморфологической (общелингвистической, следовательно) латинской терминологии: название одного из ряда "местных" (в широком смысле) падежей, именно падежа со значением "/niŋ/ janida" или "/niŋ/ qaşida" (в узбекском), выражающего не движение, как *Allativ* (см.), а нахождение, пребывание около предмета. Имеется также в финских языках: суоми, эстонском и др. (напр., эст. *mäel* 'у горы, на горе' от *mägi* 'гора'). Противополагается, следовательно, другим из ряда "местных" (в широком смысле слова) падежей: *Allativus, Illativus, Ablativus, Inessivus, Elativus* (а также *Prolativus*) (см. под этими терминами). Термин происходит от латинского предлога *ad* ('к') и глагола *esse* 'быть' (ср. *bol-maq*), т.е. буквально значит "около-бывательный" падеж.

АДЪЕКТИ́ВНЫЙ — термин, производный (в виде русского прилагательного) от лат. *adjectivum* (подразумевается *Nomen adjectivum* 'имя прилагательное'). Напр., а д ъ е к т и в н а я ф у н к ц и я и м е н и — функция слова (имени) *temir* .в словосочетании *temir jol*.

А́ЗБУКА — широко массовый рус. термин, значит то же, что *Алфавит* (и араб. الف باء) и создан по тому же принципу — из сочетания названий двух первых букв славянского алфавита (АБ = ΔБ): 1) *аз* (*азъ* = ΔZЪ) — славянское название буквы *А а* + 2) *буки* (← БУКЫ или БОУКЫ) — славянское название буквы *Б б*.

АККУЗАТИ́В лат. (Casus) Accūsātivus — в русском буквальном переводе *Винительный (падеж)* (см.) <латинский и интернациональный термин>. Это латинское название падежа (= Accusativus)[7] перешло и в западноевропейскую школьную терминологию: напр., в немецком — Akkusativ. Объясняется этот латинский термин (как и его буквальный перевод: рус. *Винительный*) одной из частных функций этого падежа (как в латинском, так и в русском языках) — пос-

ле глагола *accūsāre* 'обвинять': напр., *Accūso Carthāginem*, где *Carthāginem* — винительный (4-й) падеж от слова *Carthāgo* 'Карфаген': 'Я обвиняю Карфаген (вин. пад.)'. Отсюда и название — "Casus (=падеж) Accūsātivus (= винительный)". Ср. подобное же — опять-таки от частной функции — название генитива (см. *Генитив* и *Родительный падеж*).

По своей функциональной (=семантической, т.е. смысловой) характеристике А. является падежом прямого объекта, относящегося, конечно, к глаголу: *пить воду, увидеть брата, бить свою жену* и т.п.

В русском языке винительный (4-й) падеж в склонении муж. рода не имеет своей особой формы, но совпадает или с 1-м (*именительным* [см.]) — при именах неодушевленных (узб. "çansiz is'ïmlar") или же со 2-м (родительным) — при именах одушевленных (узб. "çanli is'ïmlar), так как именно при одушевленных надо было дифференцировать 4-й падеж от 1-го, с которым он историко-фонетически совпал в основах муж. рода: **orbon* → РАБЪ, как и **orbos* → РАБЪ*. В именах среднего рода 4-й (винительный) падеж всегда совпадает с 1-м (именительным)*. В жен. роде (в ед. ч.) — в склонении на *-а* — есть своя форма винительного: на *-у* (= *-у* или *-ю*: *сестру, землю, воду*), но во мн.ч. 4-й падеж, опять-таки, совпадает с 1-м или 2-м в зависимости от неодушевленности или одушевленности.

В узбекском литературном языке (как и во всех почти сингармонистических узбекских диалектах) есть особый винительный падеж, оканчивающийся на *-ni* = نی (или *-nь/-ni* по орфографии до 1934 г., в кыпчакском же наречии — на *-nь/-dь/-tь/-ni/-di/-ti*), но и в иранизованных диалектах, т.е. в несингармонистической половине "чагатайского" наречия, а также и в некоторых единичных говорах других наречий** винительный совпал с родительным, превратившись таким образом в сложный "родительно-винительный" падеж (см. *Генитив*).

В латинском перечне падежей, а отсюда и в склонениях целого ряда других языков Accūsātiv идет на 4-м месте, и потому я его называю "4-м" падежом.

* Здесь не потребовалось той дифференциации, которая нужна была в именах мужского рода (* ОТЬЦЬ БНЛЪ ЮСТЬ РАБЪ → *отец бил [есть] раба*, в противном случае, т.е. при фразе **отец бил [есть] раб*, ее можно было бы понять и в том смысле, что "раб бьет отца"). В среднем же роде, как и вообще при именах неодушевленных, нечего было опасаться подобной путаницы: поэтому в именах неодушевленных муж. рода и мн. ч., а также в среднем роде (как категории, предназначенной — за исключением лишь слова *дитя* — для имен неодушевленных), язык мог мириться с совпадением 4-го (винительного) и 1-го (именительного) падежей.

В качестве общелингвистической параллели к этому явлению русской морфологии можно указать на частичное формальное совпадение с у б ъ е к т а (подлежащего) и п р я м о г о о б ъ е к т а в новоперсидском языке (хотя параллель эта далеко не является полной; см. по-

священную этому статью в "Известиях Академии наук", 192/8/, № /11/, с. /223–233/)[9].

** Например, в хивинском говоре (южнохорезмского диалекта "огузского" наречия) — вероятно, в результате экономических сношений города Хивы с Бухарой.

АКУ́СМА — интернациональный общелингвистический (общефонетический) термин из "психофонетической" терминологии русско-польского ученого, покойного профессора И.А.Бодуэна де Куртенэ (— в ряду других, им созданных или предложенных терминов: *фонема — кинема — акусма — кинакема — морфема — графема — синтагма*, каковые ныне акцептированы и вводятся в международное употребление современной "фонологической" школой). Термин А. произведен от греческого глагола ἀκούω = *akū̆ō* 'слышу' — с греческим же окончанием *-ма* /греч. -μα/, которые и в термине *фонема*, и *кинема*, и *графема*, и *синтагма* и т.д.

А. означает: акустический (слуховой) момент фонемы, повторяющийся и в других фонемах: напр., в фонеме /b/ — А., общей с фонемами /d/, /g/, /z/ и т.п., является А. звонкости, т.е. акустическое (слуховое) представление того эффекта, который получается (— воспринимается ухом) от дрожания голосовых связок при <произнесении> этих согласных (/b/, /d/, /g/, /z/ и т.п.). Само же по себе дрожание голосовых связок, участвующее в произнесении (артикуляции) фонем как физиологическая работа (а не как акустический эффект ее) — составляет уже не А., а *кинему* /от греч. κινέω = *kinéō* 'двигаю'/. Напр., *кинемой* является дрожание голосовых связок (результатом которого оказывается акустический эффект звонкости) в составе фонем /b/, /d/, /g/, /z/. Объединение же двухстороннее (произносительно-акустическое) — и представления самой артикуляции, и представления акустического ее эффекта — составляет *кинакему*.

Так, фонема /b/, например, состоит из следующих элементов:

I. Акустический ряд (А.):	II. Физиологический ряд (кинемы):
1) А. звонкости (голосового тона), общая (у фонемы /b/) с фонемами /d/, /g/, /z/ и пр.	1) Кинема дрожания голосовых связок, общая у фонемы /b/ с фонемами /d/, /g/, /z/ и пр.
2) А. губного взрыва, общая у фонемы /b/ с фонемой /p/.	2) Кинема губной смычки (с последующим раскрытием), общая у фонемы /b/ с фонемой /p/.

Объединяя же попарно А. с соответствующими им кинемами (в кинакемы), мы можем сказать:

Фонема /b/ содержит в себе:

1) кинакему звонкости (общую с фонемами /d/, /g/, /z/);

2) кинакему губной смычки и взрыва (общую с фонемой /p/).

При делении слова (resp. слога) на фонемы мы делим длинный **во времени** ряд произносительно-слуховых единиц на последовательные — следующие один за другим во времени — периоды: это — фонемы. Но когда мы делим фонему (на А., кинемы, кинакемы), элементы этого деления могут быть **одновременными** (а не последовательными) — притом два разных порядка: произносительные (= кинемы) и акустические — т.е. слуховые (= А.); в кинакемах они, конечно, уже объединены попарно, ибо кинакема — это кинема плюс соответствующая ей А.

АКУ́СТИКА — название научной дисциплины: части (отдела) физики — именно учения о звуке. Происходит этот термин от греческого глагола ἀκούω = *akū̆ō* 'слышу': от этого глагола — прилагательное ἀκουστικός = *akustik-ós* 'относящийся к слышанию', и от него мн.ч. среднего рода [τα] ἀκουστικά = *akustiká*, что и дает в русском — уже существительное жен. рода: аку́стика. Отсюда прилагательное **акустический** — относящийся к звуку, к звучанию, к слышанию. В фонетике **акустический** часто противополагается прилагательному *физиологический* (в смысле: *артикуляторный*), ибо вообще фонетика (если мы исключили из нее, или противоположим ей фонологию), поскольку она обследует физические моменты звуков речи, слагается из 1) физиологии звуков речи и 2) их акустики (акустической стороны).

АКЦЕ́НТ[10] — латинский грамматический термин accentus (читай: акце́нтус) от *ad* — предлог 'к, до, сверх' + *cantus* 'звук, песня, мелодия', являющийся точным переводным эквивалентом греческого термина προσῳδία = *prosō̆ⁱdia*, откуда и рус. *Просо́дия* (см.), имеющее, однако, совсем другое значение, чем значение нашего термина *Акцент.*

Термин А. встречается в трех совершенно различных значениях.

1. В широком обывательском (<массовом> не научном!) употреблении А. обозначает всю вообще совокупность произносительных особенностей (в произношении звуков, слов, фраз некоего языка), присущих какой-либо другой национальности, или же той или другой диалектической или социальной группе внутри данной национальности < (что до известной степени будет соответствовать фонетическому понятию "артикуляционной базы", специфически характерной для данного языка), или индивидуальному говору>. Напр., обыватель говорит: "Он говорит по-русски с узбекским (или армянским, грузинским, китайским, еврейским, немецким и т.д.) акцентом", "Он говорит по-французски с русским акцентом" [юмористическое <выражение>[11]. "С нижегородским акцентом"]. "Он говорит (по-русски) с провинциальным акцентом" и т.д. и т.д.

2. В школьной практике — в различных языках Европы — слово А. (или, напр., франц. l'accent) обозначало иногда диакритические надстрочные значки, которые ставят над

буквами < как для ударения, так иногда и с другими звуковыми значениями>. Именно во французской грамматической терминологии различаются три А. (accents), употребляющиеся для выражения разновидностей — т.е. разных гласных фонем — одного и того же звукового типа: 1) accent aigu (острый акцент) ´, напр., в слове *l'été* 'лето' (стоя над *e*, ´ обозначает узкую фонему типа {E} — /e/); 2) accent grave (тяжелый акцент) ` , напр., в слове *dès* [= dɛ] 'от' (тяжелый акцент `, стоя над *e*, обозначает открытую фонему типа {E} — /ɛ/); 3) accent circonflexe ^, напр., в слове *être* 'быть' (^ обозначает прежде всего д о л г о т у гласного; стоя над *e*, означает долгое открытое [ɛ:], т.е. *être* [= ɛ:tr]). Во французском языке, следовательно, сами значки ´ ` ^ называются accents, и в соответствии этому и в русской школьной практике говорилось, напр., "поставить акценты" (т.е. значки ´ ` ^ или же русский знак ударения ´);

3. В фонетике А. употребляется (как и лат. accentus, и франц. l'accent [— уже в качестве фонетического термина], нем. Akzent и т.д.) в значении у д а р е н и е <...>. При этом, в зависимости от языка, о котором говорит в данном случае фонетик, А. может обозначать или 1) с и л о в о е (экспираторное) ударение, как в русском (напр., на первом слоге слова *зáмок* = *qorqan*, на втором слоге слова *замóк* = *qulf*) или в узбекском (на последних слогах в виде общей нормы), так и 2) м у з ы к а л ь н о е (мелодическое) ударение (состоящее в повышении голового тона данного слога), напр., а) в японском, где имеется музыкальное словоударение (= musikalischer Wortakzent по-немецки): в японском-киотоском слове *⌜haŋa* 'цветок' муз. акцент — на 1-м слоге *ha*, в слове *⌜mateŋa* 'здоровый' муз. акцент — на первых двух слогах *mate*, в слове *⌜hana⌝* 'нос' муз. акцент — на обоих слогах слова *hana*; б) в китайском, где имеется музыкальное слогоударение (= musikalischer Sylbenakzent по-немецки): здесь мелодия (— изменения или, наоборот, ровность) голосового тона осуществляется внутри одного слога: напр., в сев.-кит. слове-морфеме-слоге *ma* 'лошадь' мелодия гласного *a* будет приблизительно такая: ⌈⌈⌈ , а в морфеме-слоге *ma* 'ругать' — такая: [illegible] . См. также *Акцентуация* (слово, производное от А.).

АКЦЕНТУА́ЦИЯ I (лат. accentuātio — производное от лат. accentus; см. *Акцент* в 3-м, фонетическом значении) — общефонетический термин. А. — совокупность, или система явлений ударения (или силового — экспираторного, или музыкального — мелодического). Так напр., в отношении акцентуации узбекского языка может быть сказано (в общей фонетике): "Узбекская акцентуация (или — что то же — узбекская акцентуационная система) принадлежит к системам постоянного (т.е. обладающего, в виде общей нормы, постоянным местом в разных словах), и именно конечного

(— на последних слогах слов) силового, или экспираторного, ударения".

Примечание. О случаях узбекской депласации ударения (на первый слог — *kétti* вм. *kettí* и т.п.) см. в статье *Депласация*.

Или — другой пример: в отношении русской акцентуации может быть (в общей фонетике) сказано: "Русская акцентуация (или — что то же — русская акцентуационная система) является системой свободного (т.е. способного иметь место на любом по счету слоге многосложного слова) силового, или экспираторного, ударения". См. также статьи *Семасиологизация* (ударения) и *Морфологизация* (ударения).

От термина А. — в русском языке производное прилагательное акцентуационный; пользуясь им, можно установить тождество терминов А. ~ акцентуационная система (данного языка; напр., акцентуационная система русского, узбекского, японского языка и т.д.).

Но кроме этого своего — наиболее широкого — значения (— в смысле "А. = акцентуационная система данного языка, совокупность акцентуационных явлений данного языка"), термин А. в контексте может получать и частное значение (различного масштаба): напр., акцентуация данного слова, акцентуация русского слова *Вологда*; или акцентуация данной фразы и т.д.

Примечание. В совершенно особом смысле употребляются термины фразовая акцентуация, или фразовое ударение, а также логическое ударение (см. статью *Фразовое ударение*).

О терминах словоударение или слогоударение см. в статье *Ударение*, а также в статье *Тон*.

АКЦЕНТУА́ЦИЯ II[12] — совокупность или система явлений ударения; иначе говоря, А. представляет собою особую область фонетических (звуковых) средств словоразличения, состоящих в модификации силы или музыкальной высоты голосового тона на протяжении слогового комплекса (каковой и служит количественной единицей в представлениях акцентуационного порядка). В зависимости от того, какой признак окраски голосового тона служит различительным моментом в А. данного языка — относительная ли сила, противополагающая данный слог другим, более слабым слогам, или же мелодическая его характеристика, — системы А., представленные различными языками, относятся или к динамической, или силовой (обычно говорят: экспираторно-силовой или просто экспираторной — от лат. *expīrātio* 'выдох') А., или же к музыкальной (или мелодической) А. К языкам с силовой или экспираторной А. принадлежит в настоящее время подавляющее большинство языков Европы, а также Западной и Средней Азии (в противоположность Восточной и Юго-Восточной Азии и Океании), за исключением балтийских, сербского (где, впрочем, мы встречаем

комбинированную систему силовой и музыкальной А. — в шведском и норвежском).

Акцентуационные различия в языках с силовым ударением весьма просты и сводятся к дуалистическому противоположению ударенного (в экспираторно-силовом отношении) слога неударенному. При этом, с принципиальной обязательностью, слово характеризуется наличием одного лишь ударенного слога, — прочие сознаются как неударенные; правда, и между неударенными слогами существуют физические градации по силе, как, напр., между русским предударным слогом и прочими неударенными слогами: в рус. *голова* — первый слог обладает минимумом силы выдоха и голосового тона, второй же как бы предваряет часть энергии, отпускаемой на третий — ударенный, и становится потому промежуточным по силе между первым и третьим; но эти физические градации не имеют принципиальной значимости для языкового мышления, каковой обладает в нем противоположение ударенного слога всем прочим — неударенным. Итак, ударение становится (в данных языках) признаком слова как такового, входя, следовательно, в фонетическое представление слова (вот почему к русской и ей подобным акцентуационным системам приложим термин словоударение — Wortakzent в отличие от слогоударения — Sylbenakzent'а, каковым является музыкальное ударение в китайском, напр., языке, см. ниже). В тех словах, в которых, в отступление от нормы, факультативно констатируются два ударения (как, напр., в слове *Ка́меннобстро́вский*), мы находим соответствующее отступление от семантической нормы единого слова, т.е. в известном смысле (с лексической, но не морфологической точки зрения) переходный случай от слова к словосочетанию. В части указанных языков эта "словопоказательная" функция (силового) ударения превращается вместе с тем в "словоразделительную", поскольку данный язык обладает постоянным местом ударения (во всех словах или в большинстве их). К таким языкам с постоянным местом ударения принадлежат; напр., французский (ударение на последнем слоге), чешский (на первом), польский (на предпоследнем), до известной степени и немецкий (ударение на первом слоге коренной или лексической морфемы), а также и английский (с еще большими ограничениями нормы); из неиндоевропейских: финские (в большинстве из них ударение на первом слоге, но в вотском[13] — на последнем; о мордовских фактах речь будет ниже), турецкие (в громадном большинстве их ударение на последнем слоге), монгольские (на первом слоге) и многие кавказские (напр., в чеченском — на первом слоге).

Для теории поэтики норма постоянного места ударения в данном языке имеет то значение, что благодаря ей в светлом поле фонетического сознания постоянно остается один из концов слова, в частности, при постоянном начальном ударении первый слог; поэтому именно в языке с начальным ударением и получила сильнейшее распростране-

ние *Аллитерация* (см.) в качестве канонизованного приема поэтической техники (в финской, германской и монгольской народной поэзии). В русском языке с его свободным местом ударения, А., взамен "словоразделительной", получает весьма важную "словоразличительную" функцию: признак ударения ассоциируется у нас весьма часто как со словоразличениями семасиологического, так и особенно морфологического порядка (ср. *рýки — рукú, нóги — ногú* и т.д.). Иначе говоря, в русском языке ударение не только семасиологизуется (*росá — рáса*), но и морфологизуется, играя существенную роль в общей морфологической системе.

К языкам с музыкальной (или мелодической) А. принадлежит ряд языков Восточной и Юго-Восточной Азии и Океании: например, тибето-китайские (с музыкальным слогоударением — musikalischer Sylbenakzent) и японский и малайские (с музыкальным словоударением — musikalischer Wortakzent). В первом из этих случаев, в частности в китайском языке, наблюдается своеобразное сочетание музыкального слогоударения (т.н. тонов), исполняющего исключительно семасиологические функции, с привычным для нас силовым словоударением — с исключительно морфологическими функциями <...>. В японском, и именно в западнояпонских и центральных говорах (как наиболее архаичных), наблюдается не уступающее китайским "тонам" богатство мелодических различий; основная разница лишь в том, что китайский тон осуществляется как таковой в пределах одного слога, а в японском — субстратом мелодии служит вся совокупность слогов данного слова. В восточных же, как, с другой стороны, и в южных японских говорах, система музыкальной А. уже значительно упростилась. Кроме вышеуказанных языков область господства музыкальной А. мы находим в Центральной и Южной Африке. В древности же музыкальная А. присуща была и индоевропейским языкам — из засвидетельствованных письменностью древнеиндийскому (ведаическому) и древнегреческому.

В отличие от силовой А., обильно используемой в поэтической технике как материал "фонетического повтора" в тоническом (и тонико-силлабическом и силлабо-тоническом) стихе, музыкальная А. обычно оказывается чуждой этим функциям (по крайней мере в канонизованных приемах поэтической техники). Вот почему в языках с музыкальной А. мы встречаем вместо стиха, основанного на чередовании ударений, или метрическое стихосложение, как в древнегреческом, древнеиндийском и китайском, или же чисто силлабическое (не силлабо-тоническое), т.е. основанное исключительно на равном числе слогов между цезурами — как в японском. Переход к тоническому стиху наблюдается лишь тогда, когда ударение перестает быть чисто музыкальным, становясь музыкально-силовым (или музыкально-экспираторным), т.е. по мере перехода в систему силовой А.

Единственным примером языка, не пользующегося моментом А. в фонетической характеристике слова, мы можем

назвать эрзянский диалект мордовского языка: в виде общей нормы слова́ здесь произносятся с одинаковой силой во всех слогах (а при логическом или эмфатическом ударении оно может приходиться на разные слоги одного и того же слова); эрзянское народное стихосложение, естественно, поэтому носит чисто силлабический характер.

Библиография: *Брандт Р.* Начертание славянской акцентологии. СПб., 1980; *Поливанов Е.* Музыкальное ударение в говоре Токио. — Изв. АН. Т.IX. СПб., 1915, № 15; *он же.* Психофонетические наблюдения над японскими диалектами Пг., 1917; *он же*, Лекции по введению в языкознание для востоковедных вузов. Л., 1928; *Hirt H.* Indogermanischer Akzent. Srtassburg, 1895; *Vendryes J.* Traité d'accentuation grec. Paris, 1904.

ALLATÍVUS (нем. Allativ) — термин из общеморфологической (общелингвистической) латинской терминологии: название одного из ряда "местных" (в широком смысле) падежей, именно падежа со значением "/niŋ/ janiga" или "/niŋ/ qaşiɑ̢a" (в узбекском). Имеется также в финских языках: суоми, эстонском и др. (напр., эст. *mäele* 'к горе, на гору' от *mägi* 'гора').

Противополагается, следовательно, другим из ряда "местных" (в широком смысле) падежей: *Illativus*, *Ablativus*, *Inessivus*, *Adessivus*, *Elativus* (а также *Prolativus*) (см. под этими терминами). Термин происходит от латинского предлога *ad* (перед следующим *l* в виде *al-*) и глагольной основы *lat-* (из глагола *fero* ~ *tulī* ~ *lātum* ~ *ferre* 'нести'), т.е. буквально значит 'приносительный (падеж)'; *-iv-us* — суффиксация прилагательного.

АЛТА́ЙСКИЕ ЯЗЫ́КИ — термин, имеющий три совершенно разных значения:

1) в качестве условного (и чисто научного) лингвистического термина обозначает совокупность трех родственных между собой языковых семей: турецких, монгольских и маньчжуро-тунгусских языков (Е.Поливанов прибавляет к А.я. еще 4-ю ветвь — корейский язык).

2) в виде термина, означающего совокупность турецких языков, ныне представленных в районе Алтая;

3) кроме того, алтайский язык — один из А.я. во 2-м значении то же, что ойротский язык (в Ойротской А.О.)[14]. (Ср. анонимную "Грамматику алтайского языка", автором которой был Ильминский)[15].

АЛФАВИ́Т (лат. alphabētum) — широкомассовый, а в то же время и научный (т.е. употребляющийся в том же значении и в научной лингвистической терминологии) термин: А. — перечень (и совокупность) букв данной письменности, расположенный в одном общепринятом порядке. В русском термин А. служит синонимом к слову *азбука*. По-узбекски: *alifba* [|| *əlifba*, الف با، ئه ليفبا по старым системам узбекской орфографии]. См. термин *Азбука*.

Термин А. в русском языке происходит от новогреческого (в византийскую эпоху) произношения названий двух первых букв греческого алфавита: 1) *alpha* = ἄλφα [альфа] = áльфа — название буквы *А* + 2) *vita* βῆτα = вúта (в новогреческом произношении) — название буквы *В* (второй буквы греческого алфавита). Подобным же образом латинское название: *alphabētum* происходит от древнегреческого произношения названий двух первых букв (АВ) греческого алфавита: 1) *alpha* = ἄλφα — название буквы *А* + 2) *bēta* = βῆτα — название буквы *В* в древнегреческом произношении. Ср. подобного же состава узбекское (и в других мусульманских языках) название *alifba*, составленное из названий двух первых букв арабского алфавита 1) *alif*— название буквы ا + 2) *ba* — название буквы ب.

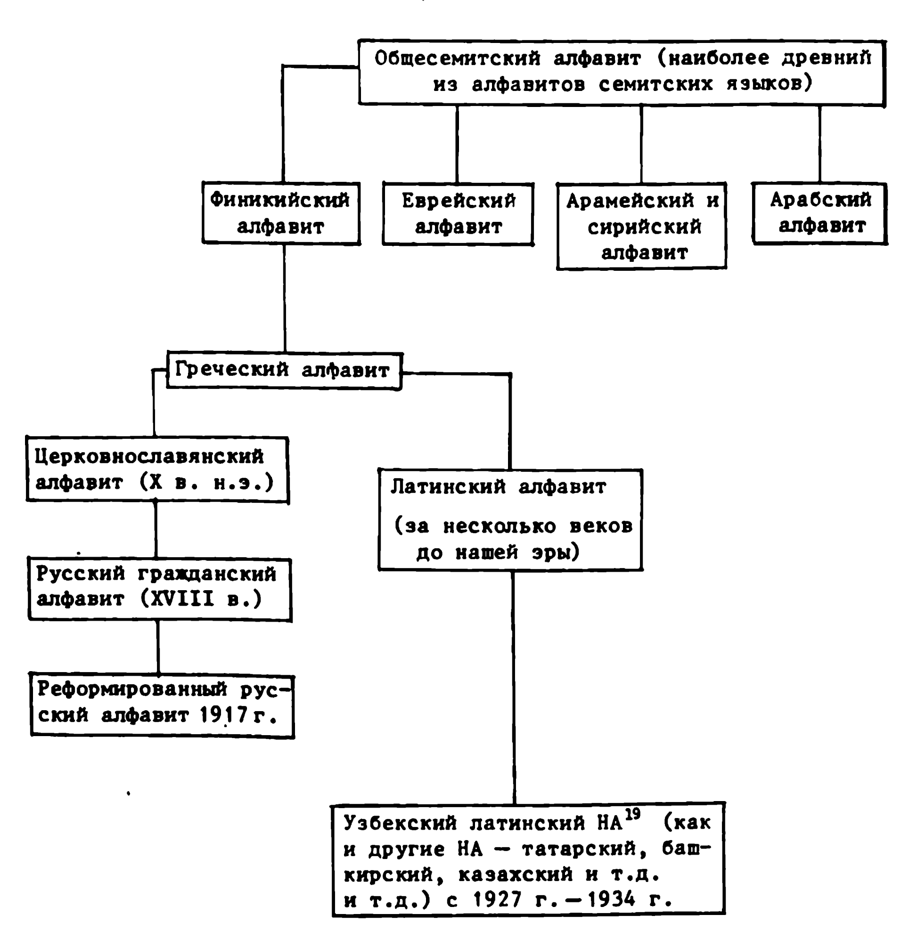
Примечание. Относительно сходства между греческими названиями букв *АВ* и арабскими названиями соответствующих им букв ا и ب — см. в статье *Альфа*[16].

АЛЬВЕОЛЯ́РНЫЙ — прилагательное, производное от анатомического термина "альвеола" (мн.ч. "альвеолы") ← лат. *alveola* 'лунка', 'углубление — ямка в челюсти, где сидят корни зубов'. Термин А. (звук) употребляется как общефонетический термин — в применении к определенной категории согласных звуков (которые раньше в нескольких учебниках именовались з у б н ы м и): именно — А. согласный звук — этот такой согласный звук, в котором пассивным органом (— пассивным местом) язычной артикуляции (т.е. работы языка) является п е р е д н я я ч а с т ь н ё б а — против а л ь в е о л; иначе говоря, — такой переднеязычный звук (напр. *t*, *d*, *n*), при котором кончик языка упирается как бы в альвеолы передних верхних зубов, т.е. в самую переднюю часть нёба, покрывающую собою альвеолы (лунки) передних верхних зубов. Надо заметить, что не всякое *t*, не всякое *d*, не всякое *n* обязательно будет А.: кончик языка может упираться и ниже — в самые зубы (в заднюю поверхность верхних передних зубов), а может, наоборот, упираться и выше: тогда получится уже *какуминальный* (см.), или *церебральный* (см.) звук — каково, напр., *t* в английском языке ([ṭ] в МФА), или же особые фонемы [ṭ, ḍ, ṇ] индийских языков (отличные от фонем [t, d, n]). Термин А. приложим не только к смычным [t, d, n], но и к спирантам, напр., [s, z]: тут, конечно, уж речь пойдет не о п р и ж и м а н и и, а лишь о п р и б л и ж е н и и языка к альвеолам (верхних передних зубов).

АЛЬТЕРНА́ЦИЯ (лат. *alternātio* 'чередование' от лат. *alter* 'другой из двух')—общелингвистический термин, употребляемый чаще всего в смысле фонетических (звуковых) альтернаций (чередований). Фонологическое учение об альтернациях создано *И.А.Бодуэном де Куртенэ* (см.) в его монографии на польском и немецком языках[17]. См. статью *Чередование*.

А́ЛЬФА (греч. ἄλφα = *álpha*) – название первой буквы греческого алфавита. Употребляется и нумеративно – в ряду и других букв греческого алфавита (для 1): α, β, γ, δ (альфа = 1, бета = 2, гамма = 3, дельта = 4) и т.д.

Сходство с названием первой буквы арабского алфавита (ا = *alif* = ألف), как сходство между многими следующими буквами обоих алфавитов (греч. Ββ = бета ~ араб. ب = bа = = باء и пр.) объясняется происхождением обоих данных алфавитов (как самих букв и их порядка, так и названий букв) от общесемитского алфавита[18]:

А так как в греческий язык общие или сходные в разных семитских алфавитах названия букв попали в арамейской своей форме — с постпозитивным (= сзади ставящимся) "членом" *-а*, то вместо арабского названия الف мы имеем греч. "ἄλφ-α" (*ălph-a*) [как и вместо جيم (**gīml*) и еврейского "gimel" имеем в греческом γάμμα = *gamma* из *γάμλ-α = **gaml-a* (— название третьей буквы: греч. Γ //араб. ج)].

ÁLPHA PRIVÁTIVUM — название начальной морфемы *а* (греч. ἀ-) со значением 'не-', 'без-' ~ узб. '-siz', часто встречающейся в словах греческого (или же смешанного греко-латинского) состава: напр., *аморфный* (= 'бесформенный' = 'şaklsiz') происходит от сочетания *alpha privativum*, т.е. морфемы "*а*" = греч. ἀ- и греческого слова *morphē* = μορφή 'форма' (= 'şakl-'). Перед гласным вместо "*а-*" (ἀ-) мы находим комплекс из двух звуков: *an-* = греч. ἀν-: напр., *анархия* 'безвластие', 'безначалие' составлено из варианта *alpha privativum* в виде *an-* + греч. *archē* = = ἀρχή = 'власть'.

Сравнительная грамматика установила этимологическое тождество, т.е. общее происхождение: греч. ἀ-/ἀν- [= *a-/ an-*], лат. *in-/im-* (тоже значащего 'не-', 'без-', '-siz'), скр. *a-* (с тем же значением): восходят все эти отрицания (— греческое, латинское, санскритское) к индоевропейскому **n̥-*, т.е. к нулевой ступени аблаута от индоевропейского отрицания **ne*, которое в полном виде (т.е. на первой ступени аблаута) дает русское *не*, перс. نه = тадж. *na* и т.д.

Термин *alpha privativum* состоит из: 1) греческого названия греческой буквы α (*а*) + 2) латинского прилагательного (в среднем роде) *privativum*, производного от глагола *priv-o* 'лишаю'; таким образом *alpha privativum* значит: '*а* лишительное', 'альфа лишительная', т.е. *а-альфа* со значением лишения (как в русском *без-*) или отрицания (как в русском *не-*).

АНÁЛИЗ — общенаучный и философский термин (из греч. ανάλυσις = *análysis* 'разложение, расчленение'): разложение чего-либо (объекта) на части, исследование путем выяснения элементов и т.д. Противополагается *синтезу*. От слова анализ произведен общелингвистический термин (— термин морфологической классификации языков): *Аналитические языки* (в противоположность *Синтетическим языкам*) (см.)[20].

АНАЛÓГИЯ (греч. αναλογία) — греческий термин в двух разных значениях: 1) в общенаучном, а также и в популярном употреблении — "параллельное сходство"; 2) в общей лингвистике и в исторической лингвистике — в теории эволюции языка: А. — причина (фактор) "изменения по аналогии", т.е. *Морфологической ассимиляции* (см.), а также и само это изменение (— морфологическая ассимиляция). Ис-

торико-морфологическое изменение состоит в том, что о д н о с л о в о (или одна грамматическая форма) изменяется по подобию другого слова (или другой грамматической формы). Примеры:

1) из узбекского языка[21] (напр., самаркандского говора): *dejəmən* изменяется в *dejəmən* (а *jejmən* — в *jejəmən*) под влиянием А. к тем же формам от других (тоже с односложной основой) глаголов: *keləmən*, *bɔrəmən*, *qiləmən* и т.д. Для понимания этого историко-морфологического изменения (— этого примера морфологической ассимиляции, или А.) надо иметь в виду нормальность следующего соотношения (пропорции) в числе слогов — между основой и данной формой (1-е л. "наст.-буд." времени): "1:3 = *kel* : *keləmən* = *bɔr* : *bɔrəmən* = *qil* : *qiləmən* и т.д.", и это типично именно для глаголов 1-го спряжения (— с основой на согласный); для глаголов же 2-го спряжения типична двусложная основа (*oqu* и т.п.), исключением являются *de* и *je*, которые именно в силу своей односложности и подчиняются норме "1 : 3", т.е. создают к *de* — *dejəmən*, к *je* — *jejəmən* (ибо старые *de* : *dejmən*, *je* : *jejmən* = "1 : 2" не подходят ни под одну норму: ни под норму, типичную для 2-го спряжения: "2 : 3", ни под норму, типичную для 1-го спряжения: "1 : 3").

ANÁPTYXIS (греч. термин ἀνάπτυξις; читай по-узбекски *anáptikəis* 'полногласие') — старый грамматический термин (в латинской интернациональной грамматической терминологии теперь почти уже не встречается). Означает увеличение числа гласных — за счет вставки гласного между согласными. Например — случай А., т.е. "полногласия", в арабском: أُذُن [наряду с][22] أُذْن 'ухо'.

Полногласие в виде двух гласных в сочетаниях *оро*, *оло*, *ере* и т.п. характерно, между прочим, для чисто русских форм слов русского языка — в отличие от их церковнославянских (заимствованных из древнеболгарского) дублетов, где *ра*, *ла*, *ре*, и т.п.; напр., *город* || *град*, *борода* || *брада*, *берег* || *брег*, *золото* || *злато*, и т.п. Но в современной русской лингвистической литературе к этому русскому явлению полногласия никто уже не применяет термина *Anaptyxis* (см. статью *Полногласие*).

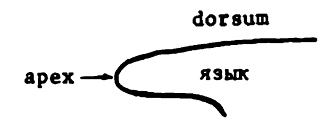
АНЛÁУТ (нем. Anlaut = предлог *an* + *Laut* 'звук') — общефонетический и историко-лингвистический термин: начальная позиция в слове, начало слова, первый звук слова; напр., "в анлауте слова *kambaqal* стоит звук *k*". А. противополагается терминам *Ауслаут* (= нем. Auslaut = 'конец слова, конечная в слове позиция') и *Инлаут* (= нем. Inlaut = 'позиция внутри слова').

ÁPEX — латинское слово, употребляемое именно в латинской форме (лат. буквами: *apex*, читай *áпекс*) в европейской, в том числе в русской научной терминологии. Слово

это может иметь два совершенно различных значения, — именно оно может пониматься:

1. Как общефонетический (физиологический и анатомический) термин. Обозначает самый кончик языка. А. противополагается, следовательно, спинке (dorsum) языка; см. термин *Дорсальные звуки*. В этом смысле от слова А. имеется производное (пишущееся, конечно, уже русскими буквами) прилагательное: апикальный (звук языка): звук языка, произносимый самым кончиком (А'ом) языка; см. отдельно *Апикальные звуки*.

2. Как палеографический (из латинской палеографии) термин: А'ом назывался в Древнем Риме (в латинской эпиграфике) особый диакритический значок (в виде угла), ставившийся над гласной буквой для указания долготы гласного звука. А. мог ставиться над всеми гласными буквами, кроме *i*(*I*): над *i*(*I*) А. не писался, но взамен него (для указания долготы звука *ī*) удлинялась фигура *I*, называвшаяся в таком случае "*I* longum". Christiansen посвятил целую диссертацию А'ам (и длинным *I*): "De apicibus et *I* longis"[23].

АПИКА́ЛЬНЫЕ ЗВУ́КИ языка́ — произносимые *apex*'ом (см.), т.е. самым кончиком языка (— в отличие от *Дорсальных* [см.], произносимых той или другой частью спинки [*dorsum*] языка). А.З. являются, главным образом, согласные: напр., *t*, *d*, *s*, *z*, *n* (но не узбекские *ş*, *z*, *c*, *ç* — это уже дорсальные).

Апикальные гласные встречаются лишь как исключение: напр., в китайском языке: [ʐ̩] в *цзи* [=ᵗdʐʐ̩] и т.д., и с другой стороны — в северо-восточных японских говорах: таков, в частности, северо-восточно-японский гласный [ᶻï], напр., в слове [ᶻïmo] // токиоск. *imo* 'картофель' и т.п.

APPOSÍTIO — латинский (и интернациональный) общелингвистический (синтаксический) термин, по-русски: приложение (как термин русской синтаксической терминологии). В русском синтаксисе это — определение, выраженное именем существительным, согласованным (в падеже и обычно в числе) с именем существительным, определяемым: напр., *Технолог, коммунист, провел нас на завод* (*коммунист* — приложение = = appositio по лат. терминологии).

ARTICÚLUS (лат. слово) → франц. article, нем. Artikel — по-русски переводится обыкновенно словом "член" (реже "артикль"). Это — традиционный грамматический термин для араб. ال, нем. *der*, *die*, *das* или *ein*, *eine*, *ein*, франц. *le*, *la* или *un*, *une*, употребляемых перед существи-

тельными для указания индивидуализованной ("определенной") или, наоборот, общей (непрецизированной, "неопределенной") концепции предмета. Соответственно этому в немецком, французском, английском различаются два члена: 1) определенный: нем. *der*, *die*, *das*; франц. *le*, *la*; англ. *the*; 2) неопределенный (обыкновенно совпадает по форме с числительным "1"): нем. *ein*, *eine*, *ein*; франц. *un*, *une*; англ. *a/an*. Араб. ال является, конечно, определенным членом, ср. арабский грамматический термин для этой морфемы: "ال" التَّعْرِيف

Нужно помнить, однако, что между членами разных языков существуют смысловые различия. Члены бывают *Препозитивными* (см.) и *Постпозитивными* (см.)

АРТИКУЛЯТО́РНАЯ БА́ЗА — общефонетический термин (ср. *Артикуляция*), за которым, однако, не закрепилось одного точного и вполне общепринятого значения. У некоторых авторов (фонетиков) А.Б. означает вообще совокупность типичных для данного языка артикуляций. У других же фонетиков А.Б. понимается в более узком смысле: как тот уклад произносительных органов (главным образом языка, а также губ и т.д.), который является нейтральным и в то же время типовым для данного языка (— соответствуя местам, которые произносительные органы занимают в спокойном положении и от которых они отправляются для артикуляций разных звуков), и в то же время обнаруживается при минимальном "беглом", или "нейтральном", гласном звуке данной фонетической системы, т.е. при минимальном по трудности (для данного языка) гласном звуке: таковым является, напр., "беглое" *e* [=œ в МФА] французского языка, *ə* [=ɑ̤] английского языка, неударенное *e* [=ĕ] немецкого языка, *i* [ɪ/ё] ташкентского говора узбекского языка и т.д. Так как, действительно, качество этих нейтральных (для данной языковой системы) гласных бывает различным в разных языках, может быть, и действительно существует известная "нормальность" данного уклада произносительных органов (= при данном "нейтральном" гласном) в смысле характеристики всей вообще данной фонетической системы. Однако вопрос этот недостаточно разработан, и я предпочитаю — если вообще пользоваться термином А.Б., — употреблять его в первом (а не во втором) смысле.

АРТИКУЛЯ́ЦИЯ — общефонетический термин (лат. articulātio). А. — звукопроизводная работа [— или 1) отдельная работа одного какого-нибудь органа: напр., губная артикуляция — работ губ; или 2) вся совокупность произносительных работ, нужных для данного звука: напр., артикуляция *t*, артикуляция *o* и т.д.].

АСПЕ́КТ (лат. *aspectus* 'вид') — <в двух значениях:> 1. Как термин общенаучного языка А. употребляется в общем значении, соответствующем узбекскому слову *nazar*.

2. В лингвистической же (и именно морфологической) терминологии А. означает *Вид* глагола (напр., русские с о в е р ш е н н ы й, н е с о в е р ш е н н ы й в и д). Дело в том, что лат. *aspectus* уже фигурировало, как грамматический термин, в латинской грамматической терминологии, и русский грамматический термин в и д (виды глагола) просто буквально переведен с латинского.

АССИМИЛЯ́ЦИЯ[24] — 1) общенаучный термин, обозначающий уподобление (assimilātio) одного предмета другому; происходит от латинского предлога *ad* (= *as* перед *s*) и основы *simil-*(is) 'подобный' с суффиксацией *-atio*; 2) А. в лингвистике. В лингвистике чаще всего термин А. употребляется в смысле: ф о н е т и ч е с к а я а с с и м и л я ц и я, т.е. уподобление одного звука другому звуку (данного комплекса). Пример фонетической ассимиляции мы видим и в самом даже данном термине: в латинском слове *assimilātio*, где звук *d* (имевший место в первоначальной форме предлога *ad*) изменился в *s*, т.е. уподобился следующему звуку *s* в морфеме *simil-* — изменился именно под влиянием этого последнего звука (*s*); это — пример п о л н о й фонетической ассимиляции (где достигается полное тождество ассимилируемого звука ассимилирующему: *d-s* ⟶ *ss*). А вот примеры н е п о л н о й фонетической ассимиляции: узб. *at-qa* ⟶ *atqa*, *at-dan* ⟶ *attan*, (**bir-lə-n* ⟶) *bilən* ⟶ **binən* ⟶ *minən* (и далее ⟶ ташк. *minəm*), *bajram* ⟶ *majram* (в последних двух примерах мы имеем случаи ассимиляции н е с м е ж н ы х звуков, т.е. ассимиляции "н а р а с с т о я н и и"). Кроме того, существует еще *морфологическая Ассимиляция* (см.), которую часто называют также "действием аналогии", переходом по аналогии (см. *Аналогия*).

АССИМИЛЯ́ЦИЯ ДВУСТОРО́ННЯЯ — см. *Ассимиляция прогрессивная*.

АССИМИЛЯ́ЦИЯ МОРФОЛОГИ́ЧЕСКАЯ[25]. Кроме ф о н е т и ч е с к о й а с с и м и л я ц и и <см. *Ассимиляция*> в лингвистике приходится говорить об А.М., хотя гораздо чаще относящиеся к этому последнему виду ассимиляции (— к морфологической ассимиляции) явления фигурируют под именем и з м е н е н и й п о а н а л о г и и. Сюда относятся и историко-морфологические изменения, состоящие или:

1) в уподоблении (= ассимиляции) одного из видов (альтернантов) данной лексической морфемы другому ее виду (альтернанту), который был представлен в некоторой другой форме данного слова, напр., данного глагола или данного существительного и т.д., или

2) в уподоблении (= ассимиляции) одного из типов формообразования (представленного в данном слове, напр., в данном глаголе или в данном существительном и т.д.) другому типу формообразования — представленному в некоем другом слове той же части речи, напр., в некоем другом глаголе, или в некоем другом существительном и т.д.

Примеры: 1) благодаря тому, что неударенное лат. *a* (в открытом слоге) дает во франц. *a [=a]* — в отличие от ударенного лат. *a*, дающего в аналогичных позициях

франц. *e* или ε*, неопределенное наклонение глагола *amare* 'любить' должно быть превратиться, согласно нормам историко-фонетической эволюции, во французскую форму **amer* [= *æme].

Но та же латинская коренная (глагольная) морфема *am-* фигурировала во французском и в другом виде, т.е. в виде другого альтернанта — именно в виде *aim-* [=εm] — напр., в единственном числе настоящего времени: *j'aime* [=ž-εm], *tu aimes* [= ty-εm], *il aime* [= il-εm], — где лат. *a* давало не франц. [æ], но франц. [ε], ибо данный гласный принадлежал здесь ударенному слогу: лат. *égo ámo* ⟶ *j'aime* [= ž-εm], лат. *tu amas* ⟶ *tu aimes* [= ty-εm], лат. *ille amat* ⟶ *il aime* [= il-εm]. И вот, по аналогии к этим последним формам (= *j'aime, tu aimes, il aime*) или, иначе говоря, в силу морфологической ассимиляции этим последним формам, альтернант [εm-] был перенесен и в неударенную позицию — в частности, и в неопределенное наклонение **amer* [= *ame/-εr], которое, таким образом, стало произноситься уже не в виде **amer* [= * me/-εr], но в виде *aimer* [= εme]**; подобным же образом данная коренная морфема, точнее — данный альтернант глагольной морфемы [εm-], был перенесен (под влиянием аналогии, или А.М.) и в 1-е, 2-е лицо мн.ч. настоящего времени (где начальное лат. *a* тоже было неударенным, и значит фонетически давало [æ]: лат. *amāmus* ⟶ *aimons* [= εmɔ̃] — вм. фонетически регулярного **amons* [= *æmɔ] 'мы любим'; лат. *amātis* ⟶ *aimez* [= εmé] — вм. фонетически регулярного **amez* [= æme].

2) По аналогии (или в силу морфологической ассимиляции) к привычному для русского морфологического мышления формообразованию "многократный вид ~ прочие формы" типа *нашивал ~ носит, сбрасывал ~ бросил* и т.д., т.е. к формообразованию, основанному на чередовании коренных гласных *á ~ ó*, вырабатывается подобное же соотношение в формах *(с)тряхивал ~ трёс* (— тоже с чередованием гласных звуков *á ~ ó*), где, следовательно, новшеством, т.е. результатом морфологической ассимиляции является форма *трёс* — вместо историко-фонетически регулярной формы *тряс* (из ТРАСЪ)[26].

* В зависимости от того, является данный ударенный слог во французском закрытым или открытым (в слоге, который во французском языке оказывается открытым, рефлексом латинского ударенного *a* служит [e], а во французском закрытом слоге — [ε]).

** Что же касается второго дублета (= дублета по форме суффиксов, а не коренной морфемы) — [εmεr-], то он исчез из употребления в позднейший период истории французского языка.

АССИМИЛЯ́ЦИЯ ПО́ЛНАЯ И НЕПО́ЛНАЯ — см. *Ассимиляция прогрессивная*.

АССИМИЛЯ́ЦИЯ ПРОГРЕССИ́ВНАЯ (т.е. ассимиляция, "идущая [действующая] вперед").

Этим термином в международной лингвистике называются те частные случаи *фонетической ассимиляции* (см.), в кото-

рых ассимилирующий звук предшествует ассимилируемому (или непосредственно соседя с последним, или будучи отделен от него одним или несколькими другими звуками). А.П. преобладает, в частности, в фонетической истории турецких языков: к ней относятся, например, следующие уподобления согласных: *at-lar* ⟶ каз., кирг., як. и т.п. *attar*; предшествующий звук *t* уподобляет себе последующий звук *l*; таким образом, ассимиляция оказывается "действующей (или направленной) вперед", иначе говоря — прогрессивной; *aвdь* ⟶ узб.-ираниз. [ɔstı]; ассимилирующий звук *в* опять-таки предшествует ассимилируемому звуку *d*.

В первом из этих примеров мы имеем полную ассимиляцию — так как результатом ассимиляционного процесса является полное тождество участвовавших в данной фонетической ассимиляции звуков: *t = t*, т.е. *t-l* ⟶ *tt*.

Во втором же примере (*aвdь* ⟶ [ɔstı] — ассимиляция неполная, так как ассимилируемый звук (*d*) уподобился ассимилирующему (*в*) не до полного тождества с ним (иначе получилась бы форма [*ɔssi]), а лишь частично: перешел из категории звонких в категорию глухих — потому, что ассимилирующий звук (*в*) являлся глухим.

Равным образом в узбекском — в "кыпчакских" формах Accusativi типа *balьqtь* ⟵ *balьq-nь* мы имеем неполную прогрессивную ассимиляцию, а в том, например, процессе, который переживается в настоящее время ташкентским говором, — в изменении *şəhərni* ⟶ *şəhərri*, *qɔqɔzni* ⟶ *qɔqɔzzi* и т.п., — мы имеем, наоборот, полную прогрессивную фонетическую ассимиляцию.

Добавим, что явления "гармонии гласных", ныне именуемые термином *сингармонизм*, тоже принято было причислять к прогрессивной фонетической ассимиляции. И, конечно, в генезисе (= в становлении) сингармонистических явлений (в частности, в генезисе сингармонистических явлений турецких, напр., языков) историко-фонетические изменения типа прогрессивной ассимиляции должны были иметь место; но рассматривать весь наличный состав явлений сингармонизма (в любом из сингармонистических — турецких, напр., языков), как совокупность неких неизбывно действующих процессов фонетических изменений из категории фонетических прогрессивных ассимиляций — это значило бы совершенно неверно понимать природу сингармонизма, который в основной своей сути (и в статическом — не генетическом — отношении) оказывается явлением морфологическим, а не фонетическим (см. *Сингармонизм*).

Регрессивной ассимиляцией называется, наоборот, такая фонетическая ассимиляция, в которой ассимилируемый (= уподобляемый) звук предшествует ассимилирующему (= уподобляющему) — будучи или в непосредственном соседстве с последним или будучи отделенным от него одним или несколькими звуками. Явления регрессив-

ной ассимиляции часто встречаются в русском, например, языке (тогда как для турецких, например, наоборот, преимущественно характерны прогрессивно-ассимиляционные фонетические изменения).

Примерами регрессивной фонетической ассимиляции могут, например, служить следующие изменения:

А) Из истории (исторической фонетики) русского языка:

а) **КЪ-ДѢ** → * **К(Ъ)ДѢ** → *кдѣ* → *гдѣ* (= в современной орфографии *где*); ассимиляция глухого звука *к* по моменту голосового тона (по звонкости) к следующему за ним звонкому согласному звуку;

б) **сь-дѣ-сь** ⟶ *здесь*; опять-таки регрессивная ассимиляция по звонкости;

в) *въсталъ* ⟶ *встал* [= fstaɫ]: звонкое *в* [v] перешло в соответствующий глухой [f] под влиянием следующего глухого – *с* [s].

Во всех этих трех примерах мы имеем дело с неполными регрессивными ассимиляциями.

Б) Наоборот, полную регрессивную ассимиляцию мы имеем в следующем примере из исторической фонетики латинского языка: *ad- + gluten... + ātio* ⟶ *agglutinātio* (см. *Агглютинация*); *ad- + simil- + ātio* ⟶ *assimilātio* (см. *Ассимиляция*); *ad- + gregat-um* ⟶ *aggregatum* ⟶ *аггрегат* .<совр. *агрегат*> и т.п. – в этих и в ряде им подобных примеров *d-* префикса полностью уподобляется (ассимилируется) следующему согласному (начальному согласному коренной морфемы).

Кроме прогрессивной и регрессивной ассимиляции мы можем встретиться и с обоюдной, или двухсторонней (действовавшей в двух направлениях, т.е. объединявшей в себе прогрессивный и регрессивный моменты), фонетической ассимиляцией. Примером может служить фонетическая эволюция комплекса **aw* [= aṷ] в киргизском языке – в частности, например, в киргизском слове *too* [= to:] ⟵ **taw* (или [= *taṷ]) (из общетурецкого **taɣ*) 'гора'.

Здесь гласный *а*, ассимилируясь следующему *w* [= ṷ] переходил в [o] (момент регрессивной ассимиляции); а затем (или, может быть, вместе с тем) это [o] уподобило себе следующий звук [ṷ], в результате чего мы и имеем долгий гласный звук [o:] (= *oo* в киргизской латинизованной графике).

В преобладающем большинстве случаев фонетическая ассимиляция – как прогрессивная, так и регрессивная, – сводится к уподоблению смежных звуков (как во всех вышеприведенных примерах кроме лишь явлений сингармонизма). Но в иных случаях мы встречаемся и с фонетической ассимиляцией на расстоянии, когда ассимилируемый и ассимилирующий звуки разделены одним или несколькими звуками. Сюда, например, относится следующий ряд последовательных ассимиляций в истории узб. "суффикса-послелога" *blan* //*minən* : **bi(r)lən* [= برلەن → بیلە → **binən* → *minən*, откуда в ташкентском говоре *minəm*].

Здесь (после утраты *r*) имели место прежде всего:

1) ассимиляция **l* конечному звуку *n* (регрессивная ассимиляция на расстоянии — по моменту назализации, т.е. по укладу нёбной занавески);

2) ассимиляция начального **b* к обоим носовым согласным (*n...n*) слога **nən* (тоже регрессивная ассимиляция на расстоянии по моменту назализации); и наконец,

3) ташкентская диалектическая ассимиляция конечного *n* к начальному *m* — прогрессивная ассимиляция на расстоянии по моменту губной работы (*mınən*⟶*mınəm*).

Примечание. Считаем не лишним напомнить, что упоминаемые в настоящей статье (в приложении к термину *Ассимиляция*) термины "прогрессивный" и "регрессивный" отнюдь не должны смешиваться с публицистическими (или культурно-политическими) значениями этих же прилагательных (*прогрессивный* — в смысле "связанный с общественным прогрессом" и т.д.): здесь, т.е. в безоценочно употребленных терминах "прогрессивная ассимиляция" и "регрессивная ассимиляция", принимается в расчет только простейшее (элементарное) значение данных прилагательных — значение, связанное с понятиями "вперед" и "назад" — лишь в отношении мест, занимаемых в ассимиляционном процессе звуками в пределах данного слова.

* Древняя морфема (суффикс) *-дѣ* — та же, что и в *къ-дѣ*; *сь* — того же значения, что и в *сей, сия, сие* (= узб. *bu*); в слове **сь-дѣ-сь* эта местоименная основа (*сь-*) фигурировала дважды: перед суффиксом *-дѣ* и после него.

АССИМИЛЯ́ЦИЯ РЕГРЕССИ́ВНАЯ — см. *Ассимиляция прогрессивная.*

АССИМИЛЯ́ЦИЯ ФОНЕТИ́ЧЕСКАЯ — то же, что *Ассимиляция.*

АССОЦИА́ЦИЯ[27] — слово *ассоциация* мы здесь могли бы рассматривать лишь как психологический (но употребляемый, понятно, и в лингвистике) термин. Что же касается этимологически тождественного ему слова *ассоциация* — в роли административного и бытового термина (напр., Ассоциация научно-исследовательских институтов НКЗдрава, РАНИОН = Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук, и т.п. и т.п.), то это словоупотребление лежит уже совершенно вне задач настоящего словаря.

По этимологии своей А. есть слово латинское: лат. *associātio* (из *ad-/as-* + *sociātio* — абстрактное существительное женского рода, с обычной суффиксацией *-ātio*, от имени существительного *socius* 'союзник'; ср. *социализм, социальный* и т.д.) буквально означает 'присоединение', — откуда могут вырастать побочные значения: 'объединение' и 'привлечение' и т.д.

В роли психологического термина слово А. именно и должно быть трактуемо как "привлечение" — именно: привлечение одним представлением другого представления. Здесь имеется в виду механизм памяти, т.е. тот процесс мышления, который именно и проводит перед нашим сознанием одно представление за другим. Первое представление

влечет вслед за собою или п р и в л е к а е т вслед себе некоторое второе представление, имеющее с первым определенные точки сближения или по сходству или, наоборот, по контрасту*, или по смежности и т.д. И вот как самый процесс этого привлечения (или нанизывания друг на друга) представлений, так и сам сближающий эти представления момент, — могут носить наименование А.

Примеры: "Благодаря ассоциации по смежности между счетными числительными 4 — 5 начальное *p в латинском *pinque (ср. и.-е.*p, отразившееся в виде p в слав. ПѦТЬ, рус. *пять*, скр. *panca*, перс. پنج = *panç* и т.д.) было заменено через q^w [= qu] из *quattuor* '4'. Таким образом, вместо *pinque* получилось лат. *quīnque*. Ср. подобные же процессы в рус. *девять* (вм. **невять*)** благодаря ассоциации с *десять*, в перс. هشت = *haşt* '8' (вм. **aşt*: ср. скр. *aştāu*, лат. *octo*, греч. ὀκτώ = *oktō* и т.д.) благодаря ассоциации с هفت = *haft* '7' (где *h* является регулярным рефлексом и.-е. *s* в **septm̥* — ср. лат. *septem*, рус. *семь*, скр. *sapta*, греч. ἑπτά = *heptá* и т.д.).

Вообще, морфологические изменения по *аналогии* (см.) совершаются именно на основе возникающих в коллективном мышлении ассоциаций между двумя (или более) языковыми представлениями.

Это, конечно, лишь один из многих частных случаев ассоциационных актов в языке и роль ассоциации, как таковой, в лингвистике оказывается настолько огромной, что можно сказать, весь наш язык (речевой процесс) в целом представляет собою не что иное, как совокупность ассоциаций — главным образом, ассоциаций между внеязыковыми представлениями и их языковыми символами (т.е. языковыми представлениями)***, а с другой стороны, и всевозможного рода ассоциаций внутриязыковых, т.е. ассоциаций между языковыми представлениями.

Эта огромная роль ассоциации во всех видах и разделах языковых явлений и обусловливает частую употребительность психологического термина, каким по существу является термин А. в лингвистической литературе. Можно сказать, что автор любого труда, обнаруживающего психологический подход к языковым явлениям****, неизбежно ощущает потребность в использовании термина А. Этим объясняется, конечно, и то, что мы, при составлении настоящего словаря лингвистических терминов, сочли необходимым включить в него и этот — по существу своему п с и х о л о г и ч е с к и й термин.

* Хотя с психологической точки зрения контраст есть именно не что иное, как частный случай сходства. Вопроса о том, что все виды А. — в том числе и ассоциация по смежности — сводятся в сущности лишь к подвидам ассоциации по сходству, — мы здесь не будем касаться, так как вопрос этот (чисто философского характера) безусловно уже выходит за пределы задач справочника по лингвистической терминологии.

** Ср. скр. *nava*, нем. *neun*, лат. *novem* и т.д. '9', где всюду начальное *n*.

*** Ср. наше определение языка, как языковой системы: "Язык есть (относительное) тождество систем ассоциаций между внеязыковыми представлениями и их произносительно-слуховыми символами, принадлежащих всем индивидуальным языковым мышлениям некоего коллектива, экономическими условиями предопределенного к регулярному перекрестному общению"[28].

**** А подход этот является, конечно, вполне естественным, ибо язык в целом представляет собою не что иное, как часть (т.е. известную совокупность процессов) мышления (и именно коллективного мышления).

АТРИБУ́Т — то же, что *Определение*.

АУГМЕ́НТ[29] (лат. *augment-um* букв. 'прибавление', 'наращение', 'увеличение', 'приставка' — существительное, производное от глагола *augeo* 'увеличивать') — термин из сравнительной грамматики индоевропейских языков. Так называется морфема **e-*, употреблявшаяся в исходном ("праязыковом") индоевропейском состоянии в качестве префикса в глагольных формах прошедшего времени (в частности, напр., в "аористе" и имперфекте *) и имевшая, следовательно, значение именно прошедшего времени; напр., и.-е. **e-dʰēm* 'я положил (или сделал)', **e-dʰē-s* 'ты положил (или сделал)', **e-dʰē-t* 'он положил (или сделал)' и т.д.; и.-е. **e-dō-m* 'я дал', **e-dō-s* 'ты дал', **e-dō-t* 'он дал' и т.д. А. утрачен в большинстве индоевропейских языков, представлен он только в четырех группах — индийской, иранской, греческой, армянской: 1) в санскрите (= древнеиндийском языке) он отражается, конечно, в виде *a-* (из **e-*); напр., *abharat* 'он нес' (из **e-bʰer-e-t*), *adā* 'он дал' (из **e-dō-t*); 2) в авестийском, древнеперсидском, а также в согдийском — тоже в виде *a-* (из **e-*); напр., в др.-перс. *abara* 'он нес', *adā* 'он создал' (может быть, контаминация, т.е. конвергенция из **e-dʰē-t* 'он положил [сделал]' и **e-dō-t* 'он дал'); из современных иранских языков Средней Азии А. уцелел, напр., в ягнобском (= новосогдийском): *a-mir* '[он] умер' (из **e-mr-t*), *a-purs* 'спросил'; 3) в греческом сохраняется в виде ε = *e-* (из **e-*); напр., в др.-греч. ἔφερε = *e-pʰer-e* 'он нес' (из **e-bʰer-e-t*), ἔθη = *éthē* 'он положил' (из **e-dʰē-t*); 4) в армянском** — в виде *e-*; напр., др.-арм. *edi* 'он положил' (из **e-dʰē-t*). Подробно см. в работах К.Бругмана (K.Brugmann) "Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen" или "Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen", или же в любом другом курсе сравнительной грамматики и.-е. языков, напр. в книге А.Мейе (A.Meillet) "Введение в сравн[ительную] гр[амммати]ку и.-е. языков"[30].

* Но не перфекта!

** Доклад Д.В.Бубриха о следах А. в славянских языках[31] не дает никаких положительных результатов: указываемые автором доклада акцентуационные явления сербского и других славянских языков нахо-

дят и иное, более естественное объяснение (— без привлечения гипотезы о сохранении аугмента на славянской основе).

А́ФФИКС — общелингвистический (морфологический) международный термин латинского происхождения (наравне, т.е. в том же терминологическом ряду, что и *суффикс, префикс, инфикс* [см.]).

1. Э́тимология термина. Те́рмин А. происходит из сочетания: 1) лат. предлога-приставки *ad-* 'к' = <узб.> *janiga* (или *qasiqa*, или *-ga*), в котором *d* ассимилируется звуку *f* в начале следующей части слова (= *fixum*), и таким образом *ad-f* → *aff* [ср. **sub-fixum* → *suffixum* = *суффикс*] + 2) лат. причастия *fixum* (от глагола *fingere*) — того же самого, что и в составе терминов *суффикс* и *префикс*. Следовательно, слово *аффикс* можно было бы перевести на русский язык как 'приставляемое', 'то, что приставляется', т.е. 'приставка', причем (в отличие от значения русского грамматического термина *приставка*, соответствующего понятию *префикс*) тут должно подразумеваться присоединение не только спереди, но присоединение вообще: как спереди, так и сзади.

2. Реальное определение термина. В лингвистике термин А. обозначает общее (родовое) понятие и для префикса и для суффикса. Иначе говоря, аффиксы — это и префиксы, и суффиксы: и когда мы хотим говорить о тех и других (— о префиксах и суффиксах) вместе, именно тогда мы и обращаемся к термину А.

В грамматиках турецких языков, строго говоря, можно было бы вовсе избежать термина А. — так как из двух категорий аффиксов в турецких языках обычно фигурирует лишь категория суффиксов (конечно, делящихся на суффиксы словообразования и суффиксы словоизменения). Поэтому, употребляя для этой категории термин *суффиксы*, нам уже незачем прибегать к общему понятию (и термину) *аффиксы*. А. словообразования и А. словоизменения противополагаются друг другу как две различные (по семантическим своим функциям) категории аффиксов. А так как в понятие *аффиксы* входят и *префиксы*, и *суффиксы*, то аналогичное (или то же самое) противоположение может быть повторено и в отдельности — 1) для префиксов, 2) для суффиксов. Иначе говоря, префиксы могут принадлежать или к префиксам словоизменения, или к префиксам словообразования. И подобным же образом суффиксы, в свою очередь, могут быть делимы на суффиксы словоизменения и суффиксы словообразования. А так как в турецких языках мы имеем дело именно с суффиксами, то с данным противоположением (аффиксов словоизменения и словообразования) нам удобнее всего будет остановиться на противоположении суффиксов словоизменения суффиксам словообразования.

Если мы возьмем, с одной стороны, такой ряд суффиксов, как *-ni*, *-gə*, *-də*, *-dən* и т.п. (в *bɔləni*, *bɔləgə*, *bɔ-*

lədə, bələdən и т.п.), а с другой стороны, например, суффикс *-ci*, проходящий (в составе основы склонения) во всем склонении слова *temir-ci* (— *temirci, temirci-ni, temircigə, temircidə, temirci-dən* и т.п., а равным образом и в *temircilər, temircilərni, temircilərgə* и т.д.), то первые, т.е. суффиксы *-ni, -gə, -də, -dən* (а также *-lər*) и т.п. явятся суффиксами (а следовательно, и аффиксами) словоизменения (или формообразования), а суффикс *-ci-* будет суффиксом (а следовательно, и аффиксом) словообразования.

АФФРИКА́Т — или чаще АФФРИКА́ТА — общефонетический термин (от лат. причастия *affricātus, afriсāta, affricātum* букв. 'притертый, -ая, -ое': от лат. предлога *ad* (перед следующим *f* в виде *af-*) + глагола *frico, fricāre* 'тереть') для обозначения сложных согласных звуков определенной категории (определенного сложного состава). Именно *аффриката* (термин жен. рода), или *аффрикат* (термин муж. рода) — это такой сложный — двухэлементный — согласный звук, который состоит из тесного, органического соединения: сначала 1) смычного, а затем 2) проточного (= спиранта) того же места образования, что и предшествующий смычный: напр., рус. *ч* = узб. *c*, как состоящее из тесного сочетания 1) смычного переднеязычного *т* = *t* и 2) того же места образования, т.е. тоже переднеязычного спиранта *ш* = *ş* (следовательно, рус. *ч* или узб. *c* = *т* + *ш* = *t* + *ş*). Равным образом узб. *ç*, как состоящее из переднеязычных элементов *d* + *z*, тоже является аффрикатой, как с другой стороны и русское *ц*, состоящее из *т* + *с*. Но сумма *p* + *s* (или *q* + *ş*, или *b* + *ɣ* и т.д.) аффрикатой уже не будут (ибо здесь элементы — разного места образования).

В русском языке две аффрикаты: *ц* и *ч* (обе — глухие). В узбекском две: *c* (глухой) и *ç* (соответствующий звонкий). Те же две аффрикаты в английском (например, в словах *church* и *judge*). Во французском языке нет аффрикат (если не считать некоторых заимствованных слов). В немецком три аффрикаты: *[t͡s]* (т.е. звук типа *ц*) — пишется *z*, *[t͡ş]* (= *ч*) — пишется *tsch*, и наконец губная аффриката *[p͡ф]* — пишется *pf* (примеры: *Zahn, Kutscher, Pferd*).

БОЛЬШИ́Е БУ́КВЫ — то же, что *Прописные буквы*.

БУ́КВА I[32] — рус. слово, соответствующее лат. *littera* ~ *litera*, франц. *lettre*, нем. *Buchstabe*, узб. *harf* (← араб.), кирг. *tamɣa* (تمغا) и т.д.[33].

Б. — графический символ, ассоциирующийся в виде господствующей и принципиальной нормы с представлением звука языка (т.е. с фонемой) — в отличие от иероглифа, знака силлабического письма и пиктографии. Иначе говоря, Б. — графическая единица звукового (= пофонемного) письма, и в качестве таковой может противополагаться иероглифу, или *Идеограмме* (см.), а с другой стороны, и еди-

нице силлабического письма. Но нужно сказать, что последнее различение (= различения понятия *буквы* как знака звукового письма от знака силлабического письма) не всегда выдерживается, а иногда его и невозможно точно выдерживать[34].

Например, знаки санскритского письма деванагари чрезвычайно часто именуются буквами ("буква त", "буква क", "буква द" и т.д.), хотя, строго говоря, письмо это, занимая промежуточное положение между типами (или стадиями) силлабической и звуковой письменности, более приближается к характеру первой, а не второй из них, т.е. — к силлабическому, а не звуковому типу (дело в том, что согласная "буква", не сопровождаемая никаким дополнительным значком, в виде нормы передает не один только данный согласный звук, но "согласный + гласный *a*": т.е. त = *ta*, क = *ka*, द = *da* и т.д.). С другой же стороны, даже и к такому — уже не "переходному", а типично силлабическому (слоговому) письму, каким является японское письмо кана́, мы иногда тоже позволяем себе прилагать (хотя здесь — все вполне условно) термин *буква*: т.е. говорим, напр., "японская буква *ка*" (カ), "японская буква *ку*" (ク), "японская буква *а*" (ア), "японская буква *у*" (ウ) и т.д., "японская буква *ма*" (マ), "японская буква *му*" (ム) и т.д., хотя каждый из этих знаков (カ, ク, ア, ム, マ, ウ и т.п.) предназначается быть символом именно не для элемента слога, а для слога (так, фигура, означающая слог *а*, не повторяется в составе символа слогов *ка*, *ма*; фигура, означающая слог *у*, не повторяется в составе символов слогов *ку*, *му*; символы слогов *ка* и *ку* не содержат в себе общего элемента, который бы соответствовал звуку *к*; и равным образом, символы слогов *ма* и *му* не содержат в себе общего элемента, который бы соответствовал звуку *м*; и т.п.).

БУ́КВА II — письменный знак, имеющий звуковое (а не *идеографическое* [см.]) значение в письменностях, явно относящихся к "третьей" стадии эволюции письма — к *звуковому письму* (как-то: в современных европейских, на латинской основе построенных письменностях). Б., в виде нормы, соответствует одному только *звуку языка* (или *фонеме*): согласному, или гласному. Этот принцип выдерживается в европейских алфавитах начиная с древнегреческого, но в алфавитах, которые, в известной мере, являются переходными между "второй" и "третьей" стадиями эволюции письма, т.е. в алфавитах, которые имеют еще в себе пережиточные моменты *слогового письма*, — в частности, в семитских алфавитах (древнееврейском, арабском и т.д.), а также в санскритском алфавите (например, деванагари), "согласная" буква может соответствовать комплексу из согласного + гласного: так, например, комплекс (предлог) *para-* пишется по-санскритски всего дву-

мя буквами — पर, из которых первая означает слог *pa*, а второй — слог *ra*.

Ср. также, например, чагатайское написание ببر в котором три буквы (ر ب ب) соответствуют пяти звукам: ببر = بَابُر = *Babur*.

Подробное освещение понятия Б. читатель найдет в Энциклопедическом словаре Брокгауза — Ефрона в статье *Буква* (автор — И.А.Бодуэн де Куртенэ)[35].

ВЕЛЯ́РНЫЕ СОГЛА́СНЫЕ[36] — общефонетический термин, производный от лат. *velum* = *velum palati* букв. 'парус нёба', 'нёбная занавеска', т.е. 'мягкое нёбо'. Следовательно, В.С. — <это те>, при образовании которых участвует мягкое нёбо на правах одной из стенок смычки (т.е. касания его задней части языка — при смычных) или одной из стенок сужения (т.е. приближения его к задней части языка — при проточных). С другой стороны, те же согласные именуются также и г л у б о к о з а д н е я з ы ч н ы м и (— по другой стенке смычки или сужения). В узбекском языке В.С. являются *q* (ق), *ɣ* (غ), а также *x* (خ) (но не h!) в словах заднего <состава> сингармонистических узбекских диалектов. Так как язычок (uvula) помещается на конце мягкого нёба, то некоторые (особенно недрожащие) *увулярные* согласные тоже могут быть относимы к В.С.

ВЗРЫВНЫ́Е СОГЛА́СНЫЕ (= э к с п л о з и в н ы е) — то же, что *Смычные согласные*.

ВИД — то же, что *Аспект*.

ВИНИ́ТЕЛЬНЫЙ [п а д е́ ж] — то же, что *Аккузатив*.

ВОКАЛИ́ЗМ — международный лингвистический — и именно фонетический термин латинского происхождения: от латинского слова *vocalis* 'гласный [звук]' с взятым из греческого языка суффиксом *-изм**. Согласно этому происхождению термина, В. означает собою систему, или совокупность, гласных звуков (или гласных фонем) данного языка (или данных языков, или же языков вообще — если речь идет о гласных звуках вообще — с общефонетической точки зрения). Таким образом, В., или система г л а с н ы х, противополагается *консонантизму* — системе с о г л а с н ы х звуков или фонем (см. *Консонантизм*). См. также *Гласные* и *Согласные*[37].

* В греческом написании -ισμ-ος, т.е. *ism-ǒs*. Суффикс этот стал настолько употребительным в международной и русской терминологии, что присоединяется не только к греческим (как, напр., в слове *монизм*), но и к латинским основам (напр., *дуализм*, *милитаризм* и т.д., а также *вокализм* и *консонантизм*), а за последнее время стал употребляться даже в словообразованиях русских основ (напр., *большевизм*, *меньшевизм*, *отзовизм* и т.п.).

ВОПРОСИ́ТЕЛЬНЫЙ ЗНАК — один из знаков препинания европейских письменностей, за последние десятилетия введенный

и во многие письменности восточных языков. Пишется: *?* В испанском письме ставится и перед, и после вопросительной фразы: *¿ . . . . ?* Например: *¿ Nosotros contra los del Francia?*

В фонетическом оформлении фразы вопросительному знаку (*?*) обыкновенно соответствует повышение голосового тона на конце вопросительного предложения (так, по крайней мере, обстоит дело в большинстве языков; однако в тосаском — японском, например, где мелодия фразы слагается из мелодий, характеризующих каждое из слов этой фразы, конечное тоноповышение уже не может быть постоянной принадлежностью вопроса, и в связи с этим вопросительное значение символизируется уже совершенно иного порядка признаками)[38].

ВРЕ́МЯ — слово русское, хотя, строго говоря, и является контаминацией ныне уже вовсе не употребляемой чисто русской (= восточнославянской) формы **веремя* с церковнославянской (= древнеболгарской, т.е. южнославянской) формой **ВРѢМА**: благодаря постоянному слышанию в церкви формулы **ВЪ ВРѢМА ОНО** = *во время оно*, церковнославянская форма слова настолько глубоко вошла в коллективное языковое мышление древней Руси, что совершенно вытеснило собою чисто русскую "полногласную" форму **веремя*.

В качестве грамматического термина слово В. обозначает собою формально-смысловую категорию глагольного словоизменения, выражающую хронологическое отношение момента действия, о котором идет речь, к моменту говорения. Таким образом, различаются, прежде всего, п р о ш е д ш е е (напр., *jazdi* [= jɔzdi] 'писал'), н а с т о я щ е е (напр., *jazvatman* [= jɔzvɔ́tmən] или *jazjappan* [= jɔzjɔ́p-pən], или *jaza jatirman* и т.п. 'пишу') и б у д у щ е е (*jazarman* [= jɔzə́rmən] 'напишу' или 'буду писать') времена. Но благодаря присоединению и других, морфологического порядка, значений (напр., идеи совершенного или несовершенного вида, или же, с другой стороны, идеи предшествования некоему другому, имеющемуся в виду, действию, и т.п. и т.п.) число В. глагольного словоизменения в данном языке может превышать вышеуказанное количество (т р е х времен): ср., напр., узбекскую систему глагольных времен (т.е. систему глагольного словоизменения по временам), в которой мы находим, между прочим*, следующие категории, или времена:

П р о с т о е п р о ш е д ш е е (т.е. прошедшее без прецизации — без уточнения привходящими значениями в роде вышеуказанных): *bardim*, *keldim*, *aldi*, *jazdik*, *caldiŋiz*;

н а с т о я щ е е-б у д у щ е е: *jazaman*, *barasan*, *keladi*, *qalamiz*, *orasiz*;

н а с т о я щ е е (как таковое) или точнее — д л и т е л ь н о е н а с т о я щ е е, или п р о г р е с с и в (последний термин употреблен в подражание английской грамматической терминологии)**: *barvatman* [bɔrvɔ́tmən] или (смотря по

диалектам) — *barapman* [bɔrɔ́pmən], *barjappan* [bɔrjɔ́ppən], *barutman* [bɔrutmən], *barjatɒrman* и т.п. и т.д.;

б у д у щ е е: *jasarman* [jɔzɔ́rmən], *bararman* [bɔrɔ́rmən], *bararsan* [bɔrɔ́rsən] и т.д.;

п р е ж д е п р о ш е д ш е е, или п л ю с к в а м п е р ф е к т: *baruvdim* [bɔrúwdim], *keluvdim* [kelúwdim] и т.д.

п е р ф е к т: *bariptim* [bɔriptim], *kelipti* или *kepti* [kelipti, képti] и т.п.

и с т о р и ч е с к о е п р о ш е д ш е е: *barganman* [bɔrgɔ́nmən], *kelganban* [kelgɔ́nsən], *kelgan* [kelgən], *kelganmiz* и т.д.;

д а в н о п р о ш е д ш е е: *barqan ekanman* [bɔrgɔ́n ekənmən] и т.д. и пр.

П р и м е ч а н и е. Но категории *Императива* (= повелительного; см.), *Условного* (напр., узб. *kelsam* [kelsəm], *barsa* [bɔrsa] и т.д. и т.п.) именуются обычно уже не временами, а н а к л о н е н и я м и глагола. См. также в статье *Вид* (поскольку видовые значения весьма часто являются "примыкающими" в составе значения временных форм).

* Беру в качестве примеров только несколько узб. времен, а не весь состав этой системы.

** Ср. англ. Progressiv: I am going, you are going и т.п.

ВСТА́ВКА — то же, что *Инфикс*.

ВТОРОСТЕПЕ́ННЫЕ ЧЛЕ́НЫ ПРЕДЛОЖЕ́НИЯ — русский синтаксический термин, ‹обозначающий› все члены предложения кроме главных, т.е. кроме подлежащего и сказуемого. Таким образом, сюда относятся: *Определение*, *Дополнение* (как п р я м о е, так и к о с в е н н о е), *Обстоятельственные слова*[39] и пр. В киргизской грамматической терминологии В.Ч.П. называются "ajqьndooc sezder" (в отличие от "главных членов предложения" = syjlemdyn baş mycelery, т.е. подлежащего и сказуемого).

ВЫПАДЕ́НИЕ ЗВУ́КОВ — один из обычнейших видов экономии произносительной энергии[40], осуществляющейся в виде историко-фонетического изменения; состоит в утрате звука, произносившегося в данных словах предшествовавшими поколениями. Факт выпадения звука мы констатируем обыкновенно:

или 1) на основании данных орфографии (которая в виде общей нормы, более архаична, чем живое произношение) — напр., слово *солнце* в настоящее время произносится [сонце], т.е. звук *л* выпал, но орфография (а кроме того, и родственные слова: напр., *солнечный*) сохраняют его;

или 2) на основании этимологических соображений — главным образом сравнительно-грамматических: напр., в русском слове *молитва* выпал звук *d*, сохранившийся в польском *modlitva*.

Весьма часто указания на выпадения звука мы можем почерпнуть и из орфографии, и из этимологии: напр., во французском *coup* конечное *p* пишется, но не произносится (за исключением очень редких случаев liaison); кроме орфографического написания на древнее произношение

звука *р* в этом слове нам указывает и этимология данного слова, которую мы легко можем установить на основании соответствий: ит. *colpo*, лат. *colaphus*, греч. κόλαφος= *kólaphos* ‹'удар'› (греческое слово заимствовано было в латынь, а из латыни перешло в романские языки; из них итальянский, как более архаичный в историко-фонетическом отношении, сохранил почти весь звуковой состав латинского слова; а французский – последовательно провел выпадение всех конечных звуков, сохранив в конце концов только первые два звука слова: [ku].

ВЯЗЬ (или *письмо вязью*) – древний русский термин, относящийся к формам письма, и, следовательно, ныне сохранивший палеографическое значение. (*Вязь* – слово русское; ср. глагол *вязать*). Под В. разумелось слитное написание (обычно двух) букв – так, что обе буквы сливались в одну фигуру, напр.: ӍН (буквы М + Н).

ГАРМО́НИЯ ГЛА́СНЫХ – то же, что *Сингармонизм*.

ГЕМИНА́НТЫ[41] – то же, что *Геминированные согласные* (или *Геминанты*).

ГЕМИНИ́РОВАННЫЕ СОГЛА́СНЫЕ, или *гемина́нты* (от лат. *geminī* 'близнецы') – удвоенные, или долгие, согласные (напр., в русском *Анна* в отличие от *она*, в узбекском *darrav*, *arra* – в отличие от *ara* и т.д.).

Напомним, что геминированные аффрикаты удлиняют лишь первый (смычный) свой элемент: напр., в геминированном звуке *ц* (= *цц*), который мы имеем в русском слове *отца* (род. падеж, ед.ч.), удлинен только смычный элемент *отца* = [accá = ac:á = attsá = at:sá].

Почти во всех языках, которым вообще присущи бывают Г.С. – обычно различаются только две степени длительности ("количества") согласных: краткие (напр., *к*) и долгие = геминированные (напр., *кк*). Но в эстонском и финском (в виде общефонетического исключения) существуют еще две сверхдолгие градации длительности согласных: *ккк* и *кккк* (ср., напр., эст. *tykki* 'в кусочек' = [týkkkki]).

ГЕНИТИ́В[42] [лат. (Casus) Genitivus] – латинский и интернациональный школьно-грамматический и научно-лингвистический термин: название падежа, обычно идущего 2-м по порядку в перечне падежей и в парадигмах склонения. В русском соответствует термин, буквально переводящий лат. (Casus) Genitivus – родительный (падеж). Смысл этих и латинских, и русских терминов тот, что данный падеж употребляется (между прочим) для наименования родителей (отца или матери) в таких, например, словосочетаниях, как рус. *сын Августа, сын Марии* // лат. *Augusti filius, Mariae filius*. Благодаря этой своей частной функции, данный (2-й) падеж и назван был в латинской грамматической терминологии Casus Genitivus, откуда буквальный русский перевод – "р о д и т е л ь н ы й п а д е ж". [Ср. подобное же (по одной частной функции) название винительного – Casus Accusativus.]

В узбекском Г. (родительный) оканчивается на *-niŋ* (в современном лит. языке), т.е. на *-nьŋ/-niŋ* в орфографии до 1934 г. — نينگ или نیڭ в арабской реформице. Но нужно сказать, что в иранизованных, главным образом, диалектах ("чагатайского" наречия), а также в некоторых других единичных говорах (напр., в хивинском — из южно-хорезмского диалекта "огузского" наречия, и т.д.) родительного, как такового, нет: он совпал с винительным (аккузативом) на *-ni*, и в результате получился, таким образом, сложный по своим функциям родительно-винительный падеж на *-ni* (или на *-nь/-ni* как в хивинском и т.д.). Если мы примем во внимание, что эта морфологическая конвергенция (смешение двух падежей) характерна, прежде всего, именно для иранизованных говоров, то причиной ее можно считать фонетическое влияние таджикского языка (языка без фонемы *ŋ*), благодаря которому *-niŋ* превратилось в *-ni*. Далее же узбекско-иранизованное представление "родительно-винительного", уже морфологически, влияет на северотаджикское ("узбекизованное") наречие, сообщая ту же двойную функцию таджикскому (как и туземно-еврейскому) падежу на *-а* (= *-а* в таджикском письме): ср. тадж.-самарк. *аsра sаrаș* // туз.-евр.-самарк. *ɛаsра șrаș* 'голова лошади' ~ ср. узб. = самарк. *ɔtni bɔși* (дублетно *ɔtti bɔși*).. Таково же, между прочим, влияние самаркандско-узбекского на язык "ирани" = erɔni (узбекизованный азербайджанский): напр., *ɔti bɔși* 'голова лошади'„ где *ɔti* — из азербайджанской формы винительного *atь*. В будущем, в известных говорах — ташкентском, некоторых ферганских — намечается эволюция суффикса родительно-винительного *-ni*, в результате которой формы *ɔtni, qɔqɔzni, șəhərni* превратятся в *ɔtti, qɔqɔzzi, șəhərri* и т.п. (так уже теперь звучат эти формы — в ташкентском и т.п. говорах — в быстрой речи).

ГЕРУ́НД, или ГЕРУ́НДИЙ (не смешивать с термином *Герундив*!) — лат. Gerundium — термин латинской грамматики, иногда употребляющийся также и в роли общеморфологического термина. Под Г. (Gerundium) в латинской грамматике разумеются отглагольные склоняемые формы Nominis actionas (= имя действия), фигурирующие в качестве косвенных падежей от Infinitiv'a (неопределенного наклонения); напр., к неопределенному наклонению (Infinitiv'у) *dīcere* имеются следующие падежные формы Gerundii (только единственного числа!):

Genitiv	— *dicendī*	('говорения'),
Dativ	— *dicendi*	('говорению'),
Accusativ	— *dicendum*	(~ *ad dicendum* 'для говорения'),
Ablativ	— *dicendo*	('говорением').

В числе значений латинского Gerundii имеются и значения, эквивалентные русскому д е е п р и ч а с т и ю. В связи с этим термин Г. (Gerundium) в роли общеморфологиче-

ского термина обычно означает категорию, соответствующую русскому деепричастию. В этом смысле Г. могут быть названы и узбекские, напр., деепричастия типа <...> [43] и т.д.

ГЕРУНДИ́В (= лат. Gerundivum; не смешивать с термином Gerundium!) — термин латинской грамматики, означающий то же, что и Participium Futuri Passivi, т.е. причастие будущего времени страдательного залога; напр.; *dicendus*, *dicenda*, *dicendum* 'долженствующий быть сказанным; то, что должно быть [или будет] сказанным'; *addendus*, *addenda*, *addendum* — 'то, что быть [или будет] присоединено' (букв.: 'то, что будет придано') и т.д.

ГИБРИДИЗА́ЦИЯ — термин состоит из основы *гибрид-* (*hybrid-us*) + обычной в русских заимствованных словах суффиксации *-изация*.

Слово *гибрид* употребляется не только в лингвистике, но и во многих других отраслях знания — напр., в ботанике, зоологии, биологии и т.д. Поэтому на этимологии этого термина мы здесь можем и не останавливаться (см. "Толковый словарь русского языка". Под ред. проф. Д.Н.Ушакова, вып.1) [44].

Общее значение слова *гибрид* (и в биологии, и в ботанике и т.д.) сводится к понятию какого-либо индивидуального предмета или явления (напр., растения, животного и т.д.), имеющего двойственное происхождение, т.е. создавшегося из сочетания двух различных пород или двух генетических источников. Так, например, гибридами являются: 1) мул, 2) ишак, 3) новые виды растений, созданные Мичуриным путем скрещивания двух различных пород (напр., из вишни и сливы, из апельсина и лимона и т.д.).

Это общее понятие гибрида могло и должно было найти себе неоднократное применение в лингвистике: так, гибридом называли и слово ("гибридное слово", "слово гибридного происхождения"), поскольку оно состояло из двух частей, взятых из разных языков (пример — слово *автомобиль*, первая часть которого — *авто* — греческого происхождения — из греч. αὐτό-ς = *autó-s* 'сам', а вторая восходит к латинскому прилагательному *mobilis* (муж. и жен. род) ~ *mobile* (ср. род) 'подвижный, двигающийся'); гибридом называли также и языковую систему (язык, или иногда определенный диалект какого-либо языка), поскольку эта языковая система (—данный язык) по происхождению своему восходит к двум различным языкам (примером может служить, хотя бы, английский язык, представляющий собою смешение одного из германских языков — древнеанглосаксонского — с одним из романских — старофранцузским языком); но, если мы захотим быть точными, мы должны будем считать гибридами (в вышеуказанном общем смысле) все языки земного шара, ибо ни один из них, в историческом процессе своем, не избежал процесса скрещивания (см. *И.А.Бодуэн де Куртенэ*. О смешанном характере всех языков. — ЖМНП, 1901) [45].

Так как, однако, наравне с термином *гибрид* с тем же или близким значением могло употребляться (в переносной своей функции) и слово *метис** (в животноводстве и пр.), то возникла потребность в искусственной (условной) дифференциации обоих терминов (*метис ~ гибрид*, resp. *метизация ~ гибридизация*). В лингвистической терминологии эта дифференциация осуществлена Н.Я.Марром, который придал термину Г. значение скрещивания н е р о д с т в е н н ы х языков, а термин *метизация*, наоборот, стал употреблять в смысле скрещивания р о д с т в е н н ы х языковых систем (— языков и диалектов). Это словоупотребление сохраняется и Е.Д.Поливановым и другими представителями советской лингвистической литературы.

Следовательно, такой процесс, как скрещивание арабских и иранских элементов в новоперсидском языке, может быть назван Г., но, наоборот, такое скрещивание, какое имело место в процессе образования русского литературного языка — скрещение древнецерковнославянских (древнеболгарских, т.е. югославянских) и русских (т.е. восточнославянских) языковых элементов, — должно именоваться уже метисацией, но не Г.

Поскольку в общелингвистическом учении об эволюции языка весьма часто ощущается потребность в некоем общем термине, который обнимал бы все разновидности языкового скрещения — в том числе и гибридизационные и метисационные явления, я (Е.П.) позволяю себе пользоваться понятием *Объединения языковых систем* (см.), или же *Второго пути языковой истории* (см.).

В заключение позволю себе напомнить, что понятие языковой Г., как и понятие языковой метизации, т.е. понятие языковых скрещений вообще, отнюдь не должны рассматриваться, как явления, непосредственно отображающие кровное, или антропологическое, смешение (или скрещение) человеческих групп, и могут иметь место и в таких случаях, когда кровное (антропологическое) смешение вполне или почти вполне отсутствует.

Важную роль Г. и метисации в истории всех языков земного шара подчеркнул И.А.Бодуэн де Куртенэ в своей упомянутой выше работе "О смешанном характере всех языков" <...>

* Первоначальный смысл этого термина — человек смешанного происхождения, именно — родившийся от европейца и индианки (в Америке).

ГЛА́ВНЫЕ ЧЛЕ́НЫ ПРЕДЛОЖЕ́НИЯ — подлежащее и сказуемое (в отличие от всех прочих членов, именуемых *Второстепенными членами предложения*, или в с п о м о г а т е л ь н ы м и с л о в а м и).

В киргизской грамматической терминологии — syjlɵmdyn baş mycɵlɵry (= 1) ɵɵ — подлежащее, 2) bajandooc — сказуемое) в отличие от ajqьndooc sɵzdɵr, т.е. вспомогательных слов.

ГЛАГО́Л — грамматический и лингвистический термин — перевод (буквальный, как и у большинства русских грамматических терминов) латинского грамматического термина "Verbum". *Глагол* — по-церковнославянски и в древнем русском языке — собственно значит 'слово', лат. *verbum* — тоже значит слово, и лишь в качестве вторичного значения стало употребляться (в латинской грамматической терминологии) как наименование особой категории слов — именно глаголов[46].

В арабской грамматической терминологии нашему термину Г. соответствует слово فعل = فِعْل , откуда и узб. *fe'l* 'глагол' (арабский термин от глагольного корня √فعل 'делать' — точно так же, как и соответствующий еврейский грамматический термин פֹּעַל от того же [в еврейской форме, конечно] глагола 'делать').

Это название одной из главных частей речи, именно Г. — это та главная часть речи, которая противополагается *Имени* (или в зависимости от языка — существительному, прилагательному и т.д.) и имеет значение действия[47], приписываемого в качестве признака предмета (или лица) некоему предмету (или лицу): напр., *пишет, приходит, jazadi, keladi*; но, напр., в русских *борьба, ход, победа* тоже мыслится действие, однако уже не в роли признака, который мы утверждаем или отрицаем за каким-либо предметом (лицом), а наоборот — само это действие рассматривается как предмет, насчет которого мы можем утверждать (или отрицать) какой-либо признак: *борьба полезна, победа приятна, бег неутомителен*. В узбекской языковой системе, где только две главные части речи изменяемых слов — 1) имя (в широком смысле — шире чем "is'im" в традиционной узбекской грамматической терминологии) и 2) глагол, — глагол, конечно, противополагается имени (напр., *taş, adam, qizil, tort, sen*), причем формальным отличием глагола служит, как глагольная система спряжения (формально отличная от "спряжения имен"), так и образование отглагольных именных форм — вроде *bar-maq, kel-gan, kel-iş, kel-uv*.

ГОЛОСОВА́Я ЩЕЛЬ[48], или ГОРТА́ННАЯ ЩЕЛЬ — термин физиолого-анатомический, а вместе с тем фонетический (как относящийся к произносительному механизму и к физиологии речи) Так называется щелевое отверстие между голосовыми связками (chordae vocales). При нормальном дыхании Г.Щ. бывает раскрыта, при образовании же звуков языка принимает тот или другой уклад в зависимости от характера данного звука. Так, для гортанного смычного (= [ʔ], араб. هَمْزَة , "гамза", coup de glotte, Stimmbanderverschluss) Г.Щ. должна быть закрыта и акустический эффект этого звука производится именно раскрытием ("взрывом") Г.Щ. Закрытие Г.Щ. (без дрожания голосовых связок, т.е. без

голосового тона) требуется и для особой категории ртовых (в большинстве случаев затворных) согласных — именно для кавказских звуков "надгортанной экспирации" ($p^?$, $t^?$, $k^?$, $q^?$, $c^?$, $\check{c}^?$ и т.д.): в начале артикуляции этих согласных Г.Щ. должна быть закрыта, и ртовая смычка взрывается не за счет воздуха, скопившегося под Г.Щ., а за счет воздуха, имеющегося во ртовой полости; и уже после этого "взрыва" ртовой смычки следует раскрытие ("взрыв") Г.Щ. — с тем же, в общем, акустическим эффектом, какой имеется и просто при гортанном смычном ʔ. Наоборот, открытая Г.Щ. нужна для осуществления гортанных спирантов *h*-типа. При звонких же звуках (т.е. при нормальном — звонком — произношении гласных звуков и при таких согласных звуках, как *z*, *ž*, *v*, *l*, *r*, *m*, *n*, *b*, *d*, *g*, γ и т.п., — иначе говоря, при звонких согласных) Г.Щ. является источником голосового тона — иными словами, источником звонкости; для этого Г.Щ. смыкается, но так, чтобы поступающий снизу (из бронх) воздух беспрерывно взрывал эту смычку и тем приводил бы края голосовых связок в беспрерывное дрожание (с быстротой в виде нескольких сот колебаний, т.е. нескольких сот последовательных раскрытий Г.Щ. в секунду). Чем чаще совершается это выхождение небольших порций ("пуфов") воздух через взрываемую для этого Г.Щ., т.е., иначе говоря, чем бо́льшее число дрожаний в секунду совершают края голосовых связок, тем голосовой тон выше; и при наиболее низких — басовых нотах человеческого голоса — число этих дрожаний, наоборот, сравнительно невелико, настолько, что на слух удается также заметить сложный состав голосового тона (из ряда последовательных ударов, взрывов Г.Щ.).

ГОМО́НИМЫ (мн.ч. от *гомо́ним*), или ОМО́НИМЫ (мн.ч. от *омо́ним*).

1. Этимология слова. Интернациональный общелингвистический термин греческого происхождения: из ὁμός (= *hom-ós*) 'равный'* и ὄνυμα (= *ónyma*) 'имя'. Таким образом *(г)омоним* (= *hom-(o) + ónyma*) буквально значит: 'подобное имя'. Благодаря тому что звук *h* (в греческом обозначавшийся значком ' [т.н. *Spiritus asper*, см.] в слове *homós* = ὁμός) в среднегреческом языке уже перестал произноситься, то в русском оказывается возможным и дублет, вовсе не отражающий данного согласного звука, т.е. дублет без начального *г* ⟵ *h*, а именно *омоним*, ср. *Оми́р* (из среднегреческого через церковнославянский язык) вм. *Гоме́р* (из древнегреческого через посредство латинского *Homērus*) и т.д. Другой же дублет, где древнегреческое *h* (= spiritus asper = ') отражается в виде *г*, ⟶*Гомоним*. В русской лингвистической литературе возможно встретить оба эти дублета: и *Омоним(ы)* и *Гомоним(ы)*[49].

2. Реальное значение термина.

Г., или О., называются слова, имеющие (в одном и том же языке) тождественный фонетический состав (т.е. тожде-

ственную звуковую форму), но принципиально различные по своим значениям. Примерами могут служить:

а) русское слово *косá* (земледельческое орудие) и *косá* (женская коса, узб. *kakil*), а также и *косá* — узкий и длинный полуостров;

Примечание. Но такие слова, как *замок* (= *qorġan*, читай: *зáмок*) и *замок* (= *qulf*, читай: *замóк*) или же такие, как *осел* (прошедшее время от глагола *осесть*) и *осел* (= *xar*, читай: *осёл*) не являются Г.(О.), хотя и пишутся одинаково: дело в том, что фонетический состав в каждом из данных парных слов оказывается различным: *зáмок* и *замóк* различаются по месту ударения, а *осел* и *осёл* — по гласному звуку своих ударенных (вторых) слогов.

б) узбекские слова (во всех "чагатайско"-узбекских диалектах кроме андижанского типа, и в большинстве "кыпчакско"-узбекских диалектов) *at* 'лошадь', *at* 'имя' и *at* 'стреляй, бросай' (все три слова в ташкентском, самаркандском и маргелано-андижанском типах произносятся в виде /ɔt/);

Примечание. В "огузских" узбекских говорах первые два слова уже не являются Г. (ввиду того, что "огузское" наречие сохраняет древнюю дифференциацию кратких и долгих гласных): /at/ 'лошадь' (с кратким /a/), но /a:t/a:d-/ 'имя' с долгим /a:/ (что же касается третьего слова — 'стреляй, бросай', то оно звучит в виде /at/, т.е. является Г. к слову 'лошадь'). В андижанском же диалекте выработалась (под влиянием сложных и специфических условий, разъясненных в моей работе "Умлаутные говоры узбекского языка"[50]) новая, т.е. поздняя дифференциация слов 'лошадь' и 'имя': /ɔt/ 'лошадь', но /ət/ 'имя'.

в) узбекские слова (в самаркандском, ташкентском и маргелано-кокандском типах "чагатайского" наречия) *ot* 'трава', *ot* 'огонь', *ot* 'пройди мимо! минуй!' и *ot* 'желчь': все четыре слова в данных диалектах звучат в виде /ot/ (с ультразакрытым /o/).

Примечание. Но в "огузских" говорах, благодаря 1) сохранению древних долгих гласных и 2) сохранению различения гласных *o* и *ɵ*, все данные четыре слова различаются в звуковом отношении:

/ot/ 'трава' — /o:t/o:d/ 'огонь',

/ɵt/ 'пройди мимо!, минуй!' — /ɵ:t/ɵ:d/ 'желчь'.

В тех сингармонистических говорах "чагатайского" наречия, которые старого различения долгих и кратких гласных не сохранили (но зато продолжают различать гласные *o* и *ɵ*), слова эти являются Г. лишь попарно: например, в туркестанском говоре:

ot 'трава' }
ot 'огонь' } гомонимы

ɵt 'пройди мимо!', 'минуй!' }
ɵt 'желчь' } гомонимы

Такое же попарное совпадение мы находим в андижано-шерхонском типе (в "чагатайском" наречии).

По сущности своей (тождество звуковой формы при различных значениях) понятие Г. является диаметральной противоположностью понятию *Синонимов* (см.), характеризующихся, наоборот, одинаковостью (или близостью) значений при совершенно различном фонетическом (звуковом) составе обоих слов.

Библиографическая справка. Новейшая общелингвистическая работа о Г. принадлежит перу чешского лингвиста-англоведа Trnka (Трнка) и напечатана в № 4 "Travaux du Cercle Linguistique de Prague", 1931[51] (в числе докладов Международной фонологической конференции, имевшей место в декабре 1930 г. в Праге).

* Не смешивать с латинским словом *homo* (род.п. *hominis*) 'человек'. Это последнее слово никакого отношения к термину Г. не имеет.

ГОРТА́ННАЯ ЩЕЛЬ — то же, что *Голосовая щель* (или *Гортанная щель*).

ГОРТА́ННЫЕ СОГЛА́СНЫЕ (из лат. gutturales) — буквальный перевод латинского термина. В школьной грамматике (как в русской, так и в западноевропейских) термин этот употребляется совсем неправильно: для обозначения заднеязычных согласных, т.е. согласных *к, г, х* и т.д. Между тем гортань при них никакой специальной роли не играет (т.е. основная, характеризующая эти согласные работа, совершается не в гортани, а во рту — активным органом ее служит задняя часть языка).

В научной лингвистике (в частности, в фонетике) термин Г.С. означает согласные, действительно образуемые в гортани: или путем смычки — при так называемой "гамзе" /ʔ в МФА, нем. Stimmbanderverschluss, франц. coup de glotte, дат. stød/ — или путем сужения голосовой щели при *h* /= h/.

Кроме /ʔ/ и /h/ (их разновидностей, каковы, напр., звонкая "гамза", как в чеченском, и звонкого *h*, как в санскритском или же в украинском *г*) к Г.С. долгое время относили и звуки типов ع ، ح . Но в самое последнее время к ним применяется название *Фарингальные согласные* (от греч. φαρυγξ →лат. *pharynx* 'зев'). (Е.Поливанов выдвинул еще термин "эпиглоттальные", который, по сути дела, означает почти то же, что "фарингальные", так как epiglottis вряд ли отделим от понятия pharynx'а).

ГРАММА́ТИКА — интернациональный школьный и лингвистический (популярный) термин. Слово Г. происходит из греческого языка, где /τα/ γραμματικά = /ta/ *grammatiká* представляет собою множественное число среднего рода от прилагательного γραμματικός = *grammatik-ós*, производного от существительного γράμμα = *grámma* 'буква' (эквивалент лат. *littera*); а слово *grámma*, в свою очередь, происходит от корня γραφ-/ειν/ = *graph-/ein/* 'писать'. Таким образом *грамматика* (τα γραμματικά) первоначально значило: 'напи-

сательные' (мн. ч.) или 'относящиеся к написаниям'; иначе говоря, первоначально грамматика понималась (древними греками) как правила написания, орфографические правила и т.п. Отсюда, в расширенном смысле (который был известен и древнему миру) Г. стала означать учение о системе языка, описание системы языка. В этом смысле слово Г. вошло и в новые европейские языки.

В настоящее время грамматика, как часть и практического изучения и научного исследования языка, состоит обычно из следующих отделов: 1) Фонетика (с графикой), 2) Морфология, 3) Синтаксис. Следовательно, Г. не охватывает всего материала языка: ей противополагается *Словарь* (а также и фразеология). В теоретической лингвистике грамматика может быть описательная или же историческая (и притом *Сравнительная*). В школьной практике противополагаются два направления школьной грамматики: "логическая грамматика" (не научная, процветавшая в старой дореволюционной школе, в советское время окончательно ликвидированная) и "*Формальная грамматика*" (см.).

Примечание. Слово *грамматика* (в русском языке) — женского рода, и от него надо, конечно, отличать существительное мужского рода *грамматик*, являющееся названием лица (специалиста по грамматике) и стоящее к термину *грамматика* в том же отношении, как и *техник* к *техника*, *механик* к *механика*, *ботаник* к *ботаника* и т.п. Однако в современной русской языковой практике это существительное мужского рода (*грамматик*) употребляется очень редко; скорее всего есть шансы встретить его в составе сложных терминов: 1) *старограмматики* (мн.ч.) — представители так называемой *Старограмматической школы*, и *младограмматики* (мн.ч.) или *неограмматики* (мн.ч.) — представители так называемой *Младограмматической*, или *Неограмматической школы* (см.) в теоретической лингвистике.

ГРАММАТИКАЛИЗА́ЦИЯ — термин общелингвистического значения, производный от *Грамматика* (см.). Так именуется эволюционный историко-морфологический процесс превращения некогда самостоятельного *Слова* (resp. лексической морфемы) в формант, в частности, напр., в суффикс.

Г. особенно часто наблюдается в языках (и эволюционных периодах), обладающих принципиально обязательным постоянным порядком слов (— членов предложения). Поэтому примеры Г. гораздо легче найти, напр., — в турецких, монгольских, японском и т.п. *агглютинативных* (а также в изолирующих — напр. — китайском) языках, чем в языках с (относительно) свободным порядком слов, каковы, напр., латинский, русский и т.д.

Примером Г. может служить история французского суффикса наречий *-ment* — из лат. *mente* (— Ablativus от *mens*, *mentis* 'ум, мысль'), или же — в узбекском — судьба суффикса-послелога творительного падежа *minən* из **bir-lɛ-n* [бессуфиксальная повелительная форма производного от числительной основы *bir* '1' глагола **bir-lɛ-n* (ср. напи-

сания برلان и — для дублетной формы — برله) подверглась следующей историко-фонетической эволюции: *birlɛn ⟶ *bilɛn ⟶ *binən ⟶ minən; ср. *birlɛn ⟶ ойрот. *-le/-la* // хак. *-naŋ* и т.д.].

ГРАММАТИ́ЧЕСКИЙ РОД — см. *Род*.

ДА́ТЕЛЬНЫЙ [п а д е́ ж] — то же, что *Датив*.

ДА́ТЕЛЬНЫЙ САМОСТОЯ́ТЕЛЬНЫЙ — особая синтаксическая конструкция древнецерковнославянского языка, по своим функциям (т.е. по своему значению) аналогичная латинскому Ablativus Absolutus, т.е. служащая для сокращения временны́х придаточных предложений; напр.: *Иисусу шедшу в Иерусалим...* ÷ 'Когда Иисус шел в Иерусалим...'. В этой конструкции участвуют два дательных падежа (т.е. конструкция основывается на согласовании по падежу): 1) дательный падеж существительного (resp. местоимения), служившего подлежащим в полном виде данного придаточного предложения (*Иисусу* — дат. пад. от *Иисус*; ср.'Когда Иисус шел в Иерусалим'...) и 2) дательный падеж причастия (· *шедшу*, что соответствует русской форме *шедшему*) от глагола, служившего сказуемым (— *шел*) в полном виде данного придаточного.

ДА́ТИВ (лат. [Casus] Dativus) — латинский и интернациональный школьно-грамматический термин; в русском языке в буквальном переводе: "Дательный (падеж)" — название падежа, именно 3-го падежа латинского и русского склонения. Латинский термин (прилагательное) Dativus происходит от глагола *do~dedi~datum~dare* 'дать, давать', — отсюда буквальный русский перевод: "Дательный (падеж)". В узбекском склонении на месте дательного падежа стоит дательный-направительный, или Çonaliş по узбекской грамматической терминологии, — на *-ga* в разговорном языке, в несингармонистических говорах, на *-gə*, *-kə* и *-qə*; в сингармонистических — на *-ƣa/-qa/-gə/-kə*, который выражает, между прочим, и функции дательного, напр., *ataga berdim*, *ukaga ajtti* и т.п., и функции "направительного", напр., *şaharga ketti*, *xanaga kirdi*. Следовательно, функции узбекского падежа значительно шире, чем у русского и латинского дательного, и назван он (термином Çonaliş) именно по другой — направительной, точнее — иллативной и аллативной, своей функции, которая у русского дательного (без предлога, по крайней мере) отсутствует.

ДВА́НДВА (или Compositum типа Двандва) ÷ санскритский грамматический термин (скр. *dvandva* ⟨'пара'⟩), частично перенесенный (благодаря компаративистскому исследованию санскритского языка и изучению туземной грамматической литературы) и в общелингвистическую литературу. Д. или иначе — к о п у л я т и в н ы е C o m p o s i t a (= копулятивные сложные слова) — это такие сложные слова, оба члена которых относятся друг к другу, как два слагаемых (a+b),

а значение всего данного сложного слова является суммой обоих данных понятий.

Примеры: скр. मातापितरौ = *mātā-pi-tar-āu* 'мать и отец' ='родители', узб. *ata-ana* (اتا _ انا); кит. 弟兄 *ди-сюн* 'младший и старший брат' = 'братья', аналогия к узб. *aka-uka* (ئوكه _ ئكه) 'старший и младший брат' и т.д.

ДВУЯЗЫ́ЧИЕ I. К о л л е к т и в н о е Д. (или с о ц и а л ь н о е Д.), т.е. Д., характерное не для отдельных индивидуумов, но для определенного территориального (или же социологически определяемого) коллектива.

Iа. Коллективное или социальное Д. является п о л н ы м, или поголовным, или безысключительным, если оно охватывает буквально весь состав способных владеть нормальной речью членов данного коллектива (за исключением, конечно, детей доречевого возраста, а также глухонемых, немых, идиотов и т.п. лиц, для которых вообще исключается возможность нормального участия в языковом общении).

Iб. Д. может оставаться коллективным или социальным и в том случае, когда оно н е я в л я е т с я п о л н ы м, т.е. поголовным, или безысключительным, а простирается лишь на экономически активную часть данного коллектива. Таково, например, таджикско-узбекское Д. основного населения г.Самарканда: экономически активное население (главным образом, взрослые мужчины) поголовно владеет, кроме своего материнского языка — таджикского — еще и узбекским языком (в силу особой экономической ситуации г.Самарканда — этого таджикского товарообменно-промышленного центра узбекского земледельческого района); но значительная часть этого коллектива (— женское население) владеет лишь таджикским языком, т.е. стоит вне двуязычия.

II. И н д и в и д у а л ь н о е Д. мы имеем в тех случаях, когда отдельный индивидуум (или отдельные индивидуумы) участвует в силу специфических условий своей личной истории и своей личной экономической ситуации в двух языковых коллективах, т.е. владеет двумя языками (напр., русский, работающий и живущий в Персидском Азербайджане[52], усваивает, кроме своего родного, или материнского — русского языка, еще азербайджанский язык).

Само собой разумеется, что индивидуальное Д. отнюдь не должно пониматься как уникальное лишь явление, т.е. как случай, констатируемый у одного только лица и ни у кого больше: ясно, что сходные условия биографий и одинаковые экономические ситуации нескольких различных личностей могут привести к повторению одних и тех же фактов (— именно одинакового Д.) в индивидуальных языковых мышлениях нескольких и даже относительно многих лиц. Но поскольку лица эти все-таки являются лишь одиночками, т.е. не образуют сами по себе никакого естественного коллектива, постольку это будут лишь п о в т о р я ю щ и-

е с я, или м н о г о к р а т н ы е, случаи индивидуальных Д., но никак не коллективное, или социальное, Д.

Отчетливым разграничением понятий с о ц и а л ь н о г о, или к о л л е к т и в н о г о, Д., с одной стороны, и и н д и в и д у а л ь н о г о Д., с другой, — советская лингвистическая литература обязана профессору Л.В.Щербе[53]. Некоторые уточнения в этом вопросе внесены мною (*Е.П.*)[54].

ДИАЛЕКТИ́ЧЕСКОЕ ДРОБЛЕ́НИЕ — термин, фиксируемый в общелингвистических работах Е.Поливанова и означающий совокупность процессов дифференциации одной языковой системы на несколько говоров или диалектов, а впоследствии — отдельных языков: например, диалектологическое дробление, или дифференциация, латинского языка на ряд романских языков (- итальянский, испанский, португальский, французский, провансальский, румынский и некоторые другие). Диалектическое дробление именуется у Поливанова также "I-м (п е р в ы м) п у т е м" — из двух основных "п у т е й я з ы к о в о й и с т о р и и"; второй же ["II"] путь — это, наоборот, — совокупность явлений, направленных к объединению нескольких языковых систем (— языков или диалектов) в одной языковой системе, иначе говоря, совокупность явлений *гибридизации — метисации* (т.е. явлений скрещивания языков).

ДИФТО́НГ — международный фонетический (и грамматический) термин греческого происхождения: по-гречески δίφθογγος = *di-phthong-os* 'двузвучие' из δι- = *di-* 'два' и φθογγή = *phthong-ē* 'звук'. Таким образом, Д. значит 'двузвучие', но почти всегда под этим термином Д. понимается сочетание именно двух г л а с н ы х звуков, и именно такое сочетание двух гласных, которое умещается в одном слоге, причем, следовательно, один из этих гласных (— обычно более узкий: *i* или *u* и т.п.) является неслогообразующим (i̯, u̯ и т.д.). Примеры Д. в словах немецкого языка: [ai̯] в словах *Laie* [lai̯ə], *fein* [fai̯n], *sein* [zai̯n], *vorbei* [fɔrbai̯]; [au̯] в словах *Au* [au̯], *Haus* [hau̯s], *Maus* [mau̯s]; [ɔi̯ ~ œy̯ (в зависимости от диалекта)] в словах *Haüser* [hɔi̯zər ~ hœy̯zər], *Laüser* [lɔi̯zər ~ lœy̯zər] и т.д. В зависимости от порядка сочетания слогообразующего и неслогообразующего элементов Д. делятся на н и с х о д я щ и е и в о с х о д я щ и е. В нисходящих Д. сначала идет слогообразующий (напр., [a]), а потом — неслогообразующий элемент (напр., [i̯] или [u̯] или [y̯]); таким образом, Д. [ai̯], [au̯], [ɔi̯ ~ œy̯] в вышеприведенных немецких словах являются н и с х о д я щ и м и Д. Наоборот, в восходящих Д. неслогообразующий элемент предшествует слогообразующему: во французском языке, напр., есть только восходящие Д.: [u̯a = wa] в слове *loi*, [u̯i = wi] в слове *Louis*, [y̯i = ɥi] в слове *lui* и т.п.

П р и м е ч а н и е. Авторы фонологической школы (напр., Е.Поливанов) проводят различие между д и ф т о н г и ч е с к и м с о ч е т а н и е м гласных фонем (как, напр., в немецких [ai̯], [au̯] и т.п. дифтонгах) и д и ф т о н г и ч е с к о й [resp. полифтонгической] ф о н е м о й

(— напр., в виде якутских полуузких гласных, северокитайских полуузких [или "средних" = "mid"] дифтонгических, или, точнее, полифтонгических, гласных, в виде большинства южноанглийских "долгих гласных" напр., [u:] в *two* [tu: = tůú = tuw], [o̧ᵘ] в *low* [lo̧ᵘ], [i: = i̧j] в *sea* [si: = si̧j], [ȩⁱ] в *day* [dȩⁱ] и т.п.; см. статью *Полифтонгическая фонема* и статью *Полифтонг*.

Иногда (но сравнительно очень редко) термин Д. (= д в у з в у ч и е) применяется и к сложным (— из двух элементов состоящим) согласным звукам — аффрикатам (напр., узб. *c* [= ts̯] и *ç* [= dz̯], рус. *ц* [= ts̯], *ч* [=ts̯] и т.п.). Однако это — исключительное словоупотребление; обычно Д. означает лишь сочетание г л а с н ы х звуков, хотя здесь следует оговорить, что в некоторых языках (напр., литовском, латышском, японском и др.) известные сонорные (в литовском и латышском *r*, *l*) или носовые (напр., фонема *ŋ ~ n- ~ m-* в японском) играют роль гласных элементов в составе дифтонгов, и таким образом сочетания типа *ar*, *al*, *an* и т.п. (или *aŋ~an- ~ am-* и т.п. в японском) являются, действительно, в той же мере дифтонгами, как и *ai̯*, *au̯* и т.д.[55].

ДИФФЕРЕНЦИА́ЦИЯ (— лат. differenciātio, производное от лат. *differēns* 'отличный, отличающийся') — общенаучный, в том числе и лингвистический, термин, означающий "различение".

Особенно часто приходится встречать это слово, когда речь идет о Д. (т.е. о р а з л и ч е н и и) двух звуков (или же двух морфологических форм и т.д.). Приведу примеры.

В ташкентском говоре уже не существует Д. (различения) гласных *o ~ ɵ*, но эта Д. еще сохранилась в андижано-шерхонском типе узбекских говоров (как, с другой стороны, и в сингармонистических говорах "чагатайского" наречия узбекского языка, а также, конечно, и во всех говорах "кыпчакского" и "огузского" наречий узбекского языка); ср. ташкентские гомонимы [ot] 'огонь' и [ot] 'пройди мимо!', 'минуй!' — в андижано-шерхонском (как и в сингармонистических говорах) 'огонь' — [ot], 'пройди мимо!, минуй!' — [ɵt], т.е. дифференциация обоих слов существует до сих пор.

В ташкентском говоре, как и в других несингармонистических узбекских говорах, уже отсутствует Д. (различение) родительного и винительного падежей, т.е. суффиксов *-niŋ* и *-ni*; частично эта Д. исчезает даже в говорах "огузского" наречия — напр., в хивинском говоре, а под влиянием последнего и в некоторых других говорах Хорезма.

Кроме того, иногда слово Д. употребляется в значении "становление различения". Но правильнее употреблять в таких случаях термин *Дивергенция*.

ДО́ЛГИЕ ГЛА́СНЫЕ — с фонологической точки зрения о Д.Г. можно говорить только по поводу того языка, в котором существует принципиальное различение д о л г и х и к р а т-

к·и х. Например, в русском языке подобного различения не существует, а потому категория Д.Г. отсутствует (в немецком и французском, наоборот, различаются долгие и краткие гласные: ср. нем. *Magd* [= .ma:xt] 'девушка'[55a] с долгим *a* и *Macht* 'сила' [= maxt] с кратким *a*. В турецких языках некогда (в так называемом общетурецком, или "праязыковом", состоянии) долгие гласные фонемы были очень часто употребительны, участвуя, напр., в дифференциации таких слов, как: **ba:r* 'есть' ~ **bar* 'иди', **ja:z* 'лето' ~ **jaz* 'пиши', и т.д. и т.д.

Но в большинстве турецких языков эти долготы подверглись сокращению, т.е. древние Д.Г. совпали с качественно соответствующими им краткими: таким образом, в узбекском "чагатайском" и "кыпчакском" наречиях мы в большинстве диалектов не найдем уже фонологического различения между словами *bar* 'есть' ~ *bar* 'иди' или между *jaz* 'лето' ~ *jaz* 'пиши' и т.д. В меньшинстве же турецких языковых систем данное старое количественное различение гласных сохранилось и поныне: напр., в якутском, туркменском, в "огузском" наречии узбекского языка, в мещерском и т.д. (а в танутувинском древние долгие заменились краткими, древние же краткие стали долгими; т.е. различение продолжает существовать, но уже в обратной форме); например:

Праформа	Значение	як.	туркм.	узб.-хив.	танутув.
**a:d*	'имя'	*a:t*	*a:t*	*a:t*	*at*
**at*	'лошадь'	*at*	*at*	*at*	*a:t*

и т.д.

Но вслед за сокращением долгих гласных этой (д р е в н е й, "общетурецкой") ф о р м а ц и и в известном ряде языков развились Д.Г. н о в о й ф о р м а ц и и:

или 1) путем Ersatzdehnung, т.е. *заместительного удлинения* (см.) при падении согласного — как в узбекском *ba'zi* [= bɔ:zi] ← بعزی ;

или 2) путем *монофтонгизации*, т.е. стяжения двух гласных в один долгий гласный;

или, наконец, 3) в таких заимствованных словах, где долгота гласного уже имела место в языке, из которого шло заимствование (таково, например, происхождение современных долгот гласных в ряде слов азербайджанского языка).

ДОРСА́ЛЬНЫЕ ЗВУ́КИ <...>[56] — международный общефонетический термин, букв. "спинковые" от лат. ‹*dorsum*› 'спина', 'спинка языка'. Дорсальные согласные — это те язычные согласные, которые образуются работой (— в качестве активного органа) той или другой зоной с п и н к и языка в отличие от апикальных Apex — апекс — "кончик языка", см. *Apex*. При этом разные авторы по-разному имеют в виду длину ‹dorsum›. Некоторые, напр., и такие звуки,

как <ç, j> (а конечно, значит, и среднеязычные) называют дорсальными, и против этого теоретически спорить нельзя. Но на практике потребность в термине "дорсальные [согласные]" важна только для переднеязычных, где необходимо отличать: 1) апикальные — произносимые самым кончиком языка, напр., апикальное <в>, апикальное <з>; 2) дорсальные переднеязычные — произносимые началом спинки языка: напр., узб. <с>, правда, можно сделать дорсальным, напр., русское <*ш* [š]> благодаря *палатализации* (см.). Гласные, собственно говоря, почти все — дорсальные (так как подымается к небу та или другая зона спинки языка), и их, значит, нет надобности отличать этим термином. Апикальные же гласные крайне редки: к ним принадлежат, напр., сев.-кит. ï~ẓ = =*ы* в слогах *cы, цзы, цы,* сев.-яп. ^{z}i (исторически из нормально-японского *i*) и некоторые другие. В них, действительно, максимально поднятой к небу частью языка является apex (кончик языка); потому они и напоминают в акустическом отношении согласный *з*.

ЗАКРЫ́ТЫЙ СЛОГ — см. *Открытый слог* и *Закрытый слог*.

ЗАМЕСТИ́ТЕЛЬНОЕ УДЛИНЕ́НИЕ (или по-немецки Ersatzdehnung) — так в исторической лингвистике называется удлинение гласного звука за счет выпадения следовавшего за ним согласного. Ср., напр., франц. *château* [= ša:to] ← лат. *castellu(m)*, <где> выпадение *s* удлинило предшествующий гласный *a* З.У. имело место и в исторической фонетике таджикского и узбекского языков: ср., напр., *ba'zi* // *bə'zi* [bə:zi] ← بعضی и т.п.

ЗАТВО́РНЫЕ СОГЛА́СНЫЕ — Я лично (*Е.П.*) позволяю себе пользоваться наименованием "затворные согласные звуки" как общим термином для смычных и аффрикат. Таким образом, к З.С. я отношу и такие, напр., звуки как *t, d, p, b, k, g* (- смычные), и такие, как *ц=c=ts*, *ч= =č=tš*, *ʤ=dz*, *ʤ=dž*, *pφ* и т.п. (— аффрикаты). С известной оговоркой — о том, что под затвором в данном случае понимается лишь закрытие ртового прохода (а не закрытие прохода выдыхаемого воздуха через носовую полость) — термин З.С. может быть распространен (подобно термину *Смычные*) и на носовые согласные (*m, n, ŋ*).

ЗВУКОВЫ́Е ЖЕ́СТЫ — термин, введенный в употребление Е.Поливановым (в статье "Звуковые жесты японского языка" в "Поэтике", издание ОПОЯЗа)[57] для обозначения так называемых *ономатопоэтических слов* (см.). Возможно, впрочем, что данное выражение (З.Ж.) могло возникнуть и у какого-либо другого автора — ввиду естественности содержащейся в нем метафоры.

ИЗМЕНЕ́НИЯ ПО АНАЛО́ГИИ — то же, что *Ассимиляция морфологическая*.

ИМЕНИ́ТЕЛЬНЫЙ [падеж] — то же, что *Номинатив*.

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ (или просто с у щ е с т в и т е л ь н о е) — русский грамматический (и общелингвистический, в частности морфологический) термин, являющийся буквальным переводом латинского грамматического термина Nomen (= имя) substantīvum (= существительное).

Термином этим называется одна из основных "частей речи" (латинского, русского, как и ряда других языков) — именно "часть речи" (т.е. морфологическая категория слов), предназначаемая для обозначения п р е д м е т о в (включая сюда и лица, т.е. — предметов в широком смысле).

Таким образом, первая из трех основных частей речи русского или латинского языков — И.С. — предназначается для обозначения п р е д м е т о в, вторая — (*имя*) *прилагательное* для обозначения к а ч е с т в, а третья — *глагол* — для обозначения действий. Правда, в виде возражения может быть указано, что иногда существительное может обозначать не предмет, а: а) к а ч е с т в о, или же б) д е й с т в и е, — как в следующих, например, случаях: а) *холод, белизна, высота, честность*; б) *бег, бегство, ходьба, купанье, изнасилование, мочеиспускание.*

Однако это вовсе не отнимает принципиального характера у вышеупомянутого смыслового признака И.С. (= "И.С. — часть речи, предназначаемая для обозначения п р е д м е т о в"), так как во всех приведенных — в качестве противоречащих этому признаку исключений — примерах идея к а ч е с т в а, resp. идея д е й с т в и я, является опредмеченной, т.е. иначе говоря, — фигурирует в логическо-психологической позиции п р е д м е т а, и потому сама может выступать как субстанция, которой приписывается — на правах признака — некое другое качество или действие, напр.: а) *холод вреден, холод убивает микробов, белизна ослепляет, высота пугает*; б) *бег полезен, бегство постыдно, ходьба укрепляет организм, купанье приносит пользу, мочеиспускание затруднено* и т.д.

Тогда же, когда данные идеи качества, resp. действия, мыслятся в обычной своей логическо-психологической позиции — в виде признака, приписываемого некоему предмету (— некой субстанции), они выражаются специально предназначаемыми для качеств, resp. действий, частями речи — прилагательным, resp. глаголом (но не существительным!): *вода холодна, бумага белая, дом высок, человек этот честен, человек бежит, мальчик ходит в школу, девочки учатся шить, Пафнутий изнасиловал муравья, ты будешь мочиться в пятницу* и т.д.

В ряде языков (в том числе в турецких, восточнофинских и т.д., но не в японском и корейском!) вместо т р е х основных частей речи (— частей речи изменяемых слов) — существительного, прилагательного и глагола имеются только д в е: 1) *имя* (вообще) и 2) *глагол*, причем в категорию имени входят на правах семантических подклассов ее и эквиваленты русских существительных, и эквиваленты русских прилагательных (а также и другие подклассы: напр., числительные, местоимения и пр.). Так,

в турецких языках (в том числе и в узбекском) формальных различий между "прилагательными", т.е. переводными эквивалентами русских прилагательных (напр., *qara*, *aq*, *past* [= pəs], *baland* [= bələn], *qzil* [= q'zil] и т.п.) и "существительными" (вроде *kşi* [= k'şi], *adam* [= ɔdəm], *bala* [= bɔlə], *ajaq* [= ɔjɔq // əjɔq], *jaɋac* [= jɔɋɔc // jəɋɔc], *temir* [= temir // самарк. temur] и т.п.) почти не имеется, во всяком случае нет различий, которые были бы соизмеримы с крупнейшими отличиями русских прилагательных от существительных. Так, в русском прилагательные отличаются от существительных: 1) отсутствием постоянного рода и зато, наоборот, изменяемостью по всем трем родам; 2) совершенно особыми суффиксами склонения*; 3) образованием формы, специально и исключительно предназначаемой для роли сказуемого (*велик*, *велика*, *велико*) и т.п; 4) образованием степеней сравнения.

Первые три из этих различий вовсе не найдут параллелей в узбекской морфологии; что же касается четвертого признака, то отсутствие "усилительной степени" в существительных не может считаться морфологическим признаком принципиального значения: ведь, строго говоря, формы на *-raq* [= -rɔq] потенциально возможны даже от таких существительных, как *adam*, *kşi*, *jaɋac* и т.п., и их исключительная редкость (в реальной речевой практике) объясняется просто тем, что весьма редко приходится мыслить и выражать такие комплексы идей, как "он больше стал человеком", т.е. "он стал (по)человечнее" и т.п. Для того чтобы наглядно убедиться в этом отсутствии принципиального различения имени "существительного" от "прилагательного" в узбекском, следует, например, сравнить: 1) склонения слов *bala* и *qara* (— суффиксы падежей будут тождественны); 2) такие комплексы, как *jaɋac ajaq* и *qara jaɋac*, где *jaɋac* служит: а) эквивалентом русского прилагательного, б) эквивалентом русского существительного.

* Ср., напр.:

		Сущ. муж.р.		Прил. муж.р.	
в им.	пад.	—	*сын*	*-ый*	*дóбрый*
в род.	"	*-а*	*сы́на*	*-ого*	*дóброго*
в дат.	"	*-у*	*сы́ну*	*-ому*	*дóброму*
в твор.	"	*-ом*	*сы́ном*	*-ым*	*дóбрым*
в предл.	"	*-е*	*о сы́не*	*-ом*	*о дóбром*

		Сущ. ж.р.		Прил. жен.р.	
в им.	пад.	*-а*	*женá*	*-ая*	*дóбрая*
в род.	"	*-ы*	*жены́*	*-ой*	*дóброй*
в дат.	"	*-е*	*женé*	*-ой*	*дóброй*
в вин.	"	*-у*	*женý*	*-ую*	*дóбрую*
в твор.	"	*-ой*	*женóй*	*-ой*	*с дóброй*
в предл.	"	*-е*	*о женé* и т.д.	*-ой*	*о дóброй* и т.д.

Типы склонений тут, как мы видим, совершенно различные (— для существительных, с одной стороны, и для прилагательных в данном грамматическом роде — с другой).

ИНКОРПОРА́ЦИЯ[58] (лат. Incorporātio) — общелингвистический (морфологический) термин латинского происхождения.

1. Этимология термина. Слово инкорпорация — лат. *incorporātio* — образовано из сочетания следующих латинских морфем: 1) префикса (= приставки) *in-* 'в' (который не следует смешивать с латинским отрицанием *in* 'не'); это *in-* является, между прочим, точным этимологическим соответствием русскому предлогу или приставке *в/во (в Москву, в Москве, во всех, вставить* и т.д.), т.е. происходит от одной и той же индоевропейской морфемы, как и русское *в/во*; + 2) из основы *corpor-* (читай *корпор = korpor*), т.е. от полной основы имени существительного (ср.р.) *corpus* род.п. *corpor-is* им.п. мн.ч. *corpor-a* и т.д., 'тело'; + 3) обычной суффиксации производных существительных *-ātio* ⟶ рус. *-ация* (ср. *корпорация, делегация, колонизация, аберрация, классификация* или лингвистические термины *лабиализация, суффиксация, акцентуация, гибридизация, метисация* и т.д.). Несмотря на отсутствие в этом составе слова чисто глагольного суффикса, благодаря тому, что *-atio* (⟶ *-ация*) является суффиксом отглагольных имен действия, — буквальное значение слова *incorporātio* ~ И. может быть правильно понято именно как отглагольное имя действия от глагола *incorporāre* 'внедрять', 'вставлять в тело (внутрь тела)'. Таким образом, этимологическое значение термина можно разъяснить именно как "внедрение", точнее: "внесение (чего-л.) внутрь некоего тела".

2. Реальное значение термина. В качестве морфологического термина И. означает или образование сложного слова или само сложное слово (= Compositum) — из двух или более лексических морфем: таким образом, слово И. является как бы синонимом к термину *композитум* (Compositum), или же к словосочетанию образование сложных слов, но употребляется данный термин (И.) обычно лишь в применении к сложным словам (= композитам) в полисинтетическом морфологическом строе (= в полисинтетических языках), где сложные слова (или инкорпорации) из двух или более лексических морфем являются не статистической аномалией (как например, в русском или в турецких языках), а наоборот, вполне нормальным и статистически преобладающим морфологическим типом слова. Поэтому с термином И. нам приходится встречаться, главным образом, лишь в работах, посвященных таким (— типичным полисинтетическим) языкам, как алеутский, абхазский[59], или же, наконец, в современных лингвистических работах по живому китайскому языку*.

В научном анализе морфологии современного китайского языка И. (т.е. сложное слово = Compositum) из двух лексических морфем (притом без каких-либо связующих эти морфемы аффиксов), оказывается, играет первенствующую

роль — в качестве наиболее нормального (наиболее частого) типа элементарного слова. Действительно, сравнивая русский словарь со словарем современного живого (разговорного) китайского языка, мы легко можем убедиться, что в большинстве случаев русскому слову с одной лексической (коренной) морфемой, выражающему одно единое лексическое понятие, напр., *вода* = *vad-á*, *рука* = *ruk-á*, *скот, глаз, знать* = *zna-t'* и т.д., соответствует китайское слово, состоящее из двух лексических морфем (а в связи с этим** и из двух слогов), напр., *да-мэй* (или дунг. *damъj*) 'овёс' (букв. 'большая + пшеница'); *ча-е* или дунг. *caje*) 'чай' (букв. 'чай[ные] + листья'); *ча-шуй* (или дунг. *cafi* = *ца-фи*) 'чай (уже заваренный — в готовом для питья виде)' (букв. 'чай[ная] + вода'); *чжи-дао* (или дунг. *zъdo*) 'знать' (букв. 'знать + путь[или дорогу]'); *чи-фань* (или дунг. *ръfan*) 'есть-кушать' (букв. 'есть [кушать] + [рисовую] кашу').

В громадном большинстве случаев одна из данных двух лексических морфем оказывается "пустой", т.е. по существу не нужной для лексически-смысловых целей, и наличие ее объясняется именно давлением двухморфемно-двусложной нормы И. как элементарного морфологического типа слова: ср., напр., "пустую" морфему *дао* (дунг. *do*), букв. 'путь, дорога' в составе инкорпорационного слова *чжи-дао* (дунг. *zъdo*); в предшествующую эру языковой истории (— на предшествующей стадии эволюции морфологического строя китайского языка), именно в древнекитайском языке, на котором базируется, основывается и письменный иероглифический китайский язык, данной двусложной нормы не существовало (— слова были в большинстве случаев односложны) и в связи с этим, разумеется, понятие "знать" выражалось одной только морфемой — *чжи****, а комплекс (словосочетание, не слово!) *чжи-дао* должен был означать 'знать путь', 'знать дорогу', 'знать способ', 'знать метод' и т.д.

Вторым аналогичным примером И. с "пустым" элементом может служить морфема *фань* 'рисовая каша', 'вареный рис' в инкорпорационном комплексе-слове *чи-фань* 'есть-кушать' (в древнекитайском для выражения понятия "есть-кушать" достаточно было одной морфемы *чи*): в современном китайском языке *чи-фань* понимается не как 'есть именно рисовую кашу', но как 'есть-кушать' вообще; следовательно, *фань* играет здесь роль "пустой" морфемы[60]. Но если двухморфемная норма слова достигается иным путем, например, если за глаголом следует имя конкретного и реального объекта действия (напр., "есть рыбу" и т.п.), то надобность в "пустых" морфемах, понятно, отпадает: ср. *чи-юй* 'есть рыбу' (но не *чи-фань-юй*); в этой И. морфема *чи-* означает 'есть' (= 'кушать'), а морфема *-юй* означает 'рыба' (~ 'рыбу')[61].

В силу вышеуказанной особенности современной китайской морфологии термин И. в русской лингвистической литературе чаще всего можно встретить именно тогда, когда

речь идет о китайском языке (см., напр., "Грамматику современного разговорного китайского языка" А.И.Иванова и Е.Д.Поливанова[62] – всю теоретическую часть passim).

* А также близким к нему языкам: современному тибетскому и т.д.

** И на основе принципа моносиллабизма морфем в современном китайском (гевр. дунганском) языке.

*** По современному ее произношению, выраженному в символах традиционной – русской – транскрипции китайских слов.

ИНТЕНСИ́В – международный грамматический термин – "усилительная форма" (может быть, имени, а может быть, и глагола, – в зависимости от языка). Происходит от латинского прилагательного *intensivus* (откуда и русское прилагательное *интенсивный*). Если речь идет об имени, то в латинском – термин Nōmen intensitatis (букв. "имя интенсивности"). Ему в арабской грамматической терминологии соответствует إِسْمُ الْمُبَالَغَة.

И́НФИКС. 1. Этимология термина. Слово И. – международный лингвистический общеморфологический термин латинского происхождения:

1) из латинского предлога-приставки *in* 'в' = <узб.> iciga (а также иногда icida);

Примечание. Латинский предлог-приставка (которую не следует смешивать с отрицанием *in-* = 'не-') является прямым этимологическим соответствием (т.е. генетически родственной морфемой) к русскому предлогу-приставке *в/во*.

2) из причастия *fixum* (читай: *фиксум* = *fiksum*), – того же самого, что и в этимологическом составе терминов *аффикс, суффикс, префикс* (см.).

Таким образом, если не буквальным, то точным переводом латинского infixum может служить по-русски слово "вставка".

2. Реальное значение термина.

Под И. (в отличие от *суффикса* и *префикса*) понимается служебная морфема, помещаемая не сзади, как суффикс, и не спереди (как префикс), а внутри коренной морфемы.

И. (= морфемы, вполне удовлетворяющие вышеприведенному определению И.) в и.-е. языках, да и в большинстве других языковых семейств, встречается весьма редко, а в очень многих языках и вовсе отсутствует; поэтому примеры их могут быть приведены в ограниченном количестве. В частности, можно назвать:

а) латинский И. *-n-*, вставляющийся в глагольные корневые морфемы, напр., в *linqu-/liqu-* 'оставлять' (ср. наст. вр. *linquo* ~ *relictum* ⟶ *реликт-*, а также *re-liqu-* в *реликвия*), в *fing-/fīg-* (основа **fīg-* и в *fīxi* ⟵ **fīg-sī*, *fictum* ⟵ **fīg-tum* и т.д.). [Того же происхождения *-*na* – И. в санскрите: напр., в *riṇákti* // лат. *linqu-it* и т.д.];

Примечание. По моей гипотезе и.-е. *-n-* — инфикс (имеющий в санскрите также разновидность *-nu-*) восходит к **nŭ* 'теперь' (см. "Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком". Ташк., 1934 <...>).

б) в качестве одного из мелких и позднейших образований в единичном языке можно назвать следующее явление в резьянском языке (— в небольшом славянском языке в Северной Италии): *u-kazúje⟶kuazúje* 'указывает': здесь приставка, т.е. префикс *u-* (= рус. *у-*) переместился внутрь корня *-kaz-* (= рус. *[у-]каз-[ывать]*), и стал, таким образом, И. (так как появилось чередование *-kaz-/kuaz-*). Пример этот показателен в том отношении, что дает нам наглядную картину образования инфикса — из аффикса (в данном случае — из префикса).

Из языков, в которых наиболее часты явления инфиксации, можно указать на коларские языки[63].

Значительно чаще, чем префиксы в узком смысле слова (— вполне удовлетворяющие вышеприведенному определению), встречаются quasi-инфиксы, т.е. суффиксы, вставляющиеся или между обеими частями редупликации коренной морфемы, или же между двумя разными коренными морфемами (в Compositis). Но называть такие суффиксы И. — неправильно, и поскольку такая их квалификация в литературе встречается, ее следует считать ошибочной.

Quasi-инфиксы первого рода (— между обеими частями редупликации коренной морфемы) встречаются и в турецких языках. Таково, напр., *-p-* в *qipqizil*, *qapqara*, *вapвariq** и т.п.; или, с другой стороны, *-ma-* в *кова-ma-кова* и т.п.

Quasi-инфиксом второго рода является, например, русский соединительный суффикс *-о- [= -а-] / -е-* в Compositis (= сложных словах) вроде *самовар, паровоз, пароход, песнетворчество* и т.п.

Как уже было сказано мною, оба эти случая на самом деле не подходят под понятие И. (т.е. не представляют собою явления инфиксации), так как здесь *-p-*, *-ma-*, *-о-* и т.п. звуки или звукосочетания не вставляются во внутрь звукового состава коренной морфемы, а следуют за коренной морфемой (в *qipqizil*, *вәрвәriq* и т.п. *-p-* следует за коренной морфемой в усеченном виде: *qi[zil]* + p + *qizil*, *вә[riq]* + p + *вәriq*); основное различие между всеми данными случаями (quasi-инфиксов) и обычными случаями суффиксов (напр., суффиксом *-lik* в *cirɔj-lik*, *cirɔj-lik-kә* и т.п.) состоит лишь только в том, что здесь за сочетанием "коренная (усеченная или неусеченная) морфема + суффикс" следует новая коренная морфема: или новый, и на этот раз полный повтор редуплицируемой коренной морфемы (— в *qipqizil*, *вәрвәriq* и т.п.) или некая другая коренная морфема (— как в *самовар* и т.п.), а в обычных суффиксациях типа *cirɔj-lik*, *cirɔj-lik-kә* и т.д. за суффиксом (*-lik*) или ничего не следует, или следует новый суффикс (но не коренная морфема!) Таким образом, сходство с явлениями инфиксации здесь лишь вполне внешнее.

* Не менее, а еще более ошибочна та трактовка подобных комплексов, которая вовсе упускает в них из виду момент редупликации и квалифицирует *qip* (в *qipqizil*), *sap* (в *sapsariq*) и т.п. – как *префиксы*. См. по этому поводу ст. *Префикс*.

ИСХО́ДНЫЙ [п а д е́ ж] – то же, что *Ablativus*:

КИМО́ГРАФ – интернациональный термин экспериментальной фонетики, название прибора (аппарата), употребляющегося также и в экспериментальной психологии. Происходит (искусственно создан в XIX в.) из двух греческих слов: το κύμα = 'to' *kýma* 'волна' и γράφω = *graph-ō* 'пишу' (основа γραφ- = *graph-* ⟶ *граф-* 'писать' // ‹узб.› *jaz-* ~ *ȥaz-* встречается в громадном ряде научных терминов греческого происхождения: напр., *гео-граф-ия*, *био-граф-ия*, *кинемат-о-граф* и т.д.). Получилось это название потому, что сначала, когда был изобретен К., его употреблением (его целью) была механическая запись в о л н (греч. το κυμα = *to kýma*) кровообращения и лишь потом он стал употребляться для других записей, в частности для экспериментально-фонетических.

К. – это прибор (машина) для точной записи (– в виде кривых линий, вычерчиваемых механически, особым пером, на закопченной бумаге, обтянутой вокруг вращающегося цилиндра) быстро протекающих явлений, в частности, напр., дрожаний воздуха при звуках (различной высоты и силы), движений произносительных органов при произнесении звуков и звукокомплексов. Это – основной (совершенно, первостепенно необходимый)[64] прибор всякой экспериментально-фонетической лаборатории.

КИНАКЕ́МА – см. *Акусма*.

КИНЕ́МА – см. *Акусма*.

КЛАССИФИКА́ЦИЯ – международный общенаучный термин (см.: *Классификация языков* [генеалогическая, морфологическая и яфетидологическая], *физиологическая и акустическая классификация звуков языка*). Слово К. означает: систематическое распределение какого-либо материала по категориям и подкатегориям на основании определенных критериев или признаков. Слово К. – латинского происхождения: из лат. *classificatio*, составленного 1) из слова *classis* = *classi-s* 'класс' и 2) основы *fac-*/*-fic-* 'делать' с суффиксацией имен действия *-atio* (гласный *a* в основе *fac-* изменился в данном случае в звук *i*, ибо в непервых слогах, которые в архаической латыни всегда бывали неударенными, гласный *a* регулярно изменялся в звук *i*).

КОЛИ́ЧЕСТВО – в качестве фонетического термина слово К. приобретает совершенно специальное означение – под ним понимается о т н о с и т е л ь н а я д л и т е л ь н о с т ь з в у к а (гласного, или же – согласного).

Такое же значение имеет (опять-таки в роли фонетического термина) франц. quantité (напр., "quantité des voyelles"), нем. Quantität. В качестве примера на упот-

ребление этого термина можно привести заглавие книги (магистерской диссертации профессора Л.В.Щербы): "Русские гласные в качественном и количественном отношении" (<1912>). Добавим, что весьма часто о количестве (т.е. об относительной длительности) звуков говорят <как> о противоположении понятию качества тех же звуков, напр.."Количественные различения древнеперсидских гласных в таджикском языке были заменены качественными"; это значит, например, что вместо древнеперсидского различения *ā* долгого ~ *a* краткого в таджикском мы имеем различение звуков *[ɔ]* и *[ɑ]*, в котором принципиально важным для сознания говорящего является качество (— в частности уклад языка, и зависящий от этого характерный тон того и другого гласного), а не то второстепенное (и так сказать уже пережиточное) обстоятельство, что звук *[ɔ]* (восходящий к древнеперсидскому *ā* долгому) обычно произносится с несколько большей длительностью, чем звук *[ɑ]* (восходящий к древнеперсидскому *a* краткому): ср., напр., *dod* [dɔt] и *kard* [kɑrt].

См. также *Долгие гласные, Геминированные согласные*.

КОНСОНАНТИ́ЗМ[65] — так же как и *вокализм* международный лингвистический и фонетический термин латинского происхождения (от лат. *cōnsonāns* — причастие 'звучащий', что значит 'согласный [звук]'). К. — система или совокупность согласных звуков или фонем. Заметим, что русские термины "гласный [звук]" и "согласный [звук]" буквально переведены с латинских терминов vōcālis и cōnsonāns <...>, где основы *vōx/vōcis* и *sonus* в латинском языке значат 'голос' (ц.-слав. ГЛАСЪ, а в латинской грамматической терминологии vocis и sonus значат также 'слово'). *Cōn-sonān-s* букв. 'со-звуч-ащий', т.е. 'соглас-н-ый'. В узбекском языке обобщающих (со значением "систем") терминов, соответствующих *вокализму* и К., кажется, нет <...>.

ЛАБИАЛИЗА́ЦИЯ[66] — международный общефонетический термин (ср., напр., франц. labialisation, откуда прилагательное-причастие *labialisé* 'лабиализованный'), производный от лат. *labium* 'губа' и *labialis* 'губной' (ср. франц. *lèvre* 'губа', а также этимологическое соответствие лат. *labium* персидскому и таджикскому لب = *lab* 'губа'). Буквально и по существу этот термин означает "огубление". Иначе говоря, Л. называется *артикуляция* (см.), состоящая во взаимном сближении, округлении и выпячивании губ. Гласные, сопровождающиеся Л., называются лабиализованными (а вместе с этим также и губными; по-французски voyelles labialisées). Таковы, напр., гласные типов [u], [o], [ɔ] (из числа *"нормальных"* [см.] гласных) и [y], [ø], [œ] (из числа *"анормальных"* [см.] гласных), а также и прочие гласные, имеющие одинаковую с ними губную артикуляцию. Нелабиализованными (по-французски: voyelles non-labialisées) же являются те

гласные, при которых губы занимают пассивное положение, т.е. не образуют ни округления, ни продвижения вперед и, таким образом, не оказываются в положении передних стенок ртового резонатора; нелабиализованными гласными, напр., являются [i], [e], [ɛ], [æ], [ɐ], [a], а из "анормальных", напр., — звуки типов "ы" = [ɯ] и [ʌ]. Относительно степеней Л. см. *Узкие гласные, Средние гласные, Широкие гласные.*

Акустический эффект Л. состоит в понимании характерного тона гласного, благодаря тому что, становясь (передней) стенкой ртового резонатора, губы тем самым увеличивают размер (объем) ртового резонатора (при отсутствии же Л. роль передней стенки выполняли бы зубы, и таким образом ртовый резонатор был бы меньше). См. *Резонатор.*

Кроме гласных Л. может иметь место и при известных согласных: напр., в абхазских или же в диалектических японских звуках типа k^w, g^w (это будут, следовательно, заднеязычные лабиализованные согласные, сочетающие заднеязычную смычку [как при звуках типа *k*, *g*] с Л., как при гласном *u* или согласном *w*) и т.д. Это — звуки <...>, снабженные дополнительной работой — в виде Л. (как при *u* или <*o*>). В согласных (напр., <в работах> А.А.Шахматова) проводится принципиальное различие между губными и лабиализованными согласными. Я допускаю, напр., называть гласные <*u*, *o*> и "губными" и "лабиализованными". В английской фонетической терминологии (напр., в физиологической классификации гласных) лабиализованные гласные называются <rounded>, а нелабиализованные — <unrounded>.

ЛИНГВИ́СТИКА — международный научный термин, название науки о языке (и языках). Международным он является потому, что повторяется (с небольшими вариациями) в ряде европейских языков: напр., франц. (la) linguistique, англ. the linguistics, рус. лингвистика (только немцы, благодаря своему националистическому *пуризму* [см.] в терминологии, предпочитают чисто немецкий термин Sprachwissenschaft от *Sprache* 'язык' и *Wissenschaft* 'наука'). Термин Л. происходит от латинского слова *lingua* 'язык'*, но с греческой суффиксацией *-istica* (= греч. -ιστικα)[67].

Синонимами (к термину Л.) в русском языке являются: 1) я з ы к о з н а н и е, 2) я з ы к о в е́ д е н и е, 3) (реже) н а у к а о я з ы к е. Есть, правда, и чисто греческий соответствующий термин: *глоттология* — букв. 'языко-словие', т.е. 'наука о языке' (от греч. γλῶσσα = *glōssa*, или в другом диалекте γλῶττα = *glōtta* 'язык' и λόγος = *lóg-os* 'слово'), но он в настоящее время вряд ли кем-нибудь употребляется (попытки разграничить значение терминов Л. и *глоттология* носят индивидуальный характер**, и так как они общепринятыми не являются, то о них можно не говорить)[68].

В узбекском принят арабский по происхождению термин lisanijat — от араб. *lisan* 'язык', но рядом с ним употребляется и til bilimi (букв. 'наука о языке')[69].

Лингвистика, или языкознание, делится на 1) описательное и 2) историческое, которое может быть также — в случае использования компаративного метода — сравнительным, или компаративным. Этому последнему (сравнительному языкознанию) противополагается также *общее языкознание* (см.), которое может состоять как из общего описательного языкознания, так и из обобщений историй (т.е. исторических грамматик) разных языков — в частности, в виде общей теории эволюции языка.

Марксистской лингвистики[70], как дисциплины, которая могла бы быть количественно соизмерима с буржуазной лингвистикой, еще не существует: есть только известный фундамент для нее в виде нескольких статей (Лафарга, Плеханова) и еще более кратких высказываний по вопросам языка таких классиков марксизма, как Энгельс, Маркс, Ленин. Сюда можно присоединить несколько книг более поздних (и современных нам) марксистов-языковедов, где в общем итоге, в сущности, обследован только один язык (французский) и то лишь только в лексическом отношении. По остальным языкам имеются лишь спорадические работы лингвистов-марксистов (например, о среднеазиатских языках говорит работа шведского лингвиста Шёльда [Johann Sköld]***). Такое положение дела, естественно, соответствует тому, что в Западной Европе при ее буржуазном строе господствует, конечно, именно буржуазная наука. Создание марксистской лингвистики, как стройной и полной дисциплины — с революционной переоценкой всех отделов старой лингвистики, — задача всех советских лингвистов, всего современного лингвистического поколения. О школах, или направлениях лингвистики, см. *Старограмматическая школа*, *Неограмматическая* (или *Младограмматическая*) *школа*, *Социологическая школа*, *Фонологическая школа*.

* Лат. *lingua* обозначало и 'язык'(во рту), т.е. 'язык' как анатомический орган, и 'язык' = система речи; ср. наличие обоих этих значений в русском слове *язык*, в узбекском *til*, в эстонском *keel* и т.д. (но в немецком для первого значения служит слово *die Zunge*, а для второго — *die Sprache*).

** Автором подобного предложения — об уточнении и разграничении терминов Л. и *Глоттология* является наш талантливый молодой советский лингвист (автор "Грамматики арабского языка") Н.В.Юшманов[71].

*** Добавим, что Шёльду принадлежит и критическая статья, окончательно и исчерпывающим образом дискредитирующая т.н. яфетидологическое учение: "Die kaukasische Mode"[72].

ЛИТЕРАТУ́РНЫЙ ЯЗЫ́К[73] — термин, употребляющийся в двух значениях:

1. Л.Я. называется письменный стандартный язык данной национальности (— напр., "русский Л.Я.", "немецкий Л.Я.", "узбекский Л.Я." и т.д.), т.е. языковая система,

используемая в письменности и, в частности, в литературе данного народа. Л.Я. — в этом смысле термина — может или совпадать (хотя обычно, все-таки, не вполне, а лишь по большинству черт своей формальной характеристики) с устным с т а н д а р т н ы м языком, т.е. с диалектом, служащим для устного общения политически и культурно-господствующих классовых групп данной национальности в междурайонном масштабе, или же, наоборот — существенным образом отличаться от устного стандартного языка, а вместе с тем и от прочих живых, т.е. современных диалектов и говоров данного языка (— в широком значении термина *язык*). Первый случай — принципиальное (т.е. охватывающее все важнейшие моменты формальной характеристики) тождество литературного письменного языка с устной стандартной речью — имеет, напр., место в современном русском языке СССР (хотя даже в предшествующую историческую эпоху — до 1917 г. — русский литературный письменный язык обладал еще некоторыми принципиальными морфологическими отличиями от устного стандартного, служившего в то время классовым языком междурайонного масштаба для русской буржуазии и буржуазной интеллигенции, напр., различением грамматических родов во множественном числе — напр., *старые—старыя* и т.п., — различением, которого давно уже не знала русская устная речь); второй случай, т.е. принципиальное и крупное различие между литературным письменным языком и устным стандартным (как и прочими современными говорами внутри языка данного периода), имеет место, напр., в Японии, где существуют д в а строго различных в формальном отношении "общеяпонских" языка (и тот и другой из них, однако, может называться "общеяпонским" лишь условно — так как они обслуживают лишь господствующие классовые группы): 1) письменный (т.е. литературный) язык, не равняющийся ни одному из современных живых говоров японского языка и преемственно восходящий к древнеяпонскому языку центральных или "западных" районов Японии; и 2) устный стандартный язык (= или устная "койнэ" — κοινὴ διάλεκτος), объединивший в территориальном масштабе всей Японии японскую буржуазию и ее интеллигенцию лишь за последний период японской истории (конец XIX в. — начало XX в.) на почве европеизации ~ американизации форм производства и в генетическом отношении представляющий собою говор (т.е. языковую систему) города Токио (из т.н. "восточных" японских диалектов). Здесь, впрочем, требует оговорки то обстоятельство, что наиболее прогрессивные и радикальные элементы из среды японских литераторов и интеллигенции вообще — главным образом в течение последних трех десятков лет — выставляют и на практике проводят реформационный лозунг "единения (устного) языка и (языка) письменности" ("гэмбун итти"). Вообще состояние принципиального разрыва между литературным (письменным) языком и устной речью (т.е. наличие второго из двух вышеупомянутых случаев) характерно для эпох средневековья и относительно отсталых экономических

форм. Ярким примером полного расхождения между Л.Я. и живой речью может служить картина всей средневековой Европы, где в роли Л.Я. выступал латинский язык; другим не менее показательным примером может служить Китай, в котором — по крайней мере вплоть до самого последнего периода — вовсе отсутствовал общекитайский (хотя бы и в классовом лишь разрезе) диалект устного общения[74], а действительно единая система иероглифического Л.Я. не базировалась ни на одном из живых говоров (будучи созданной на основе древнекитайского языка).

2. Термин Л.Я. нередко употребляется и для обозначения стандартного (т.е. господствующего, общепринятого в руководящих классовых группах) устного языка междурайонного значения. Само собой разумеется, это словоупотребление имеет место, главным образом, в тех национальных коллективах, в которых осуществляется относительное тождество литературного письменного языка с устным стандартом; напр., в отношении русского стандарта устной речи уже давно употреблялось выражение "литературный русский язык".

ЛИ́ЧНЫЕ МЕСТОИМЕ́НИЯ — грамматический термин, являющийся буквальным переводом латинского Prōnōmina persōnālia. Термин этот современными лингвистами употребляется поразному, т.е. в несколько различном объеме: 1) иногда к Л.М., кроме местоимений 1-го и 2-го лица (каковы русские *я, ты, мы, вы*), причисляется и местоимение 3-го лица (— *он, она, оно, они*); 2) в более же строгом словоупотреблении Л.М. называются только местоимения первых двух лиц (— *я, ты, мы, вы*); в таком случае русское местоимение *он, она, оно, они* квалифицируется как указательное[75] просубстантивное местоимение (в отличие от указательных атрибутивных — *этот, тот*).

При делении Л.М. по лицам иногда русские местоимения *мы, вы* (т.е. личные местоимения множественного числа) рассматриваются как формы множественного числа от *я, ты,* т.е. устанавливается следующая схема:

		Формы ед. числа	Формы мн. числа
Личные	1-е л.	*я* (*меня, мне* и т.д.)	*мы* (*нас* и т.д.)
место-	2-е л.	*ты* (*тебя, тебе* и т.д.)	*вы* (*вас* и т.д.)
имения	3-е л.	*он, она, оно* (*его, ее, ему, ей* и т.д.)	*они* (*их* и т.д.)

Это не совсем верно, так как *мы, вы* являются не формами от *я, ты* (подобно форме *они* от *он, она, оно*), а особыми основами, т.е. особыми местоимениями — "личными местоимениями мн. числа" (а не "формами мн. числа от личных местоимений"). С этой точки зрения вышеприведенную схему надлежит заменить следующим образом:

	Личные местоимения ед. числа	Личные местоимения мн. числа
1-е л.	*я*	*мы*
2-е л.	*ты*	*вы*

Указательное просубстантивное местоимение

Формы ед. числа	Формы мн. числа
он, она, оно (*его, ее* и т.д.)	*они* (*их* и т.д.)

Вводя же упрощенную номенклатуру (с объединением признаков лица и числа), классификацию вышеназванных русских местоимений можно дать в следующем виде:

[Личные] местоимения		1-го л.	*я*			4-го л.	*мы*
		2-го л.	*ты*			5-го л.	*вы*
[Указательное просубстантивное] местоимение 3-го л.	Формы	3-го л.	*он, она, оно*	Формы		6-го л.	*они*

ЛОГИ́ЧЕСКОЕ (или у проф. Томсона[76] — психологи́ческое) ПОДЛЕЖА́ЩЕЕ — в отличие от грамматического подлежащего так называются идеи (и выражающие их слова), играющие роль подлежащего (т.е. того, по поводу чего высказывается сказуемое) в том логическом суждении, которое облечено в языковую форму данного предложения. В громадном большинстве случаев Л. (или психологическое) П. оказывается совпадающим с грамматическим подлежащим. Так, во фразе *Иванов спит*, произносимой в ответ на вопрос "Что делает Иванов?", слово *Иванов* служит и грамматическим, а вместе с тем и Л. (или психологическим) П., тогда как слово *спит* представляет собою и грамматическое, и логическое (resp. психологическое) сказуемое. И, конечно, огромное число подобных случаев предложений, в которых главные синтаксические члены, т.е. грамматические подлежащее и сказуемое соответствуют вместе с тем и понятиям логических подлежащего и сказуемого, именно и послужило основанием (в генезисе синтаксических систем различных языков) для выработки грамматических категорий подлежащего и сказуемого (в частности, напр., для выработки того типа предложений, в котором грамматическое подлежащее оказывается существительным, а грамматическое сказуемое — глаголом в форме verbum finitum, т.е. предложений типа *Птица летит, Иванов спит, Девочка читает, Учитель пришел* и т.п.).

Но под данную грамматическую (синтаксическую) структуру (в частности, под тип предложений *Птица летит* и т.д.) в действительности подходят, оказывается, и суждения совершенно иного психологического состава, в которых грамматическое подлежащее (в частности — в виде именительного падежа существительного) выражает собой не Л.П., а наоборот — логическое сказуемое, а Л.П. оказывается, наоборот, выраженным в виде грамматического подлежащего (и именно в виде глагола в форме verbum finitum). Это мы будем иметь, напр., во фразе *Иванов при-*

шел — в том случае, когда фраза эта оказывается ответом на вопрос "Кто пришел?", а не на вопрос "Что делает (или что сделал) Иванов?" : действительно, тем основным представлением, которое говорящий намерен высказать в данном ответе, т.е. логическим (resp. психологическим) сказуемым данного ответного предложения (— предложения *Иванов пришел*) служит, ведь, ничто иное, как имя пришедшего лица — *Иванов*. Следовательно, *Иванов* (— грамматическое подлежащее) является здесь логическим (resp. психологическим) сказуемым. А слово *пришел* (— грамматическое сказуемое) является, наоборот, Л. (resp. психологическим) П., ибо в данном случае фраза *Иванов пришел* (как ответ на вопрос "Кто пришел?") по существу означает:

"Человек, который пришел — /есть/ Иванов".

логическое (resp. психологическое) подлежащее	логическое (resp. психологическое) сказуемое

В некоторых языках, например в японском (как и корейском), несоответствие логических подлежащего и сказуемого грамматическому подлежащему и сказуемому выражается нормальными морфологическими средствами — именно суффиксами. Например, японская фраза: *Отōсан-ва кита* ('Отец пришел') может быть сказана тогда, когда известно, что речь будет идти именно об отце, т.е., в частности, в ответ на вопрос "Что сделал отец?" или "Что с отцом?" и т.п.). В противном же случае — в частности, в ответ на вопрос "Кто пришел?" — будет произнесена уже иная (по морфологическому составу первого слова) фраза *Отōсан-га кита* (= *oto:saŋŋa kita*).

Поэтому японский падеж на *-ва* мы называем падежом логического (психологического) П., — или, точнее, падежом грамматического подлежашего, совпадающего с логическим (психологическим) подлежащим. А японский падеж на *-га* (= *ŋa*, в южнояпонском *-ga*) мы, наоборот, называем падежом логического (resp. психологического) сказуемого, точнее, падежом грамматического подлежащего, выражающего собою логическое (resp. психологическое) сказуемое.

В массе же других языков несоответствие логических подлежащих и сказуемых грамматическим подлежащему и сказуемому находит потенциальное выражение — или в особых интонациях (т.е. во фразовой мелодике), или же в изменении обычного порядка грамматических членов предложения (напр., *Пришел Иванов* вм. *Иванов пришел*, *Летит птица* вм. *Птица летит* и т.д.).

Остается еще напомнить, что логика в составе суждения различает лишь два члена: (логическое) подлежащее и (логическое) сказуемое (второстепенных же членов суждения не существует). Поэтому, говоря об отношениях грамматических подлежащего и сказуемого к логическим, весьма часто приходится

констатировать, что грамматическое подлежащее или сказуемое фактически выражает лишь часть логического сказуемого или подлежащего.

ЛОГИ́ЧЕСКОЕ (= психологи́ческое) СКАЗУ́ЕМОЕ – см. *Логическое (психологическое) подлежащее*.

ЛО́ЖНЫЕ ГОЛОСОВЫ́Е СВЯ́ЗКИ (по-латыни chordae vocales spuriae) – анатомический термин. Так называется – в отличие от участвующих в образовании голосового тона настоящих голосовых связок – до известной степени похожие на них связки (т.е. покрытые кожей мускулы), которые тоже укреплены в гортани, но несколько выше, чем настоящие голосовые связки. Функцией Л.Г.С. является кашель: путем взаимного сближения они образуют щель, через которую выдуваемый воздух выбрасывает (=откашливает) попавшие в гортань крошки пищи и т.п.

В работе произносительного аппарата Л.Г.С. не участвуют (если не считать гипотезы о механизме произношения одного южноафриканского согласного).

МАЮ́СКУЛ/Ы/ (лат. *majusculus* от слова *majus* – средний род сравнительной степени 'более') – название прописных, или больших, букв. См.< *Прописные буквы*>

МЕЖДОМЕ́ТИЕ – термин русской грамматики, служащий наименованием особой части речи и являющийся – подобно большинству традиционных терминов русской грамматической терминологии – буквальным переводом латинского грамматического термина Interjectio: *inter-* соответствует русскому *междо-*, а глагольная основа – *jeo(tio)* – русской глагольной основе *метать*. М. называется класс неизменяемых слов, не означающих понятий, а выражающих чувства говорящего: напр., *ой, ай, увы, ох, эх-ма* (сокращенное из *Эх, мать твою* ...) и т.п., однако в традиционном школьном делении слов по частям речи к М. причисляются также и звукоподражательные слова: напр., *кукареку, ква-ква, мяу-мяу* (или *мяу*), *гав-гав, тик-так*. На самом деле этого рода неизменяемые звукоподражания (формальным признаком которых, по крайней мере, для части из них, служит редупликация, т.е. удвоение основы) составляют особый семантический класс слов, находящих себе гораздо более широко развитую параллель в ономатопоэтических категориях слов в различных восточных языках: начиная с японского и кончая киргизским и чувашским (см. *Ономатопоэтика* и *Звуковые жесты*).

МЕ́РТВЫЕ ЯЗЫКИ́ – в отличие от живых языков М.Я. называются языки (речевые системы), вышедшие из фактического употребления; напр., для современной эпохи мертвыми являются латинский, древнегреческий, а также санскритский, готский и т.п. языки минувших эпох – несмотря на то, что благодаря сохранившимся и дошедшим до нас литературным памятникам на этих языках они являются для нас доступными, т.е. могут служить объектом нашего изучения. Добавим, однако, что по памятникам письменности мы зачастую

не можем непосредственно судить о тех или других моментах в области фонетики этих языков (и только путем специальных изысканий оказывается вероятным дать ответ на возникающие в этой области вопросы), и следовательно, наше ознакомление с мертвым языком — именно в отношении фонетической его системы — не может достигать той полноты, которая достижима при изучении живого языка путем непосредственного наблюдения (в том числе и экспериментирования) над ним.

МИНУ́СКУЛ/Ы/ (лат. *minusculus* от *minus* — средний род сравнительной степени 'менее') — название строчных, или малых, букв. См. статью *Прописные буквы*.

МНОГОКРА́ТНЫЙ ВИД[77] — русский грамматический, а в известной мере также и общеграмматический термин, служащий обозначением одного из четырех видов (см. таблицу видов русского глагола в статью *Вид*) глагола в традиционном изложении русской грамматики (*совершенный, несовершенный, однократный* и *многократный виды*). Я нахожу нужным относить М.В. (как и *однократный вид*) к "второстепенным видам", т.е. к частным случаям (или подкатегориям) внутри одного и другого из "главных" видов: *совершенного*, частным случаем или спецификацией которого служит однократный вид, и *несовершенного*, частным случаем или спецификацией которого является М.В. (напр., *хаживать — хаживал, даривать — даривал* и т.д.). Именно специфическим отличием М.В. (внутри несовершенного вида) служит то, что в качестве лишенного признака законченности (— завершенности) здесь фигурирует не сам единичный акт действия, а совокупность (или ряд) последовательных повторений данного действия. К формальным признакам русского М.В. относятся: 1) наличие суффикса *-ива-*; 2) фактическое отсутствие форм настоящего времени, в силу чего М.В. фигурирует, главным образом, лишь в качестве прошедшего времени (ср. *Он не даривал княгине ни монет, ни жемчугов...*). Русские формы М.В. (употребляемые в общем гораздо реже, чем формы однократного вида — *прыгну[л]* и т.д.), кроме того, часто характеризуются "внутренней флексией" — в виде чередования коренных гласных *о/а*: *хаживал* (*~ хожу ~ ход*), *нашивал* (*~ ношу ~ ноша*), *даривал* (в этой основе [дар-] чередования гласных уже нет).

МОНОСИЛЛАБИ́ЗМ (из греч. μόνος = *mónos* 'один' + συλλαβή = *syllabē* 'слог' + обычный суффикс абстрактных существительных *-изм* ← греч. -ισμος = *-ismos*) — общелингвистический термин, служащий для характеристики морфологического строя определенных языков и обозначающий ту их особенность, что слово, или по крайней мере морфема, в виде общей нормы состоит из одного слога. Признак этот оказывается в определенных смыслах применим к китайскому языку (— древнему и — mutatis mutandis — к современному живому китайскому языку), а также и другим — родственным или близким к нему языкам (— языкам тибето-китай-

ского семейства; а также аннамскому и пр., т.е. так называемым "изолирующим" (см. *Аналитические языки*)*.

Если к древнекитайскому языку (и основанному на нем традиционному письменному китайскому языку) и можно — с известными оговорками — приложить понятие односложности с л о в а, зато к современному живому китайскому языку (— точнее: современным живым китайским языкам)[78] вместо этого термина скорее следовало бы применить обратную характеристику — в виде признака д и с и л л а б и з м а, т.е. двусложности (а не односложности!) с л о в а (согласно типовой и доминирующей норме); моносиллабическим — же современный живой китайский язык может быть назван лишь в смысле принципиальной о д н о с л о ж н о с т и м о р ф е м ы, но не принципиальной односложности слова.

Относительно д в у с л о ж н о й н о р м ы см. в статье *Инкорпорация*. А насчет принципа односложности морфемы см. "Фонологический и морфологический строй дунганского языка" Е.Поливанова, Фрунзе, 1936, гл.II[79].

* Хотя органической связи между принципом о д н о с л о ж н о с т и и аналитическим строем "изолирующих" языков и не имеется.

МОНОТОНИ́Я (от греч. μόνος = *mónos* 'один' и τόνος = *tónos* 'тон') — в своем современном лингвистическом употреблении, в частности у лингвистов — представителей фонологической школы (напр., у Романа Якобсона и др.), термин этот является противоположным термину *Политони́я* (см.). Таким образом, монотоническими языками именуются языки без п о л и т о н и и, — иначе говоря, языки, не использующие мелодических моментов (= высоту голосового тона) в качестве признаков, дифференцирующих с л о в а к а к т а к о в ы е. К монотоническим языкам (т.е. к языкам без музыкального словоударения и музыкального слогоударения) принадлежит большинство языков Европы — в том числе, напр., и русский (а также большинство и из других славянских — за исключением сербо-хорватского), и немецкий (— за исключением некоторых северонемецких говоров, втянутых в орбиту скандинавского политонического влияния), и французский, и итальянский и т.д. и т.д. (о политонических языках Балтийского района — см. в статье *Политони́я*)[80]. Монотоническими оказываются также и языки Ближнего Востока: турецкие, монгольские, персидский (как и другие иранские), арабский и пр. Наоборот, на Дальнем Востоке — в лице китайского, японского (и других "тибето-китайских"), аннамского, малайских и т.д. языков — мы находим явное преобладание п о л и т о н и и над М. (к монотоническим относится здесь лишь меньшинство, напр. в виде т.н. мон-кхмерских языков)[81].

МОНОФТОНГИЗА́ЦИЯ (от греч. μονος = *món-os* 'один' и φθογγή = *phthongē* звук) — так в исторической лингвистике (исторической фонетике) называется стяжение в один гласный звук двух звуков или а) двух слогообразующих гласных (— двух слогов), или же б) обоих элементов диф-

тонга (см. *Дифтонг*). Примеры: а) кирг. *eer* [= e:r] ← **eŋer* (← **eŋer*') "седло'; б) кирг. *dөө* [= dө:] 'исполин' ← **dew* ← перс. *dev* = ديو 'див'; азерб. *өlat* [= ө:lat] ← **εγlat* ← араб. اولاد 'потомство, дети'.

МОРФÉМА — общелингвистический термин, принятый сейчас в международном масштабе благодаря употреблению у лингвистов "фонологической" школы (Поливанов, Карцевский, Р.Якобсон и др.), а первоначально введенный — в числе других "бодуэновских" терминов — покойным русско-польским лингвистом И.А.Бодуэном де Куртенэ (в ряду терминов: *фонема, графема, морфема, синтагма,* а также *кинема, кинакема, акусма*). Термин М. произведен от греч. μορφή = *morphē* 'форма' с греческим же суффиксом -μα = *-ma* (род. падеж -ματ-ος). Означает (у Бодуэна, как и у современной "фонологической" школы, и — теперь — в международном лингвистическом употреблении) единицу-minimum в морфологии, т.е. часть слова, обладающую своим собственным значением (но не делящуюся в свою очередь на части, которые бы тоже обладали своими собственными значениями) и повторяющуюся в других словах с тем же или со сходным значением. Морфема, таким образом, является общим, родовым термином и для корня, и для суффикса, и для префикса, и для частицы и т.д. Напр., русское слово *рука* состоит из двух морфем (*рук + а*); узб. *qol* — из одной морфемы; рус. *ручной* — из трех морфем (*руч + н + ой*; морфема *руч-* чередуется с *рук-* в слове *рук-а*); узб. *atalarga* — из трех (*ɔtə + lər + gə*), *atalarimizniкiga* — из шести (*ɔtə + + lər + imiz + ni + ki + gə*).

МОРФОЛОГИ́ЧЕСКАЯ КЛАССИФИКА́ЦИЯ ЯЗЫКО́В[82] — классификация, основывающаяся на принципиальных особенностях морфологического строя. В отличие от *генеалогической* (см.) М.К.Я. не претендует на значение естественной (т.е. соответствующей действительному историческому процессу образования различных языков) классификации и, таким образом, может объединять в одни и те же группы языки заведомо чуждые друг другу (или заведомо весьма отдаленные один от другого), примером чего может быть, например, объединение новоанглийского и новокитайского языков (— на основании нескольких общих сходств в морфологической структуре обоих этих языков).

М.К.Я. не может считаться в настоящее время окончательно выработанной (хотя работы W.Schmidt'а и американского лингвиста Sapir'а дали весьма много интересного материала по пересмотру традиционной системы М.К.Я.). Во всяком случае, ясно, что традиционное (издавна уже существовавшее) учение о трех или четырех т и п а х (или последовательно переходящих одна в другую с т а д и я х) морфологической структуры (= 1) изолирующий, или "аморфный", тип, 2) агглютинативный тип, 3) флективный тип, и наконец — в качестве придатка 4) полисинтетический тип) оказывается совершенно недостаточным, да и логиче-

ски невыдержанным делением, неспособным охватить все наличное разнообразие языковых морфологических структур. Тем не менее в широком употреблении вплоть до настоящего времени продолжают жить именно данные рубрики (="изолирующие, или аморфные, языки", "агглютинативные языки", "флективные языки" и т.д.), как и, с другой стороны, и элементы еще более общего деления в виде понятий "аналитические" и "синтетические языки"; и в этом, строго говоря, нет[83] еще чего-либо заведомо неверного, поскольку наименования эти будут фигурировать не в качестве исчерпывающего содержания морфологической классификации, а лишь на правах терминов, обобщающих некоторые главнейшие отличия тех языковых систем, которые могут фигурировать в качестве "опорных образцов" для морфологической классификации, т.е. воплощают в себе наиболее разные противоположения типов морфологической структуры; ср., напр., 1) китайский литературный язык (=изолирующий, или аморфный), 2) турецкие или же, напр., тамильский и другие дравидийские языки (=агглютинативные), 3) латинский язык (=флективный). О делении на 1) аналитические и 2) синтетические языки — см. в соответствующих статьях[84].

МОРФОЛО́ГИЯ — 1. Интернациональный общенаучный и философский термин: "учение о формах [чего-либо]".

2. В частности — интернациональный лингвистический термин, означающий часть грамматики, именно учение о значениях слов в связи с их составом из единиц (— элементов, — м о р ф е м), обладающих своим собственным значением и повторяющихся в разных словах (— префикс, корень, суффикс и т.д.). К морфологии относятся, значит, описание склонения, спряжения и подобных словоизменений, а также словообразование.

Разница между морфологией и синтаксисом количественная: единицей-minimum в морфологии является *морфема* (см.), а в синтаксисе — *слово* (=*синтагма*, см.); единицей-maximum в морфологии является слово, а в синтаксисе — фраза (или предложение, или словосочетание). Разница же между морфологией и фонетикой качественная: в фонетике не изучаются значения (комплексов звуков)*, а в морфологии (как и в синтаксисе) изучаются именно значения в связи с формой слов (в синтаксисе — словосочетаний). В современной лингвистике (— соответственно различным видам грамматики вообще) различаются: 1) о п и с а т е л ь н а я м о р ф о л о г и я, 2) и с т о р и ч е с к а я, и в частности с р а в н и т е л ь н а я, м о р ф о л о г и я, кроме того, в качестве одного из разделов общего языкознания может быть выделяема о б щ а я м о р ф о л о г и я. В школьную грамматическую литературу термин М. проникать стал недавно (из научной лингвистики). Раньше (при царизме), М. в школе называли э т и м о л о г и е й (— термин, имеющий совсем другое научное значение — см. *Этимология*).

Термин М. происходит от греческих слов: μορφή = *morphḗ* 'форма' и λόγος = *lóg-os* 'слово' (причем основа *log-*

с суффиксацией *-ia* 'слово', т.е. *-logia* → *-логия* соответствует русскому "-словие", и, следовательно, М. буквально значит "формословие": ср. теология = богословие и т.д.). В арабской грамматической терминологии понятию М. соответствует термин صرف .

* Иначе говоря, фонетика рассматривает звуки и звуковые комплексы независимо от выражаемых ими (в различных словах) значений.

МОРФОНЕ́МА[85] — новый термин, предложенный в 1930 г. на Международной фонологической конференции, как один из элементов фонологической терминологии еще не получил более или менее широкого распространения. Об этом термине см. в "Travaux du Cercle Linguistique de Prague", 1931, № 4 /Réunion phonologique internationale tenue à Prague (18 — 21/XII 1930), — *Henryk Ułaszyn*, Laut, Phonema, Morphonema, с.53 — 61/. Составлен этот термин путем механического соединения терминов *Фонема* и *Морф/ема/*[86]. См. *Морфонология*.

МЯ́ГКИЕ и ТВЕ́РДЫЕ СОГЛА́СНЫЕ[87] — традиционные грамматические (в частности, фонетические) термины русского школьного преподавания, условно употребляемые в значениях: *палатализованные* (напр., *ть, ль, сь, пь, мь, нь, рь*) и *непалатализованные* (— *т, л, с, п, м, н, р* и т.д.).

На ненаучность этих терминов давно уже (и неоднократно) указывал И.А.Бодуэн де Куртенэ — спрашивая, например: "А кто их (— согласные звуки) щупал — твердые они или мягкие?". Однако ввиду громоздкости способных быть им заменой терминов: "палатализованные ~ непалатализованные" или "осреднеязыковленные ~ неосреднеязыковленные" и т.д., на практике зачастую приходится принимать данные традиционные термины (— "мягкие ~ твердые") как термины условные и подчеркивая эту их условность (в частности, например, тем, что термины эти в письме заключаются в кавычки: "мягкие" согласные, "твердые" согласные).

А кроме того (— таков уже диалектический ход развития) — даже в области терминологической практики можно внести частичное ограничение и в тот протест, который (в основном, конечно, справедливо) был высказан И.А.Бодуэном де Куртенэ против данных терминов. Если, действительно, никто и не "щупал на ощупь" согласные звуки, то некоторая мотивированность их употребления все-таки может быть подыскана (это явствует уже из того, что никто не станет употреблять данные термины в обратном значении): акустическая разница между палатализованными и соответствующими им непалатализованными состоит ведь в относительной высоте *характерного тона* (см.) — у палатализованных характерный тон выше, чем у соответствующих непалатализованных; а так как существует определенная психологическая корреляция и определенные ассоциации между акустическими впечатлениями и впечатлениями, относящимися к другим "органам чувств", то можно подыскать и известную психологическую обосно-

ванность параллелизму: мягкое ~ твердое // высокое (по тону) ~ низкое (по тону); а значит, — и известную обоснованность ассоциаций "мягкий ~ высокие по тону звуки *ть, сь, ль, нь, рь* ...", "твердый ~ низкие по тону звуки *т, с, л, н, р* ..."[88].

Однако на практике неудобство терминов "мягкие ~ твердые" не ограничивается вышеоговоренным ненаучным и условным их характером: под влиянием грамматических терминологий других языков — и именно, прежде всего, под влиянием немецкой школьной грамматической терминологии, где термины weich и hart употребляются совсем в ином значении* и именно в значении з в о н к и х и г л у х и х согласных, — в советскую школу (через преподавание немецкого языка) иногда попадает и это второе значение терминов "мягкие ~ твердые", и из его механического сочетания с первым значением этих терминов может возникнуть огромная путаница[89]. Очевидцем подобной путаницы я был, например, в киргизской аудитории Кир. ВПИ в г.Фрунзе: учащиеся смешивали деление киргизских гласных по схеме:

"твердые"	*ƅ*	*u*	*o*	*a*	*q*	*ƣ***
"мягкие"	*i*	*y*	*ө*	*e*	*k*	*g*

с делением:

"твердые (глухие)"	*p*	*t*	*s*	*c*	и т.д.***
"мягкие (звонкие)"	*b*	*d*	*ƶ*	*ç*	

Кроме того, очень часто ощущается вредность смешения понятия "мягких" согласных с "мягкими гласными" (— *я, ю, ё, и*). Эта путаница связана, конечно, и со смешением з в у к о в с б у к в а м и (см. *Буква*).

Добавлю, что в преподавание русского консонантизма надо (кроме понятий непалатализованных ~ палатализованных — хотя бы под условными терминами "твердых" и "мягких") вносить деление на парные и непарные.

РУССКИЕ СОГЛАСНЫЕ ФОНЕМЫ

Парные		Непарные	
"Твердые"	"Мягкие"	"Твердые"	"Мягкие"
п	*пь*	*ш*	*ч*
б	*бь*	*ж*	*й*
ф	*фь*	*ц*	
в	*вь*		
м	*мь*		
т	*ть*		
д	*дь*		
с	*сь*		

Парные

"Твердые"	"Мягкие"
з	*зь*
н	*нь*
р	*рь*
л	*ль*
и т.д.	

См. <*Палатализованные согласные* и *Палатальные согласные*>

* В связи с тем что парных категорий непалатализованных ~ палатализованных в немецком языке не существует (— нет, напр., звуков *ть, сь, нь* и т.д.).

** В школьном преподавании турецких языков противоположение "твердых" ~ "мягких" обычно охватывает и гласные и четыре заднеязычных согласных.

*** В результате этой путанницы одним из учащихся было дано, напр., такое разъяснение: в слове *Samarqand* (из *samar* + перс. كند) конечное *d* стало произноситься как *t* (= *Samarqant*) под влиянием сингармонизма: "Поскольку *a* первого слога (*sa*) было „твердым" (çuoqan или qatqalaŋ) звуком, постольку и конечное „мягкое" (çiŋiş-ke) должно было замениться "твердым" звуком *t*".

МЯГКОНЁБНЫЕ СОГЛА́СНЫЕ — то же, что *Велярные согласные.*

НАЗАЛИЗА́ЦИЯ (по-латыни nasalisātio) — общефонетический (международный, латинского происхождения) термин. Н. называется звукопроизводная работа (артикуляция), обуславливающая протекание выдыхаемого воздуха (всего или только известной части выдыхаемого в данную единицу времени воздуха) через н о с о в у ю п о л о с т ь (носоглотка → хоаны → ноздри). Следовательно, Н. осуществляется путем о п у с к а н и я мягкого неба, т.е. нёбной занавески (velum palati), которая, таким образом, отступает (опускаясь) от задней стенки зева (куда нёбная занавеска была прижата при приподнятом ее положении) и тем самым открывает проход для выдыхаемого из гортани воздуха в носовую полость. Н. имеет место:

1) при *носовых согласных* — в частности, при *m, n, ŋ*; эти согласные именно лишь по моменту Н. (т.е. по опущению нёбной занавески) и отличаются от соответствующих им звонких неносовых, т.е. звуков типа *b, d, g*;

2) при назализованных, или *носовых гласных*, каковы, например, четыре носовых гласных звука французского языка: *[ã]* (пишется *en* или *an*), *[ɛ̃]* (пишется *in*), *[ɔ̃]* (пишется *on*), *[œ̃]* (пишется *un*).

Кроме того, при индивидуальном произносительном дефекте, известном под именем г н у с а в о с т и, Н. (— опущение или по крайней мере неполное поднятие нёбной занавески) обычно сопровождает произношение в с е х вообще звуков речи.

В первой из вышеупомянутых двух категорий *носовых* (сопровождаемых Н.) звуков, именно при носовых смычных

согласных (типов *m*, *n*, *ŋ*), весь выдыхаемый из гортани воздух направляется в носовую полость (по крайней мере вплоть до прекращения взрыва ртовой, т.е. губной, или переднеязычной, или заднеязычной, смычки). А при *носовых*, или назализованных, *гласных* (напр., при французских гласных /ã, ɛ̃, ɔ̃, œ̃/), наоборот, в носовую полость попадает лишь часть выдыхаемого из гортани воздуха, остальная же часть выходит через ртовую полость, подобно тому как сходное же истечение (только бо́льшего, разумеется, количества воздуха) имеет место при соответствующих н е н о с о в ы х гласных (в частности, при /a, ɛ, ɔ, œ/).

НАЗАЛИЗО́ВАННЫЕ ГЛА́СНЫЕ — то же, что *Носовые гласные.*

НАПРЯЖЁННЫЕ ~ НЕНАПРЯЖЁННЫЕ ГЛА́СНЫЕ — одно из противоположений, фигурирующих — наряду с делением гласных 1) по вертикально-языковому укладу, 2) по горизонтально-языковому укладу и 3) по укладу губ в так называемой физиологической классификации гласных, в частности, в классификации Bell'а и Sweet'а, где, однако, терминам "напряженный ~ ненапряженный" соответствуют английские термины narrow ~ wide: букв. "узкий ~ широкий". Обыкновенно под н а п р я ж е н н о с т ь ю языка разумеется более сильное сокращение (напряжение) его мускулов, благодаря которому поверхность языка становится более твердой. Подобно тому как бо́льшая или меньшая твердость материала, из которого сделан духовой инструмент, отражается на качестве звука, так и бо́льшая или меньшая твердость (т.е. напряженность) языка дает отличные оттенки гласных звуков. Так, гласные напряженные отличаются особенно определенным, как бы металлическим тембром. Таковы, между прочим, все гласные во французском языке. Наоборот, в русском тембре гласных отражается дряблость и ненапряженность языка, которая является одним из главных дефектов "русского произношения" (— или по юмористическому наименованию,"нижегородского произношения") для французского языка.

Однако многие фонетики под терминами "напряженные ~ ненапряженные гласные" понимают просто бо́льшую или меньшую выпяченность и выгнутость языка, т.е., иначе говоря, тонкие оттенки того самого, что выражается — в английской классификации — терминами high ~ mid ~ low; и это — упрощенное понимание рассматриваемых нами терминов, конечно, вполне подходит к буквальному значению принятых Bell'ом и Sweet'ом наименований narrow и wide.

Дело, конечно, в том, что напряжение мускулов известной части языка способствует необходимому выпячиванию кверху его поверхности. Потому можно, например, встретить противоположение звуков: французского /ɛ/ английскому /æ/ (— тому гласному, который имеется в слове *man*) по напряженности первого и ненапряженности второго из них; французское /ɛ/ в таком случае называется low-front-unround-narrow (сокращенно — lfun), а английское

[æ] — low-front-unround-wide (сокращенно — lfuw). Но существенное различие между этими гласными состоит, главным образом, в меньшей приподнятости (к нёбу) передней части спинки языка.

Ввиду вышеуказанного наличия двусмысленности в терминах "напряженные ~ ненапряженные" <...>[90].

НАРЕ́ЧИЕ — слово, употребляющееся в лингвистической литературе в двух совершенно различных значениях.

1. В диалектологическом членении языка (как совокупности речевых систем данной национальности) обычно употребляется для обозначения крупнейших диалектологических единиц в этом членении: таким образом, язык делится на н а р е ч и я, наречия на д и а л е к т ы, диалекты на г о в о р ы. Примером может служить деление узбекского языка на три наречия, по традиционной номенклатуре именуемые: 1) чагатайским, или карлукским, 2) кыпчакским, или собственно узбекским и 3) огузским; остановившись, в частности, на последнем из этих наречий (— огузском), мы видим, что оно делится на два главных диалекта: 1) икано-карабулакский, или северноузбекский огузский и 2) южнохорезмский, а каждый из этих двух диалектов делится уже на говоры: напр., внутри южнохорезмского диалекта огузского наречия узбекского языка мы находим хивинский, янги-ургенчский, ханкинский, хазарапский, шаватский, газаватский, янгарыкский и шораханский говоры[91]. Однако у некоторых единичных авторов наречие оказывается, наоборот, единицей низшего порядка по отношению к диалекту.

2. В классификации слов по частям речи, в частности в перечне русских частей речи, термином Н. (представляющим буквальный — поморфемный — перевод латинского грамматического термина adverbium = ad-verb-ium = на-реч-ие) именуются не имеющие своего собственного формоизменения слова, в функциональном отношении играющие обыкновенно роль пояснительных слов к глаголу — в частности, фигурирующие в качестве обстоятельств времени, места, образа действия, причины, цели. При этом в вышеназванную категорию (— часть речи) традиционная русская грамматика включает два принципиально различных в формальном отношении класса слов:

1) Н. в подлинном смысле слова составляющие категорию н е и з м е н я е м ы х слов (хотя в этимологическом, т.е. в историко-лингвистическом отношении они обыкновенно и разъясняются из определенных форм других — изменяемых — частей речи): напр., *вчера* (этимологически родственно с существительным *вечер*), *завтра* (из предлога *за* и существительного *утро*), *накануне* (из предлога *на* и предложного падежа от *канун*, т.е. от существительного, заимствованного из греческого языка, откуда, в свою очередь, происходит и арабское слово قانون 'закон'; таково же было первоначальное значение греческого слова κανών,

которое на славянской почве получило, однако, специфическое значение определенного церковного чтения, совершавшегося за день до того или другого христианского праздника: отсюда "быть на кануне Рождества" означало "быть в церкви перед праздником Рождества" и т.п. — этим объясняется, в конце концов, и современное значение наречия *накануне*), *здесь* (из местоименной основы **СЬ** /ср. *сей, сия, сие*/ + наречного суффикса для наречий места **-ДѢ** + вторичного повтора местоимения **СЬ** ; таким образом, древней формой этого наречия было **СЬ-ДѢ-СЬ**), *где* (из **КЪ-ДѢ**; в виде первого элемента мы опять-таки имеем местоименную основу — именно вопросительное местоимение) и т.п. и т.п.;

2) наречные формы прилагательных — уже не являющиеся, следовательно, неизменяемыми словами, так как они входят в словоизменение, т.е. формообразование прилагательных; о неизменяемости этого рода "Н.", т.е. наречных форм прилагательных, можно говорить только в том смысле, что сама наречная форма прилагательного является е д и н о й, т.е. отсутствует, изменение внутри данных наречных форм как таковых, напр.: *высоко* — наречная форма от прилагательного *высокий* (*~ая, ~ое*), *быстро* — наречная форма от прилагательного *быстрый* (*~ая, ~ое*), *живо* — наречная форма от прилагательного *живой* (*~ая, ~ое*). Кроме того, к Н. в широком смысле слова относятся и т.н. о т г л а г о л ь н ы е н а р е ч и я, т.е. деепричастия (напр., *сидя, сказав, наевшись, напившись* и т.п.), так как по синтаксическим своим функциям, т.е. по своей роли пояснительного слова к глаголам, они оказываются соизмеримыми с вышеназванными наречиями: ср. *Он ехал спокойно* и *Он ехал молча* и т.п.

В турецких языках (в том числе в узбекском), как и во многих других из агглютинативно-суффиксальных языков, особой формально-дифференцированной (от прочих частей речи) категории Н. не существует (хотя существуют деепричастные, т.е. адвербиальные, или — что то же — наречные формы в словоизменении глаголов); в большинстве случаев турецкие, напр. узбекские, слова, именуемые в школьных грамматиках "наречиями" ввиду их словарной эквивалентности русским Н. оказываются просто именами: ср., напр., узб. *kecqurun* (كيچقورون), которое входит в категорию имен, ибо потенциально имеет то же формообразование, что и другие имена: *kecqurunda*, *kecqurunlar*, *kecqurunlarda* и т.д.; отличие от "обыкновенных" имен (вроде *adam*, *kşi*, *bala*, *taş*, *it* и т.д.) в данном случае сводится лишь к относительной статистической редкости (— статистической дефицитности) суффиксальных форм от *kecqurun* — слово это в большинстве случаев употребляется именно в бессуфиксальной форме, что до известной степени и сближает его, как и многие другие, функционально сходные с данным примером, "Н." (узбекского языка) с русской категорией Н.

НАРЕ́ЧНЫЙ — то же, что *Адвербиальный.*

НАРИЦА́ТЕЛЬНЫЕ ИМЕНА́ — традиционный русский грамматический термин. В отличие от собственных имен, Н.И. называются существительные, обозначающие общие понятия данных предметов или лиц и т.д. (напр., *страна, город, река, человек, дерево, береза* и т.д.), тогда как собственными именами являются имена индивидуальных предметов и лиц (напр., *Франция, Москва, Волга, Иванов, Мария* и т.п.). Деление на нарицательные и собственные имена не имеет формальных признаков в самом языке как таковом, т.е. в устной речи, но в русской орфографии (как и в других европейских орфографиях, а равным образом в советских восточных письменностях Н.А.[92]) отличительным признаком собственных имен служит обязательное в них употребление большой (прописной) начальной буквы; напр., *любовь* — нарицательное существительное, *Любовь* (женское имя) — собственное. Следует помнить, что существительные, обозначающие национальную принадлежность (напр., *француз, узбек, немец, англичанин*), являются нарицательными и, следовательно, пишутся с маленькой буквы (— как и образованные от них прилагательные: *французский, узбекский, немецкий* и т.д.), хотя соответствующие названия стран и государств принадлежат, наоборот, к собственным именам и потому пишутся с большой буквы: *Франция, Узбекистан, Германия, Англия* и т.д.

В некоторых, впрочем, языках собственные имена, главным образом имена лиц, имеют свой специфический формальный признак и в устной речи; напр., в японских диалектах для них характерным является начальное тоноповышение (— музыкальное ударение на первом слоге): ср., напр., токиоское произношение женского собственного имени Цветок — *ʳhana* (повышение на *ha*) и нарицательного существительного "цветок" — *haʳna* (повышение на *na*), названия газеты "Рассвет" — *ʳasahi* (повышение на первом слоге *-a*) и нарицательного имени "рассвет" — *aʳsahi* (повышение на слоге *sa*) и т.п. и т.п.

НАРО́ДНАЯ ЭТИМОЛО́ГИЯ — общелингвистический термин, являющийся точным переводом немецкого Volksetymologie (читается [folksetimologī]; *Volks* — род. пад. от *Volk* 'народ' + + *Etymologie* = *этимология* [см.]).

Термин этот обозначает объяснение (этимологию), не соответствующее действительному происхождению слова, но осознаваемое самим данным коллективом, говорящим на данном языке. Иначе говоря, Н.Э. представляет собою не соответствующее действительной (научной) этимологии народное (= коллективное) осмысление состава и происхождения слова. Разумеется, в целом ряде (— в большинстве) случаев народное осознание (осмысление) слова оказывается не противоречащим, а совпадающим с действительной его этимологией, т.е. соответствует фактическому происхождению данного слова: напр., относительно слова *пятидневка* коллективное мышление носителей русского язы-

ка дает себе отчет в том, что слово это сложено из основ *пять* и *день/дн-* (с вспомогательными морфемами, т.е. суффиксами *-и-, -ев-, -к-, -а*), и это народное понимание состава слова действительно соответствует фактическому происхождению слова *пятидневка*. Но такие случаи – случаи правильного коллективного понимания генезиса слов – не принято называть Н.Э.; т.е. термин Н.Э. применяется только к тем народным осмыслениям, которые идут вразрез с действительным генезисом (и значит, с научной этимологией) слова. Это мы имеем, напр., в том массово-распространенном толковании русского слова *медведь*, которое выводит данное слово из сочетания основ (корней) *мед + вед-[ать]//ведь* и которое, таким образом, придает слову *медведь* первичное значение в виде 'ведающий мёд' = = 'знающий мёд' = 'мёдовед' = 'мёдознайка'. Это толкование, т.е. эта Н.Э., оказывается неверным (т.е. не соответствующим действительному первичному значению и генезису слова) потому, что слово *медведь* фактически сложилось не из *мед + вед[ь]*, а из *меде-* (ср. *меде-'ян-ый'*) + *ед-* (*ед-'а', ед-'ят'* и т.д.); см. подлинную этимологию этого слова (взятого в качестве примера) в статье *Этимология*.

Кроме самого акта осознания состава (– осознания, идущего вразрез с его действительным первичным составом), термином Н.Э. (Volksetymologie) принято называть также и те эволюционные изменения (= переделки звукового состава) слов, которые возникают как прямой результат данного, неправильного с историко-лингвистической точки зрения, понимания состава слова, напр., следующие эволюционные (историко-морфологические) процессы, или изменения:

1. (Первый пример). В диалектической русской речи (в частности, в устах великоросса из б.Полтавской губернии, находившегося под значительным влиянием окружающего его родную деревню украинского языка) выражение литературного русского языка *на факте докажу* было преобразовано в *на хватке докажу*. Здесь этимологически неясное (чуждое) данному языковому мышлению слово *факт* было заменено понятным словом *хватка* (= *хват-к-а* от *хват-ать*), чему способствовало, конечно, то фонетическое обстоятельство, что в украинской речи непривычный для нее звук *ф* обычно заменяется через *хв* : таким образом, *на факте докажу* фонетически изменяется в *на хвакте докажу*; а затем – благодаря морфологическому изменению, и именно действию Н.Э. как таковой, т.е. благодаря ассоциации с хорошо известной основой *хват-'ать'* и производным от нее существительным *хватка* (= *хва́т-к-а* ~ *хват-'ать'*) – непонятное слово **хвакт-е* было превращено в этимологически осмысленное *хватк-е*: *на хватке докажу*. В звуковом отношении для этого сдвига достаточно было простой перестановки смежных согласных: *кт* → *тк* (т.е. **хвакте* → *хватке*).

2. (Второй пример). Этимологически неясное (– неразложимое на значащие элементы) для русского языкового мышления, заимствованное слово *револьвер* осмысляется

благодаря искусственному превращению в *ребродер* (= *ребр-одер*). Правда, в этом последнем примере (*револьвер* →*ребродер*) процесс словоизменения отличается от примера 1-го (*на факте* →*на хватке*) наличием сознательного волевого фактора в трансформации слова. Тем не менее и такие процессы (— такие переделки, или искусственные трансформации слов) тоже причисляются к явлениям Н.Э. (Volksetymologie), поскольку целевым их заданием является создание понятного морфологического состава слова (—делимости слова на значащие элементы), иначе говоря — о с м ы с л е н и е слова. Множество примеров подобных фактов Н.Э. мы находим в рассказе Лескова "Стальная блоха"; можно сказать, что "формальной темой" этого произведения служит именно языковый прием: игра народными этимологиями[99].

НЕНАПРЯЖЁННЫЕ ГЛА́СНЫЕ — см. *Напряженные ~ ненапряженные гласные.*

НЕОДУШЕВЛЁННЫЕ ИМЕНА́ — точнее, имена неодушевленных предметов (а также опредмеченных идей качеств и действий) — все имена существительные, за исключением названий людей, животных и мифических существ, каковые составляют, наоборот, категорию *одушевленных имен*, точнее, имен одушевленных предметов. Например, существительные *камень, дом, река, труд, белизна, ходьба, воля* и т.п. принадлежат к категории н е о д у ш е в л е н н ы х, а *человек, Иван, козел, лошадь, ангел, кентавр, циклоп, бог* — к категории о д у ш е в л е н н ы х имен. В русском языке категории эти имеют грамматическую значимость, т.е. обладают определенным формальным признаком, состоящим в том, что винительный падеж мн. числа, а также винительный падеж ед. числа — в том случае, если данное существительное принадлежит к мужскому склонению — в одушевленных именах совпадает с формой родительного, а в Н.И. с формой именительного падежа; напр., *корова* — вин. пад. мн.ч. *коров*, но *книга* — вин. пад. мн.ч. *книги; осел, ангел* — вин. пад. *осла, ангела, ослов, ангелов;* но *стол, камень* — вин. пад. *стол, камень, столы, камни.* Это различение (присущее русскому языку), однако, отсутствует в большинстве прочих языков.

НЕОПРЕДЕЛЁННОЕ НАКЛОНЕ́НИЕ (по старой традиционной русской грамматической терминологии), или н е о п р е д е л е н н а я ф о р м а г л а г о л а (у новейших теоретиков русской грамматики и в новейших школьных учебниках), или и н ф и н и т и в (по-латыни — [Modus] infinītivus букв. 'неопределенное [наклонение]') — термины, обозначающие наиболее абстрактную, в отношении морфологического своего значения, форму глагола, которая не выражает отношения говорящего к проявлению действия (ассоциируемого с данной глагольной основой) и потому не имеет ни признака времени, ни признака лица (по крайней мере в русском, латинском и т.п. языках*), этим самым принципиально противополагаясь прочим "наклонениям": изъявительному, сослагательному, повелительному. Примеры: *дать* (Н.И. глагола несовершенного вида), *читать, трудиться* и т.д.

Русское Н.Н. в морфологическом отношении принципиально отличается от существительных — и м е н д е й с т в и я (Nomina actionis) вроде *давание, чтение, бегание, купание*, а также *бег, слежка, давка* и т.п. — тем, что не имеет характера существительного, а является глагольной формой как таковой (а не отглагольным существительным)**. Иначе обстоит дело в турецких языках, где переводные эквиваленты русского инфинитива — или в виде узбекских *almaq, qalmaq* и т.д., или в виде (менее близких к русскому инфинитиву) киргизских форм *aluu, qaluu* и т.п. являются именно отглагольными именами (= именами действия), что доказывается их способностью склоняться и принимать лично-притяжательные суффиксы (т.е. получать и признаки лица) наравне с обыкновенными существительными.

* В отличие от соответствующих (по значению) форм турецких языков; см. ниже.

** Однако в этимологическом, т.е. историко-морфологическом, отношении русские инфинитивы — *дать, нести, печь* (из *пек-ть) и т.п. восходят именно к определенным падежам отглагольного имени действия (Nomen actionis) со словообразовательным суффиксом в виде и.-е. **ti-/-tei*: формы на *-ти* возводятся к дательному падежу от этого Nomen actionis (ср. узб. *almaqqa, barmaqqa* и т.п.), а форма на *-ть* — к его винительному падежу.

NOMEN AGENTIS — термин международной (общелингвистической) и латинской грамматической терминологии: и м я д е й с т в у ю щ е г о л и ц а (напр., *податель, сказитель* и т.п.). В арабской грамматической терминологии إِسْمُ الفَاعِل - N.A. всегда образуется от глагольной основы (глагольного корня), но в некоторых языках оно при этом непосредственно входит в систему глагольного словоизменения (= глагольного формообразования), как, например, в турецких языках (ср. кирг. *qoluucu* от глагола *qol-*, *beryycy* от глагола *ber-* и т.д.); в других же языках оно составляет уже самостоятельное словообразование (а не формообразование) — каковы, например, русские N.A. *податель, следователь* и т.п. Значение N.A., естественно, приближается к значению *причастий* (см.).

НОМИНАТИ́В (лат. Nominativus → нем. Nominativ, франц. Nominatif) — латинский и интернациональный грамматический (морфологический) термин. Полностью взятый латинский термин — Casus Nominativus — в буквальном (точнейшем) русском переводе означает: падеж именительный (*casus* 'падеж', а *nominativus* 'прилагательное' от *nomen* 'имя', т.е. 'именительный'). В арабской грамматической терминологии этому названию падежа соответствует термин رفع (رَفْعٌ). В системах склонения — как латинского, так и русского и других языков, — Н., т.е. именительный падеж, занимает (по праву принадлежащее ему) первое место, т.е. является п е р в ы м п а д е ж о м. Это — первый падеж — потому, что 1) он имеет номинативную (= н а з ы-

вательную) функцию: когда мы называем предмет (напр., отыскивая в словаре, называем искомое нами имя какого-либо предмета или лица), мы пользуемся именно этим падежом; 2) потому, что падеж этот имеет главнейшую из специфически именных функций — функцию подлежащего (т.е. того слова, с которого начинается простейшее двухчленное предложение типа *Птица летит*). Это и ставит его на первом плане в системе склонения (даже в таких — типично синтетических — языках, как латинский, где этот падеж формально не отличается от всех других отсутствием суффикса, т.е. имеет суффикс: ср. латинские именительные падежи *rē-s*, *terr-a*, *asin-us*, *stirp-s*, *dŏmu-s* и т.д.). Но нужно заметить, что целый ряд языков (даже синтетических, как, напр., русский) стремится — в истории своей — сделать этот примитивный и главный по смысловым функциям падеж примитивным и в формальном отношении, т.е. бессуффиксальным падежом: ср. русские именительные падежи *стол*, *раб*, *сын* и т.д. (раньше же это было не так, т.е. именительный падеж ед. числа обладал своим падежным суффиксом, как и прочие падежи: ср., напр., ц.-слав. и др.-рус. РАБ-Ъ, где -Ъ, произносившееся как современное казакское *ы* = ɜ́, было суффиксом им.пад. муж. рода). Поскольку же эта -Ъ (как и -Ь, напр., в ц.-слав. и др.-рус. КОН-Ь, где -Ь тоже было суффиксом им. пад. муж.р. данного склонения) превращалось в нуль звука, постольку суффиксальный именительный падеж превращался в бессуфиксальный (но, разумеется, лишь в определенных склонениях: *раб*, *сын*, *конь*; ср., наоборот, им. пад. *жена*, *село* и т.п.). Следовательно, в истории русского языка тоже сказалась общая тенденция формально упростить этот падеж до тождества с основой слова. В суффиксально-агглютинативных языках, напр. в турецких, это формальное противоположение 1-го, т.е. бессуфиксального, падежа всем прочим (= суффиксальным) падежам носит уже строго принципиальный характер. Таким образом, между структурой парадигмы склонения в типично синтетическом языке, каков, например, латинский, и, с другой стороны, структурой склонения в агглютинативных языках турецкого типа создается различие, которое мы можем графически иллюстрировать в виде сопоставления следующих двух схем:

1) схема латинского склонения

asin	*us*
asin	*i*
asin	*ō*
asin	*um*
asin	*ō*
asin	*i*
asin	*ōrum*
asin	*is*
asin	*ōs*
asin	*īs*

2) схема турецкого*, японского и т.п. склонения:

bɔlæ	
bɔlæ	*ni*
bɔlæ	*gæ*
bɔlæ	*dæ*
bɔlæ	*dæn*
и т.д.	

hana	
hana	*ŋa*
hana	*wa*
hana	*no*
hana	*ni*
и т.д.	

То есть в схеме латинского (синтетического) склонения первый — именительный падеж в морфологически-количественном отношении соизмерим с прочими падежами, а в схеме японского или турецкого (аналитического) склонения первый — бессуфиксальный — падеж принципиально противополагается остальным — суффиксальным — падежам (см. *Аналитические языки* и *Синтетические языки*). Но надо помнить, что функциональная (семантическая, т.е. смысловая) нагрузка турецкого (в частности, узбекского) 1-го — бессуфиксального — падежа (обычно именуемого именительным) гораздо шире, чем совокупность значений русского или латинского и т.п. и м е н и т е л ь н о г о ~ Nominativī. Именно, кроме общих с русским именительным функций: 1) номинативной в узком смысле — назывательной функции (напр., в словарях), 2) функции подлежащего, 3) функции вокативной, или звательной, 4) функции именного сказуемого (напр., узб. разг.: *əhmət səgirt*** 'Ахмед — ученик' узбекский бессуфиксальный ("именительный") падеж имеет еще: 5) атрибутивную функцию (напр., *jaqac ajaq**** 'деревянная нога', *Junus qizi* 'Юнусова дочка'), 6) аккузативную (*caj jcmaq[=* cɔj icmɔq*]* 'чай пить'), 7) редкую локативную (*maktab oqujman[=* məktəp oqijmən*]* 'учусь в школе', *bazar baraman***** 'иду на базар'), 8) адвербиальную (*bu jil...* 'в этом году', *kəoqurun* 'вечером') и некоторые другие мелкие функции, напр. композициональную (*ɔtə-* в *ɔtə-ɔnə* и т.п.). Что же касается первого — бессуффиксального — падежа японского склонения (которое нами и привлекается сюда именно затем, чтобы показать, насколько бессуффиксальный падеж может отличаться от турецкого бессуффиксального в функциональном, т.е. смысловом, отношении), то он оказывается весьма редко употребительным падежом, фигурируя во фразе главным образом в атрибутивной функции (напр., 朝 *asa* 'утром...'), а кроме того, употребляясь при изолированном названии слов (в словарях и т.п.); что же касается выражения подлежащего, то эта функция распределяется между двумя другими — суффиксальными — падежами (на *-ŋa* и на *-wa*); равным образом и функция именного сказуемого обслуживается особыми суффиксами, и только диалектически (в нагасакском, напр., диалекте) выполняется бессуффиксальным падежом (*or'a: kar'u:ro* 'я — охотник').

* В качестве примера взята парадигма узбекского-ташкентского склонения. Поэтому падеж на *-ni* должен рассматриваться как функционально сложный р о д и т е л ь н ы й-в и н и т е л ь н ы й падеж. Знак æ (из МФА) соответствует знаку *ə* в нашей упрощенной транскрипции <...> [94].

** Вместо прежнего письменно-узбекского — احمد شاكردر 'Ахмед есть <در> ученик'.

*** В ташкентском — *jɔɣɔc ɔjɔq*, в самаркандском — *jæɣɔc æjɔq*.

**** В ташкентском и других несингармонистических говорах — *bɔzɔr bɔrəmən* (в самаркандском типе *ə→æ*, т.е. *bɔzɔr bɔræmæn*).

НОСОВЫ́Е, или НАЗАЛИЗО́ВАННЫЕ, ГЛА́СНЫЕ — гласные звуки, сопровождаемые *назализацией* (см.), т.е. частичным выходом вытекающего из гортани воздуха через носовую полость.

В качестве особой категории фонем Н. (= назализованные) Г. фигурируют лишь в сравнительно немногих языках: например — французском, португальском, польском, в известных диалектах танутувинского языка[95] (из турецкого языкового семейства), в чеченском, в единичных китайских диалектах и т.д.

Они имелись также в древнем церковнославянском языке (X и XI вв.) и вообще на заре самостоятельной эволюции каждого из славянских языков (но впоследствии исчезли — в большинстве славянских языков, в том числе и русском; зато уцелели, как уже было сказано — в польском). В древнем церковнославянском письме Н. (= назализованные) Г. фонемы обозначались особыми буквами — "юсами", — главным образом "большим юсом" Ѫ (читавшимся как [ɔ̃]), и "малым юсом" Ѧ (читавшимся как [ɛ̃]).

В русском языке древний носовой гласный [ɔ̃] изменился в *у* [= u], а древний носовой гласный [ɛ̃] изменился в *я* [= 'a], т.е. в звук *а* с мягкостью предшествующего ему согласного; примеры: 1) ДѪБЪ [dɔ̃b-ъ] → рус. *дуб* [= dup]; 2) ПѦТЬ [pɛ̃tь] → рус. *пять* [= p'at'].

В виде общей нормы характерный тон назализованного гласного оказывается более низким, чем у соответствующего неназализованного.

НОСОВЫ́Е СОГЛА́СНЫЕ — согласные звуки, произносимые с *назализацией* (во всех своих периодах — в течение всей артикуляции данного согласного). Нормальными фонетическими типами Н.С. являются лишь с м ы ч н ы е носовые, т.е. звуки типов *m* (носовой губной смычный), *n* (носовой переднеязычный смычный), *ŋ* (носовой заднеязычный смычный), а также, разумеется, и модификации этих типов (напр., рус. [m'] = *мь* рус. [n'] = *нь* и т.п.). Теоретически возможные типы носовых н е с м ы ч н ы х согласных на практике в конкретных языках оказываются почти вовсе не представленными: трудность осуществления подобных звуков (напр., [r̃], [z̃] и т.п.) уже a priori явствует из того обстоятельства, что при назализации вытекающего через рот воздуха оказывается недостаточно для ртового трения, т.е. для образования характеризующих проточные согласные ртовых шумов.

В виде нормы Н.С. оказываются з в о н к и м и, так как они почти не слышны без участия голосового тона (т.е. при г л у х о с т и). Но в исключительных случаях, например при особых комбинаторных (позиционных) условиях, встречаются и г л у х и е (оглушенные) варианты Н.С.: напр., в русском языке глухое [m̥] в родительном множественном *драхм* [= draxm̥] от слова *дра́хма*, в диалектическом узбекском и таджикском *fahm* [= fəhm̥, fæhm̥] и т.п.

НОЭТИ́ЧЕСКИЕ ЯЗЫКИ́[96] — от библейского имени Ной (араб. نوح , евр. <...> — по Н.Я.Марру (в теории родства южнокавказских с семитическими — 1908 г.) совокупность языков: 1) семитских (по имени Сим — см. *Семитские языки*), 2) хамитских (вымершие египетский и коптский, берберские и кушитские в современной Африке по имени Хам) и 3) яфетических (по имени Яфет), под каковым термином в данное сближение (в эту именно стадию яфетидологических штудий) входили южнокавказские: грузинский, мегрельский, чанский, или лазский, и сванский. В своей работе (первоначально предпосланной "Таблицам по грамматике древнегрузинского языка", а потом переизданной в сб-ке "По этапам развития яфетической теории"[97]) Н.Я.Марр назвал известное количество общих сходств и отдельных словарных сближений между этими южнокавказскими (древнегрузинским в частности) и семитическими (см.) языками; а основываясь, с другой стороны, на общепринятой гипотезе родства семитских с хамитскими, он включил все три эти группы в некое генетическое единство под термином "ноэтические языки". Термин "ноэтический", образованный от имени патриарха Ноя (// نوح по-арабски), отца Сима, Хама и Яфета, является естественным (именно для данного — собирательного — своего значения) дополнением к условным терминам, произведенным от имен сыновей Ноя, а именно к терминам: 1) семитские языки — термин, давно уже существовавший и именно обозначавший совокупность арабского, древнееврейского, арамейского, ассиро-вавилонского и абиссинского[98] языков с данным значением; 2) хамитские языки — термин, созданный в Западной Европе в дополнение и по аналогии к термину семитские языки именно для обозначения определенной группы языков в Северной Африке, обнаруживающих отдаленное родство с семитскими; 3) яфетические — именно в применении к кавказским, и в частности именно к южнокавказским языкам. В этом именно значении термин этот и употреблялся первоначально Н.Я.Марром (например, в вышеупомянутой работе о родстве семитских и яфетических языков). До него термин *яфетические языки*, если иногда и употреблялся (в Западной Европе, например), то совсем с другими значениями: так, например, яфетическими назывались иногда (у некоторых старых авторов) индоевропейские языки — в противоположность семитским и хамитским, но не в компаративном аспекте, т.е. без презумпции каких-либо определенных родственных соотношений между этими тремя семействами (= семитским, хамитским и индоевропейским).

ОБЪЕ́КТ (из лат. objectum — как и субъект из лат. subjectum) — логические и грамматические термины международного значения. О. (или о б ъ е к т о м д е й с т в и я) называется тот предмет (или лицо), <на> который <направлено> данное действие[99]. Таким образом, в грамматике (в синтаксисе) О. соответствует д о п о л н е н и ю, а субъ-

ект — подлежащему. (См. также *Переходные ~ непереходные глаголы*).

ОДНОКРАТНЫЙ ВИД[100] — русский грамматический, а в известной мере также и общеграмматический термин, служащий для обозначения одного из (двух) второстепенных видов, или видовых подкатегорий, русского глагола — *многократный вид* (см.) и О.В. Если многократный вид входит на правах частного случая, или спецификации, в категорию несовершенного вида (— одного из двух "главных" видов русского глагола), то О.В. является частным случаем или спецификацией другого главного вида — совершенного (см. в статье *Вид,* а также в главе о виде глаголов в <моей> "Русской грамматике в сопоставлении с узбекским языком". Ташк., 1934). Формальной характеристикой глагольно-видовой формы или конструкции со значением однократного (один только раз имевшего или предстоящего в будущем) действия служит суффикс *-ну-/-н-*: напр., *пригнуть* (*пригнул — пригну*), *плюнуть* (*плюнул — плюну*), *дернуть* (*дернул — дерну*) и т.п. Разумеется, к О.В. применим и тот общий для совершенного вида в целом признак, который состоит в отсутствии настоящего времени и сложного будущего времени от данных глаголов; поэтому, напр., формы *дерну, дернешь, дернет* и т.д. имеют значение будущего, а не настоящего, а сложные — т.е. из двух слов составленные — формы будущего, вроде *буду дернуть* и т.д., оказываются вовсе недопустимыми.

{В узбекском языке наиболее приближается к понятию (и значению) О.В. конструкция типа *bir urdi* и т.п. (—произносится обычно с ударением на *bir* '1' и с безударной формой глагола) — букв.: 'раз ударил', 'раз дал' и т.п.}

ОДУШЕВЛЁННЫЕ ИМЕНА́ — см. *Неодушевленные имена.*

"ОКОЛОБЫВА́ТЕЛЬНЫЙ" (падеж) — то же, что *Adessivus.*

ОКСИТО́Н(а)[101] (греч. ὀξυτονα = *oxytona*) — греческий грамматический, в частности акцентологический, термин (букв. 'остротонные', или 'легкотонные [слова]'), служивший для обозначения слов, имевших ударение (в древнегреческом, конечно, музыкальное ударение) на последнем слоге и на последней море этого последнего слога, если он являлся долгим.

Прочие слова, слова с неконечным ударением — назывались βαρυτονα = *barytona,* т.е. букв. 'тяжелотонные [слова]'[102].

{В своих акцентологических изысканиях в области японских диалектов Е.Поливанов применял термины "окситонные" и "баритонные слова" (λογος ὀξυτονον и λογος βαρυτονον) к аналогичным различиям японских акцентуационных типов слов (напр., в нагасакском говоре все формы от слова *hana* 'цветок' являются окситонными, т.е. имеют повышение на последней море: *hana*, *hanaha* и т.д., а все формы от слова *hana* 'нос' оказываются, наоборот, ба-

ритонными, т.е. характеризуются понижением голосового тона к концу слова: *hapa*, *hanapo* и т.д.)}.

ОКСИТО́ННОЕ СЛО́ВО — то же, что *Окситон(а)*.

ОМО́НИМЫ — то же, что *Гомонимы*.

ОПРЕДЕЛЕ́НИЕ (или а т р и б у́ т — от лат. attribūtum <'присовокупленное'>) — синтаксический термин для пояснительных слов к существительному. Следовательно, в русском языке О. чаще всего выражается или 1) прилагательным (resp. причастием, т.е. отглагольным прилагательным) — в том же падеже, роде и числе, что и определяемое им существительное, или 2) родительным падежом существительного, а также 3) прилагательнообразным, или "атрибутивным", местоимением, которое тоже — как и прилагательные — согласуется с определяемым по падежу, роду и числу; примеры: 1) *Хорошая погода держалась до конца осени, Вычищенные сапоги блестели как зеркало*; 2) *Лошадь охотника бродила по полю, Ножка стола сломалась* и 3) *Этот дом выстроен в 1799 году* и проч. Однако некоторые из теоретиков русской грамматики (в XX в.), смешивая синтаксический критерий с морфологическим, исключают из понятия О. случай, когда поясняющее слово выражено родительным падежом существительного (*дом сестры, ножки стола* и т.д.), а также те более редкие случаи, когда в роли данного пояснительного слова (— к существительному) фигурируют другие косвенные падежи с предлогами или без них, resp. родительный с предлогом (напр., *шуба на меху, часы из золота* и т.п.) и таким образом считают определением лишь такие слова, в которых осуществляется момент согласования (по падежу, роду, числу) с определяемым: следовательно, слово *Юнуса* в сочетании *дочь Юнуса*, с этой точки зрения, не считается О., но *Юнусова* в словосочетании *Юнусова дочь*, наоборот, причисляется, на основании вышеотмеченного формального признака, к О.

ОРУ́ДНЫЙ (п а д ё ж) — то же, что *Творительный падеж*.

ОСНОВНОЙ ТОН г л а с н о г о никоим образом не следует смешивать с характерным его тоном (см. *Характерный тон*): под О.Т. понимается голосовой тон, имеющий место при данном произнесении гласного; этот голосовой тон, разумеется, отнюдь не является постоянным для каждого гласного звука (напр., для [а], [е] и т.д.). Иначе говоря, любой гласный может быть произнесен с любым основным тоном (из числа доступных диапазону данного голоса), и таким образом О.Т. отнюдь не входит в постоянную характеристику гласной фонемы.

"ОСРЕДНЕЯЗЫКО́ВЛЕННЫЕ" СОГЛА́СНЫЕ — то же, что *Палатализованные согласные*.

ОТКРЫ́ТЫЙ СЛОГ и **ЗАКРЫ́ТЫЙ СЛОГ** — условные фонетические (и исто́рико-фонетические) термины, имеющие в виду общие типы слогового состава.

О.С. называется слог, заканчивающийся гласным элементом; напр.: *та* [= ta], *пра* [= pra], *ста* [= sta], *стра* [= stra] (а также, напр., и киргизский слог *too* [= to:] и следующие, напр., японские слоги*: *to:*, *taį*, *toų*, *toN* = *toŋ-~tom-~ton-~toɲ-*).

З. С., наоборот, называется слог, заканчивающийся согласным элементом (— одним или несколькими согласными); напр., *так* [tak], *тарк* [tark], *таск* [task], *краск* [krask], *кфстреч* [kfstr'eč] (— напр., первый слог в слове *к встречному*), *искр* [iskr] и т.д.

Принадлежность слога к той или другой из данных двух категорий (т.е. "открытость" или, наоборот, "закрытость" слога), оказывается, как показывают конкретные факты многих исторических фонетик, может иметь громадное историческое (— историко-фонетическое) значение для судьбы (— эволюции) гласных, а также и согласных звуков данного слога. Значимость этого фактора (— "открытости" и "закрытости" слогов) легко проследить, напр., на исторической фонетике французского языка. Из фактов фонетической эволюции у з б е к с к и х говоров можно, равным образом, указать на значимость "открытости ~ закрытости слогов" для отражения **a* в иранизованных (несингармонистических) узбекских говорах; ср., напр.: **bala*** → ташк. *bɔlə* // самарк. *bɔ̦lə̦* [= bɑlɑ], но **jamaq* → ташк. *jɔmɔq* // самарк. *jə̦mɔq* [= jamɔq] и т.д., т.е., если выразить эту дифференциацию формулой***: **CaCa* → → ташк. Cɔ̦Cə̦ // самарк. Ca̦Cə̦ [= CɑCɑ], но **CaCaC* → CɔCɔC // самарк. Cə̦CəC [= CɑCɔC].

* Японский язык вообще принципиально чуждается представления закрытых слогов; нижеследующие примеры (*to:*, *taį*, *toų*, *toN*), приведены для иллюстрации того, как разнообразен (в зависимости от языка) может быть физический состав "гласного" элемента.

** То обстоятельство, что в общетурецкой форме данного слова **ba:la* (ср. туркменские и икано-карабулакские узбекские формы *ba:la*; хотя в ю.-хорезмском *bala*) первый слог имел долгий гласный, — в данном случае не имеет значения: нивелировка бывших долгих ~ кратких имела место до начала процессов, специфических для иранизованных говоров.

*** Где C — символ согласного (вообще).

ПАДЕ́Ж[103] — и школьно-грамматический, и научный общелингвистический (морфологический صرفی) термин, являющийся буквальным переводом латинского грамматического термина Casus (— от лат. глагола *cado ~ cecidi ~ casurus ~ cădere* 'падать'; параллельно этому образован и русский термин П. — от русского глагола *пада́ть*). В современной узбекской грамматической терминологии ему соответствует (в качестве общего названия всех падежей) термин *keliṣik* или *keliṣlik*. В арабской грамматической терминологии общего термина со значением "падеж" (~ лат. Casus) нет, — есть только названия отдельных арабских падежей: رفع = رَفْعٌ (= именительный ~ лат. Nominativus),

نصب = نَصْبٌ (= винительный ~ лат. Accusativus), جرٌّ = جَرّةٌ или خفض = خَفْضٌ (= родительный~лат. Genitivus). Нужно сказать, что сам латинский термин Casus приобрел (если не считать русского и некоторых других языков) международное значение в школьной (и научной лингвистической) терминологии языков Европы: напр., англ. the cases 'падежи' (мн.ч.), франц. cas 'падеж', нем. Casus(как в латинском) ⟨→ совр. Kasus⟩ — точно так же как и названия отдельных падежей: Nominativus, Genitivus, Dativus, Accusativus и т.д.; в русской же грамматической терминологии они опять-таки, — как и само слово П., — буквально переведены с латинского: именительный, родительный, дательный, винительный. Добавим, что если бы мы захотели по тому же переводному принципу интернационализировать узбекскую грамматическую терминологию, то должны были бы для понятия Casus ~ П. взять эквивалент в виде слова tuşum, которое, однако, в фактически существующей узбекской терминологии, служит названием только одного (т.е. частного случая) падежа.

{П. называются формы именного словоизменения (=склонения имен), обозначающие логическую позицию данного имени во фразе, т.е. по отношению к прочим членам предложения. Более узкие определения оказываются, с общелингвистической точки зрения, недостаточными, так как не охватывают всего разнообразия падежных значений в различных конкретных языках (а число форм, подходящих под категорию П., диктуется, конечно, не нашими априорными соображениями о том, каковы должны быть падежи, что является и что не является падежом, и т.д., а реальным составом парадигмы склонения в каждом данном языке). Поэтому я считаю возможным не приводить здесь (данного рода — слишком узких) определений, например, гласящих, что "падеж означает отношение данного имени к субъекту" (или же "к субъекту и предикату") и т.п.

Равным образом считаю совершенно излишним новшество, состоящее в том, что родительный падеж исключается из числа П. и объявляется формой принципиально иного смыслового содержания (несмотря на то что это новшество, по-видимому, базируется на одной мысли покойного А.А.Шахматова, — который в отличие от наших современных "лингвистов" умел думать, а не только переписывать чужие мысли).}

[Итак], П. означает единицу (т.е. форму с определенным комплексом функций — значений) в составе парадигмы склонения, т.е. одно из того ряда формообразований, которые составляют (во всех языках, где только есть "имена" и "склонение") специфическое словоизменение имен (прежде всего, конечно, имен существительных), и именно ⟨они⟩ обозначают логическое соотношение данного имени с другими частями данного предложения. Таким образом, П. указывают:

1) на то, с каким именно словом (с какой именно частью предложения и частью речи — из других находящихся в данном предложении) данное имя (в частности, имя существительное) находится в смысловой логической связи, т.е. к какому именно слову данное имя (~ существительное) относится: напр., употребление винительного падежа (*жену, корову, сестру*) указывает на то, что это имя (~ существительное) относится к глаголу, напр., *видел жену, зарезал корову, позвал сестру,* а употребление родительного падежа, наоборот, указывает на то, что данное имя (~ существительное) относится к другому имени: *брат жени, хвост корови, книга сестри*;

2) на характер логической связи между данными словами (напр., употребление винительного падежа указывает на то, что по поводу данного именно предмета и идет речь и о нем будет кое-что высказано в виде сказуемого: *жена ушла, сестра больна*).

К П. причисляют и бессуффиксальную форму (— поскольку данный язык ее имеет [см. *Синтетические языки*]) , видя в ней исходную форму склонения — так называемый "1-й, или бессуффиксальный падеж": напр., узб. *bala* [= ташк. bɔlə // самарк. bala], *adam* [= ɔdəm // ɔdam], *qizil*, *tort* '4', *bu* 'этот, это, он', *biz* 'мы' и т.п. (см. *Имя*). По функциям этот (бессуффиксальный) падеж турецких языков часто называют "именительным", что верно только отчасти: функции его г о р а з д о ш и р е, чем функции именительного в латинском, греческом, русском и т.п. языках (см. *Номинатив*). Заметить нужно, впрочем, что в некоторых (из числа аналитических языков) языках —напр., в японском — бессуфиксальный падеж не выражает подлежащего (для этого служат два других — суффиксальных — падежа: падеж логического подлежащего на *-wa* [は] и падеж грамматического подлежащего, играющего роль логического сказуемого или части логического сказуемого, на *-ŋa* [が] или *-ga* — в зависимости от диалекта), а главная, или специфическая, его функция во фразе —адвербиальная: напр., *asa kuru* 'утром придет'. В японском бессуффиксальный падеж сравнительно р е д о к, а в турецких языках (в связи с вышеупомянутым обилием функций) — это, наоборот, гипертрофически ч а с т ы й падеж, употребляющийся чаще всех суффиксальных падежей, вместе взятых.

{В русском языке можно насчитать ш е с т ь основных падежей — как в единственном, так и во множественном числе, а именно: 1) именительный, 2) родительный, 3) дательный, 4) винительный, 5) творительный, 6) предложный, — а кроме этого еще т р и дефицитных падежа, образуемых лишь от определенных имен существительных, и притом из числа принадлежащих к одному только склонению — к склонению существительных мужского рода (с нулем суффикса в именительном падеже единственного числа); эти дефицитные падежи суть следующие: 7) местный = Locativus (на -у́ ударение: *в углу́, на льду́, в саду́, в чаю́* и т.д., 8) Partitivus*, или падеж определенного, неоп-

ределенного и нулевого количества (на *-у*, которое в большинстве случаев является неударенным: *фунт сахару, стакан чаю* и т.д., но иногда, в зависимости от основы, может быть и под ударением: *два фунта песку́*); 9) исходный (что является не совсем точным наименованием) на *-у* безударное, причем ударение приходится на предлоге: *и́з лесу* (*Я и́з лесу вышел...*).

В узбеском литературном языке можно насчитать один (рассмотренный выше) безсуффиксальный ("неоформленный", или — условно — "именительный": *adam, kişi, bala, qizil, adamlar, tort, beş, man, biz, qapqura* и т.д.) и семь суффиксальных падежей: 1) родительный — на *-niŋ*, 2) дательный-направительный — на *-ga* (*-ga/-ğa*), 3) винительный — на *-ni*, 4) местный — на *-da*, 5) исходный (или точнее исходный-сравнительный) на *-dan*, 6) творительный, или творительный-сопроводительный — с (пишущимся отдельно!) суффиксом-послелогом *blan* (بلەن ← برلەن ← **bir-lɛn*) // *minən* в живых диалектах, и, наконец, 7) приравнительный — на *-daj, -dak* и т.п. В иранизованных (несингармонистических) говорах ташкентского (2)[104] и ферганских (3, 4, 4 А)[104] типов суффиксальных падежей уже не семь, а шесть — ввиду совпадения (= конвергенции) родительного и винительного в одном — функционально сложном — родительно-винительном падеже (с суффиксом *-ni*). А в самаркандско-бухарском (1) типе узбекских говоров суффиксальных падежей уже только пять, ибо здесь, кроме конвергенции родительного с винительным, отпадает еще и местный — на *-da* (функции которого переходят к дательному — на *-ga*). См. также имеющиеся в Словаре статьи: *Ablativus, Adessivus, Аккузатив, Allativus, Генитив, Датив, Номинатив, Творительный падеж, Склонение*.

* Находящий себе семантическую параллель, напр., в эстонском падеже — т.н. Osastav'e.}.

ПАЛАТАЛИЗА́ЦИЯ — международный общефонетический термин, производный от лат. *palatum* 'нёбо, твердое нёбо'. Термин П. означает звукопроизводную работу, характеризующую т.н. *палатализованные согласные* (см.), именно — поднятие к твердому нёбу средней части спинки языка[105].

Итак, эта работа названа П. (от *palatum* = 'твердое нёбо'), т.е. "онеблением", — по месту пассивного органа. Если же назвать эту работу (артикуляцию) по активному органу, то вместо слова П. (~ "онебление") нужно было бы сказать "осреднеязыковление", как и говорил Бодуэн де Куртенэ, называвший палатализованные согласные "осреднеязыковленными" (не надо смешивать *палатализованные* = "осреднеязыковленные" с *палатальными* = среднеязычными!; см. *Палатальные согласные*).

ПАЛАТАЛИЗО́ВАННЫЕ СОГЛА́СНЫЕ (или "среднеязыковленные", по терминологии Бодуэна де Куртенэ), которые не надо смешивать с *палатальными* = среднеязычными, — это такие согласные (различных активных органов: и языка, и губ и

даже гортани), при которых в качестве дополнительной (— не основной!), дифференцирующей парные категории работы присоединяется поднятие средней части спинки языка к твердому нёбу (т.е., иначе говоря, та самая работа, которая является основной ртовой артикуляцией при согласном *j* или при гласном *i*). Наличие этой второстепенной работы (= палатализации) создает, таким образом, парные варианты (палатализованные или "мягкие") к простым — непалатализованным (т.е. "твердым") согласным в русском, напр., языке (для большинства типов согласных); именно: парные по "твердости ~ мягкости" (т.е. по непалатализованности ~ палатализованности) согласные русского языка:

Непалатализованные ("твердые")		Палатализованные ("мягкие")	
p	(*п*)	*p'*	(*пь*)
b	(*б*)	*b*	(*бь* в слове *рябья*)
m	(*м*)	*m'*	(*мь*)
f	(*ф*)	*f'*	(*фь* — напр. в *Софья* [= sɔ̂f'ja])
v	(*в*)	*v'*	(*вь* в слове *Соловьёв*)
t	(*т*)	*t'*	(*ть*)
d	(*д*)	*d'*	(*дь* в слове *б..дьё*)
n	(*н*)	*n'*	(*нь*)
s	(*с*)	*s'*	(*сь*)
z	(*з*)	*z'*	(*зь* в слове *друзья*)
и т.д.			

Однако в большинстве палатализованных языков такое деление согласных, т.е. парность рядов согласных фонем ("твердые" и "мягкие"), отсутствует, и потому русские, напр., П.С. ("мягкие") с большим трудом усваиваются представителями этого большинства языков. Кроме русского языка парные по признаку палатализации согласные (напр., *p* ~ *p'*, *b* ~ *b'*, *v* ~ *v'*, *m* ~ *m'* и т.д.) имеются еще в некоторых других (но не во всех!) славянских языках (в сербском, напр., П.С. нет: есть только единичные случаи *палатальных согласных*: напр., љ, њ, ћ, ђ), в мордовском и некоторых других восточнофинских , в ревельском диалекте эстонского языка, в латгальском языке, в ирландском, а из восточных языков, напр., в японском (в большинстве говоров) и в дунганском языках.

ПАЛАТА́ЛЬНЫЕ СОГЛА́СНЫЕ — международный общефонетический термин, производный от лат. *palatum* 'нёбо, твердое нёбо'. П.С. или — что то же — среднеязычные — это согласные, при которых основной ртовой работой служит поднятие к твердому небу средней части спинки языка: или только до степени сужения, как при проточном среднеязычном (палатальном) *j* или [ç] = ich-Laut, или же до степени смычки, как при ћ, ђ, *ɲ*. Таким образом, палатальные = среднеязычные согласные занимают среднее

место между переднеязычными (*t*, *d*, *n*) и заднеязычными (*k*, *g*, *ŋ*). Не смешивать с *палатализованными* (см.)!

ПЕРФЕ́КТ — 1) термин латинской грамматики и 2) общеграмматический термин. Слово по происхождению латинское: по-латыни слово Perfectum является причастием (в ср. роде) прошедшего времени страдательного залога (P.P.P.[106]) от глагола *perfício* <'совершать'>; таким образом, Perfectum букв. 'совершенное'.

В латинской грамматической терминологии П. (Perfectum) называется одно из глагольных времен, которое по его специфическому значению соответствует русскому представлению прошедшего совершенного вида (в отличие от Imperfectum — *имперфекта*, т.е. несовершенного прошедшего).

В качестве же общеграмматического термина слово П. (или Perfectum) употребляется для обозначения *времени* (см.) или же (в зависимости от языка) *видовой формы** глагола, связывающей действие, совершенное в прошлом, с настоящим моментом (= моментом говорения). Связь эта обычно сводится к тому, что к настоящему времени (= к моменту говорения) относится результат совершенного в прошлом действия (напр., узбекский перфект *oturipti* или *otiripti* 'сел' = 'сел и сидит' и т.п., *jɔtipti* 'лег' = 'спит', т.е. 'лег и лежит в настоящее время').

В узбекском языке перфектом следует называть формы типа *bɔripti*, *ketipti*, *kelipti* →*kepti* и т.п. (= с суффиксацией *-ipti/-pti*), а в таджикском — формы типа *mɔndæs*, *ʂudæs* - ماندهاس، شدهاس - и т.д. // в туземно-еврейском *mɔnde*, *ʂude* и т.д.

* В некоторых языках перфектные (по значению) формы образуют особую категорию вида, обладающую всем составом временно́го словоизменения (т.е. и формой настоящего, и формой прошедшего, и формой будущего времени и проч.). В таких случаях я предпочитаю пользоваться термином *перфектив* (а не перфект). См. главу "Морфологические замечания" в <...>[107].

ПИСЬМО́ ВЯ́ЗЬЮ — то же, что *Вязь*.

ПЛЮСКВАМПЕРФЕ́КТУМ — термин латинской грамматики, а затем и общеморфологический интернациональный термин современной лингвистики. П. — слово латинское (лат. Plusquamperfectum) и буквально значит 'более (*plus*), чем (*quam*) перфект (*perfectum*)'.

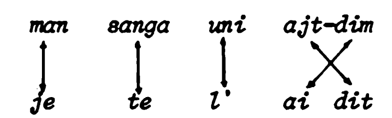
Это буквальное значение термина (= 'более чем перфект') не содержит в себе, конечно, достаточных указаний на реальное его содержание (т.е. на подлинное значение глагольной формы, именуемой термином Plusquamperfectum), но может сыграть наводящую роль в этом отношении. Именно, если латинский перфект есть временна́я форма со значением прошедшего совершенного, то "более чем перфект"-ная временна́я форма глагола означает уже "более чем прошедшее совершенное", именно п р е ж д е п р о-

шедшее время, т.е. выражает такое действие, которое по времени своего совершения предшествовало некоему другому прошедшему времени: ср. значение узбекского П. — форм типа *bɔrïwdim*, *keliwdim* и т.п.

В русском языке категория П. отсутствует, но зато она имеет место во французском (как, с другой стороны, и в латыни), немецком, турецких, персидском и ряде других языков.

ПНЕВМО́ГРАФ — интернациональный термин: название прибора экспериментальной фонетики. Происходит (искусственно создан) из двух греческих слов: το πνεῦμα = *'tò pnêuma* 'дыхание' + γράφω = *gráph-ō* 'пишу' (основа *graph-* = граф- 'писать' // <узб.> *jaz-* ~ *çaz-*), буквально значит 'записыватель [регистратор] дыхания'. Служит для механической регистрации дыхания: объема выдыхаемого воздуха и т.д.

ПОЛИСИНТЕТИ́ЧЕСКИЕ ЯЗЫКИ́ — слово *полисинтетический* составлено из греч. слова πολύ = *polý* 'много' и слова *синтетический* — от *синтез* ← греч. σύνθεσις 'сложение, составление чего-либо цельного из элементов'. П.Я. называются иногда (в традиционной морфологической классификации языков) языки, часто и в широком масштабе использующие прием *инкорпорации* (см.), т.е. прием объединения в одно сложное слово нескольких взаимно соизмеримых морфем: напр., нескольких местоименных аффиксов (= суффиксов либо префиксов). П.Я. принято считать, напр., известные американские языки, в частности эскимосские, в том числе алеутский (на нем говорят и в пределах СССР). Признаки полисинтетизма (напр., т.н. многоперсонное спряжение) характеризуют и, напр., абхазский язык, имеются в грузинском и других кавказских, баскском, мордовском, венгерском, и, наконец, во французском языке. Приведем пример полисинтетического слова из французского языка: *je te l'ai dit* = [žœ-t-l-e-di] 'я тебе это сказал'; с точки зрения критерия изолируемости и прочих — фонетических — критериев, это — одно слово, хотя и пишется по-французски как пять "письменных слов": *je*, *te*, *l'* [← *le*], *ai*, *dit* — здесь целых три местоименных префикса: [žœ] = узб. *man*, [t] = *sanga* [l] = *uni*:

ПОЛИТОНИ́Я — термин, употребляемый в настоящее время фонологической школой лингвистики, букв. многотоние от греч. πολύ = *polý* 'много' и τόνος = *tón-os* 'тон'. Под П. понимается система дифференциации слогов и слов по различным моментам высоты голосового тона, т.е. по мелодически-музыкальной акцентуации. Будучи представленной, например, в таких — "политонических" — языках, как

японский. китайский (с дунганским), тибетский, бирманский, сиамский, литовский, латышский, шведский, норвежский, многие африканские языки, малайско-полинезийские, аинский и т.п., П. противополагается монотоническим системам (напр., русского, турецких, английского, французского и т.д. языков), где мелодика лишь фразовая, а в различении слов (и слогов), как таковых, не играет роли. См. *Музыкальное ударение*.

ПОЛИФТО́НГ — общефонетический (интернациональный) термин, созданный в pendant к термину *дифтонг*, и тоже от греческой основы φθογγ-η = *phthong-ē* (только вместо элемента δι- = *di-* '2' здесь фигурирует греч. πολύ = *polý* 'много'). Таким образом, П. значит 'многозвучие' (ср. также *трифтонг* 'трезвучие', т.е. сочетание трех гласных в одном слоге). Фактически П. (или полифтонгические фонемы) это более точное название определенной фонологической категории *дифтонгов*, где, собственно, не только два гласных, но целый ряд незаметно друг друга сменяющих оттенка между двумя крайними качествами гласных: напр., между *i* и *æ* — таков северокитайский полифтонг *i̯æ* (напр., в слове 謝 *се*[4] = *[şi̯æ]* 'спасибо!'), или же якутские полифтонги (полифтонгические полуузкие гласные фонемы) *i̯e*, *y̯ө*, *u̯o*, *ы̯ʌ*.

Транскрипционное примечание. Последняя из этих четырех якутских полифтонгических фонем — *ы̯ʌ* произносится до известной степени сходно с сочетанием *ыа* (= *ъа* в киргизском и т.п. языках). Но в последнем элементе (ʌ) задняя часть языка поднята выше, чем при *а* (киргизского или вообще турецкого типа).

ПОЛНОГЛА́СИЕ — термин сравнительной грамматики славянских языков и русской грамматики. Слово это — по своему этимологическому составу русское (точнее, церковнославянское): *полн-* (основа прилагательного *полный*) + соединительная морфема (внутренний суффикс) *-о-* + церковнославянская основа *глас-* // рус. *голос* + суффиксация существительных среднего рода *-ие*.

Под П., т.е. полным составом гласных звуков (в составе данного варианта коренной морфемы), понимается характерное именно для русского (с белорусским) и украинского языков историко-фонетическое явление, состоящее в том, что на месте древних (дославянских, или индоевропейских) комплексов типа **tort*, **tolt*, **tert*, **telt** в данных, т.е. в русских и украинских**, их отражениях (рефлексах) имеются два гласных звука (*о...о* или *е...е*), размещенные по бокам плавного согласного *r* или *l* (*torot*, *tolot*, *teret*), тогда как в корреспондирующих им морфемах (т.е. в рефлексах тех же дославянских комплексов) в других славянских языках (= западнославянских или южнославянских) имеется только один гласный звук (притом помещающийся уже не перед, как в исходной праформе данного комплекса, а после плавного согласного *r* или *l*: *trot*, *tlot*, *tret* или *trat*, *tlat*,

trēt и т.п.). Например, П. (т.е. наличие двух гласных — именно гласных *о...о* или *е...е*) мы имеем в следующих русских коренных морфемах (и словах):

гóрод (из исходной формы **горд*ъ = **gordъ* ← **gord-ов*; ср. нем. *Garten**** 'сад', в котором в отличие от славянских языков сохранился еще древний порядок гласного и согласного *r*);

бородá (из исходной формы **борд-а* = **bord-a*; ср. нем. *Bart* 'борода', в котором в отличие от славянских языков сохранился древний порядок гласного и согласного *r*);

зóлото (из исходной формы **золт-о* = **zolt-o* ← **golt-on*; ср. нем. *Gold* 'золото', в котором сохранился древний порядок гласного и согласного *l*);

бéрег (из исходной формы **берг-ъ* = **bergъ* ← **berg-ов*; ср. нем. слово *Berg* 'гора'****, в котором сохранился — в отличие от славянских форм — древний порядок гласного и согласного *r*);

молокó (из исходной формы **melk-o*; ср. нем. *Milch* // англ. *milk* 'молоко').

Если мы сопоставим с этими русскими словами их южнославянские (сербские и болгарские — в числе последних и церковнославянские, вошедшие частично и в русский литературный язык) параллели*****, то мы найдем, что в отличие от русских полногласных форм южнославянские формы являются неполногласными, т.е. содержат в себе не два, а только один гласный звук (в составе данной коренной морфемы), причем по сравнению с исходными формами гласный и плавный согласный (*r* или *l*) являются перемещенными (а кроме того, гласный подвергся, оказывается, удлинению******: **tort* → *trāt*, **tolt* → *tlāt*, **tert* → *trēt* и т.п.); ср. ц.-слав. *градъ* (рус. *город*); ц.-слав. *брада* (рус. *борода*); ц.-слав. *злато* (рус. *золото*); ц.-слав. *брѣгъ* = *brēg-ъ* (рус. *берег*); ц.-слав. *млѣко* (рус. *молоко*).

Прагматическое объяснение явлений полногласия (и соответствующих им явлений перестановки в южно- и западнославянских языках), т.е. разъяснение всех этих историко-фонетических развитий с точки зрения реальных факторов языковой эволюции, долгое время оставалось невыясненным, но с помощью так называемой теории фонетических конвергенций[108] оно может быть дано в более или менее исчерпывающей форме.

Будучи одним из характернейших историко-фонетических совпадений между русским и украинским языками, П., естественно, привлекалось в качестве одного из аргументов в попытках доказать несамостоятельность украинского языка, т.е. его принадлежность (вместе с великорусским и белорусским) к некоему единому русскому языку — на правах лишь одного (из трех главных) наречий этого "русского" языка. Но, разумеется, наличие подобных изоглосс отнюдь еще не обязывает к такому выводу (относительно украинского языка) <см. также статью *Anaptyxis*>.

* Где под символом *t* (как буквой одного из согласных звуков) подразумевается вообще любой из согласных.

** Иначе говоря — в восточнославянских.

*** Значение немецкого слова *Garten* 'сад', правда, не является тождественным значению современного русского слова *город*, но, вспомнив этимологию этого последнего слова (*город — огороженное место*), а также слово *огород* = *о-город* (с той же коренной морфемой: *-город*), мы легко поймем генетическую связь русского и немецкого слов.

**** Правда, значение немецкого слова (*Berg* 'гора') не совпадает со значением русского *берег*, но это, опять-таки, лишь эволюционное расхождение значений о д н о й и т о й ж е (в генетическом отношении) индоевропейской коренной морфемы.

***** Т.е. соответствия (= корреспонденции).

****** В польских же (= западнославянских) формах это удлинение не имело места (хотя перестановка **tort* ⟶ *trot* и т.п. налицо): *broda* 'борода' // ю.-слав. *брада* и т.п.

ПОРО́ДА (араб. نوع = نَوْعٌ) — в арабской грамматической терминологии имеет специфическое значение, означая породу глагольного корня. Всего в арабском глаголе различается 15 пород, но из них пять (XI —XV) употребляются крайне редко. См. под ‹...›[109]. В еврейском (— тоже семитском и близком, следовательно, арабскому) языке мы тоже находим П. (араб. نوع), причем в еврейской грамматике насчитывают семь главных пород, из которых I (— корень с основным значением глагола) называется "легкой" (בִּנְיָן קַל), а остальные шесть "тяжелыми" (בִּנְיָנִים כְּבֵדִים). Называют эти "тяжелые" (II —VII) породы так: II — нифал, III — пиэл, IV — пуал, V — гифил, VI — гофал, VII — гитпаэл [как и в арабской номенклатуре П. (по корню √فعل) здесь в основе этих названий — нифал, пиэл и т.д. — лежит корень √pʕl (פעל) // араб. √فعل 'делать'].

ПОСЛЕЛО́Г — русский морфологический термин, созданный, однако, не для грамматики русского языка (в русском языке П. нет), а для грамматик восточных, главным образом, языков агглютинативного строя: напр., для грамматики японского языка, для грамматики турецких языков и т.д.

Термин этот сочинен по аналогии (и в pendant) к термину *предлог* (см.), причем этот последний термин (= пред-лог) рассматривался, вероятно, как состоящий из славяно-русской морфемы *пред-* и греческой основы *лог-* (⟵ греч. λόγος = *lóg-os*) 'слово', а не из *пред-* + русской глагольной основы *лог-* / *лож-*(*иться*), *лег-*(*ать*) и т.д.

Если предлог ставится п е р е д словом, то П. — это аналогичный же по своей смысловой функции элемент, но ставящийся после слова.

П. нужно отличать от п а д е ж н ы х с у ф ф и к с о в; наоборот, частично, сами П. могут (в известных языках)

принимать падежные суффиксы, т.е. склоняться, как это имеет место, напр., в узбексих послелогах: *toqrisida* (местный падеж от *toqri*, с притяжением 3-го лица), *icida* (то же от *ic*), *ustida* (то же от *ust*), *astida* (то же от *ast*), или, напр., *iciga* (дательный-направительный от *ic*, с притяжением 3-го лица), *ustiga* (то же от *ust*) *astiga* (то же от *ast*) и т.д. П. *ucun*, наоборот, не склоняется.

И с историко-лингвистической и со статической точки зрения П. могут рассматриваться как явление промежуточное между величинами слова и суффикса (как частного случая форманта). В дальнейшей эволюции П., естественно, превращается в суффикс (ср., напр., процесс становления суффикса Inessiv'а в ходжентском, гармском и других "восточных" говорах обоих наречий таджикского языка*; напр., *ˈbɔzɔrˈında* 'на базаре'~ *ˈduɔzdˈında* 'в двенадцати' восходят к комплексам "основа + послелог اندر ". где اندر [= andar] этимологически то же, что лат. *inter* // греч. ἐντερὸς' = *énterŏs*' и т.д.). См. также *Грамматикализация*.

* В том числе в маргеланском-цыганском (языке люли)[110].

ПРИЛОЖЕ́НИЕ — то же, что *Appositio*.

ПРИНОСИ́ТЕЛЬНЫЙ [п а д е́ ж] — то же, что *Allativus*.

ПРИСТА́ВКА — то же. что *Префикс* (см. *Аффикс*).

ПРИЧА́СТИЕ — русский грамматический (и затем лингвистический общеморфологический) термин, являющийся переводом латинского грамматического термина Participum. П. называются отглагольные прилагательные со значением Nomen agentis (= имени действующего лица). Как в русском, так и в узбекском языках различаются четыре основных категории П., а именно:

1) П. прошедшего времени действительного залога; напр., рус. *читавший, -шая, -шее*; узб. *oquqan* [= oqigan, oqugən];

2) П. настоящего времени действительного залога; напр., рус. *читающий, -щая, -щее*; узб. *oquj turqan* [= oqijdigən];

3) П. прошедшего времени страдательного залога; напр., рус. *читанный, -ная, -ное*; узб. *oquloqan* [= oqilgən];

4) П. настоящего времени страдательного залога; напр., рус. *читаемый, -мая, -мое*; узб. *oqula turqan* [= oqilədigən].

В латинском же, например, имеется четыре следующих категории П.; ср., например, причастные формы глагола *dīcere* 'говорить': Participium Praesentis Activi — *dicens*, Participium Perfecti Passivi — *dictus*, Participium Futuri Activi — *dicturus*, Participium Futuri Passivi или Gerundīvum — *dicendus*.

ПРОМЕТЕЙДСКИЕ ЯЗЫКИ — термин П.Я., как и существительное прометеиды (в смысле представителей П.Я. — населения, говорившего на П.Я.) создан Н.Я.Марром и принадлежит, таким образом, к специфическим терминам яфетидологии (и притом на относительно поздних этапах яфетидологической теории).

Слово прометеид(ы) является, конечно, образованием (по обычному типу patronymica — с греческим суффиксом *-ид-* = -ιδ-) от мифологического имени Прометея — титана, похитившего огонь с неба и научившего людей ряду полезных знаний (а главное — добыванию огня), за что он был жестоко наказан Зевсом, приковавшим его к скалам Кавказа, где орел ежедневно должен был терзать грудь несчастного (сюжет этот был обработан уже Эсхилом в трагедии, которая носит заглавие "Прикованный Прометей"). "Прометеиды" же — это потомки Прометея (и, значит, П.Я.— языки потомков Прометея). Таково буквальное значение термина. Но оно ничуть не говорит о том реальном значении, которое условно и искусственно внесено в этот яфетидологический термин творцом его Н.Я.Марром.

Именно под П.Я. Н.Я.Марр понимает *индоевропейские* (или *ариоевропейские*) *языки* (см.)[111]. Это, следовательно, такое же условное использование греческого мифологического имени, каковое являлось излюбленным терминологическим приемом Н.Я.Марра в отношении библейских имен (см. *Ноэтические языки, Яфетические языки,* наконец, в качестве параллели из греческой опять-таки мифологии можно указать на термин *Уранический*, см.). Попытку заменить длинные термины "индоевропейские", "ариоевропейские", "индогерманские" более краткими, конечно, хотелось бы приветствовать. Но подбор для этой роли термина П.Я. представляется мне в идеологическом отношении ошибочным. Единственная конкретно смысловая связь между этимологией термина (т.е. именем Прометея) и его яфетидологическим значением может быть усмотрена в том, что индоевропейские (= "прометеидские") языки представляют собою некую позднейшую и более совершенную, что ли, типологическую формацию, чем противополагающиеся им яфетические, семитские, хамитские и прочие языки, а Прометей, в свою очередь, тоже начинает собою новую и более совершенную эру в истории культуры человечества. Эта параллель приобретает конкретную значимость при том предположении, что на долю "прометеидов" (т.е. — по общепринятой терминологии — племен, говорящих на индоевропейских языках) выпало совершить некое крупное изобретение, открывшее новую эпоху культурного развития и по своей исторической значимости соизмеримое с изобретением способа добывания огня (таким "эпоху делавшим" изобретением могло быть, например, открытие обработки металлов). Я не имею здесь возможности оценивать правдоподобность или вероятность подобного предположения (так как эта оценка неизбежно повлекла бы за собою изложение моих собственных взглядов, во-первых, на причины грандиозной территориальной

экспансии индоевропейской речи — причины, которые, по-моему, скорее всего сводятся к успехам скотоводства, сосредоточению в руках данных племен крупных масс скота, и на археологические и лингвистические указания по вопросу о том, какие племена оказались изобретателями обработки металлов, во-вторых). Взамен этого я позволю себе указать на потенциальную "политическую" значимость термина "прометеиды" (в применении этого термина именно к индоевропейским племенам): поскольку этот термин, так или иначе, является презумпцией известного культурно-исторического превосходства индоевропейцев, он, в сущности, льет воду на мельницу той идеологии, которая культивируется ныне в фашистской Германии, — идеологии, утверждающей принципиальное превосходство той "арийской" расы, которой современные массово-обывательские представления безоговорочно приписывают и "арийскую", т.е. индоевропейскую, resp. "прометеидскую" речевую систему. С этой точки зрения прежний (традиционный у нас) термин "индоевропейские языки" (или его более точный вариант: "ариоевропейские языки")* оказывается, пожалуй, выгоднее благодаря беспристрастности своей, чем термин П.Я.

* Термина "индогерманские языки" (который тоже заслуживает, пожалуй, подобного же упрека, как и "прометеиды") я здесь не касаюсь.

ПРОПИСНЫ́Е БУ́КВЫ — то же, что б о л ь ш и е буквы, напр., *A, B, C, D, E*, в отличие от с т р о ч н ы х — *a, b, c, d, e* и т.д. В целом ряде алфавитов (особенно это было нормой для древних алфавитов) различий между П.Б. (= большими) и строчными (= малыми) не существовало: напр., в арабском, санскритском, как и в древнееврейском ("протягивающиеся", т.е. удлиняющиеся на конце строки взамен переноса, древнееврейские буквы представляют собой уже совершенно иное, принципиально отличное явление) и т.д. Различие это отсутствовало и в древнегреческом алфавите — вплоть до александрийской эпохи, когда помимо *маюскула* (= нынешних больших букв Α, Β, Γ, Δ, Ε,...) введен был в употребление и *минускул* (= нынешние малые буквы греческого алфавита: α, β, γ, δ, ε ...).

Равным образом не было этого различия и в древнем латинском (= римском) письме, если не считать того, что "*i* longum" т.е. "длинное *I*", частично употреблялось для передачи долгого звука *ī**).

Выгод от употребления П.Б. нет — нет в том смысле, что все плюсы, которые можно приписать этому употреблению (главным образом, в виде увеличения различительных средств письменности: ср. *любовь* и *Любовь* как собственное имя, и т.п.), никак не могут превысить ‹всех минусов — а именно:› затраты школьной энергии на усвоение двойного количества начертаний и, главное, — правил об употреблении тех или других начертаний (к этому присое-

диняются еще соображения технической экономии в полиграфическом производстве).

Таким образом, Р.О.Шор, выступая в своей статье (в "К. и П.В."[112]) против моей мотивировки принятия прописных букв в НТА (в ж. "Культура и письменность Востока" [орган ЦК НТА]), совершенно напрасно открывает известную мне Америку — вроде того, что большие буквы помогают узнавать имена собственные и т.д.

Все это я, конечно, давным-давно учел, но утверждаю, что все эти плюсы не стоят ничего перед экономическими (в широком смысле) соображениями против больших букв, и при иных культурно-исторических условиях следовало бы отказаться от больших букв. Но делать это в НТА тогда, когда большие буквы продолжают существовать в русском письме и в западноевропейских латиницах, по-моему, не следует: это нарушило бы интернационалистическую установку нашей латинизации, а кроме того, при данных условиях были бы значительно обесценены и практические выгоды от ликвидации больших букв (поскольку их фигуры все равно пришлось бы учить и иметь в типографиях — для русского, resp. немецкого и т.п. шрифтов).

* См., кстати, в статье "*Apex*" (по поводу диссертации Христиансена "De apicibus et *I* longis".

ПСИХОЛОГИ́ЧЕСКОЕ ПОДЛЕЖА́ЩЕЕ — то же, что *Логическое подлежащее*.

ПСИХОФОНЕ́ТИКА — слово это употреблялось, главным образом, самим создателем его, а вместе с этим и основателем психофонетики (— как особого отдела и особого направления лингвистики) покойным И.А.Бодуэном де Куртенэ, а также некоторыми его учениками (ср., напр., заглавие книги Е.Поливанова 1917 г. "Психофонетические наблюдения над японскими диалектами"); происходит от сочетания греческой основы ψυχή = *psych-é* (= 'душа'; в композициональном виде — *психо-*) и термина *фонетика* (см.). В отличие от *антропофоники* (см.), т.е. той части фонетики, которая имеет в виду физиологический и физический состав произносительной деятельности человека, П. рассматривает звуки языка с точки зрения их функциональной (символической) используемости в данном языке (— для словоразличения) и, таким образом, в основу фонетического описания языка кладет не физиологические и физические (= акустические) преходящие факты, но систему постоянно существующих представлений дифференцируемых друг от друга звуков языка (или элементов фонетической системы), которые носят у Бодуэна де Куртенэ наименование *фонемы* (см.). Объектом П. служат таким образом 1) не преходящие и 2) не единичные звучания, но система постоянных (хотя и находящихся под порогом сознания) представлений звуков, как потенциальных элементов звукового состава слов. В истории лингвистики психофонетика Бодуэна де Куртенэ служит источником и точкой отправ-

ления для современной **ф о н о л о г и ч е с к о й ш к о л ы** (см. *Фонология*).

РЕЗОНА́ТОР — фонетический (акустический) термин латинского происхождения (= лат. resonātor = *re-son-ātor* — из префикса- приставки *re-* 'от, назад' + глагольной основы *son-āre* 'звучать' + суффиксации отглагольных Nomina agentis; следовательно, resonātor буквально значит 'отзвучатель', 'дающий отзвук', 'дающий эхо'). В фонетике Р. именуется пустая полость — именно полость рта (= р т о в о й Р.) или полость носа (= н о с о в о й Р.), форма которой обусловливает характерные тоны гласных (присоединение носового Р. имеет место при *носовых гласных*; см.). Чем больше Р., тем характерней тон гласного ниже; см. также статью *Надставная труба*.

РОД — 1. Р. смысле г р а м м а т и ч е с к и й Р.: Genus (← греч. γένος) в латинской грамматической терминологии; буквальным переводом этого латинского термина и является русский термин "Р.". Грамматический Р. означает каждую формальную категорию из тех категорий, по которым в некоторых языках (напр., в большинстве индоевропейских языков, в том числе, напр., в русском и других славянских, в латинском, в греческом, в санскрите, в древнеперсидском языке клинообразных надписей, в немецком, французском и других; а также в семитических, напр., в арабском, древнееврейском) распределяются имена существительные отчасти в зависимости от смысловых, а отчасти в зависимости от формальных признаков. Именно моментом смысловой дифференциации по р о д а м оказывается признак физического п о л а лиц (или — иногда — животных), обозначаемых данным существительным; наряду с этим существует ряд чисто формальных признаков, обусловливающих дифференциацию по родам в именах предметов: напр., в русском языке таковыми формальными признаками Р. служат принадлежность к определенному типу склонения, и значит, определенные окончания именительного падежа единственного числа: нуль звука (*стол, день, карандаш*) — в мужском Р., звук *а* (*вода, рука, нога, земля*) — в женском Р., звук *о* (*вино, окно, село, белье*) — в среднем Р. и т.п. При этом в основу деления существительных по этим категориям (= по родам) кладется именно деление имен лиц и критерием здесь служит (по крайней мере для двух первых из трех родов) именно признак физического пола — в конечном счете наличие мужских, resp. женских, половых органов у данного лица, а распределение по родам имен предметов является как бы дополнительным распространением этого деления имен лиц, к которым уже по аналогии формальных признаков (напр., *стол*, как *муж, брат* с нулевым суффиксом, *луна* как *жен-а* — с суффиксом *а*) примыкают, т.е. вносятся в ту же самую категорию (= в тот же Р.) и имена предметов.

Русский термин *мужеский* <совр. *мужской*> Р. переведен буквально с латинского грамматического термина Genus

masculinum. В арабской грамматической терминологии этому соответствует مذكرٌ (مُذَكَّرٌ), но термина для общего же понятия "родовой категории" в арабской грамматической терминологии, насколько мне известно, нет; *женский* Р. — буквально из лат. Genus femininum; и соответствующий арабский грамматический термин — مؤنث (مُؤَنَّث) (родов в арабском языке только два). Противополагающаяся же этим обеим категориям (мужескому и женскому Р.) третья категория — как бы "бесполая", или по крайней мере с невыраженным признаком пола — получает — опять-таки естественное — наименование среднего, или *нейтрального*, Р. (Genus neutrum в латинской грамматической терминологии). Замечу кстати, что средний род латинского языка утрачен, между прочим, потомками латинского языка — романскими: французским, итальянским, испанским и т.д., где, следовательно только два рода (подобно арабскому языку).

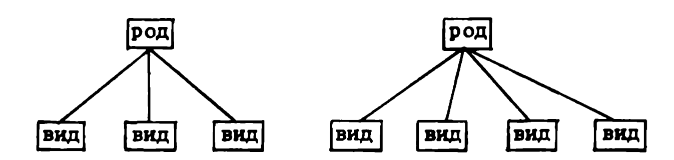
Распределение по родам составляет специфическую особенность существительных; другие части речи — из участвующих в явлениях грамматического Р. — например в русском языке: прилагательные, причастия и (восходящие к причастиям) глагольные формы прошедшего времени (*был, была, было; давал, давала, давало*...) и некоторые другие слова (— некоторые местоимения, а также некоторые отдельные числительные) по родам уже не распределяются (как существительные), но зато изменяются по родам: этого требует принцип согласования их (— прилагательных, причастий и т.п.) с именами существительными; ср., напр.: *бледный мальчик, бледная девочка, бледное лицо; приехавший человек, приехавшая женщина, приехавшее дитя; мальчик сказал, девочка сказала, солнце сказало; который час ? которая декада?; два стола, две книги.*

В алтайских языках грамматический Р. отсутствует — если не считать зародышевого порядка явлений Р. в калмыцком — в формах прилагательных (из универбации со словами "самка", "сука"). В английском языке грамматический Р. тоже отсутствует: он исчез в процессе морфологической эволюции этого языка, но некоторые единичные явления в виде пережиточных следов древнегерманского родоразличения уцелели в нем до настоящего времени (сюда относится различение местоимений 3-го лица: *he* 'он' ~ *she* ~ 'она' ~ *it* 'оно, это'; добавим еще, что, говоря про "корабль" *[the ship]*, употребляют местоимение *женского* Р. — *she* — в этом можно, конечно, видеть следы старого распределения по родам имен неодушевленных предметов).

Морфологический строй без грамматического рода (характерный для аналитических языков), без сомнения, выгоднее и полезнее, чем типичный для индоевропейских и семитических языков строй с грамматическим Р. (который, с оценочной точки зрения, является крупным дефектом языковой системы).

В некоторых языках (напр., в чеченском, ингушском, лакском и т.п., в известных американских языках, а также в дравидийских и др.) развитие соответствующих грамматическому Р. категорий приняло особый, гипертрофический характер, включив в себя ряд дополнительных критериев (распределения имен по категориям) и увеличив число самих категорий — "родов". Категорий бывает и четыре, и шесть, и семь, и десять (вместо русских трех).

2. В философском и вообще в научном языке, в частности во всевозможных классификациях (напр., зоологической, ботанической классификации по р о д а м и в и д а м), Р. (= تُور или نه وْع ← نوع) означает высшую, более общую категорию, чем в и д. Отсюда производные термины (в логике и других дисциплинах): р о д о в о е понятие и в и д о в о е (более индивидуальное) понятие, что легко запомнить по следующему схематическому чертежу:

По-латыни *род — genus*, а *вид — species*. Эти основы — международной значимости. От первой, напр., — русское прилагательное *генеральный* (в смысле 'общий, полный, главный'), от второй — *специальный, специфический.*

3. В обывательной речи *род* — вообще "категория" (نه وْع = *nav'* ← نوع , تور، = *tur*).

4. И наконец, совершенно особое (этимологически — более элементарное, более приматное) значение: Р. в смысле 'uruq // uruv // uruu', т.е. в смысле близком к понятию п л е м е н и (племя распадается на несколько или много родов).

РОДИ́ТЕЛЬНЫЙ [п а д е́ ж] — то же, что *Генитив.*

СИЛЛАБЕ́МА — термин, который пришлось ввести (в ряд терминов: *фонема — морфема — синтагма* и т.д.) только для таких языков, как китайский. Слово С. образовано от лат. *syllaba* (из греч. συλλάβη = *syllábē*) 'слог' — с той же суффиксацией *-ема,* что и в *фон-ема, морф-ема* и т.п. Подробно о понятии С. см. "Грамматика китайского разговорного языка" А.И.Иванова и Е.Д.Поливанова.

СИНГАРМОНИ́ЗМ — искусственно составленный греческий термин общелингвистического значения, в современной русской лингвистической литературе предпочитаемый (на вполне рациональных основаниях*) традиционному термину *гармония гласных.*

Состоит из следующих древнегреческих по своему происхождению элементов: 1) *син- = syn* (= σύν) 'с (с/со)'

или 'вместе (с)' + 2) *-гармония'* ← греч. *harmon-ia* 'гармония, согласованность и т.д.' + 3) традиционный для русской научной терминологии (греческий по происхождению) суффикс *-изм* (в пояснения этого суффикса я не вдаюсь, так как их пришлось бы повторять в сотнях других статей настоящего "Словаря").

Таким образом, слову С. допустимо было бы дать буквальный перевод в виде 'согласованность' или, еще ближе, — 'согармоничность'.

До выступлений И.А.Бодуэна де Куртенэ и В.В.Радлова** на С. (или *гармонию гласных*) принято было смотреть как на фонетическое лишь явление прогрессивной ассимиляции (которое, между прочим, некоторыми "расово-теоретически" настроенными авторами даже объяснялось "психической вялостью" турецких и т.п. "урало-алтайских" племен). В действительности же С. представляет собою своеобразное средство формальной (= фонологической) символизации единства слова в виде артикуляционного [1) по укладу языка, а также 2) по укладу губ] единообразия гласных, а в известной мере и согласных звуков, принадлежащих одному и тому же слову (как состоящему из одной лишь основы, так и состоящему из сочетания основы с суффиксами).

С. считался чертой, характерной для т.н. *урало-алтайского* (см.) языкового семейства, но на самом деле он безусловно доминирует лишь в пределах *алтайских* (см.) языков: в турецких и монгольских языках, а также — уже в менее последовательном выявлении — в маньчжуро-тунгусских (в корейском С. отсутствует[113], но на основании некоторых "пережиточных" следов его*** можно допускать наличие С. в древнем состоянии этого языка).

Зато в "уральских" языках поле распространения С. отнюдь уже не носит сплошного характера: из угро-финских языков С. присущ, напр., венгерскому (а с другой стороны, также финскому суоми, как и некоторым другим финским языкам), но зато в ряде других финских языков отсутствует, в том числе, напр., и в эстонском — этом ближайшем родственнике финского в узком смысле, т.е. "суоми"-языка****. В самоедских же языках мы обычно встречаем лишь эмбриональную стадию сингармонистических явлений (см. *Эмбриональный сингармонизм****** — за исключением, впрочем, самоедского камассинского (но в последнем появление С. относится к недавней эпохе и объясняется за счет самоедско-турецкого двуязычия).

С другой стороны, не надо думать, что сингармонизационных явлений (хотя бы и в совсем своеобразной или же в "эмбриональной" лишь форме) вовсе нельзя встретить за пределами "уралоалтайского" языкового мира. Так, особый вид С. констатируется, напр., в чукотском (и некоторых других языках Северной Азии); в аинском же имеются того же типа "эмбрионально-сингармонистические" чередования гласных в суффиксах, что и в самоедских.

Наконец, сингармонистической системой (опять-таки вполне специфической) владеет и один из индоевропейских языков: резьянский язык (один из мелких славянских языков в Северной Италии). Наиболее типичным представителем С. мы вправе считать турецкую семью языков (несингармонистические языковые системы в ней представляют крайне редкое исключение******, — таковы, в частности, "иранизованные" диалекты узбекского языка и эронийский самаркандский, т.е. узбекизированный азербайджанский язык, подпавший под сильнейшее влияние несингармонистического узбекского говора [= самаркандского]).

Критерием при определении сингармонистичности ~ несингармонистичности данной турецкой языковой системы (в частности, данного говора узбекского языка) может служить ответ на вопрос: имеются ли в этом языке (или диалекте, говоре) суффиксальные чередования гласных (а также согласных *q ~ k, ɣ ~ g*), зависящие от "заднего" или "переднего" характера гласных основы ? Т.е. имеются ли чередования дублетов суффиксов******* вроде *-lar ~ -lər, -ɣa ~ -gə, -ɣan ~ gən, -dan ~ dən, -maq ~ mək* и т.д., или же наоборот, употребляется только один из каждой данной пары дублетов (напр., только *-lər*, только *-gə*, только *-gən*, только *-dən*, только *-məq* и т.д.) ? В последнем случае данная турецкая языковая система (resp. данный узбекский говор) будет несингармонистической, что мы и видим, напр., в узбекских говорах самаркандско-бухарско-ходжентского, ташкентского, маргелано-кокандского, андижано-маргеланского и "уйгуризованного" (= "умлаутного") типов. Прочие типы узбекских говоров "чагатайского" наречия, а также и все говоры обоих других узбекских наречий (= "огузского" и "кыпчакского") сингармоничны.

В зависимости от того, приводят ли данные сингармонические чередования гласных к единообразию язычного уклада С. (заднего или, наоборот, переднего уклада языка) или же к единообразию губного уклада в гласных звуках слова, мы различаем: 1) я з ы ч н ы й (л и н г в а л ь н ы й), 2) г у б н о й (л а б и а л ь н ы й) С.

В сингармонистических узбекских говорах язычный С. обнаруживается в следующих чередованиях фонем:

a ~ ə (напр., *qalmaq ~ kelmək*);
ь ~ i (напр., *qaldь ~ keldi* или *attьꞑ* 'коня' ~ *ijtiꞑ* 'собаки');
u ~ y (напр., *pulum ~ gyzym* или *jyzym* 'мое лицо');
q ~ k (напр., *qaldьq ~ berdik* или *aldьq ~ keldik*);
g (напр., *barlьɣьm ~ bilgənligim*) и т.п.

В связи с этим, т.е. по моменту язычного С., гласные фонемы и согласные фонемы *q, ɣ, k, g* в данных узбекских говорах делятся на две категории:

Передние	*i*	*y*	*ө*	*e*	*ə*	*k*	*g*
Задние	*ь*	*u*	*o*		*a*	*q*	*ɣ*.

В соблюдающих сингармоническую норму словах (т.е. не являющихся аномальными "ломаными" словами********) могут участвовать или только звуки передней или только звуки задней категории.

А чередования губного С. сводятся (в тех же говорах) к следующим парам гласных:

ь ~ u (напр., *atьm ~ pulum*);
i ~ y (напр., *ijtim ~ çyzym*).

Деление же гласных по моменту губного С. — на негубные и губные — таково:

Негубные	*ь*	*i*	*a*	*e* *ə*
Губные	*u*	*y*	*o*	*ө*

По объему, сложности и систематичности сингармонистических явлений турецкие языки распадаются на ряд градаций, причем языками с наиболее полным и наиболее последовательным проведением С. можно считать киргизский и якутский*********. Казахский тоже принадлежит к "строго сингармонистическим" языкам, но уже с несколько меньшим объемом (и меньшей последовательностью) сингармонистических явлений. А языки, принадлежащие коллективам с сильной исламизацией быта — каковы, напр., узбекские сингармонистические диалекты********** или азербайджанский и т.д., — скатываются (в связи с персидским языковым влиянием и проникновением в словарь массы арабизмов) до категории "нестрого сингармонистических" турецких языков. При особых же условиях, способствовавших гибридизации (с персидским — таджикским живым языком), известные диалекты (узбекского и азербайджанского) способны, оказывается, и вообще утрачивать сингармонистический характер.

Наконец, в отношении будущей языковой истории можно сказать, что факторы советской эпохи и проникновение в словарь массы русских (и интернациональных) слов направляют языковую эволюцию в сторону ликвидации С.

Относительно зачаточных явлений сингармонистического характера в самоедских (напр., юракском), в аинском и т.п. — см. отдельную статью *Эмбриональный сингармонизм*.

* Именно потому, главным образом, что сингармонизационные явления (в частности, сингармонизационные чередования) охватывают не только гласные, но в известных размерах и согласные звуки.

** Последний (В.В.Радлов) писал по вопросу о С. в своей "Phonetik der nördlichen Türksprachen"[114] — работе, которая, конечно, должна быть настольной книгой каждого лингвиста-турколога. Там же он ссылается и на И.А.Бодуэна де Куртенэ.

*** Напр., в виде чередования *a/ɜ* (или *a/ʌ* в других диалектах) в *čab-atta* 'ловил' (от глагола *čap-*), *mɜ̈g-ɜ̈tta* или *mʌg-ʌtta* ←— **meg-etta* 'ел' (от глагола *mɜ̈k-* или *mʌk-* ←— **mek-*).

**** Следовательно, с точки зрения наличия ~ отсутствия С. эстонский относится к своему северному родичу — суоми-языку (в Финляндии), так же как "иранизованные" узбекские говоры (напр., ташкентский, кокандский, маргеланский и пр.) к "неиранизованным" (напр., чимкентскому либо туркестанскому) говорам.

***** Примером может служить юракский самоедский (см., между прочим, у В.В.Радлова в упоминавшейся уже мною "Phonetik der nördlichen Türksprachen" в главе "Vokalharmonie").

****** Находящее себе исчерпывающее объяснение в специфических условиях гибридизации.

******* Словоизменительных, а также и "живых" словообразовательных (напр., *-lɒq ~ -lik*) суффиксов.

******** Вроде *bəla, dərja, pijaz, zijan* и т.п.

********* Этого не следует понимать в том смысле, что в данных двух языках вовсе отсутствуют нарушения С., в частности "ломаные" слова. Так, например, в киргизском мы находим уже довольно значительное число "ломаных" слов — главным образом, проникших в киргизский язык за советский период заимствований из русского — советизмов и интернационализмов.

********** Кроме, пожалуй, северохорезмского.

СИНО́НИМЫ (мн.ч. от *Синоним*).

1. Э т и м о л о г и я т е р м и н а. С. — международный общелингвистический (и проникающий* даже в интеллигентскую обывательскую речь) термин греческого происхождения, составлен из греческих слов: 1) предлога σύν- (= *вүn-*) 'с' = <узб.> *blan brga* (ср. этот же греческий предлог, или приставку в словах *синтез, синхронистический, синтаксис,* а также *синод, синклит* и, с другой стороны, в *символ, симпатия, силлабический* и т.д., где вместо *н* имеется *м* или *л* благодаря ассимиляции) + 2) существительное ὄνυμα (= *ónyma*) 'имя'. Таким образом, буквальное (этимологическое) значение слова С. можно выразить русским искусственным словом 'соимена'.

2. Р е а л ь н о е з н а ч е н и е т е р м и н а. С. называются слова, имеющие (в данном языке) одинаковые (или близкие друг к другу) значения, но принципиально различные по своему звуковому составу.

Таким образом, понятие С., по сути дела, оказывается диаметрально противоположным понятию *(г)омонимов* (см.). В качестве примеров С. можно назвать русские слова *конь* и *лошадь*; б) *интересний* и *занимательний* и т.д.

Особым богатством синонимов славится, как известно, классический арабский язык (а с другой стороны, и санскрит: ср., напр., आप и जलं 'вода'). Нужно сделать, однако, оговорку о том, что (в отличие от понятия *гомонимов*) понятие С. (или с и н о н и м и ч н о с т и) не является вполне точным в логическом отношении, ибо на самом деле (в конкретных языках) довольно затруднительно бывает обнаружить два или несколько слов, в п о л н е тождественных по своему значению: какое-нибудь, хотя бы и мелкое, различие в смысловых ассоциациях, существующих у обоих

слов (в данном коллективном языковом мышлении), почти всегда найдется. Поэтому на практике нередко определение С. расширяется до понятия "двух или нескольких слов, способных фигурировать в качестве обозначений одного и того же внеязыкового представления".

* В отличие от термина *(Г)омоним(ы)* (см.).

СИНТА́ГМА – термин общефонетический <(от греч. σύνταγμα букв. 'нечто соединенное')>. В частности, он введен и Бодуэном де Куртенэ (хотя встречался у некоторых авторов и до Бодуэна)[115] в его ряд "психофонетических" терминов, ныне акцентированных современной ф о н о л о г и ч е с к о й ш к о л о й – именно в терминологический ряд *фонема, кинема, акусма* (и *кинакема*), *морфема* и, наконец, *синтагма*.

Термин С. означает единицу-minimum синтаксического анализа, т.е. единицу *слова*. Соотношения с другими количественно-семантическими единицами видны из следующих определений: фраза – единица-maximum в синтаксисе; синтагма = слово – единица-minimum в синтаксисе, единица-maximum в морфологии; морфема – единица-minimum в морфологии. Таким образом, синтагма (= слово) – элемент фразы (или предложения) и, в свою очередь, делится на морфемы (в морфологии) и на фонемы (в фонетике). Слово *синтагма* образовано от той же греческой (сложной) основы, что и слово *синтаксис*: συν = *sun* – значит 'с' (узб. blan), а корень ταγ = *tag* 'соприкасаться'; таким образом, синтаксис – "составление"; а синтагма – то, что составляется, т.е. "элемент составления (синтаксиса)". Ср. статью *Синтаксис*.

В арабской грамматической терминологии понятию С. соответствует термин – كلمة /كَلِمَةٌ/ (а понятию *синтаксис* – نحو /نَحْوٌ/).

СКЛОНЕ́НИЕ – русский грамматический (и общеморфологический) термин, являющийся точным переводом соответствующего латинского грамматического термина Declinātio* (= *de-clin-ātio*, где *de-* является приставкой-префиксом, а глагольная основа по значению своему соответствует русской глагольной основе *клон/ить/*).

С. – 1) совокупность (или парадигма) падежных форм данного имени (= существительного, прилагательного, местоимения и т.д.), а также 2) само изменение (словоизменение) имени по падежам (см. *Падеж*), – и в этом значении термин С. употреблен, напр., в следующей фразе: "Русский, как и узбекский, язык обладает склонением, в китайском же склонение очень слабо развито"; кроме того, 3) термин С. весьма часто обозначает особый тип, т.е. особую формальную разновидность С., напр., "склонение существительных мужского рода на согласный звук" – тип *сад, конь* или "склонение существительных женского рода на *а*" – тип *жена, земля*, и т.д.

* Ср.: *Спряжение* — буквальный перевод латинского термина Conjugātio.

СЛИЯ́НИЕ (франц. liaison) — слово С. в качестве перевода французского термина liaison прежде всего относится, конечно, к явлению французской грамматики. Во французском языке под liaison понимается окказиональное (или *сандхическое* ‹sāndhi› [см.]) произношение конечных согласных, которые обыкновенно (т.е. вне данных "сандхических", или позиционных, условий) уже не произносятся, хотя и пишутся (в современной французской орфографии) соответственно их действительному (и постоянному) наличию в древнефранцузском языке и в источнике его — латинском языке. Например, 3-го л. Imparfait *épluchait* в большинстве позиций произносится как [eplyšɛ], т.е. без конечного *t*; но тогда, когда это слово сочетается (притом в тесной смысловой связи и без малейшей промежуточной паузы) со следующим словом, начинающимся с гласного звука, это конечное *t* может произноситься; например: *il épluchait un livre* [= ileplyšɛtœ̃livr] 'Он критиковал одну книгу'. В данном случае, следовательно, имеется чередование звука *t* (на конце суффикса [t]) с нулем согласного: *t* ~ нуль, т.е. [-ɛt ~ ɛ].

Наиболее часты (и уже обязательны) случаи liaison тогда, когда заканчивающееся данным ‹звуком› (чередующимся с нулем) п и с ь м е н н о е с л о в о уже утратило свою самостоятельность, превратившись в одну из морфем (в частности, в префикс) новообразованного из нескольких латинских слов комплекса-слова, причем, разумеется, liaison в таких случаях имеет место только тогда, когда следующая морфема (= следующее письменное слово) начинается с гласного, а не согласного звука: напр., *les livres* (из лат. *illos libros*) произносится без звука [z] на конце первой морфемы: [le-livr], но в *les anges* (из лат. *illos angelos*) звук [z] (из лат. *s* в *illos*) обязательно произносится: [lez-ã:ž]. Третий пример: латинское слово *est* (= рус. *есть*) во французском в большинстве позиций уже утратило свои оба согласных звука, т.е. стало произноситься как [-e-], напр., в слове *il est malade* [= il-e-malad]. Но когда данная морфема (= письменное слово *est*) предшествует гласному звуку (в начале следующей морфемы, т.е. следующего письменного слова), то звук [t] уцелевает, напр. *Est-il malade*? [= et-il-malad], *il est un fou* [= il-et-œ̃-fu] и т.п.

В генетической мотивировке явлений liaison многие лингвисты (в том числе, например, Погодин)[116] допускали крупную ошибку, преувеличивая значимость письменных (орфографических) фактов для фонетики живой (устной) речи: например, по изложению Погодина дело выходит так, что французы сначала вовсе забыли произношение конечных согласных в суффиксе *-ait* (в Imparfait и т.д.), в связке *est* и во всех прочих письменных словах (где имеют место явления liaison), а затем, под влиянием ор-

фографии (т.е. написаний с буквой *t* в *-ait*, *est* и т.п.), стали вспоминать про данный звук в тех позициях, где он оказывался удобным для произношения (т.е. там, где он мог устранить зияние — стечение двух гласных звуков). На самом деле влияние орфографии здесь ни при чем: ни одно поколение французов не знало окончательной (безысключительной) утраты звука [t] в вышеприведенных морфемах* в определенных позициях — именно перед гласным; этот согласный звук (напр., [t] в *est* [-et]) никогда — ни в одном поколении — не подвергался исчезновению во всех позициях, и, например, в истории комплекса *il est un*... звук [t] непрерывно существовал на всех этапах эволюции — от латинского до современного нам новофранцузского состояния (ибо в данной его позиции — перед гласным — не было причин для редукции и историко-фонетического процесса падения этого согласного). При этом каждое последующее поколение усваивало подобные чередования (конечных согласных с нулем [et-] перед гласным ~ [e-] перед согласным) просто из речи предшествующего ему поколения, а вовсе не из французской литературы и орфографии.

* Как, разумеется, и всех других конечных согласных, участвующих в явлениях liaison.

СЛО́ВО — русский популярный и в то же время и школьно-грамматический и научно-лингвистический термин, соответствующий латинскому термину (в грамматической латинской терминологии!) vox*, араб. كلمة, нем. das Wort, франц. le mot, англ. the word, узб. soz или kalima (= араб. كالمة) и т.д. В известной мере синонимом можно считать термин *синтагма* (единица-minimum в синтаксисе).

С. называется настолько самостоятельный в смысловом отношении и логически законченный отрезок речи, что он оказывается способным изолироваться в качестве единственного состава произносительной фразы (напр. в диалоге — в вопросах, переспросах, ответах**). Кроме этого (главного) критерия — к р и т е р и я и з о л и р у е м о с т и (приписываемого Поливанову, а на самом деле указанного уже 70 лет тому назад английским лингвистом Sweet'ом) — С. имеет еще ряд других критериев, различных по языкам. Однако эти критерии (т.е. различные признаки С.) далеко не всегда совпадают между собой, а также не всегда совпадают и с критерием изолируемости (и даже в масштабе одного критерия возможны противоречивые аберрации). Это несовпадение критериев, т.е. несовпадение различных признаков С., неизбежно, ибо вытекает из диалектического противоречия признаков в переходных (промежуточных) величинах; а промежуточные величины между словосочетанием (— из двух или более слов) и С., resp. между С. и морфемой (внутри нового — сложного слова), неизбежны во всяком языке и во всякий период его истории, так

как всегда и во всех языках осуществляется процесс *универбации* (см.) определенных словосочетаний. Примерами таких переходных случаев, т.е. промежуточных величин, содержащих в себе не все и не вполне полные признаки единого слова, могут служить некоторые русские сочетания имен с предлогами или же узбекские сочетания "основа имени + *bilən* (// *minən*)" и т.п.

Из фонетических критериев единства С. назовем: акцентуационный (для всех известных нам языков, кроме эрзя-мордовского), анлаутный и ауслаутный критерии. Акцентуационный критерий единого слова, в общем, сводится к принципу: на 1 слово 1 ударение (или силовое или музыкальное; см. *Акцентуация*).

Морфологические критерии слова, конечно, различны в разных языках (в зависимости от принципиальных особенностей морфологического строя). В современном китайском языке, напр., единица, в общем соответствующая С., т.е. тоже занимающая среднее место между словосочетанием (или фразой) и морфемой, оказывается вовсе несоизмеримой с русским или турецким понятием слова, а занимает промежуточное положение между эквивалентом русского С. и русского словосочетания; в связи с этим и морфологическая структура этой единицы, т.е. "С." современного китайского разговорного (живого) языка, в виде общей нормы, принципиально отличается от нормальной структуры русского (или турецкого и т.д.) С., и притом не только в качественном, но и в количественном отношении: статистически нормальный вид современного китайского слова представляет собою сочетание двух лексических (корневых) морфем, соответствуя, таким образом, такому исключительному для русского языка типу слов, как *детдом, совхоз* и т.п. Еще бóльшие различия между количественно-морфологическими масштабами С. мы найдем при сравнении русского, напр., языка с типично полисинтетическими языками: чукотским или алеутским, эскимосским и т.п., где одно и то же "С." сплошь и рядом оказывается семантически эквивалентным длинному словосочетанию русского языка, т.е. включает в себя целый ряд различных лексических (корневых) морфем: ср., напр., "слово-фразу" из гренландского диалекта эскимосского языка***: *takusariartorumagaluarnerpa* 'Думаете ли вы, что он, действительно, собирается заняться этим делом?', т.е. —

takusar	*iartor*	*uma*	*galuar*	*nerp*	*a*
'он заботится об этом'	'он собирается'	'он намеревается'	'он делает'	'думаете ли вы?'	'он'

С. как единица, выделяемая на основании критерия потенциальной изолируемости (а равным образом, акцентуационное слово, т.е. отрезок речи, объединенный одним ударением), весьма нередко оказывается несовпадающим с

письменным словом в данной традиционной орфографии: напр., французские комплексы *je dis*, *tu dis*, *je te le dis*, *je te l'ai dit* и т.п. состоят из двух, четырех и пяти письменных слов (— в связи с тем, что орфография отражает более древнее деление на слова), а между тем каждый из этих комплексов для современного французского языка является одним словом (как на основании критерия потенциальной изолируемости — ибо морфемы *je*, *tu*, *te*, *le*~*l'* и т.п. не способны изолироваться, — так и на основании акцентуационного критерия). Равным образом едиными словами являются и такие комплексы, как *je ne dis pas*, *tu ne le dis pas*, *il ne me le dit pas* и т.п., хотя в них насчитывается четыре, пять и шесть письменных слов (единство этих комплексов, в качестве единых целых слов, подтверждается опять-таки и критерием потенциальной изолируемости, и акцентуационным критерием — поскольку в каждом из данных морфемосочетаний имеется лишь одно ударение: на последнем слоге всего этого морфемосочетания, т.е. на слоге *pas* [= pa]).

Это противоречие между орфографическим критерием (т.е. единицей письменного слова) и внутриязыковыми критериями слова, в свою очередь, может рассматриваться как одно из диалектических явлений, служащих результатом неуклонно идущего (— констатируемого во все периоды языковой истории во всяком языке) процесса универбации, но это, конечно, явление уже принципиально иного порядка, чем противоречия самих внутриязыковых критериев, в качестве примеров которых можно назвать следующие хотя бы случаи.

1. Противоречие между акцентуационным и морфологическим критериями единого слова в таких, напр., русских словах, как *словообразование*, *самопоклонение*, *яфетидомания*, *низкопоклонничество*, *беспардонно-невежественный* и т.д.: каждое из этих сложных слов произносится — или, по крайней мере, может произноситься — с двумя ударениями, т.е. представляет собою, хотя бы факультативно, два акцентуационных слова; между тем с морфологической точки зрения каждый из этих комплексов (последний из них по крайней мере факультативно) является единым (хотя и сложным) словом; добавим, что и в морфологическом аспекте количественная характеристика этих комплексов — как и всяких других сложных слов русского языка вообще — содержит в себе противоречивые моменты: наличие двух лексических основ само по себе обусловливает переходный, или промежуточный, характер данного рода слов — между статистически-нормальным типом русских слов (*стол*, *жена*, *книга*, *добрый*, т.е. слов с одной лексической основой) и словосочетанием, включающим в себя два слова.

2. Противоречие между акцентуационным и анлаутным критериями единого слова в немецком комплексе *übereinander* [ˈy:bərˀainˀandr̥] и т.п.: в данном комплексе обычно имеется ударение (т.е. он представляет собою

одно акцентуационное слово), а между тем с точки зрения анлаутного критерия он может рассматриваться как три слова, ибо наличие Stimmbänderverschluss а /ˀ/ характерно для начальных гласных звуков слова, т.е. служит признаком гласного анлаута (= начала самостоятельного слова).

3. Противоречие между акцентуационным и сингармонистическим критериями единого слова — в турецких (сингармонистических, конечно) языках — во всех т.н. "ломаных" словах узбекского, напр., языка (— его сингармонистических говорах): напр., *kyl₂al₁~kyl₂al₁ga* (дат.-напр. пад.) в туркестанском говоре; *nika:~nika:ga* (дат.-напр. пад.) в манкентском говоре и т.д.[117].

* Относительно лат. verbum, которое в качестве грамматического термина имеет уже частное, специфическое значение, служа наименованием для глагола (как "слова" по преимуществу), — см. в статье *Глагол*.

** Например, в следующем хотя бы диалоге: — Пьешь? — Пью. — Пиво? — Нет. — Водку? — Да. — Помногу? — Нет. — Бутылку? — Нет. — Больше? — Да. — Две? — Да. — Ежедневно? — Да. А ежели в лесочку, да при ручеечку, то до бесконечности...

*** Из статьи В.Г.Богораза в книге "Языки и письменность народов Севера". [Ч.III]. М.-Л. 1934[118].

СЛОГ — русский (от рус. корня √*лог-*// *лег-*~ *лёг*// √*лех-ать*, узб. *jat-maq* и предлога *с* 'blan brga') грамматический и латинский (фонетический) термин, соответствующий латинскому (из греческого языка взятому) слову syllaba (из греч. συλλάβη = *syllábē* букв. 'вместе взятое'). Греко-латинский термин этот стал международным, превратившись, например, во французское sillabe, немецкое Silbe (или, по "ученой", грецизирующей орфографии, — Sylbe, — читай [zilbə] или [zylbə]). С. — фонетическая (не морфологическая!) единица речи, высшая по отношению к фонеме, низшая по отношению к фонетическому *слову*, ибо слово мыслится состоящим из слогов (minimum из одного слога; при этом в счет не идут, конечно, те письменные слова — не-"слова" с точки зрения произносительной речи, которые не составляют слога: напр., русские *с*, *к*, *в*). Фонологически С. определяется как потенциальный носитель ударения. С акустической стороны, С. — это отрезок речи, содержащий в себе одно относительное усиление звучности*, т.е. акустической эффективности, между двумя более слабыми в отношении звучности моментами (которыми может быть и просто акустическая пауза — нуль слышимости)[119]. Напр., звук *r* по отношению к *в* и *p* более звучен (— слышен, при прочих равных условиях, на более далекое расстояние и вообще более эффективен в акустическом отношении); поэтому в комплексе *вгр* — в частности, в сербском слове *срп* 'серб' — звук *r* будет представлять собою одно усиление звучности (по сравнению с окружающими звуками *в* и *p*), и таким образом этот комплекс (*вгр* = *срп*) будет представ-

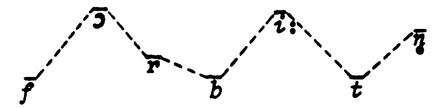
лять собою о д и н с л о г; графически это относительное усиление звучности, т.е. состав комплекса *врр = срп*, с точки зрения разных степеней акустической эффективности его элементов (*в*, *r*, *p*) можно выразить в виде следующего схематического чертежа:

Но в комплексе *рв:*·(*пст*) звук *в* будет, в свою очередь, представлять относительное усиление звучности (по сравнению с окружающими звуками — *p* и *t*), и таким образом этот комплекс (*pst*), в свою очередь, будет состоять из о д н о г о с л о г а:

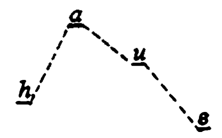

Сколько таких относительных (по сравнению с предыдущим и последующим моментами) усилений звучности имеется в слове, столько в нем имеется и слогов: напр., в немецком слове *vorbieten* [= fɔrbi:tn̥] относительные (— по сравнению с соседними звуками) усиления звучности приходятся на звуки [ɔ], [i:], [n̥], и таким образом слово это содержит в себе три слога:

При этом сонорные (*r*, *l*, *i̯* ~ *j*, *u̯* ~ *w*) и носовые (*m*, *n*, *ŋ*) более звучны, чем спиранты (*z* и *s*, *ẓ* и *ṣ*, *ɣ* и *x*, *h*, *f* и т.п.); спиранты (напр., *s*, *f*, *ṣ*, *x*) более звучны, чем смычные неносовые (*t*, *p*, *k*, *q*), и каждый звонкий (напр., *z* или *b*) более звучен, чем соответствующий ему (т.е. парный ему) глухой (*s*, resp. *p*). Но так как самой главной разницей по звучности является разница между гласными и согласными (гласные, в общем, гораздо звучнее согласных)** и так как, с другой стороны, гласные, в общем, более или менее симметрично чередуются (по крайней мере во многих языках, особенно в турецких или в китайском и т.п.) с согласными, то для многих языков, в большинстве случаев, фактическое усиление звучности соответствует (чаще всего) гласному звуку, и именно положению гласного между согласными, или в начале слова перед согласным (как, например, в слове *adam*[= ɔdəm]), или на конце после гласного (как в слове *jaṣa* [= jəṣə]). А потому очень часто выходит так, что число слогов определяется числом гласных звуков, сколько гласных звуков, столько слогов. Однако н е всегда наличие гласного звука обусловливает наличие отдельного (соответствующе-

го данному гласному звука) слога: например, в немецком слове *Haus*, несмотря на наличие двух гласных звуков, имеется только один слог, ибо в этом слове мы находим только одно относительное усиление звучности (окруженное двумя менее звучными моментами):

Это происходит потому, что смежные гласные *a* + *u* произносятся здесь (в данном немецком слове) не так, как в русском слове *Ау!*, а как *av* в узбекском слове *uoav* 'втроем', т.е. оказываются слитыми в дифтонг (см. *Дифтонг*); в этом дифтонге слоговая, или слогообразующая, функция приходится на гласный *a*, тогда как гласный *u* оказывается неслоговым, или неслогообразующим (что в транскрипции обозначается значком ̯; таким образом передается дифтонг *au* [= aṷ] в немецком слове *Haus* [= haṷs]). Относительно роли слога в китайской и т.п. фонологии см. статью *Моносиллабизм*.

* Не надо смешивать з в у ч н о с т ь и со з в о н к о с т ь ю (см. *Звонкие звуки*).

** Обратим внимание, что при пении нами используются именно гласные звуки. Равным образом, при крике на далекое расстояние, слышимыми оказываются опять-таки гласные (а не согласные) звуки. Вот почему в составе такого призывного междометия, как *Ау!*, фигурируют лишь два гласных звука.

СМЫЧНЫЕ /СОГЛАСНЫЕ/ з в у к и (лат. occlūsiva) — фонетический термин. Так называются согласные звуки, для которых характерен полный затвор ртового прохода посредством смычки, производимой или обеими губами, или же языком против той или другой зоны твердого или мягкого нёба, или же, наконец, в гортанной щели (— гортанный смычный [ʾ]; см. *Гамза*). Поскольку смычка обычно завершается (разрешается) в з р ы в о м смычки, т.е. раскрытием ртового прохода, смычные согласные весьма часто именуются также в з р ы в н ы м и (*эксплозивными* = explosiva).

При отсутствии взрыва смычки (таковы, напр., конечные согласные в корейском, аинском, тагальском, известных южнокитайских диалектах) смычные являются *имплозивными* = implosiva (см.). Нормальнейшие типы смычных неносовых: *p*, *b* (губные), *t*, *d* (переднеязычные), *ḱ*, *ǵ* (среднеязычные), *k*, *g* (неглубоко-заднеязычные), *q*, *ɢ* (велярные). Кроме того, смычными могут называться (— с точки зрения закрытости ртового именно прохода) и н о с о в ы е согласные *m*, *n*, *ŋ* , несмотря на то что при них во время ртовой смычки выход воздуха все-таки совершается именно через носовую полость.

СОНА́НТ — фонетический и сравнительно-грамматический термин, происходящий из латинского причастия *sonans* (род.пад. *sonant-is*) букв. 'звучащий' (от глагола *son-o* 'звучать').

В качестве общефонетического термина слово С. имеет, прежде всего, то же значение, что и термин *гласные* = *vocales* (русское слово *гласный* является буквальным переводом латинского *vocalis*). Но кроме обычного состава гласных (вроде *a*, *e*, *o* и т.д.) в числе С. могут пониматься и *сонорные звуки* — поскольку они фигурируют в функции гласных, а не согласных (так, например, к сонантам будут причисляемы и *r̥*, *l̥*, *m̥*, *n̥* слоговые — напр., в немецких словах *Brüdern* [= bry:dr̥n], *Gabel* [= ga:bl̥], *leben* [= le:zn̥], *lieben* [= li:bn̥] или [= li:bm̥].

В сравнительной грамматике индоевропейских языков под С. понимаются именно последнего рода звуки, в частности следующие общеиндоевропейские (восстановляемые) звуки[120]:

слогообразующее *r̥, напр., в **pətr̥-su* (Locativ Pluralis от 'отец'), откуда скр. *pitṛṣu*;

слогообразующее *l̥ напр. в **wl̥kos* 'волк', откуда скр. *vṛkaḥ*, лит. *vilkas*, слав. ВЛЪКЪ (// рус. *волк*);

и так называемые nasales sonantes, т.е. носовые сонанты (не сохранившиеся в интактном виде ни в одном из исторически известных языков):

*n̥, напр., в отрицании *n̥- (чередовавшемся с **ne-*) 'не', откуда скр. *a-*, греч. ἀ- = *a-* ("alpha privativum" — напр., в *атом* = ἄ-τομ-ος), лат. *in-* (напр., в *in-nocens* и т.п.);

*m̥, напр., в **septm̥* '7', откуда скр. *saptá*, др.-перс. *hapta*, греч. ἑπτά = *heptá*, лат. *septem*; а кроме того, и чередования узких гласных типов *i* и *u* в их совокупности, т.е. **i* ~ *i̯* (= *i* неслоговое), **u* ~ *u̯* (= *u* неслоговое).

Отличное, хотя и недалеко отстоящее от С., значение имеет термин *сонорные* (согласные звуки).

СОНО́РНЫЕ (звуки) — фонетический термин латинского происхождения (производный от основы *son-ō* 'звучу — звучать'; ср. термин *сонант*).

С. согласными звуками обыкновенно называются согласные тех типов, которые в акустическом отношении оказываются наиболее близкими (и органически родственными) к *гласным* звукам и даже могут, в известных условиях (и в известных языках), фигурировать в слогообразующей функции, т.е. в роли сонантов. К С. согласным (в широком смысле) относятся:

1) звуки типов *р* и *л* (в школьных грамматиках объединяемые под ненаучным термином "плавных");

2) звуки типов *i̯* ~ *j* и *u* ~ *w* (являющиеся, в сущности, "осогласненными" вариантами гласных *i*, *u*), а равным образом *y* ~ *ɥ* (т.е. осогласненное [y]), напр., во французском слове *lui* [= ly̯i = lɥi];

3) носовые: *m*, *n*, *ŋ* и их вариации.

Но иногда термин С. употребляется в более узком смысле, а именно: носовые (*m*, *n*, *ŋ*...) в число С. не включаются, а считаются особой категорией, стоящей рядом с категорией С. В таком случае совокупность вышеперечисленных звуков обнимается уже двумя терминами: *сонорные* и *носовые*.

SPIRITUS ASPER ("грубое", или "густое", придыхание) — начальный звук *h*, обозначавшийся через ' в греческих словах: напр., ὅς, ἧμα (читай hos, hēma и т.п.). В отличие от S.A. простой (без *h*) приступ начального гласного обозначался через ' и назывался *Spiritus lenis* <("легкое", или "тонкое", придыхание)>: напр., ἄλλος и т.п.

СПРЯЖÉНИЕ — русский грамматический (и общеморфологический) термин, являющийся буквальным переводом латинского грамматического термина Conjugātio (*con-jug-ātio*, где предлог *con-* = русской приставке *с-*, а основа *-jug-* значит то же самое, что и русская глагольная основа *пряг-*, напр., в *запрягать* и *сопрягать*).

С. в громадном большинстве случаев (а в школьных грамматиках исключительно) называется словоизменение (т.е. формообразование) глаголов. При этом, иногда под С. понимается вся совокупность чисто глагольного словоизменения (т.е. и формообразование времен и наклонений и пр.), а иногда термин этот понимается в узком смысле и означает только спряжение (= словоизменение) по лицам (= по лицам и числам). Это последнее значение имеется в виду, например, во фразе, гласящей, что "в японском языке нет спряжения, т.е. нет спряжения по лицам — как его нет, с другой стороны, и в корейском и в ряде других языков, напр., в некоторых дагестанских языках".

Но кроме С. глаголов научная лингвистика говорит и о С. имен. С. имен нет, правда, в русском языке, но зато оно имеется, напр., в монгольском, в турецких, в восточнофинских (в частности, в мордовском) и других языках.

Узбекский пример спряжения имен и форм прошедшего времени:

в живой речи	в традиционном письменном языке
(mən) ozbə́kmən	(مین/من) ئوزبیک درمه ن
(sən) ozbə́ksən	(سین/سن) ئوزبیک درسه ن
(u) ozbək	(ئول) ئوزبیک در
и т.д.	
(mən) bɔlə-edim	(مین) بالا ئیدیم
(sən) bɔlə-edin	(سین) بالائیدیڭ
(u) bɔlə-edi	(ئول) بلائیدی
и т.д.	и т.д.

СРАВНИ́ТЕЛЬНАЯ (или к о м п а р а т и в н а я) **ГРАММА́ТИКА** I[121] (нем. Vergleichende Grammatik) — лингвистический термин, служащий для обозначения отдельных дисциплин языкознания (именно — сравнительного, или компаративного, языкознания).

Здесь нужно прежде всего указать, что С.Г. вообще (т.е. С.Г. всяких и всех языков) существовать не может*: существуют лишь С.Г. определенных языковых групп — именно групп родственных (друг другу) языков (— в том числе, хотя бы таких, которые я позволяю себе считать родственными на основании позднего проникновения в каждый из данных языков заимствований из одного и того же источника; см. ниже).

Таким образом, существуют, например: С.Г. романских языков, С.Г. германских языков, *сравнительная грамматика славянских языков* (см.), или, например, С.Г. турецких языков и т.п., а с другой стороны, С.Г., объемлющая системы (языковые группы) более отдаленного родства: например, С.Г. индоевропейских языков (обозревающая, например, и германские, и славянские языки — вместе с рядом других, находящихся к друг другу в отношениях столь же отдаленного родства, как германские языки со славянскими); другой пример — С.Г., "алтайских" языков, обозревающая турецкие языки в их генетических соотношениях с монгольскими и маньчжуро-тунгусскими (родство с которыми является для турецких языков гораздо более отдаленным, чем родство турецких языков между собою).

Сравнительной (или, что буквально то же самое, компаративной **) каждая из данных дисциплин называется вовсе не просто потому, что научная мысль пользуется в них мыслительным актом с р а в н е н и я. Если бы поводом для данного наименования служило именно только применение сравнения, но с тем же правом должны были бы быть названы сравнительными все научные дисциплины (и ботаника, и астрономия, и этнография, и история кулинарного искусства и проч. и проч.). Да, строго говоря, и не только научное мышление, но и чисто обывательская практика человеческого мышления на каждом шагу применяет сравнение.

На самом деле основания для термина С.Г. состоят в применении особого сравнительного (компаративного) метода, сводящегося к тому, что исходное состояние языковых фактов (звуков, форм, слов и т.д.), от которого ведется изложение историй отдельных языков данной группы, в о с с т а н о в л я е т с я (реконструируется) на основании сопоставления (или, говоря грубо, — с р а в н е н и я) соответствующих языковых фактов в этих отдельных — современных нам, живых, или же засвидетельствованных литературными памятниками древних языках данной группы.

Например, то исходное (или "праязыковое", — "общеславянское") состояние языковых фактов, с которого начинается изложение языковых эволюций в *сравнительной грамматике славянских языков*, нам не дано ни в одном из совре-

менных славянских языков, ни в одном из древних письменных славянских языков (ибо славянская письменность началась лишь много веков после того, как данное исходное — или "общеславянское" — состояние языковых фактов стало подвергаться различным и своеобразным изменениям в каждом из отдельных славянских языков). Однако, несмотря на это, мы в известных пределах имеем возможность устанавливать — каково было это исходное (общее для начала эволюций отдельных славянских языков) состояние для определенных слов и грамматических форм; иначе говоря — каковы были языковые факты т.н. "общеславянской эпохи", или "общеславянского" языка, и это установление — или, точнее, восстановление (реконструкция) — достигается путем ряда умозаключений, отправляющихся (ретроспективно) от фактов, засвидетельствованных в современных нам или же в древних письменных славянских языках. Например, из сопоставления форм слова *сон*, представленных в современных живых славянских языках, например, рус. *сон*, пол. *sen*, серб. *сан*, а также в древнецерковнославянском языке — где имеется написание **СЪNЪ**, мы можем заключить, что "общеславянская" форма данного слова (= та форма, которая имелась в истории каждого из славянских языков на заре его самостоятельной индивидуальной и своеобразной эволюции) заключала в себе четыре звука, из которых 1-й и 3-й были согласными звуками — *s* и *n*, а 2-й и 4-й повторяли собой одну и ту же гласную фонему (условно обозначаемую символом *ъ или *ŭ); следовательно, "общеславянская" форма данного слова восстановляется в виде **sъnъ* = **sŭnŭ* (причем мы можем со значительной вероятностью восстановлять и качественную характеристику гласного *ъ = *ŭ: можно думать, что это был звук того же — в качественном и количественном отношениях — типа, что и современный нам звук *ы* [ɘ̆] казахского языка). Отправляясь от этой восстановляемой, или реконструируемой, формы (**sъnъ* = **sŭnŭ*), С.Г. славянских языков рассказывает о тех индивидуальных изменениях ('эволюциях), которым данное слово подвергалось в отдельных славянских языках (например, в русском языке индивидуальная эволюция общеславянского **sъnъ* состояла в том, что конечный гласный *ъ исчез из произношения, а первый *ъ, наоборот, не мог уже при этом исчезнуть, т.е. превратиться в нуль звука, так как тогда слово осталось бы вовсе без гласного, и потому должен был совпасть, поскольку самостоятельное представление звука ъ, как такового, уже исчезло — с некой другой гласной формой: в русском ближайшей к *ъ фонемой оказывался гласный *о*, почему и совершилось изменение: **sъn(ъ)* ⟶ *son* = *сон*; подобные же факторы действовали и в польском, и в сербском с тем только различием, что не подлежавший падению (первый) *ъ переходил не в *о*, но в *е* — в польском, или же в *а* — в сербском). Изложение этих индивидуальных (— в каждом отдельном языке имевших место) эволюций

(как фонетических, так и морфолого-синтаксических, конечно) именно и служит основным содержанием С.Г.; восстанавливаемая же в качестве исходного пункта для каждой из таких эволюций "праязыковая" (в данном случае — "праславянская") картина слов, форм и т.д. является для С.Г. не самоцелью, а средством к изложению вышеупомянутых эволюций в отдельных языках.

* Зато можно говорить о сравнительном языкознании, как совокупности всех возможных С.Г. — разных языковых групп.

** Прилагательное *компаративный* (лат. *comparātīvus*) образовано от латинского глагола *comparāre* 'сравнивать'.

СРАВНИ́ТЕЛЬНАЯ ГРАММА́ТИКА II. — С.Г. славянских языков есть совокупность (или совместное изложение) исторических грамматик отдельных славянских языков (русского, польского, сербского и т.д.), отправляющихся от общего всем этим языкам состояния языковых фактов (— от "общеславянского праязыка"), причем этот отправной пункт (или общеславянское состояние каждого языкового факта) восстанавливается путем сопоставления (сравнения) отдельных славянских языков (русского, польского, сербского и т.д.).

Аналогичное определение может быть дано и всякой другой С.Г., в частности, например, С.Г. индоевропейских языков: для восстановления исходного (или "праязыкового" — общеиндоевропейского) состояния языковых фактов привлекаются к сравнению факты отдельных (разумеется, родственных одна другой) групп индоевропейских языков — в лице древнейших письменных языков данного (— индоевропейского) семейства, каковы: санскрит, древнеперсидский и авестийский, древнегреческий, латинский, а также готского, древнецерковнославянского, литовского и других индоевропейских языков; и когда — путем специальных умозаключений и выкладок — удается восстановить это исходное состояние отдельных слов, отдельных грамматических форм, звуков и пр., это дает возможность проследить те индивидуальные эволюции, которые имели место в отдельных группах и отдельных языках данного семейства. Например, из сравнения форм числительного "семь" — скр. *saptá*, др.-перс. *hapta* (откуда новоперс. هفت = тадж. *haft*), др.-греч. ἑπτά = *heptá*, лат. *septem*, слав. **СЄДМЬ** и т.д. можно восстановить (реконструировать) общеиндоевропейскую форму этого слова — в виде **septḿ̥**; а зная эту исходную форму, уже легко показать и мотивировать те изменения, которые постигли эту форму (**septḿ̥*) в периоды самостоятельной эволюции отдельных индоевропейских групп и отдельных индоевропейских языков; напр., в санскрите **septḿ̥* изменилось в *saptá* — благодаря переходу гласного **e* ⟶ скр. *a* и переходу носового слогообразующего **m̥* — тоже в звук *a*; те же изменения имели место и в древней истории предка персидского языка, где к ним присоединилось еще изменение **s* ⟶ *h*; в грече-

ском мы имеем *s ⟶ h и *m̥ ⟶ a, как и в древнеперсидском, но зато отсутствовало изменение *e ⟶ a (общее древнеперсидскому и санскриту); латинская форма оказывается ближе всего к исходной, отличаясь от нее только утратой слогообразующей функции носового m̥: и естественной для латинского языка переменой места ударения: *septḿ̥ ⟶ séptem и т.д.

В большинстве наличных С.Г. (например, в С.Г. индоевропейских языков, как и в составляющей по отношению к ней исходную ступень С.Г. славянских языков, или же, с другой стороны, — например, в С.Г. семитских языков, или же в С.Г. турецких языков, и тем более в С.Г. т.н. "алтайских" языков), восстанавливаемое сравнительным (= компаративным) методом исходное (или "праязыковое") состояние лежит далеко за пределами наших исторических горизонтов, т.е. в глуби доистории. Но может быть и иначе: так, праязык сравнительной грамматики романских языков (итальянского, испанского, португальского, французского, провансальского, ретороманского, румынского, а также вымершего далматского) оказывается нам хорошо известным уже по литературным памятникам, так как это нечто иное, как латинский язык (— первоначально говор города Рима, затем распространившийся на всю Италию и на римские колонии, где — путем дифференциации, или т.н. "путем диалектологического дробления" — и произошли из него вышеназванные романские языки). Принципиальной разницы между такой С.Г. (= С.Г. романских языков), праязык которой оказывается литературно засвидетельствованным, и обычными случаями С.Г. (где о праязыке можно составить себе известные представления лишь путем реконструкции сравнительным методом), конечно, **не существует**: разница лишь в том, что в первом случае (— на сравнительной грамматике романских языков) мы имеем возможность блестящего подтверждения сравнительного метода реконструкции: ибо оказывается, что даже если бы мы и не имели латинской письменности и литературных памятников латинского языка, мы могли бы почти полностью восстановить картину этого (= латинского) языка (реконструировав его сравнительным методом на основании фактов романских языков), — настолько реконструктивные выводы эти, оказывается, совпадают с латинскими словами, грамматическими формами и т.д., представленными в письменном латинском языке.

Наиболее разработанной (и служащей образцом для прочих компаративных штудий) является С.Г. индоевропейских языков, насчитывающая уже около 120 лет своего существования (датой создания С.Г. индоевропейских языков можно считать 1816 год — появление книги Франца Боппа /Franz Bopp/[122], в которой он во вполне доказанном виде излагает родство морфологических систем санскрита и других древних индоевропейских языков). В составе С.Г. индоевропейских языков рассматриваются следующие —

родственные между собой и таким образом являющиеся индоевропейскими — языковые группы, или семьи**:

1) индийская (санскрит и другие арийские языки Индии: арийская ветвь индоевропейского семейства),
2) иранская,
3) славянская,
4) литовская, или балтийская (литовский, латышский и вымерший прусский язык),
5) германская,
6) кельтская,
7) италийская (латинский язык и давным-давно вытесненные им родственные ему языки древней Италии: оскский, умбрский и некоторые другие),
8) греческая,
9) албанская,
10) армянская,
11) тохарская.

Из других примерно С.Г. назовем здесь (частично уже упоминавшиеся выше) *сравнительную грамматику*[123]:

семитских языков (древнееврейский, арамейский, ассиро-вавилонский, арабский, абиссинский и некоторые другие языки);

уральских языков (— в виде трех ветвей: финских, угорских и самоедских языков; благодаря преимущественной изученности первых двух из этих ветвей весьма часто говорится о С.Г. финно-угорских языков [вместо финно-угорско-самоедской С.Г.]);

алтайских языков (т.е. турецких, монгольских и маньчжуро-тунгусских языков; кроме того, к числу алтайских языков я позволю себе причислить и четвертую их ветвь — корейский язык; в виде младших ступеней в С.Г. алтайских языков располагаются: С.Г. турецких языков, С.Г. монгольских языков, С.Г. маньчжуро-тунгусских языков);

тибето-китайских (индокитайских, по неточной традиционной терминологии) языков (— тибетского, китайского, бирманского, сиамского и ряда мелких языков);

малайских языков (входящую в состав сравнительной грамматики т.н. аустронезийских: полинезийских, маланезийских и малайских языков);

языков банту (одного из семейств негрских языков Африки); и т.д.

Добавим, что кроме С.Г. тех совокупностей языков, которые признаются родственными с точки зрения традиционной генеалогической классификации, возможны и такие сравнительно-грамматические штудии (т.е. С.Г.), которые охватывают лишь общие (т.е. родственные) элементы в неродственных (по традиционной генеалогической классификации) языках. Например, японский язык не является родственным ни к китайскому, ни к аннамскому, но включает в себя массу китайских заимствований (— заимствованных слов), которые проникли, с другой стороны, и в корейский, и в аннамский языки; благодаря этому оказывается возможной "С.Г. языков китайской культуры", в которой

будут изучаться (— в качестве параллелей к собственно китайским формам слов) и вышеупомянутые китайские заимствования японского, корейского и аннамского (а также и некоторых других) языков. Вторым подобным же примером могло бы быть изучение арабских заимствований (из классического арабского языка Корана) в персидских наречиях, в турецких языках, а также в малайских и разных других языках исламской культуры.

* Значок ∘ означает слогообразующую функцию данного звука (— здесь звука *m* = **m̥*, т.е. слогообразующего носового *М*, т.е. звука того же типа, что в немецком <выступает> дублером произношения слова *sieben* '7' в виде [zi:bm̥] вместо более корректного [zi:bn̥]. Ударение, имевшееся на этом "слогообразующем носовом" (= nasalis sonus *-m̥*) первоначально, т.е. в более древнюю из т.н. "праязыковых эпох", по-видимому, лежало на первом слоге (= на гласном **e*) и было перенесено с этого слога на второй (последний) слог, вероятно, под влиянием аналогии к соседнему (смежному) счетному числительному восемь : **oktō̂u* (ср. скр. *aṣṭā́u*, греч. ὀκτώ = *oktō̂*).

** В названиях этих семей здесь сохраняются традиционные термины генеалогической классификации языков.

СУЩЕСТВИ́ТЕЛЬНОЕ — то же, что *Имя существительное*.

ТВЁРДЫЕ СОГЛА́СНЫЕ — см. *Мягкие и твёрдые согласные* и *Палатализованные согласные*.

ТВОРИ́ТЕЛЬНЫЙ ПАДЁЖ — русский грамматический термин, соответствующий термину Instrumentalis (т.е. *Орудный падеж*) в интернациональной общелингвистической (морфологической) терминологии: название падежа (5-го по порядку в русской деклинационной парадигме). Прилагательное Instrumentalis происходит от латинского существительного *instrumentum* 'инструмент, орудие' и таким образом в буквальном переводе на русский язык должно было бы дать эквивалент "орудный (падеж)", — термин, который, в свою очередь, тоже употребляется в русской научно-лингвистической (но не в школьной грамматической) литературе; русское же слово *творительный* не является переводом латинского грамматического термина (каковы, между прочим, почти прочие русские названия падежей*), и это стоит <объяснить>, в связи со следующими двумя обстоятельствами:

1) латинский термин Instrumentalis в самой латинской грамматике оказывается термином с и н т а к с и ч е с к о г о, а не м о р ф о л о г и ч е с к о г о значения, т.е. обозначает окказиональную синтаксическую (смысловую) функцию падежа, а не самый падеж как форму склонения, и, следовательно, не входит в перечень падежей латинского склонения**;

2) в стандартном перечне падежей 5-й = русский Т.П. соответствует латинскому (пятому по счету в латинском перечне падежей) Ablātīv'у, т.е. и с х о д н о м у, или —

если буквально переводить — "относительному" падежу, ибо термин Ablātīvus состоит 1) из предлога *ab* 'от' + 2) глагольной коренной морфемы *lat-* от глагола *fero, tuli, latum, ferre* 'нести'~'носить' + 3) суффиксации *-īv-us*, повторяющейся и в прочих названиях латинских падежей. Этот лат. падеж — Ablātīvus — совмещает в себе ряд функций, в том числе и функцию и с х о д н о г о, и функцию т в о р и т е л ь н о г о, но назван он именно по первой из этих функций — исходной, или аблативной, которая как раз в русском-то 5-м падеже и отсутствует (общей для латинского 5-го и русского 5-го падежей служит, наоборот, как раз другая — инструментальная, или орудная, функция). Вот почему переводное (с термина Ablātīvus) название —"исходный", или "относительный" — для русского 5-го падежа никак не подходило, для него взят был другой термин, именно — термин "Т.П.".

Соответствующий узбекский падеж (на *blan = bilən* برلن " بالن " بلن в литературном языке, откуда ташк. *minən ~ minəm* в живых говорах) имеет две особенности.

1. По своей функциональной характеристике это — не только т в о р и т е л ь н ы й (= Instrumentalis по интернациональной латинской общеморфологической терминологии), но и с о п р о в о д и т е л ь н ы й (= Sociativus или Comitativus) падеж, ибо он имеет две разные функции: во-первых, инструментальную: напр., во фразе *balta blan capti // // bəltə-minən cəpti*, и. во-вторых, социативную: напр., во фразе *bala blan keldi // bələ-minən keldi.*

2. Этот узбекский падеж (Instrumentalis-Sociativus или Instrumentalis-Comitativus) представляет более позднюю формацию по сравнению с прочими суффиксальными падежами <...>[124]. Он пишется отдельно в узбекской орфографии. Есть основание называть эту переходную (между послелогом и падежным суффиксом) морфему "суффиксом-послелогом" — именно в смысле переходности с диалектической точки зрения на единицу слова (см. *Слово*, см. также *Падеж*).

* Ср.: Nominativus ~ именительный, Genitivus ~ родительный, Dativus ~ дательный, Accusativus ~ винительный (а также и Vocativus ~ "звательный").

** Где мы находим пять падежей (без звательного): 1) Nominativus; 2) Genitivus; 3) Dativus; 4) Accusativus; 5) Ablativus.

ТЕ́РМИН — слово Т. не принадлежит к числу лингвистических терминов: это слово — слово общего значения. Тем не менее, поскольку оно весьма часто употребляется, когда речь идет о языковых фактах (особенно в вопросах прикладной лингвистики), я нахожу нелишним указать здесь на этимологию (происхождение) этого слова. Т. — слово латинское: *términus* букв. 'веха' (и в частности — камень, отмечавший мили пути подобно нашим верстовым столбам и т.п.).

От данного общего значения 'веха, определяющая известную величину или меру', произошло и суженное значение: *términus* стало обозначать 'слово, определяющее собою известное понятие'[125]. В результате Т. стали называться слова, означающие (определяющие собою) те или другие специальные понятия, например, в той или другой области науки и техники; отсюда выражения "научные термины", "технические термины", "политические термины" и т.д.

ТЕРМИНОЛО́ГИЯ — совокупность терминов. Таким образом, например, "узбекская Т." — это совокупность обладающих специальными значениями слов, принятых в узбекском языке; "ботаническая Т." — совокупность терминов, относящихся к ботанике (т.е. названий растений, а также всевозможных элементов растений, биологических процессов, протекающих в растениях и т.д.), "узбекская ботаническая Т." — это совокупность принятых в узбекском языке терминов, по значению своему относящихся к ботанике (= науке о растениях). Подобным же образом употребляется и словосочетание "лингвистическая Т." (которой посвящен настоящий "Словарь").

Русская научная (а также и политическая) Т. в значительной своей части состоит из слов (= терминов) западноевропейского, и именно греко-латинского происхождения (причем греческие основы в большинстве данных терминов фигурируют в латинизированной своей форме); это объясняется общим ходом европейской и русской истории культуры и науки, первая хронологическая ступень которой приходится на долю древней Греции, а вторая на долю Рима, после чего "романская", в основе своей научная, культура распространяется по Европе и наконец — главным образом за два последних столетия — проникает в Россию вместе с принадлежащей ей и уже международной в общеевропейском масштабе Т.

ТО́Н (от греч. τόνος = *tŏn-ŏs*). В лингвистической литературе слово Т. может быть встречено в следующих, главным образом, значениях.

1. В качестве чисто акустического термина, т.е. со значением "музыкальный тон" (— в противоположность шуму).

2. В составе фонетического термина *основной тон* (см.) и *голосовой тон* (см.). Основной тон надо строго отличать от *характерного тона* (см.): основным тоном в произнесении некоего гласного звука бывает именно голосовой тон, т.е. тот музыкальный тон, который образуется периодическими колебаниями (= дрожанием) голосовых связок; следовательно, основной тон может быть совершенно различным в разных произношениях одного и того же гласного (как, с другой стороны, и звонкого согласного) звука, и наоборот, может быть одинаков при совершенно различных гласных (resp. звонких согласных) звуках, напр., русский гласный звук *а* будет сознаваться нами как один и тот же звук языка, несмотря на то что мы будем про-

износить или петь его на любые ноты голосового тона; и наоборот, на одну и ту же ноту голосового = основного тона (напр., на *do* малой актавы) мы можем произнести или пропеть все имеющиеся в нашем языке гласные звуки. Характерный же тон (гласного, resp. согласного) бывает постоянным признаком для данного звука языка, представляя собою именно то, что служит главнейшим акустическим отличием одного звука (напр., звука *a*) от другого звука (напр., *i*); характерный тон гласных звуков образуется уже не в гортани (как основной = голосовой тон), а во ртовой полости (при носовых же гласных, каковы французские *ã, ɔ̃, ɛ̃, œ̃,* – и во ртовой и в носовой полостях) и, следовательно, зависит от уклада ртовых звукопроизводных органов (= языка, губ, нёбной занавески), в частности от величины того пустого пространства (т.н. ртового резонатора), которое получается во рту при данном укладе языка, губ, нёбной занавески. Чем больше это пустое пространство (ртовый резонатор), тем ниже характерный тон гласного; чем это пустое пространство (ртовый резонатор) меньше, тем характерный тон выше (с этой зависимостью можно сравнить ту зависимость между объемом резонатора и высотой тона, которую мы наблюдаем в духовых музыкальных инструментах: огромная труба, содержащая в себе, следовательно, огромный пустой резонатор, издает низкие, басовые ноты; а маленькая флейта-пикколо издает, наоборот, самые высокие тона). Поэтому, например, гласный *u*, происносимый с наибольшим ртовым резонатором (благодаря выдвижению губ вперед и оттягиванию языка назад), обладает самым низким характерным тоном; а гласный *i*, наоборот, имеет наиболее высокий характерный тон, так как ртовый резонатор при этом гласном – наименьший (благодаря продвижению вперед языка и пассивному положению губ, при котором внешним, т.е. передним, краем ртового резонатора оказываются уже не губы, а передние зубы).

3. В составе термина характерный тон. К тому, что было сказано выше (в пункте 2), добавим, что акустическая характеристика гласных (а тем более согласных) звуков состоит не из одного только тона (= характерного), но из целой совокупности тонов, внутри которой характерный тон является лишь главным (и притом обычно наиболее низким по сравнению с дополняющими его и стоящими в гармоническом отношении к нему – более высокими вспомогательными тонами, или т.н. обертонами). Лицо, обладающее абсолютным музыкальным слухом, без особенного труда (по крайней мере, при известном навыке) может уловить и определить (той или другой музыкальной нотой) характерный тон гласного звука, когда этот гласный звук произносится без сопровождения основного (голосового) тона, т.е. в виде шепотного, или глухого, гласного. Разумеется, существуют и другие способы определения характерных тонов гласных звуков, начиная с простых приемов, рассчитывающих опять-таки на абсо-

лютный музыкальный слух наблюдателя, и кончая сложными инструментальными, т.е. экспериментально-фонетическими, записями посредством кимографа. Последнего рода приемы позволяют, конечно, вскрыть не только один характерный тон, но и прочие компоненты, составляющие акустическую характеристику данного гласного звука.

4. В составе слова о б е р т о н (см. выше — 3). Обертон (с немецкого) буквально означает 'верхний тон' (нем. *ober* 'вверху, верхний...').

5. В совершенно специальном значении слова Т. (мн.ч. *Тóны*) употребляется в применении к явлениям китайского и подобных ему политонических языков, обладающих м у з ы к а л ь н ы м с л о г о у д а р е н и е м. *Тонами* именно и называются наличные в данном языке (resp. диалекте) типы музыкального слогоударения, т.е. конкретные м е л о д и и, способные дифференцировать слоги данного языка (resp. диалекта). Так в северокитайских диалектах бэйпинского типа — 4-го тона, в дунганском языке — 3-го тона, и т.д. и т.д.

УВУЛЯ́РНЫЕ СОГЛА́СНЫЕ — общефонетический термин от лат. *uvula* 'язычок' (язычок на мягком нёбе) — согласные звуки, образованные язычком. Главным образом сюда относится дрожащий увулярный: язычковое (увулярное) *р* картавящих (дефективно-произносящих) людей. Но наряду с дрожащим язычковым *р*, какое встречается у большинства из "картавящих" представителей русского языка, возможны и некоторые другие разновидности увулярных согласных звуков: напр., недрожащее *р* (= *r*) французского парижского типа.

В МФА 1911 г. символом для дрожащего увулярного *р* служил знак [R] (в отличие от знака [r], обозначавшего нормальный, т.е. переднеязычный, дрожащий звук акустического типа *р*). А для соответствующего глухого варианта — символ [Я] (ср. [ɿ] — для глухого переднеязычного *r*). Таким образом, слова *Петр Петров* в русском "картавом" произношении могли транскрибироваться так: [p'ɔtЯp'itRɔf]. Для недрожащего же увулярного *р* (= *r*) парижского типа употреблялся знак [ʁ], и для его глухого (= оглушенного) варианта — знак [ʁ̥], таким образом, франц. *robe* [= ʁo:z], франц. *maître* [= mɛ:tʁ̥] и т.д. Однако ввиду возможной близости (и утраты твердых границ,как физиологических, так, в конце концов, и акустических) между У.С. и *велярными* (см.) согласными знаки для недрожащих увулярных, т.е. символы [ʁ] и [ʁ̥] могли, оказывается, применяться и к звукам типов غ،خ (т.е. в узбекском, напр., غ передавалось через [ʁ], а соответствующий глухой, т.е. خ — через [ʁ̥])[126].

УДАРЕ́НИЕ — то же, что *Акцент 3.*

УМЕНЬШИ́ТЕЛЬНОЕ И́МЯ — русский грамматический термин — буквальный перевод латинского грамматического термина

(Nomen) diminutivum (где слово *diminutiv-um* является прилагательным, производным от глагола *di-minu-o* 'уменьшаю'). Примеры имен существительных уменьшительных из русского языка: *пёрышко, дощечка, домик*. В узбекском соответствуют имена на *-са* (произносится в несингармонистических говорах как *сə*): напр., *kitabca* [kitɔpcə], *qa-ɋazca* [qɔɋɔzcə], *daftarca* [dəptərcə] и т.п.

УПОДОБЛЕ́НИЕ – то же, что *Ассимиляция*.

УРАНИ́ЧЕСКИЙ[128] – яфетидологический термин, изобретенный Н.Я.Марром. Произведен от имени бога Урана (греч. Οὐρανός – букв. 'Небо'), отца Хроноса (<Χρόνος> – 'Время'). Ввиду того что Уран по греческой мифологии владел миром до эры Хроноса, а эра этого последнего, в свою очередь, предшествовала власти Зевса, прилагательное У. имеет в виду принадлежность к некой ультрадревней (= доисторической или даже додоисторической) эпохе.

ФИЗИОЛОГИ́ЧЕСКАЯ КЛАССИФИКА́ЦИЯ ЗВУ́КОВ ЯЗЫКА́ (противополагающаяся *акустической* их *классификации*) – классификация, основывающаяся в качестве критерия на работах органов речи, т.е. на том, какие именно органы (– язык или губы, или мягкое нёбо, гортань и т.д.) артикулируют и как именно артикулируют данный звук. Из систем физиологической классификации *гласных звуков* наиболее распространена английская: классификация фонетиков Bell'a и Sweet'a. Она делит гласные по: 1) вертикальному укладу языка, 2) гортанному укладу, 3) работе губ, 4) напряженности и ненапряженности.

Откинув для краткости 4-е (наименее важное) из этих делений, можно главнейшие типы гласных представить так:

	front		mixed		back	
high	*i*	*y*	*i*	*ü*	*ɯ*	*u*
mid	*e*	*ø*	*ë*	*ö*	*ʌ*	*o*
low	*ɛ*	*œ*	*ä*	*ɔ̈*	*a*	*ɔ*[128]
	unround	round	unround	round	unround	round

Физиологическая классификация *согласных* (у разных авторов) в современной фонетике построена: 1) на месте активного органа (при этом язык рассматривается не как один орган, а как совокупность разных рабочих [активных] зон: передняя часть спинки, средняя, задняя часть), 2) на характере работы этого органа. Далее – после этих двух важнейших признаков могут присоединяться другие уже деления: по добавочной работе – именно по работе гортани, и по положению нёбной занавески – деление на глухие и звонкие, на неносовые и носовые и т.д., и по

разным другим добавочным критериям (напр., по наличию или отсутствию среднеязычного сближения; см. *Палатализация*). Основные типы согласных классифицируются так:

По месту активного органа / По способу образования	Губные	Передне-язычные	Средне-язычные	Задне-язычные	Гортанные
Смычные	*p* *b* *m*	*t* *d* *n*		*k* *g* *ŋ*	*ʔ* *h*
Проточные[129]	*f* *v* *ɸ* *w*	*s* *z* *š* *ž*	<*j*>	*x* *γ*	
Аффрикаты (сложные)	*pɸ* *bw*	*ts* *dz* *tš* *dž*			
Латеральные		l			
Дрожащие		r			

ФИЗИОЛО́ГИЯ – международный научный термин. Ф. (~ нем. Physiologie) происходит от греческих слов: 1) φύσις = =*phýsis* 'бытие, природа' (φυ-σι-ς = **bʰū-ti-s*, где корень **bʰū-* // рус. *бы-тие, бы-ть*), и 2) λόγος = *lógos* 'слово' (ср. *-лог-ия* в названиях других наук: напр., *психология, геология* и т.п.).

1. Название особой естественноисторической дисциплины (напр., Ф. растений, Ф. животных, человека).

2. В общей фонетике слово Ф. употребляется с особым значением, главным образом как Ф. органов речи, или просто Ф. речи, причем под Ф. в этом случае понимается и учение, и самый объект этого учения – органы речи и их работы в произнесении звуков речи (сюда относятся, следовательно, работы нервов и мускулов языка, губ, хрящей гортани, мягкого нёба, а также пассивных органов: напр. твердого нёба и т.д.). В этом смысле Ф. речи противополагается *акустике* (речи) (см.). И значит, физическая часть фонетики, т.е. фонетика (в широком смысле) – за вычетом психофонетики (или фонологии) – слагается из 1) физиологии речи и 2) акустики речи.

Иногда (фактически очень редко) говорят, кроме того, и о Ф. слуха, объектом которой служит устройство внутренних органов уха и их деятельность по восприятию звуков вообще и звуков речи в частности. Однако лингвистическая Ф. слуха (т.е. Ф. слуха в применении к языкознанию и на правах особой дисциплины внутри общего языкознания) до настоящего времени оказывается почти не-

разработанной*, и потому обычно, когда в фонетике употребляется термин *физиологический* (— прилагательное от *физиология*), имеется в виду именно 1-е, а не 2-е значение (— Ф. органов речи, а не Ф. слуха).

Например, говорят: "физиологическая характеристика гласного *u* состоит в максимальной артикуляции губ (= узком губном сужении) и в высоком поднятии задней части языка; а акустическая характеристика гласного *u* состоит в максимально низком, по сравнению со всеми прочими типами гласных, характерном тоне этого гласного". Соответственно вышеуказанному двоякому аспекту звуков языка — физиологическому (с точки зрения физиологии речи) и акустическому — существуют и двоякие классификации звуков языка: 1) физиологическая классификация и 2) акустическая классификация звуков (гласных и согласных). См. статьи *Физиологическая классификация звуков* и *Акустическая классификация гласных звуков*. (Акустическая классификация согласных еще слабо разработана, во всяком случае, мало разработана по сравнению с акустической классификацией гласных и, конечно, с физиологическими классификациями как согласных, так и гласных).

* Во всяком случае — оказывается наименее разработанным отделом общего языкознания (см. соответствующую главу в "Общем языковедении" Томсона). Замечу, что собранный мною материал наблюдений и исследований в этой области (в частности, по проблеме объективного и субъективного слуха и пр.) еще и не начат опубликованием.

ФИЛОЛО́ГИЯ — международный (ср., напр., нем. Philologie) термин — название науки или, вернее, совокупности ряда научных дисциплин из области человековедения, и в частности общественных наук. Ф. — слово греческого происхождения, происходит от 1) греческого глагольного корня φιλ-εῖν = *phil-éin* 'любить' и 2) основы греческого слова λόγος = *log-os* 'слово' (с суффиксом -ια = *ia* // // *-ия*). Таким образом, Ф. буквально значит 'любовь к с л о в у'. Отсюда ф и л о л о г — букв. 'словолюбитель'. Но современное значение термина, конечно, совсем другое (хотя без любви к с л о в у и с м ы с л у — λογος значит также и 'смысл' — и в действительности нельзя представить себе филолога). Ф. — совокупность дисциплин (дисциплин общественных наук), изучающих явления культуры, отраженные в памятниках слова, т.е. в языке и в памятниках литературы, а также (поскольку другие искусства, в свою очередь, тесно прилегают к литературе) и в памятниках других искусств. Следовательно, история литературы (именно как история культуры в памятниках литературы) и история искусства[130] входят в понятие филологии, но лингвистика (= наука о языке) входит сюда лишь частично. Особенно противополагали лингвистику Ф. те, кто был принципиальным сторонником естественноисторического характера лингвистики (— дескать, можно изучать речь, как деятельность человека, вроде других физиологических деятельностей: питание, дыхание, функции половой сферы

и т.д., — и значит, независимо от культуры). Этот взгляд мы, конечно, принять так, как он есть, не можем (так как нельзя отделить жизнь языка от культуры того общества, которое обслуживается языком). Но есть и другие моменты, по которым лингвистику можно считать лишь связанной с Ф., но не входящей в нее полностью.

ФИЛОСО́ФИЯ — наука о миросозерцаниях; букв. 'мудролюбие, любовь к мудрости': от 1) греческого φιλ-εῖν = *phil-eín* (ср. *Филология*) и 2) греческого σοφία = *sophía* 'мудрость'. Более подробная характеристика этого термина должна быть дана в философском терминологическом словаре или в антирелигиозном терминологическом словаре и т.п.; здесь же коснуться этого термина мы должны лишь постольку, поскольку он входит в состав выражения "философия языка"[131].

ФО́РМА (от лат. *forma*) — в лингвистике слово Ф. употребляется в целом ряде совершенно различных значений, охватить всю совокупность которых у нас нет возможности.

Наиболее частым и обыкновенным является употребление термина Ф. в смысле "грамматическая форма слова", иначе говоря — тот или другой член парадигмы морфологического словоизменения, присущего данной части речи. Напр., именам существительным, в частности русскому существительному *вода*, присуще словоизменение по падежам, иначе говоря — *склонение*; парадигма склонения (или склонение) состоит, таким образом, из *падежей*, и каждый из членов этой парадигмы, т.е. каждый падеж, является Ф. склонения: напр., *вода, воды, воде, воду, водой* и т.д. — все это ф о р м ы слова *вода*, точнее, г р а м м а т и ч е с к и е ф о р м ы с к л о н е н и я имени существительного *вода* (— форма именительного падежа единственного числа, форма родительного падежа единственного числа и т.д.).

Подобным же образом ф о р м а м и г л а г о л ь н о г о с л о в о и з м е н е н и я (или формами глагольного спряжения) являются все члены следующей узбекской парадигмы (— формы спряжения глагола *uc-maq*): *ucaman, ucaвan, ucadi, ucamiz, ucaвiz, ucadilar, ucdim* [= u$\frac{c}{s}$t$\frac{i}{n}$m], *ucdiŋ, ucdi*, ..., *ucвam, ucвaŋ, ucвa, ucвak* и т.д.

Совершенно иное значение слово Ф. имеет тогда, когда оно входит в состав терминов *Внешняя форма* (см.) и *Внутренняя форма*.

В виде одного из примеров совершенно специфических употреблений слова Ф. укажем на то, что в определенный период яфетических штудий Н.Я.Марра термин Ф. означал у него просто "гласные звуки в составе слов семитических, а также южнокавказских языков". Объясняется это неожиданное на первый взгляд значение, конечно, в связи с так называемой *внутренней флексией* (см.), имеющей место в семитских, а также и в южнокавказских языках: согласные звуки символизируют м а т е р и а л ь н о е, или л е к с и ч е с к о е (корневое), значение слова, т.е. состав-

ляют корень данного слова (как, напр., согласные *q, t, l* [= ل، ت، ق] во всем спряжении семитского глагола *qatala* [قتل], а гласные звуки, выражающие, наоборот, ф о р м а л ь н о е, или г р а м м а т и ч е с к о е, значение, составляют Ф. данного слова (напр., гласные *u, i, a* в грамматической форме *qutila* и т.д.).

<...> ФОРМАЛЬНЫЙ[132] (прилагательное, производное от *форма*) — <это слово> встречается в лингвистической литературе опять-таки в нескольких различных значениях, из которых мы отметим только два (наиболее характерных для современного этапа советской лингвистики) случая.

1. Когда данное прилагательное (= прилагательное *формальный*) входит в состав термина "формальная грамматика", — термина, по сути дела противоположного так называемой "логической грамматике". Для разъяснения обоих терминов нужно указать, что европейская школьная грамматика, по крайней мере — с XVII и XVIII вв. и в течение всего XIX в., являла собой образец "логико-грамматического" направления, иначе говоря — "логической грамматики" (в европейской литературе XIX в. особенно ярким выражением этого направления служили школьные пособия, фигурировавшие под именем "Grammaire raisonnée"). "Логическая грамматика" в своем изложении языковых фактов отправлялась не от самых этих фактов, а от неких, считавшихся постоянными и сами собой подразумевающимися, л о г и ч е с к и х с х е м, каковые, по наивному убеждению представителей этого направления, должны были находить себе соответствие в л ю б о м и во в с е х языках. По сути же дела данные логические схемы, или трафаретные построения, к которым приноравливаемы были явления данных языков (как французского, так и русского и разных других), были не чем иным, как обобщением морфологических категорий латинского языка, изложенных в наиболее разработанной (по сравнению с другими языками) латинской классической грамматике[133]; таким образом, и русскому, напр., языку, в школьном грамматическом изложении, навязывались совершенно чуждые ему факты просто потому, что они имели место в грамматике латинского языка. Подобное "притягивание за волосы" живого языкового материала к предвзятым логическим (а вернее — взятым из грамматики другого языка) схемам, характеризующее представителей "логической грамматики", продолжало существовать частично и до самого последнего времени — главным образом в грамматических описаниях восточных (в том числе турецких, а также и других) языков нацменьшинств Союза: авторы исходили здесь из хорошо им известных категорий русской грамматики и потому навязывали эти категории и описываемым ими языкам, сравнивая, напр., учение о прилагательном и наречии, как об особых частях речи, в бытующих у нас грамматических изложениях многих турецких и восточнофинских (в частности, напр., марийского) языков.

Этот уклон в сторону традиций "логической грамматики" объяснялся, конечно, прежде всего "линией наименьшего сопротивления": копировать схемы русского языка гораздо легче, чем самостоятельно производить анализ и открывать подлинные морфологические факты данных языков.

В противоположность "логической грамматике" "формальной грамматикой" именуется то направление, которое считает нужным исходить не из неких предвзятых логических или заимствуемых из грамматик другого языка схем и категорий, но из самих языковых фактов данного (=описываемого) языка; поскольку же факты языкового мышления внешним образом реализуются именно в формах (в частности, в морфологических формах), различаемых и социально существующих в данном языке, выходит, что при грамматическом изложении необходимо исходить именно из форм, наличных в данном языке.

Для пояснения различия между "формальной" и "логической грамматикой" (или "формально-грамматической" и "логико-грамматической" точкой зрения) позволю себе привести один пример:

С "логико-грамматической" точки зрения в турецких языках (в том числе в узбекском) различаются, как и в русском, на равных правах друг к другу стоящие имя существительное, имя прилагательное, глагол и т.д., наконец, имеется и некая самостоятельная часть речи — наречие.

Фактически истинной причиной для такого изложения служило лишь то, что в грамматике русского языка различаются (и противополагаются друг другу на равных, в общем, правах) все вышеназванные части речи. С точки же зрения "формально-грамматической"* (которую и надлежит считать правильной) никаких наречий в смысле особой части речи в турецких языках не существует (напр., слово *kecqurun* — это просто имя, как и имя *kʙi* или *jaqac*, или имя *qʐil* или *qara* 'черный' и т.д., доказывается это тем, что *kecqurun* потенциально имеет то же словоизменение, что и прочие имена: ср., напр., формы *kecqurunga*, *kecqurunlar*, *kecqurunlarga* и т.п. и т.п.); равным образом можно доказать, что в узбекском и других турецких (как и в марийском и в мордовском) не существует и особой самостоятельной части речи "прилагательных" — которая была бы соизмерима (см. в статье ‹*Имя* › *существительное*): узбекские и т.д. переводные эквиваленты русских прилагательных, в лучшем случае выделимы лишь на правах одного из подклассов "имени", но никак не в виде самостоятельной и основной части речи, соизмеримой, например, с глаголом.

Научная лингвистика, неизбежно, конечно, должна была рано или поздно выступить с протестом против "логико-грамматических" традиций школьных грамматик (традиций, в которых, в сущности, как уже было нами доказано, логика была ни при чем и которые объясняются просто ли-

нией наименьшего сопротивления, поскольку подражали прежде написанным грамматикам другого языка).

Главная роль в этом протесте принадлежала И.А.Бодуэну де Куртенэ (см., напр., его лекции по введению в языкознание[134]; см. также статью *Бодуэнизм*).

Советская методика школьного преподавания, конечно, вполне стала на эту же точку зрения — протеста против старой "логико-грамматической" традиции и необходимости "формально-грамматического" метода во всяком преподавании языка [об этом гласит постановление (резолюция) Метод. Совета НКПроса РСФСР..., а также ряд других официальных текстов: в качестве случайного примера укажу хотя бы на позднейшую Программу по методике русского языка для Высших педагогических институтов, где прямо говорится о "неприемлемости логической грамматики"].

Здесь, однако, уместно будет сделать следующие два замечания (в связи с той диалектической особенностью каждого эволюционного процесса — в том числе и процессов в истории методической мысли, которая легко приводит к тому, что после протеста против некоего дефекта люди склонны бывают частично вдаваться в противоположную крайность, утрируя некоторые моменты своего нового символа веры).

1. В языке форме всегда соответствует и значение: различение форм (в частности, морфологических форм) соответствует и определенному различию значений. А отсюда вытекает полная возможность (а вместе с тем и полная обязательность) излагать формы языка не иначе, как в постоянной связи со смысловой их стороной. Забвение этого правила приведет уже не к той "формально-грамматической" точке зрения, которую я защищал выше, а наоборот, к полному извращению языкового преподавания.

2. Некоторые авторы наших (советских) грамматик русского языка, став решительным образом на "формально-грамматическую" точку зрения, допустили, тем не менее, перегиб — в том отношении, что, придавая исключительное значение морфологически-формальным признакам, они иногда забывают, например, про признаки синтаксически-формальные (а идя этим путем, можно дойти, напр., до утверждения, что *пальто* — не есть имя существительное: потому, дескать, что оно не склоняется). Наличие подобных перегибов, конечно, ничего не изменяет в нашей оценке ни самой сущности формальной грамматики, ни ее побед на арене школьно-методической практики в СССР.

2. Совершенно иное — и даже почти до противоположности доходящее — значение вкладывается в прилагательное *формальный* тогда, когда его употребляют в настоящее время в составе выражения "формальное направление в лингвистике" (или "формальная лингвистика" и т.д.).

Психологически генезис этого словоупотребления объясняется на почве ассоциаций (реминисценций) с двумя следующими (причем, очевидно, контаминировавшими) привычными выражениями:

1) формализм, формалисты и формалистическое направление в истории и теории литературы (причем вспоминается, конечно, имя Шкловского**)[135] и т.д. и т.д.;

2) формальная логика — в противоположность диалектике, диалектической логике.

На почве этих ассоциаций выражение "формальная лингвистика" (resp. "формальное направление в лингвистике") связывается с представлением отрицательного, нежелательного направления лингвистической мысли, и в этой (главным образом, эмоциональной) окраске применяется к любому лингвисту и к любому лингвистическому течению, почему-либо не нравящемуся тем, в чьих устах мы встречаем ныне данное выражение. Считать это словоупотребление научным невозможно, ибо при всем желании нельзя проанализировать те признаки, которые составляли бы постоянное содержание данного понятия. Поэтому мне придется ограничиться тем определением, которое высказано было самим представителем противников "формальной лингвистики"[136]: "„Формальным" (правильнее было бы, пожалуй, "формалистическим". — *Е.П.*) лингвистом мы называем того, кто обращает внимание на формы речи, а не на социальные процессы языка" (— цитирую буквально). Насколько трудно, даже при самом добросовестном желании стать в позицию "противников формализма", выискать здесь какой-нибудь ясный критерий для определения того, кто же (и за что же?) должен именоваться "формальным" лингвистом? — об этом говорит уже следующее фактическое обстоятельство: языка без форм не существует; строго говоря, весь язык состоит именно из форм (в широком смысле слова — не из одних только морфологических форм, разумеется!); поэтому быть лингвистом и не обращать внимания на формы речи просто невозможно; с другой стороны, не менее справедливо то, что язык есть социальное явление, как и то, что лингвисту никогда не следует забывать о причинной зависимости языка от других (— не языковых) социальных явлений. Таким образом, обвинять лингвиста в занятиях формами речи — это просто чепуха.

Но ведь заниматься социологией языка без занятий формами речи — это значит просто не быть лингвистом (т.е. не исследовать языковых явлений), а лишь говорить общие фразы, изобилующие социологическими терминами. Где же критерий того, какую меру внимания нужно уделять фактам (формам) языка и какую посвящать социальным вопросам, а главное, где критерий правильности постановки этих социальных вопросов касательно языка?...

* Считаю нужным напомнить, что употребляемые мною термины "формальная грамматика" и "формально-грамматическая" точка зрения лишь этимологически родственны слову "формализм", но отнюдь не могут отождествляться с этим последним (т.е. со словом "формализм" — в том значении, с каким оно употреблялось, например, в литературной дискуссии). Можно написать типичную формальную грамматику, отнюдь не будучи формалистом и нисколько не впадая в формализм.

** Который — несмотря на формализм — сделал больше, чем кто-либо для советской науки о литературе.

ФОРМА́НТ — термин общелингвистический, латинского происхождения (причастие *formans* ~ *formant-is* от *forma* 'форма' и *formare* 'формировать'). Ф. — морфема со служебным (т.е. формальным, или морфологическим) значением (в противоположность коренным, или лексическим, морфемам). Следовательно, Ф. — это общее наименование и для *префиксов*, и для *суффиксов* (иначе говоря, для *аффиксов*), и для *инфиксов*. В узбекском, напр., слове *kişilarga* имеются два форманта: 1) суффикс *-lar*, 2) суффикс *-ga* (а морфема *kşi*, наоборот, является коренной, или лексической, морфемой). К Ф. причисляются и аффиксы словообразования: напр., в узб. *savadsizlikni* формантами являются не только *-ni* (= суффикс словоизменения, или формообразования), но и *-lik*, и *-siz* (= суффиксы словообразования). В русском слове *определение* имеется целых пять формантов: префиксы *о-*, *пре-*, суффиксы *-ен-*, [-ij-] и [e]. Впрочем, значение термина Ф. нельзя еще считать вполне окончательно установленным: некоторые из лингвистов склонны употреблять его в суженном значении.

ФРА́ЗОВАЯ МЕЛО́ДИЯ, или ФРА́ЗОВАЯ ИНТОНА́ЦИЯ — мелодия голосового тона, выражающая общую логическую характеристику (— напр., вопросительную и т.д.) или эмоциональную окраску данной фразы. В большинстве европейских языков (в том числе и в русском), — иначе говоря, в т.н. монотонических (см. *Монотония* и *Политония*) языках мелодии — т.е. определенные последовательности высот — голосового тона используются исключительно в качестве фразовых мелодий, т.е. не принимают участия в характеристике (и дифференциации) слов как таковых. Наоборот, в т.н. политонических языках (примерами которых мы можем взять в данном случае японский и китайский) мелодия, т.е. определенная последовательность высот, голосового тона входит уже в фонетическое представление слова как такового (напр., западнояпонское слово *˹hana* 'цветок' обязательно произносится с повышением на первом слоге и понижением на втором, а слово *ki˹ru* 'приходит' — наоборот, с низким первым и высоким вторым слогом; в северокитайском слове *ма̌й-ла* 'купил' внутри первого — экспираторно-ударенного — слога обязательно осуществляется нисходяще-восходящая мелодия, а внутри подобного же первого слога в слове *ма̀й-ла* 'продал' осуществляется, наоборот, нисходящая мелодия голосового тона; и т.п.). Ввиду этого в политонических языках мелодический рисунок фразы оказывается уже в значительной мере предопределенным, так как он складывается из мелодий отдельных слов, составляющих данную фразу; и, следовательно, на долю Ф.М., как таковой, остаются лишь очень ограниченные возможности дополнительного варьирования этого мелодического рисунка (поэтому-то и оказывается, что те общие логические — и да-

же эмоциональные — моменты фразовых значений, которые в русском и т.п. языках выражаются Ф.М., в японском и китайском передаются другими символическими приемами, в частности, напр., посредством употребления особых суффиксов).

Но и внутри монотонических (т.е. принципиально открывающих широкий простор Ф.М. или И.) языков мы находим значительное разнообразие использования Ф.М. так, русский язык обычно причисляется к языкам с наиболее широким диапазоном и широким применением Ф.И., а английский, наоборот, принято характеризовать как язык, обладающий значительно меньшим разнообразием в этом отношении. Но не надо забывать, конечно, что такое определение английского языка может быть принято только как относительное (— по сравнению с русским); <иное дело,> если мы сравним постоянно фигурирующие в английском типы Ф.М. (или И.) с тем положением, которое мы встречаем, напр., в тосаском (— пров. Тоса на острове Сикоку) диалекте японского языка: к этому последнему диалекту особенно применимо утверждение, что мелодический рисунок фразы (т.е. мелодия голосового тона, фактически осуществляемая на всем протяжении данной фразы) непосредственно и механически слагается из мелодий, присущих словам, входящим в данную фразу; от этого тогда получаются настолько неожиданные для нашего европейского слуха мелодические контуры, что, напр., во фразе у т в е р д и т е л ь н о г о содержания европеец готов оценить (— по слуховому впечатлению от мелодии, т.е. по интонации) как фразу в о п р о с и т е л ь н у ю, и наоборот, и т.д. и т.д.[137].

ХАРАКТЕ́РНЫЙ ТОН г л а с н о г о, resp. с о г л а с н о г о звука — главный из тонов, составляющих акустическую (музыкальную) характеристику гласного, — или же согласного, — звука Х.Т. не зависит от *голосового тона* (см.), который может быть различным при одном и том же гласном звуке, и в отличие от голосового тона образуется не в гортани, но в резонирующей полости (или "надставной трубе"), каковой в большинстве случаев является р т о в а я полость (а при носовых звуках — напр., при французских носовых гласных [ã], [ɛ̃], [ɔ̃], [œ̃] — и ртовая и носовая полости). Х.Т. сохраняется и при отсутствии голосового тона, т.е. и тогда, когда данный гласный произносится в г л у х о м, или "ш е п о т н о м", виде; при этом Х.Т. оказывается даже особенно доступным для наблюдения и определения на слух (— при абсолютном музыкальном слухе наблюдателя), так как в данном случае его восприятию характерного тона не мешает впечатление от голосового тона (— отсутствующего при глухом, или "шепотном", произношении). Кроме Х.Т. в постоянную характеристику каждого данного гласного звука (напр., звука [a], или [i], или [ɰ], или [y], или [ɛ], [e] и т.д.) входят еще и так называемые *обертоны*, обычно относящиеся к Х.Т. в интервалах квинты, октавы, дуодецимы и т.д. Из гласных звуков самым высоким и характерным тоном обладают

звуки типа /i/ (— ввиду малого объема ртового резонатора при том укладе языка и губ, который имеется при /i/), а наиболее низким характерным тоном обладают звуки типа /u/, поскольку объем ртового резонатора при них является максимальным.<См. *Тон*.>

HARF[138] — *буква* (см.), эквивалент лат. *littera*; *harf* /ḥərf/ حرف = حَرْفٌ — арабское слово (и арабский грамматический термин). Так как арабская грамматика не проводила строгого различения (по крайней мере в терминах) между з в у к о м и б у к в о й (и так как, с другой стороны, в арабском алфавите были только согласные буквы), то حرف (حَرْفٌ) употреблялось арабскими грамматиками и в значении "согласный звук" (а также и в значении "частица" — напр., و 'и' ⟶ узб. *va*). Подобное смешение звука и буквы часто и в узбекской практике преподавания языка; мало того — оно было типично и для целого периода европейской лингвистики. Бодуэну де Куртенэ пришлось бороться с засильем этого смешения и в школьных учебниках языков, и в научной лингвистике — у "старограмматиков"[139]. Современное языкознание не допускает подобного смешения: буква (= harf) и звук языка (= tavuş) — совершенно различные вещи (лишь ассоциирующиеся друг с другом). Именно буква (= harf) есть графическая (изобразительная, вычерченная или иным образом материально оформленная в пространстве) фигура, пребывающая (длительно) написанной или напечатанной, и зрительно — глазом — воспринимаемая (напр., В ب Б ٮ ब ப ბ и т.д.), но не слышимая (ухом), а лишь условно употребляемая для ассоциации со звуком языка (вернее, с фонемой — представлением звука языка). Звук же — явление акустическое (а не графическое), не пребывает длительно в пространстве, а лишь эпизодически осуществляется, причем воспринимается не глазом, а ухом (если не считать "чтения по губам", т.е. по губам и другим органам произношения, глухонемыми). Букву можно написать, а звук языка можно произвести, и т.д. <См. также статью *Буква*.>[140]

ЭКСПЛО́ЗИЯ (= взрыв смы́чки) — см. *Смычные* [с о г л а с н ы е].

ЭЛИ́ЗИЯ (франц. *élision*) — общелингвистический термин (латинского и французского происхождения), в частности употребляемый в грамматике французского языка: франц. *élision* (как и рус. *элизия*) означает 'пропуск', 'опущение' — именно пропуск гласного звука (и буквы), во французском чаще всего гласного *-e*. Во французском языке Э. (élision) имеет место тогда, когда данный гласный (*e*), являясь конечным звуком письменного слова, оказывался перед начальным гласным следующего письменного слова; напр.: лат. *ille angelus* ⟶ франц. **le ange* ⟶ *l'ange* [= lã:ʒ]; лат. *ille te amat* 'он тебя любит' ⟶ франц. **il te aime* ⟶ *il t'aime* и т.д.

Как мы видим из этих написаний, пропускаемый гласный (*e*) заменяется во французской орфографии апострофом (').

Для полноты остается напомнить, что письменное слово в современном литературном (письменном) французском языке далеко не всегда соответствует объективным общелингвистическим критериям отдельного слова, а наоборот, в массе случаев оказывается лишь одной из морфем новообразованного во французском языке инкорпорационного слова, восходящего к латинскому словосочетанию из нескольких слов. Например, в комплексе *je te le dis* 'Я тебе это говорю' орфография отмечает целых четыре письменных слова, но на самом деле комплекс этот является одним инкорпорационным словом, хотя и состоит из четырех морфем, каждая из которых восходит к некогда самостоятельному латинскому слову: лат. *ego te** *illu(m) dico*. Подобным же образом одним инкорпорационным словом является и комплекс *je te l'ai dit* [= žœ-t-l-e-di] 'Я тебе это сказал', хотя он состоит из пяти морфем и пишется в виде пяти письменных слов [так как написание с апострофом ' вместо элидированного гласного (*l'* вм. *le*) тоже принято считать за отдельное письменное слово] и восходит к пяти латинским самостоятельным словам: *ego te** *illu(m) habeo dictum*.

Добавим, что во французской грамматической терминологии élision весьма часто фигурирует рядом с термином liaison (см. *Слияние*).

* Вместо tibi.

ЭМФА́З[А] (— отсюда и прилагательное *эмфатический*, употребляющееся в науке о языке в двух разных смыслах: см. *Эмфатический*). Слово Э — греческое по происхождению — греч. ἔμφασις = *em-pha-si-s*, где ἐμ-/ἐν- — предлог со значением русского 'в', а корень φα- = *pha-* этимологически соответствует русскому корню *ба-* в *баять, басня*, и скр. *bhā-* (भाषा *bhāṣā* 'язык'). Таким образом, значение этого корня — 'говорить, сказать'). Следовательно, греческое слово ἔμφασις = *emphasis* раскладывается на следующие элементы:

em- +	*pha-* +	*-si-* +	*s*
'в'	(корень) 'сказать'	словообразовательный суффикс имен существительных (← **ti // ть*)	окончание именительного падежа ед.ч.

Значит: выговаривание чувств (эмоций) или усиленное, подчеркнутое произношение (отличающееся от нормального произношения тех же слов особой мелодией, т.е. интонацией, или же удлинением звуков, входящих в данные слова, и т.п.). Кроме этого значения возможно понимать ла-

тинский (— из греческого!) термин emphasis и применительно ко второму смыслу прилагательного *эмфатический*, т.е. как произносительную особенность тех (в частности арабских) согласных звуков, которые принято именовать *эмфатическими* (напр., ط، ق، ظ، ص، ض).

ЭМФАТИ́ЧЕСКИЙ — прилагательное от *Эмфаз* (см.): 1. "Произносящийся с эмфазом, связанный с эмфазом". Эмфатическое произношение — произношение усиленное, подчеркнутое, — ставящее себе задачей выразить сверх постоянного значения данных слов, известную эмоциональную (а также логическую) их окраску, и осуществляющее эту задачу или удлинением звуков (см. *Эмфатическая долгота*) или особыми интонационными приемами (= особыми *фразовыми мелодиями*) и другими фонетическими средствами.

2. В грамматике (фонетике) семитских языков (главным образом арабского и еврейского) *эмфатическими согласными* называются согласные звуки, артикулируемые с особой гортанной и фарингальной работой (в качестве дополнительной работы к основной ртовой артикуляции: например, в согласном ط = ṭ современного арабского языка основной артикуляцией является ртовая работа в виде образования переднеязычной (точнее: переднеязычной какуминальной) смычки, а гортанно-фарингальная работа, характерная для эмфатических звуков, присоединяется к ней в качестве второстепенной работы, являясь главнейшим из моментов, дифференцирующих это ṭ = ط от простого (— неэмфатического) *t* = ت). В МФА 1911 г. данный эмфатический характер согласных обозначался двумя точками (̤) под символом согласного (ṭ и т.д.). В МФА 1928 г. <он стал обозначаться волнистопересеченными знаками (ɫ, ɗ и т.д.)>[141]

Но нужно заметить, что в некоторых лингвистических работах эмфатическими называются и абиссинские (а также и южноарабские — имеющиеся, напр., в наречии <...>) эмфатические согласные, которые артикулируются уже иначе, чем северноарабские эмфатические ṭ, q : именно — как согласные с надгортанной экспирацией (т.е. на манер грузинских и вообще кавказских "согласных надгортанной экспирации"[142]). Следовательно, надо иметь в виду (именно для южноарабского и эфиопского[143]) возможность и второго фонетического понимания термина *Эмфатические согласные*.

В эпоху Мухаммада (как это ясно видно из показаний арабских фонетиков) нынешние глухие смычные эмфатические — именно ط، ق были звонкими, т.е. произносились в виде ḍ (= эмфатического *d*) и g̣ (= глубоко-заднеязычного, или велярного, смычного Г эмфатического)[144].

ЭТИМОЛО́ГИЯ — интернациональный (греческого происхождения) термин, употреблявшийся в двух совершенно различных значениях.

1. В научном языкознании (лингвистике) термин Э. обозначает: учение о происхождении слова (или части слова, напр., основы, или же суффикса; или иногда, наоборот, — словосочетания), объясняющее генезис данного слова с данным его значением, а равным образом и прочие моменты истории данного слова: изменения в звуковом составе и т.п. Иначе говоря, Э. слова может пониматься как история этого слова. Потому весьма часто говорят об Э. во множественном числе, напр., "Он знает много этимологий" (т.е. он умеет объяснить истории многих слов). Слово *этимология* происходит от греческих слов ἔτυμον λόγος = *étymon lógos* 'истинное, настоящее, исконное слово' (или ⟶ "смысл слова"):

"истинное, настоящее, исконное" — *étymon*; "слово" или "смысл слова" — *lógos*

Таким образом, Э. понималась как "исконное значение, легшее в основу истории данного слова". Такой именно характер (— вскрывание старого значения и формального состава слова) именно и имели, большей частью, этимологии, как об этом можно себе составить представление из следующих трех примеров:

1. Пример этимологии — из узбекского диалектического словаря: узб.-хорезм. *dasqar* — название птицы (самца) — происходит из перс. داغ سر, т.е. داغ 'пятно' + سر 'голова' = 'пятнистоголовый, пятнисто-головка': داغ = سر //

// тадж. [dɔɑ̟-sar] ⟶ узб.-хорезм. **daqsar* (с сингармонистической ассимиляцией второго гласного первому) ⟶ *dasqar* (с перестановкой *qs* ⟶ *sq*).

2. Рус. *медведь* (⟵ *медвѣдь* по старой орфографии) — не из *мед* + *вед* [*вѣд-*] (т.е. 'asal bilyci'), как объясняет Volksetymologie, т.е. народная этимология (= ошибочная), а иначе: из *медв-* (— ср. *медв-яный*) + **ēd* — то же **ēd-*, что и в *ѣд-а* ⟶ *ед-а*. Таким образом слово *медв-ѣд-ь* значило 'медоед, поедатель мёда'. В этом слове, как и в слове *медв-яный*, и.-евр. **medʰu* 'мед' превращалось в **medʰu̯-* = **medʰw-*, откуда слав. *медв-*, благодаря положению перед следующим гласным: **medʰu* + **ēd-* ⟶ ⟶ **medʰu-ed* = **medʰw-ed*. Слово это первоначально было не именем, а лишь эпитетом медведя (именем же, т.е. названием его служило другое и.-евр. слово **r̥kso-s*), но в славянской языковой ветви этот эпитет вытеснил собою старое и.-евр. слово **r̥kso-s* 'медведь' (сохранившееся в скр. *r̥kṣa-h* и греч. ἄρκτος = *árktos*, употреблявшемся и как название Полярной звезды, откуда наше Арктика). Вытеснение имени медведя его эпитетом произошло под влиянием "табу", т.е. ритуального запрета: ср. узбекский запрет называть скорпиона его собственным именем *cijan* (— а то он придет и укусит) и замену слова *cijan* через *eşak*; точно так же языковые предки славян боялись произносить и настоящее, подлинное имя медведя (= и.-евр.

**r̥kвов*) — "медведь, дескать, придет на зов и убъет", — потому, говоря о медведе, предпочитали называть его иносказательно: "медоедом — поедателем мёда" = **medʰw-ēd* ⟶

⟶ **МЕДВѢДЬ**, и в конце концов это словоупотребление настолько участилось, что окончательно вытеснило собою древнее название животного. Полную аналогию к этому славянскому вытеснению имени **r̥kвов* первоначальным эпитетом *медведь* представляет позднейшая судьба этого последнего слова, т.е. слова *медведь*, на русской диалектной почве — именно в русской речи в бассейне р.Колымы: слово *медведь* здесь в свою очередь попадает под "табу" (в связи с наличием в этом районе реальной опасности со стороны медведей), и потому охотно заменяется словом *дедушка*; и слово *дéдушка* настолько закрепляется в этой новой своей функции — в значении 'медведь', — что от него даже создается прилагательное — *дедушковáтый* — в смысле "похожий на медведя, медведеобразный, неуклюжий как медведь"[145]. Таким образом, эпитет медведь стал настоящим и единственным русским именем для медведя ("نامی"), а старое имя как запретное вовсе забылось.

3. Пример из латинского языка: *venēnum* 'яд' ('zahar'~ ~'u̯u') происходит из **u̯en-ев-no-m** = *veneвnom*** в архаической латыни, т.е. от корня *√uen*, откуда и *Venuв* (⟵ **u̯en-ов*), род.пад. *Ven-er-iв* [⟵ **u̯en-ев-ев*] 'Венера — богиня любви; корень **uen-* = *ven-* означал 'любить' (и именно в смысле плотской любви)[146]: ср. санскритский глагол *vánati* (где корень *√van-* ⟵ и.-евр. **u̯en-*) 'он хочет совокупляться'. Какая же связь между "любовью" и "ядом", т.е. каков же étymon lógos слова *venēnum* 'яд'? Архаическая латинская форма *veneвnom*, как прилагательное среднего рода (от **u̯en-ев-*), означало 'любовное', т.е. 'любовное (подразумевается) питьё'. Любовные напитки были двух сортов: 1) для привлечения любви, 2) для отравления нелюбимого мужа или жены (чтобы жить с любимым и т.д.). Так как первые были фикцией, то реальную роль в истории культуры сыграли вторые *venēna**** (любовные напитки), и они-то (= яды) и закрепили за собой имя *venēnum*.

2. В школьной литературе — в школьных грамматиках и т.д. — слово Э. неосновательно употреблялось с другим значением: со значением *морфология* (см.). В советской школе (в советском преподавании языков) это недоразумение ликвидировано и введено научно-терминологическое употребление слова Э.

* Конечное *-m* — признак среднего рода (в им.-вин. пад.), а суффиксация *ев-no-* — та же, что в русских прилагательных *неб-ес-н-ое*, *тел-ес-н-ое* и т.п.

** Ввиду отсутствия особой буквы для *v*, писалось *ueneвnom*. Архаическая латинская форма эта, как мы видим, вполне повторяла собою индоевропейскую праформу (не успев еще, следовательно, эволюционировать — изменить свой исходный звуковой состав).

*** *Venēna* — мн.ч. от *venēnum*.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ И ПОЭТОТЕХНИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ

АВТОБИОГРА́ФИЯ — общелитературный термин: биография (= жизнеописание), написанная самим данным лицом (чья жизнь рассказывается). Ср. термин А. в терминологии изобразительного искусства: портрет художника, нарисованный самим этим художником.

Слово *автобиография* — греческого состава: из трех древнегреческих основ — αὐτό-[ς] = *auto-[s]* → *авто-* 'сам' + + βίο-[ς] = *bio-[s]* → *био-* 'жизнь' + γράφ-[ω] = *graph-/o/* → → *граф-* 'пис[ать]', откуда *графия* 'писание, описание' (ср. *Биография*). Следовательно, А. букв. 'саможизнеописание'.

АКРОСТИ́Х — литературный термин (из названий формальных категорий стихов). А. — стихотворение, в котором совокупность начальных букв каждой строки (каждого стиха) читается как определенное слово или словосочетание. Например:

> Листок осенний увядает,
> Июня розы отцвели.
> Любовь моя не угасает
> Я Вас люблю, моя ЛИЛИ́!

Совокупность начальных букв (инициалов) каждого стиха (по порядку) дает чтение женского уменьшительного имени: Ли́ля (вариант — Лили́).

(Примером взято банальное альбомное стихотворение, так как фактически акростих чаще всего фигурировал именно в виде альбомных стихов.)

АЛЛИТЕРА́ЦИЯ I[147] — литературно-технический (поэтико-технический) и лингвистический термин {латинского происхождения (*allitērātio*) — из латинского предлога *ad* (перед следующим *l* в форме *al-*), плюс *littera* 'буква', плюс суффиксация "имен действия" *-ātio* → рус. *-ация*}[148]. А. — прием организации стиха (версификации), состоящей в повторе одного и того же фонетического элемента (звука, иногда звукосочетания) в н а ч а л е корреспондирующих друг другу стихов, или же в н а ч а л е отдельных слов внутри стиха. Таким образом А. является прямой противоположностью *рифме*, где определенные звуки повторяются н а к о н ц е стиха и слова. Примером так называемой

в н у т р е н н е й аллитерации могут служить эстонские стихи (двустишие из эстонского поэта XX в. Peter'a Grünfeld'a[149].

Keha küll kibruneb karedake kooreke,
Aga süda, süda jääb nooreke.

'Пусть [хотя] тело морщится жесткой корой,
Но сердце, сердце останется молодым'.

В 1-м стихе в А. принимают участие все слова: все они начинаются со звука *k*, который и является здесь "аллитерирующим" (или моментом А.: *keha, küll, kibruneb, karedake, kooreke.*

В отличие от в н у т р е н н е й, т.н. в н е ш н я я А. состоит в повторе тождественных звуков в начале стихов (— строк). В качестве примера внешней А. приведу отрывок из киргизского эпоса "Манас":

Qara tilin qajraɣan,
Qan aldьnda sajraɣan,
Qurama ɕьjьp curt qьlɣan.

[Три стиха подряд начинаются со звука *q*.]

Заметим, что в киргизском эпосе преобладает в н е ш н я я А., но наряду с ней нередко встречается и в н у т р е н н я я А. Например в следующих стихах (тоже из "Манаса"):

Qoqon qandьn Qozubek,
Marɣalandьn Malabek,
Anɕьjandьn ajrь saqal Sьnebek,
Ykek saqal Øzybek,
Munu menen tørt qandьn
eli sart bolup...

[В 1-м стихе *Q ... q ... Q ...,* во 2-м стихе *M(a) ... M (a) ...,* в 3-м стихе *A...a..., s... S ...*]

Можно заметить, что А. типична (и именно в качестве канонизованного приема) для тех языков, которые имеют постоянное ударение на 1-м слоге, — почему в них 1-й слог слова и оказывается в светлом поле акустического внимания: примеры — германские языки (— древнегерманский аллитерирующий стих), финский, эстонский, монгольский. Но с другой стороны широкое применение (и канонизацию) А. мы находим и в ряде турецких языков (с конечным ударением): например, в киргизском, якутском и других; объясняется это, очевидно, в связи с *двухполюсностью* (см.) турецкого ударения.

А. может быть канонизованной (как в древнегерманской, финской, эстонской, якутской и т.д. поэзии) и неканонизованной, как напр., в русской поэзии, где она носит вполне факультативный и спорадический характер (встречаясь, напр., в следующем стихе Бальмонта: *Чуждый чарам черный чёлн*). В обоих случаях, конечно, А. — частный слу-

чай организующего поэзию *приема звукового (фонологического) повтора*.

АЛЛИТЕРА́ЦИЯ II — в узком (лингвистическом) смысле особый, канонизованный в некоторых (особенно "народных") литературах прием поэтической техники (или — фонетической организации стиха); иначе говоря — один из видов "звукового повтора", отличающийся от прочих видов, в частности от *рифмы* (см.) тем, что:1) тождественные (повторяющиеся) звуки локализуются не в конце, а в начале стиха и слова (тогда как в рифме повторяются или корреспондируют концы стихов, а следовательно, и слов); 2) материалом повтора, т.е. повторяющимися или корреспондирующими звуками, оказываются в большинстве случаев согласные. Последнее обстоятельство дало повод к упрощенному пониманию термина А. как всякого повтора согласных [в отличие от *ассонанса* (см.) — повтора или созвучия гласных]. Так как большинство языков, в поэтике которых канонизована (т.е. принята в качестве обязательного приема — наподобие, напр., рифмы в русском стихе) А., в частности, языки финские (напр. суоми — в эпосе Калевала <...>, эстонский в эпосе Калевипоэг) и германские (ср. древнегерманский аллитерационный стих <...>), обладают законом начального ударения (на первом слоге), то выбор А. в качестве основного технического приема поэзии можно поставить в связь именно с этим законом. До известной степени это применимо и к якутскому языку, также канонизовавшему А. в своей народной, а за последнее время и искусственной поэзии, и другим алтайским языкам. В русской поэзии А. ограничивается ролью факультативного (не канонизованного) приема; подчеркнуто ею пользуются лишь некоторые поэты [Бальмонт <...> (*Чуждый чарам чёрный чёлн*), Маяковский <...>], и то в большинстве относимых к А. случаев мы видим на самом деле не А. в узком смысле, а лишь насыщенные случаи согласных повторов, напр., *Где роща рощица рыжей ржет*.

АЛЬБО́МНЫЕ СТИХОТВОРЕ́НИЯ (от слова *альбом* международного: ср., напр., нем. *Album*) — в качестве общеупотребительного, популярного литературного термина служит названием особого жанра стихотворений, это — стихотворения, писавшиеся (в большинстве случаев, как окказиональные) в альбом (на память) отдельным лицам. Ряд А.С. есть, напр., у Лермонтова, Пушкина.

АМФИБРА́ХИЙ — стиховедческий термин — название определенной стопы, и соответствующего стихотворного размера: именно стопы из трех слогов, в которой первый и третий слоги — неударны, а второй — ударенный. Так обстоит дело, конечно, в "тоническом", или точнее — в тонико-силлабическом, стихосложении; в метрическом же — в частности древнегреческом — стихосложении (для которого и создан термин А., как и другие названия стоп) А. состоял из краткого + долгого + краткого слогов: ◡ — ◡. Отсюда ясно и происхождение этого (греческого по этимологии)

термина: *амфи-* = ἀμφί значит 'вокруг, около, по бокам', а *-брахий* ← греч. βραχύς = *brachý-s* 'короткий'; т.е. по бокам одного долгого слога короткие (два коротких).

Вот пример стиха, написанного амфибрахием (из М.Ю.Лермонтова):

По нѐбу полýночи áнгел летéл
И тѝхую пéсню он пéл...

АНÁПЕСТ — термин стиховедческий — название определенной стопы и соответствующего *стихотворного размера*: именно стопы из трех слогов с ударением на последнем слоге: ◡ ◡ ' (так обстоит дело, конечно, в "тоническом", или точнее тонико-силлабическом, стихосложении, напр., в русском); в метрическом же, напр., в древнегреческом стихосложении этому соответствует трехсложная стопа из двух кратких и третьего — долгого слога: ◡ ◡ —. Пример стиха, написано анапестом:

Англичáнин хитрéц, чтоб рабóте помóчь,
За машѝной придýмал машѝну,
А наш рýсский мужѝк, коль рабóтать невмóчь
Так затя́нет роднýю дубѝну.

Термин А. — греческий, взят из греческой поэтики: ‹ἀνάπαιστος, букв. 'отраженный назад'›[150].

АНОНИ́М[151] — из греческого отрицания ἀ-/ἀν-, т.е. *a-/an-* 'не' (= "alpha privativum", которая перед гласным заменяется через *an-*) + существительного ὄνυμα = *ónyma* 'имя'. Таким образом, слово А. буквально значит 'не-имя'.

Слово это не является лингвистическим термином, и приводится в настоящем словаре, главным образом, во избежание возможных (и на практике наблюдавшихся мною) смешений его со словом *омоним* (resp. *гомоним*; см.). Зато слово это (А.) можно считать литературным термином, ибо оно обозначает автора (литературного произведения, а также письма), не назвавшего своего имени (А. — анонимный автор, автор, не подписавший своего имени; анонимное письмо — письмо, в котором отсутствует подпись писавшего, служило часто орудием доноса, клеветы и т.д.). Разумеется, не следует смешивать А. с *псевдонимом* от ψευδός = *pseud-ós* 'ложный' + ὄνυμα = *ónyma* 'имя'), т.е. вымышленным именем автора (напр., имя Максим Горький — это псевдоним Ал.М.Пешкова, но его никак невозможно, разумеется, именовать А.).

БАНÁЛЬНЫЙ — популярный термин (прилагательное от франц. *banal*) международного значения: избитый, общеизвестный, неоригинальный.

ВЕРСИФИКÁЦИЯ (лат. versificātio) — интернациональный литературный термин, означает 'стихосложение', букв. — 'делание стихов'. Происходит от латинского существительного *versus* 'стих' и корня $\sqrt{fac-}$ 'делать' с суффик-

сацией имен действия *-ātio* (причем, однако, вместо ожидаемой формы **versi-fac-ātio* в классическом латинском языке мы имеем *versificātio* — с гласным *i* в третьем слоге: это объясняется тем, что в истории латинского языка гласный *a* в неударенном открытом слоге изменялся в гласный *i*). Таким образом *vers-fic-ātio* буквально значит 'стиходелание' = 'делание стихов'.

ГЕКЗА́МЕТР — греческий по происхождению просодический термин — букв. 'шестистопник' [точнее: 'шестимерник' = *шести-* ἑξά- (*hexá-*, чит. *heksa-*) + *мер* μέτρον (*metrón*) + + *ник*].

Так называется греческий и латинский шестистопный стих (и размер), который был употребляем в эпической поэзии и которым составлены "Илиада", "Одиссея", а также "Энеида" Вергилия и пр. Г. мог состоять из шести дактилических (— ◡ ◡ ; см. *Дактиль*) стоп, причем любая стопа кроме пятой могла быть (взамен дактиля) и спондеем (— —), т.е. могла состоять из двух долгих (взамен одного долгого и двух кратких) слогов.

Г. переносили в русское (тоническое) стихосложение, главным образом, переводчики "Илиады" и "Одиссеи" — Батюшков, Жуковский. Г. иногда пользовался и А.С.Пушкин, напр.:

Слышу божественный звук умолкнувшей эллинской речи,
Старца великого тень чую смущенной душой.

ДАКТИЛИ́ЧЕСКАЯ РИ́ФМА (см. *Дактиль* и *Рифма*). Под Д.Р. понимаются рифмы, состоящие из трех слогов (на концах корреспондирующих друг другу стихов) и имеющих ударение на третьем слоге с конца: напр., *мáжется ~ кáжется* или *рóжица ~ слáжится* и т.д. (Как мы здесь видим, отрезок, составляющий рифму, является дактилем, т.е. состоит из одного ударенного и двух следующих за ним неударенных слогов: ' ◡ ◡). В русской поэзии Д.Р. долго считались запрещенными (так как их не могло быть во французском языке, под влиянием которого находилась русская поэтическая техника), но они издавна употреблялись в народном (устном) поэтическом творчестве. Введением (и так сказать "канонизацией") Д.Р. русская поэзия обязана, главным образом, Некрасову.

ДРА́МА (греч. Δρᾶμα = *drama* = букв. 'действие') — интернациональной литературный (и театральный) термин:

1. Общий термин для всех видов драматических произведений, т.е. иначе говоря, в этом смысле, Д. — драматическое (в драматической форме изложенное) произведение: включая и *трагедию* (см.) и Д. в узком смысле слова, и даже *комедию* и пр., а иногда даже "музыкальную Д.", как, напр., Рихард Вагнер называл свои *оперы* (см.).

Термин Д. взят из греческого языка, потому, что театр Европы получил начало именно в древней Греции; по-

этому и другие важнейшие термины театральных видов Д.— *трагедия, комедия* (и позднее *трагикомедия*) — тоже греческого происхождения (но слово *опера* — латинского происхождения, так как оно создано уже итальянцами, *водевиль* — из французского, и т.д., ибо это уже явно позднейшие виды).

От греч. δρᾶμα (которое имеет родительный падеж в виде δράματ-ος = *drámat-os*, т.е. имеет основу δραματ = *dramat-*) и основы слова ἔργ-ον = *érg-on* 'дело, труд', создано слово д р а м а т у р г* (с буквальным значением 'человек, т.е. автор, который сочиняет, — букв. — д е л а е т д р а м ы').

2. В узком смысле слова Д. означает серьезный (рассчитанный не на возбуждение смеха, а жалости к героям и т.п. горьких чувств) вид драмы (в 1-м смысле), который, однако, противополагается (в новоевропейском репертуаре) трагедии: в последней — тоже серьезные, печальные чувства и сочувствие к героям, но как специфический признак входит борьба с силой судьбы, рока. Термин т р а г е д и я — тоже греческий: τραγῳδία = *trag-ō̃ⁱdia* — букв. 'козлопение', потому что в самом зародыше драмы (в 1-м смысле) играло роль переодевание в Диониса и его спутников в козлиных шкурах (да и сам Дионис когда-то был козлом и в зооморфической стадии греческой религии; напомним, что трагедия — самый древний вид греческой Д.). Знаменитые греческие трагики (авторы трагедий) — Эсхил, Софокл, Эврипид.

3. В переносном (и общежитейском) смысле — Д. означает трагические переживания и события (в том же смысле может быть употреблено и слово т р а г е д и я, — как например и слово *façia* — فاجعه в узбекском языке — не только в смысле трагедии, как театральной Д., но и в смысле трагического происшествия в жизни).

* Из *δραματ-ο-εργ = **dramat-o-erg-*: сочетание οε=*oe* превращается в греческом языке в гласный ου = *u* — рус. *у* (*драматург*).

ДРАМАТУРГИЯ (— от греч. δρᾶμα/δράματ-ος 'действие'.→ → 'драма' и ἔργ-ον 'дело' — сочинение драм (в широком смысле, см. *Драма*), совокупность драматических произведений (напр., говорят "русская драматургия", "современная советская драматургия" и т.д.).

ИДЕАЛ — общенаучный и философский термин (не смешивать с идеализмом, хотя оба термина и общего — греческого — происхождения — от греч. ἰδέα ← ϝιδέα). Для понимания его генезиса необходимо знакомство с философией Платона.

ИДИЛЛИЯ — международный термин из традиционной теории литературы ("тематической теории поэзии"): от греч. ‹εἰδύλλιον = *eidýllion* ...›, значившего 'маленькая жанровая сценка, картинка быта'. Но так как у греческих авторов И. (‹Феокрита› и др.) сценки эти были из деревенского быта, напр., крестьянки, пришедшие на праздник в город и т.п., т.е. изображалась прелесть деревенского,

спокойного быта, то впоследствии (в частности, в новоевропейской теории литературы) И. стала обозначать литературное произведение, восхваляющее (или вообще рисующее в приятных тонах, красках) деревенскую жизнь, природу, жизнь на лоне природы.

В обывательском же употреблении И. — прелести (очень часто в ироническом уже смысле) как деревенского, так и всякого вообще домашнего, семейного очага, или же моменты простоты <нравов> (как в патриархальной деревне), напр., *Домашняя идиллия: утки, куры, гуси, корова, сытые детишки,* или же *Вот так идиллия: мать кормит грудью и грудь не закрывает* и т.п. Образец И. — "Герман и Доротея" <Гёте>.

КАЛАМБУ́Р — обывательский международный (из французского языка), а, с другой стороны, и литературный термин. Он означает фразу или словосочетание с таким подбором слов, который дает двойной смысл — именно с задачей вызвать у слушателя смех противоречием (расхождением) обоих этих смыслов. Происхождение термина не установлено, но явно окказионально: по крайней мере во французских аристократических мемуарах XVIII в. рассказывают следующую этимологию (= историю возникновения) этого слова: в одной светской компании, где задавали в виде игры-развлечения каждому составить стихи (— двустишие с рифмой), был один недалекий по уму аббат, который ничего не понимал в поэзии. Когда пришла его очередь, он вспотел от бесплодных усилий и наконец сочинил:

Pleurons tous dans ce jour
A bois de calambour...

То есть:

'Будем плакать все в этот день
По каламбуровому дереву'.

[каламбурово дерево было названием какого-то тропического дерева].

Эта чепуха всех насмешила до крайности и оставалась долго незабытой. Поэтому К. стали называть н е л е п у ю фразу вообще, и отсюда это наименование было перенесено на д в у с м ы с л е н н у ю фразу, — как содержащую, кроме первого смысла, еще некий другой — нелепый с точки зрения первоначального семантического замысла — смысл.

Насколько это объяснение верно, — трудно сказать, так как предлагались и некоторые другие (на мой взгляд, еще менее достоверные) разъяснения данного слова.

В качестве примера К. приведу следующую итальянскую фразу: *Lazzaroni non son tutti latroni, ma bouna parte* букв. 'Лаццарони (т.е. итальянцы-ленивцы) — не все негодяи (или мошенники), но бóльшая часть (или бóльшей частью)'. Если же эти самые звуки и слова прочесть так: *Lazzaroni non son tutti la troni, ma Buonaparte,* то выйдет вот что:

'Лаццарони (итальянцы-лентяи) — не все негодяи, но Бонапарт!' (т.е. про Бонапарта-то уже отлично известно, что он негодяй). Из-за этой фразы французы — приверженцы Бонапарта и офицеры революционной армии — вызывали на дуэль. Для понимания ее надо помнить, что 1) Наполеон Бонапарт (по-итальянски *Buonaparte*, что буквально значит 'добрая, или бо́льшая часть': *buona parte*) был корсиканец, т.е. итальянец по происхождению; 2) что слова *ma* ('но') *buona parte* означают 'но большей частью', и кроме того могут быть восприняты как *ma Buonaparte* 'но Бонапарт'. В этом-то и состоит здесь К.

Вот другой — русский К., созданный в эпоху окончательного экономического упадка дворянства (во второй половине XIX в.). Помещик, глядя на великолепный пейзаж своего имения, говорит: *Виды-то здесь хорошие, но в виду ничего нет*, т.е. 'Пейзажи-то у меня здесь хорошие, но мое положение плохо'. К. основан на двойном значении слова *вид*: 1) *вид* как 'пейзаж', 2) *вид* в составе комплекса *в виду* = 'в перспективах, в предстоящем (кому-либо) будущем', здесь: 'в экономических перспективах у данного лица'.

Наконец, приведу пример узбекского К. <...>. Особенно облегчается составление К. при двуязычии — благодаря увеличению вдвое словесного материала (как, напр., в нашу эпоху у немцев Поволжья*).

* Несмотря на то, что здесь дело далеко еще не дошло, в общем, до состояния коллективного двуязычия.

КАНОНИЗА́ЦИЯ — 1. Общенаучный и житейский (международный) термин с первичным значением: 'узаконение'.

2. В поэтехнике и теории литературы (особенно у "формалистов": В.Шкловского, Ю.Тынянова, Б.Эйхенбаума и др.) К. приема — узаконение какого-либо приема (стихотворного или тематического), т.е. признание его обязательности для данного жанра. Напр., К. рифмы в истории европейской поэзии: у древних римлян и греков рифма вовсе не была канонизованным (хотя бы для одного какого-нибудь жанра или вида) приемом; поэты (да и теоретики поэзии) о ней просто не знали, и греческое слово ῥυθμός = *rhythmos* имело совсем другое значение (— отсюда и двоение смысла самого термина ῥυθμός в русской терминологии: к нему восходят и *рифма*, и *ритм*; см.). Но изредка — напр. у Горация, у Овидия и др. — рифма (неканоническая) факультативно появляется: так у Горация (в Одах, I, 1) мы находим: ... *metaque fervidis ~ evitata rotis ~ palmaque nobilis ~ terrarum dominos ~ evehit ad deos*. И дальше в той же оде: ... *stratus nunc ad aquae ~ lene caput sacrae*. Но это — в качестве допустимого лишь (отнюдь не обязательного!) приема, на правах случайной игры звуками (звукоповторами)! Далее же — через длинную цепь эволюции с участием т.н. "рифмы стоп" у христианских греческих ораторов — у Иоанна Златоуста и т.п., наконец, европейская поэзия усваивает и канонизует рифму.

Слово К. ('узаконение') с обычным сложным суффиксом производных имен действия (*изоляция*) от слова *канон* — греч. κανών = *kanōn* 'закон', это же греческое слово вошло и в арабский словарь — в виде قانون, а отсюда — уже как арабское слово — и в персидский, в мусульманско-турецкие (напр., узбекский) языки.

3. В *агиографии* (см.) и *агиологии* (см.) слово К. (благодаря тому же исходному смыслу "узаконение") означает: официальное всецерковное (для данного вероисповедания, конечно) признание святым какого-либо покойного (монаха, мученика и т.д.). Напр., во Франции — канонизация Жанны д'Арк; в России церковь канонизовала почти всех царей и великих князей и т.д.

КЛА́УЗУЛА (лат. *clausula* букв. 'заключеньице') — термин латинской просодии (= латинского учения о стихосложении). Так назывался заключительный слог в определенных размерах стихов. Обыкновенно он мог быть (в данном размере) как долгим, так и кратким. В русском языке термин этот может встретиться исключительно редко и, конечно, именно в работах по просодии.

КОМЕ́ДИЯ — термин, опять-таки греческий (как и *трагедия*: см. *Драма*) — название комических (стихотворных), т.е. рассчитанных на возбуждение эмоции смеха, драматических произведений. Главнейшие комики, т.е. авторы комедий в Греции — Аристофан, Менандр, в Риме — Плавт, Теренций, во Франции — Мольер, в Англии на первом месте стоят комедии Шекспира (хотя он более известен трагедиями), в России — Гоголь ("Ревизор", "Женитьба"), Островский. К комедии примыкают ф а р с (в котором буржуазия Франции XIX и XX вв. дошла до nec plus ultra — похабности) и в о д е в и л ь (= краткое, обыкновенно одноактное, комическое представление)[152].

О́ПЕРА — название драмы на музыке и с пением, т.е. особого синтетического вида искусства: драматическая форма + музыка + пение.

Опера родилась в Италии, как и сам термин О., представляющий собою латинское слово *opera* — мн.ч. (ср.р., им.пад.) от *opus* (~ род.п. ед.ч. *oper-is*, т.е. основа — *oper-*) 'произведение'. Больше всего опер написано в Италии, итальянской школе опер противополагаются оперы Рихарда Вагнера (немца), которые он сам в отличие от традиционных опер, называл музыкальными драмами. Комическая опера (напр., некоторые оперы Моцарта "Похищение из Сераля" и др.) — опера-комедия, рассчитанная на комический эффект (смех). К комической опере примыкает низший жанр — о п е р е т к а (во французском языке уменьшительное от оперы — *opérette* — относится к комической опере, как фарс к комедии).

ПОЭ́ЗИЯ — международный литературный (и житейский, популярный) термин: лат. *poësia*, франц. *poesie*, нем. *Poesie* — греческого происхождения — ποησία = *poësia* 'делание',

т.е. 'делание (составление) стихов'. П. называются, в общем, стихотворные литературные произведения, хотя нужно помнить, что критериев отличения поэзии от прозы может быть два: 1) принятый в старых дореволюционных "Теориях словесности" критерий содержания: "Поэзия — это такие литературные произведения, которые действуют не только на ум (как проза), но и на чувства читателя; проза же — наоборот, имеет в виду действовать только на ум читателя". Согласно этому критерию, целый ряд рассказов и т.п., написанных немерной речью, — напр., повести Гоголя и т.п., — отойдут к поэзии; 2) второй — формальный критерий (фактически он является и являлся самым распространенным): "Поэзия — это те литературные произведения, которые составлены мерной речью (стихами), т.е. с организацией словесного материала не только по смысловому, но и по фонетическому* принципу — по принципу регулярных звуковых (фонетических) повторов. Наиболее важным из приемов фонетического повтора является просодический размер (= размер стиха), причем размер бывает или тонический — основанный на правильных повторах ударяемых слогов в чередовании с неударяемыми, или *метрический* (см.) — основанный на правильных повторах долгих и кратких слогов, или чисто *силлабический* (см.), основанный на числе слогов между паузами (цезурами), или наконец тонико-силлабический и силлабо-тонический. Но кроме этого главного принципа (и признака) фонетической организации поэтической речи (в отличие от прозаической) существуют и другие звуковые повторы: 1) *рифма,* представляющая собой частный случай "*концовки*" (см.), 2) *аллитерация* и 3) всевозможные другие повторы, являющиеся весьма часто неканонизованными, примером которых может служить, напр., следующий французский припев (refrain — рефрен) из стихотворения Виктора Гюго (Victore Hugo), входящего в роман ("Собор Парижской Богоматери") "Notre-Dame de Paris":

Grève, aboie, Grève, grouille,
File, o file, ma quenouille,
File sa corde au bourreau
Qui siffle dans le préau.

Если написать это в фонетической транскрипции, то выйдет:

gre:v abwa gre:v gru:j(œ)
fil o fil ma kœna:j(œ)
fil sa kɔrd oburo
ki siflœ dãlœpreo.

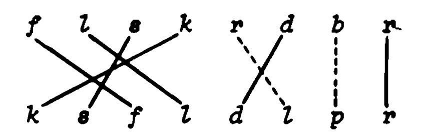
Выписав согласные звуки каждой строки, мы получаем:

g r v b g r v g r j
f l f l m k n j
f l s k r d b r
k s f l d l p r

Внутренние консонантные повторы 1-го и 2-го стиха ясны

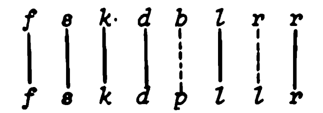
$$\begin{cases} 1)\ g\ \ r\ \ v - g\ \ r\ \ v\ \ g\ \ r - \\ 2)\ f\ \ l\ \ f\ \ l \end{cases}$$

Но остановимся на 3-4-ом стихах: их консонантические составы сплошь корреспондируют, т.е. каждый из согласных 3-го стиха находит себе соответствие среди согласных звуков 4-го стиха — в виде тождественного ему звука, или же в виде звука, ближайше родственного ему по артикуляции и акустическому составу (напр., $b \sim p$). Эти корреспонденции согласных 3-го и 4-го стихов можно выразить графически так:

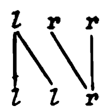

Итак, по данному формальному критерию П. есть совокупность всех словесных (литературных и устно-литературных) произведений, составленных по принципу фонетической организации словесного материала, т.е. посредством фонетических повторов самого различного порядка (как-то: тот или иной просодический размер, т.е. тот или иной принцип мерной речи, рифма, аллитерация, неканонизованные звукоповторы и т.д.), из которых главным, однако, служит просодический размер, т.е. мерность речи (= или по тоническому, или по метрическому, силлабическому и т.д. стихосложению).

Выписав члены этих корреспонденций ($f - f$, $k - k$ и т.д.) подряд (т.е. уже не считаясь с местом, занимаемым данным согласным в том и другом стихе), мы получили:

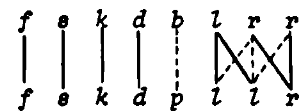
Мы вынесли здесь корреспонденции "плавных" (l, r) на конец ряда, так как они могут рассматриваться, как особый прием комбинации согласных повторов: существенным здесь является то, что в каждой строке (и в 3-й и в 4-й) имеется по т р и "плавных": в 1-й из этих строк одно l, два r, во 2-й из этих строк — одно r и два l; таким образом "плавные" звуки дают здесь особый, сложный вид повтора (или к о м б и н а ц и и повторов):

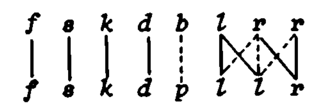
А так как и корреспонденция $l \sim r$, в свою очередь, может считаться повтором — только не тождественных, а акустически близких фонем, то вышеприведенную комбинацию корреспонденций "плавных" мы можем представить (графически) и следующим образом:

И тогда всю совокупность согласных повторов этого двустишия (3-й и 4-й строк) допустимо будет выразить так:

Чтобы покончить с анализом этого примера, надо напомнить, что он принадлежит именно к refrain'у (припеву): подобные, исключительно богатые консонантными повторами стихи чаще всего встречаются именно в припевах, которые, естественно, предоставляют широкое поле возможностей для звуковой (фонетической) организации (= "звуковой инструментовки") стиха, благодаря тому что смысловая нагрузка (а следовательно, и смысловая организация речевого материала) в стихотворении или песне приходится не на припев, а на прочие, т.е. на основные строчки, и припев (refrain), таким образом, получает возможность приближаться к *зауми* (см.), — иначе говоря, композироваться главным образом именно по требованиям фонетической организации стиха, а не по требованиям определенного смыслового задания. И действительно, даже на данном примере (= вышеприведенном четверостишии из V.Hugo), мы убеждаемся в том, что по мере возобладания моментов фонетической организации стиха (= по мере увеличения числа звуковых повторов) ослабляются, обычно, смысловая насыщенность и логическая цельность речи: если в первых двух строках данного четверостишия — при ограниченном числе звукоповторов — выдерживается и смысловая ценность этих двух стихов, то в 3-м и 4-м стихах, содержащих максимальное число звукоповторов (= сполна насыщенных консонантными повторами), смысловая сторона уже явно страдает: зачем понадобилось вводить в эти строки (означающие "Пряди свою веревку палачу, который свистит на лужку") последнее — придаточное — предложение — *Qui siffle dans le préau* = 'который свистит на лужку'? Ясно, что это предложение (= 4-я строка) введено сюда автором не по требованиям смысла, а именно для осуществления вышеуказанных звукоповторов:

Как видно из только что рассмотренного примера, моменты фонетической организации стиха могут быть весьма разнообразными, и кроме канонизованных приемов (— размера, рифмы) состоять еще в ряде окказиональных, или неканонизованных приемов. Но на практике, обычно диф- <...>[153].

* В широком смысле слова фонетический.

ПРОСО́ДИЯ — интернациональный литературный термин греческого происхождения. Хотя греческое слово προσῳδία = =*pros-o-ⁱd-ia* было буквально переведено на латинский язык в виде *accentus* (см. *Акцент*), но само греческое слово προσῳδία = *proso-ⁱdia* в качестве современного литературного термина (т.е. в виде рус. *просодия*, нем. *Prosodie* и т.д.) стало означать нечто, уже вполне отличное от акцента: именно П. именуется учение о размере стихов, как об основном приеме стихосложения; иногда же этим термином обозначали и всю технику стихосложения.

РИ́ФМА (ср. лат. rhythmus из греч. ῥυθμός = *rhythmós* <'соразмерность'>) — литературный, поэтико-технический термин [один из двух совершенно различных по значениям терминов, произошедших из латинского слова *rhythmus*: *рифма* и *ритм* (см.)]. Р. называется звуковой повтор, локализованный на концах строк, или стихов. При этом повторяющийся (= составляющий Р.) конечный отрезок стиха в большинстве поэтик (— в поэтическом творчестве большинства языков) должен состоять из ряда звуков (а не из одного звука). Так, канонизованная (узаконенная) в русском стихосложении Р. нормально начинается с последнего в данном стихе ударенного гласного. Например (из "Евгения Онегина" А.С.Пушкина; размер — ямб):

Мой дядя, самых честных правил,
Когда не в шутку занемог,
Он уважать себя заставил
И лучше выдумать не мог ...

Рифмуют здесь 1-я и 3-я, 2-я и 4-я строки. В 1-й и 3-й строках Р. состоит из повтора комплекса *а́вил*, т.е. начинается с ударенного гласного *а́* (на котором лежит последнее из ударений данного стиха), и всего следующего — неударенного — слога *вил*; в Р. этой участвуют, таким образом, четыре звука: ударенный гласный *а́* + мягкое *в*, т.е. согласный звук *вь* + неударенный гласный *и* + согласный *л*. Во 2-м и 4-м стихах, правда, корреспондируют (повторяются) не только комплексы *ог* ~ *ог* (= *ок*—*ок* в фактическом современном произношении великоросса), но более длинные отрезки: *[за]-немог* и *не мог*[154], но это (т.е. повтор — *нем* — *не-м*) уже сверх канонизованного (обязательного) масштаба рифмы (могли рифмовать *ног* и *не мог* или т.п., т.е. для канона рифмы достаточно, чтобы в повтор входили: последний из ударенных гласных и все за

ним следующие звуки или один звук). В арабской поэтике термину Р. соответствует термин قافية (قَافِيَة). При этом в арабской поэтике обычна одна рифма (многократное повторение рифмы на протяжении всего данного стихотворения во всех его стихах). При этом масштаб рифмы принципиально отличен от русского и европейского вообще: для арабской рифмы достаточен повтор одного только последнего слога, напр., рифмуют такие слова (в классическом арабском чтении, конечно!), как الأُصُل и الدَّعِل. Для русского канона рифмы этого, конечно, явно недостаточно. Подобного рода краткие масштабы рифма допускает в некоторых турецких традиционных версификациях: напр., в караимской поэтехнике (поэтической технике) достаточно, чтобы рифмующие строки оканчивались на один и тот же гласный *а* и т.п.

Р. бывает в русской традиционной версификации *мужская* (см.), *женская* (см.) и *дактилическая*, состоящая из трех слогов, т.е. с тремя гласными, из которых первый ударен, остальные нет; эта дактилическая рифма входит (канонизуясь) в русскую поэзию поздно, гл. обр. вводится она Некрасовым. Не вполне точная рифма (с неточным повтором — с заменой или опущением одного или нескольких звуков) называется рифмоидом — искусственно созданный в новое время греческий термин: из *рифмоид* — *rhýthm-ós* + *-о-* — соединительный гласный *-о-* + *-ид* ← греч. ιδ ← *ϝιδ- = *wid- (ср. рус. √*вид*-) 'вид', т.е. 'рифмообразное', 'рифмовидное', 'похожее на рифму'. В.В.Маяковским введены в употребление —

1) рифмы с "вибрирующим" согласным (— с конечным согласным, который в одном стихе имеется, а в другом стихе отсутствует): например —

...улыбается
Подстреленный авиатор,
Если вспомнит в поцелуе рот
Твой, Травиата...

Здесь рифмуют слова *авиатор* и *Травиата* и, следовательно, вибрирующий согласный здесь — *р*, ибо его нет на конце слова *Травиата* (правда, Маяковский не первый изобрел прием вибрирующего согласного: Маяковский узаконил его, впервые же употребил этот прием, кажется, Яков Годин[155]);

2) каламбурную рифму, или рифму-каламбур — из двух и более слов, т.е. рифму колоссального, гипетрофического размера, — уже далеко перешагнувшую через тот minimum рифмы, который предусматривался в вышеназванный канон (= от последнего ударенного гласного). Вот пример рифмы-каламбура у одного из младших футуристов (школы Маяковского):

Этих любим, а тех
никогда!
Это техника? —
Техника, да.

Здесь рифмуют, или корреспондируют, следующие звуки:

а тех нико[г]да
~ а техника, да,

т.е.:

а + ть + э + х + нь + и + к + а + [г]д + а
а + ть + э + х + нь + и + к + а + д + а,

и, следовательно, в рифме-каламбуре здесь всего участвуют 10 ~ 10 звуков.

Возьму еще один пример (из Маяковского), приводя только обе корреспондирующие строчки (2-ю и 4-ю, т.е. опуская 1-ю и 3-ю строки строфы):

И носки подарены...
... Как наскипидаренный.

В этом примере рифма-каламбур захватывает собою почти весь звуковой состав — и той, и другой строки:

н + а + с + кь + и + п + а + д + а + рь + э + н + и
н + а + с + кь + и + пь + э + д + а + рь + э + [н]н + и[й]

— всего 13 звуков (с небольшими лишь, — и вполне незаметными в общем акустическом впечатлении — расхождениями в неударенных гласных *по ~ пе*).

Таких рифм-каламбуров (с громадным размером повтора) у Маяковского имеется чрезвычайно много.

РИФМО́ВАННАЯ ПРО́ЗА — не-"мерная" речь (= без размера, т.е. без регулярной организации по принципу тонического, метрического, или силлабического стихосложения), но с рифмой на концах синтаксически законченных отрезков (фраз, предложений). Часто встречается, напр., в арабской литературе. Коран (قرآن) тоже составлен рифмованной прозой <...>.

ХОРЕ́Й — греческий просодический термин. Название двусложной стопы, обратной *ямбу* (см.), т.е. состоящей из долгого и краткого слогов (в метрическом стихосложении) или же — из ударенного и неударенного слогов (в тоническом — напр. русском — стихосложении). Пример (из А.С.Пушкина):

Буря	*мглою*	*нёбо*	*кроет*
´ ◡	´ ◡	´ ◡	´ ◡

Стих состоит из четырех хореев, т.е. является "четырехстопным хореем".

ЭПИСТОЛЯ́РНАЯ ФО́РМА РОМА́НА[156] — прием, когда автор пользуется (для изложения событий, для передачи мыслей и чувств героев и пр.) приведением (вымышляемых, конечно, обычно) писем между героями. Романы целиком состоящие из эпистолярной формы, редки, Но очень часто (особенно в английских и французских романах XVIII в.) письма вводятся вперемешку с рассказом, занимая иногда очень большую часть романа.

ЭПИСТОЛЯ́РНЫЙ СТИЛЬ[157] — письмовный стиль — от лат. *epistola* ‘письмо’ в смысле ‘почтовое письмо, корреспонденция’. Таким образом, Э.С. — стиль, характерный для переписки. Добавим, что латинское слово *epistola* — греческого происхождения, т.е. заимствовано в латинский язык из греческого.

ЭПОПЕ́Я — см. *Эпос*.

Э́ПОС[158]. (<греч. επος>, арх. <...> ‘речь, рассказ’) — международный литературный (из тематической теории поэзии) термин: произведение (совокупность произведений), задачей которого служат *рассказ, повествование* — изложение (последовательных) событий, т.е. изложение историй <...> и притом в форме рассказа (но не в драматической форме) — в противоположность *лирике* (лирика — греческий термин от названия музыкального инструмента: лира), где целью служит выражение чувств автора (а не событий). В Э. входят значит и *эпопея* (рассказ о крупном событии национальной истории, как греческая "Илиада", "Одиссея", как латинская "Энеида" Вергилия и т.д.), и *роман* (см.), и *повесть*, и *рассказ* и пр. и пр. В узком смысле, особенно в фольклоре, под Э. разумеют былины <...> Былинами же были, конечно, сначала и "Илиада", и "Одиссея" (приписываемые Гомеру), хотя говорят и особо: былинный эпос — в противоположность, напр., сказочному эпосу и т.д. В традиционной поэтике (Аристотеля) три главных рода литературных произведений: эпос, лирика, драма.

ЯМБ[159] — международный литературный и именно *просодический* термин греческого происхождения [ἴαμβος = *iámbos*]: название одной из двусложных стоп (см. *Стопа*) и соответствующего (т.е. составленного из данных стоп) размера стиха. В "тоническом" (точнее: тонико-силлабическом) стихосложении, каково, напр., русское стихосложение, стопа Я. состоит из 1) неударенного + 2) ударенного слогов (◡ ′), напр., *нога́, рука́, заря́, ура́* и т.д. "Ямбический размер", или "ямбический стих", или просто "ямб" — стих, составленный из стоп-ямбов. Напр.:

Когда| бы жизнь| домаш|ним кру|гом ◡ ´ ◡ ´ ◡ ´ ◡ ´ ◡	(— пятистопный ямб; последняя пятая — стопа незакончена; таким образом, фактически в этой строке $4\frac{1}{2}$ ямбических стопы)
Я ог|грани|чить за|хотел| ◡ ´ ◡ ´ ◡ ´ ◡ ´	(— четырехстопный ямб: четыре полных ямбических стопы — восемь слогов)
Когда| бы стать| отцом,| супру|гом ◡ ´ ◡ ´ ◡ ´ ◡ ´ ◡	(как и в первой строке, пятистопный ямб с последней неполной стопой: девять слогов)
Мне смут|ный жре|бий по|велел... ◡ ´ ◡ ´ ◡ ´ ◡ ´	(как и во второй строке, — четырехстопный ямб: восемь слогов)

Другой пример:

Я Вам\| пишу,\| чего\| же бо\|ле?
Что я\| могу\| еще\| сказать\|?
◡ ´ ◡ ´ ◡ ´ ◡ ´

(Оба примера — из романа "Евгений Онегин" Александра Сергеевича Пушкина; пятистопный и четырехстопный ямб — вообще любимый размер у Пушкина.)

В метрическом (— в частности древнегреческом) стихосложении ямбическая стопа состоит, конечно, уже не из "неударенного + ударенного", а из "краткого + долгого" слогов (◡ —) <...>[160]

Заголовок. Толковый терминологический словарь по лингвистике (на обложке папки архивного экземпляра; в тексте Словаря встречаются другие авторские названия: Словарь лингвистических терминов, Словарь лингвистической терминологии, или просто Словарь).

Автор и адресат. Проф. Е.Д.Поливанов. Словарь был отправлен каким-то ташкентским учреждением (УзНИИКС?) на рецензию во Всесоюзный Центральный Комитет Нового Алфавита Д.Коркмасову, который там отвечал за редакционно-издательскую деятельность. Об этом свидетельствует машинописная копия письма Е.Д.Поливанова на имя Д.Коркмасова:

> "*Тов. Коркмасову.*
>
> Узнав, что Вам отослана (из Ташкента) на рецензию рукопись „Словарь лингвистических терминов", спешу указать, что я недавно (28.IV) привез с собою в Ташкент остальные статьи (для переписки на машинке и присоединения к уже ранее сданным), после чего я имел в виду привести все статьи в алфавитный порядок.
>
> Если нужно, я могу (дав переписать на машинке) дослать остальные статьи (их довольно много). Во всяком случае прошу учесть это при Вашем отзыве и решении относительно этого „Словаря".
>
> С совершенным уважением профессор Е.Поливанов.
>
> г.Фрунзе. 5.V — с.г." (арх.л.19),

а также сопроводительное письмо директора Института языка и мышления им. Н.Я.Марра акад. И.И.Мещанинова к отрицательному отзыву марристки С.Л.Быковской (умерла в ноябре 1941 г.), отправленное из Ленинграда 21 сентября 1937 г. /когда Е.Д.Поливанов был уже арестован во Фрунзе и отправлен в Москву/:

> "В ВЦК Н.А.
>
> ИЯМ препровождает при сем одобренный им отзыв ст. научного сотрудника Института т.БЫХОВСКОЙ на работу проф. Поливанова „Словарь лингвистических терминов".
>
> Академик [подпись] Мещанинов.
>
> Приложение: Отзыв и Словарь" (л.1).

Время и место написания. 1935—1937 гг. 1937 г. указан на обложке архивного экземпляра и на сопроводительном письме И.И.Мещанинова. 1.X.1935 г. датирован последний лист, видимо, наиболее ранней подборки статей Словаря (арх. л.311 об.), где указан также и адрес автора: гор. Фрунзе, ул.Дзержинского, 37г и дана подпись "Е.Поливанов, кандидат В.К.П.[б]"). На некоторых статьях имеются и другие даты, свидетельствующие о работе Е.Д.Поливанова над Словарем в указанные годы: арх. л.72—27. VIII (1936 г.?); 135 — 4.IX (1936 г.?); 279 — намек на то, что статьи этой подборки были написаны после 1935 г.; 303 — X.35 г.; 305 — 5.IX. 1935 г. и упомянутый последний лист.

Место хранения и шифр. **Архив АН СССР**, фонд 677, опись 6, № 224, 311 л. (архивной пагинации). На титуле картонной обложки скоросшивателя в верхнем правом углу штамп:

"**Академия наук СССР**
ИНСТИТУТ
ЯЗЫКА И ПИСЬМЕННОСТИ НАРОДОВ СССР
Москва 19, Волхонка 18/2",

а в левом верхнем углу старые (зачеркнутые) архивные номера: Арх. № 166 (зачеркнут) 227, оп. № 1, св. № 9 (зачеркнут) 19, инд. 66 А Б (зачеркнут) 675; Арх. № 10, оп.10. В самом низу помета: "Хранить постоянно".

Способ воспроизведения. **Авторизованная** (т.е. большей частью выправленная и отредактированная Е.Д.Поливановым) **машинописная копия** (2-й или реже 1-й экземпляр), включающая несколько рукописных листов и состоящая из пяти подборок со своей пагинацией. Сплошная архивная пагинация — 311 листов, сохранившаяся еще с 1948 г.

Подлинность. О подлинности статей Словаря свидетельствуют различные виды **подписей Е.Д.Поливанова** под некоторыми из них, нередко по нескольку сразу. Подписи встречаются под следующими статьями (пагинация всюду архивная): 1) **русская сокращенная** *[Е.П.]* — л.65 (*Драма*), 68 (*Драматургия*), 121 (Ямб), 123 (*Окситон[а]*), 290 (*Напряженные~ненапряженные гласные*); 2) **русская полная** *[Е.Поливанов]* — л.72 (*Вопросительный знак*; вместе с другими подписями), 87 (*Физиология*), 135 (*Увулярные согласные*), 285 (*Неопределенное наклонение*; вместе с другими подписями), 298 (*Литературный язык*), 303 (*Народная этимология*; вместе с другими подписями), 305 (*Фразовая мелодия*), 306 (*Монотония*), 311 об. (*Морфологическая классификация языков*; вместе с другими подписями); 3) **китайские и японские** — а) **фамилия** — л.72 (*Вопросительный знак*), 99 (*Вокализм*), 104 (*Падеж*), 278 (*Однократный вид*), 283 (*Наречие*), 285 (*Неопределенное наклонение*), 303 (*Народная этимология*), 311 об. (*Морфологическая классификация языков*; дважды повторена и по-японски); б) **китайский псевдоним** *[Бо Цзишэн]* — л.72 (*Вопросительный знак*), 99 (*Вокализм*), 104 (*Падеж*), 283 (*Наречие*), 285 (*Неопределенное наклонение*), 311об. (*Морфологическая классификация языков*); 4) **в арабской графике** — л.72 (*Вопросительный знак*), 104 (*Падеж*), 283 (*Наречие*), 285 (*Неопределенное наклонение*), 303 (*Народная этимология*), 311 об. (*Морфологическая классификация языков*); 5) **на деванагари** — л.72 (*Вопросительный знак*); 6) **в тибетской** графике — л.72 (*Вопросительный знак*).

О подлинности Словаря также свидетельствуют **технические пометы** самого Е.Д.Поливанова: "граница страницы" (в первой и иногда в третьей подборке статей), "линия разреза (или отреза) [со статьей...]", "сюда приклеивается... страница", "присоединяется к с. ...", "низ... страницы", "вырезать одну строку" и т.д. Кроме того, автором сделаны пометы к примечаниям, причем иногда по-китайски или по-арабски, например: "это подстрочное прим-ние [^{T}] приклеивается к верхней части (上) 37 страницы [№ 3, что есть и ^{1}]. Е.П." (арх. л.56), "Стр. 37 中 (всего в 37 стр-це 3 части

上 中 下 " (арх. л.57), "Подстр. прим-ние ³ к последней строке ... стр-цы" (арх. л.43) или "Подстрочные прим. <мелк. шрифт>" (арх. л.101) и т.д. Иногда на полях статей Е.Д.Поливанов отмечает концовки китайскими иероглифами: 終 (конец) (арх. л.57), 働詞之終 — первый иероглиф написан Е.Д.Поливановым ошибочно; должен быть 動 (конец [статьи] *Глагол*, арх. л.60) и др. Надеясь на издание Словаря, автор давал шрифтовые выделения типа "(≅ под Г — Г означает жирный шрифт (— букву Г жирно!)" (арх. л.124), "Р — жирным шрифтом большая буква Р" (арх. л.135), "набрать греческую букву ε" (арх. л.200), "мелким шрифтом" (помета к подстрочным примечаниям на арх. л.255) и др.

Состав. Сам Словарь помещен на л.20—311 об. Вначале перед ним даны: сопроводительное письмо И.И.Мещанинова — л.1; отзыв С.Быховской на Словарь — л.2—18 (17 с.маш.); письмо Е.Д.Поливанова Д.Коркмасову — л.19. После рукописи Словаря следует листок архивного работника: "В деле пронумеровано триста одиннадцать (311) листов. 21.VIII.48 г. (подпись)". Все материалы скреплены в архивной папке-скоросшивателе, наружная сторона которого и является титульным листом. В самом конце к папке приклеен клочок бумаги с надписью: "Переписка с ЦК ВКП(б). 1938 г. (по издательским делам)". Возможно, эта бумага имеет какое-то отношение к судьбе Словаря (ведь письмо и отзыв из Института языка и мышления были отправлены в ВЦК НА, когда Е.Д.Поливанов был уже незаконно репрессирован). Перечень всех статей Словаря с указанием архивной пагинации дан нами отдельно. Бумага, на которой напечатаны или написаны чернилами статьи Словаря, в основном низкого качества (газетная), желтоватого цвета.

Нельзя сказать, что словарные статьи в архивном экземпляре Словаря были в полном беспорядке. Словарь сохранился в виде пяти подборок, о чем можно судить по авторской пагинации, по шрифту пишущих машинок, на которых печатался текст в разное время, и просто рукописным статьям:

I: л.1—114 (л.20—135: здесь и далее вне скобок указана авторская пагинация, а в скобках — архивная) напечатаны в основном на машинке с синей лентой или копировальной бумаге синего цвета (лишь л.1—10 — черной лентой) принятым для энциклопедических изданий форматом примерно 50 ударов в строке, с большим левым полем, где можно было сделать пометы и вставки. Эта подборка с авторской правкой. [По сути, на этом кончается основная часть Словаря, напечатанная на одном сорте бумаги. Далее следуют какие-то отдельные варианты статей с авторской пагинацией и без нее, не всегда похожие на энциклопедические.] См. дату этой подборки в примечании к арх.л.135—4.IX [1936 г.?].

II: л.1—44 (л.135а—179) напечатаны на машинке с синей лентой, но на полный формат страницы. Статьи этой части в основном большие (например, статья *Сингармонизм* занимает 6 л.) и, возможно, были предназначены сначала для "Литературной энциклопедии", где Е.Д.Поливанов сотрудничал до вынужденного отъезда в Среднюю Азию в 1929 г. и где было опубликовано его несколько статей. Они отличаются от статей первой подборки своей композицией. В них "фонариками" обозначены подразделы: этимология термина, его реальное значение, при-

менение, иногда библиография. Это, по-видимому, более ранняя подборка статей, написанных еще во время пребывания в Москве (см. примеч. к статье *Аугмент II*).

III: л.1—99 (л.180—277), среди них л.1—14 (л.180—193; статья *Монофтонгизация*) отпечатаны синей лентой, а л.15—99 (л.194—277) — черной лентой, причем л.64—67 и 80—81 оригинала по сравнению с архивной пагинацией перепутаны; должно быть л.64—242, 66—243, 67—244, 65—245, 81—258 и 80—259. Статьи этой подборки в основном короткие, энциклопедического типа. Относительно датировки статей этой подборки имеются косвенные свидетельства. На арх. л.240 указано издание книги Ф.Боппа в 1816 г., т.е. "около 120 лет назад", а на арх. л.262 имеется ссылка Е.Д.Поливанова на свою работу по дунганскому языку, изданную в 1936 г. Эти факты косвенно подтверждают, что статьи этой части Словаря были написаны в конце 1936 или начале 1937 г. Кроме того, все стиховедческие статьи этой подборки (арх. л.257—261), по всей вероятности, написаны автором во время одной из экспедиций за пределами Фрунзе.

IV: л.1—24 (л.278—300) напечатаны на машинке с черной лентой, причем идут вперемешку первый и второй (под копирку) экземпляры. Кроме указанных двух пагинаций (авторской и архивной), в этой подборке дается карандашом еще одна пагинация (авторская?) как продолжение подборки III (л.1—99), а именно л.100—122 (она следует до конца рукописи — до л.133). Это тоже поздняя подборка статей, так как имеются авторские пометки к ссылочной статье *Морфологическая классификация языков II* (арх. л.279) — "Эта статья остается по старому тексту" (она помещена в самом конце Словаря и датирована 1.X.1935 г.), к статье *Напряженные ~ ненапряженные гласные* (арх. л.290) — "Далее по старому тексту статьи (с давно уже сданной в КНА рукописи Словаря)".

V: включает одну статью (*Народная этимология*) — л.1—3 (л.301—303), напечатанную на машинке с черной лентой, и семь статей (начиная с *Фразовой мелодии*), написанных синими чернилами рукой Е.Д.Поливанова, с карандашной пагинацией л.123—133 (л.301—311 об.). Эта подборка, похоже, более ранняя, чем приведенные выше, так как некоторые статьи помечены датой "X.1935 г." и самая последняя рукописная статья *Морфологическая классификация языков* (арх. л.311 об.) — "1.X.1935 г.".

Публикации. Словарь был впервые обнаружен В.П.Григорьевым, бывшим в то время ученым секретарем Института языкознания АН СССР, в конце 50-х годов в архиве Института языка и письменности народов СССР АН СССР, который хранился в то время в Институте языкознания, под названием "Толковый терминологический словарь по лингвистике проф. Е.Д.Поливанова" (Арх. № 224, оп.1, св.19, инд.675; 293 с.; такого номера на папке имеющегося в нашем распоряжении экземпляра нет). Словарь был передан 6 сентября 1961 г. в Архив АН СССР (Москва), где ныне и хранится. В.П.Григорьев впервые сообщил о своем открытии в виде статьи "„Словарь лингвистических терминов" Е.Д.Поливанова" в разделе "Из истории языкознания" на страницах журнала "Вопросы языкознания" (1960, № 4, с.114—125). В своей статье он дал краткое описание Словаря и его особенностей, привел словник Словаря по рукописи (правда, с некоторыми пропусками и без указания пагинации), перечислил некоторые ссылки на статьи, запланированные Е.Д.Поливановым. Кроме того, В.П.Григорьев здесь же опубликовал 11

(точнее — 12) статей из Словаря, сопроводив их авторскими и своими примечаниями: *Лингвистика*, с.114—115; *Сравнительная грамматика*, с.115 (помещен один лишь абзац из большой статьи в двух вариантах); *Прометеидские языки*, с.115—116; *Литературный язык*, с.116—117; *Форма*, с.117—119 (в эту же статью включена и статья *Формальный*, поэтому опубликованных статей оказалось 11); *Слово*, с.119—121 (с сокращениями); *Гибридизация*, с.121 (с сокращениями); *Ассоциация*, с.121—122 (с сокращениями); *Инкорпорация*, с.122—123 (с сокращениями); *Сингармонизм*, с.123—125; *Акусма*, с.125.

[1] В эту статью по рекомендации самого автора нами вставлен в фигурных скобках расширенный текст о типах аббревиатур из одноименной статьи Е.Д.Поливанова в "Литературной энциклопедии" (т.1. М., 1930, стб.9). Наши словесные вставки заключены в угловые скобки, а восстанавливаемые части слов — в квадратные.

[2] Полное библиографическое описание: *Селищев А.М.* Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917—1926). Изд.2. М., 1928.

[3] В архивном экземпляре имеется два варианта статьи *Аберрация* (арх. л.46 и 228—229). Они объединены нами: первый вариант дополнен примерами из второго.

[4] Этот абзац был приписан автором в конце статьи *Агглютинация* и затем им же зачеркнут. По смыслу восстановлен нами как начало следующей в оригинале отдельной статьи *Агглютинативный [язык]*. При объяснении агглютинативных языков Е.Д.Поливанов не учитывает их синтаксических особенностей.

[5] Названия двух языковых семей ныне изменены: вместо турецкие — тюркские, вместо маньчжуро-тунгусские — тунгусо-маньчжурские (хотя в западноевропейских и ряде восточных языках сохранен термин "маньчжуро-тунгусские").

Е.Д.Поливанов одним из первых, независимо от финского ученого Г.И.Рамстедта (1873—1950), высказал гипотезу о включении корейского языка в так называемую алтайскую семью языков на правах ее четвертого члена (см. *Поливанов Е.Д.* К вопросу о родственных отношениях корейского и "алтайских" языков. — Известия АН СССР. Серия VI. Т.XXI. № 15—17. 1927, с.1195—1204; то же — СОЯ, с.156—164). Ныне эта гипотеза находит много сторонников, которые приводят все больше доказательств в ее пользу (см., например, работы С.Мартина, Ли Гимуна, Ким Банхана, С.А.Старостина и др.).

[6] Имеется два варианта статьи *Адвербиальный* (арх. л.26 и 52). Внизу второго варианта дана помета автора: "Присоединить к 1 варианту этой статьи", — что нами и сделано. В первый вариант добавлены из второго недостающие примеры.

[7] В отзыве С.Л.Быховской на Словарь Е.Д.Поливанова имеется ее добавление: Accusativus является ошибочным переводом с греческого αἰτιατική.

[8] К последнему слову дана помета автора: "ц[ерковно]-слав[янские] буквы".

[9] По-видимому: *Томсон А.И.* Об употреблении частицы "ра" в винительном падеже в персидском языке. — Доклады АН. Серия В. 1928, № 11, с.223—233. Позже по этому вопросу писал Б.В.Миллер: О полистадиальности иранских языков. — В кн.: Академику Н.Я.Марру. М.-Л., 1935, с.293—319.

[10] В "Литературной энциклопедии" (Т.1. 1930, стб.657—658) помещена статья *Акцент* без подписи. По композиции и формулировкам она совпадает со статьей Е.Д.Поливанова, имеющейся в Словаре. С большой долей вероятности можно считать, что она принадлежит Е.Д.Поливанову. В то время он сотрудничал с "Литературной энцикло-

педией", в том же томе которой им написана большая статья *Акцентуация*. Поэтому мы сочли целесообразным сделать ряд вставок в угловых скобках из статьи *Акцент* в "Литературной энциклопедии" в архивный вариант одноименной статьи.

[11] В оригинале, видимо, опечатка: вместо "выражение" написано "осложнение".

[12] К словарной статье *Акцентуация* добавляется одноименная статья Е.Д.Поливанова из "Литературной энциклопедии" (Т.1. 1930, стб.85—88), помеченная нами как *Акцентуация II*. Данной статьей в какой-то мере покрываются статьи *Ударение* и *Тон* [первая запланирована автором (см. ссылки), но отсутствует в архивном экземпляре Словаря].

[13] Современное название — удмуртский язык.

[14] Ойротская автономная область, созданная в 1922 г., была переименована в 1948 г. в Горно-Алтайскую автономную область Алтайского края РСФСР. Вместо устарелого названия "ойротский язык" ныне употребляется название "алтайский язык". Он принадлежит к киргизско-кыпчакской группе тюркских языков.

[15] Полное библиографическое описание: Грамматика алтайского языка [Прил.: Русско-алтайский словарь. Алтайско-русский словарь]. Составлена членами Алтайской миссии. Казань, Университетская типогр. 1869. [Авторами ее были алтайские миссионеры: протоиерей Василий Иванович Вербицкий (1828—1890) и иеромонах Макарий Невский (в миру Михаил Андреевич Парвицкий; 1835—1926), руководимые казанским профессором Николаем Ивановичем Ильминским (1822—1891).] Эта грамматика составила эпоху в грамматической разработке тюркских языков и стала образцом для последующих работ на аналогичные темы (см.: *Ашнин Ф.Д.* Первая печатная грамматика алтайского языка. Проблема авторства. — Тюркологический сборник. 1975. М., 1978, с.34—61; *Кононов А.Н.* История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. Л., 1982, с.291—292).

[16] После слова *Альфа* в оригинале примечание продолжено, но зачеркнуто автором. Текст его следующий: "<...> в практических целях (для практич[еских] потребностей читателя). Перечень букв в алфавитах: <...> 2) латинском, 3) немецком, 4) франц[узском], 5) англ[ийском], 6) русском (2 ряда), 7) арабском, наречия <...>".

[17] Работа И.А.Бодуэна де Куртенэ (J.Baudouin de Courtenay) "Próba teorii alternacij fonetycznych. Część I ogólna" впервые была издана в "Rozprawy Wydziału Filologicznego Akademii Umiejętności w Krakowie" (T.XX. Kraków, 1894, s.219—364). Ее развернутое резюме на немецком языке вышло под названием: "Versuch einer Theorie phonetischer Alternationen. Ein Kapitel aus der Psychophonetik" (Strassburg, 1895, V, 124 S.). Русский перевод с немецкого напечатан под названием "Опыт теории фонетических альтернаций. Глава из психофонетики" в книге: *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Избранные труды по общему языкознанию. Т.I. М., 1963, с.265—347.

[18] В своей схеме происхождения греческого и арабского алфавитов от общесемитского Е.Д.Поливанов, по-видимому, опирался на данные, приведенные в книге: *Шницер Я.Б.* Иллюстрированная всеобщая история письмен. СПб., 1903. Эта гипотеза с разной степенью конкретизации в общем поддерживается и современными исследователями истории письма; см., например, *Лоукотка Ч.* Развитие письма. Пер. с чешского. М., 1950; *Дирингер Д.* Алфавит. Пер. с англ. М., 1963;

Истрин В. Возникновение и развитие письма. М., 1965; *Фридрих И*. История письма. Пер. с нем. М., 1979, и др.

[19] НА — Новый [латинизированный тюркский] алфавит, разработанный Всесоюзным центральным комитетом нового алфавита.

[20] В самом конце этой статьи рукой Е.Д.Поливанова приписано: "См. следующую статью А[налитиче]СКИЕ ЯЗЫКИ". Но такой статьи в Словаре не обнаружено.

[21] Других примеров, кроме узбекских, Е.Д.Поливанов в этой статье не привел.

Сам термин *Аналогия*, по мнению С.Л.Быховской, объясняется в духе младограмматической школы без учета критики ее в работе E.Hermann'a "Lautgesetz und Analogie" и др. (арх. л.16).

[22] В оригинале вместо "наряду с" сказано "вместо", что не совсем верно.

[23] Судя по помете Е.Д.Поливанова, диссертация Христиансена "Апекс и I долгий" была выполнена в 50—60-х годах XIX в.

[24] Статья *Ассимиляция* сохранилась в архивном экземпляре Словаря чуть ли не в четырех вариантах. Основным является вариант, приведенный на арх. л.38. Далее, на арх. л.173, приведена только этимология термина, которая включена в первый вариант. Однако там имеется приписка автора: "Значение термина в статье моей *Ассимиляция* в ЛЭ (= Литературной энциклопедии. — *Л.К.*), откуда эта часть статьи целиком и перепечатывается". Такой статьи в "Литературной энциклопедии" нами не обнаружено. Кроме того, на арх. л.246—250 дана большая статья *Ассимиляция прогрессивная*, которая судя по примечанию автора, должна идти как приложение к статье *Ассимиляция*. Статья *Ассимиляция фонетическая*, на которую имеется ссылка, отсутствует в Словаре, а статья *Ассимиляция морфологическая* идет отдельно. Имеется также ссылочная статья *Ассимиляция полная и неполная*, которая по сути изложена в статье *Ассимиляция прогрессивная*.

[25] Сверху на полях этой статьи в оригинале имеется помета автора: "Непосредственно после (этимологич[еской] статьи *Ассимиляция*". Помета зачеркнута автором.

[26] В архивном экземпляре Словаря существует "беспризорная" страница (арх. л.244), которая сопровождается пометой автора: "NB К ст. *Ассим[иляция]* mini". Имеющаяся в ней нумерация сносок указывает на то, что это часть какой-то большой статьи (возможно, предназначенной для "Литературной энциклопедии"). По смыслу эта страница частично повторяет пункт б) статьи *Ассимиляция морфологическая*, и мы поместили ее в виде примечаний к этой статье. Текст этот следующий:

" [*а ~ э* (а в многократном виде, *о* = [ɔ] в прочих формах, где этот гласный находится под ударением)], данный прием форморазличения* переносится и на другие глаголы**: чередование [а ~ ɔ] переносится, напр[имер], в *отсрачивал — отсрочил* (где новообразованной под влиянием аналогии, или морфологической ассимиляции, является форма *отсрачивал****, или же, например, в *потрясывал ~ потрёс* (где новообразованием, — новообразованием по аналогии, т.е. новообразованием по морфологической ассимиляции является форма *потрёс*: она создана на основании осознанного приема чередования [а ~ ɔ], в старой же русской форме здесь было не [ɔ], но [а], так как глагольная морфема эта восходит к старославянской форме с носовым гласным — „малым юсом" ѧ)****".

Таким образом, всякое морфологическое изменение по аналогии представляет собой ничто иное, как процесс морфологической ассимиляции, и при желании может именоваться этим последним термином.

* А значит, и формообразования.

** Т.е. такие глаголы, в которых данного чередования [a ~ ɔ] не было.

*** Древний гласный *a* в этой форме быть не мог уже потому, что данный глагол образован от существительного — *срок*.

**** А известно, что „юс малый" (— Ѧ, т.е, *[ẽ] отражается в русском в виде *я* = ['a] (т.е. — гласный [a] с „мягкостью" предшествующего согласного). Значит, ТРѦСЪ → русск. *тряс* (но не *трёс*): *трёс* [= tr'ɔs] — результат морфологической ассимиляции, т.е. результат изменения по аналогии" (арх. л.244).

[27] Статья *Ассоциация*, опубликована В.П.Григорьевым (ВЯ, 1960, № 4, с.121—122) в очень сокращенном виде.

[28] Ср. более раннее определение языка Е.Д.Поливановым: "Языком я буду называть всякую совокупность или систему ассоциаций между представлениями речевыми (представлениями звуков, слов, частей слов, предложений) и представлениями внешнего мира < или так называемыми „внеязыковыми" понятиями, которые выражаются в языке>, независимо от того, существует ли эта система в уме большого или малого числа лиц, или даже только в уме одного лица" (Конспект, 1916, с.8; Лекции, 1923, с.13; Введение, 1928, с.40—41; вставка в угловых скобках из Введения, с.40). Во Введении указывается и другая сторона языка, а именно: "Общий язык у данного коллектива существует постольку, поскольку его реальный быт (обусловленный, конечно, экономическими потребностями) предполагает потребности в постоянном перекрестном общении между членами данного коллектива" (с.40).

[29] В левом верхнем углу оригинала этой статьи (арх. л.45) приписка автора: "АУГМЕНТ — вариант № 1"; затем в правом верхнем углу: "Выбрать один из двух вариантов этой статьи" — и внизу: "Есть дублет этой статьи". Из дублета этой статьи в публикуемый вариант нами вставлено несколько примеров и расширена этимология термина.

[30] Полное библиографическое описание работ К.Бругмана и А.Мейе: *Brugmann K.*, *Delbrück B.* Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Bd 1—5. Strassburg, 1886—1990; 2. Aufl. 1897-1916; *они же.* Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. Berlin — Leipzig, 1922; *Meillet A.* Indtroduction à l'étude comparative des langues indoeuropéennes. Paris, 1903 (рус. пер. Д.Н.Кудрявского — "Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков". Юрьев, 1911; издание этого труда на русском языке в советское время [1938 г.] Е.Д.Поливанову не могло быть известно).

[31] Доклад крупнейшего языковеда-слависта, основателя советского финно-угроведения, члена-корреспондента АН СССР Дмитрия Владимировича Бубриха (1890—1949), видимо, был прочитан в конце 20-х годов в Ленинграде. Только тогда мог слышать его Е.Д.Поливанов, так как с 1930 г. он безвыездно жил в Средней Азии. Ссылка на доклад Д.В.Бубриха служит также косвенным свидетельством того, что эта статья (вариант *Аугмент II*) была написана в начале 30-х годов, т.е. является более ранней версией статьи, публикуемой здесь.

32 В архивном экземпляре сохранилось два варианта статьи *Буква* (арх. л.126—127 и 265). Ввиду их несхожести мы публикуем оба варианта под римскими цифрами I и II.

33 Далее следует выброшенный автором абзац без правки и написаний в латинице: "... но Бодуэн де Куртенэ, стоящий за „свободную" орфографию" и ее фонетич[еский] принцип, выбирает не этимологическое <лат. *littera* 'буква' уже 'письмен', 'литературы' (см.)>, а упрощенное (по живому произношению) написание <litera>. Слово *буква* (ц.-слав. БОУКЫ) германского происхождения — [так] как связано (этимологически) с нем. словом <*Buch*> 'книга', англ. <*book*> 'книга', и вместе с последним происходит от германского имени дерева <*Buche*> (букв. лат. <*buxus*> 'бук, самшит'), служившего (у германцев) <подставкой> для письма. Слово *Б.* мы находим в качестве названий 2-й буквы в виде 2-го элемента слова *Азбука*...".

34 Далее следует выброшенный автором абзац: "когда письменность данная, напр., арабская (в самом араб[ском] языке), является переходной от силлаб[ической] к звуковой, тут мы смело, однако, говорим о буквах араб[ской] графики; напр., говорим „буквы японской с л о г о в о й (силлабической) азбуки катакана (или хирагана)", такое словоупотребление, конечно, не точно (оно условно)".

35 В ряде статей (*Аналогия*, *Буква* и др.) Е.Д.Поливанов, будучи учеником и последователем И.А.Бодуэна де Куртенэ, давал объяснения терминов, близкие статьям своего учителя. В данном случае он ограничился ссылкой на статью *Буква*, помещенную в "Новом энциклопедическом словаре" Брокгауза — Ефрона (т.8, 1911).

В конце статьи *Буква II* в оригинале следуют три строки с санскритскими написаниями из трех букв *ца да ча* без какой-либо правки. Их он опускает.

36 В архивном экземпляре Словаря имеются два варианта статьи *Велярные согласные* (арх. л.134 и 185). Они совмещены нами в одну статью.

37 После этой статьи в левом поле арх. л.99 имеется приписка автора: "Эти 18 строк [машинописи о консонантизме. — *Л.К.*] пропускаются, вернее переносятся в другие статьи" (и подпись Е.Д.Поливанова по-китайски и псевдоним Бо Цзи-шэн). Но поскольку статья *Консонантизм* отсутствует в архивном экземпляре Словаря и следует как продолжение статьи *Вокализм*, мы восстанавливаем эту часть в виде разъяснения Е.Д.Поливановым термина *Консонантизм* в качестве отдельной статьи. В неправленной автором машинописи нами восстановлены все латинские написания.

38 На обороте арх. л.72 имеется приписка с датой и подписью автора: "При желании статью *Вопросительный знак* можно сократить, выбросив всю последнюю фразу: начиная со слов „... однако в тосаском-японском, например, мелодия..." 27.VIII <1936 г.?>. Е.Поливанов". Мы сохранили это наблюдение Е.Д.Поливанова над японской мелодией фразы.

39 После "обстоятельственных слов" автором было вставлено сверху "обращение", но потом зачеркнуто.

40 Е.Д.Поливанов является одним из создателей теории экономии фонационной энергии (ср., например, его "Факторы фонетической эволюции языка как трудового процесса" и "Где лежат причины языковой эволюции?", см. СОЯ, с.57—89).

41 Современное название: геминаты.

[42] Исходя из латинской схемы падежей и не всегда возводя ее к греческому прототипу (откуда в основном были калькированы русские названия падежей), Е.Д.Поливанов порою упускает из виду исходное греческое значение того или иного падежа и обедняет функциональное многообразие падежей. Так, русский термин "родительный (падеж)" является словообразовательной калькой греч.γήνικέ, производного от γηνός 'вид', 'порода'. О функциях родительного падежа в русском языке подробно см.: *Богородицкий В.А.* Синтаксис родительного падежа в русском языке (1912 г.). — В кн.: *Богородицкий В.А.* Очерки по языковедению и русскому языку. Изд. 4-е. М., 1939, с.210—218; *Курилович Е.* Проблема классификации падежей (1949 г.). — В кн.: *Курилович Е.* Очерки по лингвистике. М., 1962, с.175—203; *Зализняк А.А.* Русское именное словоизменение. М., 1967 и др.

[43] Примеры узбекских деепричастий не вписаны автором.

[44] Ссылка на первый выпуск Словаря под редакцией Д.Н.Ушакова может служить косвенным доказательством, что эта подборка статей была написана Е.Д.Поливановым после 1935 г., когда Словарь начал издаваться.

[45] Эта работа И.А.Бодуэна де Куртенэ была опубликована в "Журнале Министерства народного просвещения" (Ч.337. 1901, сентябрь, с.12—24; то же см.: *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Избранные труды по общему языкознанию. Т.I. М., 1963, с.362—372).

[46] Следовало бы пояснить, что русский термин "глагол", как и латинский verbum, является плодом недоразумения при переводе (семантической кальке) с греч. ῥῆμα 'речение', 'высказывание' на латинский.

[47] Точнее было бы сказать: глагол выражает действие или состояние как процесс.

[48] Статья сохранилась в двух вариантах (арх.л.274 и 309 —310). В первом, очень кратком, варианте (всего четыре строки) дается лишь дефиниция термина, которая и вставлена в начало второго, взятого нами в качестве основного. Эта статья, как и другие статьи по физиологии органов произношения, показывает проницательность Е.Д.Поливанова в характеристике этого важнейшего органа артикуляции при отсутствии в то время рентгенологических исследований звуков речи.

[49] Ныне употребительна только форма "омонимы". Автор следовал написанию, принятому в то время в литературе, в частности, в работах И.А.Бодуэна де Куртенэ.

[50] Работы под названием "Умлаутные говоры узбекского языка" (или "Уйгуро-узбекское языковое соответствие") не сохранилось. Эта проблема отражена в других работах Е.Д.Поливанова (см. СОЯ, № 33, 83, 93—95, 120, 127).

[51] Полное библиографическое описание: *Trnka B.* Bemerkungen zur Homonymie. — TCLP. Vol.4. 1931, с. 152—256.

[52] Персидский (или Иранский) Азербайджан — ныне провинции Восточный и Западный Азербайджан в Иране, в которых более 4/5 населения составляют азербайджанцы. В 20-е годы там были советские концессии с русским контингентом работающих.

[53] См., например, *Щерба Л.В.* К вопросу о "двуязычии". — "Ələngə", 1930 (на узб. яз.). Русский текст этой статьи впервые опубликован в сб.: *Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность.

Л., 1974, с.313–318. См. также его "Восточнолужицкое наречие" (Т.1. Пг., 1915) и статью "Sur la notion de mélange des langues" в "Яфетическом сборнике" (IV. Л., 1926, с.1–19; то же на рус. яз. в кн.: *Щерба Л.Р.* Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т.1. М., 1958, с.40–53; *он же*. Языковая система..., с.60–74).

[54] Вопросы двуязычия затрагивались во многих работах Е.Д.Поливанова. См., например, СОЯ, № 93а, 94, 109, 116 и др.

[55] Внизу после статьи *Дифтонг* имеется приписка автора: "NB + + *Полифтонгическая фонема* (прод[олжение страницы] 90 ф *Полифтонг*)". В архивном экземпляре Словаря сохранилась только статья *Полифтонг*.

[55а] Точнее, 'девушка-служанка', 'прислуга'.

[56] Оригинал статьи *Дорсальные звуки* до слов "Гласные, собственно говоря..." остался без авторской правки. Поэтому все примеры восстановлены нами. Подробно о дорсальных см. во "Введении".

[57] Точное библиографическое описание: По поводу "звуковых жестов" японского языка. – Сборники по теории поэтического языка. Вып.1. Пг., 1916, с.31–41; то же. – Поэтика. Сборники по теории поэтического языка. Пг., 1919, с.23–36.

[58] Статья *Инкорпорация* опубликована В.П.Григорьевым (ВЯ, 1960, № 4, с.122–123) без первого раздела и начинается со слов: "В качестве морфологического термина...").

[59] С.Л.Быковская в своей рецензии считает, что инкорпорация у Е.Д.Поливанова смешивается с аффиксацией местоименных элементов в абхазском языке, тогда как для инкорпорирующих языков характерно инкорпорирование имен. Однако в действительности Е.Д.Поливанов вкладывает в термин "инкорпорация" свое понимание, которое и излагает в данной статье и в "Грамматике современного китайского языка", написанной им совместно с А.И.Ивановым (М., 1930).

[60] В оригинале был приведен пример из дунганского языка, который сокращен автором. Пример этот следующий: "(точно так же, как в дунганском синониме данного слова – в И. *чи-дўизи* = *çъ-дwзь* – роль „пустого" элемента И. играет двусложное существительное *дуизи* 'желудок': *чи-дуизи* 吃肚子 тоже значит 'есть – кушать', но буквально, т.е. этимологически раскрывается как 'есть в желудок': *чи-дуизи*, но что *дуизи* прибавлено сюда только ввиду наличия двухморфемной нормы инкорпорационного слова)" (арх.л.163).

[61] Далее, автором был дан еще один пример, сокращенный им же: "*хэ-ча* = 'пить чай' (а комплекс *хэ ча-шуй* 'пить чай' явился бы уже не просто инкорпорационным словом, а словосочетанием из двух слов: *хэ* + инкорпорационное слово [*ча-шуй*])" (арх. л.164).

[62] Точное название работы: Грамматика современного китайского языка. М., 1930 (Труды Института востоковедения им. Н.Н.Нариманова. Т.XV).

[63] Коларские языки принадлежат к группе мунда в Индии.

[64] Ныне на смену кимографу пришли спектрографы, рентгенокиноаппаратура, осциллографы и другие приборы.

[65] См. примеч.37.

[66] Статья *Лабиализация* сохранилась в двух вариантах (арх. л.114–115 и 229–230). За основу взят второй вариант. В него добавлены из первого варианта описание лабиализованных согласных, а также некоторые детали.

[67] После этого в оригинале следовала фраза, которая вычеркнута автором: "Суффиксация эта в греч. яз[ыке] служила собственно окон-

чанием производных прилагательных в именительном падеже множ[ественного] числа среднего рода, — таким образом, лингвистика значит „относящееся (букв. мн[ожественное] число: относящиеся) к языку..."" (арх. л.62).

[68] В оригинале здесь вычеркнута фраза: "Ср. *Глоттогония* (см.) — особенно частый у Н.Я.Марра".

[69] Примечание в публикации В.П.Григорьева (ВЯ, 1960, № 4, с.114): "[В современном узбекском языке наряду с „тил билими" употребляется термин „тилшунослик". — *В.Г.*]".

[70] Первоначально Е.Д.Поливанов, по всей вероятности, планировал написание отдельной статьи *Марксистская лингвистика*, о чем свидетельствует помета (см.) после термина *Марксистская [лингвистика]* в оригинале, но потом она была зачеркнута автором, так как решил ограничиться абзацем о ней в общей статье *Лингвистика* и намеревался вернуться к этой теме в статье *Социологическая лингвистика*. О путях создания "марксистского языкознания" неоднократно высказывался и сам Е.Д.Поливанов. (Об этом см. публикуемый здесь его доклад 1929 г. "Проблема марксистского языкознания и яфетическая теория", сборник статей "За марксистское языкознание", М., 1931, а также СОЯ, разд.IV; *Ларцев В.Г.* Евгений Дмитриевич Поливанов..., с.81—82 и др.).

[71] Николай Владимирович Юшманов (1896—1946), крупный лингвист-семитолог, автор "Грамматики литературного арабского языка" (Л., 1928).

[72] В оригинале в начале примечания после цифры сноски*** автором оставлено место, видимо, для ссылки на работу Х.Шёльда: *Sköld H.* Materialen zu den iranischen Pamirsprachen. Lund, 1936. Точное название другой, упоминаемой в конце статьи работы шведского лингвиста в двух частях: *Sköld H.* Zur Verwandtschaftslehre: die kaukasische Mode. Lund, 1929, Abt.2 "Marxismus und Marrismus". Часть первая вышла также в Лунде в 1931 г. под заглавием: "Beitrage zur allgemeinen und vergleichenden Sprachwissenschaft. I. Sprachgeographie und Indogermanistik". См. также примеч.9 к стенограмме доклада Е.Д.Поливанова.

[73] В верхнем поле оригинала этой статьи надпись: "Е.Поливанов. Сл[оварь] л[ингвистических] т[ермин]ов".

[74] Ныне таким общим языком становится "путунхуа" на основе пекинского наречия (см. *Софронов М.В.* Китайский язык и китайское общество. М., 1979, с.122—152).

[75] В оригинале опечатка: указанное. Должно быть: указательное.

[76] Понимание логического подлежащего у проф. А.И.Томсона см. в его работе "Общее языковедение" (изд. 2. Одесса, 1910).

[77] В архивном экземпляре Словаря сохранилось два варианта статьи *Многократный вид* (арх. л.144 и 295). За основу взят второй вариант, но в него внесены небольшие добавления из первого варианта.

[78] Пояснение в скобках указывает на то, что Е.Д.Поливанов был склонен считать сильно отличающиеся друг от друга китайские диалекты Севера и Юга страны как развивающиеся живые китайские языки (подобно см.: *Софронов М.В.* Китайский язык и китайское общество).

[79] Работы Е.Д.Поливанова под таким названием нет ни среди опубликованных, ни среди известных нам рукописных. В изданном во Фрунзе в 1935—1936 гг. учебнике для начальных школ "Грамматика дунган-

ского языка" такой главы нет. Возможно, эта работа была подготовлена им к печати, но сохранилась в рукописи под названием "Главнейшие особенности дунганского языка" (Архив АН Киргизской ССР, Фрунзе). Тем не менее эта ссылка является свидетельством того, что эта часть Словаря написана автором в 1936 г.

[80] В имеющейся в Словаре статье *Политония* такой материал отсутствует. Возможно, был другой, более расширенный вариант этой статьи.

[81] После этой рукописной статьи следует приписка автора: "На этом я считаю возможным кончить статью *Монотония*. — *Е.П.*".

[82] На арх. л.179 имеется еще отсылочная статья *Морфологическая классификация языков* с припиской автора: "(эта статья остается по старому тексту)". Публикуемый здесь текст (арх. л.311—311 об.), видимо, и является таковым. В архивном экземпляре он дан в рукописном виде без авторской пагинации и заключает Словарь.

[83] В оригинале слово "нет" исправлено на "нельзя", но далее фраза недоправлена. Нами сохранено первоначальное написание.

[84] После этой последней статьи в архивном экземпляре Словаря рукой Е.Д.Поливанова написано: "1.X.1935. Е.Поливанов, кандидат В.К.П.(б), гор. Фрунзе, ул.Дзержинского № 37^{г}" (арх. л.311 об.) и далее справа вниз по вертикали подписи Е.Д.Поливанова на разных языках: дважды повторена фамилия китайскими иероглифами, затем дан по-китайски псевдоним Е.Д.Поливанова — Бо Цзи-шэн, потом две подписи в арабской графике и, наконец, подпись в японской катакане с добавлением иероглифа 殿 *доно*, означающего суффикс уничижительности после фамилий.

[85] В архивном экземпляре Словаря имеются два варианта статьи *Морфонема* (арх. л.82 и 93). Они почти совпадают: второй вариант чуть детальнее, он и оставлен в публикуемом издании. Сам Е.Д.Поливанов, судя по помете к статье *Морфема* (арх. л.81) хотел поместить "маленькую статейку *Морфонема* сразу же после статьи *Морфема*".

[86] В тезисах Пражского лингвистического кружка этот термин объясняется так: "*Морфонема* — сложный образ двух или нескольких фонем, способных замещать друг друга в пределах одной и той же морфемы в зависимости от условия морфологической структуры (например, в русском языке морфонема *к/ч* в комплексе *рук-* (= *рука, ручной*) ..." (цит. по: *Вахек Й.* Лингвистический словарь Пражской школы. М., 1964, с.124). Ныне термин "морфонема" широко употребляется в значении "совокупность фонем, чередующихся в одной морфеме".

[87] Кроме этой большой статьи *Мягкие и твердые согласные* (арх. л.253—257) в архивном экземпляре имеется небольшая статья *Мягкие согласные* (арх. л.279—280) и отсылочная статья *Твердые согласные* (арх. л.280). По существу, статья *Мягкие согласные* изложена в большой статье. Из нее мы приводим только один абзац о непарных согласных (см. примеч.88).

[88] Из статьи *Мягкие согласные* (арх. л.279—280):

"Однако, кроме п а р н ы х „мягких" (палатализованных) согласных термин „мягкие" согласные зачастую распространяется и на те н е п а р н ы е согласные звуки, которые сходны с ними по акустическому признаку „мягкости" (— состоящей в относительной высоте характерного тона данного звука) независимо от того, что они могут быть (в физиологическом отношении) не п а л а т а л и з о в а н н ы м и, а п а л а т а л ь н ы м и (каким является *j* = *й*, напр., в *я* = *ja*, *яма* = *jama*, *ёлка* = *jolka*, *юбка* = *jupka*, *объём* = *objom* и т.д.)".

[89] Ныне такой путаницы нет.

[90] Статья обрывается на этих словах. Затем следует приписка автора: "Далее по старому тексту статьи (с давно уже сданной в К[омитет] Н[ового] А[лфавита] рукописи Словаря. — *Е.П.*)". Этого текста в архивном экземпляре Словаря, к сожалению, не обнаружено.

[91] Здесь представлена классификация наречий и диалектов узбекского языка, разработанная Е.Д.Поливановым в его книге "Узбекская диалектология и узбекский литературный язык (К современной стадии узбекского языкового строительства" (Ташк., 1933) на основе материалов диалектологических и этнолингвистических экспедиций, в которых он участвовал. В настоящее время имеются другие классификации диалектов узбекского языка (см., напр., Г.Ф.Благова, Н.А.Баскаков и др.), но в 20—30-е годы классификация узбекских диалектов Е.Д.Поливанова имела и большое практическое значение при установлении норм узбекского литературного языка.

[92] Т.е. Нового [латинизированного] алфавита ВЦК НА.

[93] В конце этой статьи в нижнем правом углу подпись Е.Д.Поливанова на трех языках: по-русски, по-арабски и по-китайски, и дата: "X.35 г.". Значит, статьи этой подборки (с арх. л.300 и до конца) более ранние.

[94] После этого следует приписка автора: "... и может быть заменен этим последним знаком при печатании настоящего Словаря".

[95] См. примеч.55.

[96] Ныне вместо термина "ноэтические языки" употребляется термин "афразийские языки". Е.Д.Поливанов решил поместить эту критическую статью о марровском термине даже в свой популярный Слóварь.

[97] Точное библиографическое описание: *Марр Н.Я.* Основные таблицы и грамматика древнегрузинскогоя языка с предварительным сообщением о родстве грузинского языка с семитическими. СПб., 1908 (начало работы см. также: *Марр Н.Я.* Избранные работы [далее — ИР]. Т.1. Л., 1933, с.23—38). Позже Н.Я.Марр писал: "Образовавшееся вначале братское родство яфетических языков с семитическими и хамитическими, давшее право их общий праязык именовать — также условно — ноэтическим, с первых же шагов оказалось под сомнением: выяснилось, что хамитические языки отстоят значительно дальше от семитических, чем эти последние — от яфетических" (*Марр Н.Я.* Яфетиды. — Восток. Кн.1. 1922, с.84; то же: ИР. Т.1, с.127). Подтвердить гипотезу родства т.н. яфетической семьи языков с семитической, высказанную им в 1908 г., Н.Я.Марр попытался в докладе "Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в созидании средиземноморской культуры", прочитанном на публичном собрании Российской Академии истории материальной культуры 9 июня 1920 г. (см. *Марр Н.Я.* ИР. Т.1, с.79—124).

Сборник статей Н.Я.Марра "По этапам развития яфетической теории" издан в 1926 г. в Ленинграде.

[98] Современное название — эфиопский язык (геэз).

[99] В оригинале (арх. л.210) описка автора: "Объектом называется тот предмет (или лицо), который совершает (?! — *Л.К.*) данное действие". После статьи следует подпись Е.Д.Поливанова по-японски.

[100] Статья *Однократный вид* сохранилась в двух вариантах (арх. л.143 и 278). За основу взят второй, и в него внесены некоторые добавления в фигурных скобках из первого варианта.

[101] В архивном экземпляре Словаря имеются два варианта статьи *Окситон[а]* (арх.л.122 — *Окситон, Окситонное слово* и арх.л.189 —

Окситон/а/). Нами оставлен второй вариант как более полный. Но из первого вставлен пропущенный автором абзац (см. примеч.102).

102 После этих слов следуют неправленные строки: "... среди последних (т.е. среди *баритонных* слов — βαρυτονα) в греч. языке могли встречаться только: 1) <...> слово с ударением на предпоследнем слоге; 2) <...> слово с ударением не <на> предпоследнем слоге; 3) <...> слово с ударением на предпоследнем (3-м с конца) слоге". Но в левом верхнем поле арх.л.123 Е.Д.Поливанов сделал приписку: "Это ПРОПУСТИТЬ (т/ак/ к/ак/ употреблять здесь греческую акцентуацию излишне (да и трудно все вместить сюда). *Е.П.*".

103 Статья *Падеж* сохранилась в двух вариантах. За основу взят первый (арх.л.102—104), и в него добавлены в фигурных скобках фрагменты из второго варианта (арх.л.235—237).

104 В скобках указаны Е.Д.Поливановым цифровые обозначения в классификации диалектов узбекского языка, предложенной им в книге "Узбекская диалектология и узбекский литературный язык..." (Ташк., 1933). См. также примеч.91.

105 Далее в оригинале (арх.л.132) следуют три выброшенные автором три строки: "(но, конечно, не до прижатия этой части языка к этому месту нёба, а лишь до той степени, чтобы образовалось сужение) <...>".

106 P.P.P. — Participium Perfecti Passivi.

107. Источник не указан. Фраза "См. главу (I) „Морфологические замечания..."" свидетельствует о том, что эта статья предназначалась первоначально для какой-то другой большой работы Е.Д.Поливанова.

108 Теория фонетических конвергенций разрабатывалась Е.Д.Поливановым на протяжении многих лет (см., напр., СОЯ № 31, 32; ВЯ, 1957, № 3, с.77—83, где перепечатана работа № 28).

109 Помета автора на полях арх.л.76: "Свести со 2 вариантом نوع". Но этого второго варианта не обнаружено в архивном экземпляре Словаря. Кроме того, Е.Д.Поливановым написаны на полях еврейские буквы, обозначавшие "тяжелые" и "легкие" породы.

110 Язык люли — язык среднеазиатских цыган, говорящих на узбекском или таджикском языках с некоторыми словарными и грамматическими особенностями (см. БСЭ. Изд.2. Т.25. М., 1964, стб.548).

111 Н.Я.Марр относил "прометеидские, или так называемые индоевропейские языки (классические письменные: индийский /санскрит/, греческий и латинский) к языкам системы четвертичного периода" (*Марр Н.Я.* ИР. Т.2, с.405).

112 Е.Д.Поливанов выступил со статьей "К вопросу о заглавных буквах" в сборнике Всесоюзного Центрального Комитета Нового Тюркского Алфавита — "Культура и письменность Востока" (Кн.I. М., 1928, с.91—95). В этой статье он аргументировал необходимость принятия заглавных букв в унифицированном Новом Тюркском Алфавите на данном этапе, как это было решено и I Пленумом ВЦК НТА. Р.О.Шор выступила с полемической статьей под тем же названием в том же сборнике (Кн.III. Баку, 1928, с.35—43), где она, поддерживая введение заглавных букв в НТА, пыталась показать слабость аргументации Е.Д.Поливанова, который подходил к этой проблеме графики будто бы только с точки зрения фонетика. В данной статье Словаря Е.Д.Поливанов поясняет свою аргументацию.

[113] Следы сингармонизма в современном корейском языке сохранились не только в ряде глагольных суффиксов, которые отмечает Е.Д.Поливанов, но и в ономатопоэтических словах и др.

[114] Точное библиографическое описание: *Radloff W.* Vergleichende Grammatik der nördlichen Türksprachen. I. Theil. Phonetik der nördlichen Türksprachen. Lpz., 1882—1883; Hft 1. Vocale; Hft 2. Consonanten.

[115] Например, в ранних работах Ф. де Соссюра.

Внизу после этой статьи (арх.л.86) имеется приписка автора: "К новым [статьям]: *Предложение, Фраза, Фразеология*". Эти статьи в архивном экземпляре Словаря отсутствуют.

[116] См., напр., *Погодин А.[Л.]* Основной курс общего языкознания (происхождение, развитие и распространение языка). СПб., 1897.

[117] Помета автора: "Конец статьи *Слово. — Е.П.*". В архивном экземпляре Словаря (арх.л.238) должна была быть статья *Слово* /II/ (второй вариант), но ее нет. Однако имеется приписка Е.Д.Поливанова: "Если Сл[ова]рь будет печататься, то к статье *Слово* присоединяется вся моя работа „Еще о критериях самостоятельного слова"". Эта работа, к сожалению, полностью не найдена. Сохранились только тетради 7 и 8. (См. *Ларцев В.Г.* Евгений Дмитриевич Поливанов..., с.298, 315).

[118] Название статьи В.Г.Богораза — "Юитский (азиатско-эскимосский) язык", с.105—128.

[119] В современной лингвистической литературе существуют разные толкования слога в зависимости от того, какая из его характеристик — артикуляционная или акустическая — кладется в основу теории (перечень взглядов по теории слога см. в работах М.И.Матусевич, Л.Р.Зиндера, М.В.Панова, Л.В.Бондарко и др.). Е.Д.Поливанов, вслед за О.Есперсеном, был сторонником сонорной теории.

[120] В новейших исследованиях реконструируемые общеиндоевропейские словоформы подверглись некоторой коррекции по сравнению с теми, что приводит Е.Д.Поливанов, например, *p$^{[h]}$H̥ + $^{[h]}$r̥-, *u̯l̥k$^{[h]}$-os и др. (См. *Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т.II. Тбилиси, 1984, с.1124, 1128 и др.).

[121] В архивном экземпляре Словаря имеются два варианта большой статьи *Сравнительная грамматика* (арх.л.213—217 и 238—245). Первый вариант является более общим, хотя в нем содержится немало материала по сравнительной грамматике славянских языков. Второй вариант, видимо, был задуман автором как сравнительная грамматика славянских языков. Однако в нем помещено много сведений по сравнительной грамматике других языковых семей. Материал же по славянским языкам не совпадает с материалом первого варианта. Поэтому мы сочли целесообразным опубликовать оба варианта, сопроводив их римскими цифрами I и II. В.П.Григорьевым (ВЯ, 1960, № 4, с.116) помещен только один абзац из варианта II.

[122] Полное библиографическое описание: *Bopp F.* Über Conjugationssystem der Sanskritsprache in Vergleichung mit jenem der griechischen, lateinischen, persischen und germanischen Sprachen. Nebst Episoden des Ramajan und Mahabharat in genauen metrischen Übersetzungen aus dem Originaltexte und einigen Abschnitten aus den Vedas. Hrsg. von K.J.Windischmann. Frankfurt am Main, 1816.

[123] В архивном экземпляре Словаря перепутаны страницы оригинала этой статьи (арх.л.243—245). Они восстановлены в правильном

следовании. Употреблявшиеся в то время названия некоторых языков и групп языков ныне устарели: абиссинский — эфиопский (геэз), самоедские языки — самодийские, турецкие языки — тюркские, маньчжуро-тунгусские языки — тунгусо-маньчжурские, сиамский — тайский, негрские языки — нигеро-кордофанские (конго-кордофанские); языки банту выделены в отдельную семью.

[124] В архивном экземпляре Словаря пункт 2 об узбекском "творительном" дан без авторской правки. Он сокращен ввиду плохой записи.

[125] В отзыве С.Л.Быковской на рукопись Словаря Е.Д.Поливанова справедливо указывается, что при определении термина следовало бы "указать по крайней мере на его моносемантизм, на отношение значения термина к этимологии слова, на пути творчества терминов у нас, в СССР" (арх.л.16).

[126] Примечание автора: "О нем[ецком] диалект[ном] *Wagen* × *Wahren* [va:ʁŋ̥] для краткости опускаю. Е.Поливанов. 4.IX [год не указан]".

[127] Марровский термин "уранический" не получил распространения в языкознании.

[128] Внизу арх.л.130 после таблицы гласных приписка Е.Д.Поливанова: "Пояснение английских турминов". Точно так же и после таблицы согласных (арх.л.131) рукой Е.Д.Поливанова добавлено: "Примечание". Но эти примечания так и не были им написаны. Поэтому отсылаем читателя к соответствующим разделам его "Введения".

[129] Термин "проточные" ныне малоупотребителен. Вместо него используется термин "щелевые".

[130] История искусства обычно не включается в филологию. Под филологией ныне понимается совокупность "гуманитарных дисциплин — языкознания, литературоведения, текстологии, источниковедения, палеографии и др., изучающих духовную культуру человечества через языковой и стилистический анализ письменных текстов" (Русский язык. Энциклопедия. М., 1979, с.372. Автор — С.С.Аверинцев).

[131] В оригинале помета автора: "Продолжение на листе № 93 Ф **". где могла быть статья *Философия язика*, на которую имеется ссылка. В архивном экземпляре Словаря этого продолжения не обнаружено.

[132] Статья *Формальний* в оригинале отделена чертой от статьи *Форма*, хотя и начинается не с термина, а со слов: "Равным образом и слово *Формальний* ..." (далее по тексту, арх.л.220а). По всем признакам это отдельная статья. Но в публикации В.П.Григорьева (ВЯ, 1960, № 4, с.117—119) эта статья напечатана как продолжение статьи *Форма*.

[133] В своем отзыве на рукопись Словаря С.Л.Быковская, следуя за Г.Паулем (см. *Пауль Г.* Принципы истории языка. М., 1960), указывает, что школьная схема грамматики построена на греческой (а не на латинской!) схеме, в которой переплетаются психологические, логические и формальные принципы (арх.л.7—9).

[134] Точное библиографическое описание: *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Введение в языкознание. [Литографированный курс]. СПб., 1909; Изд.4. 1914; Изд.5. Пг., 1917:

[135] Виктор Борисович Ш к л о в с к и й (1893—1984) был единомышленником Е.Д.Поливанова по ОПОЯЗ'у (см. *Ларцев В.Г.* Евгений Дмитриевич Поливанов..., с.132—145).

[136] Е.Д.Поливанов приводит высказывание противника "формальной грамматики". Восстановить его имя по одной фразе очень сложно. Этого даже не сделала С.Л.Быховская в своем отзыве, будучи современницей Е.Д.Поливанова.

[137] После статьи на арх.л.304 имеется приписка автора: "Тут я считал бы возможным закончить статью *Фразовая мелодия* или... Итого — 2 страницы. 5.IX.1935. Е.Поливанов". Эта статья относится к ранней подборке статей Словаря.

[138] В левом верхнем углу этой статьи (арх.с.53) имеется помета автора: "Свести со статьей *Буква*". Это было трудно осуществить, так как в оригинале сохранились два варианта статьи *Буква* (арх. л.126—127 и 265—266). В общей из этих двух вариантов статье *Буква* дана отсылка на эту статью.

[139] См., в частности: *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Об отношении русского письма к русскому языку. СПб., 1912 (то же в сокращенном изложении: *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Избранные труды по общему языкознанию. Т.II. М., 1963, с.209—235).

[140] В конце статьи имеется добавление Е.Д.Поливанова: "Если звук — звук языка, он мыслится как потенциальная часть слова, и, значит, потенциальный символ — носитель внеязыковых (смысловых) значений...", — но оно зачеркнуто его же рукой.

[141] В оригинале пропуск. Вставка нами сделана по работам: *Юшманов Н.В.* Ключ к латинским письменностям земного шара. М.-Л., 1941, с.37, 50; *Pullum G.K.*, *Laduеaw W.A.* Phonetic Symbol Guide. Chicago — London, 1986, p.221.

Далее в оригинале (арх.л.124) автором сделана помета: "Продолж. (после...) 102 стр-цы: <...> В арабской грамматической терминологии...". Но она не подкреплена примером.

[142] Этот термин был предложен проф. Н.Ф.Яковлевым в его "Таблицах фонетики кабардинского языка" (М., 1923).

[143] Е.Д.Поливанов пользовался равным образом двумя названиями языка — "абиссинский" и "эфиопский". См. также примеч.98.

[144] В конце статьи имеется помета автора (арх.л.124) "*Г* означает жирный шрифт (— букву Г жирно!)". И далее в оригинале следуют шесть строк: "Этим, м[ежду] пр[очим], объясняется графический состав ظ <...>, разница в 1 точке сверху, что фонетически соответствует соотношению „межзубной спирант": соответствующий 'переднеязычный смычный' (ظ [ẓ] : ط [ṭ] = ذ [ḏ] : د [d] = ث [ṯ] : ت [t]; если бы ط означало в эту эпоху не d̤, а t̤, то графическое соотношение букв ظ~ط было бы необъяснимым". К этим строкам имеется помета автора: "Эти 6 строк надлежит выбросить (как излишнюю подробность)".

[145] После этого текста на арх.л.85 оригинала в соответствии с пометой автора "К статье *Этимология*" (арх.л.80) мы поместили "безродную" (арх.л.80) как продолжение этимологии русского слова *медведь* и латинского слова *venenum* 'яд'.

[146] Перед этой фразой, заключенной в скобки, рукой Е.Д.Поливанова выписаны в узбекской латинице слова: "(muhabbat azoq ƅlan ... [далее по тексту]".

[147] Вслед за этим архивным (машинописным) вариантом I мы помещаем вариант статьи *Аллитерация II*, опубликованной Е.Д.Поливановым

в "Литературной энциклопедии" (Т.1. 1930, стб.96—97). Об аллитерации см. также посмертно изданную статью Е.Д.Поливанова "О приеме аллитерации в киргизской поэзии в связи с поэтической техникой и языковыми фактами других „алтайских" народностей" (В кн.: Проблемы восточного стихосложения. М., 1973, с.100—106).

[148] Этимология термина *Аллитерация* перенесена сюда (в фигурных скобках) из конца этой же статьи.

[149] Петер Грюнфельдт (Grünfeldt P., 1865—1937) — эстонский журналист и писатель. Был редактором "Народного развлекательного листка". Опубликовал много переводов произведений, главным образом развлекательного характера. Издал также ряд сборников своих рассказов ("По деревенской улице", 1900; "Осколки", 1901, и др.), сборник стихов "Мой дом" (1930), откуда и взято это двустишие.

[150] Из двух вариантов статьи *Анапест* (арх. л.50 и 261) нами оставлен первый. Греческое написание термина и его буквальный перевод в оригинале отсутствуют.

[151] Е.Д.Поливанов пишет, что статья *Аноним* помещена в Словаре будто бы из-за возможности спутать со статьей *Гомоним* (Омоним). Но цель ее, видимо, была иная: см. объяснение автором понятия *анонимное письмо*, страх перед которым ему приходилось не раз испытывать в те годы.

[152] После статьи *Комедия* (арх.л.66) имеется приписка автора, лишний раз свидетельствующая о его интересе к разработке узбекской лингвистической и литературоведческой терминологии: "Примечание: одноактный — bir pardalik по-узбекски".

[153] Помета автора (арх.л.96): "На этом ст. *Поэзия* обрывается".

[154] На обороте арх.л.90 статьи *Рифма* имеется вставка перед словами "но это..." к арх.л.89, написанная Е.Д.Поливановым карандашом: "В данном случае, следовательно, рифма превышает (за счет звуков *нь + э + м*, т.е. *[за]НЕМ[ог]~НЕ М[ог]*), законный (канонизированный) minimum русской фразы и, конечно, такие превышения <...>" (вставка не окончена).

Внизу арх.л.89 имеются также две приписки автора: слева (карандашом) "Нужна вставка на обороте о двух звуках в *рука ~ река* и т.п." (вставка в архивном экземпляре статьи отсутствует) и справа (чернилами) "К новым: РИТМ, РИТМИКА".

[155] О поэте Якове Године (1887—1954) см.: Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. Т.1. М., 1989, с.603.

[156] К этой статье на арх.л.125 сверху имеется помета автора: "Эта стр[ани]ца вся пропускается". Поэтому она без правки автора. В настоящем издании сохраняется наряду с другими литературоведческими статьями.

[157] Сбоку на полях арх.л.124 этой статьи имеются две пометы автора: 1) "Нужна ли эта статья?" и 2) "Эти 6 строк тоже можно выбросить (ибо статья *Эп[истолярный] стиль* не нужна для Л[ингвистического] сл[оваря]". В настоящем издании сохраняется.

[158] Статья *Эпос* в архивном экземпляре Словаря (арх.л.125) дана без авторской правки и с пометой Е.Д.Поливанова: "Эта стр[ани]ца вся пропускается, т.е. выбрасывается". В настоящем издании сохраняется по тем же соображениям.

[159] В архивном экземпляре Словаря имеются два варианта статьи *Ямб* (арх.л.121 — 122 и 258), причем второй вариант более краткий. Нами оставлен более полный первый вариант, хотя он и не окончен.

[160] Статья *Ямб* не окончена. В ней не приведен пример из древнегреческого, хотя далее следует текст их трех строк, вычеркнутый автором: "Мнемоническим (= для запоминания термина) приемом указывают след[ующее]: взять греч. слово <...>, отсечь суффикс <...> и произнести это <...> так, как нужно — с ударением на 2-м слоге: это и будет пример ямбической (тонической) <...>" (арх.л.159).

*АРХИВНЫЙ ПЕРЕЧЕНЬ СТАТЕЙ В СЛОВАРЕ**

---

* Пагинация дана сначала архивная, затем — в круглых скобках — по данной книге. "Звездочкой" помечены литературоведческие термины. Курсивом выделены статьи, опубликованные В.П.Григорьевым в журнале "Вопросы языкознания" (1960, № 4, с.114 — 125). В квадратные скобки заключены статьи, снятые самим автором. Ссылочные статьи помечены *см*. Римскими цифрами указаны варианты одноименных статей. В архивном перечне отсутствует ряд ссылочных статей, которые мы сочли полезным включить дополнительно в корпус публикуемого Словаря.

*ПЕРЕЧЕНЬ ОТСУТСТВУЮЩИХ В РУКОПИСИ СЛОВАРЯ СТАТЕЙ, НА КОТОРЫЕ ИМЕЮТСЯ ССЫЛКИ АВТОРА**

Лингвистические термины

Аббревиация 41 (318)
Акустическая классификация звуков 88(444), 129(372)
Акустический 47 (326)
Аналитические языки 31 (322), 32 (321), 47 (334), 101 (396), 262 (382), 311 об. (384)
"Анормальные" гласные 229 (373)
Антропофоника 128 (414)
Ауслаут 52 (335)

Бодуэнизм (= Бодуэн де Куртенэ) 29 (333), 224 (448)

Вид 143 (399), 144 (381), 175 (350), 295 (381)
Видовая форма 142 (406)
Внешняя форма 220 (445)
Внутренняя флексия 29 (321), 221 (445)
Внутренняя форма 220 (445)
Второй путь языковой истории 166 (354)

Гамза 186 (429)
Генеалогическая классификация языков 311 (383)
Гласные 99 (348)
Глоттогония 63 (374, 486)
Глоттология 62 (374-375)
Говор 281 (389)
Голосовой тон 183 (451), 307 (439)
Графема 70 (325)

Двухполюсность [ударения] 39 (458)
Деепричастие 188 (352)
Действие аналогии 38 (338)
Депласация [ударения] 24 (328)
Диалект 281 (389)
Дивергенция 273 (363)

Звонкие звуки 108 (429)
Звук языка 53 (452)
Звуковое письмо 265 (347)

Идеографическое письмо (= Идеограмма) 126 (346), 265 (347)
Illativus 33 (331)
Императив (= Повелительное наклонение) 176 (350)
Имперфект 142 (405)
Имплозивные согласные 186 (429)
Имя 103 (403)
Индоевропейские (= ариоевропейские) языки 146 (412)
Inessivus 33 (331)
Инлаут 52 (335)
Историческое языкознание 62 (375)

Какуминальный [звук] 49 (332)
Классификация языков 129 (372)
Комбинаторные [варианты фонемы] 46 (319)

Младограмматическая (= неограмматическая) школа 61а (375)
Морфологизация [ударения] 24 (328)
Морфонология 82 (385)

---

* Имеются в виду запланированные, но не осуществленные Е.Д.Поливановым статьи. Они свидетельствуют в какой-то мере о диапазоне терминов Словаря. Указывается архивная пагинация Словаря (см. Архивный перечень статей, где даются ссылки на эти статьи). В круглых скобках указана пагинация по данной книге.

Литературоведческие термины

*УКАЗАТЕЛЬ УЗБЕКСКИХ СЛОВ И СЛОВОФОРМ**

---

* Идентификация латинизированных написаний узбекских слов с их современной узбекской орфографией и их русские переводы подготовлены покойным В.Г.Ларцевым, Ф.Д.Ашниным и Г.А.Давыдовой.

c.331	*[-niŋ]janiga*	*[-нинг]ёнига* 'к нему'
	[-niŋ]qaşiqa	*[-нинг]қошига* 'к нему'
	alifba	*алифбо* 'азбука'
c.334	*şakl-*	*шакл* 'форма'
	şaklsiz	*шаклсиз* 'бесформенный'
c.335	*dejmən*	*дейман* 'скажу'
	jejmən	*ейман* 'съем'
	keləmən	*келаман* 'приду'
	bɔrəmən	*бораман* 'пойду'
	qiləmən	*қиламан* 'сделаю'
	kambaqal	*камбағал* 'бедняк, бедный'
c.337	*nazar*	*назар* 'взгляд'; 'вид'
c.338	*at-ɣa*	*от-га* 'к лошади'
	at-dan	*от-дан* 'от лошади'
	bilən (**bir-lən*) → *minən*	*билан* (**бир-лан*) → *минан* 'с'
	bajram→majram	*байрам→майрам* 'праздник'
c.340	*at-lar*	*отлар* 'лошади, кони'
	asdь	*осди* 'повесил'
	balьqtь (диал.)	*балиқти* 'рыбу'
	şəhərni	*шаҳарни* 'город'
	qɔɣɔzni	*қоғозни* 'бумагу'
c.341	*blan / minən*	*блан/минан* 'с'
c.345	*bɔlə*	*бола* 'ребенок, дитя'
c.346	*temir-ci*	*темирчи* 'кузнец'
c.349	*bardim*	*бордим* '(я) пошел, поехал'
	keldim	*келдим* '(я) пришел, приехал'
	aldi	*олди* 'взял'
	jazdik	*ёздик* 'написали мы'
	caldiŋiz	*чалдингиз* '(вы) играли [на музыкальном инструменте]'
	jazaman	*ёзаман* 'пишу'
	barasan	*борасан* 'ходишь'
	keladi	*келади* 'приходит'
	qalamiz	*қоламиз* 'останемся'
	orasiz	*урасиз* 'ударите'
	barvatman	*борвотман* (диал.) 'хожу'
c.350	*jazarman*	*ёзарман* 'напишу'
	barapman	*боропман* (диал.) 'хожу'
	bararsan	*борарсан* 'наверное, идешь'
	baruvdim	*борувдим* '(я) уже ходил'
	keluvdim	*келувдим* '(я) уже пришел'
	bariptim	*бориптим* '(я) ходил'
	kelipti / kepti	*келипти/кепти* 'пришел'
	barganman	*борганман* '(я) ходил'
	kelgansan	*келгансан* '(ты) пришел'
	kelgan	*келган* '(он) пришел'
	kelganmiz	*келганмиз* '(мы) пришли'
	barɣan ekanman	*борган эканман* 'оказывается, я ходил'
	kelsam	*келсам* 'если я прийду'
	barsa	*борса* 'если он пойдет'
c.351	*darrav*	*дарров* 'сразу'

	arra	*арра* 'пила'
	ara	*ора* 'между'
с.352	*ɔtni bɔşi*	*отни боши* 'голову лошади'
	qɔɣɔzni	*қоғозни* 'бумагу'
	şəhərni	*шаҳарни* 'город'
с.355	*jazadi*	*ёзади* 'напишет'
	keladi	*келади* 'придет'
	isim	*исм* 'имя'
	taş	*тош* 'камень'
	adam	*одам* 'человек'
	qizil	*қизил* 'красный'
	tert	*тўрт* 'четыре'
	sen	*сен* 'ты'
	bar-maq	*бормоқ* 'ходить'
	kel-gan	*келган* 'пришел'
	kel-iş	*келиш* 'приход'
	kel-uv	*келув* 'приход', 'приезд'
с.357	*kakil*	*кокил* 'коса [жен.]'
с.359	*birlen*	*бирлан* 'вместе'
с.360	*çonaliş*	*жўналиш* 'дательно-направительный [падеж]'
	ataga berdim	*отага бердим* 'отцу отдал'
	ukaga ajtti	*ўкага айтди* 'брату сказал'
	şaharga ketti	*шаҳарга кетди* 'уехал в город'
	xanaga kirdi	*хонага кирди* 'вошел в комнату'
с.364-365	*ba'zi*	*баъзи* 'некоторый'
с.367	*qara*	*қора* 'черный'
	aq	*оқ* 'белый'
	past	*паст* 'низкий'
	baland	*баланд* 'высокий'
	qzil	*қизил* 'красный'
	kşi	*киши* 'человек'
	adam	*одам* 'человек'
	bala	*бола* 'ребенок, дитя'
	ajaq	*оёқ* 'нога'
	jaɣac	*ёғоч* 'древесина, бревно'
	temir	*темир* 'железо'
	jaɣac ajaq	*ёғоч оёқ* 'деревянная нога, протез'
	qara jaɣac	*қора ёғоч* 'черная древесина'
с.370	*içiga/içida*	*ичига/ичида* 'в, внутри'
с.371	*qipqizil*	*қипқизил* 'очень красный'
	qapqara	*қапқора* 'черный-пречерный'
	sapsariq	*сапсариқ* 'желтый-прежелтый'
	kosa-ma-kosa	*коса-ма-коса* 'чашки'
	çirɔjlik	*чиройлик* 'красота'
с.372	*jaz-~çaz*	*ёз-//жоз-* 'пиши'
с.383	*qol*	*қўл* 'рука'
	atalarga	*оталарга* 'отцам'
	atalarimiznikiga	*оталаримизникига* 'нашим отцам'
с.387	*çuɣan*	*жуған* 'толстый'
	qatqalaŋ	*қотқоланг* 'полный', 'твердый'

	çiŋişke	*жингичка* 'тонкий', 'мягкий'
c.390	*kecqurun*	*кечкурун* 'вечером'
	adam	*одам* 'человек'
	kşi	*киши* 'человек'
	bala	*бола* 'ребенок, дитя'
	taş	*тош* 'камень'
	it	*ит* 'собака'
c.394	*almaq*	*олмоқ* 'брать'
	qalmaq	*қолмоқ* 'остаться'
	almaqqa	*олмоққа* 'к'
	barmaqqa	*бормоққа* 'к'
c.395	*bɔlæ*	*балик* 'балык, рыба'
c.396	*ɔtə-ɔnə*	*ота-она* 'родители'
c.401	*bala*	*бола* 'ребенок, дитя'
	jamaq	*ямоқ* 'заплата'
c.402	*tuşum*	*тушум* 'винительный [падеж]'
c.403	*bala*	*бола* 'ребенок, дитя'
	adam	*одам* 'человек'
	qizil	*қизил* 'красный'
c.404	*kişi*	*киши* 'люди'
	adamlar	*одамлар* 'люди'
	tort	*тўрт* 'четыре'
	beş	*беш* 'пять'
	man	*мен* 'я'
	biz	*биз* 'мы'
	qapqura	*қапқира*
	blan	*блан* 'с'
c.406	*bɔripti*	*борибди* 'пошел, был'
	ketipti	*кетибди* 'ушел'
	kelipti	*келибди* 'пришел, вернулся'
c.407	*bɔríwdim*	*борувдим* ' я был, находился'
	kelíwdim	*келувдим* ' я пришел'
	jaz-~ças-	*ёз-//жоз-* 'пиши'
	man sanga uni ajtdim	*ман санга уни айтдим* 'я тебе это сказал'
c.411	*toqri*	*тўғри* 'ровный, правильный'
	ic	*ич* в роли служебного слова 'внутрь'
	ust	*уст* в роли служебного слова 'под, вниз'
	ast	*ост* в роли служебного слова 'на, поверх'
	ucun	*учун* 'для'
	oquoɣan	*ўқиган* 'читавший'
	oquj turoɣan	*ўқийтурган* 'читающий'
	oquloɣan	*ўқилган* 'читанный'
	oqula turoɣan	*ўқилатурган* 'читаемый'
c.419	*qalmaq*	*қолмоқ* 'остаться'
	kelmək	*келмоқ* 'приходить'
	qaldь	*қолди* 'остался'
	keldi	*келди* 'пришел [он]'
	pulum	*пулум* 'мои деньги'
	çyzym	*жузум//узум* 'виноград'

	qaldьq	*қолдиқ* 'остаток' / 'остались'
	berdik	*бердик* 'отдали'
	aldьq	*олдиқ* 'взяли'
	keldik	*келдик* 'пришли'
	barlьɣьm	*борлигим* 'мое наличие' / 'мой приход'
	bilgənligim	*билганлигим* 'мое знание'
с.420	*atьm*	*отим* 'мое имя'
	ijtim	*етим* 'сирота'
с.421	*bəla*	*бела* 'привязывай'
	dərja	*дарё* 'река'
	pijaz	*пиёз* 'лук'
	zijan	*чиён // чаён* 'скорпион'
	blan brga	*билан бирга* 'с, вместе'
с.424	*soz*	*сўз* 'слово'
	kalima	*калима* 'слово'
с.425	*bilən//minən*	*билан //минан* 'с [послелог]'
с.427	*kyl-al*	*кулол* 'гончар'
	jotmaq	*ётмоқ* 'лежать'
с.428	*adam*	*одам* 'человек'
	jaşa	*яша* 'молодец!', 'браво!' (букв. 'живи!')
с.431	*(mən) ozbəkmən*	*мен ўзбекмен* 'я — узбек'
	(sən) ozbək sən	*сен ўзбексен* 'ты — узбек'
	(u) ozbək	*у ўзбек* 'он — узбек'
	(mən) bɔlə-edim	*мен бола эдим* 'я — ребенок'
	(sən) bola-edin	*сен бола эдинг* 'ты — ребенок'
	(u) bolə-edi	*у бола эди* 'он — ребенок'
с.438	*balta blan capti*	*болта билан чобди* 'срубил топором'
	bala blan keldi	*бола билан келди* 'пришел с ребенком'
с.442	*kitabca*	*китобча* 'книжка'
	qaɣazca	*қоғозча* 'бумажка'
	daftarca	*дафтарча* 'тетрадка'
с.445	*ucmaq*	*учмоқ* 'лететь'
с.447	*kecqurun*	*кечкурун* 'вечером'
	kşi	*киши* 'человек'
	jaɣac	*ёғоч* 'дерево'
	qzil	*қизил* 'красный'
с.450	*kişilarga*	*кишиларга* 'людям'
	savadsizlikni	*саводсизликни* 'неграмотности' (род.п.)
с.455	*cijan*	*чиён//чаён* 'скорпион'
	eşak	*эшак* 'скорпион' (разг.)

азерб. — азербайджанский
англ. — английский
араб. — арабский
букв. — буквально
вин. пад. — винительный падеж
вм. — вместо
вр. — время
греч. — греческий
груз. — грузинский
дат. пад. — дательный падеж
диал. — диалектический (совр. диалектный)
др. — другие
др.-арм. — древнеармянский
др.-кит. — древнекитайский
др.-перс. — древнеперсидский
др.-рус. — древнерусский
дунг. — дунганский
ед.ч. — единственное число
жен.р. — женский род
и.-е. — индоевропейский
им. пад. — именительный падеж
иранизм. — иранизованные говоры узбекского языка
ит. — итальянский
каз. — казахский
кант. — кантонский диалект китайского языка
кирг. — киргизский
кит. — китайский
л. — лицо
лат. — латинский
лит. — литературный
муж.р. — мужской род
мн.ч. — множественное число
МФА — Международный фонетический алфавит
напр. — например
наст. — настоящее
нем. — немецкий
пол. — польский
перс. — персидский
гевр. — соответственно
род. пад. — родительный падеж
рус. — русский
самарк. — самаркандский диалект узбекского языка
сев.-кит. — северокитайские диалекты китайского языка
сев.-яп. — северояпонский диалект японского языка
скр. — санскрит
слав. — славянские
см. — смотри
совр. — современный
совр.пек. — современный пекинский
сокр. — сокращено
соотв. — соответственно
ср. — сравни
ср.р. — средний род
ст.-слав. — старославянский
сущ. — существительное
таг. — тагальский
тадж. — таджикский
танутув. — танутувинский
ташк. — ташкентский диалект узбекского языка
т.наз. — так называемый
тв.пад. — творительный падеж
токиоск. — токиоский говор японского языка
туз.-евр. — туземно-еврейский (язык бухарских и хивинских евреев)
тур. — турецкие (совр. тюркские)
туркм. — туркменский
узб. — узбекский
фин. — финский
фонет. — фонетический
франц. — французский
хак. — хакасский
ц.-слав. — церковнославянский
чув. — чувашский
эст. — эстонский
ю.-слав. — южнославянский
як. — якутский
яп. — японский

ИЗ МАТЕРИАЛОВ "ПОЛИВАНОВСКОЙ" ДИСКУССИИ В КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ. ФЕВРАЛЬ 1929 г.

АРХИВНАЯ ПУБЛИКАЦИЯ

СТЕНОГРАММА 4 февраля 1929 г. "ПРОБЛЕМА МАРКСИСТСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ И ЯФЕТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ" ДОКЛАД Е.Д.ПОЛИВАНОВА (Из Архива АН СССР)

1 *В.М.ФРИЧЕ*[1] /Председатель/: Открывая заседание подсекции материалистической лингвистики, я должен предупредить и подчеркнуть, что сегодняшний докладчик Е.Д.Поливанов не является работником нашей подсекции. К тому же его сегодняшний доклад в значительной степени содержит в себе полемику с лингвистической концепцией Н.Я.Марра. Постановка такого доклада может показаться несколько необычной, если принять во внимание, что точка зрения Коммунистической академии на работы Н.Я.Марра совершенно определенная. Николай Яковлевич является председателем нашей лингвистической подсекции, потому что из всех концепций в этой области в ней содержится наибольшее количество элементов, близких к марксизму. Н.Я.Марр является, кроме того, членом Общества историков-марксистов[2] и на недавней конференции историков-марксистов, где дебатировались вопросы совершенно иного порядка, он делал свой доклад, который вызвал всеобщее одобрение конференции историков-марксистов[3]. Таким образом, точка зрения Коммунистической академии в этом вопросе совершенно ясна. Тем не менее мы сочли возможным и даже нужным поставить доклад Евгения Дмитриевича с тем, чтобы выяснить — какие возражения могут быть сделаны и делаются против этой концепции.||

Сегодня мы ограничимся заслушанием доклада, но едва ли сегодня же можно будет приступить к прениям, которые будут перенесены на следующее заседание через две недели. У нас имеется уже готовый список ораторов, но я бы попросил записаться желающих выступать, мы могли бы тогда известным образом скомбинировать наш список.
Слово предоставляется Е.Д.Поливанову.

2 *Е.Д.ПОЛИВАНОВ*: Лейтмотивом или, если хотите, эпиграфом к моему докладу[4] будут следующие слова Ленина: "Только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру..."[5]. Это из "Задач союзов молодежи".

Казалось бы, после этого можно было бы говорить жизнерадостно о построении новой дисциплины, о пересадке марксистского начала на новую почву — языкознания. К сожалению, мой доклад, во всяком случае, в первой своей части будет далеко не оптимистическим, я даже опасаюсь, что он будет как раз обратным. Более того, я буду делать его с большой горечью, но буду его делать, исполняя долг, это для меня вполне ясно, а долг этот неприятный и тяжелый. Мне придется говорить о яфетической те-

ории, о части продукции Марра, о той части, однако, которая им самим выдвигается на первый план <и> которая, главным образом, из всех продуктов его творчества пользуется сейчас популярностью. Достаточно в виде второго эпиграфа привести слова очень известного лингвиста[6], написанные мне в письме, для того чтобы вы уяснили уже — в чем горечь, связанная с выступлением в роли докладчика по этому вопросу. Этот эпиграф такой: "Необходимейшим условием для создания яфетической теории являлось не только пренебрежение, но, я просто сказал бы, поразительное невежество в отношении элементарных сведений по любой из лингвистических дисциплин, начиная с физиологии речи и кончая сравнительно-исторической грамматикой любой группы языков".

Мне придется, кроме ревизии яфетической теории, по предложению [под]секции материалистической лингвистики, высказать также свою точку зрения на то, как нужно было бы строить марксистское языкознание. Я нарочно употребляю термин "марксистское языкознание", а не "материалистическая лингвистика". Немного, по-моему, есть все-таки данных в пользу того, чтобы отстаивать термин, которому нельзя придавать двусмысленного толкования, "марксистское языкознание" или "марксистская лингвистика" — все равно. Иначе говоря, мне придется говорить и о проблеме марксистского языкознания как такового. Однако 3
эти || две части доклада очень трудно связать между собой, и я лично, если бы не было другого мнения, разделил бы все же мои сообщения следующим образом: одно — ревизионного характера, другое — изложение своего кредо в этом направлении. И вот почему. Собственно, слушатель предполагается мною и для одной и для другой части иной. Если ревизию яфетической теории должен делать лингвист, если лингвисты все, я утверждаю это, держатся одного взгляда на яфетическую теорию, если даже тот лингвист, которого яфетидолог считал своим, в конце концов, когда он познакомился не только с первыми работами Марра о родстве грузинского языка с семитическими, но и с дальнейшими его докладами о трех элементах средиземноморской культуры[7] <и другими> работами, он выразился о яфетической теории совершенно иначе, чем говорил вначале. Он дает ей следующее определение <...> [*Е.Д.Поливанов приводит цитату по-немецки*][8]. Это слова В.Шмидта. Я считаю, что в силу этого лингвисты не нуждаются в доказательстве, им незачем доказывать то, что для них совершенно ясно, в чем недостатки яфетической теории. Дальше мне придется говорить, что эти недостатки лежат в другой плоскости, что здесь могут быть объединены лингвисты самых разных лагерей, начиная с католиков-миссионеров и кончая, — я беру в данном случае деление политическое, но оно отражается несомненно на лингвистических воззрениях, — и кончая лингвистами-коммунистами. А именно — возьмем <Ханнеса> Шёльда — шведа и Марселя Коэна — француза[9]. Они тоже смотрят на яфетическую теорию так, как

смотрят наши лингвисты, хотя они по причинам, которые я покажу, конечно, не высказываются печатно так открыто и ясно, как высказываются на Западе. Итак, первая часть доклада нужна главным образом не для лингвистов. Я думаю, что им *[т.е. лингвистам. — Л.К.]* незачем доказывать несостоятельность яфетической теории. Я думаю, что в фор-
4 ме доклада доказывать это невозможно, а нужно доказать что-то другое. || Иначе говоря, доклад носит в первой своей части декларативный характер. Что можно, конечно, то до известной степени будет приведено в виде доказательства некоторых математических утверждений, отрицающих те или иные положения яфетической теории. Но доказательства, носящие характер математической убедительности, можно было бы изложить математическими приемами, с привлечением сюда теории вероятности. Можно действительно доказать это уже не цифрами, а вполне пользуясь математическим аппаратом.

Например, взять какое-нибудь утверждение Марра, конкретное, историческое. Например, утверждение, что латинское *urbs* < 'город, окруженный стеной' >, в основе своей *urb-* восходит к сочетанию SAL и BER, — условно называю SAL и BER[10], и вы вполне понимаете, что это значит. Конечно, это видоизменение данных элементов: *ur* значит 'возник', потом BER. Чтобы это было верно, для этого должен выпасть один шанс против девятизначного, по крайней мере, числа обратных шансов. Честь изобретения математического доказательства несостоятельности исторических утверждений яфетической теории принадлежит не мне. Мне известно, что эти выкладки проделала Р.О.Шор. Ей помогла математика. И действительно, это путь, прямо достигающий своей цели. Можно, так сказать, в брошюре математически доказать, но я не берусь за это в докладе, моя цель другая — декларативная, и я все-таки считаю, что она уместна.

Но прежде, чем подходить к ревизии яфетической теории, нужно сказать, какую часть продукции Марра я считаю нужным опровергнуть ревизией. И я утверждаю, что за вычетом яфетической теории остается очень много материала, делающего Марра великим ученым, который вполне оправдывает звание академика, данное ему, полагаю, очевидно, как археологу или филологу прежде всего, как описательному языковеду наконец, но не как автору яфетической теории[11]. Так что остается еще очень многое.

Не касаясь филологических его работ, не касаясь даже описательного языкознания, поскольку в этой области работал Марр, мне придется сказать, что и в самой яфетической теории было здоровое ядро. До известной степени мое
5 положение ревизионера можно было сравнить || со столь же печальной участью ревизионера последних работ Боппа. Допустим, 100 лет тому назад, в 1816 г., как апофеоз Боппа была издана книга, создавшая сравнительную грамматику индоевропейских языков. И затем утратился им же созданный метод в работах, которые посвящены сравнению индо-

европейских языков с малайскими[12]. <Эти> работы не стóят буквально ничего, на почве их буквально ничего не могло вырасти, потому что они основаны на ложных предпосылках, и вместе с тем был утрачен тот метод, который впервые испробован и закреплен в науке Боппом в начальный период его деятельности. И вот, если бы пришлось критиковать эти последние работы, то, конечно, положение ученого, всякого, не только занимающего такую скромную позицию в науке, как я, было бы очень горьким: критиковать человека, сделавшего так много, как Бопп, за то, что в последние годы он, так сказать, "испортил" свою научную биографию.

Но здесь [т.е. в случае с Марром. — *Л.К.*] не совсем то, я бы сказал. Потому что, если и было здоровое ядро яфетической теории, то это здоровое ядро заключалось в сравнительном грамматическом, обычном компаративном изучении южнокавказских языков, но производившимся неумело, без должного знания методов, без должного знания общего языкознания. Почему и наблюдается сплошь и рядом даже в этой, стоящей вне моего обстрела, части яфетической теории грубые, с точки зрения лингвиста, ляпсусы. Но в общем и целом я, конечно, признаю, что яфетический язык, поскольку он существовал как сравнительная грамматика южнокавказских языков это есть достижение крупное. Еще крупнее то, что Марр сделал хотя бы по описанию тех же южнокавказских языков, как, например, чанская грамматика, — прелестная книга, которой я мог бы советовать подражать, и я бы всякому советовал пользоваться материалом этой книги, всякому, кто пишет описательную грамматику.

Мне придется говорить о той стадии творчества Марра, которая направлена уже на языки, лежащие за пределами его описательной деятельности, языки, с фактами которых он знаком не по полевой работе, а знаком иногда, как придется привести печальные примеры, очень и очень поверхностно. Этот этап начинается тогда, когда Марр обращается прежде всего не к южнокавказским языкам, а за- 6
тем || и не к кавказским языкам. Образцом и первым резко выраженным шагом ложного пути является книга — "Чуваши-яфетиды на Волге"[13]. Привлечение чувашского языка — мне придется говорить потом об этом подробно — сделано действительно так, как позволительно сравнивать языки, я бы сказал, человеку, так же далекому от лингвистики, как далек лингвист от химии. И вот привлечение чувашского языка, турецкого языка, индоевропейских языков, объяснение их как процесс того состояния, которое носило когда-то яфетический характер, затем привлечение сюда и китайского, и японского, т.е. дальневосточных, значит, языков, а в конце и малайских и африканских языков, — вот весь этот перенос || в виде частных и верных 7
в своей сфере соответствий, типа соответствий между свистящими и шипящими, на материал совершенно чужой, мало знакомый, все это и характеризует яфетическую теорию

в том значении слова, которое я буду придавать ей сейчас, ибо это является предметом моей ревизии.

Но нужно прежде всего сказать о выборе калибра оружия, с которым можно было бы идти на ревизию теории Марра. С моей стороны было бы совершенной ошибкой серьезно разбирать те или другие положения, не указывая, что главное-то лежит совершенно в иной плоскости. Как только вы уясните себе, что дело в другой плоскости, не в плоскости тех споров, которые хоть издали напоминают споры марксистов и немарксистов, тогда вы поймете и то, что лингвисты всех лагерей могли быть единодушны в этом направлении <критики>, ибо все дело в материале. Один из очень благожелательно настроенных к Марру авторов выразился про него так: не из пальца же он высасывает эти выводы, из фактов он их берет, дальше он идет к своим положениям[14]. Вот тут-то и все дело, вот тут-то и нужно искать источник ошибок, ведь берет он свои положения именно не из фактов. Иначе говоря — положения, которые высказываются Марром, оказываются не связанными с фактами. А что же вы хотите? Вы хотите, чтобы указания состояли просто из верных общих положений, может быть, приемлемых с точки зрения марксиста и истинных, но не вытекающих из языковых фактов. Но ведь это будет не языкознание, хотя это будет, может быть, марксизм, это, может быть, будет теория наук, история наук, — но это не будет языкознание. А вот, когда вы любое положение марксизма, любое положение диалектического материализма выводите из фактов, вот тогда я скажу, что это будет марксистская лингвистика.

Возьмем такое утверждение, что существуют в природе мутационные изменения. Я считаю, подходить к исследованию материала лингвист может не рассуждая вовсе о том, что говорит об этом марксизм, но он должен анализировать факты. Я могу здесь взять свой собственный пример, без лишней скромности. Я как раз работал над теорией
8 фонетических ||[15] изменений[16] и пришел к выводу, что существуют мутационные изменения. К числу же мутационных изменений относятся те процессы, которые квалифицируются как переходы. К числу мутационных изменений относится приблизительно 99%, даже больше 99% и менее 1% приходится на долю немутационных. Допустим, что это не так, допустим, что я ошибся, пускай кто-нибудь выведет другой процент или во всяком случае выведет положение, которое будет гармонировать с фактами того же общего характера, но почерпнутыми из других дисциплин — из ботаники, зоологии и т.д. Вот это и будет новым открытием со стороны лингвистики, которое позволит построить марксистское, материалистическое, т.е. на фактах собранное, из различных дисциплин знаний составленное мировоззрение. А если у нас будут просто сказаны такие истины, что язык, дескать, развивается не независимо от изменений в жизни общества, что изменение языка идет параллельно, независимо от жизни коллектива, так для этого

не нужно быть лингвистом, а для этого достаточно прочесть классиков марксизма.

Я сказал, что те положения, которые в числе положений яфетической теории являются правильными, аксиоматическими, они давно высказаны до Марра. Очень хорошую работу, между прочим, очень полезную работу провел бы тот, кто, как тов. Данилов[17], составил бы полный реестр высказываний по вопросам языка нашими классиками марксизма. Там мы найдем ряд весьма ценных утверждений. Мы найдем их у Каутского, найдем их у Ленина, кое-что у Плеханова, многое у Лафарга, у Сталина даже найдем очень верные мысли, несмотря на то, что Сталин, не зная терминологии, употребляет слово "язык" в двух смыслах — в смысле языка литературного и в смысле языка как говора. Но это ему простительно[18]. Так что очень многое можно почерпнуть из классиков марксизма. Точно так же ряд весьма ценных указаний можно найти у Покровского. Несколько в стороне стоит в этом отношении Троцкий, У Троцкого, я сказал бы, имеются вещи, которые, пожалуй, нельзя считать выдающимися. И вот нужно, исходя из фактов, прийти к марксистскому положению. Лично для меня в этом вопросе о мутационных изменениях дело обстоит так. Я сейчас не спорю о том, будет ли это <положение> марксистским 9
или нет. || Я выяснил то, что мутационные изменения существуют, и после этого уже стал решать вопрос, что для меня — лингвиста — верны ли положения марксизма или нет. Да, верны. Тогда я считаю, если вся эта совокупность положений исторического и диалектического материализма у меня проявляется в моей собственной работе, тогда я считаю себя вправе говорить, что я работал при помощи марксистской лингвистики.

Теперь мне хочется показать, что выводы яфетической теории не основаны на фактах. Но тут я позволю себе несколько отступлений.

Прежде всего относительно того, как относятся западные лингвисты к Марру. Я уже сказал о том, что два коммуниста[19] высказываются <о его учении> весьма и весьма отрицательно. В двух работах *[? — Л.К.]* есть такие выражения, которые заставили меня, потому что горько советскому ученому коллекционировать ругань по адресу другого советского ученого, бросить это дело и не собирать больше. *[С места*: —Это буржуазные ученые*]*. Вот по поводу буржуазии я и хочу сказать, если, конечно, причислить шведского и французского коммуниста к представителям буржуазии. Но возьмем такого представителя буржуазной науки, — а какая наука не буржуазна в буржуазном обществе? Что ж поэтому нужно отрицать математику, поэтому нужно отрицать факты, добытые естественно-историческими дисциплинами? Нет, нельзя. Но возьмем как раз отзывы, которые упоминают слово "буржуазия" и "буржуазный". 10
|| <...> *[Докладчик приводит высказывания М.Коэна и А.Мейе на французском языке и в переводе на русский язык]*.

"В кратком введении к „Классифицированному перечню печатных работ по яфетидологии" читатель узнаёт, что по Марру исследования по индоевропейской лингвистике есть продукт буржуазной идеологии".

"Наконец, нужно сознаться, что имеешь буржуазную идеологию, если она состоит в том, чтобы видеть исторические факты таковыми, каковы они есть"[20].

Вообще французские ученые, нужно сказать, более корректны, чем немецкие ученые, и из того упоминания, которое делается французскими учеными М.Коэном, например, и Ж.Вандриесом, можно сделать вывод, что они яфетическую теорию знают, но знают настолько, чтобы о ней не говорить в таком, например, труде, как "Les langues du monde" <1924>, в труде, являющемся сводкой всех достижений по всем группам языков. Именно в этой работе совсем не фигурирует Марр, за исключением того, что автор раздела, посвященного северокавказским языкам, говорит[21]: <"M.Marr a promis de publier une nouvelle grammaire de cette [l'abkhaz. — *Л.К.*] langue, et il faut espérer que les théories linguistiques un peu extravagantes de cet éminent caucasologue ne l'empêcheront pas d'en donner un tableau exact et objectif">.

И затем в самом конце <книги>, в самом последнем абзаце, в приложении <"Additions et corrections"> добавляется: <"M.Marr admet qu'il faut distinguer un petit groupe de langues encore aujourd'hui représente par les langues caucasiques et le basque, et dont auraient fait partie plusieurs langues mortes telles que le sumérien, l'élamite, les anciennes langues de l'Asie antérieure, l'étrusaque. C'est ce groupe de langues qu'il nomme japhétique. Les langues indo-européennes auraient en notable partie remplacé ces langues, et se seraient mélangées avec elles">. Дальше сообщается о том, что в Ленинграде основан Яфетический институт и что он выпустил два тома, вот и всё! Больше Марру не уделяется никакого внимания. Ясно, что раз авторы о нем знают, но не хотят говорить, то суждение уже произведено. Место в истории науки западными учеными уже определено для марровской теории.

Теперь мне придется, несколько комкая первоначальный план, перейти к иллюстрации объяснений ряда исторических фактов, которые, я утверждаю, выводятся Марром из праязыка <в> его <понимании>, который в то же время является приматным языком. Я знаю, что мне будут возражать, и когда будут возражать, будут попрекать меня в "индоевропеистике" и в вере в праязык.

Хотелось бы иметь время объяснить, что такое праязык, и хотелось бы сказать также, что индоевропеистика, т.е. индоевропейская сравнительная грамматика, вовсе не должна заниматься чувашским языком, сирийским языком, африканскими языками. И этого также || странно требовать, как
11 странно требовать того, чтобы ихтиолог занимался птицами, а орнитолог занимался рыбами. Да верно ли, наконец,

то, о чем говорит Марр, что изучались только индоевро-
пейские языки? Как будто бы не существовало других дис-
циплин. Как будто бы нет, например, созданного сейчас
советскими учеными алтайского языкознания, нет тибето-
китайского языкознания. И приходится констатировать, что
если в десяти случаях Марр не хочет знать, то в 90 слу-
чаях он просто не знает работ, которые убедили бы его в
противном. Например, Марр, <говоря> о китайском языке,
вовсе не предоставляет возможности поверить, что он зна-
ком со сравнительной фонетикой хотя бы этих китайских
языков. <Однако> это вполне верно<и>для Индии, так как в
Индии изучались действительно индоевропейские языки. Но
кто, как не Бодуэн, призывал к изучению и неиндоевропей-
ских элементов в санскрите. А относительно праязыка?
Марровское изложение его (т.е. Бодуэна. — *Л.К.*)взгляда на
индоевропеистику сплошь и рядом пестрит упреками в пра-
язычестве. Когда мне пришлось говорить с одним из пред-
ставителей яфетидологии, с одним из защитников яфетидо-
логии, я наткнулся на такое явление, что человек гово-
рит: вы все это из праязыка выводите. Из какого праязы-
ка? Да вот из праязыка. Из первого языка, оказывается.
Ну что же, в таком случае мне сказать уже нечего. Тут
уже дело кончено. Если мне предъявляют обвинение в том,
что я представитель буржуазной науки, что я все вывожу
из какого-то выдуманного индоевропеистикой языка, и этот
язык оказывается приматным языком, то мне приходится
дать только один ответ: почитайте <...> книжку[22], позна-
комтесь с индоевропейской или с какой-нибудь другой
сравнительной грамматикой, ибо я употребляю термин "пра-
язык"[23] в приложении хотя бы к латинскому языку. Праязы-
ки существуют. Если спросят — где существуют, я отвечу —
сколько хотите. Например, латинский праязык, романский
праязык, точно так же как и любой другой праязык, вовсе
не должен относится к эпохе зарождения человеческой ре-
чи. Общеславянский, общеиндоевропейский и прочие языки
в данном отношении имеют такое же право на признание,
как и латинский. Разница только в том, что латинский за-
свидетельствован еще письменностью, и разница эта су-
щественна. Письменность латинская и дает нам подтверж-
дение метода. || Раз метод правилен в этом приложении его 12
к романским языкам, раз мы могли восстановить по фактам
романских языков латинскую речь и эта восстановленная
латинская речь совпадает с тем, что мы видим в памятни- 13
ках <...> || О склонениях можно сделать оговорку: посколь-
ку в наших восстановлениях (=реконструкциях. — *Л.К.*) не
совсем верно будут обрисовываться все контуры склонений,
постольку они не обозначались в той вульгарной латыни,
из которой происходили романские языки, так что соот-
ветствие не нарушается.

Итак, если мы убедились в правильности метода на при-
мере романских языков, происходящих из языка латинского,
то почему этот метод неправилен в восстановлении других
языков? Мне оставалось сказать своему собеседнику толь-

ко одно, что в основном праязык, который похож в то же время на язык приматный, т.е. SAL, BER, YON, ROШ, это действительно праязык[24]. Почему? Потому что с него начинаются все слова всех языков <...>. Во всех остальных случаях, когда в устах моих противников лингвист, индоевропеист говорит о праязыке, он точно так же может применять этот <термин> к современному русскому языку, который тоже, может быть, явится праязыком для будущих языков, для будущих говоров, которые возникнут, если для этого будут благоприятные условия, которые направят в этом направлении процесс.

Я должен предупредить, что мне придется показать сейчас тот фактический материал, который я хотел показать в конце.

Прежде всего нужно сказать, что <у Марра> не только исторические факты объясняются неверно, но часто самые факты берутся неверно, т.е. иначе говоря, в примерах нет того материала, который нужен для факта. Нужен, например, звук, которого не существует. Поясню на нескольких примерах. Марр объяснял японское слово *uma* < 'лошадь, конь'>, как он его произносил, из сочетания двух элементов: первый элемент, это тот, который давал *u*, затем второй элемент — "берский" дал *ma*, т.е. *u*- черточка — *ma* (*u-ma*)[25]. Между тем не существует японского слова *u-ma*. Это только его орфографическое написание. Каждый японец произносит *m̥ma*, на северо-востоке <Японии> — просто *ma*. Следовательно, нет повода говорить о каком-то элементе до *ma*. Разумеется, история тут совершенна ясна: слово это является китайским заимствованием и восходит к **mra*, в <бирманском>[26] оно эквивалентно *mraŋ*, следовательно, мы имеем *mra*, *mra* , *ma*, но никакого *u* здесь нет. Это один пример.
14 Таких примеров можно || найти по дальневосточным языкам сколько угодно. Возьмем знаменитое объяснение "золота". Марр приводит такие примеры *kɪn* 'золото' и *gɪn* 'серебро'. Вот, дескать, как это хорошо можно сблизить с иберским (шумерским)[27] *guш-kɪn*, вот как можно сблизить и тут и там — *kɪn*. Но нужно прежде всего сказать, что *kɪn* и *gɪn* — это не китайские формы, а японские формы, и во-вторых, современные китайские формы звучат совершенно иначе — *ďɪn* (*цзинь*), с одной стороны, и *yɪn* (*инь*) без начального согласного, с другой[28]. Это — раз. Нельзя же, действительно, вводить читателя в заблуждение только потому, что в Баку, а эта книга издавалась в Баку[29], — не занимались китайским языком и подсовывали читателю японские формы.

Но, хорошо, можем идти дальше. Можно кое-что сказать в защиту Марра, можно сказать — я не знаю, японские тут формы или китайские, потому что эти слова заимствованы из китайского языка. Верно, но тогда бери одно из двух: или бери одну форму, в которой они были заимствованы, или бери совре́менную китайскую форму, это — единственно, что можно назвать китайским, остальное же уже нужно называть японским. И вот как это нужно оценивать с точки зрения конечных выводов. Можем ли мы слово для "зо-

лота" сопоставлять с мессопотамским [=шумерским] *guš-kın*. Оказывается, что конечного *-n* в древнекитайских формах вовсе не было в слове "золото". Это доказывается тем, что китайские диалекты уже имеют *m* и это *m* в части диалектов заменилось в *n* японское, корейский язык имеет *kım* 'золото' (это и общераспространенная корейская фамилия, которая обозначает 'золото'). Возьмем дальше — более древнее китайское заимствование *kom*. Это то же самое китайское слово, но только в другую эпоху. Мы видим, что в китайском языке вовсе не было *kin*, который напоминает *guš-kın*, а было *k + i*, т.е. звук [k] + звук [ı] + гласная (назову ее условно *o*) + *m*[30]. Как видите, получается *kiom*, а это несколько другая вещь. Если *guš-kın* в конечной части напоминает японское слово *kin*, то *kiom* — это уже совсем другое. Ну, а как с "серебром" дело обстоит? "Серебро" в современном китайском языке не *gın*, а *yın*. Здесь вначале был носовой звук [ŋ], поэтому из носового в китайском получился "йот". Следовательно, здесь нет ниче- 15
го похожего с || этим *guš-kın*. И то сопоставление, которое делалось благодаря сведéнию *kın* к *guš-kın*, не обосновано буквально ничем.

Возьму другой пример из этой же области — у меня таких примеров хватит сколько угодно из любой области. Я должен сказать, что эта книга "Чуваши-яфетиды на Волге" не содержит ни одного верного соответствия за исключением одного: *ḉəval* (фр. *cheval*) возводится к латинскому *caballus* <"(рабочая) лошадь, кляча">. Но это все знают. Итак, перейдем к другому.

Китайская "рыба" — *y* (*юй*) и "дождь" — *y* (*юй*) сопоставляются с китайским *šuį* (*шуй*) 'вода'[31]. На основании чего? На основании того, что в русской транскрипции слова "рыба" и "дождь" пишутся буквами — *ю* и *й*. Следовательно, если читатель не знает китайской фонетики, то прочтет *юй* 16
|| <...>, а комплекс звуков [ш] + [у] + [й] 'вода' — *шуй*. Там, значит, есть *уй* и здесь есть *уй*, вот и все основание. Другого основания, кроме этого звукового совпадения, нет. Совпадение основано, только на том, что человек берет заведомо несоответствующую звукам китайского языка русскую практическую передачу китайских звуков. В другой книжке[32] ему уже приходится спохватываться — ничего не поделаешь — и напечатать, что нет никакого основания для того, чтобы начальное *ш* в слове *šuį* 'вода' соответствовало нулю звуков, т.е. исчезало бы вдруг ни с того ни с сего в словах "рыба" и "дождь" или переходило бы в "йот". Об этом я уже не говорю, но там даже нет этого факта совпадения, на основе которого все сближение держится.

Как вы ни хотите это признавать, но здесь у Марра дело только в звуковых совпадениях. [*Голос с места*: — Ничего подобного]. Да, в звуковых совпадениях, другого пути нет. [*Голос с места*: — Совсем не так]. И вот, когда на самом деле нет звуковых совпадений, на которых он базируется, то тогда рушится в основе сопоставляемость этих

вещей. Дальше, возьму еще примеры, таких случаев можно сколько угодно привести. Почти каждый китайский пример можно взять из его работ, и мы найдем то же самое. Например, китайское слово *mo* 'дерево', откуда он взял это *mo* 'дерево', — пускай китаисты скажут. Он сопоставляет с груз. *mor* (↔*mur*), рус. *бор*, фин. *pū* и т.д. Но, во-первых, в китайском языке нет слова *mo*[33] 'дерево', а во-вторых, если нужно было бы брать для сопоставления китайскую форму, так зачем брать форму XX в., лучше было бы брать более древнюю форму этого языка. Ведь более древнюю форму не нужно восстанавливать сравнительным методом, для этого у нас есть китайские словари, а также китайский метод выражения своеобразной фонетической транскрипции, в которой чтение одного иероглифа дается через другие иероглифы. И Марру казалось, что древним чтением было *muk*. Значит, из трех звуков <состоят> русский *бор* или грузинский *mor* (там [т.е. в *muk*] вставляется вместо *о* — *u*, на самом деле — вместо нуля, который можно было бы со-
17 поставлять с *r*, по Марру). Нужно *k* куда-нибудь деть. || Оказывается, эти два факта берутся неверно, и таких случаев можно было привести много. Но важно не то, что берутся неверные факты. И в том случае, когда они взяты верно, объяснение их можно признать заведомо неверным, если оно противоречит принципам, на которых построено соотношение других соответствий. Когда сопоставляется лат. *panis/pānes* <'хлеб'> и греч. βάλανος <'желудь'>, вот доказательства: когда-то было нечто общее, являющееся исходным пунктом обоих слов. Но тогда нужно сказать — или признаешь вот это соответствие греч. *b* — лат. *p*, или тогда нужно отрицать сопоставление лат. *peter* и греч. πατήρ и все эти слова, где было *p* там и там, одно из двух. И теперь остается спросить просто — для чего же теория вероятностей дает больше шансов? Ясно, что для тех совпадений, которые законообразно поддерживаются громадным рядом примеров.

Теперь я позволю себе перейти кратко к критике некоторых общих положений. Возьму случайные отдельные высказывания. Ручная речь, по Марру, предшествовала возникновению звуковой речи, а потому все значения восходят к руке. Во-первых, это невозможно, так как ручная речь бесполезна в темноте, и даже днем при разделении соприкосновения какой-нибудь непрозрачной средой. Совершенно ясно, что человек, как и животное, уже искони обладал сигнальной междометной системой, а жестикуляция явилась лишь вспомогательным средством при <бедности>[34] речи. И вот в связи с этим становится до известной степени понятным, что на Востоке наши жесты отрицания и утверждения с помощью головы понимаются обратно, а возгласы боли, брани, страха и т.д. в какой-то мере сходны с нашими. Кроме того, из одного понятия руки не может развиться ничто, так как всякое развитие происходит путем противоречий и, следовательно, "рука" противополагается "не-руке", как "здесь" противополагается "не-здесь", "я" —

"не-я". Все слова, по мнению Марра, исходят из четырех племенных названий — SAL, BER, YON, ROШ, которые произносились сначала в одном нерасчлененном звуке и которые разложились на "согласный + гласный + согласный". Но говорить обо всех словах всех языках, || не зная их, это уже не научный прием. Ведь до сих пор даже неизвестно, сколько звуков существует во всем мире. Как же можно говорить о словах всех языков? Это значит уже отправляться не от материала. Затем, племенные названия. Как показывают факты хотя бы у якутов, у самоедов[35], у готтентотов, перевод племенного названия должен означать человека. Люди должны противополагаться нелюдям — животным, растениям, минералам, вещам, и, значит, племенное название никогда не может быть первым словом языка. И вообще самая мысль об едином праслове не научна, ибо даже язык животных не имеет праслова. Если же племенное название сначала ничего не значило, то оно и потом не могло ничего значить, ибо из ничего ничто и не развивается. А исследование корней, если, допустим, обращаться к известным более или менее примитивным языкам[36] — арабскому, к тибетским языкам, суданским, к черкесскому, например, по Яковлеву[37] языку, то в конце концов мы находим совсем другое, чем то, что предлагает Марр. Мы находим не три звука, а находим комплексы из согласных и гласных. Отсюда столь распространенный в первобытных языках закон открытых слогов, а предполагать каждый раз усечение одного из согласных — это прием, неизбежный для яфетидолога, раз Марр исходит из SAL, BER, YON, ROШ. Этот прием настолько часто повторяется, что явно становится вымученным.

Затем у Марра родство языков объясняется взаимодействием соседних говоров: сначала было множество, а затем 19
единство. || Но, между тем, кто не знает того, что раньше было много языков? Разве можно выставлять это как Америку, открытую Марром? Кто это отрицал? Это может приписать индоевропеистике только тот, кто стоит на той точке зрения, что раньше был праязык, кто стоит на точке зрения приматного языка. Только при этом можно утверждать, что индоевропеистика считает, что вначале был один язык, а потом много праязыков. А ведь здесь имеется это самое утверждение, что вначале было много языков, а потом — один язык. Если им [т.е. утверждениям. — *Л.К.*] довольствоваться, то это будет не диалектический материализм, а чисто механическая теория. Вот тут-то и чувствуется, что Марр немарксист, так как, признавая, что язык изменяется в зависимости от эволюции коллектива, нужно дать не одну форму развития, а две формы; а именно: при одних экономических условиях — одно развитие, при других — другое. Можно сказать так: до товарного хозяйства, в эпоху натурального хозяйства идет процесс от единого ко многим языкам, несмотря на то, что существует много исходных пунктов для развития. Вначале — да, это констатируется фактами. А затем, в эпоху товарного хозяйства

наблюдается уже обратное явление, т.е. стягивание разнообразных, раньше разделенных коллективов, разнообразных по языку коллективов в один коллектив.

Но как же тогда объяснить с точки зрения Марра систематические звуковые соответствия между родственными языками? По тем приемам, которыми пользуется сравнительная грамматика — это можно отлично объяснить, причем вовсе не нужно думать, что не было смешения языков, что праязык непременно был один для русского языка, — например, что в русском языке слова восходят только к общеславянскому праязыку (нет, давно ни для кого не является новой мысль о том, что слова в русском языке могут восходить к разным источникам). Не кто иной, как Бодуэн в 1901 г. написал о смешанном характере языков[38]. И вовсе не нужно думать, что история с этим смешением языков есть какое-то новшество. Наоборот. Но все-таки систематическое звуковое соответствие, поскольку оно в словах одного происхождения наблюдается, объясняется общим происхождением. А по Марру, как это нужно объяснить? Дилемма здесь —
20 или систематический вклад различных ветвей[39], но ведь это — чудо, || чудо, на которое нельзя рассчитывать, чтобы был систематический вклад различных ветвей; или же систематический подбор одного племенного названия вместо другого — это тоже чудо <...>. Если одно и то же понятие представлено в разных языках, то Марр тут видит следы множества речи. При этом получается обычное явление с синонимами, а между тем с этим явлением мы сталкиваемся в практическом быту и его необходимо перенести и на историю языков. По Марру, кавказские языки сохраняют первоначальную речь человечества и при этом в различных стадиях развития. Но первоначально речь не могла иметь такого богатства звуковых форм. А эта сохранность может быть доказана лишь для семитических языков, т.е. для наиболее устойчивых, ибо древневавилонский язык и современный арабский, несмотря на 5000 лет расстояния, более близки между собой, чем латынь и итальянские говоры. Для кавказских языков приходится доказывать обратное. В чанском языке сам Марр не нашел тех форм, которые Ачарян[40] за несколько лет до него находил.

Затем то, что является постоянной ошибкой Марра, — это борьба со временем — анахронизмы. Для этнолога является совершеннейшей нелепостью то, что названия, которые можно было бы назвать племенными, вытянуты из топонимики и переносятся вдруг в эпоху зарождения человеческой речи, тогда как они могут найти объяснения в медном (т.е. бронзовом) веке. Этот скачок их ни на чем не основан. Точно таким же образом марровская социология никак не может примириться с тем, что племя есть класс, что это есть определенный класс, оформленный в коллектив, в эпоху изобретения огня[41]. Как же тут можно гово-
21 рить о классах?! Но такие анахронизмы имеют место || <...>[42].

Наконец, вместо диалектического объяснения фактов языка Марр дает всегда механическое объяснение и тем

ставит под сомнение свой марксизм. Выводя все формы из четырех племенных названий (=элементов), Марр решительно отвергает звукоподражание в таких словах, как *кукушка*, *мяукать*[43]. В древнеегипетском языке мы для "кота" имеем *mjw* <...>, что напоминает наше *мяу*, кит. *mao*. яп. *neko*[44] и т.д. Это все звукоподражания. Я все это беру из разных языков, беру из турецкого или японского эти названия. Между тем Марр решительно отвергает звукоподражание, а с другой стороны — трудовое приспособленчество. По теории Нуаре[45] выходит, что человек, находясь непрерывно под влиянием внешней природы, никогда не расставаясь со своей рефлексологической внутренней природой, не может оттуда не черпать даже малый процент своей речи. Наконец, Марр не использует такого совершенно ясного объяснения детских по происхождению слов, как "папа", "мама" (например, рус. *папа, мама*, груз. *mama* 'отец', др.-яп. *papa* 'мать-мать' →совр. яп. *haha*), что по фонетическим законам совершенно правильно. ‖ Всем известно, как Марр в тех 22
случаях, когда имеет дело хотя бы с армянской формой для "отца" — <*hayr*> и "матери" — <*mayr*>, идет совершенно другим путем и даже эти слова хочет вывести из своих четырех элементов.

Наконец, дело ведь в том, что когда человек говорит: бросьте вашу сравнительную грамматику индоевропейских языков, — я вам объясню все слова индоевропейских языков из четырех элементов, — это же все равно, что какой-нибудь человек пришел бы на собрание химиков и сказал: "Забудьте, что вода — H_2O. Вода — это нечто другое, это смесь азота с аммонием, — поверьте мне на слово, и я из этого объясню вам весь мир". Это то же самое. Мы можем потребовать объяснения, мы можем потребовать доказательства: докажи эти четыре элемента. Доказательств, однако, нет. Выводится обязательно каждое слово из одного и того же значения. Например, "птица" от "неба", "лев" связывается с "собакой", как средством передвижения, "бросать" от "руки". Марр приходит к голому метафизическому формализму и прилагает позднейшие эпитеты к исходному основному названию. Например, *кукушка* или *дятел* должны быть небесными, по Марру; между тем, здесь совершенно другое происхождение. *Дятел* — это зубач (←долбить зубом), *кукушка* — от *куковать*. От тысячи арабских названий для "льва", тысячи эпитетов — это огромный, злой, терзающий и т.д. Как же можно сводить их к *собаке*?! Ясно, что тысяча сравнений, сведенных к *собаке*, будет напоминать то, что Мещанинов проделал с халдейскими царями[46]. Где вы найдете такой народ, у которого было бы подряд девять царей, и чтобы девять раз подряд они носили имя бога-сына и т.д.? Имена были совершенно различны, но каждое может разложиться на два элемента и в каждый элемент можно вложить любое значение, а по семантической формуле имя царя должно быть — бого-сын. Такой смысл и вкладывается. Но нигде вы не найдете параллели, подобной этому! Если найдете что-нибудь подобное, вроде бога-сы-

на, в имени, то, чтобы подряд девять имен объяснить так,
для этого нужно столько же шансов, сколько для того,
чтобы, рассыпанная по буквам Илиада и собранная опять,
23 разложилась в том же порядке. Если одна буква выпадет,
то какое громадное количество шансов будет против этого
|| закона.

Например, восстанавливая исходный пункт для китайско-
го *ma*, Марр случайно угадал *r*. Да, здесь угадано, но не
на месте угадано. Оказывается, *ma* восходит к *mra*, но не к
mar (здесь *a* не вторая, а третья) и т.д. Тут же шансы
против растут, доходя до громадных чисел, и тут рассчи-
тывать на то, чтобы факты соответствовали этому объяс-
нению, нет никаких оснований.

В результате яфетическая теория является лишь на-
сильственной, искусственной классификацией форм и зна-
чений, вне диалектики. Мы имеем здесь механи[сти]ческую
метафизику, а искусственная классификация, несмотря на
чарующую простоту и наглядность, всегда оказывается
сложной и шероховатой, не истинно научной классификаци-
ей. Так было в биологии, в зоологии, так будет и в язы-
кознании.

Я сказал, что Марр не дает никакого доказательства
тому, что все слова всех языков произошли из четырех
элементов, и просит принять это на веру. Как я уже го-
ворил, если бы на собрание химиков пришел отрицатель то-
го, что вода есть H_2O, и заявил — поверьте мне, и я из
этих четырех элементов все сделаю. Это буквально так,
Если вы согласитесь с этим, то вам будет преподнесено
чудовищное объяснение любого слова любого языка из од-
ного из компонентов или из их комбинаций, но объяснение,
заведомо противоречащее той истории данных слов, которая
нам уже с очевидностью известна. Например, эстонское
слово *raamat* <'книга'>, которое Марр при мне в докладе раз-
лагал на элементы[47]. Вот, дескать, один элемент, вот дру-
гой, и оперировал с ним, как словом, искони эстонским.
Он ни словом не заикнулся при этом, что это слово гре-
ческого происхождения [*γράμματα*. — *Л.К.*], что отсюда рус-
ское слово *грамот-*, *грамота*, что это слово попало в эстон-
ской и стало *raamat*. Вы скажете, что нужно еще доказать,
что это так, что может быть, это неверно. Но нет, это
можно доказать математически. Почему? Для этого у нас
есть звуковые законы, которые говорят, что *g* должно бы-
ло отпасть в эстонском языке, потому что эстонские го-
воры, некоторые из них и сейчас живы — не допускают ни-
какого стечения начальных согласных. Так что *gr-* не мог-
ло сохраниться. Подобным же образом немецкое *Frau* дает в
24 этих говорах *roua*. Эстонские говоры не терпят двух со-
гласных, || не допускают здесь исключения. Это можно бы-
ло бы подтвердить на ряде других заимствований. Звук *g*
должен был исчезнуть — совершенно ясно почему, а звук *a*
должен быть долгим. Это фонетически можно объяснить, не
говоря уж о том, что исторически это является вполне при-
емлемым фактом. Однако Марр ни словом не заикается об

этом, он зачеркивает историю данного слова, он просит нас забыть об этом и взамен этого преподносит нам свое объяснение.

Точно так же как *крестьянин* — слово, которое, что совершенно ясно, происходит в результате контаминации — *христианин* и *крестьянин*, и подтверждение эволюции значения этого слова можно найти хотя бы в том, что в Средней Азии вероисповеданный признак тоже подменяет в характеристике представление национальное классовым. Если вы ташкентца или самаркандца спросите — кто он, он прежде всего ответит, что он мусульманин, а потом укажет свою нацию. До революции он своей нации при этом вообще не называл. Путь совершенно естественный. Ясно происхождение и звука *к* здесь <...>. И, следовательно, для того чтобы выводить это слово из источников и ориентироваться на рассмотрение палеонтологическое, нужно было бы брать не русское *крестьянин*, а греческий глагол χρῖσμο, откуда происходит χρῖσ 'помазанник', 'христианин' и т.д. 25
|| Что же вместо этого нам преподносится? Нам преподносится то, что *крестьянин* — это *этруск*. Буквально так сказано. Правда, мне скажут, что сейчас Марр этого не говорит, но я не могу принять этой оговорки, что он сейчас этого не говорит. Может быть, он завтра не будет говорить того, что говорит теперь. Я говорю о том, что уже напечатано, а не о том, что он может сказать завтра <...>.

Была эпоха племенных названий, и в эту эпоху марровской теории была напечатана книга и в ней он (*крестьянин*) объяснен из *этруска*. Какие для этого основания? Обоснования те, что *-рес-* в слове *крестьянин* по звучанию совпадет со словом *рась*. Вы не можете отрицать, что Марр использует здесь звуковые соответствия, хотя они не дают никаких оснований, для того чтобы <...> равным образом <...> признать, что чувашское *tu* ‹'гора'› есть усеченное чувашское название ‹основного тотемного› божества, т.е. *tur-ə* ↔ *tor-ə*. Вы хорошо знаете, что это значит. Это азбучная истина, что чув. *tu* равнозначно кирг. *to*, узб. *to* и т.д. <...>. Совершенно закономерно, что *o* перешло в *u*, значит, вместо *to* стало *tu*. Но вместо этого вам преподносят, что здесь *tu* — это первое слово, а что слово *tor-ə* 'бог', и забывают, что это слово происходит из *teŋri*, т.е. хорошо известного турецкого слова 'бог'. Это вызывает у Марра следующие пространные соображения. <...> [Е.Д.Поливанов приводит цитату из работы Н.Я.Марра][*8]. Иначе говоря, утверждается, что слово *tur-ə* произошло от *yur*. Вот что говорит Марр! И мы должны или с ним согласиться, или согласиться с тем, что чувашский язык, повторяющий невероятное число раз правильное соответствие с турецкими (тюркскими) языками, имеет в числе этих соответствий "йот" и через *k* и *u* — диалектический нуль. || Таким обра- 26
зом *yur* и *-er* имеют потом *ā* долгое, иначе говоря *yur* восходит к *-ar*. Мы здесь имеем общетурецкое слово **qār* с *ā* долгим, которое дает в чувашском *u*. Мы имеем вполне доказанную историю фонетических слов, которая гласит, что

из *qār* произошло *yur*. Нужно не знать, или не хотеть знать этого, для того чтобы искать, что из *kur* произошло *yur*, причем здесь для данного примера берется переход *t* в "йот", чего нет и что не доказано в лингвистике и во всей сравнительной грамматике других языков.

Возьмем индоевропеистику. Если берутся соответствия, то они оправданы десятками примеров, во-первых, и во-вторых — это уже следующая стадия — они объясняются физиологической (=фонетической) коллективной психологической теорией эволюции ‹языка›[49]. Это как раз та область лингвистических дисциплин, над которой я сейчас работаю и к которой относятся мои работы последних лет. Я должен сказать, что при этом у Марра отсутствуют условия для данного перехода, для данного соответствия, а потому падает вся его вероятность. Правда, можно подходить не только с точки зрения индоевропейской сравнительной грамматики, мы можем доказать это не с помощью сравнительной грамматики, а на примере развития нескольких звуков из одного звука. Например, звук *z* (*з*) соответствует англ. *dʒ* (*дж*). Он может давать и *dʒ*, может давать и *tʃ*, может давать и *dz*, но как и когда? Вот в том-то и дело, что мы не можем сказать, что в таких-то условиях обязательно будут *dʒ*, в таких-то *tʃ*. А что делает при этом Марр? Если мы раскроем его бакинский курс лекций[50] и посмотрим, сколько имеется вариантов, сколько вариантов может дать каждый из элементов, да еще запомним, что можно выбирать и подставлять любой из этих элементов, то мы с помощью этих четырех элементов сможем объяснить какое угодно слово из любого элемента. Точно также, если вы мне дадите 10 других элементов, содержащих гласные и согласные, я из любого слова берусь, пользуясь этими условиями свободного выбора обосновать все слова.

Я уже говорил о том, что в яфетической теории было здоровое ядро. Это изучение южнокавказских языков. И вот там-то и родилось это соответствие свистящих и шипящих,
27 отголоски которых мы находим || в этих перечислениях. Мы обнаруживаем здесь соответствие, которое Марр подбирает для объяснения любого слова любого языка, к каждому элементу, значит, в свистящей группе будет так, а в шипящей — иначе. Казалось бы, мы тут имеем намек на некоторую закономерность. Нет, этого нет! Тут никакой закономерности не имеется, потому что тут открывается новая возможность для выбора, а именно: если вы допускаете смешение, то одна форма может получиться из свистящих, а другая из шипящих.

Заслуживает наибольшего внимания, как я уже упоминал, предварительное сообщение о родстве грузинского языка с семитическими[51]. В его работе "Основные таблицы к грамматике древнегрузинского языка..."[52] мы наблюдаем попытку, далекую еще до своего конца, попытку создания сравнительной грамматики обычного типа. Там строится сравнительная фонетика, но, к сожалению, она не достроена. Если бы у нас была сравнительная грамматика яфетических

языков, та сравнительная грамматика, которую Марр обе-
щал и которую от него по праву ждут на Западе, а не толь-
ко здесь, тогда можно было бы говорить о продолжении
яфетической теории, о том, что она может куда-то приве-
сти. Но сейчас мы вместо того, чтобы объяснить, вместо
того, чтобы найти у Марра объяснение совокупности под-
линных фактов, находим просто надерганное объяснение 28
различных фактов различных языков. || Марр говорит об идее
единства языка, что она существует только в формах. Ге-
нетически — да. Но и Бодуэн отличал генетическое единст-
во, о чем я говорил, и единство языка как системы. Это-
го никто не будет отрицать. И вот если бы Марр попробо-
вал объяснить один язык своим методом, этого ему, конеч-
но, не удалось бы. В одном Марр совершенно прав, это в
том, что нельзя совместить его яфетидологическую точку
зрения с лингвистикой, которую он называет "индоевропе-
истической".

Действительно, если стать на примиренческую позицию
примирить лингвистику и яфетидологию, как некоторые хо-
тят, но не сам Марр < ...> (нет возможности согласиться
с постановкой Марра, например, относительно чувашского
или китайского, японского языков), то для них и не су-
ществует тех фактов из истории данных языков, которые
наглядно и бесспорно для всякого лингвиста устанавлива-
ются путем приложения к этому материалу ясного элемен-
тарного историко-лингвистического метода. Иначе говоря,
надо было бы зачеркнуть очевидное.

Я уже говорил о том, что у Марра многое не ново, а
то, что ново, то исключительно неубедительно. Начну те-
перь с того, что не ново, ибо о неубедительном я уже
говорил. Еще в 1907 г. Мейе читал курс об общих элементах
латинского и греческого языков, как об элементах индоев-
ропейских, а не семитических[53]. Следовательно, мысль о
третьем элементе в культуре Средиземного моря вовсе не
нова < ...>. Это старая идея, возникшая еще задолго до
Марра. Связь этих индоевропейских языков с Передней Ази-
ей давно устанавливалась[54], родство грузинского языка с
догреческой и долатинской речью, с этрусской речью и с
этрусской культурой остается до сих пор недоказанной. И
вот в этом направлении и нужно было бы проводить работу
Яфетическому институту[55], однако в этом направлении Яфе-
тический институт не работает. Утверждения в этой обла-
сти не идут дальше догадок и сопоставления отдельных
слов, большей частью малоубедительных. То же самое и с
баскским языком. Если бы эти сопоставления были убеди-
тельны, то давным-давно их можно было бы опубликовать в
форме, приемлемой для нас, и мы бы знали их. Все это ос-
тается, может быть, и любопытным, но и только! Ясно, од-
нако, что в Передней Азии был некий могучий источник
культурного влияния на весь Средиземноморский бассейн.
Эта культура имела свой язык. Какой? Родственный гру- 29
зинскому или нет? Вот этот || вопрос надо было бы разре-
шить, и этот вопрос остается неразрешенным у Марра. По-

чему? Да потому, что есть такие сопоставления, такие
сближения < ...> как, например, груз. *pitna* с *мята*, с греч.
μεντα, лат. *menta/mentha*, откуда получалась русская *мята*.
Здесь совпадения какого порядка? Может быть, это совпа-
дения такого же порядка, как *шоколад*, или *автомобиль* или *та-
бак*, и это культурное заимствование попало на Кавказ? На-
пример, *мята* проходит вплоть до готского языка. А может
быть, действительно, это известный источник культурно-
го влияния, шедшего из Передней Азии? Это насущный воп-
рос, который яфетидология в этой стадии, чтобы с нею мож-
но было считаться, должна была бы разрешить. Она его не
разрешила и не разрешает. И поэтому в родство баскско-
го с грузинским остается верить, как в догмат, потому
что нет сравнительных грамматик южнокавказских языков,
т.е. того, что можно было бы сделать. Правда, курс срав-
нительной грамматики читается (Марр читает эти курсы,
но они не печатаются). Очевидно, тут что-то неблагопо-
лучно. Или метод, которым Марр шел раньше, настолько ра-
зительно расходится с его теперешним методом, что он
уже не может пользоваться им по-прежнему, или тут ка-
кое-то другое затруднение. Вообще, сравнительная грам-
матика у Марра не то отрицаема, не то нет. Но, во вся-
ком случае, сравнительная грамматика была использова-
на в сопоставлениях, которые прилагаются к сравнитель-
ной грамматике южнокавказских языков на основе звуковых
законов. Значит, сам Марр вовсе не отвергает сопостав-
ления на основе звуковых сходств. Значит, все это не от-
рицается, но только ввиду несостоятельности прячется в
кармане, ибо боится света. В конечном счете, вся яфети-
дология построена на этимологиях, которые построены на
звуковых сходствах. Сам Марр постоянно говорит: я ниче-
го не выдумываю, я утверждаю лишь то, что подсказывает
языковой материал. А языковой материал какой? Языковой
материал, имеющий две стороны — звуковую и семантиче-
скую. Но как критиковать этимологию Марра? Критика ос-
30 новывается на теории вероятностей; если число || призна-
ков мало, то возможна случайность. Для убедительности
нужны совпадения на основе звуковых соответствий, кото-
рые устанавливаются не в одном, а в целом ряде примеров.
И притом, не только, конечно, в звуковой стороне, но и
в значении, и в употреблении, и в разных деталях, во
внутренней форме, в словопроизводстве, в этимологиче-
ских свойствах внутри языка и т.д. А совпадения в чем-
нибудь только в одном, например в звуковых чертах, ни-
чего не показывают. Там будут такие совпадения, которые,
казалось бы, идеальны, например, рус. *обитать* и франц.
habiter. Для Марра было бы идеальным, если бы слово *habi-
ter* было в японском языке, в грузинском, так как слова
31 *обитать* и *habiter* по звуковому звучанию вполне совпадают.
|| А с точки зрения Марра этого достаточно. Почему? По-
тому что Марр вовсе не нуждается в том, чтобы искать
подтверждение этих соответствий в других языках < ...>.
Ему достаточно свести к четырем элементам. Он берет, на-

пример, **porgan*, и из этого выходят чув. *pogaņe/pugaņe* <'кукла, идол'> и рус. *погань* и *поганый* и рус. *бог*. Элемент *an* здесь отбрасывается или прибавляется по собственному желанию[56]. Что же здесь произошло с Марром? Он, видимо, не знал, да и не хотел знать, что это слово, связанное с "куклой", языческим "идолом", происходит из латинского слова *pāganus* <'сельский житель, 'язычник'> и что, следовательно, сначала нужно было иметь дело именно с этим латинским словом. Но он этого не знал, а потому, когда ему сказали, что по-латыни это так и что латынь дала отражение этого слова в эстонском *pagan* 'дьявол'[57] (что совершенно понятно и можно доказать на памятниках эволюцию значения этого *pāganus*, перешедшее на следующей ступени в русское *погань* и в чувашское слово *pogane* и, наконец, в эстонское слово со значением 'дьявол', все это отлично можно доказать). После этого Марр ставит вопрос, а доказано ли, что латинское слово является источником русского и чувашского, что они в родстве. Это возможно, говорит он, но разве можно верить, что из этого латинского слова произошло и русское слово *поганый* и чувашское *pogaņe* и т.д. А вот это уже доказывает не вторичное нежелание знать, а нечто другое — незнание самого метода, которым можно доказать, что это не есть искони русское по своему генезису слово. Почему? Потому что мы, во-первых, имеем здесь искони звук γ, а не *г*. Может быть, индоевропейское соответствие латинского с русским языком фонетически другое, чем соответствие в заимствованных словах? В таком случае мы будем иметь соответствие *г* и γ такое, как *gener[еа]* 'зять' и греч. γένος 'род'. Вот здесь мы бы имели не *о*, а *а*, соответственное латинскому *ā* долгому и т.д. Следовательно, сам метод, который считается доказанным индоевропейской этимологией, || неиз- 32
вестен Марру. Я не говорю уже, что это противоречит истории. Иными словами, это может быть доказано не только лингвистическим компаративным методом, а на основании памятников, потому что языческое слово *погань* проникает прямым путем в чисто христианскую по своей истории <среду> и распространяется вместе с христианством. Самого метода, который доказывает справедливость этимологии, Марр не знает, когда говорит, что неизвестно, откуда это слово.

Сопоставляя марровские приемы, я должен сказать, что самое ужасное — это произвольное деление слова, дели где хочешь, вопреки морфологии современной и морфологии древней и что очень удобно, так как позволяет объяснять буквально все из всего. Дайте ему любой элемент, любую группу, совокупность элементов, и он сейчас же начнет это объяснять. Я вам приведу такой пример. Греч. ἄριστος <'наилучший'> с точки зрения истории греческого языка вполне необходимо разделить на αρ- и -ιστος. Что такое αρ-, это другое дело. Есть много слов в греческом, которые можно было бы связать с αρ-, например, ἀρετη 'добродетель', и очень соблазнительно сопоставлять его с

Arya, с именем арийцев. Но когда говорят, что α — это фонетическая приставка, а дальше идет -ρισ-, то встает вопрос, для чего это нужно, для чего нужно такое выделение. Вы догадываетесь, для чего? Для того же, для чего нужно было *к* отбросить в слове *крестьянин*, когда в *крестьянин* нужно было найти "этруска". Марр хочет здесь тоже найти "этруска". Марр хочет иметь своего "этруска". *[Голос с места*: — Но семантика?*]* Никакой семантики в этом племенном названии нет. Это последнее слово яфетической теории. Здесь слово *ruш* || *riш* (resp. *rгв*), никакой семантики в племенных названиях нет, нет этого. Об этом говорится в книге — "По этапам..."[58]. Деление здесь совершенно произвольное. Дело в том, что это деление возможно, но только оно неубедительно. Шансы на то, что оно соответствует истине, гораздо меньшие, чем те шансы, которые позволяют верить в деление αρ + ιστος. При желании сюда можно привлечь теорию вероятности и перевести это на конкретные цифры. ||

33 Теперь перехожу к знаменитому пучку значений, который очень соблазнителен, но который, в сущности, ничего нового не представляет: в любой книге по семантике, в любой книге по приматным языкам вы эти пучки найдете. Но ведь основываются-то этимологии без совпадения значений. При этом совпадения это то, что probatum est[59] в данном случае. Тут самое глубокое противоречие. С одной стороны,
34 нам говорят, что надо отправляться не от формы, а от содержания. || А пучки значений "рука — вода — женщина" и прочие основываются исключительно на сомнительных совпадениях в форме. Ибо, не будь этих совпадений в форме, Марр никогда бы не сопоставлял бы слово *женщина* и *вода*. Ведь всякое совпадение — прочтёте у Марра, — основано на том, что в таком-то языке, допустим, в шумерском, совпадают такие-то пучки значений. В этом есть противоречие. Наилучшее возражение против этого — сравнения с фактами живого, современного языка. Возьмем такие французские слова <...> *[Е.Д.Поливанов пишет на доске пять слов]*. Если бы не было истории орфографии — а для счастья Марра и для нашего несчастья в кавказских языках ее не бывает, — то Марр нам насчет этих слов такие новости рассказал бы по поводу французского языка, какие он рассказывает относительно шумерского.

Действительно, плюсом яфетидологии, даже в нынешнем ее состоянии, является одна неотъемлемая черта: связь с материальной культурой. Это единственная сильная сторона яфетической теории. Да, но много ли ее? И затем, всегда ли можно употреблять те нити от фактов материальной культуры к языку, которые здесь нужны? Ведь изображение "женщины" и "воды" рядом может быть истолковано на тысячу ладов. Что тут можно предполагать? Но не нужно вовсе думать, что это новость. Товарищи! Еще до первой революции, еще в 1904 г. Мерингер и Шухардт выступили с <...>[60]. И Марр здесь ломится в открытые двери. Сказать, что яфетидология впервые устанавливает связь с матери-

альной культурой, — это значит, очень многого не знать, не знать — "Reallexikon"[61], не знать индоевропейских древностей. Так что в этом отношении, в отношении действительно приемлемого теоретического пункта Марр опять-таки не является новатором.

Мне остается в заключение свести то, что я до сих пор сказал, с тем, с чего я начал: или не ново, или не убедительно.

Первая часть моего доклада получилась совсем не в том
порядке, в каком я хотел ее сделать, и виноват в этом не 35
столько я, || сколько неодушевленный предмет — доска. Мне пришлось говорить не о том, о чем я хотел говорить вначале, и в связи с этим многое пропустить. Я позволю себе попросить сделать перерыв.

[Перерыв]

Теперь — несколько добавлений, которые я сделаю сейчас в связи с наличием доски. Должен еще раз извиниться, что мой доклад совершенно скомкан и перегруппирован, что нарушило цельность.

Я утверждаю, что в книжке "Чуваши-яфетиды на Волге" нет приемлемых соответствий, а между тем все утверждения связаны генетически между чувашским и яфетическими языками, в частности грузинским, потому что здесь грузинский язык основывается на четырех примерах[62]. Уже одного этого числа — четыре — прежде всего мало. Правда, есть вещи, где Марр еще больше перещеголял себя в этом пренебрежении к доказательствам того, что он утверждает. Когда он сравнивает с яфетическими, например, малайские и австралийские языки, он берет три примера, из которых один просто не годится ввиду своей неприемлемости. Там один только звук даже, с точки зрения яфетидологии, является доказательным. Но тут четыре примера. Вот, дескать, совпадает грузинское слово с чувашским, и на этом строится теория, что чуваши — яфетиды, и в Чебоксарах бедным чувашам преподносится как истина, что они — яфетиды, причем делается это на четырех примерах. Но если бы это были примеры, которые доказывали бы, что они яфетиды! Нет, каждый из примеров доказывает обратное тому, что хочет доказать Марр, т.е. каждый из этих примеров доказывает, что он не годится для цели сближения чувашского языка с грузинским, и вот почему. Потому что основаны эти примеры просто на звуковых совпадениях современных чувашских форм с формами в грузинском языке. Есть *tı-* в чувашском и *ṫı-* в грузинском языке *[*см. пример 2.— *Л.К.]*, но морфологически здесь, конечно, характеристика совершенно иная, спряжение совершенно иное. Однако Марру это не важно, ему важно только, что они совпадают в этих двух звуках. Но можно сказать заведомо, что это со-
впадение случайное. Почему? Да потому, что *tı* восходит 36
|| к *e*. Ведь во всех турецких языках *e* переходит в *dʒ*. Совершенно закономерный переход в *dʒ*, затем в *dz*, который оглушается, потому что в чувашском языке не допускается

начальный звонкий звук. Это обычный процесс перехода аффрикаты к спиранту — физиологически вполне нормальный закон. Тут можно говорить о том, что раньше произошло — оглушение или утрата первого элемента. Только это может быть спорным, но даже тут можно иметь определенное мнение. Словом, совершенно ясна фонетическая история. Значит, сравнивать груз. *ш-* и чув. *ṣı-* [см. пример 3.— *Л.К.*], которые случайно совпадают, это то же, что сравнивать *habiter* с *обитать*. Это то же, что сопоставлять рус. *лето* и франц. *l'été*.

[Е.Д.Поливанов пишет на доске другой пример и показывает его абсурдность]. < ...>[63] || Я еще раз воспользуюсь доской, для того чтобы привести пример, доказывающий, как Марр не умел строить сравнительную фонетику даже тогда, когда для этого были данные, т.е. в пределах южнокавказских языков. Это не грубая ошибка, так сказать, потому что южнокавказская сравнительная грамматика ничем не отличается принципиально от сравнительной грамматики, в частности сравнительной фонетики других родственных семей. Но на этом примере для лингвиста сразу видно, что человек взял его, ничего в сути эволюции не понимающий. Ошибка, повторяю, не грубая, но она сразу показывает, что это — человек, механизма эволюции не чувствующий. Делается такое сопоставление *[Е.Д.Поливанов пишет пример на доске]*: по фонетической транскрипции [q̓] — глубокозаднеязычный с гортанным приступом (coup de glotte), в чанском просто гортанный взрыв [ʔ], в других дается соответственно "йот" [j], т.е. у Марра это буква *y*. Это дается как соответствие, и на этом оно строится, между прочим. Это соответствие у него введено в состав мнимых закономерных соответствий: "йот" соответствует спиранту [h] и т.д. Между тем, мы находим, что глубокозаднеязычный [k̓] дает "хамзу" [ʔ]. В сирийском говоре это обычное явление, но "йот" в начале слова не получается, например, в каком-нибудь ‹чанском› *k̓ona* 'пашня' это тоже гортанный звук, а вначале просто *ʔona*[64]. Но Марр пишет "йот" ‹**yona*›. Как это может понять лингвист? Лингвист может понять только так, что некогда было слово, имеющее в начале "йот", а потом ʔ, из которого произошло *ʔona*. || У Марра этого не видно. Мы этого не имеем в чанском языке < ...>

[Далее докладчик приводит на доске примеры]. Итак, то, что было "йот", это просто "йот" для устранения зияния. Это совершенно ясно. Это явление повторяется в целом ряде языков. Например, в японском *bai̯yaku* <'готовое лекарство'> — это два звука, которые типично повторяются в истории ряда языков. Это можно доказать в некоторой степени и на других языках. Такое слово, как *baiyaku*, здесь берется, как спонтанное соответствие <... > Классификация Марра от этого, как видите, не рушится. Но для лингвиста видно, что хода эволюции Марр вовсе не выявил.

Сейчас я позволю себе маленький экскурс относительно моих будущих оппонентов. Мне будут возражать, я знаю, лингвисты-иннарвосовцы, аспиранты-лингвисты Иннарвоса[65].

Почему? Потому что они прежде всего привыкли выступать на всех докладах. Это вошло в привычку. Но, вот, если говорить откровенно, то скажу, что у аспирантов Иннарвоса есть манера говорить и тогда, когда они не знают предмета. [*Голос с места*: — Бывают профессора, как вы, например, которые говорят, не зная предмета]. [*Шум в зале.*] В таком случае я эту тему бросаю и перехожу от моих будущих оппонентов к теме менее животрепещущей. [*Смех в зале*].

В качестве образца, где сгущены наиболее ощутимые для нас, как для представителей русского языка, ошибки, где стремление свести всё и вся к четырем сходным комплексам, доходит до апогея, я прочту просто без комментариев, один отрывок из книги — "Чуваши-яфетиды на Вол- 39
ге": || <"С эканием, иногда разделяемым из кавказских яфетических языков с грузинским, выступают в русском такие коренные слова, как разъясненные уже яфетидологически: [*Далее Е.Д.Поливанов пишет на доске примеры*] *ръ-ка, рѣ-ка* вм. *реч-ка, рѣчь* вм. *реч-ь, лѣс* (*лѣшій*)"[66]. Здесь ѣ было вместо *е*. Это этрусские слова [по Марру].

Дальше [по списку Марра] — *пере-д, пер-в-ый, пѣ-на* из *per-[na]* (мы нигде не видим указания на то, что *пѣ-на* из *per-na*[67]. Но вот, когда-то было *пер-*, значит *per-na*), *бѣ-г* из *ber-g, Бе-же-цк* из *Ber-je'n'-ek*·, *смер-ть, смер-дь, смер-ди, су-мер-ки, смѣ-л-ый* из *smer-, мѣ-ся-ц* из **mer-sen-ϑ*. Это всё шумерские или иберские [по Марру] слова. Наконец, *сел-о, сер+ +е-бро* из **ger+e-bor, цѣ-лы-й* вм. *цел-ый* или **ϑer-лый, чел-о, дер+ +г-ать, дер+ж-ать* и т.д. — это салские слова[68]. Здесь для слависта уже достаточно противоречий, совершенно ясных по памятникам истории языка.

"С эканием преобладающий слой по унаследованности от доисторических насельников края представляют элементы с оканием (*о → и*), не менее коренные русские, как-то также разъясненные в своем яфетическом происхождении племенные слова..."[69]. Элементы с оканьем — *конь, гони/гнать, тонуть, Дон*. Иначе говоря, к одному комплексу YON восходят у Марра все эти слова. Значит, из первого звука [γ] можно произвести и *конь*, и *Дон*, и *гони*, и *тонуть*. Но по какой причине? Потому что в этих словах существует комплекс *-он-*. [Это были так называемые по четырем элементам ионские слова].

Наконец, этрусский, самый большой, список: "*ро-к, ро-г, рожь, род, рос-т, лоша-дь, рос//рус* (*Русь, русский, Руса*), *рус-ал-ка, рус-ло, руч-ей, ру-ка, луч, лу-на*"[70]. Далее "*бор* 'лес', *мор, мор-да, бур-я* (*бушевать*), *мура-вей, Мур-ом*" — это шумерские или иберские. Салские слова — "*гор+ь-кий зол+о-то* (*skolot*), *сол-н-це // сол-ны-ко*">[71]. Думаю, что для слависта никаких комментариев не потребуется.

Теперь я позволю себе сказать для объяснения того, как может человек дойти до таких противоречий с лингвистикой! Как может академик не то, что не хотеть знать, а не знать таких вещей, например, как определение аффрикаты, а то, что он не знал, что такое аффриката, или

не знал, каковы кавказские (грузинские) звуки, т.е. не
умел фонетически разобраться, называя звуки типа ɣ, q̣
аспиратами, — это доказывает его попытка потом испра-
вить сделанное внесением маленького корректива! В послед-
нем издании бакинских лекций[72] внесено понятие "преры-
вистых", но к прерывистым относятся *k*, *g* наравне с "хам-
40 зой", которая была раньше аспиратой, — теперь в числе
аспират есть прерывистые. Но тут новая || ошибка, и пре-
рывистое < ...> попало в <разряд> ɣ и *q*, так что здесь
мы видим несогласованность с чем? Не с тем уже, что ус-
танавливается праязык, а с тем, что делается в нашем
голосовом и ротовом аппарате. А ведь это каждый доктор
может видеть при помощи рентгеновских лучей, если нуж-
но. Эти связи относятся уже к области совершенно доступ-
ных статистических знаний. Тут нельзя уже ссылаться на
то, что это буржуазные ученые устанавливают аспираты.
Нет, аспираты установлены совершенно одинаково на мате-
риальной основе, на способе образования звуков самим на-
шим механизмом, органом речи.

Так вот, я говорил, что делать этот доклад грустно,
тяжело, что это неприятная вещь. Приходится утверждать,
например, что Марр не имеет лингвистического образова-
ния. Дело в том, что практическое изучение языков — это
одно, а наука об эволюции языка — нечто совершенно дру-
гое. Можно быть изумительным полиглотом, но не знать ни
аза ни по общему языкознанию, ни по истории какого-либо
языка. Академическая степень дана Марру, конечно, не за
знание лингвистических методов, а, прежде всего, за фи-
лологического рода работы.

Можно привести некоторое подтверждение того, что Марр
действительно не знает тех дисциплин, от которых он от-
махивается. Академик, сверстник Марра, сказал мне про
него следующее: "Мы все, филологи-восточники, изучали в
наши университетские годы сравнительную грамматику, а
Марр ею не занимался" [*Председательствовавший акад. В.М.Фриче*: —
Фамилия академика?]. Это — Ф.И.Щербатской. Один из ака-
демиков внес предложение в Академию наук прекратить пор-
чу бумаги, т.е. издание марровских статей в Известиях и
Докладах Академии [*Председатель*: — Кто это?]. [*Голос с места*: —
Это достаточно скомпроментированный академик]. К сожале-
нию, это академик не нынешнего выбора, но важно не то.
Важен ответ, который был дан непременным секретарем Ака-
демии[73]: "Как мы можем это сделать? Это ведь убьет Нико-
лая Яковлевича". Ответ, как хотите, чисто кадетский. [*Го-
лос с места*: — Совершенно ни к чему такие вещи здесь гово-
рить].

Яфетическая концепция и связанная с нею яфетическая
терминология настолько наивны и в них столько путаницы,
что это обнаруживает отсутствие фонетической выучки у
41 автора. В результате, у Марра имеются только те сведе-
ния, которые могли дать работы над || описательным изу-
чением языков. Знакомство же с учениями своих противни-
ков только поверхностное. Иначе Марр и не писал бы то-

го, что он пишет теперь и под чем не может подписаться ни один из имеющих теоретическую подготовку лингвистов.

Теперь скажу, почему не полемизируют с Марром. Полемики можно было бы ожидать от лингвистов, примыкают же к Марру, наоборот, именно представители других специальностей, поскольку марксистские выводы для них соблазнительны и поскольку они не в силах проверить их лингвистического фундамента. А соблазнительные выводы иногда проблематичны. Например, этот выпад, что это буржуазная наука[74]. Я пытался показать, что это не так, на что получил выкрик со стороны тех, кто не в состоянии — я утверждаю это — проверить лингвистического фундамента самой теории.

Но нельзя сказать, чтобы лингвисты в целом не высказали своего отношения к яфетидологии. На Западе высказали: проходить с молчанием мимо яфетической теории — это уже принятый прием. Здесь наблюдается полное едино- [42]
гласие[75].| Только есть опасение, лишь внешне правильное, что этот вывод относительно яфетической теории может быть присвоен и описательным работам Марра и может быть приложен к Марру в целом. И это будет совершенно напрасно. Но почему же у нас не высказываются?

Нужно сказать, что работающие по многим языкам лингвисты сравнительно очень редки. Нужно сказать, что славист, который читает Марра и набредет, например, на цитированную мною группу русских словообразований из этих элементов, скажет, что совершенно ясно — человек просто не знал ничего по истории славянских языков, а вот, что касается шумерского или китайского, то там, может быть, Марр и прав. У нас имеются шумеристы, у нас имеется талантливый шумерист, я берусь это утверждать, блестящий знаток шумерского языка[76], который утверждает, что в шумерской области то, что говорит Марр, это сплошной ужас, что все факты объяснены неверно, и что слова, которые называются шумерскими, не существуют в шумерском языке, их нет и не бывало. Ну, а вот насчет славянских — неизвестно, может быть, это и верно. Между прочим, я бы не сказал, что это твердая почва, но это та трясина, на которой можно балансировать, и на этой трясине Марр, собственно, и держится в представлении масс.

Я позволю себе все-таки сказать, что нехорошо делают те, которые смеются над Марром, издеваясь над его готовностью объяснять каждое слово из своего праязыка SAL-BER-YON-ROШ. Я против того, что бы японист подходил к Марру и просил объяснить слово *pan*, что по-японски значит 'хлеб'. Каждому японисту известно, что это романское слово, происходящее от латинского *pānis* и через португальское слово *pão* попавшее в Японию. И вот, когда японист просит объяснить слово *pan*, то Марр с искренностью энтузиаста берет и объясняет его, как берское с прибавлением иберийского или еще какого-нибудь элемента, — словом, по-своему. Конечно, так издеваться над энтузиастом, даже энтузиастом, дошедшим до того, до чего дошел

[43] и великий Бопп, нельзя. Но язык, как говорится, есть выразитель самой сущности человека. || До известной степени это может быть применимо к научным произведениям, а тем более к псевдонаучным. Я не буду делать выводов по аналогии. Я предложу вашему вниманию только одну фразу. Я называю ее фразой, потому что в ней нет ни одной точки, и если посчитать строчки, то там будет без трех строчек страница. Я вам эту фразу прочту, а вы сделайте выводы, какие можете, относительно соответствия языка с темнотой и запутанностью содержания: [*Е.Д.Поливанов зачитывает цитату*: "Глубже на Восток..."][77]. И кончается эта фраза вопросительным знаком. Я тут не делаю комментариев.

Остается только сказать — как может думать человек, ценящий Марра именно за то, что в его работах находит утверждения, которые связаны с фактами и положениями, ценимыми им в марксизме?! Если, например, автор какого-нибудь исторического сочинения, допустим, автор сочинений на тему о Малой Азии и Константинополе, о турецком населении в Малой Азии, о турках в Константинополе стал бы объяснять эти явления и эти факты, скажем, марксистским подходом, с помощью марксистского метода, но не зная того факта, что Константинополь был взят турками в 1453 г. и стал бы отыскивать в турках исконное население Константинополя и Малой Азии, чтó должен был бы сказать историк по его адресу? [*С места*: —Ничего подобного Марр не говорит. Марр говорит о средиземноморской культуре]. Вы меня не поняли. Я беру это только как пример того, что можно, не зная исторического факта, пытаться объяснить его.

Я должен сказать все-таки, как, по моему мнению, нужно было бы поступить с тем, кто хочет разобраться в том, чтó представляет собой яфетическая теория. Нужно, по-моему, на год забыть употреблять общие фразы и заняться каким-нибудь языком, серьезно прочитать литературу по истории этого языка, а затем самое главное — проделать полевую работу не только в статическом[78], но и в динамическом аспекте для того, чтобы изучить пульс эволюции
44 языка так, как шофер изучает путь движения, биение мотора своей машины. || И вот когда многие вещи станут ясными, тогда, я уверен, человек этот может сохранить лозунг марриста, имя и звание марриста и эти марристские A, B, C, D[79], но думаю, что отойдут лучшие из учеников Марра, особенно представители национальных меньшинств, они это сделают. Они уже начинают сомневаться в фактах, и эти A, B, C, D марризма отойдут на положение "бога-отца", т.е. в почетное, но бездеятельное положение. Человек станет лингвистом, знающим лингвистом, если по этому пути пойдет, но пускай он будет уверен, что он пришел к этому от Марра и под знаменем Марра. Я буду это только приветствовать, но этот путь неизбежен! И вот тогда только я буду ценить мнение тех, кто будет говорить, кто будет мне возражать.

Например, в "Новом Востоке" появились три статьи по адресу Марра, и эти статьи написали – доктор, историк и затем организатор журнала[80]. Лингвистов тут не было. Я скажу: для того, чтобы делать выводы, нужно было знакомиться <с лингвистикой> не по Марру и не так, как это сделал т.Аптекарь, когда он готовился к своему докладу, который я имел возможность слушать в прошлом году. Я бы сказал – да это я слышал и от других лингвистов, которые присутствовали на докладе, – что если бы к критике таких лингвистов, как, допустим, Мейе, Бругман и другие индоевропеисты, по-вашему, – вы приступили с багажом Аптекаря[81] того времени, <то это выглядело бы> так же, как приступил бы к критике диссертации по химии человек, не знающий химических формул. Это все-таки вы должны учитывать и тогда, когда будете мне возражать. Я скажу, что решительное слово в защиту Марра я бы принял во внимание только, если оно будет исходить от лингвистов. Правда, мне скажут так: есть лингвисты, которые и так, и эдак, сегодня она[82] говорит... *[Голоса с мест:* – Кто она?*]* Сегодня эта публика говорит, что яфетическая теория повторяет то, что давным-давно сказано, и не вносит ничего нового, завтра эта публика говорит с Марром. Это определенная часть колеблющихся. Но эти колебания <льют воду> на чью мельницу? Конечно, на мельницу противников Марра, защитников лингвистики. Почему? Потому, что не было бы никаких поводов для колебаний, если бы было искреннее убеждение в правоте Марра, – Марра, как представителя науки, || а не как представителя покровительст- 45
вуемого учения.

В.М.ФРИЧЕ: – Я получил записку, в которой спрашивается, когда докладчик приступит к изложению положений марксистской лингвистики. Мы еще этого не слышали.

Е.Д.ПОЛИВАНОВ: – Я готов был бы и сейчас это сделать, но только я предоставляю вашему выбору. Я предлагаю согласиться с моим первоначальным пожеланием, изложенным в письменной форме на имя правления о том, чтобы мне было предоставлено слово для доклада ревизионного характера, во-первых, и затем слово для доклада на одну конкретную тему из области тем, относящихся к проблеме марксистской лингвистики. Почему на конкретную тему? Вот почему. Потому что скоро выйдет моя статья "Круг проблем современного языкознания, долженствующим быть марксистским"[83]. Я говорю о современном языкознании, именно *д о л ж е н с т в у ю щ и м [*разрядка наша – *Л.К.]* быть марксистским. И вот почему общий очерк в популярной форме мне сейчас, пожалуй, излишне было бы делать, ввиду того, что его скоро можно будет прочитать в печати. Но по отдельным конкретным вопросам методологии марксистской лингвистики я с большим удовольствием сделал бы доклад.

В.М.ФРИЧЕ: – В ваших тезисах имеется три тезиса, посвященных этой проблеме построения марксистской лингвистики[84]. Аудитория имела право ждать этого, но, конечно, мы можем не настаивать на том, чтобы вы сегодня изложили.

Е.Д.ПОЛИВАНОВ: — Я бы просил сказать, можно ли мне обещать еще раз выслушать меня здесь с тем, чтобы я остановился уже исключительно на развитии этой части тезисов. Это было бы для меня, конечно, еще более желательно, чем говорить сегодня.

В.М.ФРИЧЕ: — Вопрос ясен. Поливанов сегодня не предполагает делать этого сообщения.

Ф.ДЕВЛЕТКИЛЬДЕЕВА[85]: — Нет, не ясен. Он так критиковал яфетическую теорию. Пусть он скажет нам, как же он сам мыслит. Теперь, когда мы желаем быть марксистами и работать над марксистской методологией, мы должны выслушать, как он думает. Он все критиковал, по всем пунктам. Если он без всякой методологии подходит к критике — это одно дело, а если он считает себя марксистом, это другое дело. Он должен несколько слов сказать, чтобы мы
46 имели возможность лучше подготовиться || по этому вопросу.

Е.Д.ПОЛИВАНОВ: — Несколько слов сказано об этом в моих тезисах. По правде сказать, объективные условия, именно — позднее время, заставляют меня опасаться, что многого к тому, что я сказал в тезисах, я сегодня вряд ли успею прибавить. [*Голоса из зала*: — Тезисы не все читали, перенести доклад]. Это было бы моим искренним желанием. Тут меня спрашивают в записке, где напечатана статья в популярной форме, охватывающая все эти вопросы. Есть журнал "Родной язык и литература в советской трудовой школе"[86]. Она еще не напечатана, но скоро будет напечатана.

В.М.ФРИЧЕ: — Переносить доклад на следующее заседание нецелесообразно. У нас записалось 23 оратора и нам пришлось бы занять еще два заседания. [*Голос из зала*: — Вопрос крайне важный, тут впервые выступают с критикой Марра, тогда как обычно его защищают. Хорошо, если бы оратор имел в своем распоряжении то время, которое ему тре-
47 буется. Он и так скомкал критическую часть доклада]. ||

В.Б.АПТЕКАРЬ: — Товарищи, всякий доклад должен считаться с реальными возможностями. Я не сомневаюсь в том, что для того, чтобы дать более обстоятельную критику яфетической теории, конечно, потребуется и больше времени и больше подготовки. Но проф. Поливанов получил столько минут для своего доклада, сколько у нас не получал никто, не исключая того же самого Н.Я.Марра. Проф. Поливанов говорит уже три часа. Я считаю, что времени у него было вполне достаточно и если он ничего не говорил о марксистской лингвистике, то я думаю, что он сознательно об этом не говорил. Ничего другого быть не может, потому что тезисы им были даны и в тезисах эта часть является одной из основных. Наоборот, из характера тезисов следует, что проф. Поливанов по существу повторял в них то же самое, что и сегодня в докладе, а именно: материал, на котором основывается яфетическая теория, или фальсифицированный, или немарксистский. Так что и в тезисах и в первой части доклада было доказано, что ни один из материалов не приводит Марра к правиль-

ным выводам. Доклад проф. Поливанова называется "Проблема марксистского языкознания и яфетическая теория", но тем не менее мы здесь не слыхали основных методологических положений.

Что же касается того, чтобы предоставить проф. Поливанову еще один раз здесь выступить, то я считаю, что надо исходить из рамок времени. У нас уже имеется 23 оратора, желающих высказаться по данному докладу, но учитывая чрезвычайную активность аудитории, можно предполагать, что найдутся еще свыше 23-х, которые пожелают высказаться[67]. Таким образом, мы должны будем уделить обсуждению этого доклада два вечера. Если же предоставить проф. Поливанову еще раз слово, то это будет означать четыре заседания, посвященные этому вопросу, а это значит превратить и направить всю работу нашей подсекции на текущий квартал исключительно на обсуждение положений проф. Поливанова. Кроме того, я должен сказать, что как для меня, так и для большинства здесь присутствующих, вероятно, ничего нового не было тут сказано.
Даже отдельные цитаты этого доклада — они все были в 48
свое время в целом ряде учреждений подвергнуты || критике, так что я считаю, что тратить еще одно заседание, потратить всего четыре заседания, т.е. почти два месяца на обсуждение этого доклада было бы, конечно, нецелесообразно. Я считаю, что окончательное решение по этому вопросу должны иметь члены подсекции, а не гости, таков обычно порядок.

В.М.ФРИЧЕ: — Мы могли бы предоставить докладчику еще полчаса для изложения второй части доклада. [*Голоса*: — Просим, просим].

Тогда слово предоставляется проф. Поливанову.

Е.Д.ПОЛИВАНОВ: Я не буду останавливаться на методологии отдельных вопросов, а постараюсь изложить то, что нужно было бы с моей точки зрения делать лингвистам для того, чтобы их лингвистика могла быть марксистской лингвистикой[68]. Я употребляю термин "марксистская лингвистика" вместо — "материалистическая", потому что материалистическая может быть вполне применима и к неограмматике, и к ней может быть применен метод материализма. Мы имеем в виду исторический материализм, или диалектический. Если мы будем говорить о материализме, как противоположности идеализма, то, конечно, со времен <Шлейхера>[69] лингвистику можно считать уже материалистической. Вот почему я буду употреблять вполне точно отвечающее понятию наименование — "марксистская лингвистика", не способное никого вводить в заблуждение, потому что точно так же представитель какой-нибудь экспериментальной фонетики <будет утверждать>, что его лингвистика такая же, как и у нас.

Исходить из вопросов о праязыке в смысле первичного языка, как делает Марр, это, по-моему, методологическая ошибка и вот почему.

Вопросом о происхождении языка сейчас, когда перед нами встает ряд проблем, заниматься не стоит, не нужно, во-первых, потому, что всегда следует идти от известного к неизвестному, а не наоборот, и, во-вторых, потому, что, приступая к вопросу о происхождении языка, лингвист перестает быть лингвистом. В каком смысле? В том смысле, что точный метод, отличающий лингвистику от истории искусств, точный метод, ставящий ее в ряд естественно-исторических дисциплин, здесь не приложим. Здесь лингвист
[49а] становится, в сущности, этнологом. Вернее говоря, это такой вопрос, || где методы лингвистические неприложимы. И неприложимы вот почему. Потому что нет материала лингвистического, нет материала, а мы привыкли работать на материале, наш метод приноровлен именно для материала. Позвольте, может быть, когда-нибудь мы доищемся до первого дня существования языка одного из многих языков, в одном территориальном пункте (правда, тут нужно говорить не о территориальном пункте, потому что племя могло кочевать, но об одной из этнических линий). Тогда-то и можно будет говорить о происхождении языка, привлекая сюда метод, проверенный метод, точный метод, который делает лингвистику естественно-исторической наукой. Пока этого нет.

Дальше я буду говорить о том, что, к сожалению, до сих пор лингвистика была только естественно-исторической наукой, а не социальной наукой. В этом суть дела. Вот тут-то и нужно работать. Но пока нам нужно работать над тем, что известно всем; иначе мы можем только гадать, как будет гадать и этнограф, но пожалуй, гораздо больше имеет прав здесь гадать и имеет больше шансов по-
50 пасть на верную линию зоопсихолог, а не лингвист. || А нам нужно брать конкретный материал из тех эпох и тех языков, которые нам дают полную уверенность в том, что историческое развитие нам хорошо и бесспорно известно. Вот <почему все эти примеры, даже в том случае, если они верны, плохая>[90] почва для приложения методологии тогда, когда есть гораздо <более> благоприятная почва, где нет возможности натолкнуться на скрытые подземные камни и сломать соху или плуг. Есть почвы фактов, исторически проверенных и безусловно верных. Я не скажу, однако, что непременно нужно заниматься тем языком, который нам близок, т.е. языком революции. Это другая проблема. Язык революции не важен сам по себе как материал, который всякий изучает, но чтобы брать его как непременный единственный материал для изучения — от этого я бы предостерег, и вот почему: здесь социологически очень сложная конъюнктура, очень сложная ситуация, и поэтому разобраться в причинах и связях труднее, чем на более примитивных в социологическом и экономическом отношениях почвах.

Чтобы не повторять того, что имеется в тезисах, я скажу только самое главное, что нужно сделать — <это сделать> из естественно[91]-исторической лингвистики социоло-

гическую. Факты добытые остаются фактами. Но нужно обратить внимание на третий элемент языка. Язык – и это говорили корифеи нашего языкознания предшествующего поколения, – есть явление физико-психическое и социальное. О различии между психическим и физическим я не буду говорить – это вполне ясно, в чем тут дело. Тут все-таки <какая-то действительно организованная материя, так что>[92] есть возможность отделять индивидуально-психологические факты от физических, но важно не то. Важны и факты коллективно-психологические, и вот на них и необходимо обратить внимание. Вот почему я, например, в определении языка даже стараюсь подчеркнуть этот социальный момент и начинаю не с того, что язык есть система и т.д., а начинаю так: "Язык есть тождество систем произносительно-слуховых символов существующих у n-ого числа индивидуумов, связанных со специфическими кооперативными потребностями, не способных обслуживаться другим языком, кроме данного, и поэтому этими кооперативными потребностями преопределенный на постоянное перекрестное общение"[93]. 51
|| Даже в определении языка я хочу подчеркнуть социальный момент словом "тождество". Я не скажу, чтобы у лучших наших лингвистов прошлого поколения замалчивалась[94] социальная сторона. Наоборот, многие жалели, что "не работаем над социальной стороной, а нужно было бы работать". А некоторые делали такую самоотверженную работу – накапливали всякий материал. Например, Шахматов накапливает материал, считая, авось, кто-нибудь другой после меня сведет его с языковыми фактами. Экономические факты, исторические факты, вернее, социально-экономическое бытие при описании берется в двух разрезах, приводится в статическом и генетическом разрезе, но нитей от самих экономических фактов к языковым фактам нет. Это, говорит, дело будущих поколений. Вот и нужно быть этим будущим поколением найти связи, взаимные причинные связи между языковыми явлениями и жизнью носителя данного языка. Тут мне скажут так, что непосредственная связь нужна. Надо сказать, что требовать непосредственного отражения каких-нибудь определенных экономических черт в виде определенных звуков языка, фонетики или определенных форм морфологических, – это приблизительно то же, что требовать, чтобы в момент революции все поршни паровозов стали работать не так, как работали при царизме, а по-другому. Конечно, непосредственных связей здесь нет, но опосредованные, через коллектив, они гораздо важнее оказываются по существу дела, чем та старая, естественно-историческая методология, которая ставила языковую эволюцию исключительно в зависимости от физических, физиологических и индивидуально-психологических факт[ор]ов, и поэтому, например, переход звука *т* в звук *д*, а не в *ч* – этот путь не может быть заменен путем *т*→*ч* в данных условиях, как не может быть движения поршня в другую сторону. Но более важный вопрос – вопрос: быть данной эволюции или не быть, или быть про-

тивоположному направлению эволюции? Вот этот вопрос
вполне зависит от экономических условий, определяющих,
во-первых, состав коллектива, во-вторых, частоту сноше-
ний, характеризующую потребности в сношениях, а, следо-
вательно, и потребности в словах для сношений и т.д. Тут
существенна связь с материальной культурой, которую Ме-
52 рингер и Шухардт[95] постулировали. Но более того, я бы ска-
зал, || не только с материальной культурой, а с экономи-
ческим бытием в целом, главным образом, с теми сношени-
ями между людьми, между различными коллективами, кото-
рые прежде всего и диктуют направление в ходе процессов
языка. Вот почему в моей работе (она уже набрана, послед-
нюю корректуру я держал), которая называется — "Факторы
фонетической эволюции языка в трудовом процессе (Часть 1.—
Обзор процессов, характерных для языкового развития в
эпохи натурального хозяйства)"[96] — я и устанавливаю, во-
первых, два основных направления языковой эволюции во-
обще, языкового развития в зависимости от двух принци-
пиально различных форм экономического бытия, и предлагаю
идти дальше, поскольку есть для этого материал. Напри-
мер, я устанавливаю, что рыболовство дает больше данных
для объединения нескольких коллективов в один коллектив,
чем охота. Экономист пускай объясняет — почему, мое де-
ло лингвиста совсем другое. Мое дело — установить вот
эту связь, а эту связь я устанавливаю на основании ана-
53 лиза древней истории японских говоров. || Рыбацкие районы
скорее объединяют ряд говоров, раньше бывших самостоя-
тельными, в одно целое, а охотничьи, т.е. те, которые
не могли заниматься земледелием и занимались в ту дале-
кую эпоху охотой и собиранием плодов, эти районы отста-
ют больше и идут по пути развития в форме диалектиче-
ского (=диалектного) дробления. Однако, я полагаю, что
насколько не выгодно начинать с эпохи происхождения
языка, с вопроса о происхождении языка, настолько вы-
годно для анализа механизма, фонетической в частности,
эволюции начинать с примитивных социологических и эко-
номических отношений, с ситуации языкового развития,
т.е. начинать с рассмотрения того случая эволюции, ко-
торый является типичным для эпохи натурального хозяйст-
ва и характеризуется диалектическим (=диалектным) дроб-
лением первоначально единой языковой системы на ряд
обособленных диалектов, на ряд отдельных языков. В свя-
зи с чем это происходит? В связи с разложением единого
коллектива на ряд новых — территориально и экономически
обособленных коллективов. Ну, например, не хватает рай-
она для охоты, часть <населения> уходит в другой более
удобный район, может быть, переселяется через реку. Но
это ясно, это для меня ясно. Это не входит в мою зада-
чу. Устанавливать эту проблему, устанавливать эти цели,
эти звенья — дело историка-экономиста. Мое дело — разъ-
яснить другие звенья уже не экономических фактов, как
таковых, а фактов уже готовых, языковых фактов, в виде
звеньев *p* - *b* через ряд промежуточных звеньев, опираясь

при этом на исторический материал. Материал этот, конечно, дан историей, причем историей не рас. Расового влияния мы здесь не находим. При любых обстоятельствах таких случаев, которые были бы несомненными, которые указывали бы на то, что в выборе направления эволюции влияют расы, нет, на них мы не наталкиваемся, а те случаи, которые по крайней мере, можно было бы притянуть за волосы, являются очень сомнительными. Они наталкиваются, наоборот, на другое, а именно: на различия между натуральным хозяйством и товарным хозяйством и на само направление языкового различия.

Переход к товарному хозяйству открывает возможность обратного по результатам процесса, который становится все более типичным по мере дальнейшего экономического 54
развития, т.е. возникает || возможность изучать то воздействие, которое создается в пределах нового расширенного коллектива, связанного специфическими кооперативными потребностями, уже новыми кооперативными потребностями, характерными для товарного хозяйства. Вот тут легко вспомнить это место у Сталина, где он говорит о том, что после революции языков стало больше[97]. Это место легко вспомнить по контрасту. Как это так — после революции языков стало больше? Но тут он имеет в виду как раз литературные языки. Это понятно и вполне приемлемо. Дальше он опять употребляет "язык" в смысле говора и, наоборот, констатирует, что по мере экономического роста у нас происходит объединение, утрата диалектов, утрата провинциальных диалектов, их смерть. Механизм фонетической эволюции во втором случае ("от единообразия к многообразию") действительно можно модифицировать <в зависимости> от объема материала, а именно — имеем ли мы несколько фонетических систем или одну? Но "пружина" этого фонетического механизма естественно-историческая. <В то же время> нельзя говорить, что она исчерпывается естественно-исторической. Естественно-исторической пружина остается и в том и в другом случае, т.е. *p* переходит в *b*, а не в *g*, Поэтому развития, характерные для эпох товарного хозяйства, следует ввиду их сложности изучать отдельно, но на основании того, что может быть выяснено в механизме фонетической эволюции для примитивных в экономическом отношении случаев. И вот почему я позволю себе в первой главе моей работы брать случаи, типичные для эпохи натурального хозяйства, но, конечно, только такие, материал о которых бесспорно известен и не поддается оспариванию.

Мне придется сказать еще только об одном, что я считаю наиболее важным. Прежде всего я считаю, что нужно изучать не я з ы к к а к т р у д о в у ю д е я т е л ь н о с т ь, но к а к я з ы к т р у д о в о й д е я т е л ь н о с т и (разрядка наша. — *Л.К.*) Об этом я не говорил, это само собой понятно, но именно как трудовую деятельность саму по себе. Почему мы имеем право это утверждать? Потому что таковым в сущности и является язык. Мы здесь различаем не

55 только одну трудовую деятельность, не только говорение,
но и || процесс выучки языка. И здесь мы можем сопоставлять язык, скажем, трудовой деятельности, имеющий, однако, определенное задание. Это не будет такая деятельность, что делай задание какое хочешь, делай избу какой хочешь формы, какого угодно объема, какой угодно высоты, нет, задача здесь точно определена: скопировать систему языка старшего поколения. Выучка языка, изучение данной трудовой деятельности ставится в ряд таких процессов, как письмо, сигнализация, радиотелеграфия и т.д. С этой точки зрения ее нужно изучить. Вот, по-моему, самое важное для объяснения языковой эволюции. Мы сейчас наблюдаем то же направление эволюции, хотя без всякой трудовой деятельности максимальный эффект, максимальный результат получается при минимуме затраты энергии. Правда, в языке это сказывается как будто бы не в такой красивой форме; может быть, "лень человеческая" есть главный фактор языкового прогресса. В конце концов экономия и обуславливает в то же время наиболее удачные результаты, это и есть то, что определяет направление языковых изменений, языковой эволюции. Всех связей, всех причин связи между явлениями экономического быта и языковыми явлениями, вернее — видами языковой эволюции я от-
56 нюдь не намерен a priori перечислять и вот почему.|| Потому что здесь могут вскрыться и неожиданные явления. <...> Апостериорный же путь проделан профессором Каринским[98]. Очень жаль, что мне в моем предисловии к книжке[99] не удалось упомянуть этого, как и многого другого, потому что это уже, конечно, не вина Марра. Лакей всегда хуже своего барина, и люди, которые, в сущности, смеются над Марром так, как я не советую смеяться, когда говорил про это, — они-то именно и очистили, между прочим, Марра немножко. От чего? От похвал тем лицам и тому направлению, которое, с их точки зрения, не понравится Марру. Но это не Марр, это лакей, которые хуже барина, при этом лакеи, я думаю, и неискренние.

Между прочим, < ...> проф. Каринский исходил от фактов, а не из предвзятой общей предпосылки. Он устанавливает на основании языковых явлений русских говоров, например, Тверской губернии зависимость языковой эволюции, зависимость крестьянских говоров от различных форм крепостного права, крепостного помещичьего землевладения. Но к этому нужно было прийти, прийти от материала, не провозглашая, что вот будем искать в говорах русских областей формы крепостного права. Нет, пускай сами факты нас приведут. И здесь, я уверен, формы выработки зависимости языковых явлений, вернее, эволюции языковых явлений от явлений экономических, быть может, нам и не удастся сейчас по пальцам все предугадать. Возможно, факты нам дадут что-нибудь и новое. Но вот в этом направлении нам нужно работать, т.е. взять материал и изучать язык в описательном направлении совершенно иначе, чем мы изучали до сих пор. Ведь, говоря, что язык — со-

циальное явление, его не изучали прежде в этой плоскости, т.е. не определяли даже такой элементарной характеристики, как, в скольких головах данный язык держится и как от этого зависит данная система. Даже этот социальный момент упускался. Я не говорю о таких вещах, как социальная диалектология, т.е. отражение классового дробления в языке. Наряду с территориальным говором, которому давным-давно отведено в лингвистике место || 57
как единице, которой мы оперируем (а дальше был индивидуальный говор, — и больше ничего), нужно, конечно, столько же внимания (а теперь преимущественное внимание) уделить другой единице — говору социальной группы. Я ввожу термин "социально-групповой диалект" вместо того, чтобы говорить "классовый диалект". Почему? Потому что вначале нужно общее понятие. Когда мы точно будем изучать факты, мы будем уверены, что данное слово является характерным для данного рабочего как представителя класса, а не как представителя данной профессии. Например, "язык каменщика" — вот тогда мы скажем: это признак социально-группового диалекта, являющегося классовым диалектом, а это признак другого социально-группового диалекта — только профессиональный. И тут профессиональные диалекты могут быть разгруппированы, конечно, иначе по своему заданию — <...> диалекты у них совершенно особенные, которые меняют направление в их структуре. Здесь приходится говорить не столько об эволюции, сколько о структуре, об образовании. Опять-таки, тут уже имеет значение не объем коллектива, а специфичность тех потребностей во взаимном общении, которые спаивает[101] данный коллектив. Коллектив воров, например, спаивается по "блату". Люди с другими целями, чем они, будут говорить, приехав в деревню, на своем родном, территориальном, диалекте. Итак, наше описательное языкознание не доходило до исторического. У нас еще многое нужно переделать по сравнению с естественно-исторической школой: в описательной плоскости уже есть что внести социологического. И вот дальше нужно идти, конечно, методом изучения генетического развития, но обращаться в данном случае не к фактам примитивным, во-первых, а, во-вторых, прежде всего к фактам бесспорным.

ИЗ СТЕНОГРАММЫ 18 февраля 1929 г.
ВЫСТУПЛЕНИЕ Е.Д.ПОЛИВАНОВА
(Из Архива АН СССР)

ПРОФ. Е.Д.ПОЛИВАНОВ: — Мне хотелось бы опять написать на 1
доске, но так как доски нет, мне придется повторить. Значит, я цитировал примеры несоответствия действительной истории звуков в китайском языке, сближения *šui̯* 'вода', *y* 'рыба', 'дождь'. Все дело основано на том, что по русской транскрипции, обозначая *i̯* через *й*, получается, будто бы в *šui̯* и *y* буква *й* имеется в конце. Я утверждал,

что там никакого такого звука в двух словах *ǯuį* и *y* нет. Так что отпадает то, на основании чего можно было бы сближать фонетически и как бы то ни было эти слова <...>. Это во-первых. Во-вторых, одно из этих *y* 'дождь' и в древнем языке состояло из одного звука[103]. Это доказывается тем, что в японском заимствовании оно *u*, а другое <"рыба"> восходит к комплексу *g'o*. Так что там носовые и заднеязычные *ŋ* и *g*! О существовании этих звуков <...> Марр не говорит. Ему для этого, ведь, не обязательно идти сравнительным методом. А для этого достаточно взять южнокитайские диалекты, достаточно взять хотя бы японское *g'o* 'рыба'. И таким образом мы не получили никакой почвы для фонетического сближения древнего *ŋįuk, древнего *jįu и *š^{w}i. Это слова, в которых ни одного общего звука вы не найдете, и, значит построены они на случайном неточном совпадении. По неточной русской транскрип-
2 ции сопоставления оказываются совершенно необоснованными фонетически. ||

Теперь относительно того утверждения, что у Марра все "или верно, но старо, и является давно открытой Америкой", "неверно, недоказуемо, недоказано, необосновано, неубедительно". Достаточно было бы привести в качестве примеров <такие>, которые бы не нуждались в доске, следующую цитату: "Японский язык в родстве с малайским, а китайский в родстве с тибетским, тем не менее ни в японском, ни в китайском нет следов префиксов"[104]. (Если хотите, я могу точно указать страницу, где это написано у Марра.) Утверждение, что китайский язык в родстве с тибетским, это не ново. Вообще, об этом писал Габеленц[105], этому посвящена и книжка Конради[106]. Существует целый ряд тибетских, китайских, индоевропейских сравнительных грамматик. Точно также, например, после моей статьи, опубликованной в 1919 г. в "Известиях <Российской> Академии Наук" под заглавием "Одна из японо-малайских параллелей"[107], где я определенно высказываюсь<по этому вопросу, заявление>о том, что японский в родстве с малайским и полинезийским, — нельзя считать новостью. Но остальное является результатом полного незнакомства ни с японским, ни с китайским языком. Возьмем японский. Как это так, в японском нет следов префиксов?! Просто достаточно прочесть до конца какую-нибудь японскую грамматику, и мы там найдем особые, отдельные префиксы образования. Возьмем такой пример, можно сослаться, в данном случае опять-таки, на ту же мою статью в 19-м году, где я этот пример разбирал, как доказательство родства японского с малайским. При этом префикс *ma-* (японский интенсив *ma-ku:ro* 'черным-черно') — тот же самый префикс, который существует и в малайском языке <и сопровождается редупликацией основы>. В слове *mabuting-buting* 'прекраснейший' *ma-* префикс. Этот префикс в японском стянулся до минимума, и в других языках, например, в малайском языке, он тоже стянулся.

Следующая ступень, тоже допускаемая, некоторыми ма-
лайскими языками, как и японским, это удвоение одной со-
гласной (*n̦:m̦:p̦:в̦:*), но префикс *ma-* есть не что иное, как
префикс. Если в малайском языке вы говорите о префиксе,
то в малайском это называется префикс. А раз Марр его
противопоставляет малайскому и говорит, что от префикса
не осталось и следа, то он просто не знает фактов. А это
основное положение, || которое я выдвигаю по поводу недо- 3
брокачественности той части яфетической теории, которая,
главным образом, привлекает к себе внимание. Я имею вви-
ду штудии не по кавказским или южнокавказским <языкам>,
а по дальневосточным, индоевропейским и другим, знание
фактов которых у Марра отсутствует.

Относительно следов префиксов в древнекитайском, мож-
но говорить на основании книги, которую я упомянул (Кон-
ради) <...>. Есть новые префиксы в разговорном китайском
языке. Есть, наконец, древние префиксы, которые вполне
устанавливаются сравнительной грамматикой индо-китайских
языков. ||

Это книга Конради <"Eine indochinesische Causativ-De- 4
monstrative Bildung und ihr Zusammenhang mit den Tonac-
centen">. Вот этот пример, который не нуждается в доске
и относится к той серии примеров, которые убеждают нас
в том, что сами факты берутся, как выражение не только
исторического их обоснования. Исторические объяснения
даются так, что математический подсчет на основании те-
ории вероятностей дает, например, следующие цифры. Если
мы допустим уже, что было четыре элемента — уже допус-
каем это, — и что слово *urbs* в латинском — 'город' — во-
сходит к сочетанию именно двух тех элементов, которые
Марр выбрал — SAL, BER — уже с этим мы согласились, —
нужно было бы для этого привлечь теорию вероятностей:
почему выбор пал именно на эти элементы? То и тогда при
этом условии шансы за то, что объяснения Марра путем то-
го, что звуку *s* соответствует нуль, звуку *r* соответству-
ет нуль <...>, относятся к числу противных шансов, гово-
рящих за то, что история слова была другая, как 1:13 500.
Этот подсчет основан на минимальном количестве звуковых
соответствий, так что фактически это число должно быть
больше. И то это при самом выгодном допущении, что мы
согласились с четырьмя элементами, и т.д.

Я вынужден здесь упомянуть о Р.О.Шор[108], которая отка-
залась в приоритете в идее применения теории вероятностей
или вообще математического доказательства несостоятель-
ности яфетической теории. Отказались — хорошо, я беру на
себя этот приоритет. Собственно, можно было бы на этом
и кончить, и думаю, что других интересных вопросов здесь
и нет. Я мог бы, конечно, сказать так, как это говорят,
что "слава богу, уши у меня есть". Но зачем? Человек от-
казывается. Я мог бы еще кое-что сказать. У меня нет ос-
нований сочинять. Я пришел сюда с заведомо невыгодным
для себя предприятием, выполняя известный долг, который
я все-таки чувствовал перед собой. И мне нет надобности

сочинять такие вещи, что Шор создавала какие-то выводы, которых не было. Но об этом нет надобности говорить. Раз приоритет ею отвергается, я его беру на себя.||

5 Теперь хотелось бы вот о чем предупредить. Вы будете, может быть, говорить об одной вещи, а, может быть, о двух вещах — вы их различайте. Одна часть моего доклада, которую я считал себя обязанным сделать, была посвящена критике яфетической теории в той части, которую я охарактеризовал, как недоброкачественную. Вторая, навязанная мне часть, была посвящена совершенно другому вопросу[109]. Не думайте, что, говоря по поводу мнений Поливанова о проблеме марксистского языкознания, можно что-нибудь прибавить или убавить к оценке яфетической теории. Я скажу больше, что для оценки и моих взглядов в этом отношении, а главное, проделываемой работы, если уже интересы слушателей будут направлены в эту вторую сторону, можно было бы познакомиться с работой не моей, я скажу, а с нашей, которая ведется рядом, в РАНИОН'е[110], и думаю, что кое-что нам удастся в этом отношении сделать. Во всяком случае, нам удастся, — это уже наверное, — проревизовать те труды, которые появляются сейчас на Западе и до известной степени удовлетворяют, по нашему мнению, тем требованиям, которые могли бы быть предъявлены к марксистскому языкознанию. Правда, таких работ имеется очень немного — их единицы, но вот это входит в нашу задачу. И поскольку в числе ревизуемых теорий называется или должна называться яфетическая теория, ответ, в частности у меня, совершенно другой, чем, по-видимому, в тех немногих работах, которые будут в скором времени у нас подвергаться ревизии. На этом я и кончаю.

ИЗ СТЕНОГРАММЫ 25 февраля 1929 г.
ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО Е.Д.ПОЛИВАНОВА
(Из Архива АН СССР)

107 *ПРОФ. Е.Д.ПОЛИВАНОВ*: — Я, конечно, знал, что встречу здесь противников в гораздо большем числе, чем донкихотов. Я во всяком случае, вполне приемлю этот термин, он удачно выбран тов.Ильинским[111], — термин Дон Кихот, хотя бы потому, что выступление мое в данном случае, — о выступлении тов.Ильинского я говорить не буду, — лишено прежде всего оппортунизма. Это позволяет мне просить разрешения, причем скорее это не разрешение вперед, а извинение за прошлое. Я считал более важным говорить то, что я думал, чем держаться всегда правила — цитировать только то, что напечатано, а не то, что слышишь. Я виноват в том, что задел личности. Этого, может быть, не стоило делать, но я все-таки буду продолжать, не слишком греша в этом направлении. Все-таки я буду говорить то, что я думаю, и прежде всего я должен начать поэтому с аналогии

для моих оппонентов. Я это знал и тогда, когда я начинал доклад, знаю это и теперь.

Мне вспоминается как по заданию партии, мне приходилось и в Ташкенте, и в Самарканде, а в 1924 году и здесь, около Москвы, выступать в антирелигиозной кампании: проводить в Ташкенте митинги и беседы исключительно среди рабочего населения, а в Самарканде и под Москвой в более разнообразной, в социальном отношении, среде. Впечатление у меня такое же, а именно: имею дело здесь с верующими — это прежде всего. Было бы смешно мне ставить своей задачей переубедить верующих. Но и в антирелигиозных выступлениях, у нас вовсе нет такой задачи — прийти и сразу из баптиста или православного сделать атеиста. Нет. Хорошо, если в известной части, не безнадежной части аудитории, удастся зародить, забросить семя сомнения, зародить критическое мышление, критическую мысль, заставить кого-нибудь подумать о том, во что он верит. И есть, конечно, в этом отношении вполне безнадежные лица. Я помню, как сейчас, лицо одного лавочника, в социальном отношении вполне определенного, непримиримого противника, которого я вовсе не старался переубеждать в какой-нибудь степени.

Точно также здесь есть разные, конечно, не в классовом, но в ином социальном разрезе, разновидности против- [107а] ников. Есть, так || сказать, те, которых нечего переубеждать, потому что, как вам сказать, они пришли к яфетизму тогда, когда яфетизм стал популярной теорией. Тогда, когда я старался найти общий язык с Марром, до того, как я убедился в том, что дальше идти в защиту промахов и в сторону их исправления невозможно, — в эту эпоху некоторые из моих оппонентов и не думали об яфетидологии. Но сейчас я думаю, что для некоторых это является просто оппортунистическим моментом. Помню также и то, что на одном диспуте мне приходилось иметь дело со священником, про которого говорили, что он атеист. Конечно, он выступал не как атеист, думаю, что это так. Думаю, что проф. Яковлев более чем кто-либо убежден и знает те недостатки яфетидологии, которые могли бы заставить человека выступать против яфетидологии[112]. Но есть, может быть, и другие, которые хотят и невинность соблюсти и капитал приобрести. Но не в этом дело. Были, я скажу, и личные обиды. В очень комичной фигуре проф. Державин выступал в защиту революционности советской науки[113]. Вот тут это хорошо, но для кого? Пожалуй, для того, о ком не пишут, что он был в Союзе русского народа.

Это не совсем подходящее дело. Но все-таки я должен просить одну минуту по личному вопросу. Я ожидал нападок всяческих, но все-таки должен на некоторые вопросы дать фактические справки. Тут цитировали Троцкого[114]. Я вспоминаю следующий разговор с Троцким. Я ему сказал, следующее, и сейчас говорю. Я в Союзе русского народа был два раза. Один раз я осматривал библиотеку, это было утром, и другой раз я был вечером, приблизительно в

1910 или 1911 году, на собрании, слушал Замысловского, Римского-Корсакова, Пуришкевича, Маркова 2-го не было. Этим мое участие в Союзе русского народа исчерпывается[115]. Должен сказать, что тогда, когда двое из профессоров, я был доцентом Петроградского, тогда, университета, — проф. Рейснер[116] и я примкнули к Советской власти с 25 октября 1917 года. Тогда, я не хочу просто повторять ту грязь, какую писали про покойного проф. Рейснера, писали про Радека-Крадека[117] и писали про меня. Тут то же самое, между прочим, что я был в Союзе русского народа. Это писала одна газета, другая газета дала гораздо более худшее об-
108 винение, между прочим, это была точная фраза человека,
который это писал. Второе — это было || в газете "День". Она писала о том, что Поливанов пьяница, наркоман, но пишет она, хотя знакомство с Союзом не прерывал и после окончания Университета, однако, в ученой корпорации Союза русского народа не состоял[118]. Я приблизительно догадываюсь, кто это писал, этот человек, тоже сейчас, покойный. Во всяком случае, я бы мог привести документальные данные. Меня бы просто не приняли в партию, я бы не прошел чистки. Одну, по совершенно особому поводу, по поводу одного доноса, это во время отправки на юденический фронт, перед тем, как решить, можно ли меня отправлять, тут производилась чистка, и чистку 1925 года. Так что в данном случае тов. Троцкий в заметке, которая содержит ряд невероятностей, начиная с того, что меня с ним познакомил < ... > неверно[119]. Не стоило бы обращаться к этим смутным воспоминаниям, потому что действительно, об этом писали, и я сам ему говорил, что я два раза был <в Союзе>. По поводу этих заметок, мне кажется, я мог бы идти дальше. ||
[108а] Здесь я мог бы даже сказать причины резкого изменения в отношениях ко мне т. Троцкого, но я считаю это уже лишним. Т.е. я не скрываю этого, но думаю, что это не нужно для того, чтобы закончить слово по личному вопросу.

Дальше относительно оппонентов, к которым, все-таки я обращаюсь и теперь и на которых прежде всего и была рассчитана первая часть моего доклада. Это те "верующие", в которых я хотел вызвать критическое отношение к предмету их веры. Было бы очень хорошо, если бы мои оппоненты вместо того, чтобы критиковать отдельные мои положения, взялись бы за доказательство хотя бы одного из положений Марра. Мне не нужно было доказательств положений лингвистики, называемой "индоевропеистикой". Кстати, мне очень странно было слышать, что меня называют индоевропеистом. Как странно меняется значение слов! Об этом существует особая наука. И вот как меняется слово "индоевропеист". Тогда, когда в 1912 г. приблизительно оформлялось известное течение среди лингвистов при Ленинградском университете[120], меня как раз называли антииндоевропеистом. Почему? Потому что я звал и сам больше всего работал на неевропейском материале.

Я звал к проверке общих положений на ряде сравнительных грамматик неиндоевропейских языков. Думаю, что призыв изучать нацменьшинства, призыв изучать отсталые народности не есть то, что как раз именно Марру принадлежит и у Марра следует цитировать. Я недавно получил книжечку Немировского[121], которая вовсе не говорит о его критическом отношении к яфетической теории, и тем не менее там констатируется то, что лингвистика, собственно наука о языке, давно уже вышла далеко за пределы сравнительно узкого круга индоевропейских языков и завоевывает все новые и новые области, стараясь захватить своими исследованиями языки всего земного шара. Это верно. Так что никак нельзя аспирантам Иннарвоса опираться на Марра и говорить, что только он хочет изучать языки нацменьшинств.

И вот я призывал бы этих "верующих" работников к пересмотру. Я считаю, что моя миссия будет вполне закончена, если кто-нибудь, пользующийся Марром для каких-нибудь дальнейших выводов, даст себе труд, во-первых, проверять материал, для того, чтобы не было японских слов, названных китайскими. Я все-таки бы хотел спросить моего || оппонента по дальневосточным языкам[122], считает ли [108а1]
он *gin* японским или китайским словом? Тут уже, в таких вещах, нельзя сомневаться и тут нет с моей стороны никакого протаскивания. Точно так же и в том, что в японском языке есть префиксы, а у Марра ясно сказано, что и следов префиксов нет.

Во-вторых, я призываю к доказательству того положения, из которого они исходят. И вот если кто-нибудь пойдет в этом направлении, если мною будет дан толчок, тогда я скажу, что из-за этого стоило и прийти сюда и сделать во всех отношениях невыгодную для себя авантюру.

Ну, что же еще сказать тем лицам, которых я не хотел убедить сейчас. Верующих нельзя убедить сейчас. Можно забросить только зерно сомнения. Если скажу: будьте марксистами, то конечно, мне могут сказать, что я плохой марксист. Конечно, чтение курса по историческому материализму на рабфаке, это совсем недостаточная гарантия, а такой курс на рабфаке в Ташкенте я читал. Это конечно, недостаточная гарантия большой начитанности, но дело в том, что стараться применить основные методы марксизма к лингвистике можно только тогда, когда в этом отношении будут обеспечены известное содружество, коллективный труд. К этому я и хотел бы призвать тех, кто хочет быть моим учителем в области марксизма. Я могу только поблагодарить за те указания, которые мне будут даны, могу только поблагодарить за те поправки, которые будут сделаны, хотя бы по поводу моей книги, которая здесь упоминалась[123]. Но только относительно моей книги, относительно того, что в ней говорилось, я хотел бы сделать одно замечание.

Тут обещали дать рецензию. Я буду благодарен за всякую рецензию, которая укажет мне недостатки и поможет

мне в моем предприятии. Только одно: материал специаль-
ный я до сих пор не хотел перенести ни в область попу-
лярных статей, ни в область преподавания. Ведь это очень
мерзкая задача, та, которая выпала на мою долю: своего
коллегу, советского ученого, изобличать в том, в чем я
изобличал. Это очень скверная обязанность. Почему за нее
пришлось взяться? Если бы вы были на моем месте и были
бы искренни, вы бы то же взялись несмотря ни на что и
[108б] вот почему: есть неприятные обязанности, есть у нас Нар-
комюст. || Я не скажу, чтобы работа Наркомюста была при-
ятна — выносить приговоры, а кому-то нужно их и выпол-
нять — это еще более неприятно. Я считал себя обязанным
высказаться где-то, в печати или в аудитории. Почему? Я
считал, что для этого нужна наиболее высокая аудитория,
наиболее способная критически относиться. Поэтому я, мо-
жет быть, не с достаточным образованием в некоторых об-
ластях — я очень многого не знаю, — я не знаю, призна-
юсь, тех смежных дисциплин, которые лингвисту нужно
знать, но может быть я когда-нибудь исправлю эти недо-
109 статки. Я не стыжусь в этом признаться — поэтому я счел
нужным постучаться именно в двери Комакадемии. || Может
быть, это есть вот та аудитория, с которой я имел дело.
Поэтому я считал нужным постучаться именно в двери Ком-
мунистической академии, вот мой ход мыслей. Я сказал,
что думал. Тут мне делал упрек президиум, во-первых, са-
мое слово "навязанный"[124]. Я не хотел, между прочим, <ни-
чего> особенно дурного к этому слову прицепить, что в
двенадцатом часу <ночи> я не хотел начать второго докла-
да. А главное это походит на систему, вот ты спел арию,
а теперь потанцуй. Были некоторые другие методологиче-
ские опасения, что оппоненты будут бить не по интересу-
ющей меня теме, не по Марру, а по тем фразам, которые я
сказал в заключение, в виде второй части. Я не знаю, слу-
чилось это, или не случилось, — это предоставляется су-
дить аудитории. А когда мне было передано тов. Данило-
вым[125] то, что [под]секция материалистической лингвистики же-
лает выслушать и о Марре, и о том, как я мыслю себе марк-
систскую лингвистику [*Голос с места*: — Не марксистскую
лингвистику, а вообще лингвистику, о марксистской не
было речи]. В данном случае, это не имеет значения. Я
спрашивал тов. Данилова, нельзя ли один доклад посвя-
тить одному, а другой другому <вопросу>. Мне было ска-
зано тов. Даниловым, что двух вечеров не дадут, уложи-
тесь в один вечер. Это действительно было навязывание,
но я ничего не вижу дурного <в этом>.

Но чего я не предвидел, это того, что президиум мне
поставил в вину слово "продукт"[126]. Я не думал внести ка-
кой-нибудь дурной смысл в "продукт" творчества Марра.
Если я говорил "продукт творчества Марра", то я также
говорю, продукт творчества < ...>. Думал, что должно быть
иное словоупотребление — мещанское, в обывательской сре-
де, где можно сказать, с иронией, и "продукты" в науч-
ной среде, где например, слово "ревизия" употребляется

в каком-нибудь ‹ином› значении. Я вовсе не пришел с ревизией марксизма, или кантианства, как контролер, это совершенно другое. Так что тут я совершенно не повинен в мысли.

Теперь по существу дела. Мне по поводу некоторых оппонентов приходится сказать, что я ожидал, в сущности, от них бóльшего. Начиная с первого оппонента, который прежде всего поразил меня тем, что он совершенно не по-
нял задачи фонетической транскрипции[127]. Это прежде все- [109а]
го, как иллюстрация того, как мы || действительно с ним начали бы говорить на разных языках. Он упрекнул меня в том, что я для абхазского языка употребил этот знак "ẑ" который абхазцы прочтут иным образом. Это сплошное недоразумение. Во-первых, абхазец не должен этого читать, за исключением тех, кто изучает лингвистику. А если тот, кто изучает лингвистику, будь он абхазец или кто-нибудь другой, не считается с какими угодно условностями, хотя бы Бэллевская транскрипция[128] ‹это› была, в виде запятой или буквы, пусть не занимается лингвистикой. Если говорить о практическом алфавите, то я тут скажу, что проф. Яковлев, в данном случае, проводит совершенно правильную линию, работая со мной[129]. *[С места*: — Неправильно*]*. Я полагаю, проф. Жирков в <ВЦК НТА> отстаивает совершенно другой принцип прикладной лингвистики[130], не языковой, не греческой лингвистики, чем акад. Марр. Это совершенно другая область, Нужно было говорить о работе Марра в области прикладной лингвистики.

Здесь опять приходится указать, к сожалению, на крупнейший провал в области создания абхазского алфавита[131]. Попытка создать абхазский алфавит на основе яфетической транскрипции, как будто бы универсальной, угробила на несколько лет издание абхазской книги, задержала издательское дело. Об этом достаточно говорил представитель Абхазии на втором пленуме <ВЦК НТА>[132].

Дальше, о чем говорил первый оппонент[133]. Здесь я указывал детали, ошибки, с которыми я с радостью примирился бы, если бы все ошибки состояли только в таких ошибках, — это по поводу того, что в чанском "йот" происходит, по моему мнению, ‹ ...›, а в ряде языков из "гамзы". У него наоборот. *[Голос с места*: — Никаких принципов нет*]*. Но это что? Это ошибка, которую бы не сделал опытный лингвист. В чанской грамматике я не нахожу ничего того, что бы меня заставило выступать против яфетидологии. Наоборот, это как раз то, что заставило меня долгое время выступать на стороне яфетидологии. Я помню, как я опубликовал статью о согласных грузинского языка[134] с единственной целью перевести язык и транскрипцию Марра на общий лингвистический язык для того, чтобы его можно было
понять. Исходя из чего? Исходя из того, что если чело- 110
век употребляет странную,|| необычную, в основе своей покоющуюся все-таки на незнании фактической терминологии транскрипции, то этого недостаточно для того, чтобы бросить приговор на все. Я старался идти, как можно,

как было можно, и напрасно самый приличный из моих оппонентов, проф. Франк-Каменецкий бросил мне упрек, что до 1926 г. я не говорил о яфетидологии[135].

По поводу Франк-Каменецкого, я бы мог сказать следующее. Вовсе я не утверждаю, что все было прекрасно, и дескать, чанская грамматика без одного изъяна или сравнительная грамматика семитских и грузинского языков[136] — это блестящая вещь, перед которой можно преклоняться. Тут мне не нужно ссылаться на стенограмму. ||

111 В моей работе, в "Известиях Академии наук", о родстве корейского языка с "алтайскими"[137] мне пришлось об этом говорить и я говорил, что в самой лучшей и единственно приемлемой компаративной работе Марра содержится, однако, не доказательство родства и не сравнительная наука, а только отправные пункты для того, чтобы кому-то, может быть Франк-Каменецкому (да и я пытался до некоторой степени начать эту работу, но бросил), прийти на основании материалов к выводам, совпадающим с мнением докладчика. Дальше же пошло то, с чем примириться было уже нельзя. И что же? Я считаю долгом сказать тем, кто хочет создавать новое марксистское языкознание: нужно прежде всего исходить — я настаиваю — из того, что сказано исследователями марксизма о языке. И тут вы найдете, пожалуй, достаточно общих положений, больше пожалуй, чем их найдется у Марра. В остальном же вы обращайтесь к Марру, но проверяйте всё! Никогда не будьте верующими, а создавайте действительно дисциплину, основанную на марксистском методе, действительно проверенном фактами, а не на вере.

ПРОГРАММНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС ФРАГМЕНТ СТАТЬИ 1929 г.

(Из Литературного архива памятников народной письменности в Праге)

<...> Э к с к у р с. Остается еще весьма много фактического материала, и включить его в настоящий № не представляется возможности (придется — в связи с затронутыми уже фактами относительно звуковых типов fθŋtl̲ — рассмотреть ряд исторических судеб этих звуков — из арабского, японского, армянского, кельтских, германских, башкирского и других турецких, новогреческого, бирманского и прочих языков; а затем желательно рассмотреть еще явления другого качественного порядка — в частности, судьбу слогопредставлений в японском и музыкально-акцентуационных представлений в некоторых китайских говорах, а с другой стороны, в диалектах тагальского языка, и, наконец, если удастся, факты фразовой мелодики, особенно специфические и ясно выраженные в южноамериканском ботокудском языке[1], но исчезающие у цивилизованных ботокудов). Неизбежность перенести часть материала в следующий № побуждает меня решиться на неожиданную пере-

становку частей работы: я позволю себе, прервав наше изложение, поместить здесь програмно-методологический экскурс, намечавшийся первоначально как заключение всей работы.

Мне уже пришлось указывать во вводной статье к №3 "Ученых записок Института"[2] на факт неизбежного поворота наших интересов в сторону социологического языкознания: наибольшего внимания заслуживают в настоящее время те именно проблемы, которым соответствовал почти полный пробел в русле работ предшествующего поколения русских да и заграничных лингвистов: вопросы соотношений между языковыми фактами и коллективом — носителем языка, как величиной социально-экономического порядка. И то обстоятельство, что эта точка зрения вовсе не была представлена в большинстве литературной продукции лингвистов прошлого поколения (и прежде всего у господствовавшей неограмматической школы), заставляет нас теперь не только прибавить лишний отдел в дисциплине так называемого общего языкознания, но и пересмотреть всю методологию лингвистических исследований; это в одинаковой мере относится и к области исторического (или "динамического", если кому-либо угодно будет пользоваться этим термином) и к области описательного (статического) языкознания — вплоть до приемов изложения любого статико-грамматического этюда и диалектологического обзора.

Этот поворот (в сторону социально-лингвистических тем) и этот пересмотр традиционной методологии я не только считаю неизбежным, но и от души приветствую. В этом, в сущности, и заключается все то новое, что должно будет составить характерную особенность "сегодняшнего-завтрашнего дня" нашей лингвистики. По этому пути, по-моему, и нужно двигаться всякому, кто хочет работать.

Но когда мы оглядываемся на то, что нам воочию приносит "сегодняшний день" и что склонно даже, как будто, всерьез восприниматься как достижения по двум только что указанным направлениям: по пути создания социологической лингвистики и по пути ревизии старого наследства, — тогда приходится, насколько хватает сил, сделать предупреждение: "Внимательнее на поворотах!", "Без упрощенства!"

Первый пример: сборник "Языковедение и материализм", статья гр. Лоя (лично мне совершенно неизвестного)[3].

Цель статьи, казалось бы, хорошая: пересмотреть (ревизовать) бодуэнизм (а в том, что ревизии подлежит всё из наследуемого советской наукой, мне, я думаю, не придется убеждать читателя). Но каковы же средства для выполнения этой ревизии? Всякий, надеюсь, согласится, что для этого необходимо ознакомиться с бодуэнизмом, во всяком случае, прочесть главнейшие работы Бодуэна. Но, оказывается, в списке использованной литературы не названа ни одна из важнейших общелингвистических его работ (т.е. именно то, где и нужно искать лингвистическое credo Бодуэна), и на эти статьи нет ни одной ссылки. Словом, о

них гр. Лоя вовсе не упоминает, и это дает полное право предполагать, что этих статей он не читал. Может быть потому, что Бодуэн писал по-польски?

Что же получилось в результате такой "ревизии"? То, что и должно было получиться. Благодаря случайно выхваченной (из полемики с младограмматиками) фразе, притом фразе, плохо понятой, — Бодуэн у гр. Лоя становится идеалистом*. А это и требовалось доказать. В результате приходится сказать, что если бы Бодуэну стало известно, какие взгляды приписал ему гр. Лоя, он, вероятно, мог бы присоединиться к вынесенному обвинительному приговору, хотя, вероятно бы, прибавил: "Впрочем, мы слишком мало знакомы друг с другом". Это один из примеров "ревизий", и, к сожалению, он чуть ли не становится *типичным* примером. Достаточно вспомнить про "отмену" сравнительной грамматики индоевропейских языков! — на том лишь основании, что это — продукт буржуазной науки[5]. И ведь эта сравнительная грамматика (почему-то *только* индоевропейская!) "отменяется" целиком — в виде своих эмпирически выведенных формул-корреспонденций прежде всего. Неужели же из всего того, что было написано буржуазными лингвистами всех стран, не нашлось ничего более отобразившего буржуазную психологию и буржуазный склад мышления, чем формулы вроде "ā ‖ ā ‖ ω ‖ ō ‖ ʌ", "dh ‖ d ‖ ϑ | f- | -d ‖ Д" и т.д. (или, наконец, самая что ни на есть контрреволюционная: "i ‖ a ‖ a ‖ o" и т.д.)? Ведь для свежего человека зрячая отмена этих формул будет тем же самым, что и отмена формулы $a^2-b^2=(a+b)(a-b)$ из-за ее неблагонадежности. Столько же и даже больше поводов было бы протестовать в естественных науках — против микроскопа, который изобретен был буржуазным голландским торгашом. Каковы же причины всех этих бессмысленных упрощенчеств? Основная причина одна: понижение квалификации у тех, кто сейчас берется за лингвистическое перо. И нет возможности отрицать, что преподавание яфетидологии, в которой зачастую высказывается, что можно заниматься исследованием языка без знания какой-либо другой, кроме яфетидологической, литературы, несет на себе значительную долю ответственности в этом.

Говоря о том, о чем я начал говорить, нельзя обойтись без определения своей позиции по отношению к яфетидологии. Правда, вопрос здесь может быть только о *тактической* позиции. Принципиальное же отношение лингвистов к яфетидологии высказано и на Западе**, да и у нас, и здесь ни для кого из лингвистов не нужны никакие ком-

---

* Хотя достаточно было простой цитаты из польской статьи Бодуэна[4], чтобы ликвидировать это недоумение.

** Не отрицаю, впрочем, возможности того, что где-нибудь в Америке, например, клерикальные круги, может быть, и используют яфетическую теорию в качестве средства борьбы с дарвинизмом. *Корректурное добавление.* Оказалось, что это мое предсказание уже сбылось (только не в Америке, а в буржуазной Европе).

ментарии. Но в тактическом отношении, по крайней мере, для меня лично, возможна перемена. Я и раньше, правда, мог бы спокойно заниматься своим делом, не заботясь о том, чтобы делиться с кем-либо своими взглядами на яфетидологию. Но этому препятствовало известное чувство ответственности или — если говорить прямо — сознание известного общественного долга. Распространявшееся среди неспециалистов авторитарное увлечение яфетидологической теорией стало было принимать такие размеры, что лингвист-специалист мог почувствовать себя обязанным высказаться. Это и было поводом к моему выступлению с докладом о яфетической теории в Институте языка и литературы в 1927 г.[6]. Среди слушателей этого доклада зародилась мысль об издании антияфетидологического сборника, к которой я лично, однако, отнесся весьма холодно: полемика против яфетидологии (если можно вообще говорить о полемике), естественно, должна носить такой характер, что никак не может сделаться увлекательной научной (а тем более творческой) работой. Это, наоборот, своего рода общественная повинность, выполнить которую меня обязывал долг специалиста. И чтобы "поставить точку над i", чтобы выполнить до конца эту неприятную обязанность, я решился даже еще на одно выступление — в самой гуще противников: в секции Коммунистической академии. После этого я могу сказать, что свою обязанность по отношению к яфетидологии я выполнил.

Однако последний доклад встретил более чем лестную дозу внимания со стороны яфетидологов и их сторонников и потому, надеюсь, будет извинительно и мне посвятить ему несколько слов. Меня упрекали в том, что вместо целостного анализа яфетической теории, как некой системы, я занимался указыванием отдельных противоречий фактам. Но ведь в этом-то все и дело. Нельзя стрелять из пушки по воробьям. Критиковать яфетидологию как систему, это значило бы принять ее всерьез; между тем, в задачу специалиста здесь, прежде всего, входило показать то отсутствие элементарного фактического фундамента, которое заставляет нас проходить мимо яфетидологии не из-за ее общих положений, а из-за ее материала. И несмотря на продолжавшееся три недели после доклада кваканье профанов, сделанные мною вышеназванного характера указания остались вполне интактными. Да и что можно было возразить против таких, например, чисто фактических указаний (ограничусь здесь, разумеется, одним-двумя примерами).

1. Марр утверждает, что в японском, несмотря на его родство с малайскими[7], нет и следа префиксов. Но ведь префиксы есть (это знает всякий, кто прошел грамматику японского языка), и я их демонстрирую*.

---

* Для примера мною был взят, между прочим, префикс *та-*, находящий себе (как это было мною показано в "Известиях Академии наук", "Одна из японо-малайских параллелей") параллель в малайско-полинезийском *та*. Пример этот имеет преимущественную значимость потому,

2. Марр сопоставляет китайские "*kin/gin*" с шумерийским *guškin* ('серебро'). Но я утверждаю, что "*kin/gin*" — не китайские, а японские слова (со значениями 'золото', 'серебро'). Древнекитайские же их формы звучали совершенно иначе: напр., слово 'золото' оканчивалось на *m*, а не на *n*, слово 'серебро' начиналось не с *g*, а с носового.

3. Марр генетически связывает 水 с 雨 и 魚 на том основании, что первое — "шуй", а второе — "юй" и третье — "юй". Но ведь если отбросить условность русской транскрипции (и пользоваться, напр., МФА), будет ясно, что в *šuį* (水) и *y* (雨 , 魚) нет ни одного общего звука. Кроме того, 雨 и в древнекитайском состояло из одного звука (ср. яп. *u* — вм. кит. **y*), а 魚 произносилось как **ŋįuk* (т.е. с начальным заднеязычным носовым согласным и с конечным *k*)*, на что, между прочим, указывает яп. *g'oku* (魚). Ясно, что сопоставление висит в воздухе. И т.д., и т.д. Таковы были и прочие примеры. Но ведь все дело в том, что не было надобности *выбирать* примеры**: можно было брать любой пример и притом из любого языка — вывод будет тот же (чем лучше, например, обращение Марра с именами "Ионян" и "Посейдона", о которых я говорил в докладе[8], по сравнению с только что приведенными китайскими случаями?)***. Дело в том, что примеры носят типовой характер недоразумений****.

что если бы мой оппонент захотел называть японское *ma-* не префиксом, то ввиду наличия этого же *ma* в малайском (а в малайском наличие префиксов Марром не признано) он уже этого не может сделать. Но можно было бы, конечно, сослаться и на ряд других японских префиксов (начиная с самого частого из них — *o*).

* Добавим сюда различие тонов: 魚 — 2, 雨 — 3.

** Потому я и смог в течение получаса или 40 минут в день доклада подготовить его.

*** Но вполне естественно, конечно, что я преимущественно брал материал из знакомых мне языков: славянских, греческого, латинского, китайского, японского, турецких, а не из шумерийского, например.

**** И напрасно т. Франц-Каменецкий[9] хотел приписать мне мнение, будто Марр не знает более четырех словарных примеров для чувашско-грузинского сближения. Если бы т. Франц-Каменецкий (самый умный и самый порядочный из моих оппонентов, которому не хватает только знакомства с фактами и литературой, чтобы прийти к одинаковым со мною выводам) прочел до конца работу Марра, на которую он ссылается, он увидел бы, что примеров и в самой этой работе больше чем четыре (но совершенно другой вопрос — это недопустимость довольствоваться четырьмя примерами для того, чтобы убедить читателя в наличии родства). Суть дела, конечно, однако, не в числе примеров, а в том, что каждый из них доказывает обратное тому, что хочет видеть Марр (ввиду полного отсутствия сходства в древней форме, из которой происходит чувашское слово).

Против таких указаний, конечно, возражать было нельзя. Оппонентам оставалось или приписывать мне несуществующие у меня взгляды, или говорить вокруг да около, или просто ругать докладчика. На все указанных видов "возражения", конечно, не трудно было бы ответить. Но для этого понадобилось бы: во-первых, по крайней мере около десяти часов времени, т.е. столько, сколько говорили оппоненты; во-вторых, прослушать то, что ими было сказано. А на последнее у меня, признаюсь, не хватило терпения. Я прослушал, как первый оппонент[10] привел ряд чанских примеров, подтверждающих установленное мною звукосоответствие, затем спутал универсальную транскрипцию с практической абхазской графикой и в заключение сказал, что его лично яфетическая теория вполне удовлетворяет. Второй оппонент[11] заранее поделился со мной тем, что хочет говорить; и это обещало столь же мало интереса. Я пошел домой. И мог сделать это вполне уверенный в том, что выступавшие против меня лица всех специальностей (начиная с юноши гимназического склада и багажа[12] и кончая Аптекарем и маститым историком литературы[13]), не будучи лингвистами, не смогут сказать ничего интересного по существу вопроса* (об этом моем отношении к мнению нелингвистов я упомянул, между прочим, и в самом докладе). Правда, по тактическим соображениям против меня сочли нужным выступить и трое лингвистов[15]; но какова может быть цена этим оппортунистическим высказываниям, — ясно из того, что двое представили в свое время статьи для антияфетического сборника (и рукописи эти до сих пор в моем распоряжении). Из аргументов "личного характера", т.е. попросту говоря, из ругани, меня затронул только один брошенный мне упрек**, как имеющий за собой действительно < ... > у меня действительно лишь немногим более

---

* Отмечу, впрочем, единственную поправку, которую я должен признать: мои оппоненты удостоверяют, что тов. Cohen не состоит членом коммунистической партии. Весьма возможно; это значит, что у меня были неверные данные[14]. Принципиального значения эта ошибка, однако, разумеется, не имеет.

** Все прочее вызвало у меня лишь улыбку (ибо мне, разумеется, более чем кому-либо известна вздорность обвинений). По совету некоторых друзей я написал, однако, опровержение для печати[16]. То, что оно до сих пор не напечатано, зависит уже не от меня. Между прочим, тем, что я предвидел неизбежность травли (я не мог только предвидеть того, что мой оппонент[17] не найдет ничего умнее, как подойти ко мне после заседания с извинением за свое "недопустимое выступление"), объясняется тот факт, что я всячески отговаривал от выступлений вслед за мною других лингвистов. Если для меня травля эта была не более как забавной комедией, то у других, вполне допускаю, может быть другая нервная система. И выполнять неприятную обязанность лучше одному. Я не мог остановить только профессора Ильинского, выступление которого нельзя, по-моему, не рассматривать, как акт своего рода гражданского мужества.

ста (включая статьи в научных журналах), и из них на долю отдельных изданий приходится всего лишь около 20%. За 14 лет, казалось бы, можно было напечатать больше. /Тем не менее объем напечатанного мною, наверное, превышает общую совокупность того, что написали все мои оппоненты (по вышеупомянутому докладу) на лингвистические темы./[18]

Но не надо забывать, что несколько лет подряд вообще почти нельзя было печатать научные вещи: статья, сданная для "Известий Академии наук" в 1917 г., выходила в них в 1919 г., а то и в 1920 г. Кроме того, кочевая жизнь мало благоприятствует печатной продукции. В качестве примера укажу, что рукопись "Исторической грамматики японского языка" терялась девять раз и каждый раз восстанавливалась "из головы" (т.е. на память)[19]. Другой пример: Госиздат приобрел у меня "Теорию эволюции языка"[20], но три года не мог решить, какому из своих отделов (экономическому или литературному) надо издавать лингвистические вещи, и, наконец, вернул мне работу "за истечением срока по нашей (Гиз'а) вине". И подобных случаев я мог бы назвать еще около двадцати[21]. Как из этого видно, нельзя судить о написанном по напечатанному. И вот, чтобы покончить с упреком в недостаточном числе научных работ, я позволю себе, отбросив скромничанье (которое вовсе не добродетель, а просто вредная, оказывается, вещь), объявить своего рода соревнование: есть Институт народов Востока[22], где люди занимаются тоже восточными языками и некоторыми обобщениями. За три года я успел познакомиться с темпом и характером этой работы и могу заявить, что за ближайшие пять лет (т.е. 1929—1934 гг.) я приготовлю не меньшее число лингвистических работ, чем все работники Института народов Востока вместе взятые: на описательную грамматику какого-либо языка я отвечу описательной же грамматикой другого языка; на диалектологический обзор — аналогичным диалектологическим обзором; на историческую фонетику или морфологию — исторического же характера равновеликой работой; и даже — на компаративное открытие (т.е. установление родства каких-либо языковых групп) компаративным открытием (правда, в последнем случае, казалось бы, нельзя было бы ручаться за будущее, ибо здесь дело зависит от случая или, вернее, от самого материала, а не от исследователя; но здесь я делаю оговорку, что в данном отношении я позволю себе использовать сделанные мною уже раньше /и до сих пор неопубликованные/ открытия). Думаю также, что для многих из числа близко стоящих ко мне или к Институту людей этот "вызов на соревнование" не покажется удивительным. Заявить же о своей работоспособности, мне кажется, лучше, чем промолчать из скромности и тем дать повод к ошибочным на твой счет представлениям.

Наряду с упреком в непродуктивности мне бросили обвинение в "немарксизме" люди, не читавшие ни строки из на-

писанного мною* (могу уверенно утверждать это потому, что мне приписывались ими взгляды, диаметрально противоположные тому, что было высказано в моих статьях). И по этому поводу я тоже должен сделать несколько замечаний (которые, между прочим, будут относиться уже не к антияфетидологическому выступлению, а к тому вопросу, которым был начат настоящий экскурс — к вопросу о характере и методе предстоящей лингвистической работы — как они мне рисуются):

1. В эмпирическом исследовании (в частности — лингвистическом) важно не отправляться от марксизма, а п р и й т и к марксизму на основании обследования фактов. Вот почему я и говорю и считаю вполне достаточным сказать, что я марксист — постольку, поскольку делаемые мною выводы из языковых явлений подтверждают основные положения диалектического материализма и методологический принцип установления причинных связей "от экономической причины до языкового факта"[23].

2. На вопрос "где же литература, способная служить отправным пунктом для штудий в области марксистской лингвистики?" я укажу (как и указывал уже в вышеупомянутом докладе): 1) на классиков марксизма, т.е. на те их работы (главным обарзом, Энгельса, Лафарга и Ленина), где речь идет о языке (или, как у Ленина, об отдельных языковых фактах); 2) на те (правда, весьма немногочисленные) лингвистические работы, которые стали появляться за последнее время на Западе[24] и, во всяком случае, оказываются близкими к марксистской точке зрения. Что же касается яфетидологии, то, как единогласно было принято даже моими оппонентами, яфетидология не есть марксистская теория. Но с ней, по моему мнению, нет надобности иметь дело и как с "приближающейся" теорией уже потому (независимо от всего сказанного мною в докладе), что она находится в противоречии (по ряду пунктов) с первым из только что указанных источников.

3. "Марксизм в лингвистике" вовсе не исчерпывается, по моему мнению, тем, что мы будем устанавливать прагматическую зависимость между экономикой и фактами язы-

---

* Между тем, я в своей наивности кое-что позволил себе считать уже известным аудитории; этим, конечно, и объясняется то, что в тех фразах, которые сказаны были мною уже после доклада, слушатели не нашли некоторых букв своего "марксистского алфавита". Это, конечно, очень жаль; но что поделать? Я, со своей стороны, предупредил, что в отличие от доклада о яфетидологии, который имел в виду, прежде всего, нелингвистов (ибо лингвистам не было надобности доказывать, что 2×2=4 и что у Марра 2×2=∞), обосновывать свое методологическое credo я предпочту перед подготовленной мне аудиторией и что — главное — для этого мне понадобится время (а судя по практике заседаний в Коммунистической академии, я и мог рассчитывать, что для этого мне будет предоставлено известное количество времени на следующем заседании); но мне не было дано даже десятиминутного перерыва, чтобы сходить в уборную.

ка, как "надстройки"[25]: надо соответствующим образом перестроить и описательное языкознание.

4. Однако, как бы ни важна была задача обновления лингвистики под лозунгом марксизации метода исследования, перед нами целое море другой, может быть, далеко не эффектной, а, так сказать, "черной" работы (и это особенно относится к нам именно потому, что мы живем в СССР, языки которого еще и на одну десятую элементарно не изучены в чисто описательном разрезе): это работа по установлению (т.е. сбору и систематизации) фактов нужна, конечно, своим чередом, и нужно, по моему мнению, всячески протестовать против нарождающегося сейчас (horribile dictu!)[26] типа "лингвиста", никогда не занимавшегося и не видящего необходимости заниматься ни одним языком.

5. Широкое изучение современных языков (и прежде всего языков СССР) нам нужно, в особенности, еще потому, что современные факты важны для нас сами по себе и как исходный пункт для языкового будущего, т.е. как основной материал для выводов в области языковой политики, а не является лишь трамплином для скачков в палеонтологическую область, как это имеет место в яфетидологии.

6. Наконец, позволю себе высказать чисто индивидуальный свой взгляд на проблему социологической лингвистики в ряду других проблем языковедения. Уже независимо от того, что, начиная эмпирическое исследование, по-моему, лучше быть свободным от всякой догмы*, я вовсе не даю зарока ограничиваться какой-либо догмой и чем-либо предопределять масштаб будущей своей работы над языком. Социально-экономический быт и языковые явления — это для меня одна из тем; правда, ее можно объективно считать темой благодарной**, но все же это только один из вопросов — подобно тому, как языкознание только одна из частных областей человековедения. И хотя за последние пять лет я не интересовался ничем, кроме языка, я не теряю надежды, что, если хватит жизни, я вернусь когда-нибудь и к своим прежним штуди-

---

* И строго говоря, нельзя, следовательно, отправляться в поиски причин языковых явлений, заведомо предположив, что причины эти окажутся экономическими. Наоборот, надо перебрать все априорно кажущиеся возможными виды причин (хотя бы, например, расовые особенности и т.д.) и затем, по методам Милля[27], отобрать то, что действительно является причиной. У меня, например (см. "Введение в языкознание для востоковедных вузов", §[15], с.[58-59]), оказывается, что расовым различиям нельзя придавать более или менее очевидного значения в дифференциации путей языковой эволюции, а экономические факторы, наоборот, объясняют очень и очень многое. Но этими выводами именно и нужно кончать, а не начинать исследование.

** Не менее благодарной, например, чем компаративная эвристика (Entwurf'ы[28] новых сравнительных грамматик).

ям: агиологии и даже дальше — за пределами человековедения — к ботанике, ихтиологии и амфибиологии*. Точно также и в области языкознания я не хочу предопределять круг будущих своих интересов.

---

* Последняя даже сугубо вспоминается мне в настоящее время после общения с современного типа "лингвистами без языка" (по сравнению с которыми Bombinator igneus[29], например, обладает уже солидным запасом языковых фактов)[30]

Стенограмма "поливановской" дискуссии в Коммунистической академии в феврале 1929 г. ныне хранится в Архиве АН СССР (Москва) в виде двух папок в фонде № 358.

На первой папке написано чернилами:

Архив АН СССР, ф. 358, оп. 1, № 109
Ин-т лит-ры, искусства и языка при Комакадемии
4[-я] секция материалистической лингвистики
Доклад Е.Д.Поливанова на тему
"Проблемы [! — Л.К.] марксистского языкознания
и яфетическая теория"
и прения по докладу — стенограмма
4/II 1929   На 38 л.

На титульном листе указан также прежний номер дела Архива АН СССР: сек. 358, лингв. 1 — 1931 г., п.№ 489 — печати. Далее написано: Архив Ком. Академии при ЦИК'е СССР. Москва, Волхонка, 14.

Кроме того, по диагонали идет запретительная подпись, типичная для того времени: "Какое бы то ни было использование — устное или печатное — цитат из данной неправленной стенограммы, а равно и всякого рода ссылки на ее содержание — категорически воспрещается" (и далее следует подпись директора Ин-та ЛИЯ). Мотивы запрета для того времени ясны: как бы не распространилась "зараза" поливановской критики "нового учения" о языке Н.Я.Марра и дальше, поэтому ее надо пресечь на корню. В настоящее время архив Коммунистической академии открыт и запрет на публикацию снят. Отдельные фрагменты из стенограммы уже использовались в печати (см. СОЯ, с. 20-23; *Леонтьев А.А.* Евгений Дмитриевич Поливанов и его вклад в общее языкознание. М., 1983, с. 26-29; наш раздел в книге: *Ларцев В.Г.* Евгений Дмитриевич Поливанов. Страницы жизни и деятельности. М., 1988, с. 74-83).

Эта папка, датированная 4 февраля 1929 г., включает вступительное слово председательствующего В.М.Фриче (арх. л. 2), доклад Е.Д.Поливанова (л. 3—57), реплики В.М.Фриче (л. 45-46, 48), Ф.А.Девлеткильдеевой (л. 45), В.Б.Аптекаря (л. 57-58) и первое выступление в прениях Р.О.Шор (л. 57-58). Стенограмму в этот день вели стенографистки А.Фудель (под инициалами А.Ф.) и Ф.Г. (лицо не установлено). Стенограмма, особенно в части конкретных языковых примеров, изобилует пропусками и неточностями. Поэтому нам пришлось приложить немало усилий, чтобы в какой-то мере восстановить текст доклада Е.Д.Поливанова. В этом нам помогла также имеющаяся в нашем распоряжении ленинградская машинописная копия оригинала, хранящегося в Рукописном отделе Государственной публичной библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина (ф. 246, И.Я.Депман, № 4). Обнаруженные нами между двумя вариантами стенограммы текстуальные расхождения оговорены в комментарии. В авторский текст внесены самые минимальные стилистические исправления и сокращения непонятных мест ввиду плохой записи. В то

же время нами восстановлены почти все примеры (за исключением, естественно, тех, которые Е.Д.Поливанов писал на доске). Все инновации оговорены или помещены в скобках (в квадратных — словесные вставки, в угловых — цитаты и лакуны). Пагинация на полях указана архивная (по московскому тексту стенограммы).

На второй папке написано:

ИЛИЯ при Комакадемии
Архив АН СССР, ф. 358, оп. 1, № 111
Прения по докл[аду] т.Поливанова
и закл[ючительное] слово по докладу
Стенограмма от 18.II и 25.II 1929 г. 156 л.

Она включает две стенограммы.

Первая записана 18 февраля стенографистками Н.Бруштейн и А.Фудель и сдана 22 февраля. Заседание проводилось под председательством В.Б.Аптекаря. Первая стенограмма содержит: вступительное слово В.Б.Апрекаря (арх.л.1), справку Е.Д.Поливанова о некоторых примерах, приведенных в докладе (л.1-5), выступления в прениях В.Б.Аптекаря (л.5-7), И.Цитайшвили (л.7-10), Б.М.Гранде (л.10-16), А.А.Холодовича (л.17-25; текст стенограммы выправлен автором), Н.С.Державина (л.26-35), И.И.Мещанинова (л.36-41), А.Зарецкого (л.41-42), Н.Ф.Яковлева (л.42-49), И.Г.Франк-Каменецкого (л.50-64), В.Б.Аптекаря (л.65-70).

Вторая стенограмма, записанная теми же стенографистками 25 февраля 1929 г. и сданная 2 марта, содержит окончание прений по докладу и заключительное слово Е.Д.Поливанова. На последнем заседании снова председательствовал В.М.Фриче. В прениях выступили И.К.Кусикьян (арх.л.1-12), В.Б.Аптекарь (со справкой, л.13), Л.И.Жирков (л. 13-21), А.П.Рябов (л. 21-24), Г.А.Ильинский (л. 25-31), В.Б.Аптекарь (л.31), В.К.Никольский (л.32-40), Охитович (л.41-52), И.Д.Дмитриев-Кельда (л.53-63), Е.Д.Поливанов (заключительное слово, л.64-73), В.М.Фриче (с подведением итогов дискуссии, л.73-78).

В этой же папке в конце подшиты правленные докладчиками тексты стенограммы их выступлений: И.Цитайшвили (текст переписан заново), Б.М.Гранде, Н.С.Державина (текст, по сути, без правки), Г.А.Ильинского, И.Д.Дмитриева-Кельды, И.К.Кусикьяна.

Из второй папки нами взяты для публикации справка и заключительное слово Е.Д.Поливанова. Публикация сопровождается обширным комментарием.

В Литературном архиве памятников народной письменности в Праге (Literárný archív památníku národního písemnictví v Praze) нами была обнаружена в 1990 г. корректура фрагмента статьи Е.Д.Поливанова (1929 г., л.20-26), предназначавшейся для опубликования в очередном (четвертом?) томе "Ученых записок Института языка и литературы Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук [РАНИОН]". Этот фрагмент хранится в фонде Р.Якобсона (R.Jakobson) среди других работ Е.Д.Поливанова в отдельной папке с названием прежнего архива — Literárný archív Národního musea — Praha (Литературный архив Народного музея — Прага), откуда он был передан в нынешний архив в 1964 г. На папке имеется шифр: 3/H/10 и надпись, сделанная карандашом: Larcev 268/84 (по-видимому, эти материалы предназначались для микрофильмирования проф. В.Г.Лар-

цеву, автору книги о Е.Д.Поливанове). Подборка, в которой находится данный фрагмент, озаглавлена — "Studie z obecne jazykodzykovědy (o marrisme)" — "Работы по общему языкознанию (о марризме)". Корректура частично правлена автором, и в ней имеется одна вставка чернилами на полях. Статья опубликована не была.

К стенограмме

[1] Владимир Максимович Фриче (1870—1929) — советский литературовед и искусствовед, академик АН СССР с 1929 г. Для его работ характерен вульгарно-социологический подход к изучению литературы и искусства, типичный для того периода. В Коммунистической академии (1918—1936) он возглавлял секцию литературы, искусства и языка. Он же в 1928 г. пригласил Н.Я.Марра в академию в качестве руководителя подсекции материалистической лингвистики и всячески поддерживал проповедуемую Н.Я.Марром яфетическую теорию, считая, что она "на наших глазах перерождается и перевоплощается в материалистическую диалектическую марксистскую лингвистику" (Цит. по: *Аптекарь В.Б.* Н.Я.Марр и новое учение о языке. М., 1934, с. 49).

[2] Общество историков-марксистов было создано в 1925 г. при Коммунистической академии для развития марксистской исторической науки и популяризации ее достижений. В 1930 г. оно было преобразовано во Всесоюзное научное общество, которое в 1932-1933 гг. прекратило свое существование.

[3] Зимой 1928-1929 гг. Н.Я.Марр выступил с докладом "Актуальные проблемы и очередные задачи яфетической теории" на Всесоюзной конференции историков-марксистов. До этого он сделал тот же доклад в Коммунистической академии. Доклад издан Коммунистической академией в 1929 г. (перепечатан в ИР, т. 3, с. 61—77).

[4] Поводом для критики яфетической теории, судя по докладу, послужили работы Н.Я.Марра последних лет, прежде всего "Чуваши-яфетиды на Волге" (Чебоксары, 1926) и, вероятно, упомянутый доклад Н.Я.Марра "Актуальные проблемы...". Существуют косвенные свидетельства того, что Е.Д.Поливанов стал выступать с критическим разбором учения Н.Я.Марра еще раньше, в 1927-1928 гг. См., например, выступления В.Б.Аптекаря, И.К.Кусикьяна, Л.И.Жиркова (который слышал доклад Е.Д.Поливанова на эту тему в 1927 г. в Баку) в прениях по докладу Е.Д.Поливанова. О своем антияфетическом докладе в 1927 г. в Институте языка и литературы писал и сам Е.Д.Поливанов (см. публикуемый здесь Экскурс).

[5] *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений, т. 41, с. 304.

[6] Точное имя не установлено. Таким лингвистом мог быть и Н.С.Трубецкой, и Р.О.Якобсон и А.Дирр, и другие. С некоторыми из них Е.Д.Поливанов вел обширную переписку в те годы. В имеющихся в нашем распоряжении письмах этой цитаты нет.

[7] Е.Д. Поливанов имел в виду раннюю работу Н.Я.Марра "Основные таблицы к грамматике древнегрузинского языка с предварительным сообщением о родстве грузинского языка с семитическими" (СПб., 1908; см. также: ИР, т. 1, с. 23-38), о которой К.Г.Залеман писал: "Я не согласен с Вами. У Вас все звуки переходят во все звуки. По-Вашему в грузинском существует даже такая-то арабская форма <...>. Это невозможно. Таблицы же Ваши меня совершенно не интересуют" (Цит. по: *Миханкова В.А.* Николай Яковлевич Марр. Очерк его жизни и деятель-

ности. М.-Л., 1949, с. 159), — хотя были и положительные отзывы ряда ученых.

Под докладом же "Этнический Кавказ и третий этнический элемент в созидании средиземноморской культуры" Е.Д.Поливанов имел в виду доклад, прочитанный Н.Я.Марром на публичном собрании Российской Академии истории материальной культуры 9 июня 1920 г. и напечатанный отдельной брошюрой в серии изданий Академии наук "Материалы по яфетическому языкознанию", XI, в Лейпциге в 1920 г. В 1923 г. вышел немецкий перевод этой работы Н.Я.Марра: "Der japhetitische Kaukasus und das dritte ethnische Element im Bildungsprozess der mittelländischen Kultur" (Lpz., 1923; Japhetitische Studien, II). См. также: ИР, т. 1, с. 79-124.

[8] Вильгельм Шмидт (Wilchelm Schmidt, 1868—1954) — крупнейший немецкий лингвист и этнолог, автор труда "Die Sprachfamilien und Sprachreise der Erde" (Heidelberg, 1926). Занимался также кавказскими языками. Он также не принимал яфетическую теорию Н.Я.Марра и не раз критически высказывался по поводу ее. Ср., например: "Unsere noch nicht genügende Kenntnis des eigentlichen Charakters der japhetitischen Sprachen hindert uns einsweilen noch, in dieser Sache klar zu sehen; es ist zu hoffen, das mit der fortschrietenden Kenntnis der japhetitischen Sprachen diese Dunkelheiten noch verschwinden werden..." (*Schmidt W.* Die Sprachfamilien..., S. 525). Перевод: "Наше еще далеко недостаточное знание истинного характера яфетических языков мешает нам в этом случае ясно видеть: нужно надеяться, что с дальнейшим знанием яфетических языков эта темнота исчезнет...". Однако определить точно, какое высказывание В.Шмидта привел в докладе Е.Д.Поливанов, затруднительно.

[9] Ханнес Шёльд (Hannes Sköld, 1886—1930) — шведский лингвист, отрицательно оценивавший яфетическую теорию Н.Я.Марра. В своей брошюре "Zur Verwandtschaftslehre: die kaukasische Mode" (Lund, 1929, S. 87) он, в частности, писал: "Wenn die marxistischen Gemeinplätze, welche das wissenschaftliche Aussenwerk der Phantasieen Marrs bilden, losgeklebt werden, bleibt nur der Marrismus übrig. Den möchte ich am liebsten Marasmus nennen". Перевод: "Если удалить общие марксистские фразы, придающие наукообразность фантазиям Марра, остается сплошной марризм, который лучше было бы назвать маразмом". Сам Н.Я.Марр в докладе "Язык и письмо", прочитанном 21 ноября 1929 г. на открытии выставки Новой письменности народов СССР в Комакадемии СССР в Москве, реагировал на это высказывание Х.Шёльда следующим образом: "Нас не столько смущает, что зарубежный писатель Шёльд (Sköld) в немецком памфлете на мой "маразм" удосужился признать, да еще с моих слов (!!!), яфетическую теорию волчьим воем, вызванным окружающей меня живой общественностью, сколько то, что ученые из ближайшего моего окружения доселе проявляют в "критике" яфетидологии абсолютное незнание того, что они критикуют, приправленное замечаниями, обнаруживающими отсутствие элементарного представления об истории материальной культуры, или непонимание того, какое место отводится писателям, хотя бы Геродоту, в глоттогоническом процессе мирового значения, и в настоящее время поход против яфетической теории нас уже не удивляет" (ИР, т. 2, с. 370, сн. 1). См. также примеч. 72 к словарю.

Марсель Коэн (Marseille Cohen, 1884—1974) — крупнейший французский лингвист. Он вместе с другим выдающимся французским линг-

вистом-компаративистом Антуаном Мейе (Antoine Meillet, 1866–1936), возглавив группу лингвистов, выпустил в 1924 г. обширное описание языков мира — "Les langues du monde" (Paris, 1924). Он был антифашистом и членом Французской коммунистической партии. М.Коэн в те годы с осторожностью относился к "новому учению" о языке Н.Я.Марра.

[10] SAL и BER — два из четырех элементов, или племенных слов, у Н.Я.Марра, к которым он сводил слова разных языков. Ими он пользовался при палеонтологическом анализе речи. Учению о четырех элементах Н.Я.Марр ни в одной своей работе не дал вразумительного объяснения. Довольно подробно оно излагалось некоторыми его ближайшими учениками (И.И.Мещаниновым, Л.Г.Башинджагяном и др.). Вскоре после смерти Н.Я.Марра они отошли от этого учения. И все-таки что же он понимал под этими элементами, которым он придавал первостепенное значение в лингвистическом исследовании? В бакинском "Общем курсе учения об языке" Н.Я.Марр отмечал: "Четыре элемента, возникшие вместе с другими искусствами в эволюции трудового процесса, представлявшего собой магию, не имели первоначально и долго не могли иметь никакого словарного значения, ибо звуковых слов еще не было, как не было звуковой речи..." (ИР, т. 2, с. 89). И далее в работе "Язык" (1927) он писал: "Первичное диффузное произношение каждого из четырех элементов, как единого цельного диффузного звука, пока не выяснено. Нам эти четыре элемента доступны в многочисленных закономерных разновидностях, из которых для четырех элементов выбраны как условное наименование четыре их формы, по одной для каждого элемента: *сал*, *бер*, *йон*, *рош*, что указывается латинскими буквами в порядке их перечня А=*сал*, В=*бер*, С=*йон* и Д=*рош*. Выбор сделан по созвучию с известными племенными названиями, в состав которых они входят без изменения или с позднейшим частичным перерождением, именно: "сар-мат" — *сал* (А), "и-бер" — *бер* (В), "ион-яне" — *йон* (С), "эт-руск" — *рош* (D)" (ИР, т. 2, с. 130). Идея лингвистических элементов, зародившаяся в работах Н.Я.Марра в 1923–1924 гг., позже, в 1932–1933 гг., подверглась тщательному пересмотру им же самим (в работах "Язык и современность" и др.; подробно см.: *Башинджагян Л.* Предисловие ко второму тому ["Избранных работ Н.Я.Марра"]. — ИР, т. 2, с. XIV-XVIII). Однако элементарный анализ остался и здесь в качестве стержня "семантической палеонтологии речи". Именно эта часть "нового учения" о языке Н.Я.Марра ввиду ее абсурдного и фантастичного характера не была принята даже его ближайшими последователями и подверглась резкой критике Е.Д.Поливанова уже в те годы.

[11] Н.Я.Марр стал экстраординарным академиком в январе 1912 г., а ординарным академиком в июле того же года. Действительно, Н.Я.Марр был избран в члены Академии наук вовсе не за лингвистические и "яфетидологические" работы, о чем свидетельствует и его речь к моменту его избрания на годовом собрании Академии 29 декабря 1911 г. "Кавказ и памятники его духовной культуры". Правда, свою речь Н.Я.Марр предполагал озаглавить "Яфетический Кавказ и памятники его духовной культуры", но по просьбе С.Ф.Ольденбурга термин "яфетический" он снял (см. *Миханкова В.А.* Николай Яковлевич Марр. Очерк его жизни и деятельности, с. 200, примеч. 1). И уже в советское время Н.Я.Марр по иронии судьбы одним из первых в стране был награжден орденом Ленина в 1933 г. За что? Оказывается, "за особо выдающиеся труды в области лингвистики", т.е. той области, которой он нанес непоправимый вред.

[12] Франц Б о п п (Franz Bopp, 1791—1867) — один из зачинателей сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков. Е.Д.Поливанов имеет в виду первую сравнительную грамматику индоевропейских языков Ф.Боппа — "Ueber das Conjugationssystem der sanskritsprache in Vergleichung mit jenem der griechischen, lateinischen, persischen und germanischen Sprache, nebst Episoden des Ramajan und Mahabharat in genauen metrischen Uebersetzungen aus dem Originaltexte und einigen Abschnitten aus den Veda's" (Frankfurt am Main, 1816). Позже Ф.Бопп выпустил знаменитую сравнительную грамматику — "Vergleichende Grammatik des Sanskrit, Zend, Armenischen, Griechischen, Lateinischén, Litauischen, Altslavischen, Gothischen und Deutschen" (Bd 1-3. Berlin, 1833—1852; второе, переработанное издание — 1857—1861). Однако поздние работы Ф.Боппа, в которых он попытался выйти за пределы индоевропейской семьи языков — а к ним, в частности, принадлежит упоминаемая Е.Д.Поливановым работа "Ueber die Verwandtschaft der malayisch-polynesischen Sprachen mit den Indisch-europäischen" (1840), — расцениваются как совершенно неудавшиеся (ср., например, *Томсен В.* История языковедения до конца XIX века. М., 1938, с. 62).

[13] Эта брошюра Н.Я.Марра, изданная Чувашским центральным музеем и Обществом изучения местного края в Чебоксарах в 1926 г. (75 с.), изначально представляла собой доклад прочитанный им 30 июня 1925 г. в Чебоксарах и повторно 26 сентября того же года в Российской Академии истории материальной культуры. В ней он самоуверенно заявил, что "яфетическое языкознание... неожиданно и без подготовки для себя оказалось утверждающим положения учения об историческом материализме, т.е. в методе скрестилось с марксистским учением" (с. 10-11; то же — ИР, т. 5, с. 328).

[14] Фамилия этого ученого не установлена. Диапазон велик.

[15] В верхнем поле л. 8 рукой Е.Д.Поливанова (?) написано: "Правильная постановка проблемы сводится не к опре[делению], из каких нем[ецких] диалектов или из нем[ецкого] яз[ыка] какого периода можно вывести еврейский язык, а к вопросу, какой слой первобытной человеч[еской] речи пережиточно отражается в евр[ейском] яз[ыке]". Если эта вставка действительно принадлежит Е.Д.Поливанову, хотя она противоречит сказанному в тексте доклада, то это может служить косвенным доказательством, что он видел данный машинописный текст стенограммы своего выступления, но по каким-то обстоятельствам не смог или не успел внести авторскую правку в этот экземпляр.

[16] В начале 20-х годов Е.Д.Поливанов интенсивно работал над теорией фонетических конвергенций, продолжая развивать на новом уровне науки и на новых материалах идеи И.А.Бодуэна де Куртенэ и Н.В.Крушевского. К сожалению, его статьи на эту тему либо были неосуществлены, либо утеряны. Лишь частично эта теория отражена в его двух статьях — "Из теории фонетических конвергенций" ("Сборник Туркестанского Восточного института в честь проф. А.Э.Шмидта...". Ташк., 1923, с. 106—115; то же — ВЯ, 1957, №3, с. 77—83) и "Мутационные изменения в звуковой истории языка" (СОЯ, с. 90—113), а также в ряде других.

[17] Георгий Константинович Д а н и л о в (1896—1937), учившийся в то время в Комакадемии, позже работал в Научно-исследовательской ассоциации по изучению национально-колониальных проблем при Коммунистическом университете трудящихся Востока и в Научно-исследова-

тельском институте языковедения. В начале 30-х годов он стал во главе "Языкфронта", "буферной группы", отмежевавшейся от индоевропейского сравнительного языкознания и в то же время критиковавшей Н.Я.Марра и его сторонников за вульгаризацию марксизма в теории языкознания. В лингвистической дискуссии, организованной той же Комакадемией в сентябре-октябре 1930 г., "языкофронтовцы" и марристы выступили с взаимными обвинениями в довольно резкой форме. Г.К.Данилов составил подробную подборку высказываний классиков марксизма и видных деятелей социал-демократии по вопросам языка, которая так и не увидела света. Позже был составлен подобный замыслу Г.К.Данилова сборник "Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин о проблемах языка и мышления" (Л., 1933), который вышел уже в урезанном виде и с предисловием Н.Я.Марра.

[18] По предположению В.Г.Ларцева, "ученики" Н.Я.Марра в страшные годы репрессий вполне могли напомнить приближенным И.В.Сталина эти слова из доклада Е.Д.Поливанова. Вряд ли могли понравиться и следующие слова Е.Д.Поливанова из того же доклада: "... Легко вспомнить место у Сталина, где он говорит о том, что после революции языков стало больше... Как это так — после революции языков стало больше. Но тут он имеет в виду как раз литературные языки" (см. с. 00).

[19] Под двумя лингвистами-коммунистами Е.Д.Поливанов имел в виду упомянутых им выше Марселя Коэна и Ханнеса Шёльда. См. примеч. 9.

[20] В первом высказывании французского ученого (М.Коэна?) отражена оценка индоевропейской лингвистики Н.Я.Марром. Во втором издании своего "Классифицированного перечня печатных работ по яфетидологии" (Л., 1926, с. 2-3). Н.Я.Марр действительно приводит цитату с такой оценкой из более ранней своей статьи "Об яфетической теории": "Индоевропейская лингвистика есть плоть от плоти и кость от кости отживающей буржуазной общественности, построенной на угнетении европейскими народами народов Востока их убийственной колониальной политикой" ("Новый Восток". Кн. V. М., 1924, с. 303; то же — "По этапам развития яфетической теории. Сб. статей Н.Я.Марра". М.-Л., 1926, с. 191; ИР, т. 3, с. 1).

Второе высказывание принадлежит, видимо, Антуану Мейе.

[21] Автором раздела является Н.С.Трубецкой. Мы восстанавливаем цитаты, опущенные в стенограмме, по изданию "Les langues du monde" (Paris, 1924, p. 342, 805).

Перевод этих цитат гласит: "Г-н Марр обещал опубликовать новую грамматику этого (абхазского. — *Л.К.*) языка, и можно ожидать, что несколько экстравагантные лингвистические теории этого превосходного кавказоведа не помешают тому, что в ней будет отражена точная и объективная картина". "Г-н Марр предполагает, что следует выделить еще одну небольшую группу языков, которая представлена ныне кавказскими языками и баскским и должна включать также многочисленные мертвые языки, такие как шумерский, эламский, древние языки Передней Азии, этрусский. Это та группа языков, которую он называет яфетической. Индоевропейские же языки в значительной своей части должны были бы заменить эти языки и смешаться с ними".

[22] Название книги в стенограмме отсутствует. Видимо, Е.Д.Поливанов предлагал познакомиться с книгой А.Мейе "Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков" ("Introduction a l'étude comparative des langues indoeuropéennes), русский перевод которой вышел еще в 1911 г. (2-е изд., 1914). См. также примеч. 30 к словарю.

[23] Термин "праязык" в сравнительной грамматике индоевропейских языков впервые стал употребляться Августом Шлейхером для обозначения когда-то единого языка-родоначальника, от которого ведет общее происхождение данная группа языков. О понимании "праязыка" Е.Д.Поливановым см. его "Введение", с. 43-46 и соответствующие статьи его Словаря.

[24] Термин "приматный язык" у Н.Я.Марра, по сути, означал праязык, постулируемый яфетической теорией в виде четырех элементов, из которых состояли многие языки, возникшие независимо друг от друга (см. СОЯ, с. 62).

[25] Подробно см.: *Марр Н.Я.* Китайский язык и палеонтология речи. (V. Берская "лошадь" от моря до моря). — Доклады АН, 1926, с. 129-132 (см. также ИР, т. 4, с. 108-109). "Берский" — образование от одного из четырех элементов — *бер*. Здесь и далее все примеры даны в латинской транскрипции и выверены по работам Н.Я.Марра.

[26] В стенограмме ошибка: "в германском".

[27] Иберские (иверские) языки, по Марру, соседствовали с баскским в Испании и Франции и увязывались с ним. Название это употреблялось и до Марра применительно к неиндоевропейским языкам, существовавшим в древности на этой территории. В "Предварительном сообщении о родстве грузинского языка семитическими..." (1908; см. ИР, т. 1, с. 23) Н.Я.Марр выделял в картвельской или иверийской группе языков грузинский в особую ветвь. Ныне употребителен термин "иберийско-кавказские языки", в которые включают картвельские, абхазо-адыгские (западнокавказские), дагестанские и нахские (восточнокавказские) языки (последние нередко объединяют в одну группу).

[28] Позже, в издании "Избранных работ" Н.Я.Марра, начатых еще при его жизни, видимо, под влиянием критики Е.Д.Поливанова, были устранены явные ляпсусы, в частности, в отношении китайских и японских слов для "золота" и "серебра": "И 'золото' и 'серебро' у китайцев, так же и у японцев, именуется одним без скрещения элементом, "ионским", с дифференциацией: у китайцев для 'золота' сибилянтная разновидность *dın*, а для 'серебра' спирантная — *yın*, у японцев для 'золота' разновидность с начальным согласным глухим *kın*, для 'серебра' — звонким *gın*" (ИР, т. 5, с. 201). Далее, для китайского слова 'дерево' приведено транскрипционное написание *mu [⟷ mo]* (там же, т. 5, с. 213).

[29] Имеется в виду книга Н.Я.Марра: "Яфетическая теория". Баку, Изд. Восточного факультета Азербайджанского гос. университета им. В.И.Ленина, 1928, VIII, 156 с. (то же — ИР, т. 2, с. 3-126).

[30] Древнекитайские фонетические реконструкции слов "золото" и "серебро" у Б.Карлгрена почти совпадают с приводимыми в докладе Е.Д.Поливанова: "золото" — др.-кит. **kịəm*, кант. (гуанчжоуский) *kɐm*, совр.-пек. *ţḁin* (*Karlgren B.* Analytic Dictionary of Chinese and Sino-Japanese, Stockholm, 1924, № 386); "серебро" — др.-кит. **ngịĕn*, кант. *ngɐn*, совр.-пек. *in* (там же, № 312).

[31] Пример с китайскими словами "рыба", "дождь" и "вода" приводится неоднократно Н.Я.Марром в его работах: в докладе "Разложимость примитивов, простых слов и термины для понятия 'рыба'" (1926) (Известия АН, 1926, с. 385-398; то же — ИР, т. 2, с. 173-178), в бакинском курсе "Яфетическая теория" (1927) (ИР, т. 2, с. 7, 55), в докладе "Египетский, шумерский, китайский и их палеонтологические встречи" (Доклады АН, 1927, с. 84; то же — ИР, т. 4, с. 114) и др.

[32] Возможно, в работах Н.Я.Марра "Китайский язык и палеонтология речи. (IV. 'Рыба' ← 'вода')" (Доклады АН, 1926, с. 109-112) или "Почему так трудно стать лингвистом-теоретиком" (1928) (Сб. Языкознание и материализм. I. Л., 1929, с. 1—56; то же — ИР, т. 2, с. 399—426).

[33] В современном китайском путунхуа "дерево" звучит *mù*. Ошибочное написание *mo* было исправлено в посмертном издании "Избранных работ" Н.Я.Марра (см., например, ИР, т. 5, с. 215 и др.).

[34] Слово "бедности" восстанавливается по ленинградскому тексту стенограммы.

Вот, например, как обосновывал Н.Я.Марр первичность ручной (кинетической) речи в работе "Язык" (1927): "Человечество начало свое общение линейной, или ручной, речью, языком жестов и мимики. Оно продолжило его звуковой речью, языком членораздельных звуков, увязанной с линейной речью восприятием достижений, выработанных ею, линейной речью. Первый язык получил свое развитие с развитием общественности, основанной на хозяйственной жизни, протекавшей с помощью природой данных орудий производства. Второй язык, звуковой, возник лишь после того, как человечество перешло на труд с помощью искусственного, им изобретенного орудия. В звуковом языке надо учитывать новый момент в общественном значении речи. Звуковой язык стал орудием власти" (ИР, т. 2, с. 129).

[35] Самоеды — прежнее, ныне не применяющееся название ненцев.

[36] Понятие "примитивные языки" было введено в употребление В. фон Гумбольдтом.

[37] Е.Д.Поливанов был хорошо знаком с Николаем Феофановичем Яковлевым (1892—1974), выдающимся нашим линвистом, и его работами. Н.Ф.Яковлев, в свою очередь, даже в годы апогея аракчеевского режима в языкознании, созданного марристами, всегда благожелательно отзывался о Е.Д.Поливанове и в 1948—1950 гг. рекомендовал нам, студентам Московского института востоковедения, его "Введение" в качестве одного из основных учебных пособий.

[38] Автор имеет в виду работу своего учителя И.А.Бодуэна де Куртенэ "О смешанном характере всех языков" (Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 337. 1901, с. 12—24; то же в его "Избранных трудах по общему языкознанию". Т. 1. М., 1963, с. 362—372).

[39] Н.Я.Марр, установив "родство" [древне]грузинского языка с семитскими (1908), позже стал выделять две большие ветви в составе яфетической семьи — сибилянтную и спирантную. Подразделив далее сибилянтную ветвь на свистящую и шипящую группы, он противополагал последнюю придыхательным заднеязычным спирантам — свистящие длительным (типа *h*) и шипящие прерывистым (типа ʿ) (см., например, Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в созидании средиземноморской культуры. — ИР, т. 1, с. 86; Язык. — ИР, т. 2, с. 131 и др.).

[40] В стенограмме опечатка — Агорян. Но имеется в виду Рачия Акопович Ачарян (1876—1953), крупнейший советский филолог-арменист, основоположник научной армянской диалектологии, член Парижского лингвистического общества (с 1897 г.), давний оппонент Н.Я.Марра (см. Краткая литературная энциклопедия. Т. 1. М., 1962, с. 378-379; *Милибанд С.Д.* Биобиблиографический словарь советских востоковедов. М., 1975, с. 50-51).

Чанский язык ныне известен также под названием лазский.

[41] Идеи классового характера первобытных племен и классовости

в языке придерживались многие советские этнографы и лингвисты того времени, в том числе и Е.Д.Поливанов, и критикуемый им Н.Я.Марр.

[42] Здесь из стенограммы снят фрагмент с объяснениями конкретных примеров, которые трудно восстановить (Е.Д.Поливанов писал их на доске).

[43] Н.Я.Марр писал о месте звукоподражания в возникновении человеческого языка следующее: "...'с самого начала мы должны отсечь глубочайшее заблуждение о какой бы то ни было роли звукоподражания в деле зарождения или возникновения человеческой речи. Напрасно в этом отношении лингвисты-индоевропеисты оспаривают положения психолога Вундта (Wundt). Факт же тот, что при возникновении языка человек вовсе не располагал таким количеством слов, чтобы расточать их на осознанное звукоподражательное выражение тех или иных явлений. Самое явление, звукоподражательная природа многих слов, отнюдь нами не оспариваемая, — результат позднейшей эволюции в восприятии того или иного слова за звукоподражательное только потому, что говорящий привык сочетать данное слово с определенным предметом, имеющим, действительно, в природном своем проявлении звуковое оглашение..." (О происхождении языка [1926, на нем. яз.] — ИР, т.2, с. 199).

[44] Японское название кошки *-neko* состоит из звукоподражания *ne* 'мяу' и ласкательного суффикса *-ko*.

[45] Людвиг Н у а р е (Ludwig Noire, 1829—1889) — немецкий лингвист, автор "трудовой" теории происхождения языка. В работе "Der Ursprung der Sprache" (1877) он пытался вывести язык из непроизвольных криков, "сопутствующих" трудовым процессам (см. *Томсен В.* История языковедения до конца XIX века..., с. 125). Н.Я.Марр использовал его работу "Das Werkzeug und seine Bedeutung für die entwicklungsgeschichte der Menschaft" (Mainz, 1880; рус. пер. — Орудие труда и его значение в истории развития человечества. Киев, 1925) для подкрепления своей гипотезы о примате кинетической (линейной) речи (см., например, ИР, т. 2, с.79, 129 и др.).

[46] Иван Иванович М е щ а н и н о в (1883—1967) — один из ближайших учеников и последователей Н.Я.Марра, академик АН СССР с 1932 г. Н.Я.Марр считал его лучшим специалистом по халдскому (или халдейскому) языку и ванской клинописи. Однако в своей докторской диссертации "Халдоведение. История древнего Вана, включающая древнейшие сведения о Закавказье. Система письма и чтения клинописных текстов халдов-урартов" (1927) он, увлекшись четырехэлементным анализом Н.Я.Марра, произвольно вывел имена девяти халдейских царей из понятия бога-сына, за что и подвергся критике со стороны Е.Д.Поливанова.

[47] Речь идет об одном из выступлений Н.Я.Марра в Москве, в котором он использовал материал своего доклада "Происхождение терминов 'книга' и 'письмо' в освещении яфетической теории", прочитанном 10 мая 1926 г. на заседании Научно-исследовательского института книговедения при Государственной публичной библиотеке в Ленинграде (см. ИР, т. 3, с.219—245).

[48] Цитата, начинающаяся словами: "В яфетидологии есть или по крайней мере была..." нами не обнаружена в упоминавшейся работе Н.Я.Марра "Чуваши-яфетиды на Волге" (см. примеч. 4).

[49] Теория эволюции языка разрабатывалась Е.Д.Поливановым с начала 20-х годов. См., в частности его: "Факторы фонетической эволюции языка как трудового процесса", "Где лежат причины языковой эволю-

ции?" и др. (см. СОЯ, с. 57-134). О судьбе его работы "Теория эволюции языка" см. в публикуемом здесь Экскурсе.

[50] Имеется в виду курс лекций по общему учению о языке, прочитанный Н.Я.Марром на Восточном факультете Азербайджанского государственного университета им. В.И.Ленина в 1927 г. Он вышел из печати в 1928 г. в Баку под названием "Яфетическая теория" (см. ИР, т. 2, с. 3—126; см. также примеч. 29). В 1926 г. был издан сборник "По этапам развития яфетической теории", а не курс! В перепечатке (ИР, т. 2) он состоит из предисловия Н.Я.Марра (датированного 16 июня 1927 г., с. 3-4), "Программы общего курса учения об языке" (издана отдельной брошюрой в 1927 г.; с. 5—12), "Вступительной речи к курсу общего учения об языке, читанному в Азербайджанском университете" (с. 12—22) и "Общего курса учения об языке" (с. 23—126).

[51] Ныне принят термин "семитские языки".

[52] Имеется в виду уже упоминавшаяся ранняя работа Н.Я.Марра "Основные таблицы к грамматике древнегрузинского языка с предварительным сообщением о родстве грузинского языка с семитическими" (СПб., 1908, 16 с., XX табл.).

[53] А.Мейе читал этот курс в Коллеж де Франс начиная с 1906 г. Этот курс был расширен и опубликован в виде руководства по сравнительной грамматике индоевропейских языков под названием "Introduction a l'étude comparative des langues indoeuropéennes" (2-éme éd. P., 1908; в переводе Д.Н.Кудрявского на рус. яз. — "Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков". Юрьев, 1914; М.-Л., 1938). См. также примеч. 22.

[54] Эта гипотеза развивается и в последней обобщающей работе Т.В.Гамкрелидзе и Вяч.Вс.Иванова "Индоевропейский язык и индоевропейцы" (Т. 1-2. Тбилиси, 1984).

[55] В июне 1921 г. Н.Я.Марр вносит в Академию наук Проект об организации Института яфетидологических исследований (или, как он его именовал — Института яфетидологических изысканий), который был создан в Петрограде осенью того же года, а в следующем году получил название Институт яфетических языков АН. Позже он был переименован в Яфетический институт, а в 1931 г. — в Институт языка и мышления. В 1933 г. Институту было присвоено имя Н.Я.Марра. Этот институт был основным центром яфетидологических исследований. После лингвистической дискуссии в июле 1950 г. он был объединен вместе с Институтом русского языка АН СССР в единый Институт языкознания АН СССР.

[56] Приведем цитату из работы Н.Я.Марра: "У чуваш[ей] термин [*pogaŋ*//*pugaŋ*] значит, с одной стороны, 'стул', 'трон', с другой 'куклу', в последнем значении с приросшим к нему притяжательным местоимением *pogaŋ-e*//*pugaŋ-e*; все это позднейшее бытование культового термина, означавшего 'небеса', 'божество', 'бога' <...> Полная форма слова **por-gan*, название племени, двойника болгар, для которых *por-gan* → *porg* с утратой *r* — *pogaŋ*, являлось 'тотемом', 'тотемным божеством'. И вот этот тотем и есть русское название 'бога', имеющее широкое распространение у ряда индоевропейских, еще больше яфетических, народов < ...>

Я не думаю оспаривать, что русское "поган" 'язычник' находится в сродстве с лат. *pagan-us*, как чув. *pogaŋ*//*pugaŋ*, но при выяснившихся фактах разве можно утверждать, что эти чувашские и русские слова, которые разъединить никак нельзя, в восточную Европу проникли из Италии?.." [*Марр Н.Я.* Из переживаний доисторического населе-

ния Европы, племенных или классовых, в русской речи и топонимике (Вперед к чувашам и на Волгу). (1925) — ИР, т. 5, с. 311-312].

[57] Как любезно сообщил нам Ю.Х.Сирк (Институт востоковедения АН СССР) слово *pagan* в современном эстонском языке означает прежде всего 'язычник', а в ругательствах — 'черт', 'дьявол'.

[58] Имеется в виду сборник статей Н.Я.Марра "По этапам развития яфетической теории" (М.-Л., 1926. Изд. Научно-исследовательского института этнических и национальных культур народов Востока, № 8). Упоминаемые Е.Д.Поливановым примеры относятся к тексту статьи Н.Я.Марра "Об яфетической теории", опубликованной в журнале "Новый Восток" (Кн. 5, 1924, с. 303—339) и затем отдельной брошюрой под названием "Яфетическая теория" (Изд. ВНАВ, 1924; то же — ИР, т. 3, с. 1—34). См. также примеч. 20. Именно за эту статью Н.С.Трубецкой назвал Н.Я.Марра "сумасшедшим" (см. "N.S.Trubezkoy's Letters and Notes". Prepared by R.Jakobson The Hague — P[aris], 1975).

Для пояснения современному читателю приведем цитату из этой работы Н.Я.Марра (с небольшими сокращениями): "Мы в ἄριστος 'наилучший', ἀριστερός 'левый' и ἄριστον 'завтрак' имеем яфетические слова из языка, вроде армянского или баскского, не терпевшего начального *r*, почему звуку *r* вначале предпослан гласный *a*-, здесь, значит, не именной префикс, а фонетический придаток. Основа чистая -*ris*, двойник основы *res*-, -*t* и -*ter* суффиксы, также яфетические < ...>. Основа *res*- — разновидность племенного названия этрусков, эквивалент спирантного *rih*, который в виде *ri*- < ...> существует у кавказских этрусков или пеласгов в форме множ. числа *ri-gu*//*rigi* в значении 'хороший' < ...>. Но в греческом этническом образовании *arist*- 'этруск' уже сословно стал выразителем 'хорошего' в превосходной степени, очевидно, до индоевропеизации „греков" < ...>. Что касается ἄριστον 'завтрак', то и его яфетическая основа *a-ris-t* происходит от племенного названия *r s* с известными уже формативами *a*- и -*t*; это вовсе не составное слово из 'утра' и 'еды', как не составное слово у русских „завтрак", „утренник". Дело в том, что < ...> основа этрусского племенного названия *rиш*//*riш*, resp. *ris* и т.п. означает 'тотем-лошадь', специально 'красную лошадь', 'зарю-утро', т.е. значит, и 'утро'" (*Марр Н.Я.* По этапам развития яфетической теории, с. 227-228).

[59] Видимо, лат. Probātum est 'Одобрено! Испытано!'. В стенограмме передано: "пробиндум".

[60] Австрийские лингвисты Рудольф Мерингер (Rudolf Meringer, 1859—1931) и Гуго Шухардт (Hugo Schuchardt, 1842—1928) считаются основателями школы "слов и вещей" (Sachen und Wörter), которая изучала историю слов не только в лингвистическом плане, но и в связи с историей вещи. Фактически школа "слов и вещей" оформилась в 1909 г., когда Р.Мерингер стал издавать журнал "Wörter und Sachen". Но начало ей положил в 1904 г. Р.Мерингер опубликованием статьи "Wörter und Sachen" (в "Indogermanische Forschungen". Bd 16). Г.Шухардт же свою статью "Sachen und Wörter" (Anthropos. Bd 7) издал позже, в 1912 г. В этих и других работах они связывали явления языка и явления материальной культуры. Н.Я.Марр по-своему использовал лингвистические учения прошлого при создании яфетической теории. Например, его предисловие к бакинскому курсу "Яфетическая теория" (1927) начинается так: "Идеи, неразрывно связанные с языковедным построением яфетической теории, можно легко подобрать у различных

писателей, даже у консервативных представителей старой лингвистической школы, не исключая ее современного столпа А.Мейе < ...>, тем более подобные встречи легко наблюсти с Г.Шухардтом < ...>, материально шире, хотя и не глубоко ориентированным во взаимоотношениях языков различных систем..." (ИР. Т. 2, с. 3).

[61] Е.Д.Поливанов имел в виду известную работу Отто Шрадера (Otto Schrader; 1855—1919) "Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde" (Bienne-Strassburg, 1901), посвященную лингвистической палеонтологии индоевропейских народов.

[62] Этот список созвучных чувашских и грузинских слов у Н.Я.Марра следующий:

1. чув. *вιυ-ӗ* 'холодный'; груз. *ϑ̉ιυ-ι* 'холодный';

2. чув. *tιυ-ев* 'дотрагиваться', 'достигать'; груз. *ṫἱυа̓* 'достиг', 'настиг';

3. чув. *ɕιу-ев* 'есть', 'кушать'; чув. *ɕι-тӗɕ* 'пища', 'еда'; груз. *шι* 'еда';

4. чув. *ɕ̉ir* 'боль', 'болезнь'; груз. *ṭιr* 'болезнь' (см. *Марр Н.Я.* Чуваши-яфетиды на Волге. Чебоксары, 1926, с. 12-13).

[63] Далее в стенограмме очень невнятная запись объяснений примеров, записанных Е.Д.Поливановым на доске. Мы вынуждены опустить абзац.

[64] Подробно см. в работе Н.Я.Марра "О чанском языке": "... восточное наречие [чанского языка] сохранило горловой яфетический звук *k̊* или в непочатой сохранности, или в степени отупения — *k*, лишив *ķ* < ...> аспирации ʸ, а западное [наречие] — нет: оно наоборот, лишило *ķ* твердого элемента, сохранив его аспирацию ʸ, которая затем исчезла после согласных или исчезает везде, можно сказать, на наших глазах, напр. на восточном наречии *k̊ona* 'пашня', на западном *ʸona*, гевр. *ona* <...> в восточном говоре<...>долго сохранялся спирант ʸ, ныне вымирающий, в непочатом виде, в западном говоре — его заменял *y*, также вымирающий, напр., <...> в западном говоре — *ona* (←**yona*)" (ИР. Т. 1, с. 46).

[65] Иннарвос — Научно-исследовательский институт этнических и национальных культур народов Востока СССР, образованный из Комитета по изучению языков и этнических культур восточных народов СССР в Москве в 1927 г. Директором его был Н.Я.Марр, действительным членом — Е.Д.Поливанов. Позже этот институт был преобразован в Институт национальностей, а затем стал называться Институтом языка и письменности народов СССР АН СССР, превратившимся, наконец, в Московское отделение Института языка и мышления.

[66] См. *Марр Н.Я.* Чуваши-яфетиды на Волге, с. 25 (то же ИР, т. 5, с. 338).

[67] Е.Д.Поливанов саркастически обыгрывает сравнение русского слова *пена* (*пѣна*) с латинским *perna* 'задняя часть бедра', 'ляжка'.

[68] О названиях "салский", "ионский" и др. Н.Я.Марр писал следующее: "Предварительного усвоения требует то положение яфетического языкознания, без которого не понять техники яфетического анализа. Это то, что все слова восходят к племенным названиям, первичным элементам речи. Племенных слова основных четыре: *салское*, *берское*, *ионское* и *рошское*" (*Марр Н.Я.* Происхождение терминов 'книга' и 'письмо' в освещении яфетической теории. — ИР, т. 3, с. 225-226). Далее он давал разъяснение этих слов — архетипов племенных названий. Так, под салским языком Н.Я.Марр понимал язык древних прими-

тивных альпийских племен салов (алов, альпов, италов), название которого происходит, по его гипотезе, от одного из четырех элементов — SAL или SAR (в скрещении — Sar-mat) (см. ИР. Т. 1, с. 225), и т.д. См. также примеч. 10.

[69] См. *Марр Н.Я.* Чуваши-яфетиды на Волге, с. 25 (то же — ИР. Т. 5, с. 338).

[70] См. там же, с. 26 (то же — ИР. Т. 5, с. 338-339).

[71] См. там же.

[72] Под бакинскими лекциями подразумевается упоминавшийся выше университетский курс "Яфетическая теория..." (1927), см. примеч. 50.

[73] По косвенным данным, сообщенным в докладе Е.Д.Поливанова, и предположению И.М.Дьяконова, таким академиком среди востоковедов мог быть Павел Константинович Коковцов (1861—1942), крупнейший русский семитолог, академик с 1912 г., который, как и Ф.И.Щербатской, не признавал учения Н.Я.Марра. Непременным секретарем Академии наук с 1904 по 1929 г. был Сергей Федорович Ольденбург (1863—1934).

[74] Имеется в виду "индоевропейское языкознание" (одну из оценок его Н.Я.Марром см. в примеч. 20).

[75] После слов "... полное единогласие" в московском тексте стенограммы, который мы взяли за основу, отсутствуют арх. л. 42—43, хотя общая архивная пагинация (л. 28-29) последовательно сохранена (листы же с пагинацией стенографисток 15/1-2 отсутствуют). Восстанавливаем их по ленинградскому варианту стенограммы. Продолжение московского текста стенограммы следует со слов: "И вот когда многие вещи станут ясными...".

[76] Е.Д.Поливанов явно имел в виду Владимира Каземировича Шилейко (1891—1930), преподававшего в Ленинградском университете аккадский, шумерский языки и, впервые в России, хеттский (см. Краткая литературная энциклопедия. Т. 9. М., 1978, с. 794).

[77] Цитата, которую привел Е.Д.Поливанов, отсутствует в стенограмме, а слова "Глубже на Восток..." не удалось идентифицировать с источником. Вообще же для языка Н.Я.Марра действительно характерны усложненные синтаксические периоды, в которых ясность и последовательность выражения мысли нередко теряются. Таких примеров можно найти много, почти в каждой работе Н.Я.Марра.

[78] В стенограмме опечатка: вместо "синтетический" должно быть "статический".

[79] A, B, C, D — условные звуковые выражения расположения четырех лингвистических элементов (SAL, BER, YON, ROШ) в составе слов, разложимости на эти элементы всех слов, в том числе и племенных названий (см. ИР, т. 5, с. 387). См. также примеч. 10, 68.

[80] В журнале Научной ассоциации востоковедения СССР "Новый Восток" в книге 22 за 1928 г. были опубликованы четыре доклада, прочитанные в совместном заседании НАВ СССР, Иннарвоса, РАНИОН и Института востоковедения им. Н.Нариманова. Из них три представляли собой хвалебные оды по случаю сорокалетия научной деятельности Н.Я.Марра — И.Бороздина "Сорок лет научной деятельности Н.Я.Марра" (с. 163—168), С.Асфендиарова "Проблема нации и новое учение о языке" (с. 169—183) и В.Аптекаря "Яфетическая теория Н.Я.Марра и марксизм" (с. 189—193). В число перечисленных Е.Д.Поливанов не включил более или менее научную статью лингвиста Л.Мсерианца "Средний период истории армянского языка и труды акад. Н.Я.Марра" (с. 184—

188). Действительно упомянутые Е.Д.Поливановым авторы не были лингвистами. Илья Николаевич Бороздин (1883—1959) — историк, причем, больше русист, чем востоковед, в те годы член редколлегии журнала "Новый Восток", был репрессирован (подробно см.: *Милибанд С.Д.* Биобиблиографический словарь советских востоковедов. М. 1972, с. 89-90). Санжар Жафарович Асфендиаров (1889—1938) — историк, в то время заместитель директора Иннарвоса (см. примеч. 65), входил в состав Всесоюзного центрального комитета Нового алфавита, в 30-е годы был ректором университета в Алма-Ате; был репрессирован. Валериан Борисович Аптекарь (1899—1938) — врач по образованию, занимавший в те годы много постов одновременно: ученый секретарь подсекции материалистической лингвистики секции литературы, искусства и языка Комакадемии, заведующий редакционно-издательским отделом РАНИОН и т.д.; был одним из ярых глашатаев "нового учения" о языке Н.Я.Марра и одним из главных организаторов травли Е.Д.Поливанова; в начале 30-х годов сам подвергся гонениям, а в 1937 г. репрессирован.

[81] В.Б.Аптекарь, которого Марр считал одним из самых верных своих учеников, сам говорил про себя, что он "такой же лингвист, как матрос 2-й статьи" [*Реформатский А.А.* Петр Саввич Кузнецов (1899—1968). — Язык и человек. М., 1970, с. 22].

[82] Под "ней" Е.Д.Поливанов скорее всего имел в виду Розалию Осиповну Шор (1894—1939), которая выступила первой после его доклада. Стремясь отстаивать компаративистику, Р.О.Шор занимала компромиссную позицию по отношению к "новому учению" о языке Н.Я.Марра. Правда, в следующей фразе своего выступления Е.Д.Поливанов тактично заменил местоимение "она" "этой публикой". В реплике на выступление Р.О.Шор он также уклонился от ответа, сказав, что "не берет на себя причисление ее к числу колеблющихся" (см. стенограмму, л. 57-58), хотя сама она отмежевалась от Е.Д.Поливанова и отнесла себя к колеблющимся.

[83] Эта статья Е.Д.Поливанова вышла под заглавием "Круг очередных проблем современной лингвистики" в журнале "Русский язык в советской школе", 1929, № 1, с. 57-62 (она перепечатана также в СОЯ, с. 178—186). См. также примеч. 86 и 93.

[84] Перед выступлением Е.Д.Поливанова в Комакадемии были размножены на ротаторе тезисы этого его доклада "Проблема марксистского языкознания и яфетическая теория", в которых и идет речь о путях создания марксистской лингвистики. Они опубликованы по экземпляру, хранящемуся в рукописном отделе Государственной публичной библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (ср. 246, И.Я.Депман, № 4) в СОЯ, с. 176-177. Но в экземпляре тезисов, хранящихся в Ленинградском отделении Архива АН СССР (ф. 800, Н.Я.Марр, оп. 6, № 393), имеется ряд существенных разночтений в пункте 8.

[85] Фатима Аскаровна Девлеткильдеева (1886-?) — аспирантка Иннарвоса, преподававшая также татарский язык. Известна тем, что ее работа "К вопросу о движении языка как идеологической надстройки. По материалам "нового учения" о языке (О яфетической теории)", представлявшая сплошной набор цитат из произведений Н.Я.Марра, была раскритикована самими марристами.

[86] Статья Е.Д.Поливанова (см. примеч. 83) была опубликована в журнале "Русский язык в советской школе" (1929, № 1). В докладе ошибочно упомянуто название другого журнала.

[87] О том, что это была заранее запланированная акция по разгрому Е.Д.Поливанова, посмевшего выступить с критикой "всемирно известного марксистского ученого" Н.Я.Марра, свидетельствует тщательно продуманная предварительная подготовка организаторов дискуссии (подбор выступавших, реплики из зала и т.п.). Ведь открывая заседание, председательствующий акад. В.М.Фриче предупредил: "У нас имеется уже готовый список ораторов". То же самое повторил и В.Б.Аптекарь с тем, чтобы скомкать выступление Е.Д.Поливанова и накалить обстановку перед дискуссией (см. СОЯ, с. 22-23).

[88] По этой части доклада Е.Д.Поливанова отсылаем читателя к тезисам автора на ту же тему, опубликованным в СОЯ, с. 176-177.

[89] В стенограмме приведена искаженная фамилия: Шпенгель (в ленинградской стенограмме) или Шпентель (в московской стенограмме). Е.Д.Поливанов имел в виду поборника натурализма в языкознании Августа Шлейхера (August Schleicher, 1821—1868), испытавшего влияние диалектики Гегеля, а также завершившего биологическую теорию языка, перенеся в область лингвистики положения дарвинизма.

[90] В ленинградском тексте стенограммы эта часть фразы пропущена.

[91] В московском и ленинградском текстах стенограммы ошибка: вместо "естественноисторической" напечатано "единственной исторической".

[92] В ленинградском тексте стенограммы эта часть фразы пропущена.

[93] Сходное определение языка дано в статье Е.Д.Поливанова "Круг очередных проблем современной лингвистики", с. 57 (то же — СОЯ, с. 178).

[94] Слово приведено по московскому тексту стенограммы, в ленинградском ошибочно — "замечалась".

[95] Об этом см. примеч. 60.

[96] Эта работа была опубликована в "Ученых записках Института языка и литературы Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук /РАНИОН/" (Т. III. М., 1928, с. 20—42; то же — СОЯ, с. 57—74). Этот том, видимо, вышел в свет весной 1929 г. Данную часть доклада мы не комментируем и отсылаем читателя к комментариям А.А.Леонтьева и Вяч.Вс.Иванова в СОЯ, с. 317-318 и 327-329. Продолжение этой темы, намеченной в докладе, нашло воплощение в более поздней статье "Где лежат причины языковой эволюции?", вошедшей в сборник "За марксистское языкознание. Сборник популярных лингвистических статей" (М., 1931, с. 36—53; то же — СОЯ, с. 75—89).

[97] См. *Сталин И.В.* О политических задачах Университета народов Востока. (Речь на собрании студентов КУТВ 18 мая 1925 г.). — Соч. Т. 7. М., 1947, с. 139. Позже, в 1950 г., в работе "Марксизм и вопросы языкознания" он развивает эту мысль, критикуя Н.Я.Марра.

[98] Николай Михайлович Каринский (1873—1935) — известный советский языковед-славист. В своих трудах по исследованию языка древнерусских памятников и современных диалектов он пользовался апостериорным методом (подробно о нем см.: Русский язык. Энциклопедия. М., 1979, с. 108-109).

[99] Е.Д.Поливанов имеет в виду свое "Введение в языкознание для востоковедных вузов".

[100] Под "лакеями" Е.Д.Поливанов имел в виду прежде всего сидевших в зале историка П.Ф.Преображенского и ряда других ученых, "оберегавших" таким путем авторитет Н.Я.Марра.

[101] В московском тексте стенограммы — "спаивает", в ленинградском — "сливает".

[102] Прения по докладу Е.Д.Поливанова были продолжены спустя две недели, 18 февраля. Председательствовал на этом заседании В.Б.Аптекарь. В президиум были приглашены приехавшие из Ленинграда для защиты яфетической теории Н.Я.Марра — И.Г.Франк-Каменецкий, Н.С.Державин, И.И.Мещанинов и А.А.Холодович. Председательствующий предоставил Е.Д.Поливанову слово для конкретизации некоторых примеров, упоминавшихся в его докладе. Ввиду плохой стенографической записи все примеры восстановлены нами (*Л.К.*).

[103] По реконструкции Б.Карлгрена в архаическом китайском слово "дождь" звучало *jiu, а слово "рыба" — *ngi^{w}o (*Karlgren B.* Analytic Dictionary of Chinese and Sino-Japanese, № 1324 и 1332).

[104] Е.Д.Поливанов имеет в виду следующее высказывание Н.Я.Марра: "Из этих трех (языков самых разных семей: грузинский, тибетский и малайский. — *Л.К.*) в отношении указанной общей морфологической черты — префиксного образования — сходящихся языков малайский и тибетский проявляют признаки реального родства: малайский с японским и тибетский с китайским, между тем ни в японском, ни в китайском нет и следов префиксного образования" (*Марр Н.Я.* Общий курс о языке [1927]. — ИР, т. 2, с.55).

[105] Георг фон дер Г а б е л е н ц (George von der Gabelenz, 1840—1893) в своей знаменитой "Die chinesische Grammatik" (1891) указывал на родство между китайским и тибетским языками.

[106] Точное библиографическое описание: *Conrady A.* Causativ-Demonstrative Bildung und ihr Zusammenhang mit den Tonaccenten. Lpz., 1896.

[107] У Е.Д.Поливанова здесь и далее ошибка — надо 1918 г. Статья опубликована в "Известиях Российской Академии Наук", серия VI, Т. XII, №18, 1918, с. 2283-2284 (то же — СОЯ, с. 143-145).

[108] Речь идет об упомянутом выступлении Р.О.Шор в прениях сразу же после доклада Е.Д.Поливанова в первый день. В нем она, по существу, отмежевалась от Е.Д.Поливанова. Между тем Р.О.Шор и Е.Д.Поливанов одними из первых лингвистов применили теорию вероятностей в языкознании.

[109] Как считал Е.Д.Поливанов, вторая часть его доклада, посвященная его взглядам на построение "марксистского языкознания", была навязана ему президиумом заседания. Об этом он говорил и в заключительном слове. Судя по стенограмме, председательствовавший на первом заседании В.М.Фриче под "давлением" присутствующей публики настоял на второй, "конструктивной", части доклада. Между тем Е.Д.Поливанов просил одного из организаторов этой дискуссии Г.К.Данилова о возможности предоставления ему дополнительного времени для двух по сути самостоятельных докладов, в чем ему было отказано. Об этом см. также в Экскурсе.

[110] Действительно, в РАНИОН'е, где Е.Д.Поливанов с 1926 г. был действительным членом, а с 1927 г. председателем лингвистической секции Института языка и литературы, в планах научно-исследовательской работы на 1928-1929 гг. значилась тема ревизии (т.е. оценки и критики) западноевропейских работ, которые методологически были близки к советскому языкознанию того времени. Эта тема не была до конца реализована в связи с вынужденным переездом Е.Д.Поливанова в Самарканд, который последовал вскоре после его выступлений в Комакадемии.

[111] Григорий Андреевич Ильинский (1876—1937) — крупнейший славист, член-корреспондент АН СССР (с 1921 г.). Он активно доказывал абсурдность яфетической теории Н.Я.Марра. Из выступавших в прениях по докладу Е.Д.Поливанова он был единственный, кто поддержал основные положения докладчика и с полной определенностью выразил свое несогласие с "новым учением" о языке. (Ввиду важности этого выступления мы приводим его в форме цитат по стенограмме, выправленной автором).

За свое выступление Г.А.Ильинский, как и Е.Д.Поливанов, поплатился многим. Так, в 1930 г. он был выдвинут в действительные члены АН СССР (записку об ученых трудах проф. Г.А.Ильинского подписали академики Б.М.Ляпунов, Е.Ф.Карский, В.М.Истрин и В.Н.Перетц), но на заседании Московского отделения АН его кандидатура была отведена из-за того, что он "до сих пор занимает совершенно непримиримую позицию [по отношению к „новому учению" о языке. — *Л.К.*], стоя на базе индоевропейской теории, без попыток перестроиться" ("Литературная газета", 1931, № 4). Вместо него прошел в академики другой славист — Н.С.Державин, которого выдвинул Н.Я.Марр. В конце 1930 г. Г.А.Ильинский получил полную академическую пенсию. В 1934 г. был репрессирован. Подробно см.: *Журавлев В.К.* Григорий Андреевич Ильинский (1876—1937). М., 1962; *Ларцев В.Г.* Евгений Дмитриевич Поливанов..., с. 83.

Из выступления Г.А.Ильинского в прениях по докладу Е.Д.Поливанова 25 февраля 1929 г.:

"Со стесненным сердцем я выступаю на этой кафедре. С первых же слов я должен признаться, что чувствую себя здесь не в благородной роли Дон Кихота, сражающегося с ветряной мельницей. Но мое положение, пожалуй, еще хуже положения Дон Кихота. Тот, по крайней мере, делал это бессознательно, он воображал, что сражается с каким-то могучим героем, я же не питаю на этот счет никаких иллюзий. Не я галлюцинирую, но те, кто в яфетической теории видят не дикую фантасмогорию, а чудо науки, какой-то шедевр научного творчества.

Тридцать лет я работаю на поле славянского языкознания. Но должен признаться, что мне не случалось встречаться с теорией, которая была бы построена так опрометчиво и так легкомысленно, — даже в чисто научно-техническом значении, как яфетическая теория...". Н.Я.Марр "обязан был бы, по крайней мере, ознакомиться с главнейшими капитальными работами в данной области [т.е. по многочисленным языкам, включенным им в яфетическую семью. — *Л.К.*]. Однако ни из самого изложения, ни из так называемого "нижнего этажа" его книг не видно ни малейших следов знакомства с этими произведениями. Марр почти никогда не полемизирует со своими предшественниками, как будто бы работает один, как будто бы у него не было никаких предшественников.

... Он часто не знает элементарных данных этих языков. Только этим можно объяснить те огромные ошибки, которыми прямо кишат его произведения и образцы которых приводил уже проф. Поливанов в своей блестящей критике этой теории. Итак, отсутствие надлежащей эрудиции составляет первый недостаток научного творчества Марра".

Другим недостатком является "крайне своеобразное отношение к фактам языка... Он (Марр) или отмахивается от неприятных ему фактов, как от надоедливых мух, или просто умалчивает о них". Но и даже приводимые им факты он использует совершенно произвольно, "совершенно на манер ученого XVIII в., руководствуясь чисто случайными

созвучиями звуков. Совершенно так, как, например в XVIII в. Тредиаковский объяснял *Италию* из „Обиталия" или *Германию* из „Холмания", и Марр утверждает, что слово *черемиси* тождественно со словом *сарматы*... Даже во второй части слова *славянин* он видит тот элемент, который тождествен со второй частью *герман*, *германец* и, мало того, со второй частью грузинского *хартвели*! Здесь Марр доходит до таких Геркулесовых столбов, о которых не смел мечтать даже Тредиаковский". Многие его "этимологии не только невежественны, не только не объясняют ничего, но даже представляют собой прямой вызов простому здравому смыслу".

"При таком, донельзя упрощенном обращении с фактами, конечно, мы не должны удивляться той поразительной легкости, с которой Марр совершает свои открытия. Скорее, чем каждый из нас закурит папиросу, Марр открывает все новые и новые самые неожиданные перспективы... до бесконечности... Это — типичные эфемеры, в которые никто не верит, кроме самого автора. Они могут импонировать лишь только начинающим лингвистам, да разве еще тем ученым, которые стоят вдали от лингвистической лаборатории, как, например, историкам, литературоведам, археологам и т.д. Но для ученых, которые посвящены в тайны техники нашей науки, метод Марра и его открытия могут производить или смех, или ужас, смотря по темпераменту".

Выступавший не находит и следов "гениальной интуиции", приписываемой Марру, и видит в его теории "полный хаос... Ведь Марр строит пока свое здание совершенно без плана и метода. Хуже того, он строит это здание не с фундамента, а с крыши... По моему мнению, необходимой предпосылкой для теории Марра должны быть, по крайней мере, четыре сравнительных грамматики": 1) кавказских, 2) семитических, 3) баскского и кавказских, 4) кавказских и индоевропейских языков. "Марр ни одной из перечисленных грамматик не создал, да и не мог создать... Итак... яфетическая теория не представляет ничего стройного, ничего обоснованного". Но, как скажут некоторые из его сторонников, "зато у него есть одно великое достоинство — это то, что он является пионером марксистского метода в лингвистике... К великому сожалению, марксизм Марра я должен признать чистейшим недоразумением... Как можно применять этот [т.е. классовый. — *Л.К.*] подход, когда речь идет о языках, существовавших за 5000 лет до Р.Х.?! Мы ничего не знаем о тех классах, которые тогда были. Марр это прекрасно знает, лишь в исключительных случаях позволяет себе делать ссылки на классы. Но эти ссылки скорее походят на пародию на марксизм, чем на действительный марксистский метод... Я утверждаю, что яфетическая теория, даже в смысле правильности своего марксистского метода, вызывает самые серьезные сомнения".

Г.А.Ильинский делает общий вывод в виде следующего тезиса: "Яфетическая теория не только не представляет никакого научного завоевания, не только не заключает в себе никаких новых достижений, но представляет собою рецидив, возвращение к той младенческой эпохе языкознания, когда, по счастливому заявлению Вольтера, согласные значили мало, а гласные совсем ничего. Такой метод был вполне извинителен тогда, когда научное языкознание находилось еще в пеленках. Теперь же, когда наша наука превратилась в науку, которая своей точностью почти ничем не уступает естественным наукам, такая теория ничего не может принести, кроме хаоса, ничего, кроме вреда".

[112] О проф. Н.Ф.Яковлеве см. примеч. к с. 108 и примеч.* к с. 177 "Введения".

Обладая самостоятельным лингвистическим мышлением и отчетливо осознавая научную несостоятельность ряда положений "нового учения" о языке Н.Я.Марра, Н.Ф.Яковлев в своем выступлении в прениях занял все-таки компромиссную позицию и не поддержал основной пафос доклада Е.Д.Поливанова. Такое поведение можно объяснить не только тем, что он был обязан Н.Я.Марру своими кавказоведческими занятиями, но и тем, что он всерьез увлекся некоторыми положениями яфетической теории. Двойственное отношение к учению Н.Я.Марра в работах Н.Ф.Яковлева проявлялось и позже. То он, например, в те трудные годы не оставляет камня на камне от марровского абхазского аналитического алфавита (в статье 1931 г.), то он выступает апологетом "нового учения" о языке Н.Я.Марра (в статье 1949 г.), когда можно было уже не делать этого.

113 Николай Севастьянович Державин (1877—1953) — видный славист, профессор Ленинградского университета. В первые годы советской власти был вдохновителем "группы левой профессуры", которая сыграла очень большую роль в процессе советизации высшей школы. Велика его роль в реорганизации Петроградского университета. В 1922-1933 гг. был директором Научно-исследовательского института языков и литератур народов Востока и Запада. В 1931 г. по представлению Н.Я.Марра он был избран действительным членом АН СССР (см. также примеч. 111). В частности, в составленной Н.Я.Марром "Записке об ученых трудах Н.С.Державина" особо отмечалось значение его работ по яфетидологии, по "новому учению" о языке. Отсюда понятен и пафос его выступления на дискуссии по докладу Е.Д.Поливанова. Подробно см.: Николай Севастьянович Державин. М.-Л., 1949.

114 С Л.Д.Троцким Е.Д.Поливанов был связан с первых дней Октября. Работая "уполномоченным народного комиссара по иностранным делам" (т.е. заместителем Л.Д.Троцкого), он вместе с И.А.Залкиндом и Н.Г.Маркиным участвовал в поистине грандиозном мероприятии по поиску, расшифровке и опубликованию тайных договоров царского и Временного правительств. И когда эффект от опубликования тайных договоров оказался подобен взрыву бомбы, у Л.Д.Троцкого, без прямого участия которого все это происходило, взыграло уязвленное самолюбие и он попытался своей публикацией недостойным методом "изобличить" Е.Д.Поливанова в его, якобы, причастности к Союзу русского народа и тем самым принизить его роль в этом великом начинании. Подробно о работе Е.Д.Поливанова в Наркоминделе, хотя и с явной недооценкой его роли, см.: "Международная жизнь", 1927, № 10; "История СССР", 1964, № 1; "Археографический ежегодник за 1963 г.". М., 1964, с. 201—204; *Сонкин М.* Ключи от бронированных комнат. М., 1970; *Ирошников М.П.*, *Чубарьян А.О.* Тайное становится явным. М., 1970, с. 24-25, 45-48, и др.

115 Подробно о клеветническом "обвинении" Е.Д.Поливанова в принадлежности к Союзу русского народа, прозвучавшем в выступлении Охитовича, и его неопубликованном ответе, направленном в "Вечернюю Москву", см.: *Ларцев В.Г.* Евгений Дмитриевич Поливанов..., с. 83—88.

116 Михаил Андреевич Рейснер (1868—1928) — историк, профессор Петроградского университета, примкнувший к большевикам еще в 1905 г.

117 Карл Бернгардович Радек (1885—1939) — деятель российского и международного коммунистического и рабочего движения. В 1925-1927 гг. — ректор Университета народов Востока (Москва). В 1927 г. на XV съезда ВКП(б) был исключен из партии за принадлежность к троцкистской оппозиции (в 1930 г. был восстановлен в партии). В те годы

его клеймили как только могли, выливая ушаты грязи. В 1936 г. был арестован, в 1939 г. убит в тюрьме. В кругу политических шутников его именовали Радеком-Крадеком.

[118] О том, что Е.Д.Поливанов не состоял в Ученой корпорации, см.: *Ларцев В.Г.* Указ. соч., с. 200-201.

[119] К сожалению, пока не удалось восстановить пропущенное в стенограмме имя, так как сама заметка Л.Д.Троцкого в журнале "Международная жизнь" за 1922 г. нами не найдена.

[120] Таким течением был лингвистический модернизм, возникший в Петербургском университете в 1910—1920-х годах в рамках Неофилологического общества. Его представители — И.А.Бодуэн де Куртенэ, А.А.Шахматов, Л.В.Щерба и другие заявляли, что "современный язык имеет не меньше прав на научное исследование, чем история языка" (см. *Лоя Я.В.* История лингвистических учений. М., 1968, с. 239-240).

[121] Имеется в виду только что вышедшая тогда книга М.Я.Немировского "Язык и культура. К увязке лингвистики с общественными науками" ("Известия Горского педагогического института им. С.Орджоникидзе". Т. 5. 1929).

[122] Оппонентом Е.Д.Поливанова по дальневосточным языкам на дискуссии выступил приехавший из Ленинграда молодой тогда японист Александр Алексеевич Х о л о д о в и ч (1906—1977). О нем см.: Народы Азии и Африки. 1966, № 3, с. 212—217; *Алпатов В.М.* Изучение японского языка в России и СССР. М., 1988, с. 104—109, 152—163.

Вот как оценивал позже свои выступления против Е.Д.Поливанова сам А.А.Холодович. В хроникальном сообщении "Отпор проф. Поливанову", помещенном в ленинградской "Вечерней Красной газете" (ныне "Вечерний Ленинград", № 64, 29.03.1929) по поводу собрания ленинградских языковедов, состоявшегося 18 марта 1929 г. в помещении "Музея древности" при ЛГУ и посвященного "выпаду Е.Д.Поливанова" против Н.Я.Марра в Комакадемии, сообщалось, в частности, что "аспирант Холодович уличил Поливанова в прямом подтасовывании фактов". Об этом А.А.Холодович так писал А.А.Леонтьеву в 60-е годы: "В этой репортерской заметке я, конечно, выгляжу не ахти как хорошо (в свете истории, в свете того, что Маркс сформулировал так: „анатомия человека есть ключ к анатомии обезьяны"), хотя в свое оправдание мог бы сказать, что репортер вставил для красного словца „подтасовывание". Меня несколько утешает то, что я оказался в теплой компании маститых — Бубриха, Якуб[инского], Брима, Богаевского, Струве и др. Что же тут спрашивать с двадцатидвухлетнего сопляка. А кроме того историю фальсифицировать нельзя" (Из частного архива А.А.Леонтьева).

[123] Речь идет о первом томе "Введения в языкознание для востоковедных вузов". А.А.Холодович сообщил в своем выступлении, что ленинградские "прометеиды" подготовили критический отзыв на содержащийся в этой книге японский и китайский материал. Этот отзыв так и не был представлен Е.Д.Поливанову.

[124] Упрек этот был сделан в реплике В.Б.Аптекаря 18 февраля.

[125] О Г.К.Данилове см. примеч. 17.

[126] Это сделал тот же В.Б.Аптекарь, председательствовавший на заседании 18 февраля.

[127] Первым оппонентом на заседании 18 февраля был чанский аспирант Иинарвоса И.Цитайшвили. О знаке фонетической транскрипции ǯ Е.Д.Поливанов говорил и в своем неопубликованном докладе "Абхаз-

ский аналитический алфавит", прочитанном на секции языка и литературы Иинарвоса 9 марта 1928 г. и затем в РАНИОН (рукопись хранится в Ленинградском отделении Архива АН СССР, ф. 800, Н.Я.Марр, оп. 6, № 395).

[128] Бэллевская транскрипция, иначе называемая Visible Speech английского фонетиста А.Бэлла (A.M.Bell, 1818—1905), — одна из старых аналитических транскрипционных систем. В ней специальными значками обозначалась работа отдельных органов при произнесении звуков, например, *d* ᴗ, *k* ᑫ, *p* ᑲ, *t* ⌂.

[129] Е.Д.Поливанов работал вместе с Н.Ф.Яковлевым (см. примеч.* к с. 108 "Введения" и примеч. 112) в ВЦК НТА. Именно Н.Ф.Яковлеву принадлежит статья "Математическая формула построения алфавита (Опыт практического приложения лингвистической теории)" (Культура и письменность Востока. Кн. 1. 1928, с. 41—64), которая давала теоретическое обоснование разработки практических алфавитов.

[130] Лев Иванович Жирков (1885—1963) — крупный специалист по северокавказским и иранским языкам. В те годы работал в Институте народов Востока и Институте национальностей при ЦИК СССР, активно участвовал в деятельности Комитета нового алфавита.

[131] В упомянутом докладе (см. примеч. 127) Е.Д.Поливанов дал аргументированную критику абхазского алфавита, предложенного Н.Я.Марром, как не удовлетворяющего ряду лингвистических, педагогических и полиграфических требований. Столь же резкой критике позже подвергли абхазский аналитический алфавит Н.Ф.Яковлев в статье "Аналитический" или "новый" алфавит?" (Культура и письменность Востока. Кн. 10. 1931, с. 43-60) и Д.В.Бубрих в заметке "Унификаторы" в мировом масштабе" (Там же, с. 61—64). Ср. апологетическую статью Б.М.Гранде "Аналитический алфавит Н.Я.Марра и проблема научной транскрипции" (сб. Всесоюзный центральный комитет нового алфавита Н.Я.Марру. М., 1936, с. 41—66).

[132] На втором пленуме ВЦК НТА, состоявшемся в Ташкенте с 7 по 12 января 1928 г., было заслушано сообщение Дзиндзария о состоянии латинизации алфавита в Абхазии, в котором был подвергнут критике абхазский аналитический алфавит Н.Я.Марра. Пленум одобрил переход абхазской письменности на новый алфавит и рекомендовал положить в его основу унифицированный тюркский алфавит (см. Стенографический отчет второго пленума Всесоюзного центрального комитета нового тюркского алфавита... Баку, 1928; *Кульбешеров Б.* Итоги 2-го пленума Всесоюзного центрального комитета нового тюркского алфавита и очередные задачи дела введения этого алфавита. — Культура и письменность Востока. Кн. 2. Баку, 1928, с. 18).

[133] Упоминавшийся в примеч. 127 И.Цитайшвили.

[134] Точное библиографическое описание: *Поливанов Е.Д.* Краткая характеристика грузинских согласных. — Бюллетень Средне-Азиатского государственного университета. Ташк., 1925, № 8, с. 113—118.

[135] Израиль Григорьевич Франк-Каменецкий (1880—1937) — египтолог, семитолог, профессор Ленинградского университета.

[136] Имеются в виду работы Н.Я.Марра: Грамматика чанского (лазского) языка с хрестоматиею и словарем. — Материалы по яфетическому языкознанию. Вып. 2. СПб., 1910; Основные таблицы к грамматике древнегрузинского языка с предварительным сообщением о родстве грузинского языка с семитическими. СПб., 1907 (то же. — ИР. Т. 1, с. 24—33). Кроме того, Н.Я.Марром в Ленинградском университете читался

несистематический курс лекций по сравнительной грамматике яфетических и семитических языков, который все время перерабатывался, но не был опубликован в законченном виде (см. ИР, т. 1, с. 207, 226-227).

[137] Полное библиографическое описание: *Поливанов Е.Д.* К вопросу о родственных отношениях корейского и "алтайских" языков. — Известия АН СССР. Серия VI. Т. XXI. № 15-17. Л., 1927, с. 1195—1204 (то же. — СОЯ, с. 156—164).

К экскурсу

[1] Ботокудский язык — язык индейского племени, жившего немногочисленными группами в Восточной Бразилии, относится к же(жес)-пано-карибской макросемье языков Южной и Центральной Америки (по Дж.Гринбергу). Е.Д.Поливанов был знаком с этим языком, видимо, по работе: *Манизер Г.Г.* Ботокуды (боруны) по наблюдениям во время пребывания среди них в 1915 году. — Ежегодник Русского археологического общества при Петроградском университете. Т. 6. Пг., 1916.

[2] В третьем томе "Ученых записок Института языка и литературы" (1928, с. 20—42; см. также СОЯ, с. 57—74) была опубликована вводная часть работы Е.Д.Поливанова "Факторы фонетической эволюции языка как трудового процесса" под названием — "I. Обзор процессов, характерных для языкового развития в эпохи натурального хозяйства". Публикуемый здесь фрагмент представляет собой заключительный раздел данной работы.

[3] Имеется в виду статья: *Лоя Я.В.* Против субъективного идеализма в языкознании. — Языковедение и материализм. [Вып. 1.] Л., 1929. с. 131—217. В ней дается недостаточно аргументированная критика теоретических позиций школы И.А.Бодуэна де Куртенэ. Позже, в "Истории лингвистических учений" (М., 1968) Я.В.Лоя в значительной степени пересмотрел свои взгляды на наследие бодуэновской школы.

[4] См., например, работы И.А.Бодуэна де Куртенэ: Szkice językoznawcze. T. 1. Warszawa, 1904; O "prawach głosowych". — Rocznik Sławistyczny. T. 3. Kraków, 1910, s. 1—57; Zarys historii języka polskiego. Warszawa, 1922, и др.

[5] Именно так именовали индоевропейское языкознание Н.Я.Марр и его сторонники. См. примеч. 20 к стенограмме.

[6] Это заявление служит свидетельством того, что свой антияфетидологический доклад Е.Д.Поливанов читал и раньше: кроме упомянутого им Института языка и литературы РАНИОН (1927 г.), возможно, еще и в Баку в 1928 г. во время работы Первого пленума Всесоюзного центрального комитета Нового тюркского алфавита (о чем говорил Л.И.Жирков в прениях на "поливановской" дискуссии в Комакадемии).

[7] Гипотеза о родстве японского языка с малайскими ныне не встречает поддержки у лингвистов.

[8] Эти примеры опущены в стенограмме доклада. Е.Д.Поливанов приводил их, видимо, в записи на доске.

[9] Об И.Г.Франк-Каменецком см. примеч. 135 к стенограмме.

[10] Имеется в виду И.Цитайшвили, представитель чанской народности, обучавшийся в аспирантуре Иинарвоса.

[11] Вторым оппонентом по докладу, судя по стенограмме, был Б.М.Гранде, в то время преподававший арабский язык в Московском институте востоковедения.

[12] Среди нелингвистов, выступавших в прениях по докладу Е.Д.Поливанова, таковым мог быть Охитович из Института красной профессу-

ры. Однако его выступление отсутствует в имеющемся в нашем распоряжении тексте стенограммы. Но оно упоминается в материале о дискуссии, опубликованном в газете "Вечерняя Москва" 1 марта 1929 г. (об этом см.: *Ларцев В.Г.* Евгений Дмитриевич Поливанов..., с. 85).

[13] Под "маститым историком литературы" Е.Д.Поливанов имел в виду скорее всего акад. В.М.Фриче. См. примеч. 1 к стенограмме.

[14] Но фактически и здесь оказался прав Е.Д.Поливанов, а не его оппонент. М.Коэн действительно состоял членом Французской коммунистической партии. О нем см. примеч. 9 к стенограмме.

[15] Трое лингвистов, выступивших в поддержку яфетической теории Н.Я.Марра, — это Р.О.Шор, Н.Ф.Яковлев и Л.И.Жирков. Из них Н.Ф.Яковлев и Л.И.Жирков ранее представили свои статьи для "антияфетидологического сборника", о котором уже упоминал Е.Д.Поливанов в своем экскурсе.

[16] Это письмо-опровержение было впервые опубликовано в книге В.Г.Ларцева "Евгений Дмитриевич Поливанов..." (М., 1988, с. 85—88).

[17] Имеется в виду Охитович, обвинивший Е.Д.Поливанова в принадлежности к Союзу русского народа.

[18] В скобках дана вставка Е.Д.Поливанова на полях корректуры.

[19] Работа под таким названием не найдена. Опубликованы частично и сохранились в архивах лишь фрагменты очерков по исторической фонетике японского языка.

[20] Работа "Теория эволюции языка" также не сохранилась. Изданы лишь отдельные статьи по этой теме (см. СОЯ, с. 57—134, 317-318; см. также примеч. к с. V "Введения" и примеч. 49 к стенограмме.

[21] Они частично упомянуты в составленном нами списке "Ненайденные работы Е.Д.Поливанова" (см. *Ларцев В.* Евгений Дмитриевич Поливанов..., с. 312—324).

[22] В этом институте Е.Д.Поливанов работал в 1926—1929 гг.

[23] Проблемой связи экономических причин с языковыми фактами в те годы занимались многие лингвисты, но Е.Д.Поливанов подошел к этой проблеме глубже, чем другие, и попытался преодолеть догматизм.

[24] Имеются в виду работы М.Коэна, Х.Шёльда, А.Соважо и др.

[25] Понимание языка как надстройки, впервые предложенное Н.И.Бухариным, было общепринятым в советской лингвистике до дискуссии 1950 г. Но Е.Д.Поливанов призывал лингвистов не ограничиваться этой проблемой, а разрабатывать описательное языкознание.

[26] Латинское выражение со значением "Страшно сказать!", употребляемое при желании говорящего подчеркнуть свое весьма отрицательное отношение к данному явлению.

[27] Джон Стюарт Милль (Mill J.S., 1806—1873) — английский философ и экономист, основатель английского позитивизма. В труде "Система логики" (1843) разработал индуктивную логику, которую трактовал как общую методологию наук.

[28] Немецкое: "очерки".

[29] Bombinator igneus — огненная жерлянка. Один из видов жерлянок (уки) рода бесхвостых земноводных, распространенных в Европе и Восточной Азии. По виду это лягушка, напоминающая жабу, сверху буровато-серой, снизу красной или желтой окраски. Их брачные песни ("уканье") звучат днем (см. Die Grosse Brockhaus. Bd 19. Leipzig, 1934, S. 309; Биологический энциклопедический словарь. М., 1986, с. 198). С их "уканьем" Е.Д.Поливанов и сравнивает "безъязыких лингвистов".

[30] В корректуре это последнее примечание перечеркнуто автором.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1879–1953)

Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович (1879–1940)

Франк-Каменецкий Израиль Григорьевич (1880–1937)
Фриче Владимир Максимович (1870–1929)

Холодович Александр Алексеевич (1906–1977)

Цитайшвили Иск.

Шёльд Ханнес (Sköld H.; 1886–1930)
Шилейко Владимир Каземирович (1891–1930)
Шлейхер Август (Schleicher A.; 1821–1868)
Шмидт Вильгельм (Schmidt W.; 1868–1954)
Шор Розалия Осиповна (1894–1939)
Шрадер Отто (Schrader O.; 1855–1919)
Шухардт Гуго (Schuhardt H.; 1842–1928)

Щербатской Федор Ипполитович (1866–1942)

Яковлев Николай Феофанович (1892–1974)

ПОСЛЕСЛОВИЕ

(От составителя)

ВВОДНОЕ СЛОВО

Природа не так щедро дарит человечеству гениев. Среди них с полным правом должно быть названо имя русского лингвиста профессора Евгения Дмитриевича Поливанова (28.II/12.III.1891–25.I.1938). В его лице удивительно удачно сочетались качества ученого и практика.

Как ученый он знал более трех десятков языков разных систем, причем некоторые в совершенстве, обладал высоким интеллектом и прекрасной памятью, необычайно широкой эрудицией и лингвистической интуицией; будучи филологически высокообразованным лингвистом-востоковедом, приверженцем бодуэновской школы, великолепно владел матодикой лингвистического анализа, оперируя данными многих языков.

Как практик-экспериментатор он непосредственно участвовал в качестве одного из лидеров культурно-революционного движения за создание новых латинизированных алфавитов и литературных языков для народностей бывшей Российской империи (включая Кавказ и Среднюю Азию), собрал огромный фактический материал в результате полевых исследований во время многочисленных этнолингвистических и диалектологических экспедиций и зарубежных поездок, вел большую педагогическую и просветительскую деятельность в вузах и различных организациях Петрограда (Ленинграда), Москвы, Ташкента, Самарканда, Фрунзе.

Практическая работа позволяла Е.Д.Поливанову быть в гуще революционных преобразований, чувствовать и определять тенденции развития языкознания в духе требований эпохи. Все это способствовало тому, что ему удалось совершить крупные научные открытия и высказать ряд догадок, предвосхитивших в некоторых областях развитие современной лингвистики. Он был новатором в науке о языке, в частности, заложил основы теории эволюции языка, социологической лингвистики, определил особое место фразеологии и ее отношение к лексикологии, развил и дополнил детище отечественного языкознания — учение о фонеме теорией фонетических конвергенций, теорией слога, просодикой и т.д. Кроме того, он оставил после себя детальные фонетические и диалектологические описания ряда восточных языков на синхронном уровне (японского, китайского, узбекского, дунганского и др.).

Не меньший интерес представляют диахронические и сравнительно-исторические исследования Е.Д.Поливанова. Он дал блестящее описание фонетической эволюции групп языков, установил довольно большое число надежных этимологий слов из разных, в том числе восточных, языков и т.д. В генеалогической классификации он пытался определить место некоторых "изолированных" языков Восточной Азии. Например, он впервые в мировой науке привел систему доказательств в пользу гипотезы о генетических связях корейского языка с "алтайскими", которая получила развитие, например, в трудах Г.Рамстедта, Н.Поппе; пытался

найти общие корни японского языка с малайско-полинезийскими, что, правда, некоторые лингвисты оспаривают в настоящее время и т.д.

Е.Д.Поливанов обладал даром предвидения как в сфере общего языкознания, так и в частных языковедческих дисциплинах. Так, он предсказал будущее социолингвистики, крах яфетической теории Марра, развитие узбекского языка и письменности на базе несингармонистических говоров и т.п.

Чтобы не повторять здесь уже написанное о Е.Д.Поливанове и его лингвистической концепции, отсылаем читателя к публикациям Вяч.Вс.Иванова "Лингвистические взгляды Е.Д.Поливанова" (Вопросы языкознания, 1957, № 3, с.55–76), вводной статье А.А.Леонтьева, Л.И.Ройзензона и А.Д.Хаютина "Жизнь и деятельность Е.Д.Поливанова" к сборнику работ Е.Д.Поливанова "Статьи по общему языкознанию" (М., 1968, с. 7–30, с приложением списка его работ, с. 31–45), А.А.Леонтьева "Евгений Дмитриевич Поливанов и его вклад в общее языкознание" (М., 1983) и В.Г.Ларцева "Евгений Дмитриевич Поливанов. Страницы жизни и деятельности" (М., 1988), В.М.Алпатова "Изучение японского языка в России и СССР" (М., 1988; см. главу "Поливанов как японовед").

Прежде чем перейти к рассмотрению предлагаемого тома избранных работ Е.Д.Поливанова по восточному и общему языкознанию, хотелось бы обратить внимание читателя на три положения.

П е р в о е. Из-за трагически сложившейся творческой и личной судьбы ученого, из-за непростой обстановки в советской гуманитарной науке того времени, когда шла ожесточенная борьба между сторонниками строго научных методов сравнительно-исторического языкознания и представителями "нового учения" о языке Н.Я.Марра с его вульгарно-социологизаторскими построениями и псевдореволюционной фразеологией, борьба, в которой одержали верх марристы, многие работы Е.Д.Поливанова не были опубликованы (он сам признавал, что увидела свет лишь малая толика его трудов, примерно $^1/_{20}$ часть), а остальные затерялись на страницах редких и малотиражных периодических изданий. И потому многие его научные достижения и открытия не сразу стали достоянием отечественной и мировой науки в той мере, как это, скажем, удалось сделать его современникам Р.О.Якобсону, Н.С.Трубецкому и ряду других ученых. И потому приоритет отечественной науки о языке, который был создан трудами И.А.Бодуэна де Куртенэ, Л.В.Щербы, Е.Д.Поливанова и других представителей русской лингвистической школы, был надолго оттеснен на периферию псевдонаучной яфетической теорией Н.Я.Марра.

В т о р о е. Е.Д.Поливанову, за исключением публикуемых в настоящем томе и еще нескольких других работ, не удалось издать обобщающих трудов по языкознанию, хотя его замыслы и были частично осуществлены. Так, в неоконченном виде осталось публикуемое здесь "Введение"; в разрозненном и неподготовленном к изданию состоянии дошел в архивных материалах его словарь лингвистических терминов, воспроизводимый здесь; известны лишь отдельные фрагменты из его теории эволюции языка и т.д. Вместе с тем словно золотые россыпи разбросаны в трудах Е.Д.Поливанова, в том числе и по конкретным языкам, многие новаторские мысли и ценные наблюдения над фактами языка, имеющие общетеоретический интерес, высказанные порой как бы мимоходом. Некоторые его идеи могли бы быть развернуты в монографии и даже целые направления в лингвистике.

И, наконец, третье. Нельзя, конечно, думать, что все написанное Е.Д.Поливановым было и остается непререкаемой истиной. В его трудах, естественно, есть ошибочные положения, и не всегда объективная интерпретация фактов, и недостаточная аргументация. Е.Д.Поливанов, как и большинство советских лингвистов того времени, находился в плену вульгарно-социологического понимания классового характера языка, хотя, быть может, в менее выраженной форме, чем у сторонников Н.Я.Марра. В духе революционных веяний эпохи он всерьез искал пути построения марксистского языкознания и на этой почве вел жаркие дискуссии с марристами, считавшими "новое учение" о языке Н.Я.Марра "подлинно материалистическим". Поэтому при чтении переиздаваемых работ Е.Д.Поливанова и при оценке его лингвистического наследия нужно делать скидку на эти неизбежные для той поры увлечения. Вместе с тем нет ни тени сомнения в том, что многие труды Е.Д.Поливанова, включая и ныне публикуемые, составляют сокровищницу отечественной и мировой науки о языке. Мысли, выраженные в них, в большинстве своем не устарели и по сей день и долго еще послужат кладезем новых идей и разработок в этой одной из самых гуманитарных отраслей знания.

ИЗ ИСТОРИИ ПОСМЕРТНЫХ ИЗДАНИЙ РАБОТ Е.Д.ПОЛИВАНОВА

И еще одно отступление, касающееся истории посмертных изданий трудов Е.Д.Поливанова. Первые публикации были предприняты лишь спустя двадцать лет после трагической гибели ученого, незаконно репрессированного в августе 1937 г. В том же номере журнала "Вопросы языкознания" (1957, № 3), где была помещена и первая аналитическая статья Вяч.Вс.Иванова о лингвистических воззрениях Е.Д.Поливанова, появилась работа "Фонетические конвергенции", изданная в Ташкенте в 1923 г. Затем было опубликовано еще несколько работ Е.Д.Поливанова в журналах и сборниках, в том числе и книга "Опыт частной методики преподавания русского языка" (Ч. 1. Ташк., 1961). Только в марте 1963 г. Постановлением Пленума Верховного Суда СССР Е.Д.Поливанов был полностью реабилитирован. И в сентябре следующего года в Самарканде была созвана представительная межвузовская конференция "Актуальные вопросы современного языкознания и лингвистическое наследие Е.Д.Поливанова", получившая название "поливановской".

Эта конференция, с одной стороны, дала стимул к сбору и поиску разбросанных в разных журналах и архивах работ Е.Д.Поливанова и, с другой стороны, побудила некоторых московских ученых-энтузиастов заняться подготовкой издания избранных трудов ученого. Редколлегией в составе Ф.Д.Ашнина, В.П.Григорьева, Вяч.Вс.Иванова и А.А.Леонтьева под председательством проф. А.А.Реформатского были подготовлены два тома работ Е.Д.Поливанова. Планировался также выпуск специального тома трудов Е.Д.Поливанова по японскому языку с включением неопубликованных диалектных текстов. Этот план был реализован только частично: в 1968 г. Главной редакцией восточной литературы издательства "Наука" были выпущены "Статьи по общему языкознанию" Е.Д.Поливанова (далее — СОЯ). Составителем сборника был А.А.Леонтьев. Сборник вышел под руководством Комиссии по истории филологических наук при Отделении литературы и языка АН СССР и Института

народов Азии (ныне — Института востоковедения) АН СССР и под общим наблюдением акад. Н.И.Конрада. Это издание явилось важной вехой в распространении лингвистических взглядов Е.Д.Поливанова. Оно было также выпущено в переводе на английский язык известным нидерландским издательством "Мутон" в 1974 г.[1]. Тем самым был значительно расширен круг читателей за рубежом.

В 1976 г. приверженец идей Е.Д.Поливанова в Японии проф. Мураяма Ситиро с большой бережностью собрал его работы по японскому языку (всего 17) из разных изданий, включая СОЯ, и издал их под названием "Исследования по японскому языку"[2], сопроводив их отрывком "Из воспоминаний" Н.Поппе (март 1976 г.), транскрипционной таблицей гласных, объяснениями некоторых знаков для согласных, комментариями, послесловием "От переводчика", предметным и именным указателями, а также воспоминаниями японского ученого Сакума Канаэ о Е.Д.Поливанове и рассказом самого Мураямы о посещении тех мест, где работал Е.Д.Поливанов. Следовательно, и ученые стран Дальнего Востока получили возможность детально ознакомиться с частью работ русского лингвиста, касающейся японского, включая рюкюский диалект, и корейского языков.

ИСТОРИЯ ПОДГОТОВКИ ДАННОГО ИЗДАНИЯ

Примерно тогда же (1966 г.), когда был подготовлен сборник СОЯ, А.А.Леонтьевым был составлен и "второй" том избранных трудов Е.Д.Поливанова, посвященный востоковедной лингвистике. Поскольку этот том не удалось издать тогда по разным причинам, то читателю будет небезынтересно познакомиться с его составом. Судя по вводной статье "От редакции", написанной А.А.Леонтьевым, этот том состоял из двух основных разделов — первый включал "Введение в языкознание для востоковедных вузов", второй — подборку работ (иногда фрагментов из больших работ) согласно плану, намеченному самим Е.Д.Поливановым в предисловии к "Введению" (с. III). Эта подборка была распределена по трем подразделам: "Общая фонетика", "Иллюстративный материал по фонетике восточных языков" и "Элементарные понятия общей морфологии". Перечень работ, вошедших в этот второй раздел тома, следующий (нумерация источников, откуда они должны были быть воспроизведены, дается по более доступному "Списку работ Е.Д.Поливанова", помещенному в СОЯ, с. 31—45, хотя в нашем распоряжении имеется сравнительно полный "Библиографический указатель [работ Е.Д.Поливанова и работ о нем]", составленный В.Г.Ларцевым, С.И.Зининым и А.В.Балясниковым и изданный малым тиражом Самаркандским государственным университетом им. Алишера Навои в 1985 г., 40 с.; наши комментарии приводятся в квадратных скобках):

1. К вопросу о функциях ударения (№ 132). Пер. с нем. А.А.Леонтьева [издана А.А.Леонтьевым в сб. Теоретические проблемы фонетики и обучение произношению. М., 1971, с. 189—197];

---

[1] *E.D.Polivanov*: Selected Works. Articles on General Linguistics. Compiled by A.A.Leont'ev. Translated by Daniel Armstrong. The Hague — Paris, Mouton and Co, 1974. — 386 p. (Janua linguarum. Studia memoriae Nicolai van Wijk dedicata. Series Major, 72).

[2] "Нихонго кэнкю:" Авт. Е.Д.Поливанов. Сост. и пер. Мураяма Ситиро:. Токио, Кобундо:, 1976. — IX, 241 с.

2. О политоническом ударении (неполная рукопись из Архива АН Кирг.ССР) [издана А.А.Леонтьевым в том же сборнике, с. 198–223];

3. Музыкальное слогоударение, или "тоны" дунганского языка (№ 135) [может войти в том, посвященный китайскому и дунганскому языкам];

4. Об "аномальных" слогах (авторизованная машинопись из Архива АН Кирг.ССР) [издана А.А.Леонтьевым в том же сборнике, с. 227–230];

5. О понятии психофонетики (авторизованная машинопись из Архива Чехословацкой АН) [в действительности из Литературного архива памятников народной письменности в Праге; частично покрывается статьей "Субъективный характер восприятия звуков языка" в СОЯ, с. 236–253, и публикацией соответствующей статьи в "Словаре лингвистических терминов"];

6. Краткая фонетическая характеристика китайского языка (№ 73) [может войти в том, посвященный китайскому и дунганскому языкам];

7. Фонологическая система ганьсуйского наречия дунганского языка (№ 137) [может войти в том, посвященный китайскому и дунганскому языкам];

8. Фонетика узбекского языка (сокращенное издание № 56, заглавие дано редколлегией) [может войти в том, посвященный тюркологии];

9. Некоторые фонетические особенности каракалпакского языка (сокращенное издание № 118) [может войти в том, посвященный тюркологии];

10. Краткая классификация грузинских согласных (№ 50) [полный "Очерк грузинской фонетики", подготовленный Е.Д.Поливановым, не сохранился];

11. Об айнском языке (имеются в виду две рукописи: "Айнский язык" — статья для "Литературной энциклопедии", хранится в Центральном государственном архиве литературы и искусства (ЦГАЛИ), и статья "По поводу эмбриональных явлений сингармонизма в айнском языке", хранится в Архиве Чехословацкой АН) [в действительности в Литературном архиве памятников народной письменности в Праге; могут войти в том, посвященный японскому языку];

12. Абхазский аналитический алфавит (опыт критического анализа) (рукопись из ЛО Архива АН СССР) [может быть издана отдельно в журналах или сборниках];

13. О гортанных согласных в преподавании арабского языка (№ 41);

14. Еще о критериях единого слова (лишь небольшая часть утерянной рукописи — тетради № 7 и 8) [частично покрывается статьей "Слово" в "Словаре лингвистических терминов"];

15. Соотношение фонетики и морфологии (авторизованная машинопись из Архива АН Кирг.ССР; название дано редколлегией, в оригинале называется: "Грамматика дунганского языка. Часть II. Морфология") [издана А.А.Леонтьевым в упомянутом сборнике, с. 224–227];

16. Процесс грамматикализации (Глава из общей морфологии) (№ 22) [частично покрывается соответствующей статьей в "Словаре лингвистических терминов"];

17. О случаях "деграмматикализации" (рукопись из Архива АН СССР);

18. О принципах построения турецкой грамматики (№ 23) [может войти в том, посвященный тюркологии].

В 1982 г. как продолжение СОЯ (1968) нами был предложен новый перспективный план издания "Избранных трудов" Е.Д.Поливанова в четырех томах по 25-30 печатных листов в каждом и с разными состави-

телями. В это издание, а именно такого заслуживает выдающийся советский лингвист и востоковед Е.Д.Поливанов, предполагалось включить почти все его труды по восточному и общему языкознанию (за исключением вошедших в СОЯ и явно устаревших):

[т. 1] — "Введение в языкознание для востоковедных вузов" (с добавлениями из "Лекций по введению в языкознание и общей фонетике");

[т. 2] — Общее и прикладное языкознание (как дополнение к СОЯ, с включением "Толкового терминологического словаря по лингвистике" и статей из разных журналов и сборников, а также архивов);

[т. 3] — Избранные работы по языкам Дальнего Востока (японскому, айнскому, корейскому, китайскому и дунганскому);

[т. 4] — Избранные труды по тюркскому языкознанию.

Однако и этот проект не суждено было претворить в жизнь в те годы.

В 1987 г. план издания был нами откорректирован: условные т. 1 и т. 2 были несколько сокращены и объединены в один; бывший т. 3 теперь стал т. 2 и подразделен на два полутома (в первый включены материалы по японскому, айнскому и корейскому языкам, во второй — по китайскому и дурганскому языкам); т. 4 соответственно перенумерован в т. 3. В 1988 г. Институтом востоковедения АН СССР была утверждена новая редколлегия, в которую вошли почти все члены прежней редколлегии (состав новой редколлегии см. на обороте титульного листа). В настоящее время подготовлены два тома. Составителем тома, посвященного проблемам восточного и общего языкознания, является Л.Р.Концевич, а составителем первого полутома второго тома, посвященного в основном японскому языкознанию, — В.М.Алпатов. Первый том издается к столетию со дня рождения Е.Д.Поливанова. Издание осуществляется Институтом востоковедения АН СССР совместно с Комиссией по истории филологических наук при ОЛЯ АН СССР через Главную редакцию восточной литературы издательства "Наука". Кроме того, в томе по восточному и общему языкознанию в качестве коллективного участника издания должны быть непременно названы Архив АН СССР (Москва) и Литературный архив памятников народной письменности в Праге, предоставившие нам возможность подготовить к печати хранящиеся в нем машинописные и рукописные работы Е.Д.Поливанова.

СОСТАВ И ЦЕЛИ ИЗДАНИЯ

Предлагаемый том избранных произведений Е.Д.Поливанова посвящен проблемам восточного и общего языкознания. Он состоит из трех разделов, из которых у читателя может сложиться более или менее целостное представление о лингвистической концепции этого выдающегося ученого. И хотя эти разделы внешне будто бы не связаны друг с другом, но при более глубоком рассмотрении они образуют взаимно дополняющее единство.

Первый раздел включает фототипическое воспроизведение основного учебного пособия, созданного Е.Д.Поливановым, — "Введение в языкознание для востоковедных вузов" (далее — "Введение"). Первый (и единственный сохранившийся) том этой работы был издан в Ленинграде в 1928 г. Ленинградским восточным институтом им. А.С.Енукидзе тиражом всего в тысячу экземпляров. Второй том, видимо, также был

подготовлен автором и доведен до стадии корректуры (об этом косвенно свидетельствуют ссылки на страницы второго тома в ряде работ самого Е.Д.Поливанова), но дальнейшая судьба его неизвестна. Скорее всего, он, как и ряд других работ Е.Д.Поливанова, был изъят из печати в связи с резко критическими выступлениями автора по поводу яфетической теории Н.Я.Марра, адепты которой таким путем расправлялись с ее противниками, а после ареста в 1937 г. и уничтожен. В соответствии с планом всего издания, намеченным Е.Д.Поливановым в предисловии к первому тому "Введения" (с. III), мы сочли резонным дополнить этот том фрагментами из его "Лекций по введению в языкознание и общей фонетике" (Берлин, 1923; далее — "Лекции"), касающимися фонетического состава русского, французского, немецкого и английского языков и ряда других тем. Этой публикацией, во-первых, будет восполнен в какой-то степени утраченный второй том, в котором, согласно авторскому плану, должен был быть помещен и "Иллюстративный материал по фонетике в виде описаний звукового состава русского и трех западноевропейских языков" ("Введение", Предисловие, с. III), и, во-вторых, по существу будут охвачены одновременно три работы Е.Д.Поливанова "Конспект лекций по введению в языкознание и общей фонетике..." (1916, о нем см. ниже), "Лекции" (1923) и "Введение" (1928). Текстологический комментарий к этим трем книгам, помимо общего, поможет читателю увидеть сходства и различия между ними и восстановить каждую из них. Кроме того, для зарубежного читателя помещаем своего рода резюме на английском языке к "Введению", представляющее собой рекламный проспект, который случайно сохранился в бывшей библиотеке проф. Н.Ф.Яковлева, коллеги и единомышленника Е.Д.Поливанова в те годы. Первый раздел завершается перечнем языков, используемых в этимологиях во "Введении" и упоминаемых в нем, предметным и именным указателями. Предметный указатель является в некотором смысле тезаурусом понятийного лингвистического аппарата "Введения", позволяющего увидеть не только масштабность используемого Е.Д.Поливановым метаязыка, но и новизну многих приводимых им терминов, созвучных современному языкознанию. В этом указателе особенно детально представлены фонетические термины, так как им посвящена целиком вторая часть первого тома "Введения".

Чем же вызвано переиздание "Введения" (точнее — трех учебных пособий) спустя 60 лет и при наличии множества других пособий в наши дни? Во-первых, в нем в концентрированной форме дан компендиум знаний Е.Д.Поливанова о строении лингвистики и общей фонетике, т.е. областях, в которых ему принадлежит немало открытий. Не утратили научной ценности его воззрения на язык. Во-вторых, это первый в нашей стране и до сих пор остающийся уникальным (если не считать эпизодического привлечения материала неиндоевропейских языков в учебные пособия "Введение в языкознание" А.А.Реформатским, 1967, В.А.Кочергиной, 1979, В.Б.Касевичем, 1977, О.С.Широковым, 1985, и другими) опыт построения общелингвистического курса на богатейшем фактическом материале восточных языков, полученном автором либо в результате полевых и экспериментальных исследований, либо в ходе тщательного сравнительно-исторического или типологического изучения групп языков. В-третьих, без знакомства с ним вряд ли можно описать объективно историю лингвистической мысли в нашей стране и способствовать восстановлению былого авторитета отечественной науки о языке, утраченного в мрачный период безраздельного господства "нового

учения" о языке. В-четвертых, оно интересно в учебно-методическом плане, так как рассчитано прежде всего на студентов востоковедных специальностей. И, в-пятых, "Введение", как и многие другие работы Е.Д.Поливанова, ни разу не переиздавалось в годы молчания и давно уже стало библиографической редкостью.

Второй раздел включает "Толковый терминологический словарь по лингвистике", экземпляр которого хранится в Архиве АН СССР (Москва). Эта работа известна также и под другим названием: "Словарь лингвистических терминов" (далее — "Словарь"). "Словарь" состоит из разрозненных статей в виде нескольких подборок, относящихся к разным годам — 1935-1937 гг.

Всего в архивном экземпляре "Словаря" сохранилось 227 словарных статей. Среди них 171 статья посвящена лингвистическим терминам и 31 — литературоведческим и поэтотехническим терминам; остальные статьи — отсылочные. К этому следует добавить, что из 171 лингвистической статьи 14 представлены в двух вариантах и одна даже в трех, а из 31 литературоведческой статьи по два варианта имеют лишь две статьи. Таким образом, всего самостоятельных терминов описано 155 по языкознанию и 29 по литературоведению. Включение литературоведческих терминов в словарь по лингвистике, видимо, было продиктовано условием предварительного договора автора с издательством, а также принятыми в редких случаях такого рода приложениями в словарях. В окончательной редакции "Словаря" Е.Д.Поливанов рассчитывал отказаться от некоторых литературоведческих статей и сделать его по преимуществу лингвистическим.

Об уникальности "Словаря" для своего времени да, пожалуй, и для наших дней, а также о масштабности замыслов Е.Д.Поливанова в какой-то мере могут дать представление имеющиеся в словарных статьях ссылки на термины, которые он собирался объяснить в "Словаре". В виде таких ссылок в "Словаре" нами выявлено 109 терминов по языкознанию и 25 — по литературоведению (см. их перечень).

Несмотря на незавершенность и неоформленность "Словарь" Е.Д.Поливанова не только имеет большую историко-лингвистическую и познавательную ценность, но и дает возможность глубже раскрыть лингвистическую концепцию этого великого ученого. Правда, из-за отсутствия многих статей "Словарь" не создает целостного представления о лингвистических взглядах автора, но вместе с сохранившимся томом "Введения" он позволяет более четко очертить контуры науки о языке в понимании Е.Д.Поливанова.

"Словарь" оригинален по составу терминов, принципам их описания и толкованию. В него включено много новых терминов, которые ныне стали общепризнанными. "Словарь" также имеет практический выход в разработку национальной, в частности узбекской, лингвистической терминологии.

"Словарь" непосредственно связан с "Введением", хорошо гармонируя с ним. Общность их видна и в характере описания терминов, и в материале, который содержит массу иллюстраций из восточных языков, особенно узбекского, арабского, японского, китайского и др.

К сожалению, "Словарь" не был завершен автором и рекомендован к печати из-за отрицательной реакции марристов на него как в центре, так и в Средней Азии. Только в 1960 г. о нем стало известно лингвистическому миру благодаря публикации 11 статей В.П.Григорьевым на страницах журнала "Вопросы языкознания".

При подготовке настоящего издания полного корпуса "Словаря" нам пришлось выполнить большую текстологическую работу по отбору статей в случаях их вариативности, приведению их в порядок, унификации, а порою реконструкции текста, сплошной проверке примеров и этимологии терминов. В соответствии с авторским пожеланием все словарные статьи из их хаотического состояния приведены в строго алфавитный порядок, причем с выделением литературоведческой части. "Словарь" сопровождается текстологическим и общим комментариями.

Третий раздел книги составляет публикация стенограммы доклада Е.Д.Поливанова "Проблема марксистского языкознания и яфетическая теория", с которым он выступил 4 февраля 1929 г. на заседании секции материалистической лингвистики Института литературы, искусства и языка при Коммунистической академии в Москве, а также его выступления 10 февраля в развернувшейся по его докладу дискуссии и заключительного слова на заседании 25 февраля. В нашем распоряжении были полный экземпляр стенограммы, хранящийся в Архиве АН СССР (Москва), и копия стенограммы доклада Е.Д.Поливанова, которая хранится в рукописном отделе Государственной публичной библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

Этот раздел заключает программно-методологический экскурс, являющийся фрагментом неопубликованной статьи Е.Д.Поливанова 1929 г., корректура которой была нами обнаружена в Литературном архиве памятников народной письменности в Праге в январе 1990 г.

Актуальность публикации доклада, выступлений экскурса Е.Д.Поливанова, в которых публично критически оценивались основные положения яфетической теории Н.Я.Марра, претендовавшей в тот период на главенствующую роль в советском языкознании, вряд ли стоит специально доказывать. Каждому прочитавшему эти материалы станет ясно, насколько важны эти источники для объективного изучения истории идейной борьбы в области языкознания, развернувшейся против "нового учения" о языке до лингвистической дискуссии 1950 г. Е.Д.Поливанов мужественно в открытую выступил инициатором этой борьбы с псевдонаукой, за что и жестоко пострадал. Но многое из того, что он высказал, оказалось провидением.

К сожалению, стенограмма дошла не в очень доброкачественной записи и не была авторизована докладчиком. Корректура фрагмента статьи сохранилась тоже невыправленной. Поэтому пришлось приложить немало усилий для прояснения в ней темных мест, реконструкции примеров, цитат и т.д. Все это потребовало и обширного комментария.

Итак, все три раздела как бы дополняют друг друга, воссоздавая единое здание поливановского лингвистического мира.

* * *

В заключение считаю своим приятным долгом выразить искреннюю признательность директору Архива АН СССР Б.В.Лёвшину и ученому секретарю Н.М.Цариковой, а также Марте Дандовой, бывшей директором Литературного архива памятников народной письменности в Праге. Они предоставили в наше распоряжение рукописи Е.Д.Поливанова для публикации. Я благодарен членам редколлегии, и прежде всего Ф.Д.Ашнину, В.М.Алпатову и И.Ф.Вардулю, за их ценные советы и замечания, которые способствовали улучшению издания. Большую помощь по конкретным языкам и разделам тома оказали мне Г.Ш.Шарбатов (арабский язык),

В.Г.Ларцев (узбекский язык), Т.Я.Елизаренкова (санскрит), Г.А.Давыдова (тюркские языки), Ю.Х.Сирк (эстонский язык) и С.А.Крылов (по словарям лингвистической терминологии), которым я выражаю сердечную благодарность. Мною также были использованы отдельные примечания из подготовленного в свое время "второго" тома избранных работ Е.Д.Поливанова, за разрешение воспользоваться которыми я признателен его составителю и члену редколлегии А.А.Леонтьеву.

О ПРОЦЕССЕ СОЗДАНИЯ И ВАЖНЕЙШИХ ОСОБЕННОСТЯХ "ВВЕДЕНИЯ"

Имеющийся в нашем распоряжении биографический и документальный материал позволяет в какой-то мере реконструировать мотивы и процесс создания курса лекция "Введение в языкознание для востоковедных вузов".

Во-первых, этому предшествовало практическое чтение лекций по введению в языкознание и общей фонетике в разные годы и в разных учебных заведениях — на Женских педагогических курсах новых языков в Петрограде в 1915-1916 уч.г., затем, видимо, в качестве приват-доцента (с 1919 г. профессора) на факультете восточных языков в Петроградском университете в 1916—1920 гг., в качестве профессора в Институте живых восточных языков в Петрограде в 1920-1921 гг., в Туркестанском восточном институте и на историко-филологическом факультете САГУ в первый свой "ташкентский период" (1921—1926), наконец, в Московском институте востоковедения и Коммунистическом университете трудящихся Востока с 1926 г. В этих курсах — иногда полных, но чаще эпизодических — Е.Д.Поливанов апробировал свои лингвистические концепции перед слушателями самых разных категорий, внося уточнения теоретического и методического характера и постоянно расширяя круг используемых языков различных систем, и прежде всего восточных.

Во-вторых, основной материал "Введения" был опубликован в виде "Конспекта лекция по введению в языкознание и общей фонетике, читанных....в 1915-1916 учебном году на Женских педагогических курсах новых языков" (Пг., 1916, 2, 87 с.; далее — "Конспект"), и "Лекций по введению в языкознание и общей фонетике", выпущенных Государственным издательством РСФСР по договору с Издательством З.И.Гржебина в Берлине в 1923 г. (96 с.).

"Конспект" был задуман Е.Д.Поливановым не только как пособие для подготовки студентов к экзамену по введению в языкознание. Целью его было также "облегчить фиксацию наиболее необходимых при изучении живых языков сведений по общему языкознанию и фонетике, могущих быть почерпнутыми как из слушания лекций, так и из чтения пособий по данным предметам (Бодуэна де Куртенэ, Поржезинского, Томсона, Кудрявского, Э.Рихтер, Равву и др.)" (Предисловие, с. I).

Была опубликована только первая часть, в которую вошли главы — "Отделы языкознания" (§§ 1-10), "Общая фонетика" (§§ 11-53), "Фонетический состав русского языка" (§§ 54-70), "Основы общей морфологии" (§§ 71-74), "Фонетический состав французского языка" (§§ 75-87), "Фонетический состав немецкого языка" (§§ 88-94), "Фонетический состав английского языка" (§§ 95-111), "Изменение в языке" (§§ 112-115) и "Генеалогическая классификация языков" (§§ 116-117).

Во вторую часть, которую предполагалось издать осенью того же 1916 г., Е.Д.Поливанов собирался включить главнейшие явления в истории германских и романских языков. Автор считал, что поспешно изданная первая часть содержит много недочетов, а именно: отсутствие последовательности в подаче материала от легкого к трудному; помещение некоторых формулировок лингвистических понятий в конце книги, хотя речь о них идет в начале; отсутствие сведений о принципах транскрипции; ряд неудачных примеров; опечатки (список важнейших из них, правда, удалось напечатать).

"Конспект" без каких-либо существенных изменений (а нами была произведена тотальная текстологическая сверка двух работ, и ничего кроме небольших стилистических поправок, ряда изменений в транскрипционных обозначениях и исправления опечаток нам не удалось обнаружить) был целиком переиздан Е.Д.Поливановым в виде "Лекций". Другими словами, Е.Д.Поливанов либо не имел возможности, либо не счел целесообразным что-то изменять концептуально в "Лекциях", изданных в советское время, по сравнению с "Конспектом", выпущенным до революции, т.е. взгляды его не менялись по крайней мере вплоть до издания первого тома "Введения". Существовавшее, по всей вероятности, третье издание "Лекций" (если не считать "Конспект" первым) в Берлине (1924) было стереотипным. На это издание указывает сам Е.Д.Поливанов в ответе на запрос Научно-исследовательского института этнических и национальных культур народов Востока о его научной работе (Архив АН СССР, ф. 677, оп.3, д. 78, Личное дело Е.Д.Поливанова, л. 22). Обнаружить это издание до сих пор не удалось. И хотя Е.Д.Поливанов целиком включил раздел по общей фонетике из "Лекций" в первый том "Введения" без существенных изменений, лишь расширив его материалом из восточных языков, имеется сообщение проф. Я.В.Лоя о том, что он "редактировал в 1937 г. сильно исправленную рукопись "Лекций" Е.Д.Поливанова" (из письма Я.В.Лоя А.А.Леонтьеву от 3.V.1962 г. — Частный архив А.А.Леонтьева). Этот факт свидетельствует о том, что у Е.Д.Поливанова, находившегося с 1929 г. в Средней Азии, возникла мысль об издании "Лекций" в переработанном виде, что было навеяно работой по систематизации лингвистической терминологии для "Словаря" и некоторым ослаблением марристского пресса. К сожалению, судьба этой рукописи, как и второго тома "Введения", оказалась трагичной в связи с последовавшими вскоре арестом и гибелью ее автора.

Следует напомнить, что в конце 20-х годов Е.Д.Поливанов задумал грандиозное предприятие — создать общелингвистический курс для востоковедов-филологов в нескольких частях с охватом всего комплекса языковедческих дисциплин. Это был пионерский труд, каковым он остается и по сей день по своему первоначальному исполнению и по замыслу.

Отличия его от обычных пособий по языкознанию Е.Д.Поливанов видел в том, что этот курс не должен был ограничиваться материалом только индоевропейских языков, прежде всего русского и трех западноевропейских (немецкого, французского и английского), и должен был учитывать в большом объеме и материал восточных языков, включая полученный в результате полевых исследований — с одной стороны, а с другой — в этом курсе при подготовке будущего востоковеда-филолога нельзя отказываться от элементарного ознакомления с индоевропеистикой, дифференцированного описания трех упомянутых западноевропейских систем и обучения методам лингвистического анализа на

родном (в данном случае — русском) языке. Специфические морфологические и синтаксические особенности восточных языков он собирался подать в широкой типологической связи со сходными явлениями в европейских языках. Кроме описательной синхронной лингвистики Е.Д.Поливанов стремился ввести студента в историческую лингвистику, показывая ему на примере многих этимологий, как данные эволюции современных языков реконструируются лингвистами.

В период острой схватки разных направлений в отечественной лингвистической науке и особенно искусственного возведения на пьедестал "нового учения" о языке Е.Д.Поливанов предстает ярким приверженцем бодуэновской школы. Как один из активных сторонников нового для того времени направления языкознания — "социологической лингвистики", которое было выдвинуто самой жизнью послереволюционной эпохи и которому он предначертал в ближайшем будущем бурное развитие в советской и международной науке о языке, Е.Д.Поливанов считал актуальным изучение его в общелингвистическом курсе.

Курс мыслился Е.Д.Поливановым как неоднородный, ибо наряду с элементарными знаниями по общему языкознанию в него он намеревался включить (частично это отражено и в публикуемом томе) и сведения по описательной и сравнительно-исторической грамматике восточных языков, а также основы разрабатываемых им теории эволюции языка, прикладной лингвистики, поэтики (и ее связи с языком). В конце курса он собирался также обсуждать общественное, философское и прикладное значение научного языкознания (см. "Введение", Предисловие, с. V) и, видимо, многое другое. Таков был план этого компендиума лингвистических знаний, необходимых, по его глубокому убеждению, востоковеду-филологу.

К сожалению, мечте ученого не удалось полностью сбыться. В публикуемом здесь первом томе "Введения" реализованы только два раздела его обширного плана — введение и "Общая фонетика". Вот как они оцениваются в рекламном листке его "Введения" на английском языке: "В его книге сочетается большое пропедевтическое введение с глубокими и разносторонними знаниями структуры языков" (с. 1). И чем-то этот том напоминает "Введение и фонетику" в "Сравнительной грамматике монгольского письменного языка и халхаского наречия" другого замечательного лингвиста Б.Я.Владимирцова, первый том которой вышел на год позже в той же серии, а второй том, как и второй том "Введения" Е.Д.Поливанова, так и не увидел света.

Е.Д.Поливанов дает очень детальный и квалифицированный анализ фонетических особенностей ряда восточных языков, используя при этом оригинальные письменные системы и научную лингвистическую транскрипцию, разработанную им на основе МФА. Проблемы китайской и японской акцентуации объясняются им средствами экспериментальной фонетики. Надлежащее освещение в книге получили специфика арабского и кавказского консонантизма, особенности вокализма тюркских языков и диалектов. Как сообщается в рекламном листке, "автор всюду, где это возможно, иллюстрирует свои выводы точными психофонетическими наблюдениями, сделанными им в Японии, Средней Азии и на Кавказе, и снабжает читателя надежными средствами точного восприятия и воспроизведения восточной речи" (с. 3). Именно этот материал, труднодоступный европейским исследователям, позволил Е.Д.Поливанову сделать много новых общелингвистических выводов.

И хотя Е.Д.Поливанову не пришлось на практике апробировать весь курс (ведь даже воспроизводимый здесь начальный том "Введения" издан Ленинградским институтом восточных языков, где он никогда не работал), он вынужден был специально упрощать, иногда излишне схематизировать некоторые места в изложении фонетики и других областей языкознания, а ряд вопросов теории (например, вопрос о слоговой границе) полностью изъять из курса лекций (см. Предисловие, с. IV–V). В то же время в опубликованных частях имеются пространные экскурсы в конкретные явления, содержащие глубокие авторские пассажи из монографических разработок по тому или иному языку.

Часть первая "Введения" — "Вводные понятия (лингвистическая пропедевтика)" (§§ 1–15, с. 1–61) представляет собой значительно обновленный материал по сравнению с начальным разделом "Лекций" и "Конспекта" под названием "Отделы языкознания" (§§ 1–10, с. 7–18 в "Лекциях", геср. §§ 1–10, с. 1–12 в "Конспекте"). Поэтому текстологически сопоставлять "Введение" с предшествующими работами Е.Д.Поливанова в этой части мы сочли нецелесообразным. В то же время часть вторая — "Общая фонетика", по существу, повторяет его предшествующие работы, хотя и нередко обильно дополнена материалом восточных языков.

Мы помещаем сопоставительную таблицу параграфов раздела "Общая фонетика" в "Конспекте", "Лекциях" и "Введении", чтобы дать читателю возможность наглядно понять не только изменение и соответствие параграфов в этих трех изданиях, но и их реальный объем (бóльшая полнота материала во "Введении" в сравнении с ранними работами), добавление новых и т.д. Кроме того, мы приводим текстологический перечень конкретных разночтений в этом разделе между тремя изданиями с тем, чтобы воспроизвести полную картину эволюции лингвистической концепции Е.Д.Поливанова во временнóй последовательности.

В целом следует особо отметить, что, несмотря на добавления и расширение отдельных параграфов главным образом за счет описания специфических явлений и примеров из восточных языков, основные теоретические построения и формулировки, приведенные Е.Д.Поливановым в "Конспекте" и "Лекциях", остались здесь незыблемыми.

Что касается добавлений к первому тому "Введения" в виде фрагментов из "Лекций" и "Конспекта" по фонетике русского и трех западноевропейских языков и некоторым другим вопросам, то они полностью отвечают замыслу автора и должны были войти во второй и последующие тома. Об этом свидетельствуют как сам план всего курса, изложенный в "Предисловии" к "Введению", так и отсылки автора к очеркам французской (см., например, с. 151) и других звуковых систем в нескольких местах книги. Сверх того, Е.Д.Поливанов намеревался дать фонетическую характеристику, в частности, абхазского языка, грузинского консонантизма (см. с. 177), не говоря уже о фонетических системах китайского, японского, корейского, персидского, тюркских и ряда других языков, по которым им были подготовлены в 20-е годы солидные разработки, из коих лишь очень немногие увидели свет (подробно см. СОЯ; *Леонтьев А.А.* Евгений Дмитриевич Поливанов и его вклад в общее языкознание. М., 1983; *Ларцев В.Г.* Евгений Дмитриевич Поливанов. Страницы жизни и деятельности. М., 1988).

СЛОВАРЬ Е.Д.ПОЛИВАНОВА И ЕГО МЕСТО СРЕДИ ДРУГИХ СЛОВАРЕЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Мысль о составлении "Словаря лингвистических терминов" созрела у Е.Д.Поливанова, по-видимому, в конце 20-х — начале 30-х годов, когда он активно работал в ВЦК НА, где он сталкивался с необходимостью создания и унификации лингвистической терминологии, в частности у тюркоязычных народов Средней Азии, когда он готовил к изданию "Введение в языкознание для востоковедных вузов" в нескольких томах и когда он сотрудничал в качестве автора и редактора статей по языкознанию и поэтике в "Литературной энциклопедии" (см. т.1. М., 1930; со следующего тома в связи с гонениями, предпринятыми сторонниками Н.Я.Марра на Е.Д.Поливанова и его вынужденным отъездом в Среднюю Азию место редактора, ответственного за лингвистику, заняла Р.О.Шор). Естественно, что материал статей, подготовленных Е.Д.Поливановым для "Литературной энциклопедии" и "Введения", был использован им частично. Он и пригодился для его "Словаря" в 1935—1937 гг.

Е.Д.Поливанов предполагал издать "Словарь" сначала в Ташкенте. Свидетельствами тому являются его письмо Д.Коркмасову от мая [1937 г.?], в котором говорится о направлении рукописи "Словаря" в ВЦК НА (Москва) на рецензирование, а также переводы ряда лингвистических терминов на узбекский язык и обилие примеров из узбекского и киргизского языков. Поводами для отправки рукописи "Словаря" в Москву могли служить сложившаяся не без влияния марристов из центра нетерпимая обстановка вокруг Е.Д.Поливанова, отсутствие в Средней Азии специалистов по общему языкознанию такого класса, как сам автор, а также, вероятно, желание "угробить" "Словарь" официальным путем через ВЦК НА и Институт языка и мышления, где в то время были сконцентрированы силы сторонников "нового учения" о языке. Недаром ведь Д.Коркмасов из ВЦК НА отправил "Словарь" для явно разгромного отзыва в Институт языка и мышления. Механизм сработал безотказно. Цепь событий: Ташкент (УзГНИИКС?) ⟶ на отзыв в ВЦК НА (Москва) Д.Коркмасову ⟶ на отзыв в Институт языка и мышления (Ленинград) И.И.Мещанинову ⟶ отрицательный отзыв С.Быховской ⟶ в ВЦК НА — замкнулась, и судьба "Словаря" автора была предрешена (1 августа 1937 г. арест во Фрунзе и 25 января 1938 г. расстрел в Москве). Возможно, в архиве УзГНИИКС и хранятся какие-то документы о "Словаре" и даже отдельные неотправленные статьи Словаря, но нам об этом неизвестно.

Для того чтобы представить себе место "Словаря" Е.Д.Поливанова среди словарей лингвистических терминов, необходимо дать хотя бы краткий обзор словарей и словников-указателей лингвистической терминологии на русском языке*. Этот обзор будет также полезен и как

---

* Ср. также библиографические указатели, в которых перечисляются отдельные словари лингвистических терминов: Общее языкознание. Библиографический указатель литературы, изданной в СССР с 1918 по 1962 г. М., 1965, с.46—48; Структурное и прикладное языкознание.

для создания банка данных в этой области, требующей неотложной унификации.

Надо иметь в виду, что "Словарь" Е.Д.Поливанова создавался тогда, когда в русской лингвистической науке кроме "Грамматического словаря" Н.Н.Дурново не было традиции составления подобных словарей. После смерти Е.Д.Поливанова до настоящего времени на русском языке издано несколько десятков словарей (включая и переводные) лингвистических и литературоведческих терминов и энциклопедических словарей (см. их аннотированный перечень в хронологическом порядке; в него не вошли лексиконы лингвистической терминологии на многих национальных языках народов СССР и словари иностранных слов). В конце 1990 г. вышел "Лингвистический энциклопедический словарь" в издательстве "Советская энциклопедия".

Кроме терминологических словарей и энциклопедий при оценке "Словаря" Е.Д.Поливанова и в работе по унификации лингвистической терминологии следует принять в расчет также предметные указатели или указатели терминов в различного рода изданиях по языкознанию. Такие указатели содержат некоторые из работ монографического характера и учебных пособий, в том числе:

а) учебные пособия — "Введение в языкознание" (Д.Н.Ушаков, 1913, 1928; А.А.Реформатский, 1947, 1967; Ю.С.Степанов, 1966; В.Н.Петрухин, 1972; О.С.Широков, 1985; Ю.С.Маслов, 1987 и др.), "Введение в структурную лингвистику" (Л.Н.Засорина, 1974), "Общее языкознание" (Под ред. А.Е.Супруна, 1983), "Введение в социолингвистику" (А.Д.Швейцер и Л.Б.Никольский, 1978), пособия по общей и русской фонетике (Л.Р.Зиндер, 1960, 1979; М.В.Панов, 1979);

б) монографии — О.С.Ахманова (1966), О.С.Ахманова и др. (1961, 1963), А.В.Бондарко (1976, 1978), И.Ф.Вардуль (1977), В.Б.Касевич (1977), Е.В.Падучева (1974, 1985), И.И.Ревзин (1977), В.М.Солнцев (1971), Б.А.Успенский (1965), С.К.Шаумян (1962, 1965, 1974) и др.;

в) избранные труды отечественных языковедов — И.А.Бодуэн де Куртенэ (Т.II, 1963), Н.Я.Марр (Т.1—5, 1934—1936), Е.Д.Поливанов (1968), А.А.Потебня (Т.I—II, 1968);

г) переводы на русский язык важнейших сочинений зарубежных лингвистов — Л.Блумфильд (1968), Ж.Вандриес (1937), В. фон Гумбольдт

Библиографический указатель литературы, изданной в СССР с 1928 по 1962 г. М., 1965, с.103—105; Словари, изданные в СССР. Библиографический указатель. 1918—1962. М., 1966, с.49—50; Общее и прикладное языкознание. Указатель литературы, изданной с 1963 по 1967 год. М., 1972, с.50; Общее и прикладное языкознание. Указатель литературы, изданной в СССР в 1968—1977 гг. Т.1. М., 1981, с.145—146, и др.

Обзоры словарей лингвистических терминов, хотя и недостаточно полные, см.: *Ахманова О.С., Полторацкий А.И.* Словари лингвистической терминологии. /Обзор словарей, вышедших до конца 1961 г./. — Лексикографический сборник. Вып.5. М., 1962, с. 188—191; *Ицкович В.А.* О словаре новой лингвистической терминологии. — Лингвистическая терминология и прикладная топоономастика. М., 1964, с.31—44; *Слюсарева Н.А., Макарова Г.Н.* Обзор современных зарубежных словарей лингвистических терминов (1960—1975 гг.). — Актуальные проблемы учебной лексикографии. М., 1977, с.272—286; *Потиха З.А., Розенталь Д.Э.* Лингвистические словари и работа с ними в школе. М., 1987, с.125—127, и др.

(1984, 1985), В.Дорошевский (1973), М.Мамудян (1985), А.Мартине (1960), А.Мейе (1938), В.Пизани (1956), Ф. де Соссюр (1934, 1977, 1990), Э.Сэпир (1934), Н.С.Трубецкой (1960, 1987), Н.Хомский (1977), У.Чейф (1975), Р.Якобсон (1985, 1987);

д) сборники переводов — "Новое в зарубежной лингвистике" (прежнее название — "Новое в лингвистике", все выпуски), "Языкознание в Японии" (1983) и др.

е) работы по истории письма — Ч.Лоукотка (1950), В.Истрин (1965), И.Фридрих (1979) и др.

Несмотря на огромный накопленный фонд лингвистической терминологии как общей, так и по направлениям и отдельным дисциплинам, "Словарь" Е.Д.Поливанова даже в его фрагментарном виде продолжает сохранять большое историко-лингвистическое значение, отличаясь подбором терминов, их оригинальным толкованием и т.д. В нем прослеживается лингвистическая концепция ученого, особенно в тех областях, где он выступал новатором.

Словари лингвистических терминов. Аннотированный перечень

Дурново Н.Н. Грамматический словарь (грамматические и лингвистические термины). М.—Пг., Изд. А.Д.Френкеля, 1924, 154 стб.

Словарь, являющийся практическим пособием по введению в современную для того времени науку о языке для преподавателей и студентов, по существу, был первым словарем лингвистических терминов, составленным в послереволюционные годы. Он содержит 273 термина, при объяснении которых указана и литература вопроса. В словаре особенно широко представлена терминология "формального" направления в нашей лингвистике — Московской школы. См. также "Литературная энциклопедия", 1925.

Литературная энциклопедия. Словарь литературных [и лингвистических] терминов в двух томах. Под ред. Н.Бродского, А Лаврецкого, Э.Лукина и др. М.-Л., Изд. А.Д.Френкеля, 1925. — Т.1, II с., стб.1—576; т.2, стб.577—1198, 2 с.

Содержит статьи, написанные Н.Н.Дурново и вошедшие в его "Грамматический словарь" (см.), а также следующие статьи по лингвистике, принадлежащие А.М.Пешковскому: *Грамматика, Лексема, Предложение, Синтаксис, Слово, Слово отдельное, Стилистика, Стилистическая грамматика.*

Шор Р.О. Краткий словарь лингвистических и стилистических терминов. — *Шор Р.* Язык и общество. Изд.2. М., Изд-во "Работник просвещения", 1926, с.148—151.

Содержит краткие определения 73 терминов и 10 ссылочных статей.

Слоўнік граматычна-лінгвістычнай тэрміналогіі. Мінск, Інбелкульт, 1927, 79 с. (Беларуская навук. тэрміналогія. Вып.15).

Юшманов Н.В. Фонетические термины. — *Юшманов Н.В.* Ключ к латинским письменностям земного шара. М.-Л., Изд. АН СССР, 1941, с.73—82.

Содержит 77 терминов с краткими определениями и 7 ссылочных статей.

Жирков Л.И. Лингвистический словарь. Отв. ред. В.В.Цыбульский. М., Изд-во МИВ, 1945, 47 с. (На правах рукописи).

Краткий учебный словарь, предназначенный для студентов Московского института востоковедения, слушавших курс "Введение в языкознание", содержит 133 термина (включая ссылочные статьи).

То же. — Изд.2-е, доп. С предисл. И.И.Мещанинова. М., Изд-во МИВ, 1946, 155 с., 2 л.ил. (На правах рукописи).

Содержит 214 терминов, включая названия отдельных языков и языковых семей.

Решетов В.В. Краткий справочник по грамматической терминологии. Ташк., 1950 [на обл.: 1951], 119 с. (Мин-во просвещения Узбекской ССР).

Ющевич Є.В., Родзевич Н.С. Словник лінгвістичних термінів. Київ, Видавництво АН Укр.РСР, 1957, 236 с. (Институт мовознавства ім. О.О.Потебні).

Содержит 485 терминов и более 90 ссылочных статей. Толкования терминов даются на украинском языке и сопровождаются русскими эквивалентами. Приложен также русско-украинский указатель терминов. Во многих словарных статьях приводится библиография. В словник вошла лингвистическая терминология, зафиксированная в основных пособиях по языкознанию, изданных в нашей стране с начала XX в.

Čeval B. Stručný mluvnický terminologiský slovník rusko-český. Praha, 1957 (Rozmnoženo jako skriptum).

Peng Ch'u-nan. A Vocabulary of linguistic terminology in Russian and Chinese. Shanghai, 1957.

Агаян Э.Б. Толковый указатель языков. — *Агаян Э.Б.* Введение в языкознание. Ереван, 1959 [на обл.: 1960], с.575—612.

Приведены названия, принятые для обозначения языков и диалектов.

Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. Пер. с франц. Н.Д.Андреева. Под ред. А.А.Реформатского. Предисл. В.А.Звегинцева. М., Изд-во иностр. лит-ры, 1960, 436 с.

Содержит описание около 1200 терминов с параллелями на французском, немецком, английском и итальянском языках, а также около 200 ссылочных статей. В словаре имеются указатели русских, английских, итальянских, немецких и французских терминов. В словаре дается объяснение не только лингвистических, но в значительной мере также и литературоведческих терминов.

Rusko-český slovník lingvistické terminologie. Praha, Státní pedagogické nakladatelství, 1960. 312 s. (Československo-Sovětský Institut CSAV). На контртитуле — Русско-чешский словарь лингвистической терминологии. Прага, Гос. педагогическое изд-во, 1960. (Чехословацко-советский институт ЧСАН).

Содержит около 5 тысяч словарных статей по всем важнейшим отраслям языкознания. В словарь включены также названия языков и письменностей. В основу этого переводного словаря положена роспись более 40 языковедческих работ; учтен также ряд словарей лингвистических терминов на русском языке, вы-

шедших до 1959 г.; имеются указания и на авторские термины. Статьи строятся следующим образом: варианты или синонимы терминов даются в скобках рядом с заглавным (основным) термином, затем внутри статьи приводятся все словосочетания с данным термином, а в конце — антонимы, если таковые имеются. Каждый русский термин или словосочетание сопровождается чешским эквивалентом; к некоторым терминам добавляются краткие пояснения на чешском языке.

俄汉，汉俄对照語言学名詞.（初稿）. 中国科学院語言研究所，北京大学中文系語言学教研究室編. 北京, 1961. 3,148 頁. — Русско-китайские и китайско-русские термины по лингвистике в сопоставлении (Первоначальный вариант). Сост. Институт языкознания АН Китая и сектор языковедного образования отделения китайского языка Пекинского университета. Пекин, 1961.

Двуязычный переводной словарь лингвистических терминов составлен Гао Цзушунем — из Института языкознания АН Китая и Гао Минкаем, Цэнь Цисяном, Чжао Шикаем, Е Фэйшэном — из Пекинского университета. Работа велась с 1953 по 1959 г. Словарь состоит из двух частей: в русско-китайской части (с.1—68) помещено 3469 терминов и терминологических сочетаний, а в китайско-русской части — 3240. В китайско-русской части термины, записанные иероглифами, расположены в порядке латинизированного китайского фонетического алфавита "пиньинь"; имеется также индекс начальных иероглифов по числу черт. Отсылочных статей в словаре нет, синонимы даются в скобках, а иногда отдельно (напр., *Гомоним* и *Омоним*).

Трахтеров А.Д. Английская фонетическая терминология. Справочное пособие для студентов и преподавателей вузов иностранных языков. Англо-русский справочник. М., Изд-во лит-ры на иностранных языках, 1962, 349 с.

Содержит толкование 2123 английских термина. К справочнику приложен русско-английский указатель.

Юрэвіч А.Л. Слоунік лінгвістычных тэрмінау. Мінск, Выд-во М-ва вышэйшай, сярэд. спец. і праф. адукацыі БССР, 1962, 246 с.

Словарь беднее украинского словаря, составленного Е.В.Кротевичем и Н.С.Родзевичем. К нему приложен русско-белорусский указатель терминов.

Grabis R., Barbare Dz., Bergmane A. Valodniecības terminu vārdnīca (2945 latviešu termini). Riga, Latvijas valsts izdevniecība, 1963, 256 s. (Latvijas PSR Zinātnu Akademija Terminologijas Komisija). На контртитуле — *Грабис Р., Барбаре Д., Бергмане А.* Словарь лингвистических терминов (2945 латышских терминов). Рига, Латвийское гос. изд-во, 1963 (Терминологическая комиссия АН Латвийской ССР).

Переводной латышско-русский (с.19—136) и русско-латышский (с.137—256) словарь, содержащий 2945 лингвистических терминов. Даются только соответствия терминов (включая и терминологические сочетания) на двух языках, без толкования. Это — первый словарь латышских лингвистических терминов, составленный под наблюдением Терминологической комиссии АН Латвийской ССР. Использованы словари Ж.Марузо, Е.В.Кротевича и Н.С.Родзевича, А.Д.Трахтерова, а также БСЭ, "Грамматика русского языка" (Т.1—2) и др.

Вахек Й. Лингвистический словарь Пражской школы. (При участии Й.Дубского). Пер. с франц., нем., англ. и чеш.яз. И.А.Мельчука и В.З.Санникова. Под ред. и с предисл. А.А.Реформатского. М., "Прогресс", 1964, 350 с.

Словарь содержит около 800 словарных статей и много ссылочных. Каждый термин, помимо русского, приводится на четырех языках. Словарь составлен в виде цитат, взятых из источников. Его хронологические рамки — 1928 — 1952 гг. Имеются четыре указателя терминов: английский, немецкий, французский и чешский.

Хэмп Э.П. Словарь американской лингвистической терминологии. Пер. с англ. с доп. Вяч.Вс.Иванова. Под ред. и с предисл. В.А.Звегинцева. М., "Прогресс", 1964, 264 с.

Дескриптивный и исторический словарь лингвистических терминов, принятых в американской школе языкознания, составлен в виде цитат из источников, относящихся в 1925 — 1950 гг., и содержит около 1150 терминов и около 100 ссылочных статей. Каждый русский термин сопровождается английским эквивалентом.

Paternost J. Russian-English glossary of linguistic terms. L., 1965, 230 p.

Двуязычный русско-английский глоссарий представляет собой базовый список лингвистических терминов без пояснений.

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов (около 7000 терминов). М., "Сов. энциклопедия", 1966, 607 с.; Изд.2-е, стереотипн., 1969.

Считается самым полным толковым синхронистическим словарем лингвистической терминологии в отечественном языкознании. Он покрывает многие словари подобного рода, выпущенные до него. Почти каждый термин сопровождается переводом на английский язык и сопоставлениями из французского, немецкого и испанского языков. К словарю приложены "Основная терминология метрики и поэтики" (сост. В.Ф.Беляев, с.571 — 605) и "Указатель основных английских переводов" (с.537 — 570).

Ревзин И.И., Ревзина О.Г. Краткий словарь терминов структурной лингвистики. — Русский язык в национальной школе, 1966, № 5, с.81 — 86.

Engler R. Lexique de la terminologie saussurienne. Utrecht — Anvers, 1968, 53 p.

Специализированный энциклопедический словарь терминов из переводов "Курса общей лингвистики" Ф. де Соссюра на итальянский, испанский, немецкий, английский, польский и русский (латиницей) языки включает 110 статей.

Gołąb Z., Heinz A., Polański K. Słownik terminologii językoznawczej. Warszawa. Państwowe wydawnictwo Naukowe, 1968, 847 s.; 2 ed., 1970.

Общий словарь энциклопедического типа, организованный по алфавитному принципу, состоит из трех частей: I. Словарь (примерно 1800 терминов, включая названия языков, письменностей, лингвистических направлений; причем к польским терминам даны эквиваленты на четырех европейских языках и

толкования; с. 11—658); II. Краткий биографический словарь (более 300 лингвистов; с. 659—718); III. Отдельные алфавитные указатели (английский, французский, немецкий и русский) терминов (с. 721—847). Перед заглавным польским словом (термином) даются параллели на английском, французском, немецком и русском языках.

Nash R. Multiligual lexikon of linquistics and philology. English, French, German, Russian. Florida, 1968, 390 p.

Многоязычный словарь, представляющий базовый список лингвистических терминов без пояснений, включает около 23 тысяч терминов-эквивалентов на английском, французском, немецком и русском языках; среди них — более 5 тысяч английских терминов.

Акишина А.А. Словарь лингвистических терминов первокурсников. Пособие по курсу "Введение в языкознание". М., Ун-т дружбы народов им. Патриса Лумумбы, 1969, 124 с.

В словаре (с.85 — 123) даются очень краткие толкования терминов по разделам: Разделы языкознания, Лексикология, Фразеология, Лексикография, Грамматика, Фонетика и фонология, Письмо, Функции языка, Направления (школы) в лингвистике, Методы исследования языка, Экстралингвистические дисциплины. Термины имеют варианты (синонимы) и сопровождаются эквивалентами на английском, французском и испанском языках. У некоторых терминов указывается авторство, например, *агглютинация* (Ф.Бопп), *опрощение* и *переразложение* (В.А.Богородицкий) и др. При составлении словаря использовался словарь О.С.Ахмановой. Всего в нем около 415 терминов, расположенных не в алфавитном порядке, а по темам.

Simeon R. Enciklopedijski rječnik linguistickih nariva. Zagreb, 1969.

Многоязычный словарь лингвистических терминов, включая и русские.

Ланг Э. Словарь терминов порождающей грамматики. — Уч. зап. Тартуского ун-та. Вып. 278. Тарту, 1971, с.174 — 212.

Русско-английский терминологический словарь-индекс. — В кн.: *Хомский Н.* Аспекты теории синтаксиса. Пер. с англ. под ред. и предисл. В.А.Звегинцева. М., Изд-во МГУ, 1972, с.236 — 257. (Публикации отделения структурной и прикладной лингвистики. Серия переводов. Вып.1).

Включает около 500 терминов; построен по типу предметных указателей.

Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Справочник лингвистических терминов. Пособие для учителей. М., "Просвещение", 1972, 495 с.

Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Пособие для учителей. Изд. 2-е, испр. и доп. М., "Просвещение", 1976, 543 с.; Изд. 3-е, испр. и переработ., 1985, 399 с.

Последнее издание словаря содержит около 2000 лингвистических терминов. В нем дается толкование наиболее употребительных в учебной и методической литературе терминов по языкознанию.

Lewandowski Th. Linguistisches Wörterbuch. Bd 1 —3. Heidelberg. Quelle und Meyer. 1973—1975, 841 S.; 2-e Aufg. 1980, 1132 S.

Словарь энциклопедического типа, объясняющий свыше 1000 терминов, содержит подробную информацию о терминах, иногда с критическим освещением концепции того или иного автора. Каждый термин имеет эквиваленты на французском, английском и русском языках. В словарь включены термины социолингвистики, лингвистики текста, прагматической лингвистики, а также традиционного языкознания и исторической грамматики. Объяснен и ряд главнейших направлений в истории науки о языке и в наши дни. К важнейшим статьям прилагается литература.

Нечаев Г.А. Краткий лингвистический словарь. Ростов, Изд-во Ростовского ун-та, 1976, 184 с.

Словарь включает лишь термины, используемые в курсе "Введение в языкознание" (для студентов-первокурсников). Объяснения терминов иллюстрируются примерами из индоевропейских, тюркских, финноугорских и некоторых других языков и сопровождаются краткими этимологическими справками. В словарь вошло около 800 терминов и 90 ссылочных статей. В него включены названия языковых семей, групп и отдельных языков, но в нем отсутствуют термины, относящиеся к физиологии и акустике звуков речи, к общему языкознанию, а также некоторые технические термины и названия теорий и направлений в лингвистике.

Шелов С.Д. Опыт семантического анализа лингвистической терминологии при построении информационно-поискового тезауруса. М., 1976 (Канд. дисс.).

Лексика макета информационно-поискового тезауруса содержит 347 дескрипторов, относящихся к описанию внутренней структуры языка.

Смиренский В.Б. и др. Тезаурус информационно-поисковый по языкознанию. Методическое пособие для информационных работников. Под ред. А.Я.Шайкевича. М., ИНИОН АН СССР, 1977, 347 с.

Это первая в СССР попытка создания отраслевого информационно-поискового тезауруса по языкознанию, который бы охватывал все разделы лингвистики. Он состоит из двух частей: лексико-семантического указателя (с. 1—294), содержащего примерно 1300 дескрипторов и 900 ключевых слов, и систематического указателя (с. 295—347). В наибольшей степени в тезаурусе представлена терминология и номенклатура таких традиционных разделов языкознания, как морфология, синтаксис, словообразование, фонетика, фонология и т.д. Включены также персоналии основоположников лингвистических школ и направлений.

Словарь славянской лингвистической терминологии. Praha, Academia, 1977; Т.1, XXXVIII, 553 с.; т. 2, 1979, XIII, 483 с.

Это уникальный труд в мировой лексикографической литературе по лингвистической терминологии. Он охватывает 2266 основных понятий-терминов, относящихся к грамматическому строю славянских языков. В первом томе понятия-термины расположены по системному принципу и имеют эквиваленты на всех 11 славянских языках, а также на трех западноевропейских языках (английском, французском и немецком). Этот том те-

матически подразделяется на: I. Общие понятия; II. Звуковая сторона языка; III. Графическая сторона языка; IV. Словарный состав; V. Части речи; VI. Структура слова; VII. Синтаксис; VIII. Стилистика; IX. Новые лингвистические направления и методы. Обработка русских эквивалентов сначала проводилась А.Б.Шапиро, затем В.Г.Костомаровым, а с 1967 г. в ней активно участвовал А.А.Реформатский, проверивший все русские термины и давший их окончательную версию (см. с.XXII). Второй том включает алфавитные списки терминов — чешские, словацкие, польские, лужицкие, русские, украинские, белорусские, македонские, сербохорватские, хорватосербские и словенские, а также английские, французские, немецкие. Термины, как правило, даются без дифиниций, кроме "трудных" и "спорных" случаев.

Никитина С.Е. Тезаурус по теоретической и прикладной лингвистике. (Автоматическая обработка текста). Под ред. Н.Д.Арутюновой. М., "Наука", 1978, 274 с.

Тезаурус предстает 1) как способ описания терминологии, 2) как инструмент информационного поиска. В нем дано около 2000 лексических единиц и более 1000 самостоятельных словарных статей, построенных по определенной схеме.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. Под ред. А.В.Суперанской. М., "Наука", 1978; Изд. 2-е, переработ. и доп., 1988, 192 с.

Первое издание словаря включало около 700 ономастических терминов. Второе издание включает новые термины по ономастике, уточнены дефиниции, многим терминам даны иноязычные эквиваленты. Разработаны также аббревиатуры терминов и терминоэлементы (греческие и латинские), регулярно входящие в специальные термины ономастики. Сами словарные статьи (около 850 словарных статей и 180 ссылочных во втором издании) помещены на с.26—155. Внутри статей много составных терминов и терминосочетаний (более 770). Словарь снабжен указателями — терминологическим, предметно-терминологическим и др.

Русский язык. Энциклопедия. Гл. ред. Ф.П.Филин. М., "Сов. энциклопедия", 1979, 432 с., ил.

Содержит около 520 статей (не считая ссылочных). Кроме сведений о русском языке в энциклопедию включены статьи общеязыковедческого типа, а также статьи об основных направлениях и методах языкознания, о крупнейших отечественных ученых-русистах и др.

Демьянков В.З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста. [Вып.1.] Порождающая грамматика. Под ред. Ю.В.Ванникова. — Тетради новых терминов (ВЦП). № 23. М., 1979, 278 с.

Первый выпуск этого двуязычного словаря (с.6—191) содержит 1494 словарные статьи, отражающие терминологию по порождающей грамматике. Терминология математической теории порождающих грамматик представлена меньше. Данный выпуск больше охватывает проблемы синтаксиса и семантики естественного языка, чем термины фонологии и фонетики. Содержит также много синонимов внутри статей. При толковании терми-

нов указываются источники и возможные расхождения у разных авторов. Английские термины и русские эквиваленты с толкованиями расположены по шести основным разделам в порядке общей нумерации: 1. Направления. Теории; 2. Грамматика; 3. Представление языковой структуры; 4. Изменение языка; 5. Исключение; 6. Социальная, диалектальная и другие виды неоднородности грамматики. Библиографический указатель (с.191—274) насчитывает 1768 названий.

Демьянков В.З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста. Вып.2. Методы анализа текста. Под ред. Ю.В.Ванникова. — Тетради новых терминов (ВЦП). № 39. М., 1982, 288 с.

Продолжение первого выпуска (№ 1495—2722, с.7—194). В вып.2 включена терминология, которая относится к характеристикам текста в рамках различных концепций теории текста. Английские термины и русские эквиваленты с объяснениями распределены по семи основным разделам: 1. Текст как результат дискурсивной деятельности; 2. Значение; 3. Текст: категория языка и речи; 4. Универсалии текста и языка; 5. Семантика возможных миров; 6. Модель Р.Хадсона; 7. Теория речевых актов. Библиографический указатель включает работы № 1769—2082 (с.198—219). К этому выпуску приложен общий "Английский алфавитный указатель" (с. 220—252) и "Русский алфавитный указатель" (с.253—284). Источниками для данного выпуска явились англоязычные работы 60—70-х годов.

Основная система и терминология славянской ономастики (Словарь). Скопье, 1983.

Системный терминологический общеславянский словарь по ономастике, включающий термины 11 славянских языков и немецкие. Дефиниции даны на македонском, русском и немецком языках.

Энциклопедический словарь юного филолога (Языкознание). Для среднего и старшего школьного возраста. Сост. М.В.Панов. Предисл. Г.В.Степанова, М., "Педагогика", 1984, 352 с., ил. (Библиотечная серия).

Содержит 241 статью, в том числе 43 персоналии. Словарь знакомит школьников с основами науки о языке, различными языками народов мира, выдающимися лингвистами.

· *Немченко В.Н.* Основные понятия морфемики в терминах. Краткий словарь-справочник. Красноярск, изд-во Красноярского ун-та, 1985, 216 с.

Описание каждого термина сопровождается иллюстративными примерами из лингвистической литературы с указанием источников (с.15—208). Словарь включает около 1400 терминов, употребляемых в лингвистической литературе на русском языке.

Немченко В.Н. Основные понятия словообразования в терминах. Краткий словарь-справочник. Красноярск, Изд-во Красноярского ун-та, 1985, 204 с.

Данный выпуск является продолжением предыдущей работы и охватывает около 1200 терминов на русском языке.

Петросян Г.З. Арменоведческий словарь. Ереван, "Аастан", 1987, 686 с. (на арм. яз.).

В Словаре имеется указатель лингвистических терминов на армянском языке — с.629—664, и на русском языке — с.665—686.

Львов М.Р. Словарь-справочник по методике русского языка. Учебное пособие для педагогических институтов. М., "Просвещение", 1988, 240 с.

В нем раскрыты важнейшие понятия методики русского языка в средней школе. Содержит также ряд лингвистических терминов. Всего в нем более 600 словарных статей, расположенных по нескольким группам.

Назарян А.Г. Французско-русский учебный словарь лингвистической терминологии. М., "Высшая школа", 1989, 447 с.

Это первый опыт составления двуязычного учебного словаря лингвистических терминов. Словарь содержит около 5000 терминов, употребляемых в современной французской лингвистической литературе. Он включает терминологию как общелингвистическую, так и относящуюся к различным разделам языкознания, в том числе терминологию некоторых новых лингвистических направлений и ряд общенаучных терминов. В связи с учебным и практическим характером словаря термины в нем даются в их системных связях. Каждый французский термин имеет один или несколько русских эквивалентов. В необходимых случаях даются краткие толкования. К словарю приложен указатель русских терминов с отсылкой к их французским эквивалентам (с. 374—442).

Лингвистический энциклопедический словарь. Гл. ред. В.Н.Ярцева. М., "Советская энциклопедия", 1990. 685 с.

Первое энциклопедическое издание в СССР, призванное осветить достижения отечественной и зарубежной лингвистики с позиций современной концепции языка, дает систематизированный свод знаний о человеческом языке, языках мира (отдельных живых и мертвых языках, семьях и группах родственных языков), различных системах письма. Словарь отражает структуру языкознания как науки и основные этапы ее становления. В него включены также статьи, в которых рассматриваются национальные лингвистические традиции, школы и направления, вопросы связи общефилософских идей и лингвистики. В аннотированный именной указатель вошли лингвисты, упомянутые в статьях.

Касаткин Л.Л., Клобуков Е.В., Лекант П.А. Краткий справочник по современному русскому языку. Под ред. П.А.Леканта. М., "Высшая школа", 1991, 383 с.

Справочник содержит нормативное описание основных лингвистических понятий и языковых явлений современного русского языка по разделам (лексикология, фонетика и орфоэпия, графика и орфография, морфемика и словообразование, морфология, синтаксис), в которых статьи расположены по алфавиту. В указателе терминов (с.370—382) зафиксировано 583 термина и 40 ссылочных статей.

ВЫСТУПЛЕНИЯ Е.Д.ПОЛИВАНОВА 1927—1929 годов И ЕГО ДОКЛАД В КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ — ВАЖНЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ БОРЬБЫ С МАРРИЗМОМ

В первые послереволюционные годы становление новой, пролетарской культуры сопровождалось противостоянием ее старой, "отжившей свой век" дворянской и зарубежной буржуазной, "империалистической" культуре. Атмосфера тех лет так или иначе сказалась и на развитии гуманитарных наук в нашей стране, включая не в последнюю очередь и языкознание.

В недрах отечественной лингвистической мысли, в которой относительно мирно сосуществовали различные направления (компаративистика, младограмматическая школа, "формальная грамматика", яфетидология и др.), возникли вульгарно-социологические и ультрареволюционные настроения, выдаваемые за новаторские и идеологически единственно верные и оправданные. Охваченные революционной эйфорией ученые, перешедшие на сторону Октября, занялись поисками построения новой науки о языке на базе диалектического и исторического материализма. Одни (как, например, Е.Д.Поливанов[1] и др.) восприняли это требование эпохи со всей серьезностью и действительно старались — и не безуспешно — найти точки приложения марксистского учения к явлениям языка (социологическая лингвистика, практические задачи языкового строительства, философские проблемы языка и т.п.). Другие (например, Н.Я.Марр и его окружение) восприняли марксизм лишь поверхностно, облекая свои теоретические построения в революционную фразеологию для борьбы с "буржуазной индоевропеистикой" и насаждения авторитарного мышления в языкознании.

По воспоминаниям Н.П.Архангельского, близко знавшего Е.Д.Поливанова в первый период его жизни в Ташкенте (1921—1926 гг.), "для его „я" главными были — Наука и Пролетарская Революция". И это было сказано не для красного словца, а отражало истинную суть ученого и его мировоззрения.

Восприняв слова В.И.Ленина, что "латинизация — это революция на Востоке", в качестве призыва к действию, Е.Д.Поливанов считал создание новых алфавитов "первоочередной, одной из важнейших за-

---

[1] Вот как Е.Д.Поливанов сам оценивал свои занятия темой "марксизм и языкознание": "Считая себя марксистом постольку, поскольку мои выводы из языкового материала подтверждают основные положения диалектического материализма, я вовсе не ограничиваю, однако, задачу марксистского исследования языка построением аксиоматических положений; в частности, это относится к понятию языка как трудового процесса" (цит. по: *Ларцев В.* Евгений Дмитриевич Поливанов..., с.86—87). И в более поздней работе "За марксистское языкознание..." (1931), где были намечены пути создания "марксистской теории языка", Е.Д.Поливанов ратовал за то, что марксистское языкознание должно создаваться на основе достижений старого языкознания и мировой науки, должно ориентироваться на конкретные проблемы языкового строительства и языковой политики.

дач ученых". В воспоминаниях Н.П.Архангельского приводятся слова самого Е.Д.Поливанова: "Я был, может быть, в первых рядах тех ученых, которые вошли в латинизирующее движение" (Из архива В.Г.Ларцева). И не случайно ученый, столько реально сделавший в этой области, полагал, что движение за латинизированный новый алфавит — "это Октябрьская революция по отношению к предшествующему дооктябрьскому периоду и направлению в истории возрождения и зарождения национальных графических культур, обусловленных политическим Октябрем 1917 года"[2]. Он был глубоко уверен, что латинская графика новых алфавитов будет не только способствовать ликвидации безграмотности, но и послужит сближению национальных культур народов СССР на интернациональной графической основе, а также поможет "сближению приемов графического общения в международном масштабе". И результаты усилий Е.Д.Поливанова, Н.Ф.Яковлева и других ученых в разработке принципов новых алфавитов и орфографий и их практическом претворении общеизвестны[3].

В то же время насаждаемая Н.Я.Марром яфетическая теория, фактически ориентированная на поиски доисторических корней путем палеонтологического анализа на основе четырех мифических элементов[4] и на столь же мифический "мировой единый язык", была далека от реальных нужд языкового строительства. Вот что писал, например, один из главных теоретиков Всесоюзного центрального комитета нового алфавита (ВЦК НА) Н.Ф.Яковлев в 1931 г.: "Яфетидологи не потрудились примкнуть к великой алфавитной революции... По-видимому, они считали, что палеонтология речи и разложение на элементы более актуальные задачи, чем создание хотя бы одного приемлемого национального алфавита для одного из народов СССР"[5]. О том, что "яфетидологи в работах по созданию нового алфавита участия не принимали", говорили на дискуссии в Коммунистической академии, организованной группой "Языкфронт" в декабре 1930 г., работники просвещения Умар Алиев и другие[6].

---

[2] *Поливанов Е.Д.* Основные формы графической революции в турецких письменностях СССР. — Новый Восток. Кн.23—24. М., 1928, с.314.

[3] См., например, СОЯ, с.15—16; *Ларцев В.* Евгений Дмитриевич Поливанов..., с.57—60; *Панов М.В.* Теория фонем Н.Ф.Яковлева и создание новых письменностей в СССР. — Народы Азии и Африки, 1974, № 4, с.210—223 и др.

[4] В.Ф.Шишмарев так образно характеризовал эти фантазии Н.Я.Марра: "Около половины 20-х годов на наше языкознание спустился туман палеонтологии, упразднивший историю, в которой конкретные живые языки превратились в какие-то скрещенные фантомы, сквозь которые просвечивали таинственные четыре элемента, которыми распоряжался талантливый, но одержимый чародей — Н.Я.Марр. Когда же чародей исчез и туман рассеялся, унося четыре элемента, то осталась теория, а главное — теоретические адепты, частью уверовавшие в ее мнимый марксизм, но чаще и больше уверенные в ее житейской пользе и спасительности" (см. Известия АН СССР. ОЛЯ. Т.IX, вып.1, 1950, с.67).

[5] См. *Яковлев Н.Ф.* "Аналитический" или "новый" алфавит? — Культура и письменность Востока. Кн.X. М., 1931, с.60.

[6] См. Культура и письменность Востока. Кн.VII—VIII. М., 1931, с.207.

Правда, в 1925 г. Н.Я.Маром был предложен в качестве практического алфавита в Абхазии разработанный им еще до революции проект транскрипции, известный под названием "абхазский аналитический алфавит" (далее — ААА)[7]. Эта транскрипционная система была "продуктом кустарного кабинетного творчества и ручной техники"[8], и потому судьба ее в роли практического алфавита была предрешена. Из-за присущих ей языковых, педагогических и полиграфических недостатков она была через два года отвергнута абхазцами и заменена новым унифицированным алфавитом, разработанным ВЦК НА. С резкой, но аргументированной критикой ААА выступили Е.Д.Поливанов, Н.Ф.Яковлев[9], Д.В.Бубрих[10] и ряд других лингвистов.

На основании архивных материалов известно, что Е.Д.Поливанов по меньшей мере дважды выступал с докладом "Абхазский аналитический алфавит": в РАНИОН'е зимой 1927—1928 гг.[11] и на секции языка и литературы Научно-исследовательского института этнических и национальных культур народов Востока (Иннарвос) 9 марта 1928 г.[12] Доклад содержит анализ фонетической системы абхазского языка и критический разбор алфавита, предложенного Н.Я.Марром. По мнению Е.Д.Поливанова, ААА в проекте Н.Я.Марра не удовлетворяет ряду существенных лингвистических и педагогических требований.

Но несмотря на фактический крах ААА и в теоретическом и в практическом отношении сторонники Н.Я.Марра объявили его чуть ли не "основным костяком мирового алфавита"[13]. Между тем ставить пробле-

---

[7] См. *Марр Н.Я.* Абхазский аналитический алфавит (к вопросу о реформе письма). — Труды яфетического семинария [Ленинградского института живых восточных языков]. Т.1. Л., 1926, 52 с.

[8] См. *Яковлев Н.Ф.* "Аналитический" или "новый" алфавит, с.60.

[9] В упомянутой статье "„Аналитический" или „новый" алфавит?" Н.Ф.Яковлев, в частности, отмечал, что "ААА вовсе не построен на теоретическом осмыслении всего процесса развития звуков речи в целом" (с.45) и отражает "лишь современное статическое состояние звукового состава части языков большей частью флективного строя, проецируемое в доисторию" (с.46), не покрывая "минимальной потребности девяти литературных языков Северного Кавказа и Дагестана, не говоря уже о языках мира" (с.47).

[10] См. *Бубрих Д.В.* "Унификаторы" в мировом масштабе (По поводу статьи С.П.Жуйкова "Латинизация или унификация"). — Культура и письменность Востока. Кн.X. М., 1931, с.61—64. В конце этой статьи он писал, что "яфетидологическая „унификация" по сути исключает латинизацию" (с.64).

[11] Запись об этом имеется в личном деле Е.Д.Поливанова (см. Архив АН СССР, ф.677, оп.3, д.78, л.23). Сама рукопись доклада сохранилась в Ленинградском отделении Архива АН СССР (ф.800, Н.Я.Марр, оп.6, № 395, 23 л.).

[12] Об этом имеются архивные записи (см. Архив АН СССР, ф.667, оп.1, д.33, л.144) и упоминание в хронике (см. Ученые записки [Иннарвос]. М., 1929, с.243).

[13] См. *Врубель С.* Унификация и латинизация. — Культура и письменность Востока. Кн.VII—VIII. М., 1931, с.127; см. также *Гранде Б.* Аналитический алфавит Н.Я.Марра и проблемы научной транскрипции для нового алфавита. — Всесоюзный центральный комитет нового алфавита Н.Я.Марру. Сборник статей. М., 1936, с.43 и др.

му алфавита сразу в мировом масштабе было нереально и небезопасно в тех условиях, так как это могло привести к срыву дела культурной революции.

После выступлений Е.Д.Поливанова в Коммунистической академии в 1929 г. и его вынужденного переезда в Среднюю Азию из-за беспрецедентной травли в Москве марристы решили прибрать к рукам и последний оплот "независимых" языковедов — ВЦК НА и воспользоваться его достижениями. В конце 1930 г. Президиум ВЦК НА исключил из состава членов Научного совета профессоров Е.Д.Поливанова и А.Чобанзаде[14]. 16—20 февраля 1933 г. состоялся Первый пленум обновленного Научного совета ВЦК НА, на котором выступил Н.Я.Марр с методологическим докладом по вопросам письменности и языка. Именно с тех пор стали писать, что "научные работы Н.Я.Марра и его личное участие оказывали громадную помощь ВЦК НА"[15], и характеризовать Н.Я.Марра как "активнейшего работника социалистического культурного строительства народов СССР"[16]. Таковой оказалась реальность, перевернувшая все с ног на голову, реальность, которая стала одним из источников осложнения межнациональных отношений в последующие годы.

Если в области практики языкового строительства Н.Я.Марр был возведен на пьедестал с заметным опозданием, то в области теоретического языкознания его звезда начала восходить с 1924—1925 гг., когда его яфетическая теория, полностью отойдя от принципов и методов индоевропеистики, стала быстро превращаться в "новое учение" о языке. Особенно интенсивно она начала набирать скорость с 1926 г. Именно тогда, когда появились работы Н.Я.Марра "Чуваши-яфетиды на Волге" (Чебоксары, 1926; то же — ИР, т.5, с.323—372), сборник его статей "По этапам яфетической теории" (Л., 1926; то же — ИР, т.1), "Яфетическая теория. Программа общего курса о языке..." (Баку, 1927; то же — ИР, т.2, с.5—11), "Яфетическая теория. Общий курс учения о языке" (Баку, 1928; то же — ИР, т.2, с.3—126) и другие, яфетическая теория стала преподноситься в качестве единственно истинного материалистического учения о языке.

М.В.Фриче (он же год спустя будет вести "поливановскую" дискуссию) во вступительном слове перед докладом Н.Я.Марра "Актуальные проблемы и очередные задачи яфетической теории", прочитанном в Коммунистической академии в 1928 г., с высоким пафосом отмечал: "... такая постановка и такое решение целого ряда кардинальных лингвистических проблем — это уже не яфетидология, а нечто бо́льшее — это социально-материалистическое построение лингвистики... оно не только материалистично, но и глубоко насквозь диалектично... яфетическая теория на наших глазах перерождается и перево-

---

[14] См. Культура и письменность Востока. Кн.VII—VIII. М., 1931, с.218.

[15] См. Письменность и революция. Сб.1. М.-Л., 1933, с.5.

[16] См. *Аптекарь В.Б.* Н.Я.Марр и новое учение о языке. М., 1934, с.3. Ср. у В.А.Миханковой: "С первых же дней Октября мы видим Н.Я.[Марра] неутомимо работающим на своем посту „бойца научно-культурного фронта", помогающим своим опытом и знаниями „беспримерному по размаху революционному научно-культурному строительству" [см. „Стенографический отчет XVI съезда ВКП(б)". М., 1930, с.98]" (*Миханкова В.А.* Николай Яковлевич Марр. Очерк его жизни и научной деятельности. М.-Л., 1949, с.262).

площается в материалистическую диалектическую марксистскую лингвистику"[17]. И это было заявлено, несмотря на абсурдность, бездоказательность и фантастичность многих положений и вольное обращение с фактами языка в работах Н.Я.Марра. В то же время вся остальная лингвистика — компаративистика и зарубежные лингвистические теории — объявлялись по сути вне закона как буржуазные, идеалистические. Это, конечно, не могло не волновать серьезных ученых.

Критическое отношение к яфетической теории Н.Я.Марра исподволь высказывалось уже давно. Например, М.Н.Петерсон в статье: "Проблемы индоевропейского языковедения за 10 лет в СССР" писал: "В связи с вопросом о кризисе индоевропеистики у некоторых возникло мнение, не в яфетидологии ли искать спасения. По этому поводу в Научном институте М.В.Сергиевским был прочитан доклад на тему „Яфетидология и ее новейшие успехи" (26 мая 1923 г.). В результате обсуждения доклада было выяснено, что то положительное, что можно найти в яфетидологии (например, внимание к вопросу о смешении языков), было уже и в индоевропеистике; то же, чем яфетидология отличается от индоевропеистики, представляет скорее большой шаг назад"[18]. И у многих авторитетных зарубежных лингвистов (назовем лишь некоторых из них — Ж.Вандриес, Н.С.Трубецкой, В.Шмидт, А.Мейе, М.Коэн, А.Дирр, Х.Шёльд и др.) трезвое критическое восприятие, или точнее — неприятие, яфетической теории Н.Я.Марра было почти однозначным[19]. Н.С.Трубецкой в 1924 г. писал об этой теории, еще до превращения ее в "новое учение" о языке, как "преждевременной" и "несколько экстравагантной"[20]. Ж.Вандриес тогда же отмечал, что эта теория "противоречит самим принципам, на которых до сих пор покоится сравнительная грамматика индоевропейских языков" и что в ней "так много места случайностям"[21].

Однако вступить в открытый бой с этим псевдомарксистским и абсурдным учением, дискредитирующим науку о языке, среди советских лингвистов никто до Е.Д.Поливанова не осмелился, потому что каждый знал, что́ может последовать за этим в условиях, когда сторонниками Н.Я.Марра были заняты почти все командные посты в языковедческих институтах, издательствах...

Что же побудило Е.Д.Поливанова, до недавнего времени чуть было не увлекшегося магией яфетической теории, но вскоре усомнившегося в ее научных основаниях, решиться на последний шаг — развенчать миф о ней как единственно марксистском материалистическом учении, миф, в который особенно уверовали специалисты смежных с языкознанием областей? Это прежде всего высокое чувство ответственности за судьбы науки о языке, сознание общественного долга, присущее

---

[17] Цит. по: *Алпатов В.Б.* Н.Я.Марр и новое учение о языке, с.48—49.

[18] Цит. по: *Алпатов В.Б.* Н.Я.Марр и новое учение о языке, с.43.

[19] Некоторые высказывания этих ученых приведены в кн.: *Алпатов В.Б.* Н.Я.Марр и новое учение о языке; с.43—45; *Ларцев В.* Евгений Дмитриевич Поливанов..., с.77. Об оценке яфетической теории Х.Шёльдом см. в примеч.9 к стенограмме.

[20] См. "Les langues du monde". Paris, 1924, p.342.

[21] Цит. по: *Алпатов В.Б.* Н.Я.Марр и новое учение о языке, с.43.

Е.Д.Поливанову, о чем он, кстати, и писал в публикуемом выше экскурсе.

Не углубляясь в историю взаимоотношений Е.Д.Поливанова и Н.Я.Марра, а также не останавливаясь на эволюции взглядов Е.Д.Поливанова на яфетическую теорию, ибо эта тема уже частично затронута в литературе[22] и в будущем ей может быть посвящено специальное исследование, обратимся непосредственно к материалам, касающимся подготовки и проведения самой дискуссии в Комакадемии в феврале 1929 г.

Существуют свидетельства того, что Е.Д.Поливанов читал близкие по содержанию доклады о яфетической теории до этой дискуссии — на заседании лингвистической секции Института языка и литературы РАНИОН в 1927 г. (судя по публикуемому экскурсу Е.Д.Поливанова планировался даже антияфетидологический сборник), в Баку во время 2-го пленума ВЦК НТА в том же 1927 г. (принимавший участие в прениях на дискуссии Л.И.Жирков говорил, что он видел даже рукопись этого доклада в Баку и что "теперь он [Е.Д.Поливанов] выступает третий раз со старым докладом"); вероятно, были выступления Е.Д.Поливанова на ту же тему и в других научных учреждениях (например, В.Б.Атекарь и И.К.Кусикьян в прениях на дискуссии говорили, что они слышали похожий доклад весной 1928 г.). Как бы то ни было, ясно одно, что Е.Д.Поливанову удалось апробировать свой доклад, может быть в разных вариантах, среди научной общественности Москвы и Баку и, наконец, выступать с ним в "самой гуще противников" — подсекции материалистической лингвистики Института языка и литературы Коммунистической академии, ставшей к тому времени идеологическим оплотом марризма. В своих докладах 1927—1928 гг. Е.Д.Поливанов дал в суммарном виде критику яфетической теории Н.Я.Марра, а ее создателя объявил "шарлатаном в науке" (в докладе же 1929 г. — "невеждой").

В своем "Письме в редакцию" газеты "Вечерняя Москва" по поводу ее публикации от 1 марта 1929 г. материалов диспута в Комакадемии, поданных в клеветнической форме в рубрике "Классовая борьба в науке" под названием "Кто травит академика Марра", Е.Д.Поливанов писал, что "решение выступить с докладом (в Комакадемии. — *Л.К.*), посвященным критике ф а к т и ч е с к о г о материала яфетической теории ак. Марра было м н о ю принято вполне единолично без всякого содействия с чьей-либо стороны"[23]. Е.Д.Поливанов обратился к Г.К.Данилову, будущему организатору группы "Языкфронт", который учился в академии и пользовался авторитетом в партийных кругах, с предложением прочитать доклад на тему "Проблема марксистского языкознания и яфе-

---

[22] См., например, СОЯ, с.20—27; *Леонтьев А.А.* Евгений Дмитриевич Поливанов и его вклад в общее языкознание. М., 1983, с.26—28; *Genty C.* Entre l'histoire et le mythe. E.D.Polivanov 1891—1938. — Cahiers du monde russe et soviétique. T.XVIII. № 3. 1977, p.275—303; *L'Hermitte R.* Marr, marrisme, marristes. Une page de l'histoire de la linguistique soviétique. Science et perversion idéologique. Paris, 1987; *Алпатов В.М.* История одного мифа. Марр и марризм. М., 1991.

[23] См. *Ларцев В.* Евгений Дмитриевич Поливанов..., с.85. Там же см. текст статьи о "поливановской" дискуссии, опубликованный в "Вечерней Москве" (с.83—85).

тическая теория", на что было получено согласие. Е.Д.Поливановым были подготовлены и размножены на ротаторе тезисы доклада[24].

4 февраля 1929 г. в стенах Коммунистической академии в Москве на ул.Волхонка, 14 началась дискуссия, вошедшая в историю как "поливановская". Дискуссия продолжалась три дня с перерывом.

В первый день, 4 февраля, председательствовал В.М.Фриче, открывший дискуссию. Доклад Е.Д.Поливанова продолжался около четырех часов, не считая перерыва. Для выступлений в прениях по докладу записалось 23 человека, выступило же меньше (17). В имеющейся в Архиве АН СССР (Москва) стенограмме зафиксированы следующие выступления ("звездочкой" после фамилии отмечены лица, которые не слышали самого доклада Е.Д.Поливанова, а пользовались его стенограммой, возможно, не правленной и сокращенной, и тезисами доклада). Так, в первый день после доклада Е.Д.Поливанова выступила только Р.О.Шор (профессор 1 МГУ). Кроме того, реплики во время доклада делали В.М.Фриче и В.Б.Аптекарь, а также Ф.Девлеткильдеева (преподавательница татарского языка в Иннарвосе). Стенограмма первого дня почти целиком публикуется в данном томе.

Во второй день, 18 февраля, заседание вел В.Б.Аптекарь, который вначале предоставил слово для краткой справки Е.Д.Поливанову (текст ее публикуется). Затем в прениях выступило девять человек: И.Цитайшвили (лаз [чан], аспирант Иннарвоса), Б.М.Гранде (преподаватель Московского института востоковедения, арабист), А.А.Холодович* (аспирант ЛГУ, японист), Н.С.Державин* (декан факультета языка и литературы ЛГУ, профессор, славист), И.И.Мещанинов (преподаватель яфетидологии в ЛГУ), А.Зарецкий (профессор Московского педагогического института, русист), Н.Ф.Яковлев* (профессор Иннарвоса, кавказовед), И.Г.Франк-Каменецкий* (профессор ЛГУ, семитолог), В.Б.Аптекарь (бравший слово дважды: после выступления Е.Д.Поливанова и в самом конце заседания).

На заключительном заседании 25 февраля в прениях участвовало восемь человек: И.К.Кусикьян (преподаватель Иннарвоса), В.Б.Аптекарь (выступавший дважды: со справкой и после выступления Г.А. Ильинского с репликой), Л.И.Жирков (профессор Московского института востоковедения, кавказовед, иранист), А.П.Рябов (мордвин, аспирант Иннарвоса), Г.И.Ильинский (профессор 1 МГУ, славист; текст его выступления с сокращениями публикуется здесь в примеч.111 к стенограмме), В.К.Никольский (историк первобытной культуры), Охитович* (из Института красной профессуры), И.Д.Дмитриев-Кельда (удмурт, аспирант Иннарвоса). В стенограмме выступления Охитовича и в сообщении о дискуссии в газете "Вечерняя Москва" от 1 марта 1929 г. упоминается еще фамилия П.Юшкевича, будто бы выступившего до В.К.Никольского с критикой учения Н.Я.Марра, но в имеющемся у нас экземпляре стенограммы текста нет. В том же хроникальном сообщении в "Вечерней Москве" упоминается, что выступить в прениях записался председатель бывшего Религиозно-философского общества Столпнер, "но, оглядев взором молодую аудиторию и не обнаружив среди смятых косовороток и потрепанных толстовок ни митрополита Антония, ни даже

---

[24] Два экземпляра этих тезисов (машинопись, 2 л.) хранятся в Ленинградском отделении Архива АН СССР и в рукописном отделе Государственной публичной библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Впервые они опубликованы в СОЯ, с.176—177.

Мережковского, [он] грустно поник лысой головой, безнадежно махнул рукой... и не стал говорить"[25]. После всех выступлений председательствовавший на заседании В.М.Фриче предоставил трибуну для заключительного слова Е.Д.Поливанову (текст публикуется в настоящем томе). Затем В.М.Фриче подвел итоги дискуссии.

Оценивая выступления в прениях в целом, можно констатировать, что в них было мало высказано конструктивного в ответ на критику, содержащуюся в докладе. Одни из выступавших (прежде всего нелингвисты и молодые национальные кадры, приехавшие учиться в Москву) действительно пребывали под гипнозом яфетической теории и потому с пафосом, но, как правило, декларативно защищали ее; другие, будучи компетентными лингвистами и понимая псевдонаучность этой теории, не нашли в себе мужества в открытую критиковать ее. Е.Д.Поливанов всячески отговаривал своих сторонников выступать в его поддержку: он все удары оппонентов решил взять на себя, предвидя, какие последствия со стороны марристов могут быть после этого. Не удалось ему убедить только Г.А.Ильинского, который единственный среди выступавших в дискуссии дал резко отрицательную оценку лингвистическим штудиям Н.Я.Марра.

Н.Я.Марр, как известно, на заседаниях не присутствовал, будучи в отъезде, т.е. критика в его адрес проходила мимо него, и отвечать на нее пришлось его адептам. Аудитория была разношерстной и лингвистически слабо подготовленной: авторитетных лингвистов было мало, зато присутствовало много неязыковедов и представителей молодежи разных национальностей из Иннарвоса, еще не овладевших тайнами науки о языке. Многие из выступавших во второй и последний дни, в том числе специально приехавшие для "защиты" учения Н.Я.Марра ученые и аспиранты из Ленинграда, не слышали самого доклада Е.Д.Поливанова, а пользовались не правленной им стенограммой. Сам докладчик выходил из зала заседаний во время выступлений некоторых ораторов и даже, по его собственному признанию (см. экскурс), во второй день ушел домой из-за скуки и некомпетентности выступавших. Поэтому Е.Д.Поливанов сам непосредственно не слышал их критики в свой адрес. Отсюда некоторая неразбериха и недопонимание взаимных позиций.

В общем, дискуссия была плохо организована и не всегда шла по тому руслу, по какому хотелось бы обеим сторонам. Порою бросались некорректные упреки, разгорались страсти. Например, историк П.Ф.Преображенский со своими подопечными тут же покинул зал заседаний после того, как докладчик назвал его "лакеем". Атмосфера, царившая на заседаниях при засилии малокомпетентных сторонников Н.Я.Марра, не была творческой. Да и доклад Е.Д.Поливанова, по мнению некоторых выступавших (по словам Н.Ф.Яковлева, "аргументы [докладчика] били мимо цели") был композиционно построен не очень удачно и несколько скомкан из-за регламента. Сам Е.Д.Поливанов надеялся выступить с двумя докладами: с "ревизией" "нового учения" о языке Н.Я.Марра и о построении "марксистского" (читай: социологического) языкознания. Но председательствовавший В.М.Фриче в ходе выступления Е.Д.Поливанова предложил ему объединить их в один.

У читателя может сложиться впечатление неоформленности некоторых аргументов в докладе Е.Д.Поливанова из-за недостаточно хорошей

---

[25] Цит. по: *Ларцев В.* Евгений Дмитриевич Поливанов..., с.84—85.

и неавторизованной стенографической записи и отсутствия ряда важных иллюстративных примеров, которые докладчик приводил на классной доске и которые, естественно, не нашли отражения в стенограмме.

Однако сам дух доклада и конкретные разительные примеры, если их выстроить в логической последовательности, действительно мало что оставляли от учения Н.Я.Марра. На замечания о якобы неудачном построении доклада Е.Д.Поливанов реагировал следующим образом: "Меня упрекали в том, что вместо целостного анализа яфетической теории, как некой системы, я занимался указыванием отдельных противоречий фактам. Но ведь в этом-то все и дело. Нельзя стрелять из пушки по воробьям. Критиковать яфетидологию, как систему, это значило бы принять ее всерьез; между тем, в задачу специалиста здесь, прежде всего, входило показать то отсутствие элементарного фактического фундамента, которое заставляет нас проходить мимо яфетидологии не из-за ее общих положений, а из-за ее материала" (см. экскурс).

В докладе была показана некомпетентность Н.Я.Марра в вопросах лингвистики, вселялось сомнение в непогрешимости материала и методов, которыми пользовался "корифей советского языкознания". Конечно, подчеркиваем еще раз, в докладе Е.Д.Поливанова было много полемических приемов, иногда, быть может, перехлестов и неточностей, но пафос выступавшего был направлен на развенчание непоколебимой веры в авторитет Н.Я.Марра как лингвиста и его фантазий. Зерно сомнения было брошено им — и это главное! Это был акт гражданского мужества, который вошел в историю советского языкознания как яркая страница борьбы с марризмом и который оказался пророческим в отношении "нового учения" о языке Н.Я.Марра спустя десятилетия...

СОДЕРЖАНИЕ

Из материалов "поливановской" дискуссии
в Коммунистической академии. Февраль, 1929 г.
Архивная публикация.

Научное издание

ПОЛИВАНОВ Евгений Дмитриевич

Избранные работы

ТРУДЫ ПО ВОСТОЧНОМУ И ОБЩЕМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ

Утверждено к печати
Институтом востоковедения АН СССР

Заведующая редакцией *В.Д.Подберезская*
Редактор *Г.А.Давидова*
Младшие редакторы *Л.Б.Годунова, Д.Ш.Хесина*
Художник *Л.Л.Михалевский*
Художественный редактор *Б.Л.Резников*
Технические редакторы *О.В.Власова, М.Г.Гущина*
Корректор *Е.В.Карюкина*

ИБ № 16688

Сдано в набор 19.03.90. Подписано к печати 14.03.91
Формат $60\times88^{1}/_{16}$. Бумага офсетная № 1
Печать офсетная. Усл. п.л. 39,0. Усл. кр.-отт. 39,0
Уч.-изд. л. 38,97. Тираж 3000 экз. Изд. № 7045
Зак. № 80. Цена 5 руб.

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

3-я типография издательства "Наука"
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28